МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА
ТУВИНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Б.И. ТАТАРИНЦЕВ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Том IV

М, Н, О, Ө, П

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *Д.А. Монгуш*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2008

УДК 801.32.2
ББК 83.3(2Рос-Туви)
Т12

Рецензенты

кандидат филологических наук *Ч.М. Доржу*
кандидат филологических наук *М.В. Бавуу-Сюрюн*

Утверждено к печати Ученым советом
Тувинского института гуманитарных исследований
при Правительстве Республики Тыва

Татаринцев Б.И.

Т12 Этимологический словарь тувинского языка / Б.И. Татаринцев. — Новосибирск: Наука, 2008. — 442 с. (Т. IV: М, Н, О, Ө, П).

ISBN 978–5–02–032160–1 (Т. IV).
ISBN 5–02–032304–7.

Словарь — результат многолетней работы автора в области тувинской (тюркской) этимологии. В нем на основе структурных характеристик и звуковых особенностей слов анализируется происхождение корневой лексики тувинского языка. Исследуются фонетические, словообразовательные и семантические аспекты.

Для тюркологов, историков, преподавателей, студентов.

Без объявления

УДК 801.32.2
ББК 83.3(2Рос-Туви)

ISBN 978–5–02–032160–1 (т. IV)
ISBN 5–02–032304–7

© Б.И. Татаринцев, 2008
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2008

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА. ИСТОЧНИКИ

АА — Аксагалдай ашак. Тыва хуулгазын тоолдар. — Кызыл, 1992. — Т. 1.

Абаев — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — М.; Л., 1958–1989. — Т. I–IV.

АГ — Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. — М., 1962.

АДЛ — Азәрбајҹан дилинин диалектоложи лүгәти. — Бакы, 1964.

АИ — Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М., 1966.

Айдаров — Айдаров Т. Проблемы диалектной лексикологии и лингвистической географии. — Алма-Ата, 1991.

Алтан тобчи — Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. — М., 1973.

Аманжолов — Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. — Алма-Ата, 1959.

Антонов — Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск, 1971.

Арсланов — Арсланов Л.Ш. Язык карагашей-ногайцев Астраханской области. — Набережные Челны, 1992.

Ахметьянов. ОЛДК — Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1981.

Ахметьянов. ОЛМК — Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1989.

Ахметьянов. Ср. исследование — Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. — М., 1978.

АЭ — Алтайские этимологии. — Л., 1984.

БА — Бора-Шокар аъттыг Боралдай. Маадырлыг тоол. — Кызыл, 1983.

Базарова, Шарипова — Базарова Д.Х., Шарипова К.А. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана. — Ташкент, 1990.

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. — М., 2001–2002. — Т. I–IV.

Баскаков 1951 — Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. — М.; Л., 1951. — Т. I.

Баскаков 1966 — Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (тубакижи): Грамматический очерк и словарь. — М., 1966.

Баскаков 1972 — Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (кумандыкижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. — М., 1972.

Баскаков 1979 — Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. — М., 1979.

Баскаков 1985а — Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М., 1985а.

Баскаков 1985б — Баскаков Н.А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). — М., 1985б.

Бертагаев. Лексика — Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. — М., 1974.

Бертагаев. МС — Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. — М., 1969.

Бётлингк — Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1989.

Бирюкович — Бирюкович Р.М. Лексика чулымско-тюркского языка. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984.

Благова. БН — Благова Г.Ф. «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. — М., 1994.

Боровков 1961 — Боровков А.К. «'Бада' и 'ал-лугат'». Словарь Тāли 'Имāни Гератского к сочинениям Алишера Навои. — М., 1961.

Боровков 1963 — Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. — М., 1963.

БРС — Башкирско-русский словарь. — М., 1996.

БТ — Баазанайның тоолдары. — Кызыл, 1980.

Будаев 1978 — Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. — Новосибирск, 1978.

Будаев 1992 — Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты: (Опыт диахронического изучения). — Новосибирск, 1992.

БурРС — Бурятско-русский словарь. — М., 1973.

Бhh — Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. — Өфө, 1987. — Т. 3.

БЭС — Большой энциклопедический словарь. — М.; СПб., 1998.

Вайнштейн — Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. — М., 1972.

ВАЯ — Вопросы алтайского языкознания. — Горно-Алтайск, 1988.

Вербицкий 1 — Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — Казань, 1884.

Вербицкий 2 — [Вербицкий В.] Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — 2-е изд. — Горно-Алтайск, 2005.

Владимирцов. Монгольский сборник — Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР. — Л., 1925. — Т. V, вып. 2.

Владимирцов. Общественный строй — Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. — Л., 1934.

Владимирцов. Ср. грамматика — Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. — Л., 1929.

Владимирцов. Турецкие элементы — Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. Вост. отд-ния имп. Русского географического общества. — СПб., 1911 (отд. оттиск). — Т. XX, вып. 2–3.

ВТФ — Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983.

ВТЯ — Вопросы тувинского языкознания. — Кызыл, 1993.

ВЯ — Вопросы языкознания.

Габышева — Габышева Л.Л. Функции числительных в мифологическом тексте на материале олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири. — Якутск, 1988.

Гамкрелидзе, Иванов — Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Кн. 2.

Гарипова — Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия. — Казань, 1998. — Кн. 1.

ГАЯ — Грамматика алтайского языка / Сост. членами Алтайской Миссии. — Казань, 1869.

Голст. — Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. — СПб., 1893–1895[1].

Гребнев — Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос. — М., 1960.

Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1994. — Т. I–IV.

ДБХ — Далай-Байбың хаан. — Кызыл, 1994.

Девяносто лет — 90 лет Н.А. Баскакову. — М., 1996.

Дёрфер — Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. — Wiesbaden, 1963–1975. — Bd I–IV.

ДЛТЯС — Диалектная лексика тюркских языков Сибири. — Новосибирск, 1987.

Дмитриев. СТЯ — Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. — М., 1962.

Дмитриева — Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. — Л., 1981.

Доржу — см. ЛМТЯ.

Доржу 2002 — Доржу М.Д. Бай-тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. — Кызыл, 2002.

[1] В первом томе «Этимологического словаря тувинского языка» в отличие от второго, третьего и четвертого сокращение «Голст.» относится к более позднему изданию указ. «Монгольско-русского словаря».

ДСБЯ — Диалектологический словарь башкирского языка. — Уфа, 2002.
ДСЯС — Диалектологический словарь языка саха. — Новосибирск, 1995.
ДСЯЯ — Диалектологический словарь якутского языка. — М., 1976.
ДТС — Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
ДХЯ — Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973.
Дыбо — Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). — М., 1996.
Дыренкова — Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. — М.; Л., 1940.
Жамбал-сурэн — Жамбал-сурэн Н. Тибетские слова в монгольском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1961 (рукопись).
Жаримбетов — Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. — Нукус, 1980.
ЗТ — Зарубежная тюркология. — М., 1986. — Вып. 1.
Иванов — Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. — Новосибирск, 1993.
Иллич-Свитыч 1971 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Введение. Сравнительный словарь (b – k̇). — М., 1971.
Иллич-Свитыч 1976 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (l – ʒ̇). Указатели. — М., 1976.
Иллич-Свитыч 1984 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (p – q). — М., 1984.
ИМЧЯ — Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. — М., 1976.
ИОЭАЯ — Исследования в области этимологии алтайских языков. — Л., 1979.
ИП — Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. — М., 1961.
ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961.
Ишбердин — Ишбердин Э.Ф. Наименования птиц в башкирских говорах // Вопросы башкирского языкознания. — Уфа, 1973.
Кажибеков — Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: (Явление синкретизма). — Алма-Ата, 1989.
Казакевич — Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. — Л., 1936.
КазРС — Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. — Алма-Ата, 1989.

Кайдаров — Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. — Алма-Ата, 1986.
КалмРС — Калмыцко-русский словарь. — М., 1977.
Кара-оол — Кара-оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке. — Кызыл, 2006.
КБРС — Карачаево-балкарско-русский словарь. — М., 1989.
КЛА — Кенин-Лопсан М. Алгыши тувинских шаманов. — Тыва хамнарның алгыштары. — Кызыл, 1995.
Козин. СС — Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — М.; Л., 1941.
Кононов. ГЯТРП — Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. — Л., 1980.
Кононов. Родословная туркмен — Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. — М.; Л., 1958.
Коркина — Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. — Новосибирск, 1992.
Кормушин 1997 — Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. — М., 1997.
КРС — Киргизско-русский словарь. — М., 1965.
ЛМТЯ — Лексика и морфология тюркских языков. — Новосибирск, 1982.
ЛРДИВ — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока // Материалы к дискус. на Междунар. конф. — М., 1989. — Ч. 1.
Малов. Лоб. — Малов С.Е. Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. — Фрунзе, 1956.
Малов. УНС — Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. — М., 1961.
Малов. УЯ — Малов С.Е. Уйгурский язык: Хамийское наречие. — М.; Л., 1954.
Малов. ЯЖУ — Малов С.Е. Язык желтых уйгуров: Словарь, грамматика. — Алма-Ата, 1957.
Манжигеев — Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — М., 1978.
Менгес — Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». — Л., 1979.
МК — Словарь Махмуда Кашгарского (по «Древнетюркскому словарю»); см. ДТС.
МК И — Девону луготит турк. Индекс-лугат. — Тошкент, 1967.
МЛС — Монгольский лингвистический сборник. — М., 1992.
Монгуш 1973 — Монгуш Д.А. Сокращенная форма личных имен в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. — Кызыл, 1973. — Вып. XVI.
Монгуш 1983 — Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983.

Монгуш 1998 — Монгуш Д.А. Частицы как компонент аналитических сказуемых: (На материале тувинского языка) // Языки коренных народов Сибири. — Новосибирск, 1998. — Вып. 4.

МРС — Монгольско-русский словарь. — М., 1957.

Мудрак — Мудрак О.А. К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // Вопросы чувашской фонетики и морфологии. — Чебоксары, 1986.

Мурзаев. Словарь — Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.

Мусаев — Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. — М., 1975.

Наджип. ИТЯ — Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. — М., 1989.

Наджип. ХШ — Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века на материале «Хосрау и Ширин» Кутба. — М., 1979. — Кн. 1.

Ондар. СПС — Ондар Н.М. Словарь парных слов тувинского языка (рукопись).

Опыт — Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. — Казань, 1903.

ОРС — Ойротско-русский словарь. — М., 1947.

ОСЛАЯ — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. — Л., 1972.

ОСМАЯ — Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. — Л., 1978.

ОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2000.

ПДТП — Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.; Л., 1951.

Пек. — Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. — [Б. м.], 1959. — Т. I–III (фототип.).

ПМЯ — Проблемы монгольского языкознания. — Новосибирск, 1988.

ПОАЯ — Проблемы общности алтайских языков. — Л., 1971.

Поляков — Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. — Новосибирск, 1987.

Попов — Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. — Якутск, 1986.

Попов. ЭС 1. — Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. — Новосибирск, 2003. — Ч. 1: А — Дь.

Поппе. Мук. — Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб / Труды Института востоковедения. — М.; Л., 1938. — Т. XIV, ч. I–II.

Поппе. Сол. — Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. — Л., 1931.

Потанин — Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1881. — Вып. II.

ПЭТЯ — Проблемы этимологии тюркских языков. — Алма-Ата, 1990.

Рамазанова — Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке. — Казань, 1991.

Рамстедт — Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. — М., 1957.

Рассадин. МБЗ — Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М., 1980.

Рассадин. Морфология — Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М., 1978.

Рассадин. Очерки — Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. — М., 1982.

Рассадин. Присаянская группа — Рассадин В.И. Присаянская группа бурятских говоров. — Улан-Удэ, 1996.

Рассадин. Словарь — Рассадин В.И. Словарь современного тофаларского языка (рукопись).

Рассадин. Становление — Рассадин В.И. Становление говора нижнеудинских бурят. — Улан-Удэ, 1999.

Рассадин. Фонетика — Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ, 1971.

Рассадин. Этимология — Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // Исследования бурятских и русских говоров. — Улан-Удэ, 1977.

Рахимов — Рахимов Т.Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. — М., 1970.

РМС — Русско-монгольский словарь. — М., 1960.

РСл. — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1893–1911. — Т. I–IV.

РТС — Русско-тувинский словарь. — М., 1980.

РФ ТНИИЯЛИ — Рукописный фонд Тувинского НИИ языка, литературы и истории.

Рясянен. Материалы — Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. — М., 1955.

Садвакасов 1970 — Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. — Алма-Ата, 1970. — [Ч. 1]: Очерк фонетики, тексты и словарь.

Садвакасов 1976 — Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. — Алма-Ата, 1976. — [Ч. 2]: Лексика, морфология и языковая интерференция.

Санжеев. Глагол — Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. — М., 1964.

Санжеев. Ср. грамматика — Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — М., 1953. — Т. I.
Сат, Салзыңмаа — Сат Ш.Ч., Салзыңмаа Е.Б. Амгы тыва литературлуг дыл. — Кызыл, 1980.
СБРС — Рассадин В.И. Сойотско-бурятско-русский словарь. — Улан-Удэ, 2003.
Серебренников, Гаджиева — Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1986.
СИГТЯ Л — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М., 1997.
СИГТЯ М — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988.
СИГТЯ Пр — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. — М., 2006.
СИГТЯ Р — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. — М., 2002.
СИГТЯ Ф — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. — М., 1984.
СОХ — Сунчугашев Р.Д. Словарь оронимии Хакасии. — Абакан, 2001.
ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1975. — Т. I; 1977. — Т. II.
СТ — Советская тюркология (Баку).
Старостин — Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.
Старостин. СЕЯ — Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. — М., 1995.
СТТГА — Молчанова О.Т. Структурные типы топонимов Горного Алтая. — Саратов, 1982.
Татаринцев 1976 — Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. — Кызыл, 1976.
Татаринцев 1977 — Татаринцев Б.И. Местные географические термины Северо-Восточной Тувы // СТ. — 1977. — № 5.
Татаринцев 1987 — Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. — М., 1987.
Татаринцев 1988 — Татаринцев Б.И. О специфике семантической реконструкции в условиях отдаленности значений многозначных слов // СТ. — 1988. — № 1.
Татаринцев 1998 — Татаринцев Б.И. Тувинское горловое пение: Проблемы происхождения. — Кызыл, 1998.
ТатРС — Татарско-русский словарь. — М., 1966.
Таубе — Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. — М., 1994.
ТГС — Тувинские героические сказания. — Новосибирск, 1997.
ТД — Сат Ш.Ч. Тыва диалектология. — Кызыл, 1987.

ТДДА — Тыва дыл дугайында ажылдар. — Кызыл, 1964.
ТДЭС — Бартан О.О. Тыва дылда эмнелге сөзүлүгү. — Кызыл, 2004.
Тенишев. Сал. — Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. — М., 1976.
Тенишев. С.-югур. — Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. — М., 1976.
Тенишев. УДС — Тенишев Э.Р. Уйгурский диалектный словарь. — М., 1990.
ТЛЛ — Тюркская лексикология и лексикография. — М., 1971.
ТНС — Тувинские народные сказки. — Новосибирск, 1994.
Тодаева. Джангар — Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». — Элиста, 1976.
ТОС — Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Телеут-орус сөзлик. — Кемерово, 1995.
ТПЭИ — Теория и практика этимологических исследований. — М., 1988.
ТРС 1955 — Тувинско-русский словарь. — М., 1955.
ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь. — М., 1968.
ТРС-РТС — Рассадин В.И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. — Иркутск, 1995.
ТРФС — Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. — Кызыл, 1975.
ТС — Тюркологический сборник.
ТСГА — Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1979.
ТСТ — Ондар Б.К. Топонимический словарь Тувы. — Абакан, 2004.
ТСТЯ — Толковый словарь тувинского языка (рукопись).
ТСТЯ I — Толковый словарь тувинского языка. — Новосибирск, 2003. — Т. I.
ТТ 1951 — Тыва тоолдар. — Кызыл, 1951.
ТТ 1957 — Тыва тоолдар. — Кызыл, 1957.
Тугушева — Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюаньцзана. Фрагменты из Ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. — М., 1991.
Тумашева — Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. — [Казань, 1992].
ТуркРС — Туркменско-русский словарь — М., 1968.
ТурРС 1945 — Турецко-русский словарь / Сост. Д.А. Магазанник. — М., 1945.
ТурРС 1977 — Турецко-русский словарь. — М., 1977.
УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории.
УЗ ХакНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории.

УРС — Уйгурско-русский словарь / Сост. Э.Н. Наджип. — М., 1968.
Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1964–1973. — Т. I–IV.
Федотов — Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. — Чебоксары, 1980–1986. — Ч. I–III.
Федотов. ЭСЧЯ — Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1996. — Т. I, II.
Федотов 2002 — Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 2002.
ФТЯ — Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. — М., 2001.
Хабичев — Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. — М., 1989.
Харитонов — Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.; Л., 1954.
Хелимский 2000 — Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика: Лекции и статьи. — М., 2000.
ХРИЭС — Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. — Абакан, 1999.
ХРС — Хакасско-русский словарь. — М., 1953.
ЦУ — Цэцэгдарь Уламсурэнгийн. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. — Кызыл, 2003.
Цэвэл — Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. — Улаанбаатар, 1966.
Чадамба 1974 — Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. — Кызыл, 1974.
Чадамба 1977 — Чадамба З.Б. Некоторые группы лексических диалектизмов тувинского языка // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. — Кызыл, 1977.
ЧР — Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь (по современной прессе). — Л., 1937.
ЧРС — Чувашско-русский словарь. — М., 1982.
ЧЯА — Чувашский язык и алтаистика. — Чебоксары, 1995.
Шанский и др. — Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1971.
Шервашидзе 1989 — Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ. — 1989. — № 2.
Шервашидзе 1990 — Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // ВЯ. — 1990. — № 3.
ШРС — Шорско-русский и русско-шорский словарь. — Кемерово, 1993.
ШС — Шестиязычный словарь названий птиц Тувы и Западной Монголии. — Новосибирск, 1999.

Щербак 1970 — Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970.
Щербак 1977 — Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). — Л., 1977.
Щербак 1981 — Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). — Л., 1981.
Щербак 1987 — Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). — Л., 1987.
Щербак 1997 — Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). — СПб., 1997.
ЭС МГУ — Этимологический словарь русского языка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
ЭСРДС — Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. — Новосибирск, 2000.
ЭСРЗ — Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. — Новосибирск, 2003.
ЭСТЯ I — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974. — Т. I: Общетюркские и межтюркские основы на гласные.
ЭСТЯ II — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1978. — Т. II: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б».
ЭСТЯ III — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1980. — Т. III: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д».
ЭСТЯ IV — Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1989. — Т. IV: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ҷ», «Ж», «Й».
ЭСТЯ V–1 — Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1997. — Т. V, вып. 1: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ».
ЭСТЯ V–2 — Этимологический словарь тюркских языков. — М., 2000. — Т. V, вып. 2: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ».
ЭСТЯ VI — Этимологический словарь тюркских языков. — М., 2003. — Т. VI: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С».
ЭСЧЯ — Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964.
Яимова — Яимова Н.А. Табуированная лексика в алтайском языке. — [Горно-Алтайск, 1990].
ЯМВМ — Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. — М., 1981.

ЯМТЯ — Языки мира: Тюркские языки. — М., 1997.
ЯНС 1978 — Языки народов Сибири. — Кемерово, 1978. — Вып. 2.
ЯРС — Якутско-русский словарь. — М., 1972.
ЯФНС — Языки и фольклор народов Севера. — Новосибирск, 1981.
Donner — Donner K. Kamassisches Wörterbuch. — Helsinki, 1944.
ED — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. — Oxford, 1972.
EW — Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuch der Türksprachen. — Helsinki, 1969.
Grundwort — Doerfer G. Grundwort und Sprachmischung. — Wiesbaden, 1988.
Joki — Joki A. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. — Helsinki, 1952.
Kara — Kara G. Notes sur le dialecte oirat de la Mongolie Occidentale // Acta Orientalia. — Budapest, 1958. — T. VIII, fasc. 2.
Starostin — Starostin S.A. On vowel length and prosody in Altaic // Московский лингвистический журнал. — М., 1995. — Т. 1.
SW — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. — Helsinki, 1977.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

азерб.	— азербайджанский
алт.	— алтайский
анат.	— анатомическое
англ.	— английский
араб.	— арабский
арх.	— архаичный
ассан.	— ассанский
аф.	— аффикс, аффиксальный
балк.	— балкарский
бараб.	— барабинский диалект
башк.	— башкирский
бот.	— ботаническое
букв.	— буквально
бур.	— бурятский
вин. п.	— винительный падеж
возвр.	— возвратный
вопр.	— вопросительное
вост.	— восточный
вост.-монг.	— восточно-монгольский

[1] В список включены сокращения названий языков и диалектов, стилистических помет и некоторых грамматических терминов.

вост.-тюрк.	— восточно-тюркский
высок.	— высокий стиль
гаг.	— гагаузский
глаг.	— глагол, глагольный
грам.	— грамматический
греч.	— греческий
дат. п.	— дательный падеж
дерб.	— дербетский диалект ойратского языка
диал.	— диалектное
др.-булг.	— древнебулгарский
др.-греч.	— древнегреческий
др.-иран.	— древнеиранский
др.-кит.	— древнекитайский
др.-тюрк.	— древнетюркский
др.-уйг.	— древнеуйгурский
ед., ед. ч.	— единственное число
жен.	— женский лексикон (алт.)
зап.	— западный
знач.	— значение
иран.	— иранский
ист.	— историческое
исх. п.	— исходный падеж
каз.	— казахский
калм.	— калмыцкий
кар.	— караимский
караг.	— карагасский
кач.	— качинский диалект
кбалк.	— карачаево-балкарский
кирг.	— киргизский
кирг.-южн.	— южный диалект киргизского языка
кит.	— китайский
ккалп.	— каракалпакский
книжн.	— книжное
койб.	— койбальский диалект
кор.	— корейский
коттск.	— коттский
кр.-тат.	— крымско-татарский
кум.	— кумыкский
куман.	— куманский
куманд.	— кумандинский диалект
кызыл.	— кызыльский диалект хакасского языка
кыпч.	— кыпчакские языки
л.	— лицо
-л.	— -либо

ласкат. — ласкательное
лат. — латинский
леб. — лебединский диалект
лит. — литературное
лоб. — лобнорский
маньчж. — маньчжурский
мат. — математический термин
мед. — медицинский
межд. — междометие
межтюрк. — межтюркский
мест. — местоимение
мест. п. — местный падеж
метафорич. — метафорический
миф. — мифологическое
мн., мн. ч. — множественное число
многокр. — многократный вид
монг. — монгольский язык
монгол. — монгольские языки
морфол. — морфологический
напр. — например
направ. п. — направительный падеж
нар. — наречие, наречный
наст. — настоящее
негид. — негидальский
нем. — немецкий
нов. — новый
ног. — ногайский
обр. — образовательный
образн. — образное
общетув. — общетувинский
общетюрк. — общетюркский
огуз. — огузский
ойр. — ойратский
оруд. п. — орудный падеж
осет. — осетинский
относит. — относительный
отрицат. — отрицательный
п. — падеж
перен. — переносное
перс. — персидский
п.-монг. — старописьменный монгольский
под. — подобные
подражат. — подражательный
полигр. — полиграфическое

полит. — политическое
полов. — половецкий
почтит. — почтительный
поэт. — поэтическое
презр. — презрительное
пренебр. — пренебрежительное
прил. — прилагательное
примеч. — примечание
прост. — просторечное
против. — противительный
проч. — прочее
прош. — прошедшее
прям. — прямое
разг. — разговорное
редк. — редкое
рел. — религиозное
род. п. — родительный падеж
рус. — русский
саг. — сагайский диалект хакасского языка
сал. — саларский
семант. — семантический
сиб.-тат. — диалекты сибирских татар
сиб.-тюрк. — сибирско-тюркский
скр. — санскрит
служ. — служебное слово
см. — смотри
собир. — собирательное
совр. — современный
согд. — согдийский язык
сойот. — сойотский язык[1]
сол. — солонский
спорт. — спортивный
ср. — сравни
ср.-кит. — среднекитайский
ср.-кыпч. — среднекыпчакский
ср.-монг. — среднемонгольский
ср.-перс. — среднеперсидский
ср.-тюрк. — среднетюркский
ср.-уйг. — среднеуйгурский
ст.-монг. — старомонгольский
страдат. — страдательный

[1] Тюркский язык одной из групп населения Бурятии; зафиксирован и исследован В.И. Рассадиным. См.: Рассадин В.И. О сойотах и их языке // Мир Центральной Азии. Языки. Фольклор. Литература. — Улан-Удэ, 2002. — Т. IV, ч. 1. — С. 100–105; СБРС.

ст.-тат.	— старотатарский
ст.-тур.	— старотурецкий
ст.-узб.	— староузбекский
суф.	— суффикс
сущ.	— существительное
с.-югур.	— сарыг-югурский
тадж.	— таджикский
тат.	— татарский
твор. п.	— творительный падеж
театр.	— театральный термин
тел.	— телеутский диалект
техн.	— технический
тиб.	— тибетский
тоб.	— тобольский диалект
тодж.	— тоджинский диалект
торжеств.	— торжественный
тоф.	— тофаларский
тох.	— тохарский
туба	— тубаларский
тув.	— тувинский
тув.-тодж.	— см. тодж.
тув.-тоф.	— тувинско-тофаларский
тунг.	— тунгусский
тунг.-маньчж.	— тунгусо-маньчжурский
тур.	— турецкий
турк.	— туркменский
тюрк.	— тюркский
угор.	— угорский
узб.	— узбекский
уйг.	— уйгурский
указ.	— указательнос, указанный
уменьш.	— уменьшительный
усилит.	— усилительное
уст.	— устаревшее
уступ.	— уступительный союз
утв.	— утвердительный
филос.	— философское
финск.	— финский
фолькл.	— фольклорное
фонетич.	— фонетический
хак.	— хакасский
хим.	— химический термин
чаг.	— чагатайский
чалкан.	— чалканский диалект

чув.	— чувашский
чул.-тюрк.	— чулымско-тюркский
шахм.	— шахматный термин
шор.	— шорский
шумер.	— шумерский
шутл.	— шутливое
эвен.	— эвенский
эвенк.	— эвенкийский
этн.	— этнографический
юж.-сиб.	— южно-сибирский
юр.	— юридический термин
як.	— якутский
яп.	— японский

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

>	перешло в... (заимствовано в...)
<	заимствовано из... (возникло из...)
~	связано с...; вариант
?	сомнительно
*	реконструированная форма (значение)
→	изменение семантики

ТУВИНСКИЙ АЛФАВИТ

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё	Жж
Зз	Ии	Йй	Кк	Лл	Мм	Нн	ң
Оо	Өө	Пп	Рр	Сс	Тт	Уу	Үү
Фф	Хх	Цц	Чч	Шш	Щщ	ъ	Ыы
		ь	Ээ	Юю	Яя		

— М —

ма *частица* ‘на (возьми)’; **ма, ал** ‘на, возьми’.

Широко распространенная в тюрк. языках экспрессивная частица с семантикой побуждения взять что-л., часто употребляемая в сочетании с глаг. основой *ал* ‘возьми’ (см. выше); наиболее известен вариант с переднерядным гласным (*ме*) (см., в частности: ЭСЧЯ, *131*; Федотов 2002, *172*).

Твердорядный вариант фиксируется, кроме тув., также в алт., шор., узб. и некоторых других языках и, что важно отметить, в др.-тюрк. памятниках, в частности в МК: *ма ~ мах* ‘на, возьми!’ (ДТС, *334*, *335*; ED, *765*). Возможно, именно вариант типа *ма* следует считать первичным.

Ср. также башк. *мах-мах* — возглас подзыва собаки (БРС, *425*), каз. *мох* — межд., которым зовут лошадь к корму (Кайдаров, *261*).

Вероятна связь рассматриваемой частицы (~ межд.) со звукоподражат. основами. В этом плане может быть неслучайно ее сходство с рус. частицей *на* (возьми) (см.: Фасмер III, *33*).

У тюрк. *ма ~ ме* имеются также монгол. соответствия. В ЭСЧЯ приводится калм. *мә* ‘на, возьми!’, являющееся, скорее всего, вторичной формой: ср. п.-монг. *mai*, монг. *май*, бур. *маа* ‘на, нате’. Соответствия указ. частице в варианте *ма* (иногда с долготой) отмечены во всех тунг.-маньчж. языках (ССТМЯ I, *512*); он же фиксируется в енисейских, а также в северно-кавказских языках (лезгинское, аварское *та* ‘на, возьми’ и др.) (см.: Старостин. СЕЯ, *244*). При указ. фиксации тюрк. данные не приводятся, тогда как они могли быть в этой ситуации источником частицы.

маагы, маагыр ‘чесотка (у овец)’.

Тюрк. соответствия неизвестны, хотя они, возможно, существуют или существовали. Не исключено, что указ. формы имели монгол. происхождение. Во всяком случае, основа тув. *маагы, маагыр*, кажется, прослеживается в таких формах, как п.-монг. *тауаǰі- / маажих* ‘чесать, царапать, скрести’ и соответственно *тауаǰіуur / маажуур* ‘скребница, чесалка; чесотка’.

маагыр см. **маагы**.

маадыр ‘герой; богатырь, витязь’.

Известны общетюрк. соответствия *батыр ~ батур ~ патыр*..., обладающие вариантами с долгим гласным первого слога типа тув. *маадыр*. При этом долготы, вероятно, имеют разную природу в турк. *ба:тыр*, с одной стороны, и юж.-сиб. тюрк. языках (ср., напр., алт. *маатыр ~ баатыр*) — с другой. В первом случае долгий гласный, возможно, «первичный», а во втором, определенно, вторичный. Отметим, что тув. слово имеет также вариант с начальным *б*: *баадыр*. Знач. *батыр*... — ‘герой; богатырь; храбрец, удалец; силач, атлет; победитель’ и под. (ЭСТЯ II, *82*).

Большинство исследователей слово считает заимствованным, в основном — монгол., но собственно монгол. происхождение слова также не находит подтверждения, хотя вторичный монголизм в некоторых тюрк. языках имеет место. Существует также иран. (перс.) версия, которая едва ли более убедительна, нежели монгол. и, как было отмечено Э.В. Севортяном, «в последнее время не встречает сочувствия» (Там же, *83*), что, однако, является преувеличением, поскольку ссылки на иран. происхождение рассматриваемого слова встречаются и в совр. исследованиях (см., напр.: Щербак 1997, *25*), где применительно к тув. *маадыр* выстраивается следующая «родословная»: < монг. < тюрк. < перс. Ср. также: Попов. ЭС 1, *103–104*.

В указ. работе А.М. Щербака в принципе не вызывает сомнений монгол. источник для тув. слова, как и то обстоятельство, что в монгол. языки прототип этого слова проник из тюрк., но едва ли есть основание столь же уверенно говорить о том, что он имеет перс. происхождение.

Следует отметить, что выдвигаются и другие версии, истолковывающие *батыр*... как заимствование в тюрк. языках. Так, по Дж. Клосону, это слово восходит к личному имени одного из правителей хунну (ED, *313*), а согласно мнению Г. Дёрфера, — к древнему титулу правителя народа жужаней (Дёрфер II, *370*). Высказано также предположение о связи *батыр*... (в одном из его вариантов) с топонимом *Бактрия*, названием одного из древних государств на территории Средней Азии (Шервашидзе 1990, *90*). Однако подобные версии не получили сколько-нибудь широкого распространения, в связи с чем представляется логичным появление этимологий, согласно которым указ. слово в конечном итоге не является в тюрк. языках заимствованием как таковым. В частности, Э.В. Севортян склонялся к тому, чтобы рассматривать его как общеалт. достояние (ЭСТЯ II, *85*).

Выдвигаются и собственно тюрк. этимологии. По одной из них праформа слова — **bayatur*, а семантика типа ‘герой, богатырь’

не является для него первичной. Хотя далее указывается, что «этимология не выяснена», но тем не менее «определенно можно выделить... производящую основу *bay-* 'пасти, присматривать', от которой образовалось *bayatur* с первичным значением 'пастырь'» (СИГТЯ Л, *560*), с чем трудно согласиться, тем более, что этимология не доведена до конца.

Ограничимся тремя замечаниями. Во-первых, при первоначальном знач. 'пастырь' (или, может быть, 'пастух'?) остается непроясненным ход семант. развития слова и в конечном итоге — появление у него знач. 'герой' и подобных ему. Во-вторых, производящая глаг. основа дается в варианте *bay-*, который для соответствующей основы общетюрк. глаг. практически нехарактерен: основная его форма — *бак-* (*baq-*), означающая 'смотреть, присматривать, пасти' и т.д., в то время как *bay-* отмечен только в одном источнике (МК) (см.: ЭСТЯ II, *38–39*, а также **бакыла-**). В-третьих, указания в данном случае только производящей основы недостаточно для того, чтобы составить представление о структуре **bayatur* в целом и о ее, по всей вероятности, аф. части *-atur* в частности.

В свое время и нами была выдвинута собственно тюрк. версия происхождения слова *батыр*... (см.: СТ. — 1987. — № 4. — С. 90–96), которая, кажется, не привлекла внимания исследователей, но она, думается, содержит рациональное зерно и в основе своей не устарела. Поэтому ниже мы приводим данную версию (в сокращенном и уточненном варианте).

Следует сказать, что у автора тюрк. этимологии, приведенной нами ранее, имелись определенные основания для реконструкции праформы слова в виде **bayatur*. Соответствия последней отмечены в др.-уйг. памятнике (как часть имени собственного), хотя в большей степени этот вариант сохранился в монгол. источниках (ср. п.-монг. *bayatur*). В совр. тюрк. языках интересующее нас слово присутствует в основном в двухсложных вариантах типа *бāтур ~ бāтыр* и *батур ~ батыр*.

Вместе с тем едва ли следует соглашаться с традиционным представлением, согласно которому к **bayatur* восходят все тюрк. двухсложные варианты (как с кратким, так и с вероятным «первичным» долгим гласным первого слога типа турк.): ср. определения тюрко-монгол. *багатур* и тюрк. *батыр* как соответственно «полной» и «стяженной» форм (ЭСТЯ II, *84*). Думается, что эти формы отличаются друг от друга, скорее, морфологически, чем собственно фонетически, и на практике вторая в конечном итоге не сводима к первой. Можно сказать, что существовали два варианта праформы, первый из которых был идентичен или очень близок *багатур*, а второй — *батыр* или **ба:тыр*.

Из подобного представления фактически исходил и Э.В. Севортян, вычленявший из этих образований две производящих основы: *ба:т ~ бат* и *багат* (хотя и без указания их семантики), но только для первой из них указывавший тюрк. образования, в составе которых реализовалась указ. основа. К таковым он уверенно относил ккалп. *батын* 'смелый, решительный' и предположительно каз., ккалп. *батыл* 'отважный, дерзкий' (ЭСТЯ II, *84–85*; ср. также: EW, *66*).

В уйг. языке отмечен также глаг. *батни- ~ батна-* 'сердиться', производный от основы, соответствующей *батын*. В семант. плане ср. як. *баатыр ~ боотур*, которые употреблялись в знач. 'сердитый, свирепый' (откуда глаг. *баатырга- ~ боотурга-* 'разгорячиться, вспылить (о человеке); рассвирепеть (о звере)'[1], а также диал. 'неручной, дикий, резвый' (*батыр таба* 'неручной олень') (ДСЯЯ, *56*)). Можно предположить, что як. формы сохранили семантику слова *батыр ~ баатыр*, близкую к исходной, и звуковой облик с «первичной» долготой, аналогичной турк.

В кирг., каз. и ккалп. языках имеется глаг. основа *бат-* 'осмелиться, дерзать' (ЭСТЯ II, *78–79*), считающаяся одним из лексико-семант. вариантов общетюрк. глаг. *бат-* 'погружаться, тонуть'. Ср. также кирг. *батын-* 'дерзать, рисковать', узб. *ботин-* 'осмеливаться, посметь; решиться на что-л.'. По мнению Э.В. Севортяна, объединяющее, обобщающее знач. глаг. *бат-* можно определить как 'входить во что...', и оно как будто может быть прослежено и в семантике 'осмелиться, дерзать'. Нечто подобное наблюдается и в случае с содержательной стороной глаг. *кир-* 'входить; сходить, спускаться...; наступать, нападать, бросаться, вступать в бой; быть в ярости (о верблюде)' (ЭСТЯ III, *47–48*).

Указ. глаг. основа, по всей вероятности, и является производящей для *батыр*... < **бат-(ы)р*, где аф. *-(ы)р* связан с показателем причастной формы наст. — буд. времени. С его помощью образуются, в частности, имена со знач. признака, носителя процесса и др. (АИ, *340 и след.*). *Батыр ~ батур* первоначально означало 'дерзкий; свирепый' и под. и относилось как к человеку, так и к представителю фауны.

У основы *бат-* не фиксируется «первичная» долгота, но не исключено, что вариант с соответствующим гласным мог у этой основы существовать. В турк. языке, во всяком случае, отмечена основа *бат* [ба:т], которая означает 'размах, разлет, скорость, сила движения, взмах, взлет; сила, мощь' (ср. также турк. *бат-*

[1] См.: Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. — Якутск, 1980. — С. 48.

лы ‘бурный, сильный, размашистый; громкий’) и, возможно, является именным соответствием глагола *бат-* ‘осмелиться...’.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что основа *бат-* ‘осмелиться’ может быть членима. Существует, в частности, глаг. типа тат. *баз-* ‘проявлять смелость, осмеливаться, дерзать’, *базын-* ‘дерзать, отваживаться, показывать решимость, отвагу; рисковать’ (ср. *бат-* и *батын-*). Основа *баз-* имеет именное соответствие: ср. тат. фолькл. *баз*, истолковываемое как ‘богатырский спор; слова хвастовства перед поединком’ (Ахметьянов. ОЛМК, *105*).

Различия *бат-* и *баз-* носят, по-видимому, структурный характер: *-т-* и *-з-* являются в тюрк. языках аф. каузатива, а в данном случае могут представлять более раннюю, «дозалоговую» стадию развития этих формантов, когда они имели семантику интенсивной многократности действия (Серебренников, Гаджиева, *210–211*) (возможно, с преобладанием компонента интенсивности). Эти формы позволяют говорить о реальности глаг. основы **ба-*, имевшей семантику ‘быть высоким, выделяться (размерами, силой и т.д.)’ и входящей в состав таких форм, как шор. *пак-*, хак. *пах-* ‘лезть, влезать, взбираться, карабкаться (вверх)’, алт. диал. (по В.Н. Вербицкому) *пак-* ‘лезть вверх (на гору, на дерево); усердствовать’, где *-к-* (> *-х-*) — аф. интенсива[1]. С *пак-*... связано, по-видимому, кирг. *бакый-* ‘быть громадным...’ (*бакыйган жигит* ‘здоровенный джигит’).

Соответствия *пак- ~ *бак-* прослеживаются в составе ряда образований (как и основа **ба-*: см., в частности, **баш**, а также **баар I**, **бат-**). На основании анализа некоторых производных форм можно говорить о существовании именной основы **бак ~ *баг* (< **ба-*): ср. др.-тюрк. *baqlan* < **baq-la-n* в *baqlan qozï* ‘упитанный ягненок’, ккалп. *баглан* ‘упитанный баран’, турк. *баггоюн* ‘откормленный скот’, *баговлак* ‘козленок, откормленный дома’ (с долготой в компоненте *баг*).

Реально также существование глаг. основы вроде **баг-а- ~ *баг-ы-* ‘выступать, выделяться чем-л.’, которую можно проследить в кирг. *баарлан* (? **баг-а-р-ла-н-*) ‘чваниться, мнить о себе’ и як. *багыдый-* ‘кичиться, зазнаваться’. Последнее свидетельствует об основе **багат-* (~ **багыт-*) ‘сильно, резко выделяться из числа других (в частности, с положительной стороны)’ при компоненте *-ый-*, который в многосложных глаг. основах як. языка «гораздо чаще оказывается связанным с предшествующим аффиксальным согласным, выполняя лишь роль некоего придатка или

[1] Ошибочно связывать эти формы с общетюрк. *бак-* ‘смотреть’, как это делается в ЭСТЯ II, *39*.

усилителя формы» (Харитонов, *76*). Возможно, в данном случае *-ый-* как раз и выступает в роли подобного усилителя.

Основа **бага-т-* (залоговая форма от **баг-а-*) структурно параллельна ранее выявленной **ба-т-* и соотносима с не вполне ясным компонентом *багат*, выделенным в качестве предполагаемой основы формы *багатур* Э.В. Севортяном, подобно тому как *батыр ~ батур* < **бат-*, *багатур* < **багат-*, а *-(у)р* — тот же формант, с помощью которого образовано *батыр ~ батур*.

Структура *багатур* могла выглядеть и несколько иначе: последнее, возможно, являлось производным от глаг. основы *ба-* в форме интенсива с аф. *-га-* (**ба-га-*); все остальные компоненты структуры слова те же, что и в ранее рассмотренной версии.

маадыржы- ‘становиться героем, проявлять геройство; строить, изображать из себя героя’; **маадыржыл** ‘геройство’; **маадырлан-** ‘вести себя геройски’; см. также **маадыржы-**.

Указ. формы связаны с *маадыр* ‘герой’, относимым к монголизмам (см. **маадыр**). Вместе с тем *маадыржы-* и *маадыржыл*, хотя их аф. компоненты: аф. *-жы-* < *-ши-* и *-л* — имеют также монгол. происхождение, скорее всего, не являются монгол. заимствованиями, поскольку их непосредственные соответствия в источниках не прослеживаются. Эти формы могли быть образованы в тув. языке из монгол. «строительного материала».

К монголизмам, скорее, может быть отнесено тув. *маадырлан-*: ср. монг. *баатарла-* ‘поступать, действовать храбро, доблестно, геройски; проявлять мужество; тратить огромную силу’. В тув. *маадырлан-* присутствует элемент переоформления: наличие *-н-*, аф. возвр. залога.

маадыржыл см. **маадыржы-**.

маадырлан- см. **маадыржы-**.

маажым ‘неторопливый, спокойный, медленный; уравновешенный’.

Непосредственных соответствий тув. *маажым* не обнаружено, однако, судя по облику слова и его семантике, оно может быть отнесено к тюрк. образованиям от глаг. основ с аф. *-ым*, являющимся довольно многозначным и образующим в числе других имена со знач. качества, которые отмечены и в др.-тюрк. памятниках (см.: АИ, *295–302*).

Думается также, что в тюрк. языках может быть найдена и исходная основа рассматриваемого слова. Она определенно обнаруживает общность с каз. **мау*, обозначающей, в частности, вялое, сонное настроение. Эту основу А.Т. Кайдаров видел в каз. *маубас* ‘вялый, инертный; несообразительный (человек)’, в котором вычленяется указ. **мау* и компонент *бас*, восходящий к каз. *бас* ‘голова’ (< *баш*) (Кайдаров, *259*; ср. также: РСл. IV, *1993*), и

которое сопоставимо с башк. диал. *маубаш* ‘несообразительный’ (Bhh, *131*). Ту же основу исследователь усматривает и в каз. *маужыра-* ‘пребывать в сонном состоянии’. Ее первоначальным вариантом является **маг*, в котором конечный согласный мог чередоваться с *ң*, о чем свидетельствует хак. *маңтыс* ‘спокойствие’ (ХРС, *102*; РСл IV, *2010*), структура которого предположительно выглядит как **маң* + -(ы)т + -(ы)ш (> *маңтыш*), где **маң* — именная основа, -(ы)т- — глаголообр. аф., -(ы)ш — формант, образующий отглаг. имена с отвлеченным знач.

Подобная основа реконструируется и для каз., где восстанавливается **маң*, означающая ‘нечто спокойное, степенное, солидное’ и реализуемая в составе сочетаний типа *маң каска* ‘очень спокойная сторожевая собака’[1] и некоторых производных форм (Кайдаров, *259*). В другом источнике (ДЛТЯС, *131*) каз. *маң* дается как самостоятельное слово с семантикой ‘неторопливый, спокойный’[2].

Основа или основы **маг ~ маң* связаны с представлением об определенной самодостаточности, а также с понятиями, смежными с последним (спокойствием, созерцательностью, инертностью и под.).

Можно полагать, что к числу образований, родственных с рассматриваемыми, принадлежит и кирг. *маашур ~ маашыр* ‘довольный, удовлетворенный’ (КРС, *508*), представляющее собой, вероятно, образование на -(*а*)*р* от глаг. основы **мааш-* ‘удовлетворяться; вполне успокаиваться’ или под. В свою очередь, последняя может восходить к исходной форме **магаш-* < **маг-а-ш-*, где **маг* — ранее реконструированная основа, -*а-* — глаголообр. аф., а -*ш-* по форме аф. взаимного залога, но в данном случае он, скорее, имеет иную семантику: напр. интенсивности и результативности (см.: СИГТЯ М, *322*).

Думается, по своей структуре кирг. *маашыр ~ маашур* довольно близко тув. *маажым* (**мааш-ым*), где **мааш-* может быть глаг. основой, соответствующей ранее указ. и означающей нечто вроде ‘быть [очень] спокойным’. Она может восходить как к **магаш-*, так и к **маңаш-* (см. выше об основе **маң*). См. также **оожум**.

маак *уст.* ‘цветная лента, служившая украшением традиционного тувинского головного убора (именуемого *маактыг бөрт*)[3].

[1] Неясен характер связи с указ. основой первого компонента словосочетания *маң төбет* ‘здоровенный кобель’, также включенного в рассматриваемый ряд.

[2] Ср. также основу **ман*, вычленяемую из каз. *манаура-* ‘пребывать в сонном, вялом состоянии’ (Кайдаров, *258*).

[3] О соответствующей реалии см.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 167–169.

Ср. тоф. *маак* ‘ремешок, которым подвязывают ичиги или унты на щиколотке’, с.-югур. *пагак*, обозначавшее ленту, с помощью которой привязывалась к поясу другая лента (с круглыми раковинами), служащая женским украшением, связанная с косой и носимая на спине (см.: Малов. ЯЖУ, *85*, *118*, *125*). Это же слово позднее засвидетельствовано в варианте *пагык* (*payyk*) со знач. ‘лента — часть женского украшения’ (Тенишев. С.-югур., *194*). Эти слова по своему происхождению представляют собой уменьш. форму с аф. -*ак ~ -ык* от основы типа тюрк. *баг ~ паг* ‘ремень; веревка’ и под. (**ба-* ‘привязывать’; см. **баг**). В тув.-тоф. *маак* отмечены образование вторичного долгого гласного и распространенный переход *б- > м-*.

С рассматриваемыми формами, возможно, родственно слово алт. «женского» языка *маак* ‘сапоги’ (ОРС, *107*) или ‘обувь с тиснением, из кожи коровы, хорошей выделки’ (Яимова, *127*). Родство этих слов допустимо с учетом знач. тоф. *маак*, обозначающего, собственно говоря, часть обуви, что предполагает в данном случае возможность метонимического переноса наименования от части к целому.

маанай *рел.* ‘мани’ (*название одной из буддийских молитвенных формул: имеется в виду общеупотребительное «Ом-мани-падмэ-хум»*); ‘молитва’; ‘надмогильный столбик, обернутый хадаком (см. **кадак**) или разноцветной тканью’; **мааный** см. **маанай**.

По этнографическим данным, словом *маанай* обозначались также флажки из разноцветной ткани, которые использовались в ламаистском погребальном обряде[1]. У *маанай* встречается вариант *мааный*, обозначающий в основном молитву или указ. выше молитвенную формулу.

Ср. с *маанай ~ мааный* алт. *мааны* ‘знамя’ (ОРС, *107*), як. *мааны* ‘честь, почет, уважение; любимый, нарядный’. По мнению Ст. Калужиньского, як. *мааны* заимствовано из скр. через тиб. и монгол. посредничество (см.: Попов, *70*). М. Рясянен относил як. слово и тув. *маанай* к числу монголизмов, прототип которых, в свою очередь, связан с скр., приводя при этом калм. и монг. соответствия со знач. ‘молитва’ (EW, *326*). Ср. п.-монг. *тапі* ‘драгоценность, талисман, жемчужина’; так называется употребительная у буддистов молитва «ом-мани-падмэ-хум» (Голст. III, *202*), монг. *маань* рел. ‘мани’ (название одной из буддийских молитвенных формул); ‘молитва’; поэт. ‘драгоценность; солнце’, бур. *маани* рел. ‘мани’ (род буддийских молитв), калм. *маань* рел. ‘мани; флажок, вымпел; талисман’.

[1] Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. — Л., 1975. — С. 101.

Тув. *маанай ~ мааный* в смысловом отношении ближе к монгол. соответствиям, нежели к алт. и як. *мааны*, но его звуковой облик претерпел более заметные изменения. Наиболее близок к оригиналу вариант *мааный*, где конечные *-ый* передают монгол. *и* в слове с заднерядным вокализмом. Вариант *маанай* представляет собой, кроме того, результат достаточно редкого для тув. форм расширения гласного последнего слога, что обусловлено позиционно (нахождением этого гласного после широкого долгого *а* предшествующего слога, ослаблением указ. гласного и уподоблением его по качеству гласному с долготой).

маанакайла- *тодж.* ‘ждать’. См. **мана-, манаакай**.

мааный см. **маанай**.

маас ‘слепень’.

Ср. тоф. *маас* ‘паут, овод’, хак. *маас* то же; диал. ‘муха’, чул.-тюрк. *маас* ‘муха’ (при *чылгы маазы* ‘овод’), шор. *маас* ‘овод’, алт. диал. (туба) *маас* ‘паут, овод’, чалкан. *маас* ‘овод’.

Н.Ф. Катанов сравнивал тув. *маас* (даваемое в знач. ‘овод’) с п.-монг. *maša* (без указания знач.) (см.: Опыт, *134*). Это же сопоставление фигурирует и в словаре М. Рясянена (EW, *329*), где формы типа *маас* (отмечено также алт. диал. *паас*) рассматриваются в одном ряду с каз. *маса* ‘комар’. В качестве соответствия этим тюрк. формам приводится п.-монг. *maša* ‘комар, москит; мошкара (насекомое из Индии)’ (по словарю О.М. Ковалевского[1]). Все эти формы считаются заимствованиями и возводятся (через языки-посредники) к скр. *maśaka* с неуказ. семантикой; ср. также уйг. (лоб.) *паша* ‘комар; муха’ < перс. (Малов. Лоб., *155*).

А.Т. Кайдаров сопоставляет *маас* ‘слепень’ с каз. *маса* (‘комар’) и уйг. *паша* ‘комар’, также считая все эти формы гомогенными друг с другом (Кайдаров, *90*). Е.А. Хелимский на основании самодийского (точнее — маторского) *māza* ‘слепень’ считает возможным реконструировать тюрк. форму типа **māsa*, предполагая, что она могла совмещать в себе долготу корневого гласного (как в тув. *маас* и подобных ему) и наличие гласного в ауслауте (как в каз. *masa*) и в то же время констатируя, что «в собственно тюрк. источниках такой формы нами не обнаружено» (Хелимский 2000, *316*).

Скорее всего, формы типа *маас ~ паас* не родственны *маша ~ маса ~ паша* и им подобным (ср., напр., узб. *пашша* ‘муха’, уйг. *пашша* ‘комар, муха’), трактовка которых как заимствований, вероятно, обоснована.

Долгота гласного в *маас...*, по всей вероятности, связана с обычным звуковым комплексом, куда входят гласные с интервокальным согласным (VCV), но который, по-видимому, не сохранился в совр. тюрк. языках (в частности, сиб.). Думается, что представление об этом звуковом комплексе может дать слово, предположительно, гомогенное с *маас...* и засвидетельствованное Махмудом Кашгарским в диалекте аргу, — *тиуиzуаq* (*муғузғак*); оно переводится как ‘насекомое наподобие пчелы’ или ‘оса’ (ср.: ДТС, *347, 646*; Наджип. ИТЯ, *44*). В более ранних источниках оно представлено (по-видимому, не вполне точно) в форме *мугургак* (*тиуиrуak*) ‘вид [большой] мухи’ (МК И, *181*; EW, *343*). В последнем из них слово дается без этимологии и даже без сопоставительных данных.

Дж. Клосон фиксирует это слово в варианте с согласным *z*, но также без соответствий как окказиональное, для которого он, однако, реконструирует производящую глаг. основу **тиğиz-* ‘жужжать, гудеть’ (ED, *766*), что допустимо в семант. отношении. Если исходить не только из др.-тюрк. формы, но и из совр. тюрк. *маас*, то структура *тиуиzуаq* могла бы выглядеть иначе: допустимо, что она является уменьш. формой от основы **тиуиz*, соотносительной с *маас...*, а аф. *-уаq* — более редким и древним вариантом диминутива *-аq* (*-ак*), фиксируемым, в частности, в др.-тюрк. памятниках (см.: Кононов. ГЯТРП, *96*, *104*).

В **тиуиz* определенно вычленяется звукоподражат. основа **тиу*, варианты которой, в том числе, возможно, и двухсложный, прослеживаются в глаг. типа узб. *мугра-*, полов. *муңра-* ‘мычать’ и подобным им. Эта основа варьирует по качеству как гласных, так и согласных: наиболее характерны широкие гласные *а* или *ө* (см.: ЭСТЯ II, *20–22*; ЭСТЯ VI, *39–41*). Отмечается, что подобные глаг. «обозначают, прежде всего, звуки, издаваемые дойными животными — коровами, овцами, и другими копытными и очень часто — их самцами, передаются также и звуки, издаваемые другими животными, птицами» (ЭСТЯ VI, *40*), а возможно, и насекомыми, которые издают низкие звуки типа гудения или жужжания. В связи с этим отметим чув. *макăр-* ‘петь (о пчелиной матке)’, соответствие общетюрк. *багыр-* ‘реветь; рычать’ и под. (ЭСТЯ II, *20*).

Исходную форму *маас ~ паас* можно представить в виде **буг-а-з ~ *муг-а-з* или подобным образом (ср. **тиуиz* < ? **тиу-и-z*), где **буг ~ *муг* — звукоподражат. основа, *-а-* — глаголообр. аф. и *-з* — формант, образующий отглаг. имена.

мага [аъ] *фолькл.* ‘великолепие, чудо’; **магазы-биле** [аъ-] ‘вдоволь, вволю, всласть’; **магалыг** [аъ] **1.** ‘великолепный, восхитительный; благодатный; трудолюбивый; очень подходящий для чего-л.; вкусный’; **2.** ‘очень, весьма’; **мага хан-** [аъ-] 1) ‘быть полностью

[1] См. также п.-монг. *maša* ‘род мошки’ (со ссылкой на тот же источник) (Голст. III, *208*). В совр. источниках соответствий этой формы нами не обнаружено.

удовлетворенным чем-л.'; 2) *присоединяясь к другим глаголам в деепричастной форме, показывает совершение действия до полной удовлетворенности им* (ср. **көрүп мага хан-** 'наглядеться').

Ср. тоф. *маъһа* 'веселье, похвала'; *маъһала-* 'веселиться, развлекаться; делать добро'; *маъһалыг* 1. 'веселый; красивый, симпатичный; отличный, превосходный, заслуживающий похвалы'; 2. 'весело' (ТРС-РТС, *44*); алт. *макалу* 'прекрасно!, хорошо!' (ОРС, *108*), *мака* 'чувство мести, месть, злоба' (*макам канды* 'я отомстил'); хак. *маха ~ паха* 'злорадство, жажда мести' (*махам ханды* 'я удовлетворен местью') (ХРИЭС, *60*), *маха* 'месть, злоба' (*махам ханды* 'я отомстил') (ХРС, *104*); алт. диал., хак. диал. *макка* 'чувство мести, месть, злоба' (*маккам канды* 'я отомстил') (РСл. IV, *1996*).

Ср. также п.-монг. *baq-a*, монг. *бах* 'восхищение, радость; гордость, желание, охота; удовольствие, удовлетворение, наслаждение'; *baqa qana- / бах ханах* а) 'веселиться; удовлетворяться, получать удовлетворение'; б) 'злорадствовать, торжествовать над кем-чем-л.' *baqatai / бахтай* 1. 'желанный; радующий, привлекательный, симпатичный; радостный, радушный; замечательный'; 2. 'охотник до чего-л., любитель чего-л.' (БАМРС I, *238–239*).

Приводимые выше формы, вероятно, монгол. происхождения, частично переоформленные: ср., в частности, тув. *магалыг*, тоф. *маъһалыг*, алт. *макалу* с монгол. *bakatai / бахтай*. Не исключено, что, в свою очередь, монгол. *baqa / бах* и другие формы имеют тюрк. происхождение (о чем, кажется, могут свидетельствовать тув. и тоф. формы, не имеющие монгол. соответствий; ср. в этом плане *магазы-биле*).

В алт. и хак. языках монгол. влияние выражено слабее, но более определенно. В них было, вероятно, заимствовано только монгол. выражение типа *baq-a qana-* с семантикой, подобной 'злорадствовать' и с заменой монгол. двухсложного варианта глаг. основы на односложный тюрк. (*кан- ~ хан-*), как это имело место и в случае с тув. *мага хан-*. Исходя из этого выражения, были определены знач. имени *мака ~ макка ~ маха* (*паха*): 'злорадство' и под.

мага-бот [аъ-] *анат.* 'тело'.

Ср. др.-уйг. *maxabut* (< скр. рел. *mahābhūta* 'четыре великих универсальных первоэлемента (земля, огонь, вода, ветер)' (ДТС, *338*), п.-монг. *maqabud*, монг. *махбод* 'элемент, стихия; тело, организм; материя'. В свою очередь, монгол. слово считается скр. (БАМРС II, *328*) или тиб. (ЧР, *422*) заимствованием, но, возможно, оно вошло в монгол. языки через др.-уйг. Во всяком случае, Б.Я. Владимирцов отмечал, что это слово проникло в них из скр. через языки-посредники. Он указывал также, что

заимствованная форма подверглась модификации под влиянием народной этимологии, констатируя появление совр. варианта *mixa-bod* вместо *maxabud* и осмысление компонентов этого наименования как *miχa > махха* 'мясо'[1] и *boda > боддо* 'предмет, существо, материя' (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *420*).

Тув. *мага-бот* принадлежит к числу монголизмов (притом, довольно поздних) и при его освоении монгол. слово также было частично переосмыслено: во всяком случае, компонент *бот* воспринимается как восходящий к названию тела (телосложения) (см. **бот**), а *мага-* — как слово со знач. 'мясо', о чем свидетельствует тув. *эът-бот* 'тело', также восходящее к монг. прототипу типа *махбод* и являющееся калькой последнего: *эът* ('мясо') есть перевод монг. *мах*(*ан*); см. **эът**, **эът-бот**, а также **маган**.

магада- [аъ] 'восхищаться, восторгаться, удивляться'; **магадал** [аъ] 'восхищение, восторг, удивление, любование'; **магаданчыг** [аъ] 'восхитительный, удивительный'; **магазын-** [аъ] см. **магада-**; **магазынчыг** [аъ] см. **магаданчыг**.

Глаг. основа *магада-* монгол. происхождения, что можно также сказать и об имени *магадал*: ср. монгол. *baqada- / бахдах* 'восторгаться, быть в восторге, восхищаться, радоваться, чувствовать, находить удовольствие; любоваться; гордиться' и *baqadal* 'восторг, восхищение, радость; гордость' (БАМРС I, *238*).

Вместе с тем форма *магаданчыг* определенно немонгол.: такие образования специфичны для тув. и тоф. языков, а также отмечены в памятниках (см., напр., **кээргенчиг**). Кроме того, подобные образования (с аф. *-(н)чыг*) довольно редки среди производных от заимствованных, в частности монгол., основ; ср. **хомуданчыг**[2].

Интересны в структурном отношении формы *магазын-* и *магазынчыг*, синонимичные соответственно *магада-* и *магаданчыг* и образованные от **мага*: ср. *мага* фолькл. 'великолепие, чудо', вероятно, также монгол. по происхождению и восходящее к именной основе типа п.-монг. *baq-a* 'восхищение, радость' и под., от которой образованы монгол. прототипы тув. *магада-* и *магадал* (см. **мага**). В труде Н.Ф. Катанова *магазын-* и *магазынчыг* отмечены в вариантах *магазан-* и *магазанчыг*, которые он соответственно истолковывает (подобно *магадан-* и *магаданчыг*) как

[1] Ср. скр. *mahā* 'большой, великий'.

[2] В структурно-семант. отношении представляет интерес др.-уйг. *muŋadïnčïy ~ muŋaïnčïy* 'удивительный, поразительный, поражающий воображение; волнующий' (ДТС, *350, 351*). Дж. Клосон связывал это прил. с глаг. основой *muŋad-* (*buŋad-*) 'нуждаться, печалиться, испытывать страдание' и под. (ED, *768*); однако более реально объяснение *muŋadïnčïy* как производного от *muŋad-* 'удивляться' (ДТС, *659*), основы, по-видимому, омонимичной той, что приведена Клосоном (ср.: ДТС, *350*, статьи **muŋad- I** и **muŋad- II**).

‘хвастаться, хвалиться’ и ‘хвалящийся могуществом’ (Опыт, *1186*), что, по-видимому, небесспорно.

Последний из этих формантов встречается и в монгол. языках и, возможно, тув. *магазан-* и *магазын-* связаны с монгол. формой типа **baqasa-*.

магадал см. **магада-**.

магаданчыг см. **магада-**.

магадыла- ‘гарантировать; подкреплять; предусматривать’; **магадылал** ‘гарантия, ручательство; предусмотрительность’; **магадылыг** ‘гарантированный; предусмотрительный’.

Магадыла- и *магадылал* — очевидно, монголизмы, хотя и претерпевшие заметные изменения смыслового характера: ср. п.-монг. *mayadla-*, монг. *магадлах* ‘проверять, удостоверяться; расследовать, вести следствие; определять’, *mayadlal / магадлал* ‘проверка, расследование’ (БАМРС II, *310*), которые, по-видимому, в свою очередь, связаны с основой *mayad / магад* ‘определенный, несомненный; верный’ и под. (см. **магат, магатчок**).

Стоит отметить появление в тув. формах вставочного гласного *ы* между согласными *д* и *л*, благодаря чему сохраняется большая близость звукового облика заимствованных форм по отношению к их монгол. прототипам; в противном случае сочетание *дл* должно было, скорее всего, перейти в *тт* и, в частности, вместо *магадыла-* мы имели бы нечто вроде **магатта-*.

Что касается семант. различий между тув. *магадыла-*, *магадылал* и их монгол. соответствиями, то их причина недостаточно ясна. Возможно, что знач. монгол. форм были не вполне адекватно восприняты носителями заимствующего языка.

Тув. *магадылыг* — также монголизм, но переоформленный: по-видимому, слово восходит к монгол. *mayadtai / магадтай* ‘верный, истинный, неоспоримый; надежный’ (см.: БАМРС II, *310*), где аф. прил. *-tai / -тай* был заменен тув. *-лыг* (с вставочным гласным *ы* перед ним: *магад(ы)лыг*).

магадылал см. **магадыла-**.

магадылыг см. **магадыла-**.

магазы-биле см. **мага**.

магазын- см. **магада-**.

магазынчыг см. **магада-**.

магалыг см. **мага**.

маган [аъ] *диал.* ‘мука или мясо, еда’, **маганна-** [аъ] *диал.* ‘заправлять бульон подболткой из муки’.

Тув. *маган* связано с монг. *мах(ан)* ‘мясо’ и под. (ЯМВМ, *168*), являясь одним из относительно поздних заимствований (ср. п.-монг., более раннюю форму *miqan*). К числу подобных принадлежат башк. диал. *махан* ‘мясо; жаркóе’, сиб.-тат. *махан* ‘конина’. Употребление же тув. *маган* в качестве названия муки, а также характер семантики производной от него глаг. основы *маганна-* — вероятный результат контаминации *маган* с формами, обозначающими белый цвет: см. **макыр, маңган**. Ср. также **мага-бот**.

магана [аъ] см. **багана**.

маганна- см. **маган**.

магат 1. ‘предопределение’; **2**. ‘возможно, вероятно, может быть’; **магат чок, магатчок** см. **магат 2**.

Ср. *магат*, отмеченное в знач. ‘верный, истинный’ (др.-уйг.), ‘добрый, честный, справедливый’ (саг., шор.), ‘условие, уговор’ (шор.) (РСл. IV, *2001*), а также алт. *магат* ‘условие, уговор’, *магат дьок* ‘безусловно, обязательно’ (ОРС, *107*), хак. *магат* ‘добрый, честный, справедливый; очень хороший’, *маңат* 1. ‘очень хороший’; 2. ‘очень хорошо, лучше’ (ХРС, *100, 102*), шор. *магат* ‘очень, весьма, здорово’. Отметим также наличие у указ. имени глаг. соответствия *магат-* (саг.) ‘хорошо исполнить’ (РСл. IV, *2001*); (алт.) ‘делать что-л. хорошо’ (ОРС, *107*).

Именная основа *магат* (в основном по данным РСл. и ХРС) отнесена М. Рясяненом к монгол. заимствованиям (EW, *321*): ср. п.-монг. *mayad*, монг. *магад* 1. ‘наверняка, определенно, несомненно, безусловно; вероятно, возможно, наверное, может быть; вроде’; 2. ‘определенный, несомненный, верный’; 3. ‘достоверность, правдивость; истина, правда’ (БАМРС II, *309–310*). См. также **магадыла-**.

А.М. Щербак к числу монголизмов относит, по-видимому, только команское (полов.) *mayat* ‘может быть, наверно; несомненно’, которое сравнивается со ср.-монг. *maxat* (Щербак 1997, *206*).

В ЭСТЯ монг. *магад* ‘достоверность...’, его совр. монгол. соответствия (бур. *магад*, калм. *mahd* ‘возможно’), монг. *магадла-* ‘предполагать, проверять, удостоверяться’, а также тюрк. *магат* (по РСл. IV: см. выше) приведены только для сравнения с глаг. *макта-* ‘определять, изъяснять’. Последний же включен в статью, где рассматривается происхождение тюрк. *магта-* ~ *макта-*... ‘хвалить, восхвалять...’. При этом задается вопрос: «Не отмечается ли в этом случае контаминация двух слов?» (ЭСТЯ VI, *11, 12*). (Вероятно, имеются в виду *макта-* ‘определять...’ и *макта-* ‘хвалить’.)

В принципе контаминация здесь не исключена, хотя более вероятно то, что мы имеем дело с омонимией (учитывая отдаленность знач. указ. основ друг от друга), и включение *макта-* ‘определять’ в число соответствий *макта-* ‘хвалить...’, во всяком случае, труднообъяснимо. Вместе с тем по своей семантике *макта-* ‘определять, изъяснять’ соотносимо с тув. *магат* ‘предо-

пределение', т.е. 'то, что определено заранее, обусловлено' и его соответствиями типа шор., алт. *магат* 'условие, уговор'. *Магат* и эти слова в указ. знач. едва ли могут быть отнесены и к монголизмам, поскольку семантически имеют мало общего с монгол. *тауад / магад*, а у *макта-* 'определять...' не обнаруживается и структурного монгол. соответствия.

Может быть, указ. тюрк. формы имеют исконное (генуинное) происхождение и не связаны с монгол. влиянием, однако недостаточность языковых данных не позволяет пока прийти к более определенным выводам.

К монгол. *тауад / магат* ближе в смысловом отношении тюрк. *магат* со знач. положительной оценки или высокой степени качества, а также оценки чего-л. с точки зрения вероятности, возможности, реальности; ср., кроме того, глаг. соответствие данной формы — *магат-* 'делать что-л. хорошо...'. Здесь монгол. влияние более вероятно, хотя допустима родственная связь с *макта-* 'хвалить...' или контаминация с ним (см. также **макта-**).

Тув. *магат*, семантически наиболее близкое к приводимому выше полов. *тауат*, — скорее всего, монголизм, как и последнее. Монгол. происхождение определенно имеет тув. *магатчок* (~ *магатчок*), возводимое к монг. *магадгүй* 'возможно' (с переоформлением: заменой монг. отрицат. частицы *-гүй* на тув. *-чок* ~ *чок*) (Рассадин. МБЗ, *61*). Следует также заметить, что тув. *магат* 'предопределение' и *магат* 'возможно', вероятнее всего, являются омонимами.

магат чок см. **магат**.

магатчок см. **магат**.

мага хан- см. **мага**.

магачын [аъ] 'людоед' (*фолькл.*); 'разбойник, убийца, садист'.

Ср. алт. *макачы*, *мукачы* 'разбойник' (ГАЯ, *218*, *221*), алт. диал. хак. диал. *маккачы* 1. 'сердитый, злой, лютый, кровожадный' 2. 'разбойник', алт. диал. *мукачы* 'разбойник' (РСл. IV, *1996*, *2172*), хак. уст. *махачы* 1. 'сердитый, злой, лютый, кровожадный'; 2. 'разбойник' (ХРС, *104*), кирг. *мыкаачы* 'людоед; кровожадный' (КРС, *545*).

Монголизм. Ср. п.-монг. *miqačin*, монг. *махчин* 1. 'людоед, каннибал; хищник'; 2. 'хищный, плотоядный'. Судя по внешнему облику, часть тюрк. форм (*мукачы*, *мыкаачы*) восходит к более старым вариантам монгол. слов (типа *miqačin*, без «перелома» гласного *i*). Тув. *магачын* ближе всего к монг. *махчин*: в тув. варианте, в частности, сохраняется «монгол.» вариант словообр. аф. (*-чин*). Монгол. слово образовано от основы *miqa(n)* ~ *мах(ан)* 'мясо; плоть' (см. **мага-бот**, **маган**) (ср. также: EW, *321*).

мадар см. **бадар**.

мадар-аяк см. **мадар**, **бадар**.

Парное слово, явившееся результатом соединения *мадар* (< *бадар*; ср. *падар*) и *аяк* (см. **аяк**), двух названий посуды типа чашек.

мадыла- 'объявлять мат', см. **мат I**.

мажаалай 'медведь' (*одно из названий*).

Слово является одним из вторичных тув. названий медведя, основное наименование которого **адыг**, и носит обычно шутливый характер (см.: ТРС 1968, *285*; ТСТЯ). Вместе с тем в текстах шаманских камланий *мажаалай* — определенно культовое слово, именующее медведя как одного из могущественных добрых духов (*ээрен*) (КЛА, *201–203*, *441*) и, по-видимому, синонимичное названию *адыг-ээрен* (см.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 241–242).

Ср. также алт. иносказательные наименования, характерные, в частности, для жен. «языка» *мадьалаң* 'медведь' (ОРС, *107*), *мајаалай* ~ *мајалай* ~ *манјалай* 'медведь-самец' (Яимова, *102*). В указ. работе приводится значительный сравнительный материал по рассматриваемому слову, извлеченный из трудов Г.Н. Потанина, Н.Н. Поппе и других исследователей.

Согласно этим данным, *мажаалай* и под. имеют монгол. соответствия. Так, по И.А. Манжигееву, в бур. языке отмечено собственное имя *Манжалай* (ср.: Манжигеев, *74*). В монг. языке слово *мазаалай* является одним из названий медведя и, в частности, обозначает одну из его крупных разновидностей (Яимова, *102*); см. также монгол. *тајауалаі / мазаалай* 'мазалай, пищухоед, гобийский медведь'[1].

А.М. Щербак, ссылаясь на работу Н.Ф. Катанова, приводившего тув. *мажаалай* в качестве смыслового соответствия рус. *Михаил Топтыгин*, возводил тув. слово к рус. *Михаил* (ИРЛТЯ, *131*), что не вызывает доверия. Применительно к *мажаалай* и его алт. соответствиям речь, скорее, может идти о монголизмах, причем довольно ранних, у прототипа которых совр. монг. *з* [*дз*] еще соответствовала шипящая аффриката *ж* [*дж*][2].

Вероятно также, что история рассматриваемого слова не столь однопланова, и оно могло в прошлом неоднократно переходить из одной языковой семьи в другую (напр., тюрк. > монгол. > тюрк. и под.), меняя при этом свой внешний облик: ср. явно вторич-

[1] *Мазаалай* включается в число названий животных, эндемичных для Монголии и близлежащих районов Центральной Азии. См.: ёндонжамцын Баярсайхан. Лексика современного монгольского языка, отражающая этнокультурные реалии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998. — С. 18.

[2] Следует, впрочем, отметить, что еще сравнительно недавно у монг. слова отмечались варианты с шипящей аффрикатой типа *дж* или *ч*. (См.: Потанин, *139*.)

ный его вариант — куманд. *малда-алай* ‘медведь’ (Вербицкий 1, *199*).

Мажаалай и под. (в том числе его монгол. соответствие) могут иметь исходную образную основу. По мнению Ш.Ч. Сата (см.: СТ. — 1981. — № 5. — С. 43), оно связано с представлением о чем-то огромном, что вполне реально. Возможно, в этом случае слово имеет генетическую общность с тув. глаг. основой типа *мажай-* [аъ] ‘толстеть, полнеть’ и прил. *мажагар* [аъ] ‘толстый, полный, грузный’ и др. или их вариантами (без фарингализации). Допустимо и то, что рассматриваемое наименование обусловлено представлением о характерной «походке» медведя. Ср. выражение *майтак мажаалай* ‘косолапый мишка (о медведе)’ при *майтак* ‘косолапый’ (ТРС 1968, *286*).

В таком случае, *мажаалай* и его указ. тюрк. и монгол. соответствия могут быть сближены с як. *маадьай-* ‘быть сильно кривоногим’, каковое считается монголизмом и сопоставляется с монг. *майжий-*, ордосским *mādži-* ‘спотыкаться, хромать’ (Рассадин. МБЗ, *84*), что вызывает определенные сомнения из-за фонетич. и семант. различий между як. и монгол. формами. Следует также учесть, что для як. языка реконструированы два варианта вышеприведенной образно-глаг. основы с кратким и долгим гласными первого слога и со смысловыми отличиями друг от друга: ср. **мадьай-* ‘быть слегка кривоногим и толстым’ и **маадьай-* ‘быть сильно кривоногим, колченогим...’ (Харитонов, *291*). Вероятно, долгота в этой ситуации — эмфатическая и вносящая элемент усиления в знач. глаг.: ср. ‘быть слегка кривоногим’ и ‘быть сильно кривоногим...’. Ср. также як. *Маадьа* — «прозвище, даваемое человеку, ноги которого при шагании образуют определенную фигуру» (последняя при этом не описывается, а воспроизводится в виде рисунка, из которого следует, что речь идет о человеке с очень кривыми, скрюченными ногами) (см.: Пек. II, *1501*; ср. также *Маадьах* — «прозвище, даваемое колченогому человеку»: Пек. II, *1502*).

Интересно, что в семантике **мадьай-* соединяются признаки неуклюжести (искривления ног) и большой величины (толщины): ср. также толкование знач. як. *мадьай-* ‘быть, казаться кривоногим и толстым’ (ЯРС, *233*). Можно предположить, что толщина при этом ассоциировалась с представлениями о крепком и сильном теле и физической силе, которые также выражаются рядом слов як. языка. Одно из них — *мадьаллан*, реализуемое в выражении *мадьаллан — дьэ киси бөгө!* ‘крепкий, плотный и крупный человечище!’ (Пек. II, *1502*) и по своему звуковому облику (возможно, и структурно) очень сходное с *мажаалай* и его соответствиями, в частности, с алт. *мадьалаң*

‘медведь’. Ср. также як. *мадьалый-* ~ *мадьарый-* ‘напрягаться, принимая при этом особую позу: плечи приподняты, ноги немного согнуты’ (Там же), *мадьыктаа-* ‘делать что-л. с большим напряжением, усилием’ (ЯРС, *233*).

В як. языке имеется также и другой материал, сопоставимый с вышеприведенным. Это глаг. формы с начальным *б* типа *баадьай-* ‘нетвердо и медленно ступать своими толстыми, широко расставленными кривыми ногами’ (Харитонов, *206*; варианты толкования см.: Пек. I, *335*; Харитонов, *285*; ЯРС, *54*), *баадьай* ‘ступающий, расширив ноги, с перевалом тела’ (Пек. I, *333*). По-видимому, фонетич. вариантом *баадьай-* (а также *маадьай-*) является як. *баадай-* ‘ступать грузно (о большом, толстом и неуклюжем человеке)’ (ЯРС, *54*; ср.: Харитонов, *285*)[1], *бадаала-* ‘ступать неровно и широко’ (ЯРС, *59*).

Основы типа як. *баадьай-* и *баадьай* приведены в словаре Э.В. Севортяна как родственные тюрк. *баҗак* ‘нога, вся нога; голень; ляжка, бедро...’, характерные, главным образом, для огуз. языков (ЭСТЯ II, *25–26*). Это сближение представляется вполне обоснованным. В *баҗак...* Э.В. Севортян вычленил некую основу *баҗ*, которая могла бы рассматриваться как производящая — глаг. или глаг.-именная, но семантика которой не указана. Можно предположить, что речь должна идти об основе, первоначально образной, обозначавшей нечто массивное, плотное и вместе с тем разделенное, раздвоенное.

Возможно, от подобной основы образован глаг. **баҗай-* (ср. як. *мадьай-* и под.), а от него, в свою очередь, — сущ. *бажак* (ср. **аспак**, **борбуяк**, **дорзук**, **калбак**).

У рассмотренных выше тюрк. форм почти не прослеживается связей с монгол. языками. Вместе с тем с подобными формами, думается, существует генетическая связь у *мажаалай...* и его монгол. соответствий, имеющих, вероятно, тюрк. происхождение, о чем может свидетельствовать и наличие у данного тюрк. слова морфол. вариантов, к числу которых относятся алт. *мадьалаң* и як. *мадьаллан*. Однако структура указ. образований недостаточно ясна, а имеющихся данных для прояснения данной ситуации недостаточно.

мажайба [аъ] ‘много’; **мажайты** [аъ] ‘кучами, в большом количестве’.

Соответствий в других тюрк. языках не найдено. Вместе с тем указ. образования определенно тюрк. происхождения и являются производными от глаг. основы типа тув. *мажай-* [аъ] ‘толстеть,

[1] Согласно существующей точке зрения як. *баадай-* в отличие от *баадьай-* и *баадьай* имеет монгол. происхождение (см.: Попов. ЭС 1, *102*).

полнеть’ (< **машай-*?); ср. также *мажагар* [аъ] ‘толстый, полный грузный’ (см. **мажаалай**). Тув. *мажайба* (< **машай-ма*) образован от указ. основы аф. *-ма* по той же модели, что представлена в других подобных случаях: см. **илилбе-дилилбе**, **мөөреве**.

Тув. *мажайты*, сохраняющее более конкретную семантику, не жели *мажайба*, создано от той же основы с помощью редкого форманта *-ты* (*-ды*) (варианта *-тыр ~ -дыр*?), образовавшего в основном отыменные нар. (см.: Рассадин. Морфология, *249–250*, *274*; СИГТЯ М, *262–263*). См. также **мажалык**.

мажайты см. **мажайба**.

мажак [аъ] ‘колос, оставшийся после жатвы’.

Слово имеет общетюрк. соответствия, чаще всего в варианте с начальным *б* (типа *башак*), но вместе с тем заметное распространение получили также и варианты с инициальным *м* (*машак* и под.), носящие явно вторичный характер и явившиеся результатом характерного для тюрк. языков перехода *б* > *м*.

Знач. соответствий тув. *мажак* (< *башак*) — ‘колос; кукурузный початок; гроздь, кисть’; отмечено также значение, тождественное или близкое с тув. *мажак* (в азерб., узб., тур. диал.) (ЭСТЯ II, *90*). Кроме того, *башак ~ машак*... означают ‘наконечник стрелы (копья); стрела, копье’ и под.

Традиционная этимология истолковывает *башак*... как уменьш. форму с аф. *-ак* от *баш* ‘голова’. Сходным образом трактуется и структура таких малораспространенных вариантов слова, как *bašγaq* и *bašaka*, хотя «аф. *-aka-* в использованных здесь источниках не отмечается» (Там же).

Вместе с тем явно иную структуру имеют такие формы, как башк. диал. *баша* ‘наконечник стрелы’ и *башай* ‘колос’ (см. Bhh, *33*; ДСБЯ, *61*), где присутствие аф. диминутива сомнительно.

мажалык [аъ] ‘холм, сопка, горка в степи; небольшая возвышенность округлой формы с пологими склонами и слабо выраженным подножием’ (см.: ТСТ, *135*); **межелдир** [еъ] ‘холм, холмик’; **межелик** [еъ] см. **мажалык**.

Ср. алт. *межелик* ‘холм, сопка, волнообразная поверхность гор’ (РСл. IV, *2116*; Вербицкий 1, *201*; см. также: ГАЯ, *219*), алт. *меже*, *межелик* ‘холм, сопка’ (ОРС, *109*). О.Т. Молчанова отмечает, что «высокие холмы, возвышающиеся на ровном месте, сопки, волнообразная поверхность гор называются в Горном Алтае **межелик**» (ТСГА, *77*). Она же (в другой работе) фиксирует алт. заднерядный вариант указ. термина *машалак* (СТТГА, *239*) (*машалык*? — *Б. Т.*).

В качестве соответствий к алт. *межелик* приведены азерб. *мешә* ‘лес; лесной’ и *мешәлик* ‘лесное пространство; место, заросшее

или засаженное лесом; роща, полесье’, что выглядит неубедительно в логико-семант. плане. Неясным при этой версии представляется и тув. *мажалык*. Отметим также, что *мешә* ‘лес’ и его бесспорные соответствия в других тюрк. языках, в основном в огуз., означающие также ‘дуб; молодые заросли сосны и ели’, относятся к иран. заимствованиям (см.: ОСЛАЯ, *163*, *185–186*; ЭСТЯ VI, *59*), которые для сиб. тюрк. языков нехарактерны.

По всей вероятности, рассматриваемые местные географические термины, связанные с объектами местности, даны по их форме (округлой) или по подобным признакам. Они могут быть родственны таким наименованиям, как башк. диал. *мәшә* ‘бабка’ (надкопытный сустав), тур. диал. *meşe* ‘самая крупная бабка’, турк. диал. *ma:ша ~ ba:ша* ‘короткая толстая деревяшка, подкладываемая под брус’ (см.: ТПЭИ, *51*), или, возможно, таким, как распространенное в ряде тюрк. языков слово *мешке ~ мәшкә* ‘гриб; шишка, желудь’ и под. (ср. также башк. *бәшмәк* ‘гриб’) (ЭСТЯ VI, *59*).

По мнению автора соответствующей статьи ЭСТЯ (VI, *60*), в *бәшмәк* выделяется основа **бәш-/*пәш-*, но «квалификация ее неясна». Возможно, в указ. образованиях прослеживаются образно-глаг. основа **беш-* (> **меш-*) и ее соответствие с заднерядным вокализмом типа **баш-* (> **маш-*), означавшие ‘округляться’ или под. Вероятным морфол. вариантом этой основы является тув. *мажай-* (< **машай-* < **башай-*?) ‘толстеть, полнеть’ (см. **мажаалай**, **мажайба**).

Вместе с тем указ. основы, по-видимому, имеют точки соприкосновения с общетюрк. *баш* ‘голова’ и некоторыми другими: см. **баш**, **бес I, II**, а также **макпалчык ~ мекпелчик**.

Основой *мажалык ~ межелик* является **маша ~ *меше* (возможны и варианты с *б-*), соответствие которой отмечено в алт. *меже*. Возможно также, что к числу таких соответствий относится и один из вариантов кирг. *машат* — диал. *маша*, означающий ‘источник, ключ, обычно выходящий на дневную поверхность из каменистой почвы’ (ср.: КРС, *520*; Мурзаев. Словарь, *365*).

**Маша ~ *меше* — производное, образованное аф. *-а ~ -е* от **маш-* (< **баш-*) и под. **‘округлять(ся)’. Можно предположить, что по своей первоначальной категориальной семантике оно было качественным прил., которое означало нечто вроде ‘(о)круглый, закругленный (и при этом ‘выступающий, выделяющийся на фоне ровной поверхности’); волнообразный’. О былой адъективности **маша*... свидетельствует тув. *межелдир*, которое по своему знач. является уменьш. по сравнению с *меже*, *межелик* и *мажалык*. Однако аф. *-лдир*, прослеживаемый в *межелдир*, не принадлежит

к числу диминутивов, образующих уменьш. формы сущ. Этот формант в тув., как и его варианты в других тюрк. языках, образует форму ослабления качества от основ прилагательных (см.: ИП, *185*; Щербак 1977, *115–116*).

Следовательно, тув. *межелдир* есть результат субстантивации качественного прил. как, по-видимому, и алт. *меже* (а также кирг. *маша*?). Что касается форм типа *мажалык* и *межелик*, то они могут представлять собой результат аф. образования (с помощью аф. *-лык*, являющегося ныне мертвым формантом в тув.) сущ. от адъективной основы.

мажы- [аъ] ‘мять, месить; массировать, делать массаж’.

Ср. уйг. *мажугу-* ‘давить рукой, хватать’ (РСл. IV, *2061*), *пачак* ‘мятый, измятый, помятый; сплющенный, раздавленный’, *пачакли-* ‘мять, сплющивать, давить, раздавливать’, *мажак* ‘размозженный, раздробленный, раздавленный’, *маҗакли-* ‘размозжить, раздробить, раздавить’ (УРС, *239*, *694*, *695*), турк. *мәҗерле-* ‘замешивать, вымешивать’, *мә:җум* ‘замешенный, вымешенный (о тесте, глине, замазке и т.п.)’, *мә:җумла-* см. *мәжерле-*.

Ср. также п.-монг. *baǰa-*, монг. *базах* ‘сжимать, сдавливать, стискивать; комкать, мять; выжимать’, калм. *базһх* [*базһъхъ*] ‘мять, массажировать; сжимать’, бур. *бажуу-* ‘сжимать, сдавливать, стискивать; комкать, мять’.

Тув. *мажы-* и приводимые выше, по всей вероятности, родственные с ним тюрк. слова связаны своим происхождением со звукоподражанием типа тув. *маш* [маъш] ~ *меш* [меъш], обозначающим шум от падения на землю кого-л. или чего-л. большого и тяжелого (< **мач* ~ **меч*; ср. алт. *мач* — звукоподражание падению чего-л. грузного (напр., тела человека)).

Та же основа, возможно, прослеживается в тув. *машпай-* [аъ] ‘грузнеть, выглядеть грузным’ и *машпак* [аъ] ‘большой и толстый’, *мешпей-* [еъ] ‘толстеть, жиреть, тучнеть’ и *мешпек* [еъ] ‘толстый, полный’; ср. также алт. *бешпек* ‘раздутый, вздутый, пышный’ (СТТГА, *230*). Кроме того, мог быть реальностью переход указ. основы в разряд сущ., примером чего служит вост. тюрк. *мач* ‘тесто из мучной пыли на мельнице’ (РСл. IV, *2049*).

Так или иначе исходная форма основы, от которой (с помощью форманта *-ы-*) был образован глаг. *мажы-*, первоначально, скорее всего, выглядела как **мач* (в последующем — *маш*), хотя как видно из вышеприведенных сравнительных данных, у этой основы могли быть и другие варианты: **пач* ~ **маж* ~ **меж* и под.

Монгол. языковые данные выглядят вторичными по сравнению с тюрк. и, возможно, носят заимствованный характер. По фонетич. основаниям с ним едва ли может быть связано тув. *мажы-*. См. также **мажы**.

мажы [аъ] ‘курок; электрический выключатель’.

Ср. алт. *маажы*, турк. *мә:ше*, каз. диал. *маса*, кирг. *маша* и под. ‘курок’. Кроме того, часть этих названий и их соответствий, в числе которых — *меше*, имеет знач. ‘фитиль ружья’, а также ‘щипцы, пинцет’ и др. Слово считается заимствованным и возводится, в частности, к перс. *маше* (по другим данным, *māša*) ‘щипцы, пинцет; спусковой крючок ружья; часть кремневого ружья, держащая фитиль’ (см.: ТПЭИ, *54*; EW, *330*). При этом для тув. *мажы* и алт. *маажы* предполагается язык-посредник: «...Они могут отражать фонетически близкий к калм. *маш* ‘курок у ружья’ “монгол. вариант” тюрк. слова» (ТПЭИ, *51*, *54*); это соответствует реальности: ср. монгол. *maši* / *маш* уст. ‘курок (у ружья)’ (БАМРС II, *329*).

В то же время, очевидно, был неправ М. Рясянен, возводивший указ. тув. и алт. формы непосредственно к перс. слову, как и калм. (в варианте *mašn*) (EW, *330*). Более правильно мнение, согласно которому калм. *маш* ‘курок’ является собственно калм. (ойр.?), причем оно связывается с кирг. *маша* ‘курок, запал (у фитильного ружья)’ (см.: Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. — Элиста, 1985. — С. 59).

Однако вместе с тем в ТПЭИ, *51* допускается генетическая связь между *мә:ше* ‘щипцы...’ и такими словами, как башк. диал. *мәшә* ‘бабка’, тур. диал. *teşe* ‘самая крупная бабка’ и некоторые другие, что представляется сомнительным (см. также **мажалык**). Прослеживается определенная смысловая общность тув. *мажы* ‘курок’ и *мажы-* ‘мять, массировать’ (см. **мажы-**), но она определенно носит вторичный характер.

майгын [аъ] ‘палатка; ларек, торговая палатка’; **майгын идик** [аъ иъ] ‘разновидность обуви *кадыг идик* (букв. ‘твердая обувь’), являющейся наименованием кожаных сапог с загнутым и заостренным носком и твердой многослойной подошвой’ (о соответствующей реалии см.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 172–173).

В ТСТЯ *майгын идик* помещено во «фразеологическом» разделе статьи **майгын** ‘палатка...’, однако характер связи между соответствующими названиями в указ. источнике не прояснен.

С *майгын* ср. тоф. *маъйһян* ‘палатка’, алт. *байкан* ‘палатка; попона; полог’ (ОРС, *25*), тел. *пайкан* ‘палатка, полог’ (Вербицкий 1, *239*). Считается монгол. заимствованием (Рассадин. МБЗ, *21*, *28*; СИГТЯ Л, *500*). Ср. п.-монг. *majiqan*, монг. *майхан* ‘палатка, шатер’. Монг. слово имеет близкие соответствия в тунг.-маньчж. языках, вероятно, являющиеся монголизмами, хотя это обстоя-

тельство в соответствующих источниках не отмечается (см.: ОСЛАЯ, *234*; ССТМЯ I, *520*).

М. Рясянен, со ссылкой на Г. Дёрфера, возводил монгол. слово к маньчж. *maikan* ‘палатка, шатер’, причем с последним непосредственно связывалось тув. *майгын* (EW, *322*), что следует считать недоразумением. Б.Я. Владимирцов также высказывал предположение о том, что монгол. название палатки является заимствованием, однако его язык-источник не указывался (Владимирцов. Ср. грамматика, *354*).

Возникает вопрос, не мог ли им быть какой-л. тюрк. язык (напр., из числа сиб.), а форма, близкая к исходной, — сохраниться в алт. *байкан* (~ *пайкан*), у которого отмечена также семантика типа ‘попона, полог’, отсутствующая в монгол. языках, но, возможно, более старая, нежели ‘палатка, шатер’.

Допустимо, что *байкан* — образование с аф. *-кан* от глаг. основы **бай-* ‘закрывать’, которая может прослеживаться в названии закрытой обуви (см. **маймак**), в связи с чем неслучайно тув. *майгын* в словосочетании *майгын идик* с указ. выше знач. Последнее, возможно, первоначально означало нечто вроде ‘закрытая обувь’ (см. также **идик**), а *майгын* соответственно — ‘закрытый’. *Майгын* восходит к **байкын* (ср. *байкан*), где *-кын* — вариант форманта *-кан* в ранее рассмотренном образовании.

Возможное родство с *байкан…* обнаруживается у тюрк. *байтал*, первоначально означавшего ‘еще не рожавшая’ или ‘еще не жеребившаяся’, или под.: ср. як. диал. *байтал* ‘яловая, нагульная’ (ДСЯЯ, *58*), а также знач. ‘мул’ у одного из соответствий слова, отмеченных Н.Ф. Катановым (EW, *57*).

Согласно одной из версий, *байтал* < **байта-* + *-л*, «но что означает глагол **байта-*, остается неясным» (ЭСТЯ II, *37*). Можно предположить, что этот глаг. — морфол. вариант основы **бай-* ‘закрывать’, у которой реально существование именного соответствия **бай*. От последнего и произведен **байта-*, хотя в данном случае не исключено отглаг. образование глагола.

Первоначально *байтал*, как и *байкан* в ранее рассмотренной ситуации, означало, скорее всего, ‘закрытый, закрытая’ (далее — ‘нерожавшая’ и т.п.), параллель чему наблюдается в тюрк. *туг* ‘яловая…’ ← *туг* ‘закрытый’ (ср. **дуг, дун**). Попытка истолкования тюрк. *байтал* как монголизма (СИГТЯ Л, *444*) вызывает сомнения.

Что касается совр. тюрк. соответствий монгол. *majiqan / майхан*, то они могут быть в основном истолкованы как монголизмы вторичного характера. Это определенно можно сказать о тоф. *маъйӊян* и, пожалуй, о тув. *майгын*, где, вероятно, также имела место контаминация с *майгын* как с компонентом названия *майгын идик*.

Появление у *майгын* семантики ‘ларек, торговый пункт’ — результат сближения с рус. *палатка*, обозначающего, в частности, помещение для торговли.

майгын идик см. **майгын**.

майдыр: **майдыр бөрт** [-өъ] ‘островерхий ламский головной убор’; **майдыр эрги-** ‘проводить буддийский религиозный праздник’.

Названия соответствующей реалии и действия связаны с одним из буддийских теонимов: см. др.-тюрк. *majtri* [< скр. *maitreya*] ‘будущий будда’ [ДТС, *335*] > монгол.; ср. п.-монг. *majidari* ‘имя будущего будды’, монг. *майдар* ‘милосердие; Майтрея (бодисатва); будущий будда’, бур. *майдар*, калм. *мәәдр* ‘имя будущего будды’.

Тув. словосочетания с компонентом *майдыр* — скорее всего, монголизмы с элементом перевода (ср. **бөрт** ‘головной убор’ в *майдыр бөрт*; см. **бөрт**); *майдыр эрги-*, вероятно, заимствовано целиком. Во всяком случае, монгол. соответствие *эрги-* (*ergi- / эргэх*) означает, в частности, ‘ходить по часовой стрелке вокруг святыни и класть земные поклоны’ (БАМРС IV: **эргэх III**).

Тув. *майдыр*, судя по его двухсложной форме, относится к числу поздних (монгол.) заимствований. В отличие от него более старым монголизмом является алт. (тел.) *Май-Тере* ‘один из первозданных людей, научивший своих современников употреблять в пищу ячмень, кандык, сарану и лук…’ (Вербицкий 1, *198*), которое В.В. Радлов возводил к вышеназванному скр. слову (см.: РСл. IV, 1989), что в конечном счете обосновано.

майдыр бөрт см. **майдыр**.

майдыр эрги- см. **майдыр**.

маймак *юго-вост.* ‘бродни’.

Ср. хак. *маймах* ‘обувь; сапоги’ (ХРИЭС, *58*) и его варианты типа *маймак* и под. в других источниках со знач. ‘обувь; кожаные сапоги’, которые, вслед за М. Рясяненом, возводятся к монгол. форме типа калм. *тӑ̄хӑ̄* ‘китайская обувь’ < кит. (при этом кит. слово отсутствует) (ср.: EW, *323*; ЭСРДС, *367*). Эта версия весьма сомнительна, ибо, по фонетич. основаниям, *маймах* никак не могло возникнуть из указ. калм. формы, которая, в свою очередь, судя по характеру вокализма в обоих слогах, восходит к варианту типа **майхай*, также достаточно далекому от *маймак…*

Естественно, к числу монголизмов калм. происхождения не может быть отнесено и леб. (чалкан.) *маймаш* ‘сапожки из меха’ (по Н.А. Баскакову), которое было включено А.Е. Аникиным

(ЭСРДС, *367*) в число соответствий *маймак*, считающихся восходящими к указ. калм. слову.

Еще одно возражение против изложенной выше этимологической версии состоит в том, что *маймак ~ маймах* рассматриваются в изоляции от других тюрк. форм, которые определенно являются фонетич. вариантами *маймак*, но с последним не сопоставляются и имеют другие этимологии. К ним относятся *pajpak ~ majpak ~ pajmak* ‘мягкая обувь, носки’ (по Л.З. Будагову), каз. *байпак* ‘кошемные чулки; род валенок до колен’, кирг. *байпак* ‘чулки, носки’ и под. (см.: ЭСРДС, *109*, *437*, а также: ЭСТЯ VI, *18*), тат. диал. *баймак* ‘башмаки, домашние туфли’.

Основная часть указ. форм, за исключением последней, по традиции, ведущей начало от Будагова, истолковывается как гибридное образование, состоящее из иран. (перс.) *пай* ‘нога’ и тюрк. *баг* ‘завязка’ (см.: Иллич-Свитыч 1984, *46*; ЭСТЯ VI, *18*; СИГТЯ Л, *482*, а также: КРС, *98*, где кирг. *байпак* представлено с пометой *ир.-кирг.*).

Уже сама подобная гибридность выглядит искусственной и этим вызывает недоверие, не говоря уже о том, что второй компонент указ. тюрк. форм не сводим к *баг*. В частности, у *пайпак ~ байпак* не фиксируется вариантов типа **байбаг*, **байбау* и под., в которых, в свою очередь, отразилось бы варьирование общетюрк. формы *баг...* (см. о ней: ЭСТЯ II, *13–16*, а также статью **баг** данного словаря). В то же время вариант *бак* у последней отмечается лишь в единичных источниках (ЭСТЯ II, *13*) и остается неясным, почему в случае с *пайпак ~ байпак* вариант с конечным *к* оказался единственным.

В обоснование версии Будагова высказано мнение о том, что «не исключено влияние на нее (?; вероятно, имеется в виду форма вроде *pajpak*. — *Б. Т.*) каких-либо подобных персид. образований» (Иллич-Свитыч 1984, *46*), но такое влияние еще должно быть доказано.

Особую этимологическую «судьбу» имеет приводимая выше тат. диал. форма *баймак*, которая в одном из источников дается как изолированная, без сопоставления с *пайпак*, *байпак*, каковые приводятся отдельно от нее и без какой-л. этимологии (ср.: СИГТЯ Л, *481*, *482*). Однако в другом и притом в более раннем источнике *баймак* рассматривается в словарной статье, где проводится этимологический анализ тюрк. *башмак...* ‘башмак, туфля; обувь...’ (ЭСТЯ II, *93–94*), в ходе которого Э.В. Севортян опирался, в частности, на версию А. Зайончковского, склонявшегося к мысли о связи *башмак* с глаг. основой *ба-* ‘связывать’ в форме совместно-взаимного залога: **ба-ш(мак)*. Э.В. Севортян считал, что идея подобной связи «не беспочвенна», поскольку приводимое им ранее в перечне вариантов слова *башмак* тат. диал. *баймак* ‘башмаки, домашние туфли’ прямо связано с глаг. основой типа *бай-*, соответствия которой означают ‘вязать, завязывать’.

Вместе с тем исследователь не был вполне уверен в обоснованности данной версии. Свои сомнения он объяснял тем, что «глагол **баш-*, от которого образовалось *башмак...*, остается пока невыясненным как формально, так и семантически» (ЭСТЯ II, *94*). Мы также считаем, что в целом неубедительна связь названий обуви с глаг. основой, означающей ‘вязать, связывать’ как в случае с *башмак*, так и в ситуации с *байпак ~ баймак* и под.

Подобная связь прослеживается за пределами рассматриваемых форм и притом, скорее, как исключение, примером чего является кирг. диал. *байчеке* ‘род сандалий (кожаная подошва на завязках)’ (Разрядка наша. — *Б. Т.*) (КРС, *98*), первый компонент которого (*бай*), вероятно, восходит к именному соответствию глаг. основы *бай-*, имевшему семантику типа ‘завязка’ и под. (см.: ЭСТЯ II, *14*), а *чеке* — к кирг. *чеке* ‘край, сторона’ (КРС, *854*).

Что касается слова *башмак*, то, поскольку оно обозначает в основном плотную, закрытую обувь, для него реальна связь с глаг. основой **баш-*, которая имела бы семантику ‘закрывать’ и под. и которую мы видим в тюрк. *баш-мак* (с аф. *-мак*) и других образованиях (см. **башка**, а также: Татаринцев 1988, *25–26*; ср. также **идик**).

Баймак ~ маймак..., по-видимому, имело сходную с *башмак* структуру (являясь отглаг. производным с аф. *-мак*), но родство этих форм друг с другом, думается, не доказано.

Возможно, что первоначально *баймак* имело анат. семантику, связанную с нижней конечностью, а затем (в результате метонимического переноса) получило знач., характеризующие обувь. На подобную версию наводит, в частности, наличие кирг. *баймак* ‘нижняя часть голени (главным образом, у лошади)’ (КРС, *97*), которая, вероятно, произведена от *бай-* ‘кончаться’ и под.: см. **бай II**, **майык I**. Подобная связь знач. отмечена для образований типа хак. *махпайах* ‘лодыжка; кожаные тапочки, доходящие до лодыжки; носки’ и под. (см.: ХРИЭС, *60*, *80*), вопрос о родстве которых с *баймак ~ маймак* не стоит (см. **мак-палчык**).

Из предыдущего изложения явствует, что компоненту *-мак* часто соответствует *-пак* (в *байпак* и других вариантах), что может свидетельствовать о вторичном сближении с основами образно-

го характера, или, точнее, с образованиями, связанными с глаг. **май-* ‘сгибаться (на сторону)’ и рассматриваемыми, в частности, в ЭСТЯ VI, *16–17* (где приводятся и тув. данные). Эти образования существуют в вариантах со срединными согласными *м* (типа *маймак* ‘кривоногий, неуклюжий, косолапый’) и *п* (ср. кирг. *байпаң* ‘движение вперевалку’, *байпаңда-* ‘ходить, переваливаясь с боку на бок’, а также *баймак* ‘нижняя часть голени...’ и *байпак* ‘чулки, носки’).

Исследователи правы, когда отрицают непосредственную родственную связь между указ. и подобными им формами, имеющими образную природу, и рассматриваемыми здесь наименованиями изделий, предназначенными для надевания на ноги (см.: Иллич-Свитыч 1984, *46*), но контаминация в этом случае вполне реальна. Ее свидетельством является не только звуковой облик части указ. наименований (их вариантов со срединным *п*), но и, вероятно, в определенной мере их семантика.

Можно, в частности, предположить, что первоначально *баймак...* было обозначением короткой, доходящей лишь до лодыжек обуви (типа домашних туфель) или коротких чулок (носков), а потом под влиянием сближения с образными основами стало также названием обуви «длинной»; с высокими голенищами, и «неуклюжей» (типа сапог и бродней), а также чулок, в частности войлочных[1]. Допустима также связь с названием закрытой обуви типа тув. *майгын идик* (см. **майгын**).

майта- *разг.* ‘ругать кого-л. матом, материть’.

Возникло под рус. влиянием. Связано с ругательствами, в которых фиксируется слово *мать* (ТСТЯ), от которого, по-видимому, и произведен (аф. *-та-*) глаг. *майта-* [*майтта-*] < **мать-та-*.

майык I ‘стопа, ступня; выкройка (передков обуви)’; **майыктааш** ‘ботинок, туфля’; *уст.* ‘вязаные туфли из белой шерсти на одну ступню, доходящие до щиколотки и употребляемые на охоте’[2].

Непосредственных соответствий у указ. форм не найдено. Думается, что тув. *майык* сопоставимо с азерб. диал. *maja* ‘подошва копыта’, тур. *maja* ‘мясистая часть ладони’, турк. диал. *mäja* ‘ладонь’, приводимыми в одном из источников, где эта форма, в свою очередь, сопоставляется с турк. диал. *pajpak*, знач. которого не приводится (СИГТЯ Р, *85*). Судя по другому источнику (СИГТЯ Л, *482*), это слово означает ‘войлочные чулки, валенки’.

[1] Ср. каз. *байпак* ‘войлочные чулки’. Возможно, последнее могло обозначать и длинные голенища, о чем свидетельствует каз. *байпакты етік* ‘национальные зимние мужские сапоги (с длинными голенищами)’ (КазРС, *62*).

[2] См.: Татаринцев Б.И. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. — Кызыл, 1974. — С. 10–11.

Исходной основой *maja* и под. считается **bań-* ‘подошва (ноги), вид обуви’, где *ń* впоследствии перешло в *j* (СИГТЯ Р, *84–85*), что представляется сомнительным.

Не вполне убедителен и именной статус указ. основы, а также ее реконструированная лексическая семантика. Возможно, *майык* и его соответствия с анат. семантикой типа *maja ~ mäja* гомогенны с именной основой *бай* ‘край(ний)’ и произведены от соотносительной с последней глаг. *бай-* ‘кончаться’ и под. (см. **бай II**). Таким образом, *майык* и *майа...* образовались с помощью формантов *-(ы)к* и *-а* от указ. глаг.; первоначально они могли означать нечто вроде ‘крайний, конечный (в частности, снизу)’.

Майык и *майа*, в свою очередь, родственны таким образованиям, приводимым нами в статье **бай II**, как алт. *байкан* ‘круп коня’ (ср. также куманд. *пайкан* ‘задница’, кирг. *майкал* ‘зад лошади’: РСл. IV, *1119*, *1986*), кирг. *баймак* ‘нижняя часть голени (главным образом, у лошади)’ и, возможно, як. *байаа* в сочетании *саннын байаата* уст. ‘нижний край лопатки’. *Байаа*, в свою очередь, связано с монгол. *majaγ-а / майаа* (в сочетании типа *далын майаа* ‘шейка лопатки’) (БАМРС II, *330*), которое сходно по форме и семантике с тув. *майык* и, возможно, восходит к подобной тюрк. основе.

Что касается турк. диал. *pajpak*, привлекаемого в одном из вышеприведенных источников для сопоставления с *maja...*, то это, как мы считаем, имеет под собой основания, хотя правильнее было бы привлечь вариант названия обуви типа *баймак*, который ближе к исходной форме этого слова (см. **маймак**).

Тув. *майык*, по всей вероятности, входит в состав лексики, специфичной для данного языка. То же самое можно сказать и об образованиях, связанных с данной основой. К ним принадлежат глаг. основы *майгы-* [маъйгы-] ‘в борьбе — наносить удар в стопу противника’ (< *майык* + *-(ы-)* и *майыкта-* ‘в борьбе — захватывать стопу противника’ (< *майык-та-* или *майык-ла...*). С учетом того, что *майык* обозначало также ‘выкройка (передков обуви)’, можно предположить существование основы *майыкта-* с семантикой ‘кроить (изготавливать) обувь (определенную, короткую)’, от которой образовано *майыктааш* (< **майыкта-гыш*) со знач., указанным вторым в заголовочной части данной статьи и в наст. время устаревшим (ср. также совр. ‘ботинок...’).

майык II ‘выкройка, шаблон; бланк, образец’.

Монголизм. Ср. монгол. *majiγ / маяг* ‘вид, форма, тип; образец; образ; уклад; вариант; манера; мода, фасон’, имеющий, в свою очередь, тиб. происхождение (БАМРС II, *330–331*).

У *майык II* имела, по всей вероятности, место контаминация с *майык I*, означающим, в частности, ‘выкройка (передков обуви)’

(см. **майык I**), результатом чего могло быть появление у *майык* семантики типа ‘выкройка, шаблон’, которая может быть отнесена как к первому, так и ко второму омониму.

майыктааш см. **майык I**.

майылаа ‘поджелудочная железа’.

Другие названия поджелудочной железы — *баарзык*, *бестиг-баарзык* (см. **баарзык**, **бес I, II**, а также: ТСТЯ I, *246*). В отличие от них у *майылаа* не обнаружено соответствий в других тюрк. языках. Вероятно, это и не монголизм; ср., впрочем, п.-монг. *majila* ‘край’ (Голст. III, *200*).

Можно предположить связь *майылаа* с *май*, отмеченным во многих совр. тюрк. языках, а также в поздних памятниках и означающим ‘масло, жир, сало’ и под. В отдельных языках соответствия *май* употребляются как анат. термины, в частности, в знач. ‘мозг’, ‘костный мозг’ (см.: СИГТЯ Л, *453–454*, ЭСТЯ VI, *13–14*). Ср. также хак. *май*, которое, кроме ‘сало’, означает также ‘молоки’ (ХРИЭС, *58*), т.е. ‘семенные железы и семенная жидкость рыб’ (ОШ, *363*).

По-видимому, представление о поджелудочной железе было связано с чем-то жирным, масляным (и наоборот?), о чем может свидетельствовать тоф. *баарсык* ‘поджелудочная железа; сало поверх тонких кишок’ (Рассадин. Словарь).

Структурно тув. *майылаа* может быть представлено как производное от *май-ла-*, глаг. основы, образованной аф. *-ла-* от *май* и означающей в ряде тюрк. языков ‘мазать, смазывать, намазывать (маслом, жиром)’ (возможно, → ‘смягчать’?). *Майылаа* < **майла-гу* ~ **май-ла-га*. Отглаг. образования с аф. типа *-гу* (*-га*) могут в некоторых случаях обозначать явления, связанные с анатомией и физиологией (см.: АИ, *236–237*), и к их числу в принципе относимо тув. *майылаа*.

Долгота гласного в последнем слоге этого слова — следствие упрощения комплекса *-агу* ~ *-ага*. Узкий гласный между *й* и *л* — протетический. Его появление, как и образование долготы, в конечном итоге могло быть обусловлено утратой словом своей внутренней формы, что объясняется, в частности, отсутствием в тув. языке как именной основы *май*, так и глаг. *майла-*. См. **чаг**.

майыыза *фолькл.* ‘подушка седла’.

Ср. также диал. *маайызы* ‘заменитель седла’ (ЦУ, *152*). Скорее всего, тув. *майыыза*, *маайызы* — монголизм, имеющий, в свою очередь, кит. происхождение. Ср. монгол. *тајиџа* / *маајуз* ‘подушечка на седле; переметная сума’ (БАМРС II, *309*), монг. *мајуза* ‘покрышка для седла’ < кит. *ма-жу-цзы* (Владимирцов. Ср. грамматика, *243*). Возможно, фолькл. (*майыыза*) и диал. (*маайызы*) имеют разные монгол. источники их появления в тув. языке (напр., различные диалекты монг. языка). Ср. также уйг. (лоб.) *мајузе* ‘коврик’ (Малов. Лоб., *141*), которое, скорее всего, является кит. заимствованием.

макпалчык [аъ] ‘бабка’ (*кость надкопытного сустава у животного*); **мекпелчик** [еъ?] *редк.* то же (БА, *195*).

Ср. *баканак*, *пакалчак*, *баканжаг*, а также *бакы*, *бага*, *бакай*, *бәкәл* и под. в других тюрк. языках, означающие ‘копыта, надкопытная часть; шпора; щиколотка, лодыжка; нога’ и относящиеся к животным и в меньшей степени к человеку (см.: ЭСТЯ II, *43–44*; СИГТЯ Л, *286–287*), где пропущены тув. данные (возможно, из-за вторичного *м* в анлауте).

Соответствия *макпалчык*... в приводимых выше и подобных им вариантах носят общетюрк. характер. Тув. *макпалчык* по своей форме ближе к уйг. *бакалчәк*, уйг. диал. *пакалчак*, каз. *бакалшак* и одной из праформ, реконструируемой как **baka-l-čak* (СИГТЯ Л, *286*). Ср. также тув. *мекпелчик* и тат., башк. *бәкәл* ‘щиколотка; лодыжка, бабка’, як. (по Э.К. Пекарскому) *бәгәлчәк*, *бәгәлчік* ‘запястье, кисть руки’, *бәгәччік* ‘сустав ручной кисти’ (ЭСТЯ II, *44*), *бэгэччэк* ‘запястье (руки)’ (ЯРС, *97*) (едва ли можно согласиться, что в як. формах «следует предположить метатезу из **bilek-čik*» (см.: Дыбо, *175*)).

Убедительная этимология указ. форм отсутствует. Э.В. Севортян констатировал, что общей их частью является *бак* (*бек*, *бәк*), скорее всего, глаг. (с неясной семантикой), у которого, кажется, имеется именное соответствие. О последнем дают представление тур. диал. *bağ*, *baak* ‘опухоль на нижней части ног у животных (как следствие перенапряжения)’ (ЭСТЯ II, *44*). В другом источнике какие-л. соображения о структуре рассматриваемых форм отсутствуют, кроме указания на то, что «основа оформлена различными “уменьшительными” суффиксами». Там же приводятся «внешние параллели», т.е. алтаистические соответствия монгол. и тунг.-маньчж. языков (в виде праформ), довольно близких друг другу и предполагаемой пратюрк. форме и, вероятно, хотя бы отчасти заимствованные.

В связи с этим автор утверждает, что «вряд ли можно считать тюрк. формы монголизмами или наоборот», поскольку этому препятствует семант. расхождение между тюрк. и монгол. формами (Дыбо, *310*; СИГТЯ Л, *287*). Однако тот же автор трактует тюрк. формы типа *bagalčag* ‘копытный сустав...’ как заимствования из монгол. **bagal-čag* ‘запястье, предплечье’ (Дыбо, *175*, *227*), хотя эта версия по структурно-фонетич. основаниям в частности сомнительна и, скорее, направление заимствования носит обратный характер.

В.И. Рассадин относит к числу монголизмов як. *бага* ‘стрелка под конским копытом’[1], истолковывая его как бурятизм и сопоставляя с бур. *туруунай бака* ‘стрелка (у лошадиных копыт)’, хотя тут же приводит для сравнения др.-тюрк. *baqanaq*, *baqajuq* ‘стрелка под копытом коня’ (Рассадин. МБЗ, *85*).

Вероятно, рассматриваемые тюрк. наименования связаны в конечном счете с глаг. основой **ба- ~ па-* ‘подниматься, возвышаться, выдаваться’ и производной ее формой типа *пак-* ‘лезть вверх...’, прослеживаемыми и в других названиях частей тела (см. **баш**, **балдыр**). От последней, возможно, образовано с.-югур. *пака* ‘мускулы руки выше локтя’, с которым одноструктурны такие образования, как каз. *бакы* ‘бабка’, азерб. диал. *бага* ‘копытное заболевание (опухоль) у лошадей’, *бакай*, распространенное тюрк. название бабок, козон и под. (ЭСТЯ II, *43–44*) и подобные двухсложные формы, среди которых и вероятные диминутивы вроде *бакал* (ср. также *бәкәл...*), где *-л* мог быть уменьш. аф. (ср. **баал**), хотя не исключено, что это один из формантов, образующих отглаг. имена.

Вместе с тем часть рассматриваемых форм могла иметь как твердорядные, так и мягкорядные варианты, что, по-видимому, связано либо с их образной природой, либо с вторичным их осмыслением как образных по своему характеру. Э.В. Севортян в связи с этим отмечал: «Изложенный выше материал допускает возможность рассматривать ненёбные и нёбные основы... как исторически параллельные, хотя нёбные формы основ в памятниках, кажется, не встречаются» (ЭСТЯ II, *44*), что, скорее всего, в данном случае свидетельствует о более позднем их появлении.

Тув. *макпалчык* ближе всего к тюрк. формам типа *baqal-čaq*, где *-čaq* — аф. диминутива, которому в тув. слове соответствует вариант с узким гласным (*-чык*); в основе **макпал* наблюдается переход *б* > *м*. Срединное сочетание *-кп-* восходит к удвоенному (долгому) *-кк-*, являясь результатом диссимилятивного изменения второго из указ. согласных. Удвоение интервокального *к(q)* и подобное изменение *-кк-* для тув. форм в определенной степени характерны. Те же изменения консонантизма повторены в тув. *мекпелчик* — вторичном варианте *макпалчык*.

макта- ‘хвалить, одобрять’; **мактал** 1) ‘хвала, похвала, одобрение’; 2) *фолькл.* ‘благопожелание (один из видов)’; **макталга** см. **мактал** 1); ‘благодарность’; **макталдыг** ‘удостоенный похвалы’; **мактанчак** ‘хвастливый’; **макташтыг** ‘достойный похвалы’, **мактыг** ‘достойный похвалы; хвалебный’.

[1] Ср., по другому источнику, як. *сылгы багата* ‘наросты выше копыт — у лошадей; стрелки под лошадиными копытами’ (ЯРС, *58*). Стрелка — треугольный роговой выступ на нижней стороне конских копыт.

Глаг. основа *макта-* имеет общетюрк. соответствия в основной форме *макта-* (вариант — *магта-* и др.), у которой практически во всех источниках отмечается семантика ‘хвалить, восхвалять’ (ЭСТЯ VI, *11*). Имеется также именная основа *мак ~маг ~ пак*, фиксируемая в основном в юж.-сиб. тюрк. языках и их диалектах, главным образом в знач. ‘хвала, слава’ (Там же). Высказывается и мнение о существовании у *мак...* глаг. соответствия (означавшего, возможно, ‘славить’).

Согласно распространенной точке зрения, тюрк. *макта-...* является монгол. заимствованием, чему как будто препятствует наличие у него фактической производящей основы *мак...*, соответствия которой в монгол. языках отсутствуют. В связи с этим высказывается мнение о том, что «имени *маг / мак* в тюрк. языках не существовало», а известные в северо-вост. языках «именные формы являются поздней абстракцией из форм глагола, который заимствован из монгол. языков» (ЭСТЯ VI, *12*).

Это мнение в ЭСТЯ не оспаривается, хотя оно выглядит голословным и к тому же оставляет открытыми вопросы о том, какова же была производящая основа монгол. соответствия тюрк. *макта-* и почему таковая обнаруживается именно в тюрк. языках (и притом в периферийных, где как раз и могут сохраниться арх. формы, утраченные языковой семьей в целом). Скорее всего, прав был Э.В. Севортян, говоривший как раз о сохранении в тюрк., в частности в алт. и хак., языках имени *мак* со знач. ‘слава; хвала’ (АГ, *385*).

Свидетельством сохранения имени *мак...* в тюрк. языках Южной Сибири являются специфичные для них образования от данной именной основы, имеющие собственно тюрк. структуру и не имеющие монгол. соответствий. Это, в частности, тув. *мактыг* с указ. знач. и его соответствия, к которым относятся хак. *мактыг* ‘известный, знаменитый, прославленный’, шор. *пактыг* ‘славный, именитый’ (Вербицкий 1, *240*), где *-тыг* — один из вариантов аф. *-лыг*, а также глаг. *максыра-* ‘хвалиться’ (Там же, *487*).

Одним из аргументов в пользу монгол. происхождения тюрк. *макта-* (и других подобных форм) считается наличие начального *м* (см., напр.: Щербак 1997, *206*), каковой, однако, не может служить однозначным показателем заимствованного характера тюрк. слов. К тому же в данном случае исконность анлаутного сонанта *м* не доказана, не говоря уже о том, что она и не была предметом доказательства: из первичности *м* просто исходили как из непреложного факта. Между тем отнюдь не исключено, что первичным здесь мог быть смычный согласный *б*.

В связи с этим обращают на себя внимание алт. диал. и шор. варианты основ *мак* и *макта-* с начальным *п* типа *пак* и *пак-*

та- (см.: ЭСТЯ VI, *11*), который, возможно, восходит не к *м-*, а, напротив, ближе к исходному *б.* Широкое же распространение в тюрк. языках указ. форм с начальным *м* могло быть результатом вторичного влияния на эти языки монгол., где глаг. основа *maγta- / магтах* 'хвалить, славить' либо восходит к тюрк. варианту этой основы с начальным *м*, либо появление последнего явилось результатом ее освоения монгол. языками.

Г. Вамбери допускал наличие у основы *мак* 'хвала, слава' дополнительного знач. 'высота' (ЭСТЯ VI, *12*). Наличие такой или близкой семантики (напр., 'высокий') в данном случае представляется реальным, причем она вполне могла быть не дополнительной, а основной, исходной. Тогда *макта-* первоначально, возможно, означало 'поднимать' (откуда 'хвалить' и под.). Ср. нечто подобное у тюрк. глаг. основы *көтер- ~ көтур-* (см. **көдүр-**) 'поднимать', где отмечена семантика 'чтить, возвеличивать; хвалить' и т.д.; ср. также турк. *гөтерим* 'падкий на лесть' (ЭСТЯ III, *86–87, 88*).

В таком случае *мак-*, глаг. соответствие *мак*, сопоставимо с шор. *пак-* 'лезть, влезать, карабкаться (вверх)' (ШРС, *39*) и его соответствия с семантикой 'лезть вверх' в алт. и хак. (см. также **баш**), которые определенно сохранили знач., близкое к исходному.

Знач. подъема можно проследить, по-видимому, и у одного из соответствий общетюрк. *макта-*, к которым относится с.-югур. *пакта-*, употребляемое в выражении вроде *орсаңны пакта!* 'воскуряй фимиам!'. С.-югур. слово правомерно сопоставлено С.Е. Маловым с шор. *пакта-* 'хвалить, славить' (по РСл.), а *орсаң* означает 'курение, благовоние' (буддийское) (см.: Малов. ЯЖУ, *83, 86*). В целом приведенное выражение могло первоначально означать нечто вроде 'подними (кверху) благовония (фимиам)!'. Производящей основой с.-югур. *пакта-*, вероятно, была **пак* 'верх(ний); высокий; высота'.

В тув. языке глаг. основа *макта-*, возможно, не является заимствованием, как и часть родственных с ней (ср. *мактыг*), в том числе и восходящих к *макта-* форм, в числе которых *макташтыг* 'достойный похвалы' (ср. узб. *макташ* 'восхваление, хвала', непосредственно связанное с *макта-*) и *мактанчак* (тоф. *мактаньчак*) 'хвастливый', которому соответствуют тат. *мактанчык* 'хвастун, бахвал', алт. диал. *мактанчык* 'самохвал; тщеславный', узб. *мактанчок* 'хвастун' (см.: ЭСТЯ VI, *13*).

Монгол. влияние заметнее всего проявилось в некоторых отглаг. сущ., которые явно заимствованы, в частности *макталга* (ср. п.-монг. *maγtalγa*, монг. *магталга* 'хвала, восхваление, прославление') и *мактал* (п.-монг. *maγtaγal, maγtal*, монг. *магтаал* 'хвала,

восхваление; панегирик, ода, гимн'). Тув. *мактал*, вероятно, восходит к п.-монг. варианту *maγtal*; ср. як. *мактагал* 'хвала, восхваление' (Пек. II, *1539*), связанное с монгол. формой типа *maγtaγal.*

Вероятно, монгол. происхождение имеет тув. *макталдыг*, которое может представлять собой результат переоформления монгол. формы с аф. *-тай* (о ней дает представление бур. *магталтай*).

мактал см. **макта-**.

макталга см. **макта-**.

макталдыг см. **макта-**.

мактанчак см. **макта-**.

макташтыг см. **макта-**.

мактыг см. **макта-**.

макыр [аъ] ~ **мыкыр** [аъ] 'очень белый, чисто-белый'; **маңган** [аъ] 'белый-пребелый, абсолютно белый'; **маңгыр** [аъ] см. **маңган**.

Часто семантика данных прил. реализуется в сочетаниях с последующим словом *ак* 'белый' (см. **ак**): *макыр ак, маңган ак, маңгыр ак...*

Ср. хак. *маган* 'лошадь белой масти; лошадь, имеющая светлые глаза' (ХРС, *100*), *маган ~маңан* 'альбинос', *маган* 'альбинос', *маган ак* 'лошадь со светлыми глазами', *маган харах* 'подслеповатый' (ХРИЭС, *58*), хак. (саг.) *ак маган* 'лысина на лбу у лошади, белизна вокруг глаз (лошадиная масть)' (РСл. IV, *2000*); в словаре В.В. Радлова приводится, кроме того, хак. и тув. форма *маңкан* 'бледно-желтый' (Там же, *2008*). Ср. также як. *маган* 'белый (лошадь, птица, небо, день); белизна' (Пек. II, *1499*), *маган* 'белый медведь' (ДСЯЯ, *155*), *магаас ~ маңаас* 'белый', диал. *маңаас туруйа* 'даурский журавль' (Там же, *157*), *маңаас* 'белоголовый, беломордый (о животных)' (ЯРС, *235*), *маңай- ~ маңхай-* 'белеть, седеть', лоб. *маңкан кой* 'самая белая овца' (Малов. Лоб., *141*).

Большинство тюрк. форм имеет монгол. соответствия, каковы п.-монг. *mangqan* 'беловатая масть скота; светлоголовый; со звездочкой на лбу', монг. *манхан* 'лысый; со звездочкой на лбу (напр., о лошади)', п.-монг. *mangqar* то же, монг. *манхар* 'белоголовый, имеющий белую шерсть около глаз, головы или морды (о лошади или собаке)'.

Тюрк. формы считаются монголизмами. М. Рясянен отнес к их числу в основном варианты с конечным *н* (по материалам сиб. тюрк. языков), а также як. *маңай-...* и *маңаас ~магаас*, возводя их все к монгол. *maŋqan* (EW, *326–327*), что, очевидно, не вполне правомерно. В.И. Рассадин отмечает монгол. происхождение только як. форм *маган ~ маңан* и *маңай- ~ маңхай-*, причем по-

следняя отнесена к числу калм. (ойр.) заимствований и сопоставлена с калм. *маңхэ-* ‘рассветать’ (Рассадин. МБЗ, *72*, *85*) или ‘становиться светлым, светать’ (см. также: ЭСРДС, *364*).

Монгол. происхождение подобных тюрк. форм (к их числу могут быть отнесены и тув. *маңган*, *маңгыр*) вероятно, хотя в то же время не все они, кажется, имеют монгол. соответствия как в случае с як. *маңаас ~ магаас*. Вероятно, это композита, образованная путем слияния основ *маңан ~ магаан* и як. *аас* ‘белый (о масти лошади)’. Последняя отмечена, в частности, в таких источниках, как Бётлингк, *437* и ДСЯЯ, *38*.

Есть неясность и с тув. *макыр ~ мыкыр*, где труднообъяснимо появление срединного геминированного *к* ([*маъккыр*] ~ [*мыъккыр*]), а во втором варианте — также и узкого гласного *ы* в первом слоге. Не вполне понятно также приобретение тув. формами адъективной семантики высокой степени качества, не фиксируемой другими тюрк. языками.

Сочетания форм с последующим прил., означающим ‘белый’ (ср. монг. *цагаан*), отмечаются и в монгол. языках, но у этих сочетаний указ. семантика не всегда фиксируется (ср. монг. *манхан цагаан морь* ‘лошадь с белой звездой на лбу’), хотя иногда и может прослеживаться: *манхан цагаан уул* ‘гора со снежной вершиной’ (БАМРС II, *322*). Возможно, под их влиянием возникли тув. формы типа *маңган ак*.

мал ‘скот (домашние животные); лошадь’; *перен.* ‘грубый, подлый человек’.

Ср. тоф. *мал* ‘скот; скотина, домашнее животное’, а также соответствия общетюрк. характера в основной форме *мал* со знач. ‘имущество, товар; скот’ (см.: РСл. IV, *2035–2036*). В большинстве языков фиксируется как семантика ‘имущество...’, так и ‘скот’; в некоторых отсутствует знач. типа ‘скот’: ср. др.-тюрк. *mal* ‘имущество, достояние; товар’ (ДТС, *335*), чув. *мул* ‘имущество, богатство; добро, деньги; приданое невесты’. Наконец, существует небольшое число языков, где у *мал* не отмечается семантика типа ‘имущество, товар’. К ним принадлежат, в частности, тув., тоф., хак., шор., чул.-тюрк. языки.

Слово считается араб. или арабо-перс. заимствованием (ср.: ДТС, *335*; EW, *323–324*; ЭСЧЯ, *134*; Кайдаров, *259*). С.Е. Малов выражал сомнение в том, что *мал* ‘скот’ связано с араб. влиянием (Малов, ЯЖУ, *24*). Можно предположить, что в часть тюрк. языков слово *мал* попало через чье-л. посредничество, в частности через монгол. В монгол. языках имеется соответствие тюрк. слова (также в форме *мал* и со знач. ‘скот’ (см.: ЯМВМ, *166*)). В монг. языке у *мал* отмечаются знач. ‘скот; скотина’ и ‘имущество’ (БАМРС II, *314–315*). Можно предположить, что в тув., а также в других юж.-сиб. тюрк. языках *мал* заимствовано из монгол.

малгаш [аъ] ‘грязь, слякоть; болото; глина; грязи (лечебные)’; **малгаш-балар** [аъ-] ‘грязь, слякоть’.

Ср. также *балгаш* [аъ] ‘грязь; глина’, *балгаш-балар* [аъ-] ‘грязь, болото’ (ТСТЯ I, *212*). Соответствия в других языках — тоф. *баълһаш* ‘жидкая грязь, ил; лужа’ (ТРС-РТС, *15*, *176*), алт. *балкаш* ‘грязь’, туба *балгач ~ балгаш* ‘земля, грязь, почва’, шор. *палгаш* ‘глина, грязь’, хак. *палгас ~ палгаш* ‘жидкая грязь’, каз. *балкаш* ‘болотистая местность, топь’, кирг. *балкыш* ‘глина, жидкая грязь’.

В словаре В.В. Радлова отмечены варианты *палкаш ~ палгаш ~ палгас* ‘грязь, ил; земля, глина’ (РСл. IV, *1169*, *1170*), каз. *балкаш* ‘зыбкое место, покрытое кочками; кочки в болоте’ (Там же, *1499*). См. также: ЭСТЯ VI, *103*.

По мнению А.Т. Кайдарова, в каз. *балкаш* и некоторых других формах прослеживается основа **бал* ‘водянистое, болотистое, топкое’, причем *балкаш* и под. сопоставляются с *балгын* ‘свежий, нежно-зеленый (о молодой траве)’ и *балдыр* ‘водоросль’, которые автор, в свою очередь, связывает с основой **бал* ‘нечто влажное, свежее, сочное...’ (Кайдаров, *191*: статьи ***бал** III и ***бал** IV).

Мы также считаем, что тув. *балгаш ~ малгаш* родственно с тув. *балар* (см.: EW, *60*), гомогенным, в частности, с каз. *балдыр* и означающим ‘тина, ил’, но последнее мы относим к числу производных от **бал(ы)-* ‘плескаться (в воде)’: см. **балар**, **балык**; ср. также приводимое выше тув. парное слово *малгаш* (*~ балгаш*) *-балар*.

В конечном счете исходная основа *балгаш...* носит подражательный характер и, по всей вероятности, существовала в варианте **бал-к*, реализующемся в глаг. типа *балкы-* ‘разливаться; болтать, колебаться’, который В.В. Радлов сравнивал с як. *балкый-* (без указания семантики) (РСл. IV, *1499*); ср. як. *балкый-* ‘болтать, взбалтывать, плескать; балакать, болтать языком’, истолковываемый как образование от *бал*: ср. **бал*, *балк* — звук падения студенистой, полужидкой или тестообразной массы (Харитонов, *260*, *265*), хотя семантически ближе к *балкый-* бараб. *балгы* ‘мутность воды’ (РСл. IV, *2039*); см. также **былча-**, **былчак**.

Вместе с тем у основы *балкы(й)-* можно предположить существование варианта с широким гласным **балка(й)-*, а от **балка-* могла образоваться с помощью аф. *-ч* и *-ш* (в том числе *-ш < -ч*) основная часть вариантов *балкаш...*; кирг. *балкыш < *балкы-ш*.

Менее убедительна версия, согласно которой постулируется существование основы **bal* ‘жидкая и хлюпающая почва...’ и под.,

от которой с помощью диминутива *-čyk* образовано **balčyk* 'грязь...', тогда как в *balkaš...* выделяется аф. *-kač ~ -kaš*, трактуемый либо как аф. отглаг. имен, либо как синоним форманта *-čyk* и «возможно, даже [как] результат замены» (ср.: СИГТЯ Л, *374*, ЭСТЯ VI, *104–105*). Еще менее реальна этимология, предложенная в ПЭТЯ, *297–299*.

малгаш-балар см. **малгаш**.

малдырган [аъ] 'дягиль, борщевик'; **малдыргана** *редк.* то же (см.: КЛА, *362*); **палчыргана** *юго-вост.* 'растение, которое ест медведь' ('борщевик'?).

Тув. форма *малдырган* (встречается и *балдырган*) имеет соответствия общетюрк. характера в вариантах *балтыркан ~ балдырган ~ балдыран* и под. со знач. 'борщевик, дягиль, пу́чка' и т.д. Отмечено, что большинство этих вариантов относится к растению (Heracleum / Heracleum sibiricum и т.д.) 'борщев(н)ик' (ЭСТЯ II, *55*).

Тюрк. *балтыркан...* имеет «монгол. параллели» типа *balčirgana, baltaryana* и их совр. соответствий *балчиргана ~ балтаргана* 'борщевик сибирский'. Фактически же данные «параллели» представляют собой, скорее всего, тюркизм в монгол. языках (в его разных вариантах). В тув. языке отражены как тюрк. (*балдырган ~ малдырган*), так и заимствованные из монгол. языков (*малдыргана, палчыргана*) варианты слова.

Удовлетворительной этимологии тюрк. слово не имеет. Э.В. Севортян высказал мнение, что оно «представляет собой глаг. имя на *-кан ~ -ан*», и, «таким образом, производящей основой *балдыран...* должна быть *балдыр-* или *бал-*» (ЭСТЯ II, *55*). Ученый довольно осторожно подходил к решению вопроса о том, какие признаки положены в основу тюрк. наименования борщевика, и констатировал, что они «разные в разных языках» (?). Сам Севортян допускал генетическую связь этимологизируемого слова с каз. *балауса* (*балав°са*) 'мягкая сочная трава (растущая на берегу реки, озера)', *балгым* (*балгын? — Б. Т.*) *шөп* 'зеленая трава', кирг. *балыр* — название водоросли и под., а в конечном итоге — с основой *бал* 'грязь' и с неким «общим корнем **бал-* или **бал-*» (ЭСТЯ VI, *55–56*). Однако и приводимые сопоставления, и общий вывод представляются неубедительными, а структура слова оказывается практически лишенной семант. «наполнения».

В другом более позднем источнике у тюрк. *baltyryan* усматриваются основы **baltyr* и **bal* (первичная), у последней из которых реконструируется семантика 'зеленый, свежий, молодой'. При этом *baltyryan* сопоставляется, с одной стороны, с основами типа др.-уйг. *baltyr* 'младшая родственница' и его соответствиями типа *baldyz* 'младшая сестра жены' и др., а с другой — с каз. *balyyn šöp* 'зеленая трава', *balyyn žas* 'цветущая молодость' (СИГТЯ Л, *123*).

В работе А.Т. Кайдарова в качестве родственных слов рассматриваются каз. *балгын* 'свежий, нежно-зеленый (о молодой траве)', *балауса* (см. знач. выше), а также *балдыр* 'водоросль' и восстанавливается их основа **бал* 'нечто влажное, свежее, сочное, эластичное, зеленое, молодое' (Кайдаров, *191*), т.е. практически та же, что и в СИГТЯ.

Вместе с тем в число указ. родственных слов А.Т. Кайдаров не включает каз. *балдырган* 'борщевик', что, возможно, не случайно, поскольку последнее может не считаться гомогенным с *балдыр* 'водоросль' (или 'водоросли'; см.: КазРС, *65*), хотя эти наименования друг с другом очень близки и их сопоставление напрашивается как бы само собой[1].

По всей вероятности, *балдырган* действительно не родственно *балдыр* 'водоросли', являющимся одним из вариантов слова *балыр*, которое приводилось выше и определенно не имеет прямого отношения к *балдырган* и его соответствиям (см. также **балар I**).

Происхождение последнего, думается, можно было бы связать с общетюрк. *балтыр ~ балдыр* 'икра (ноги), голень, нога, ляжка' и под., означающим также (в частности, в огуз. языках) 'стебель'. Появление этого знач., в свою очередь, может быть обусловлено таким мотивирующим семант. признаком, как 'массивный, крупный' и под. (см. **балдыр**). *Балтырган...* возникло, в частности, как название зонтичного растения типа борщевика сибирского, характеризуемого крупным полым, а в нижней своей части и довольно толстым стеблем. Поэтому указ. признак неслучайно лег в основу наименования соответствующей реалии.

Балтырган и под. — определенно отыменное (а не отглаг., как полагал Э.В. Севортян) образование, а аф. *-ган* (*< кан*) *~ -ан* в данном случае мог иметь сравнительную или увеличительную семантику, которая у этого форманта также отмечалась (см.: АИ, *172*).

Типологически к тюрк. *балтырган...* в конечном итоге близко рус. диал. *пу́чка* 'зонтичное растение, борщевик', заимствованное из финно-угорских языков, где соответствия указ. слова имеют знач. типа 'зонтичное растение, стебель зонтичного рас-

[1] По-видимому, то же каз. (= «кирг.») слово *балдыр*, но в знач. 'какое-то болотное растение' приведено в труде В.В. Радлова (см.: РСл. IV, *1504*). Очевидно, оно же, но уже как кирг. (ошибочно?) дается в словаре Э.В. Севортяна, который приводит мнение одного из исследователей (H. Eren), возводившего к *балдыр* форму *балдырган* и ее соответствия (ЭСТЯ II, *56*).

тения' (см.: Фасмер III, *415*; ЭСРДС, *460–461*: ср. урал. **pućke* 'полый стебель растений').

Подобный же характер связи знач. М. Фасмер (в указ. труде) отмечал у нем. диал. *Stengel*, *Tuten* 'борщевник' (букв. 'стебель, трубочка'). Ср. также **молдурук**, **мылдык**.

малдыргана см. **малдырган**.

малдыыр [аъ] 'род деревянной лопаты, деревянный скребок для уборки снега'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *maltaγūr*, монг. *малтуур* 'деревянный скребок (для чистки снега, навоза и т.п.)' < монгол. *malta- / мал-тах* 'копать, рыть'. Тув. *малдыыр*, скорее всего, заимствовано из монг. языка, как и его варианты *балдыыр* [аъ] (ТСТЯ I, *234*) и *балтыыр* (Доржу 2002, *36*). Последние являются результатом сравнительно редкого перехода *м- > б-*. Ср. также **хетпе**, **мылды-**.

мал-маган [-аъ] *собир.* 'скот'.

См. **мал**, **маган**. Тув. *мал-маган* — монгол. заимствование, прототип которого, по-видимому, подвергся переосмыслению. Ср. п.-монг. *mal migan* 'мясо'. Его монг. соответствие *мал мах(ан)*, к которому, скорее всего, восходит тув. слово, связано с забоем скота, о чем свидетельствуют такие словосочетания, как *мал махны бэлтгэл* 'мясозаготовка' и *мал махны уе* 'время забоя скота' (БАМРС II, *314*).

В тув. *мал-маган*, возможно, недостаточно четко осознавалась первоначальная семантика второго компонента ('мясо'), который самостоятельно употребляется достаточно редко и мог быть воспринят как близкий по знач. к *мал* ('скот'), что способствовало осмыслению целого как собир. названия скота. Ср. **мал-сүрүг**.

мал-сүрүг *собир.* 'скот; стада'.

См. **мал**, **сүрүг**. Появление указ. собир. названия скота, скорее всего, могло быть результатом монгол. (вторичного?) влияния: ср. п.-монг. *mal sürüy* 'стадо скота', монг. *мал сүрэг* 'скот'. При этом *сүрүг* как компонент наименования *мал-сүрүг* сохраняет тюрк. форму: ср., в частности, др.-тюрк. *sürüg* 'стадо, табун'.

малчы 'пастух, скотовод'; **малчы-кулчу** *фолькл.* 'пастух, батрак'; **малчын** 'животновод, скотовод'.

Тув. *малчы* и первый компонент парного слова *малчы-кулчу* представляют собой образование с аф. *-чы* со знач. деятеля от *мал* 'скот' (см. **мал**). Соответствия *малчы* отмечены также в соседних тюрк. языках Сибири, а также в кирг. и уйг. (ср. алт., кирг. *малчы* 'пастух, скотовод', а также: РСл. IV, *2042*). У этой формы имеются и монгол. соответствия типа монг. *малч* 'умелый скотовод' (тюркизм?).

Компонент *кулчу* в тув. языке также используется в качестве самостоятельного слова (семантика 'раб, слуга') (см. **кул**, **кулчу**).

Что касается тув. *малчын*, то оно определенно является монголизмом и при этом, скорее всего, поздним и связано, в частности, с монг. *малчин* 'скотовод, пастух', где *-чин* — своего рода монгол. вариант аф. *-чы*. Этот формант отмечен и в других монголизмах тув. языка: ср. **ажылчын**, **тараачын**.

малчы-кулчу см. **малчы**.

малчын см. **малчы**.

мана- 'ждать, поджидать; пасти; охранять, сторожить, караулить'; **манаакай** 'пастух'; **манаачы** *диал.* 'сторож, стража' (ЦУ, *152*); **манаг** 'присмотр за табуном, ночное; охрана (напр., поля); ночная охота (обычно у солончаков)'.

Ср. тоф. *мана-* 'ждать, поджидать, дожидаться; охранять, стеречь, сторожить'; як. *манаа-* 'ждать; караулить, стеречь; оберегать; пасти (скот); подсматривать, следить', шор. *мана-* 'ждать, ожидать'.

Тув. *мана-* и его указ. соответствия (кроме шор.) относятся к монголизмам и сопоставляются, в частности, с п.-монг. *тапа-* 'караулить, стеречь', монг., бур. *мана-* 'стеречь, охранять' (Рассадин. Фонетика, *206*; Рассадин. МБЗ, *44*, *56*, *74*; ср. также: EW, *325*).

С указ. версией в целом можно согласиться. Вместе с тем, в свою очередь, вероятно тюрк. происхождение монгол. глаг. основы *тапа-...*, появление которой может быть связано с тюрк. именной **ман*, о которой дает представление алт. *ман* 'городьба, сделанная через дорогу, где ходят дикие козы; для тропинки оставляется незагороженное место, где ставится лук со стрелой' (ГАЯ, *218*; Вербицкий 1, *199*); 'заграждение, изгородь, частокол, забор' (ОРС, *108*)[1] (см. также: РСл. IV, *2015*).

В свою очередь, *ман < ба-н*, где **ба-* — глаг. основа, которая тождественна с *ба-* 'связывать' и под. и родственна, в частности, с *баг*, среди знач. которого фиксируется 'перемычка, плотина' (см.: ЭСТЯ II, *15–16*, а также **баг**, **манчак**, **маны I**).

В алт. языке отмечен также глаг. *мана-* 'городить, загораживать'[2], который, вероятно, имел и семантику типа 'караулить,

[1] С алт. *ман* сопоставляется чув. *панча...* 'рассадник, питомник', причем этот случай истолкован как проявление чередования *п ~ м* (см.: ЭСЧЯ, *142*; Федотов. ЭСЧЯ I, *383*).

[2] Возможно, с указ. алт. основой связано хак. *мана-* 'обрабатывать землю' (ХРИЭС, *58*) с предполагаемым первоначальным знач. 'загораживать, огораживать (участок земли для посева)'. В словаре В.В. Радлова глаг. *мана-* 'окружить забором' отмечен не только в алт., но и в хак. (саг. диал.) (РСл. IV, *2016*).

подкарауливать', с чем можно связать знач. монгол. глаг. основы, приводимые выше.

Что касается тув. *мана-*, то создается впечатление, что эта основа либо принадлежит к числу очень давних монголизмов, хорошо освоенных тув. языком, либо она существовала еще до появления в тув. лексике соответствующего заимствования и имела знач. типа 'ждать, поджидать (в частности, сидя в засаде и карауля добычу)', что представляется более вероятным. В таком случае применительно к тув. *мана-* можно говорить о семант. заимствовании. Возможно, та же ситуация наблюдается в тоф. и як. языках (см. соответствующие толкования знач. глаг. основ), а шор. *мана-* 'ожидать, поджидать' вообще может не быть монголизмом.

По своей структуре, а также по семант. основаниям таковым не является и тув. *манаг* (< *мана-г*), которое относил к монголизмам М. Рясянен, по-видимому, возводивший *манаг* к п.-монг. *тапауа* 'ночная стража' (EW, *325*); ср. также монг. *манаа(н)* 'стража, караул, охрана, пост; сторож, караульный, постовой', однако для монгол. заимствований указ. структурно-фонетич. изменение нехарактерно. Несомненно, *манаг* — собственное образование от основы *мана-*. Семантически к монгол. *тапауа* / *маная(н)* ближе производное от *манаг* тув. *манагжы* 'ночной пастух; сторож; охотник в засаде', которое тем более монголизмом не является. Ср. тоф. *манаачча киши* 'сторож' (при *киши* 'человек'), первый компонент которого — явный монголизм, восходящий к монгол. форме типа *тапауачі* / *манаач* 'сторож, карауль-ный; охрана'. Таково же происхождение и тув. диал. *манаачы* 'сторож, стража'.

Сомнительным в качестве монголизма представляется и хак. глаг. *манна-* 'беречь, бережно относиться; быть внимательным', также включенный М. Рясяненом в ту статью своего словаря, на которую мы уже ссылались. Скорее всего, *манна-* < **ман-ла*, где **ман* могло иметь семантику 'бережный, осторожный, внимательный' или под., характеризующую признаки, которые, в частности, связаны либо с нахождением охотника в засаде, либо с охраной (в том числе пастьбой), либо с огораживанием, защитой чего-л. Эта основа, вероятно, гомогенна с ранее выявленной **ман* < **бан* и также может рассматриваться как исходная для *мана-*.

В той же статье словаря Рясянена в качестве монголизма приведено также алт. *манакай* 'засада' (ср. также: ОРС, *108*; Вербицкий 1, *199*). Для него, однако, не указано монгол. структурного соответствия. Отметим, что *манакай* структурно и отчасти семантически близко тув. *манаакай* 'пастух' (ТСТЯ; ср. также

ТРС 1968, *287*, где это слово дается с отсылкой к *манагжы* с указ. выше знач.).

Алт. *манакай* и тув. *манаакай* сопоставимы с монг. *мануухай* 'пугало; чучело (для отпугивания волков)', бур. диал. *мануухай* 'чучело; пугало огородное'. «Раньше в каждом "хотоне" (монг. стойбище) держали 2–3 сторожевых собак и устанавливали "сторожей" в виде пугала *мануухай*»[1]. Монг. слово Б.Я. Владимирцов возводил к праформе **тапауиҳаі* (связанной с *тапа-* 'охранять, стеречь'?) (Владимирцов. Ср. грамматика, *240*).

Похоже, что вышеприведенные тув. и алт. формы являются монголизмами, восходящими к подобной древней монгол. форме, сохраняющей звуковой комплекс *ауи* или близкий к нему, который в совр. монгол. языках превратился в долгий *уу*. В тув. языке долгота в *манаакай*, как и в других подобных случаях, образовалась по первому широкому гласному (*а*), т.е. здесь имела место прогрессивная ассимиляция гласных в отличие от регрессивной (по второму, узкому гласному) в монг. или бур. *мануухай*.

В алт. *манакай*, вероятно, имело место то же изменение, что и в тув. *манаакай*, но долгота гласного в алт. была, по-видимому, впоследствии утрачена.

Особо следует сказать о семант. отличиях указ. монголизмов от своего прототипа. Они, скорее всего, вызваны сближением со словами, ранее существовавшими в алт. и тув. языках: алт. *манакай* могло испытать влияние имени *ман*, связанного с засадой, а тув. *манаакай* — глаг. *мана-* в знач. 'пасти'.

В тодж. диалекте тув. языка отмечена глаг. форма *маанакайла-* 'ждать' (ТСТЯ), производная от **маанакай*, напоминающей рассмотренные выше алт. и тув. именные основы, однако знач. **маанакай* и причина появления долготы в первом слоге неясны. Очевидно, что этот долгий гласный вторичный и, возможно, до его появления глаг. **манакай-ла* были сближены по знач. с *мана-* 'ждать'. Первоначально этот глаг. мог означать что-л. подобное 'ожидать (находясь в засаде или в карауле)'.

манаакай см. **мана-**.

манаачы см. **мана-**.

манаг см. **мана-**.

манар: **манар эртине** *редк. фолькл.* — название сокровища, обладающего свойством творить чудеса (**эртине** 'сокровище').

Соответствующая реалия именуется также *шокар эртине* 'пестрое сокровище' и указываются ее размеры (*...аът бажы дег...* 'с

[1] Цэрэнханд Г. Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. — Новосибирск, 1993. — С. 35.

конскую голову...') (ТТ 1968, VII, *234*, *235*). По всей вероятности, *манар эртине* — монголизм, хотя его непосредственное монгол. соответствие неясно и *манар* может быть результатом контаминации двух монгол. названий драгоценных камней: *анар* 'гранат' (< перс.) и *молор* (или *молор эрдэнэ*) 'топаз' (БАМРС I, *107*; II, *337*). По структуре и содержательной стороне тув. *манар эртине* все-таки ближе к монг. *молор* [*эрдэнэ*] 'топаз' с учетом того, что топазы могут быть разных цветов (ср. тув. *шокар эртине*) и достигать больших размеров и веса. Так, отмечены кристаллы топаза массой до 60–80 кг (см.: БЭС, *1213*). В связи с этим, возможно, не случайно сравнение типа тув. *аът бажы дег* ***манар эртине*** 'сокровище «манар» [величиной] с конскую голову', которое, в свою очередь, может восходить к монг. *морин толгойн чинээ* ***молор эрдэнэ*** 'сокровище топаз [величиной] с конскую голову' (БАМРС II, *428*). См. также **эртине**.

мандаң [аъ] 'подболтка из муки, суп из подболтки'; *перен.* 'разбитый вдребезги'.

Ср. уйг. *мәнтаң*, *мәнтәң* 'отвар лапши' (< кит. *мяньтан* 'суп-лапша' при *мянь* 'лапша', *тан* 'бульон' (Рахимов, *258*), а также монгол. *bantang / бантан(г)* 'мучной суп, мучная похлебка'; перен. 'путаница, беспорядок'. Монгол. форма, очевидно, также китаизм.

Тув. *мандаң* семантически более близко к последней, нежели к ее кит. прототипу, и, скорее всего, ее непосредственным источником является монг. язык. Вместе с тем обращает на себя внимание несходство перен. знач. тув. и монгол. слов.

Знач. тув. *мандаң* 'разбитый вдребезги', похоже, возникло самостоятельно; во всяком случае, подобная ассоциация связывается в тув. языке с названием муки (*далган*): ср. выражение *хүл далган кылдыр чылча шавар* 'разбить (противника) вдребезги' (см.: ТСТЯ I, *385*).

манды- 'развиваться; расти (в частности, о ребенке)'.

Ср. ног. *манды-* 'поправляться', башк. *манды-* 'поправляться, выздоравливать; выходить из трудного положения; налаживаться (о материальном положении)', *мантык-* 'поправляться', диал. *мандук-* то же (Бhh, *133*). Указ. глаг. основа имеет монгол. соответствие: ср. *mandu- / мандах* 'восходить, подниматься; распространяться, расцветать, расти, развиваться; возникать; прославиться, здравствовать' (БАМРС II, *320*).

Приводимые выше тюрк. глаг. формы типа *манды-* — по всей вероятности, монголизмы или, возможно, связаны с монгол. основой (*мантык*, *мандук-*), хотя о последнем трудно говорить с полной уверенностью. Указ. монгол. глаг. может иметь образную природу, о чем, кажется, свидетельствуют монгол. *mandayar* 'большой, толстый', *mantui- / мантайх* 'быть головастым, большеголовым; быть чрезмерно полным, крупным, большим; становиться крупным, большим; выситься, вздыматься', *mantuγur / мантгар* 'широколицый, большеголовый; крупный, толстый, массивный, здоровенный' (БАМРС II, *320*, *321–322*).

Подобные формы встречаются и в тюрк. языках: кирг. *мантай-* 'быть приземистым, коренастым', *мантык-* '(о детенышах) вырасти; достичь такого состояния, когда сам может двигаться; поправиться, пополнеть (после отощания)'; ср. также кбалк. *мантык* 'курносый', ? уйг. *манда* — название кустарника; 'лохматый, непричесанный'.

Думается, что по отношению к подобным формам едва ли реально говорить об их монгол. происхождении. Допустимо и мнение о них как об исконно тюрк. образованиях от образной основы типа **мант*, отражающей представление о значительных размерах и росте (подъеме) чего-л.[1] Возможно, данная основа нашла отражение в тюрк. *мантар*, означающем, в частности, 'гриб; пробка, кора пробкового дерева' и под. и не имеющем удовлетворительной этимологии (см.: ЭСТЯ VI, *28–30*)[2].

манза 'доска, плаха; тёс'; **манзы** 1) см. **манза**; 2) *уст.* 'орудие пытки, которым наносились удары по телу'.

Н.Ф. Катанов приводил тув. *манзы* в знач. 'колотушка, дощечка для битья по щекам' (Опыт, *141*). Тув. *манза* и *манзы* — монголизмы: ср. монгол. *bangza / банз(ан)* 'доска, плаха; тёс'; уст. 'бандза' (орудие пытки и наказания), которое, в свою очередь, имеет кит. происхождение; ср. уйг. *banzi* 'доска (для печатания клише)' < кит. *баньцзы* (Рахимов, *57*).

В монгол. источниках допустима контаминация с другим кит. заимствованием, соотносимым, напр., с маньчж. *баңсә* 'колотушка (ночного сторожа)' (< кит. *банцзы* 'колотушка': ССТМЯ I, *72*).

Тув. *манза* определенно связано с формой, характеризуемой срединным *н* (<< кит. *баньцзы*?), а не *ң* (когда ожидалось бы **маңза*); *манзы 1*) — вариант *манза*, тогда как *манзы 2*) могло быть контаминировано с монгол.-кит. названием орудия пытки или с другим монгол. словом, в частности *манц*, *манцуу* 'колотушка; пест(ик)'.

манзала *уст. диал.* 'старинная юбка из шкуры' (Монгуш 1973, *237*); **манзыл** *уст.* 'одежда для лам, представляющая собой род юбки; юбка (женская)'.

Очевидно, монголизм. Ср. монгол. *bangjal / банзал* 'юбка'; уст. 'передник (у лам)', относимое к числу заимствований из скр.

[1] Вероятный первоначальный вариант данной основы — **ман*? Ср. уйг. (лоб.) *манан* 'верхушка камыша' (см.: Малов. Лоб., *141*).

[2] Возможно, указ. выше предполагаемая образная основа (**мант*) имела вариант с начальным *б*: ср. др.-тюрк. (МК) *bandal* 'большой сук на дереве' (ДТС, *81*).

(БАМРС II, *226*). В диал. варианте *манзала* не вполне понятно появление конечного *а* (так было прочитано в п.-монг. источнике?); ср. также **маныыла**.

манзы см. **манза**.

манзыл см. **манзала**.

манзы-шаагай *уст.* обобщенное название орудия пытки.

Указ. название имеет монгол. происхождение (см. **манзы**, **шаагай**). Ср. также монг. *шаахай банз* 'кожаная подошва, которой били по щекам' (БАМРС IV, *328*; статья **шаагай II**), у которого реально соответствие с обратным соотношением компонентов (**банз шаахай*).

манчак *этн.* 'ленты или жгуты из материи или выделанной шкуры, пришитые к одежде (шаманской или женской) в качестве украшения'; *уст.* 'ленты как украшения женских кос, наряду с **чавага**' (см.).

Ср. тоф. *маньчак* 'длинные жгуты из разноцветной материи, прикрепленной к шаманскому костюму' (Рассадин. Словарь)[1], алт. *мандьак уст.* 'специальный костюм шамана', *ак мандьак* 'жгуты из конопляной веревки, обшитой ситцем разных цветов; служат украшением ритуальной одежды шамана', *мандьы* 'богатая шуба' (ОРС, *108*), хак. *манчы* 'священная лента, прикрепленная к ритуальной одежде или к шаманскому жезлу; ленты с нашитыми раковинами каури, перламутровыми пуговицами и монетой, которые привязывались к ритуальной березке и к стойкам юрты во время камлания; ритуальный костюм', *ах манчы* 'ритуальный костюм бурханистов' (ХРИЭС, *59*; см. также: ВТЯ, *37*, где хак. *манджы* 'ленты на шаманском костюме' сопоставляется с тув. *манчак*).

В.И. Рассадин тоф. слово (с толкованием его знач. 'кожаные ленты на шаманском костюме') сопоставляет, в частности, с др.-тюрк. *тапčиq* 'кожаная переметная сума' (Рассадин. Фонетика, *206*), для чего имеются определенные основания (см. ниже).

Этимология *манчак* и его соответствий не была еще, по-видимому, предметом анализа. Исследователям не вполне ясно даже, какая семантика является для этого слова первичной и какова связь его значений, в частности, на материале алт. языка. Так, Л.П. Потапов, определенно, исходит из первичности для алт. *мандьак* (у него — *манjак*, *маньяк*) семантики, связанной с шаманским ритуальным облачением («кафтаном», или «плащом»). Поэтому, констатируя, что тем же словом именуются и жгуты, прикрепленные к разным частям шаманского ритуального кафтана, исследователь выражает в связи с этим свое недоумение:

[1] Ср. также семантику тодж. *манчак* 'длинные жгуты из тряпочек и кожи, пришивающиеся к головному убору и плащу шамана' (Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 183, 184, 185).

«Почему они (жгуты. — *Б. Т.*) называются *маньяками*, т.е. носят имя костюма в целом, неясно» (Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991. — С. 212).

Между тем более древним для *манjак* (*мандьак*) было как раз знач. типа 'жгут' или 'лента', о чем свидетельствуют приведенные выше тув.-тоф. материалы. Исходя из этого, можно далее предположить, что *манчак...* родственно тюрк. *баг...* 'ремень, аркан' и под. (< *ба-* 'связывать, привязывать') и тув. названию ленты *маак*. Семантически *манчак* первоначально было если не тождественно, то очень близко *баг*, о чем свидетельствует наличие тув. парного слова *баг-манчак* 'кожаные ремни, волосяные веревки, арканы' (см. **баг**, **маак**). Кстати сказать, веревочную «природу» соответствующей реалии доказывает и семантика алт. *ак мандьак* 'жгуты из конопляной веревки...'.

Структурно *манчак* может быть образованием на *-чак* от глаг. основы **бан-* (> **ман-*), представляющей собой форму возвр. залога от **ба-* 'связывать...', соответствия которой отмечены в др.-тюрк. памятниках: ср. *ban-* 'повязывать, привязывать (себе); быть связанным', с которой в ДТС сопоставлена (как вариант) основа *тап-* 'надевать пояс, опоясываться' (ДТС, *81*, *335*). Отметим также, что структура др.-тюрк. *тапčиq* (~ *банčиq*) с указ. семантикой интерпретировалась Дж. Клосоном практически так же, как это было сделано ранее в отношении *манчак*, где аф. *-чак* представляет собой вариант *-čиq* в *тапčиq...* Вместе с тем последнее Клосон считал окказиональным словом и сопоставлял только с узб. (сарт.) *банча* 'пучок, связка' (ED, *767*), что недостаточно полно и точно.

Что же касается появления у алт. соответствия тув. *манчак* знач. 'ритуальное облачение шамана' или 'специальный костюм шамана', то оно было, возможно, результатом метонимического переноса наименования типа 'часть-целое', а также контаминации *манчак* с другим алт. словом, обозначавшим верхнюю одежду, в частности *мандьы* 'богатая шуба'.

Нечто подобное имело место в хак. языке, где у слова *манчы* фиксируется наличие на первом плане знач. 'священная лента' (связанная с шаманским ритуалом) и, по-видимому, наблюдается сакрализация семантики, связанной с одеждой (появление знач. 'ритуальный костюм')[1].

[1] Согласно имеющимся данным, *манjак* (*маньяк*) как ритуальное облачение у алт. шаманов появилось сравнительно поздно, причем его появление связывается с тув. шаманкой Канаа. «С ее именем алт. камы (шаманы. — *Б. Т.*) связывали появление маньяка, утверждая, что до ее прибытия, на Алтае, куда она "прилетела" из Тувы, у алтайцев маньяков не было» (Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991. — С. 208). Возможно, что подобным же тув. влиянием обусловлено и предполагаемое изменение семантики хак. *манчы*.

Скорее всего, алт. *мандьы* (*маньы*) и хак. *манчы* — образования с аф. *-чы* от основы **ман-*, которая, впрочем, может быть родственна **бан- ~ *ман*, о которой речь шла выше. Но в то же время в данном случае **ман-* непосредственно сопоставима с с.-югур. *ман-* (*тап-*) 'одевать, наряжаться; одевать, надевать' и *тану* 'одежда' (см.: Малов. ЯЖУ, *75*; Тенишев. С.-югур., *191*). Возможно также, что наряду с 'одеваться...' и под. эта основа могла первоначально иметь семантику 'покрывать(ся), скрывать(ся); защищать(ся)...', которая ощущается, напр., в тоф. *мандырба* 'место в тайге, где дикие копытные животные прячутся от зноя и гнуса' (ТРС-РТС, *44*) < ? **ман-дыр-ма*. Здесь указ. основа, возможно, имеет форму каузатива (интенсива?) с аф. *-дыр-*.

Отметим, что знач. типа 'покрывать, закрывать...' могло иметь место и у исходной основы **ба-* ('связывать' и др.), о чем, кажется, свидетельствует др.-тюрк. *bay* 'покрывало' (см.: ДТС, *77*; ЭСТЯ II, *13*, *15*). См. также **маны I**.

манчы I, манчы-кыдат [-ыъ] *ист.* 'относящийся к Китаю или китайцам периода господства в Туве Маньчжурской династии (XVIII — начало XX в.)'.

Манчы — монголизм. Ср. *маньи*, монг. *манж* 'маньчжур(ский)' < маньчж. Следует отметить, что тунг.-маньчж. соответствия монгол. слова означают как 'маньчжур', так и 'китаец' (ССТМЯ I, *527*). В свою очередь, маньчж. название *Маньчжу* истолковывается как 'страна народа *мань*' и считается кит. заимствованием (ср. кит. *мань* 'варвары, чужеземцы' и *чжоу* 'округ, область': Поспелов Е.М. Географические названия мира. — М., 1998. — С. 259)[1].

Второй компонент наименования *манчы-кыдат* употребляется и в качестве самостоятельного слова (см. **кыдат**), принадлежа к числу монголизмов, как и, возможно, указ. наименование в целом.

манчы II [аъ] 'пельмени'.

Относится к монгол. заимствованиям. В.И. Рассадин возводит тув. *манчы* к монг. *банш* 'пельмени' и относит его к числу случаев перехода начального *б* > *м* (Рассадин. МБЗ. *62*; ср. также п.-монг. *banši*, *bangši*); в то же время фарингализация отражает сильное качество монг. *ш*. Монгол. слово, в свою очередь, имеет кит. происхождение: ср. кит. *biânshi* 'разновидность пельменей'. Допустимо, что тув. *манчы* могло быть заимствовано непосредственно из кит. и восходить к указ. кит. форме, что в условиях старой Тувы было вполне реально.

[1] Существует и другое объяснение происхождения указ. этнонима, данное С.М. Широкогоровым и также истолковывавшее его как китаизм. См.: Евразия: этнос, ландшафт, культура. — СПб., 2001. — С. 294.

В ЭСТЯ (VI, *30–31*) *манчы* фактически рассматривается как вариант другого китаизма — *манты*, *манту*... 'манты, паровые пельмени' и т.п., получившего определенное распространение в тюрк. языках и имеющего монгол. соответствия: см. монг. *мантуу* 'манту; лепешка, испеченная на пару' (ЯМВМ, *167*).

Фиксируя наличие п.-монг. варианта *bijangsi* монгол. названия пельменей, более близкого к кит. *biânshi*, автор статьи в ЭСТЯ VI подчеркивает, что «следует особо рассмотреть правомерность сопоставления тув. формы именно с данным монгол. названием (его вариантом? — *Б. Т.*) блюда, тув. *манчы* может отражать и переход **ти* > *чи*, т.е. восходить к форме *манти / манты*» (ЭСТЯ VI, *31*).

Однако это предположение вызывает сомнения. Во-первых, неясно, почему следует связывать *манчы* непременно с формой *bijangsi*, хотя есть другие, более близкие к тув. слову кит. и монгол. формы. Во-вторых, форма *манти*, похоже, носит характер конструкта, поскольку автор статьи подобную нигде не фиксирует; превращение же *манты* > *манчы* вообще нереально.

Таким образом, наиболее вероятным является приводимый первым вариант этимологии рассматриваемого слова. Ср. также уйг. китаизм *бәншә* 'пирожки с овощной начинкой' и *бәнше* 'пельмени' (УРС, *205*).

манчы III 'чай, который пьют буддийские монахи (ламы) во время совершения ими молитвенных ритуалов'.

Ср. др.-тюрк. (МК) *тапču* 'вознаграждение, плата ремесленнику' (ДТС, *336*), *манчу* 'зарплата, воздаяние' (МК И, *178*), уйг. диал. *манжу* 'плата ткачу за тканье', *манчу* 'плата за тканье холста' (Малов. УНС, *136*), як. *манньа* 'мзда, награда, плата', с.-югур. *манджа ~ ман джа*. Аналитическая форма С.Е. Маловым истолкована как 'чай ламам — после молитвословия', а выражение *ман джа сал-* как 'поить буддийское духовенство чаем за их молитвы', причем второй компонент формы (*джа*) возводится к [кит.?] *ча* 'чай'. Форма *манджа* оставлена без перевода, а выражение *манджа сал-* истолковано следующим образом: «Говорится о богослужебной церемонии (с возжением лампад и чтением молитв)» (Малов. ЯЖУ, *75*).

Ср. также п.-монг. *tančа ~ manja ~ manji*, монг. *манж ~ манз* 'угощение чаем лам во время богослужения', калм. *манз*, бур. рел. *манжа* 'чай (подаваемый ламам во время богослужения)'.

М. Рясянен в свой словарь из тюрк. материалов включил только др.-тюрк. *tančи*, як. *manja* (*манньа*) и некоторые другие як. слова, которые едва ли связаны с указ. Эти формы (под знаком вопроса) отнесены к монголизмам, а монгол. слова, в свою очередь, считаются тиб. заимствованиями (EW, *325*). Фактически

той же точки зрения придерживается Ст. Калужиньский относительно як. *манньа*, что вызвало несогласие Г.В. Попова, склоняющегося к мнению о связи этого слова с др.-тюрк. источником (Попов, *70–71*); для этого имеются определенные основания.

К сожалению, происхождение др.-тюрк. *тапčи* неизвестно. В частности, в словаре Дж. Клосона последнее дается даже без указания его соответствий. Предполагается лишь, что оно является заимствованием (кит.) (ED, *767*).

Думается, однако, что як. *манньа*, а также его др.-тюрк. и уйг. диал. соответствия, указанные выше, с их «светской» семантикой древнéе их тув. и с.-югур. соответствий, появление которых определенно связано с ламаизмом (как более поздней разновидностью буддизма) и соответственно с тиб.-монгол. влиянием. Характер связи др.-тюрк. и тиб. слов неясен, но едва ли первичным является тиб.

манчы-кыдат см. **манчы I, кыдат**.

манчы-хуужуур [аъ-] ‘пельмени, пирожки и другие кушанья’.

См. **манчы II, хуужуур**.

маны I, маныыла ‘дикая кошка, манул’; **маңныла** *юго-вост.* то же.

Кроме указ., отмечен также диал. вариант *маана* (Монгуш 1973, *247*). Ср. др.-уйг. *тапи* ‘степная кошка, манул’, алт. диал. *маны* ‘дикая кошка’ (РСл. IV, *2018*), уйг. *molun* ‘дикая кошка’ (ср. также его многочисленные диал. варианты типа лоб. *malun* ‘животное с кошку, пестрое’ и под.: Тенишев. УДС, *101*), алт. диал. *маана* ‘зверек величиной с зайца с серыми крапинками на спине’ (РСл. IV, *2016*).

В источниках, затрагивающих вопросы происхождения данного слова (слов?), фигурируют в основном др.-уйг. и тув. формы, которые считаются монгол. заимствованиями (ИРЛТЯ, *130*; EW, *326*; ЯФНС, *111*; ЭСРДС, *376*): ср. Поппе. Мук. *manul*, п.-монг. *manuul*, монг., бур. *мануул* ‘манул, дикая степная кошка’, калм. *манул* ‘дикая степная кошка; рысь’. По предположению В.И. Рассадина (ЯФНС, *111*), в основе *мануул* лежит общемонгол. глаг. *мана-* ‘стеречь, караулить’, от которого с помощью аф. *-уул* и образовано рассматриваемое имя, «если учесть, что кошки обычно охотятся, подолгу карауля свою добычу, затаившись на одном месте» (см. также **мана-**).

По-видимому, с учетом этой версии *мануул* ‘манул...’ сближается с калм. *манул* ‘охрана, сторож; караул’, бур. диал. *мануур* ‘пастух’ (ЭСРДС, *376*). В наст. время калм. *манул* ‘охрана...’ и *манул* ‘дикая степная кошка...’ считаются омонимами (КалмРС, *342*); ср. также монгол. омонимичные формы типа *мануул* с теми же знач. (БАМРС II, *322*). Эти образования и в прошлом могли быть неродственными друг с другом, а их формальное тождество могло быть результатом контаминации названия охраны (сторожа) с наименованием дикой кошки (в варианте *тапи*), которое было заимствовано монгол. языками из тюрк.[1]

Во всяком случае к монгол. *manul* ~ *manuul* по структурно-фонетич. соображениям едва ли могут быть возведены тюрк. формы типа тув., алт. диал. *маны* и, естественно, др.-уйг. *тапи*, которая в ДТС, *336* лишь сопоставлена с монгол. *manul*; см. также: ED, *767*.

Что же касается тюрк. *тапи* ~ *маны*, то, возможно, в основе этого наименования лежит представление о мануле как об обитателе глухих, уединенных, пустынных мест, ведущем активную жизнь преимущественно в ночное время. Это слово может быть произведено аф. *-у* ~ *-ы* от основы **ман-* (? < **бан-*; ср. предположение Дж. Клосона о наличии у др.-уйг. *тапи* варианта с начальным *b*: ED, *767*) ‘скрывать(ся), укрывать(ся)’ и под., которая реализуется в таких производных, как, напр., тоф. *мандырба* ‘место в тайге, где дикие копытные прячутся от зноя и гнуса’ и под.: см. **манчак**.

Не исключено, что тув. *маны* составляет часть др.-уйг. языкового наследия, а алт. *маны* было тув. заимствованием. Загадочным выглядит тув. диал. *маана*, также имеющее алт. соответствие. Как и вариант *маны*, эта форма труднообъяснима; по-видимому, не является она и монгол. заимствованием.

К числу последних определенно принадлежат тув. *маныыла* и *маңныла*. Они достаточно близки к монгол. формам, но у последних не фиксируется трехсложных вариантов с конечным гласным. Можно, однако, допустить существование таковых в монгол. диалектах. Появление варианта *маңныыла* можно объяснить сближением *маныыла* с какой-л. другой тув. формой: см., напр., **маң**.

К числу вторичных монголизмов исследователи относят уйг. формы типа *malun* ~ *molun*, претерпевшие значительные изменения (ИРЛТЯ, *130*; ED, *767*). К ним, естественно, относится и ср.-тюрк. *manul* ‘степная кошка’ (Щербак 1997, *206*).

маны II ‘мрамор; поделочный камень, халцедон’; **маныгы** *диал.* то же.

Монголизмы. Ср. монг. *мана(н)* ‘халцедон’, бур. *мана* ‘сердолик’, калм. *ману* ‘агат; сердолик’, п.-монг. *тапиγ-а* ‘камни разных цве-

[1] Стоит отметить, что существуют также монгол. название дикой кошки и семейства кошачьих типа п.-монг. *malur* ~ *malar* (ср. также монгол. *малар* ‘дикая кошка’, п.-монг. *maluqai* то же), где вычленяется неясная основа **malu-*, близкая тюрк. *тапи* ~ *маны* (ОСЛАЯ, *122* — основной текст и примеч. 129, 130), но характер связи между тюрк. и монгол. словами также остается непроясненным. Дж. Клосон предполагал, что форма типа *malur* является исконно монгол. (ED, *767*).

тов кремнистой породы', *тапиуи* 'сердолик, агат' (Голст. III, *202*). Агат и сердолик относятся к разновидностям халцедона.

маныгы см. **маны II**.

маныыла см. **маны I**.

маң 'бег; быстрое движение чего-л., скорость'; **маңда-** *тодж.* 'бежать, бегать'; **маңзыра-** *байтайгинский* 'торопиться'; **маңна-** см. **маңда-**; **маңныг** 'быстрый, быстроногий; беговой (о лошади)'.

Ср. тоф. *маң* 'скок, прыжок животного во время галопа; скорость', *маңда-* 'бежать прыжками, скакать (о животных)', алт. *маң* 'скок, галоп, бег', *маңта-* 'бежать во весь опор; скакать на лошадях); бежать (о животных)'; як. *маңый-* 'пыжиться; напрягаться (в беге, движениях)' (Харитонов, *292*); *маңый-* 'идти или бежать с усилием, напряжением' и *маңый* 'быстрый бегун' (Пек. II, *1526*), а также др.-тюрк. *таŋ* 'шаг; хождение, странствие', *таŋla-* 'шагать, идти, странствовать' (ДТС, *337*), с.-югур. *таŋ* 'поездка, путь следования' (см. также: ЭСТЯ VI, *31–32*).

Тув. *маңзыра-*, как и *маңда-* ~ *маңна-*, представляет собой отыменную глаг. основу; она образована от *маң* аф. *-сыра-* (см. о нем: ИП, *267–268*), и ее соответствия в той же форме и с той же семантикой широко представлены в тюрк. языках Южной Сибири (хак., алт., шор.).

Исследователи отмечают также основу *таŋ-* (*маң-*) как глаг. соответствие имени *таŋ* (*маң*), которое по своей лексической семантике отличается от *маң* (а также *маңна-*, *маңда-*) сиб.-тюрк. языков и сближается в этом плане с др.-тюрк. и с.-югур. *таŋ*: ср., в частности, др.-тюрк. *таŋ-* (а также сочетание *таŋ таŋ-*) 'шагать, идти, ступать'; с.-югур. *таŋ-* ~ *туŋ-* 'ехать, идти, передвигаться' (Тенишев. С.-югур., *191*, *192*); уйг. *маң-* 'ехать, двигаться; идти', кирг. диал. *маң-* 'идти' (КРС, *576*).

В знач. указ. и подобных им глаг. основ в основном отсутствует компонент быстроты, стремительности движения, и лишь в отдельных случаях у соответствий *маң-* прослеживается семантика типа 'бежать' (см.: РСл. IV, *2006*; Кажибеков, *175*). Вместе с тем иногда у *маң-*, напротив, отмечается знач. замедленного действия: каз. *маң-* 'медленно ступать, размеренно шагать (о верблюде)' (Кайдаров, *259*), лоб. *маң-* 'идти (напр., о волах)' (наряду с 'ехать, двигаться') (Малов. Лоб., *141*).

Что касается этимологии *маң* и соответствующей ей глаг. основы, то в большинстве случаев исследователями не выдвигалось никаких версий, и публикации содержат лишь сопоставительные данные (см.: EW, *327*; ED, *766*; Рассадин. Фонетика, *206*). Исключение составляет статья в ЭСТЯ, где формы *маң* и *маң-* обоснованно отнесены к «лексическому пласту образных слов; ср. семантические компоненты 'галоп', 'скок', 'вышагивать', 'идти раскачиваясь'» (ЭСТЯ VI, *32*). Далее приводятся примеры с

использованием удвоенной основы *маң*: алт. диал. *маң-маң* 'скок-скок', а также кирг., каз., ног. *маң-маң бас-* 'ходить важно; ступать медленно и размеренно' (при *бас-* 'ступать, идти'; ср. также ккалп. *маңла-* 'идти важно').

Скорость движения, выраженная с помощью основы *маң* или производных от нее форм, оказывается величиной переменной: то малой, то большой, возрастающей. Иногда показатель скорости оказывается как бы на заднем плане. Так, с образной основой *маң* как производящей определенно связан кирг. глаг. *маңкай-* 'быть стройным, красивым (напр., о женщине, о горных парнокопытных)', который в деепричастной форме и в сочетании с *бас-* (*маңкая бас-*) означает 'ступать грациозно, плавно'.

Удвоенные варианты образований от *маң* или *маң-* в сочетании с той же глаг. основой могут в кирг. языке передавать скорее довольно быстрое движение: *маңкан-маңкан бас-* или *маңкак-маңкак бас-* '(о больших красивых лошадях, оленях и т.п.) ступать твердо, уверенно; делать крупные шаги'; ср. также глаг. основу, образованную от *маңкан*, — *маңканда-* '(о коне или парнокопытном диком животном) идти бодро, высоко держа голову' (КРС, *517*). См. также **маң-саң-биле**.

Скорее всего, компонент скорости движения входил в первоначальную семантику имени *маң*, первичного по отношению к глаг. *маң-*, у которого указ. компонент знач. представлен слабо и где обобщенная семантика (пере)движения, скорее, вторична, хотя она широко представлена в памятниках, в том числе и древних.

Отметим, что праформа указ. имени и глаг. реконструируется с начальным *б*: **baŋ*(-) (ЭСТЯ VI, *32*, примеч. 19). Это вызывает определенные сомнения, поскольку формы с *б* в анлауте в данной ситуации нигде не прослеживаются. Думается, что здесь первичен начальный *м*.

маңган см. **макыр**.

маңгыр см. **макыр**.

маңгырзын 'дикий чеснок'.

Н.Ф. Катанов фиксировал в тув. языке вариант *маңгыр* 'лук' (Опыт, *128*). Ср. алт. *маңыр* 'чеснок, слизун', хак. *маңырсын* 'полевой чеснок' и под. (см., в частности: ЭСРДС, *374*).

Монгол. заимствование в различных формах: вариант типа *маңыр* считается связанным с вост.-монг. формой, присущей также ст.-монг. (ср. п.-монг. *manggir*, монг., бур. *мангир* 'полевой лук'), тогда хак. варианты типа тув. *маңгырзын* восходят к зап.-монг. (ойр.) форме: ср. *manggirsun* то же (см.: Рассадин. МБЗ, *33*, *34–35*, *36*).

В свою очередь, монгол. формы обязаны своим происхождением основе именного (< образного) характера, обозначающей нечто

(о)круглое. Вероятно, та же основа прослеживается в монгол. *manggin-a / мангина* 'вид чеснока', *manggisu / мангис* 'черемша, лук-черемша' и в считающемся омонимичным с последним *mangisu / мангис* 'барсук (самец)' (БАМРС II, *319*) (ср. **морзук**).

В тюрк. языках подобная основа существовала в виде **маң* и прослеживалась в двухсложных вариантах типа тур. *мангыр ~ маңкыр* и под., обозначающих предметы округлой формы (монеты и др.), которые, вероятно, неслучайно обнаруживают сходство с монгол. *manggir...* См. подробности в статье **маңнай**.

маңгыс 1) *фолькл.* 'мангус, чудовище, питающееся живыми существами'; 2) 'обжора'; 3) 'дармоед, тунеядец, бездельник'; 4) 'угнетатель, эксплуататор'; 5) *мед.* 'паразит'.

Ср. як. *маңыс, магыс*, а также *моңус, могус* 'ненасытный, жадный; обжора', алт. *маңгыс, сары маңгыс* 'саранча' (ГАЯ, *218*; РСл. IV, *2020*), с.-югур. *маңгыс* 'черт (живет на луне)'[1] (Малов. ЯЖУ, *75*), *maŋk'ys ~ maŋq'ys ~ tuŋk'ys* 'черт, дьявол' (Тенишев. С.-югур., *191, 192*).

Тув., як. и алт. формы относятся к числу монголизмов (EW, *327*; Рассадин. МБЗ, *27*), тогда как с.-югур. *маңгыс* и под. лишь сопоставляется с их монгол. соответствиями. В.И. Рассадин, выводя як. *маңыс...* из монгол. языков, приводит в указ. источнике для сравнения такие формы, как п.-монг. *mangγus*, монг. *мангас*, бур. *мангад, мангадхай* 'сказочное чудовище, пожиратель людей', и объясняет смысловые отличия от них як. слова тем, что в як. имел место семант. сдвиг, в частности метафорич. перенос.

Отметим вместе с тем, что монгол. слово связано только с традиционными мифологическими представлениями, являясь «исключительно принадлежностью сказочно-эпических традиций»[2]. В этом плане представляет интерес семантика п.-монг. *mangγus ~ mangγud* 'название духов, которые стараются вовлечь человека в грехи; духи злобы; плотоядное чудовище, питающееся мясом и кровью человека' (Голст. III, *204*).

Подобная специализация семантики и сферы употребления может указывать на вторичность, неисконность монгол. слова, которое, насколько известно, не имеет удовлетворительной этимологии на монгол. основе.

В то же время оно, по-видимому, этимологизируется исходя из тюрк. языкового материала (в частности, як.). Так, як. *маңыс* и под. считается производным (с аф. *-с*) от глаг. основы *маңый- ~ моңуй-* 'жрать, набивать полон рот' (Пек. II, *1526, 1527, 1590*); ср. также як. диал. *магай* 'обжора' (ДСЯЯ, *155*) (при вероятности варианта **маңай*). По всей вероятности, гомогенны с указ. основами и як. *магалай* (*маңалай, маңылай*) 'живот; брюхо, утроба' (Пек. II, *1522*; ЯРС, *233*), а также *маңылый-* 'помногу забирать в рот' (Пек. II, *1526*). Подобных форм не отмечено в монголоязычных источниках, и это едва ли случайно.

Зрительно мангус как сказочное чудовище представляется поразному: чаще всего он змееподобен, но, по мнению Э. Таубе, он, «несмотря на тело великана и множество голов, видом и образом жизни напоминает человека» (Таубе, *371*). В основе мифологического мангуса, возможно, лежит образ человека, отличающегося обжорством. В связи с этим отметим, что тув. *маңгыс* — многозначное слово, причем у него отмечен ряд «несказочных» характеризующих знач., связанных с отрицат. оценкой именно человека, в том числе и 'обжора', которое могло быть первичным (ср. як. данные). На это указывает, думается, и тув. глаг. *маңгыста-*, образованный от *маңгыс* и имеющий знач. 'жрать, пожирать; паразитировать, жить за чужой счет; быть тунеядцем'. При этом для монгол. соответствий тув. *маңгыс* подобные производные глаг. нехарактерны и, возможно, *маңгыста-* является собственно тув. образованием.

Мотивирующий признак ненасытности, обжорства лежит в основе такого наименования, как алт. *маңгыс* и *сары маңгыс* (при *сары* 'желтый') 'саранча', появление которого, как и як. *маңыс...*, едва ли обусловлено монгол. влиянием.

В специальном дополнительном изучении нуждается генезис мифологического «мангуса». Допустимо, что он и в этом качестве зародился в мифологии тюрк. народов Сибири, а затем проник в традиционное сознание монголоязычных народов, хотя впоследствии вполне реально «перемещение» соответствующего образа и в обратном направлении: ср. тув. *маңгыс* 'мангус...' и с.-югур. варианты, обозначающие дьявола.

Возможно, о процессе «рождения» подобного сказочного чудовища свидетельствует семантика як. *маңыс*, у которого кроме основного знач. 'ненасытный, жадный; обжора' фиксируется также 'едун, действующее лицо в сказке' (Пек. II, *1526–1527*), а у более позднего варианта типа *моңгус* отмечаются соответственно знач. 'едок, обжора; медведь' и 'баснословное чудовище' (Там же, *1590*).

У тув. *маңгыс* в словарях на первом плане фиксируется сказочно-мифологическая семантика, что, как можно думать, связано с распространенностью в сказочном эпосе тувинцев образа маң-

[1] Ср. также сказку алтайских тувинцев «Мангыс на луне» (Таубе, *280, 351*).

[2] Неклюдов С.Ю. Экскурс в область монгольской демонологии // «Знак»: Сб. по лингвистике, семиотике и поэтике. — М., 1994. — С. 262. Ср. также: Неклюдов С.Ю., Тумурцерен. Монгольские сказания о Гесере. Новые записи. — М., 1982. — С. 289–290; Поппе Н.Н. Халха-монгольский героический эпос. — М.; Л., 1937. — С. 93–94.

гуса, представляющего собой одно из наиболее ярких воплощений зла и вреда. Об этом свидетельствует, напр., следующее описание того, что обозначается словом *маңгыс*, в комментарии к тув. сказкам: «*Мангыс* — всепожирающее змееподобное чудовище, имеющее много голов (6, 12, 35, 60 и т.д.), преимущественно черного и желтого цветов, пасть от земли до неба; утроба его вмещает толпы проглоченных им людей, стада и пр.; обитает в пустынных, голых, темных, холодных, смрадных местах» (ТНС, *435*).

Можно предположить, что тув. мангус возник независимо от монгол. влияния, но затем, возможно, закрепился и получил развитие под вторичным воздействием монгол. мифологических и этнических традиций.

маңда- см. **маң**.

маңзыра- см. **маң**.

маңна- см. **маң**.

маңнай *фолькл.*, *диал.* ‘чело, лоб’; *перен.* ‘передовая часть войск, авангард’.

Соответствия, среди которых преобладает форма *маңлай* с вариантами типа *манлай*, *маңылай* и под. (частотны также формы *маңдай*, *маң(г)ай*), означают почти повсеместно ‘лоб, чело’; изредка встречаются и другие анат. знач.: ср. азерб. диал. *маңай* ‘голова, череп’, шор. *маңдай* ‘висок’ (ШРС, *32*). Для этих соответствий в тюрк. языках отмечена также производная пространственная (‘передняя часть’ и под.), временна́я (‘вначале, сначала...’) и иная семантика (ЭСТЯ VI, *37–38*).

Подобные знач. в отдельных случаях могут выражаться не самим указ. названием лба (кстати сказать, наиболее распространенным из числа таковых в тюрк. языках; ср. также **алын, хавак**), а другими, по-видимому, родственными словоформами. Таковы каз. *маң* ‘место вокруг чего-л., окрестность’ и соотносительная с ней *маңай* ‘круг, в котором какой-нибудь предмет имеет влияние’ (РСл. IV, *2006*), или, по совр. источникам, ‘окрестность’ в том и другом случае (КазРС, *239*), а также ‘окрестность; вокруг, неподалеку’ (*маң*) и ‘вокруг чего-л.; окрестность; поблизости’ (Кайдаров, *268*); ср., кроме того, алт. *маң* ‘окрестность’[1].

У *маңнай...* и под. имеются монгол. соответствия типа п.-монг. *manglai ~ mangnai* и др., означающие ‘лоб’; у части из них фиксируются также знач. ‘глава, начальник; верховный, высший, главный, старший; авангард, передовая часть...’ (см.: СИГТЯ Л, *195–196*; ЭСТЯ VI, *38*).

[1] В ЭСТЯ приведены только те варианты указ. форм, которые представлены в РСл. и связываются в первом из этих источников с тюрк. *таŋ* ‘шаг’ (см.: ЭСТЯ VI, *33*, примеч. 20), что не выглядит достаточно обоснованным. См. также **маң**.

Удовлетворительной этимологии ни рассматриваемые тюрк. формы, ни их монгол. соответствия не имеют. М. Рясянен с сомнением (под знаком вопроса) возводил тюрк. анат. название, включая и тув. *маңнай*, к композите из двух основ тюрк. происхождения (*mäŋ* ‘мозг’ + *ilaj* ‘лоб’)[1]. Он приводил также альтернативную точку зрения, согласно которой тюрк. слово трактуется как монголизм, и ссылался при этом на мнение Г. Дёрфера, Ст. Калужиньского и Н.Н. Поппе (EW, *327*).

Тюрк. версия Рясянена выглядит неубедительно (см. в связи с этим приводимое выше примеч. 1). Возможно, с указ. версией связана точка зрения, согласно которой «монгол. **maŋ-lai* считается алтайской параллелью» тюрк. названия мозга (ср. *mäŋ*) (СИГТЯ Л, *195*)[2], что, очевидно, предполагает заимствованный характер тюрк. соответствий монгол. слова.

Следует сказать, что мнение о тюрк. *маңлай...* как о монголизме практически безраздельно господствует в научных публикациях (см., в частности: ДЛТЯС, *19–20*; ЭСТЯ VI, *38*), хотя в целом с ним трудно согласиться. Статус *maŋlai...* как исконно монгол. образования не доказан: в нем произвольно выделяется локативный аф. *-лаі* и оно сравнивается с формами типа *хондлой* (*qondulai*) ‘ягодица’ и под. (см.: СИГТЯ Л, *195*; ЭСТЯ VI, *38*), но основа при этом остается неясной. Скорее, наоборот, здесь, как и в ряде подобных случаев (см., в частности, публикацию А.В. Дыбо в МЛС, *212 и след.*), можно ожидать тюрк. заимствования в монгол. языках.

Однако применительно к определенным ситуациям реально говорить о монгол. заимствовании, носящем вторичный (возвратный) характер. Это касается, в частности, *маңнай*, которое в тув. языке не является основным названием лба и в основном употребляется в составе устно-поэтической (эпической) формулы, возможно заимствованной из монг. языка (см., напр., нашу публикацию в УЗ ТНИИЯЛИ. — Вып. XIV. — С. 180–181).

Тув. *маңнай* как анат. термин представляет собой также диалектизм, характерный для речи населения юго-вост. Тувы и зап.-монг. (кобдоских) тувинцев (см.: ЦУ, *152*), где он — несомнен-

[1] Относительно первого компонента указ. композиты см. статью **мээ**. Что касается *ilaj* ‘лоб’, то тюрк. слово с таким знач. неизвестно. Может быть, в данном случае имеется в виду тюрк. *илей* ‘перед, передняя часть’, у которого изредка фиксируется вариант *илай*: ср. *илайында* ‘впереди’ (ЭСТЯ I, *348*, *349*). Сочетание данных компонентов выглядит искусственным, а, кроме того, если оно даже было бы реальностью, результатом их соединения должна была быть словоформа, скорее всего, с передне-рядным вокализмом типа **mäŋ(i)läj* или под., но подобных вариантов у *маңлай...* не отмечено.

[2] См. также примеч. 23 (ЭСТЯ VI, *39*), где высказано предположение о том, что «монгол. слово... на праалтайском уровне родственно тюрк. **bejŋi* ‘мозг’»; см. также **мээ**.

ное заимствование. Тув. слово следует за своим монгол. оригиналом и в отношении перен. знач. типа ‘авангард’, в котором *маңнай* в основном и употребляется в совр. тув. языке, что заметно отличает последний от массы других тюрк. источников. Исключение составляют, кажется, только язык(и) поздних памятников, в частности чаг., где интересующее нас слово может означать как ‘лоб, чело’, так и ‘авангард войска’ (см.: Боровков 1961, *238*; ЭСТЯ VI, *38*), что, в свою очередь, скорее всего, обусловлено монгол. влиянием, которому подвергалась чаг. лексика.

Вполне возможно, что первоначально *маңлай ~ маңдай ~ маңгай...* возникло в тюрк. языках, скорее всего, в кыпч., для которых это слово характерно в большей степени. Оно может восходить к образной и затем к именной основе **маң*, обозначающей нечто (о)круглое или выпуклое. Такая семантика отразилась в знач. приводимых выше каз. *маң* и *маңай*, алт. *маң*. Ср. также кирг. *маңгел* в выражении *маңгел баш ат* ‘лошадь с выпуклым (некрасивым) лбом’ (КРС, *516*).

Не исключено, что к числу родственных с рассматриваемым названием лба относятся тур. *манкыр ~ мангыр* ‘маленькая медная монета, жетон для игры; деньги; круглая пластинка, на которую кладут [курительные] трубки’ (РСл. IV, *2020*), *mangır* уст. ‘название старинной мелкой медной монеты’; арго ‘деньги’; ‘таблетка из угольного порошка...’ (ТурРС 1977, *603*), азерб. диал. *мангур* ‘монета’ (АДЛ, *315*), кбалк. *маңы* (< **маңыр*?) уст. ‘монета’ (КБРС, *459*), происхождение которых неясно. Тур. *манкыр ~ мангыр* дается М. Рясяненом как изолированное, без сопоставительных данных (EW, *326*).

Похоже, что название лба могло быть образовано от **маң* и без помощи аф., как это имеет место в случае с балк. *маң* ‘лоб’ (при кбалк. *маңылай* ‘лоб; фасад’) (КБРС, *459*).

В плане смысловой производности аналогию тюрк. *маңлай...* представляет тоф. *достак* ‘лоб’, которое В.И. Рассадин обоснованно сопоставляет с тув. *достак* ‘выпуклый; выпуклость’ (см.: ДЛТЯС, *20*) < *достай-* ‘образоваться (о шишке, выпуклости), становиться шишковатым, выпуклым’.

Формы типа *маңлай* и под. структурно не вполне ясны, но можно предположить, что они представляют собой отыменные образования, где *-лай* в **маң-лай*, *-дай* в **маң-дай* и *-гай* (< *-кай*) в **маң-гай* — аф. уподобления и/или диминутива (см. о них: Щербак 1977, *58–59*, *101–102*), которые в последующем утратили свою первоначальную семантику.

Таким образом, не все варианты указ. тюрк. названия лба носили собственно фонетич. характер, как это считается (см.: ДЛТЯС, *19*; ЭСТЯ VI, *37–38*). Среди них встречаются и различные морфол. (словообр.), чего не наблюдается в монгол. языках, где налицо фактически только один исходный вариант (*маңлай*), а все остальные являются вторичными фонетич., производными от указ.

Думается также, что исконный начальный *м* не всегда может быть для тюрк. форм своего рода обязательным признаком заимствования, в частности монгол. (ср.: Щербак 1997, *206*), и в данном случае на основании этого признака относить тюрк. *маңлай...* в целом к словам монгол. происхождения было бы недостаточно оправданным. Ср. **маң**. См. также **маңнайлыг**.

маңнайлыг ‘счастливый, радостный’; **өөрүшкү-маңнай** ‘радость, веселье’; **өөрүшкү-маңнайлыг** ‘радостный’.

Первый компонент парных слов *өөрүшкү-маңнай* и *өөрүшкү-маңнайлыг* связан с тув. *өөрүшкү* ‘радость, веселье’, имеющим тюрк. происхождение: см. **өөрү-**, **өөрүшкү**. С тув. *-маңнай* и *-маңнайлыг* сопоставимы турк. *маңлайлы* ‘счастливый, везучий’, *маңлайсыз* ‘несчастный, невезучий’ (при *маңлай* ‘судьба, доля, рок’), каз. *маңдайлы*, ног. *маңлайлы* и *маңдайсыз*, *маңлайсыз*, означающие соответственно ‘счастливый’ и ‘несчастный’; ср. также каз. *маңдай* ‘счастье’ и кирг. *маңдай* ‘судьба’.

Указ. знач. определенно являются перен. для тюрк. слова, означающего ‘лоб’: ср. соответственно турк., ног. *маңлай*, каз. *маңдай* и под., в том числе и тув. *маңнай* с данной семантикой (см. **маңнай**). В этом плане интересны данные кирг. языка, где знач. ‘судьба’ отмечено не только у *маңдай*, но и у иран. заимствования *бешене* ‘чело; лицо; образ’, а при знач. ‘судьба’ приводится важное указание: «По старым представлениям, судьба человека начертана на его лбу». Здесь же дается производное от *бешене* кирг. прил. *бешенелүү* ‘счастливый и приносящий счастье’ (КРС, *133*), одноструктурное с тув. *маңнайлыг*, турк. *маңлайлы* и под., хотя следует отметить, что их кирг. соответствие *маңдайлуу* переводится только как ‘имеющий лоб, со лбом’ (Там же, *517*).

В кирг. языке, однако, существуют выражения, обозначающие радость и включающие слово *маңдай*. Таковы, напр., первая часть поговорки *Сүйүнгөндөн маңдай айрылбайт...* ‘От радости лоб не треснет...’, или фразеологизмы типа *маңдайы жарык* ‘он доволен, радостен’ (КРС, *236*, *517*) (букв. ‘лоб-его светлый’); ср. также *маңдайы жарыды* ‘он повеселел, просиял’, *маңдайы (кабагы) жарылды* ‘он сияет от радости...’ (Там же, *236–237*) (букв. ‘лоб-его светился...’).

Сходная картина наблюдается в узб. языке, где присутствуют однотипные словосочетания *манглайи очик*, означающее ‘с открытым лбом, с ясной головой; приветливый, радушный’ (*очик* ‘открытый’), *манглайи кенг* и *манглайи тор*, имеющие соответст-

венно прямые знач. ‘широколобый’ (*кенг* ‘широкий’) и ‘узколобый’ (*тор* ‘узкий’), но вместе с тем у обоих фиксируется перен. знач. ‘счастливый’. Ср. словосочетания с противоположной семантикой *манглайи кора*, *манглайи каттик* и *манглайи шўр* ‘несчастливый, неудачный’ (при *кора* ‘черный’, *каттик* ‘твердый’ и *шўр* ‘соленый’). С узб. *манглайи кора* ср. ног. *кара маңлай* ‘беда, несчастье’ (*кара* ‘черный’).

Таким образом, согласно традиционным представлениям тюрков, судьба человека оказывается как бы начертанной у него на лбу, определенные «параметры» которого определяют, счастливой или, наоборот, несчастной она окажется.

Судя по всему, тув. **маңнай* в составе *маңнайлыг*, *өөрүшкү-маңнай*, *өөрүшкү-маңнайлыг* также означало ‘судьба, доля; счастье, радость’ и было связано с названием лба *маңнай* (< **маңлай*). Вместе с тем имеющееся в тув. языке диал. и фолькл. *маңнай* ‘лоб...’ мы считаем монголизмом, но эта интерпретация едва ли применима к **маңнай*, поскольку вышеприведенная семантика для его монгол. соответствий нехарактерна.

Скорее всего, **маңнай*, в тув. языке являющаяся связанной основой, имеет в нем иной источник, нежели *маңнай* ‘лоб...’. Таким источником мог быть один из языков кыпч. группы, где семантика типа ‘счастье, радость’ у указ. названия лба фиксируется. По-видимому, подобная семантика у тув. **маңнай*, с одной стороны, очень старая, а с другой — она не отмечена у соответствий тув. *маңнай* в других сиб.-тюрк. языках и в этом плане специфична для тув.

маңныг см. **маң**.

маңнык ‘шелк с вытканными на нем золотом и серебром драконами’; **маңнык-торгу**, **торгу-маңнык** ‘разноцветные шелка’ (**торгу** ‘шелк’).

Ср. хак. *маңных*, *маңдых* и *маңных торгы* — названия лучшего китайского шелка, китайки (ХРИЭС, *59*, *150*), койб. *маңных* уст. ‘вышитый карман’, *нандых*[1] уст. то же (ХРС, *102*, *114*), алт. *маңдык* ‘шелковая материя с вытканными по ней цветами или другими изображениями; вышитая одежда’ (ОРС, *108–109*).

Монголизмы. Ср. монг. *mangnuγ / магнаг* ‘шелковая материя (с вытканными золотом или серебром драконами)’ (БАМРС II, *311*), монг. *магнаг торго* ‘шелк, затканный драконами’ (БАМРС III, *229*). Монгол. *mangnuγ...*, в свою очередь, кит. происхождения.

М. Рясянен (EW, *327*) приводит тюрк. формы, среди которых *maŋluk* ‘вышитый’ (по словарю Ибн-Муханна, конец XIII в.), а также хак. (койб.) *maŋnyk* то же и алт. *maŋdyk* ‘вышитая китайская шелковая материя’ (по РСл.). При этом монгол. форма (типа *maŋlyk*) считается тюрк. заимствованием, что определенно неточно, и все они являются китаизмами (EW, *327*).

Парные слова *маңнык-торгу* и, возможно, *торгу-маңнык* также могут быть отнесены к числу монголизмов. См. **торгу**.

маңнык-торгу см. **маңнык**.

маңныла см. **маны I**.

маң-саң-биле ‘очень быстро, бегом’.

Нар. образование с помощью послелога *-биле* от имени **маң-саң* (см. о подобных нар.: ИП, *424*), которое, однако, в самостоятельном употреблении не отмечено, так же, как и второй его компонент (*-саң*), в отличие от первого — *маң* ‘бег...’ (см. **маң**). От последнего по указ. модели также образовано нар.: *маң-биле* ‘быстро’. Компонент *-саң*, по-видимому, не просто созвучие к *маң*, а реально существовавшее ранее слово, семантически близкое к указ.

В качестве самостоятельно употребляемого слова *саң* не обнаружено, но его, думается, можно проследить в качестве основы отдельных образований, к которым относятся лоб. *саңлат-* (< **саң-ла-т-*) ~ *саңгулат-* (< **саң-гу-ла-т-*?) ‘сжимать верховое животное ногами и хлопать ими по животу’ (Малов. Лоб., *160*) (что делается для ускорения бега животного?), хак. (койб., саг.) *саңай* (< **саң-ай*?) ‘вдруг, сразу’ (РСл. IV, *286*); ср. совр. хак. *саңай* ‘совсем, очень’ (ХРС, *181*).

маргаа ‘полынь (один из видов); высокое травянистое растение с полым стеблем, растущее в зоне альпийских лугов’ (А.К. Калзан); ‘хвощ’ (ТДЭС, *36*).

Маргаа считается также названием одной из лекарственных трав (Чадамба 1977, *69*). Ср., кроме того, алт. *барга* ‘сорная трава, бурьян’ (ОРС, *27*), ‘терние, дикая трава’ (ГАЯ, *234*), алт. диал. (туба) *баргаа* ‘терновник, бурьян’, алт. *баргаа ~ маргаа* жен. ‘трава, сено’ (букв. ‘бурьян’), *аштың баргаазы* жен. ‘солома’ (букв. ‘стебель злака’) (Яимова, *140*), тел. *паргаа* ‘высокие травы, растения’ (РСл. IV, *1153*), як. диал. *марха* ‘мелкий кустарник’ (ДСЯС, *120*).

В целом речь может идти либо о больших, высоких травянистых растениях, либо о невысоком кустарнике, которые в том и другом случае произрастают большой массой. У *маргаа* и его соответствий допустимо родство с образованиями типа алт. *бараң* ‘густое ветвистое дерево...’ и под., каковые мы связывали с образной основой **бар* и соотносительной с последней глаг. **бар-*, вероятно, означавшей нечто вроде ‘торчать, растопыриваться, выпирать’ (см. **бара**) или ‘(обильно) произрастать’ (ср. также уйг. *бараскан* ‘пышная зелень’).

[1] Эта форма, вероятно, возникла в результате сближения с хак. *нан* ‘бок; боковая сторона (одежды)’; см. **чан**.

Вторичными вариантами **бар* (с начальным *м*) можно считать **мар I* ‘нечто густое, переплетающееся’ и **мар II* ‘нечто плотное, упитанное, откормленное’, сопоставляемые друг с другом и реализующиеся соответственно в сочетаниях вроде каз. *мар шеңгел* ‘густой, непроходимый чингил’ (колючий тростник) и *мар каска* ‘солидный, представительный’ (Кайдаров, *259*). Производной от **мар II* А.Т. Кайдаров считает форму каз. *марка* ‘ягненок раннего окота (отличающийся упитанностью)’, имеющую соответствия в части тюрк. языков, в числе которых хак. *парха ~ марха* ‘ребенок; внук, внучка’ и, вероятно, приводимое выше як. диал. *марха*.

Возможным первоначальным знач. *марка…* (< **бар-ка*) являлось ‘подросший’ и под.: ср. каз. *марка кулын* ‘подросший жеребенок’ и производный от *марка* каз. глаг. *маркай-* ‘подрасти (напр., о ягненке)’ (КазРС, *235*). Может быть, производными от соответствия основы *марка* или подобной ей была як. глаг. основа *баргар-* (*~ барагар-*) ‘расти, вырастать, возрастать, приходить в возраст, мужать; полнеть, тучнеть, толстеть’ (см.: Попов. ЭС 1, *122*), имеющая также именное соответствие типа як. диал. *баргар* ‘полнотелый’ (ДСЯЯ, *60*).

Возможно, образования типа *марка* произведены не от образной, а от глаг. основы типа **бар-*, о которой упоминалось выше, и они могут иметь морфол. варианты, о чем, кажется, свидетельствует, к примеру, турк. *парч*, употребляемое в сочетании *парч бол-* ‘расти, вырастать, подрастать (о траве)’ (при *бол-* ‘быть’) (см.: ТуркРС, *517*).

Тув. *маргаа* и ее соответствия (*баргаа*, *паргаа*), возможно, восходят к **баргы-га* или **барга-га*, где **баргы- ~ *барга-* — вероятная форма интенсива от **бар-* или другая производная форма (см. **маргы-**). Алт. *барга* — скорее всего, результат сокращения вторичного долгого гласного второго слога. К числу соответствий *маргаа*, вероятно, должно быть отнесено и хак. *паргаа* (*~ парго*) ‘крупный (о ребенке, детеныше)’ (ХРИЭС, *84*), причем вполне допустимо, что определение типа ‘крупный’ могло быть отнесено и к растительности, представляя вероятную исходную адъективную семантику *маргаа…*

Вместе с тем отметим, что это слово имеет довольно близкие соответствия в иран. языках, в том числе согд. *mrγh*, *mrγ* ‘луг’, ягнобское (новосогд.) *marγ* ‘трава, считающаяся лучшим кормом для скота; сено из этой травы’, авестийское *marəγa* ‘луг’, перс. *marγa-* то же и под. См.: Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты. — М.; Л., 1957. — С. 284; Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. — М., 1982. — С. 69.

Характер этой общности неясен. Допустимо, что она является результатом случайного сходства, хотя нельзя полностью исключить проявления в данном случае др.-иран. языкового влияния на лексику сиб. тюрк. языков. См. также **меде**.

маргы- ‘спорить, настаивать на своем’; **маргыг** ‘спор’; **маргылдаа** ‘спор, дискуссия; соревнование’; **маргылдаш-** ‘спорить с кем-л.; соревноваться’; **маргыш-** см. **маргылдаш-**; **маргыш** см. **маргыг**.

Ср. тоф. *маргы-*, *маргыш-* ‘соревноваться, состязаться; бегать взапуски’, *маргыш* ‘состязание, бега; соревнование’, хак. *маргыс-* ‘биться об заклад, держать пари, спорить; соревноваться, состязаться’, *марга* диал. ‘спор, пари’, *марыг* ‘пари, спор; соревнование, состязание’, *марыглас-* ‘соревноваться’, *марыглас* ‘соревнование’ (ХРС, *103*), *марыг*, *мериг*, *маргы* ‘заклад; соревнование, состязание’, *маргы тас* ‘круглый камень, который лежал, как правило, на обочине и который поднимали мужчины, соревнуясь в силе’ (ХРИЭС, *59*), чалкан. *марыг* ‘соревнование’, с.-югур. *марга* ‘бег, гонка’, алт. *маргаан* ‘спор’, *маргыш-* ‘биться об заклад, держать пари’, шор. *марыш-* ‘биться об заклад’ (РСл. IV, *2027*; ГАЯ, *218*), *маргыг* ‘состязание (бег)’, *маргыш-* ‘биться об заклад; меряться силами’.

Большая часть указ. форм имеет монгол. соответствия: монгол. *marγu- / маргах* ‘отговариваться, отказываться, упорствовать, идти против; отвергать’; калм. *марһх* ‘состязаться; спорить, держать пари’, п.-монг. *marγuγan* ‘спор’, монг. *маргаа(н)* ‘спор, конфликт’, калм. *марһан* ‘состязание, конкурс, турнир; спор, пари’, п.-монг. *marγulda-*, монг. *маргалдах* (формы совместно-взаимного залога от *marγu- / маргах*) ‘спорить друг с другом’, калм. *марһлдх* (та же форма от *марһх*) ‘состязаться, участвовать в шахматном турнире; спорить, держать пари’, п.-монг. *marγuldaγ-ā* ‘неприязнь, холодность, недружелюбие; отговорка, отказ’, монг. *маргалдаан* ‘спор; конфликт’.

В ряде случаев тюрк. формы относятся к монгол. заимствованиям. К ним, по мнению В.И. Рассадина, принадлежат алт. *маргы-ш-*, *маргаан*, хак. *марга*, *маргыс-*, шор. *маргаан* (Рассадин. МБЗ, *21*, *24*, *25*, *38*, *39*, *41*, *45*), хотя в реальности это уверенно можно сказать не обо всех из них (в частности, вызывают вопрос формы вроде *маргыш-* и *маргыс-*, о чем см. ниже). Что касается тув. данных, то наиболее определенно о монголизмах можно говорить в двух случаях: применительно к глаг. основе *маргылдаш-*, где присутствуют монгол. аф. совместно-взаимного залога и дублирующий его тюрк. (и тув.) формант *-ш-*, и относительно сущ. *маргылдаа*.

Однако не у всех тюрк. форм имеются точные монгол. соответствия (ср. случаи *марыш-*, *марыг* и некоторые другие), и харак-

тер отличий тюрк. форм от монгол. здесь таков, что они, скорее всего, не могут быть объяснены как следствие изменения монгол. форм при их освоении в процессе заимствования.

М. Рясянен истолковывал как монголизмы практически все рассматриваемые им тюрк. формы независимо от характера и степени их отличий от монгол. (в том числе *марыг*, *марыш-*, а также хак. диал. *maryŋ* ‘пари, состязание’), никак не мотивируя при этом свою точку зрения (см.: EW, *328*), что следует считать явным упущением.

Наличие подобных тюрк. форм свидетельствует, скорее всего, о том, что и монгол. основа типа *marγu-* может иметь тюрк. происхождение, а формы вроде *мары-ш-* и под. носят исконно тюрк. характер.

Последние, в свою очередь, могут быть связаны родством с тюрк. основами, характеризующими значительный живой вес, силу, усилия и т.п. В этом плане интересны материалы як. языка, в том числе образная глаг. основа *марай-* ‘выпячиваться, силиться, тужиться, напрягаться’ (Пек. II, *1528*; ср.: Харитонов, *292*), *баргар* диал. ‘полнотелый’ (ДСЯЯ, *60*), *баргар-* ‘расти, вырастать, приходить в возраст, мужать; полнеть, толстеть’ (Пек. I, *376*), ? *барга* диал. ‘сметливый’ (ДСЯЯ, *59*); ср. также хак. *парго ~ паргаа* ‘крупный (о ребенке, детеныше)’ (ХРИЭС, *84*), *парго пала* ‘новорожденный, имеющий большой вес’ (ХРС, *141*); см. **маргаа**.

К числу родственных с указ., вероятно, относятся каз. *марка* ‘ягненок раннего окота (отличается упитанностью)’[1], где вычленяется именная основа **мар* ‘нечто плотное, упитанное, откормленное’ (при этом, правда, остается неясной структура *марка*), соответствием которой считается *мар* в словосочетании *мар каска* ‘солидный, представительный’ (Кайдаров, *259*), а также ног. *марка* ‘ранний приплод (окот); первый; первенец’, *марка келин* ‘первая сноха’, диал. *маркам* ‘любимый, любимая’ (Арсланов, *136*), каз. *маркай-* ‘подрасти’.

Интересны также каз. *мара* диал. ‘одна из форм игры «көкпар», или козлодрания’ (Аманжолов, *391*), *мардым* ‘сила; результат, плоды труда’, *мардынды* ‘сильный и рослый парень’. С *мардым* сопоставимо др.-тюрк. *marïm* ‘тело (человека)’, которое, в свою очередь, связано с представлением о плоти, силе, как это, скорее всего, имеет место в случае *etüz* ‘тело’ (ДТС, *189*, *337*; ср., однако: ED, *762*), сопоставимым с *et* и под. ‘мясо; тело, плоть’; ср. башк. диал. *итән* ‘мясистый, полный’ (ЭСТЯ I, *311*, *312*).

[1] Ср. также толкование значения этого слова В.В. Радловым как ‘барашек или ягненок, родившийся раньше апреля и поэтому более обыкновенного выросший и жирный’ (РСл. IV, *2028*).

Возможно, исходной была образная основа **бар*, передающая представление о чем-то большом, толстом и под., которая затем могла стать именной (ср. каз. *мар каска*), а также глаг. (**бар-* ‘торчать, выпирать’), о которых нам уже приходилось говорить в связи с другим языковым материалом (см. **бара**, **барба**).

У подобных основ логично допустить развитие соответственно знач. ‘сильный; сила’ и ‘силиться; проявлять усилие, силу’ (ср. як. *марай-*) или, возможно, ‘стремиться пересилить, опередить кого-л., пытаться взять верх над кем-л.’ и т.п. Глаг. основа **бар- > *мар-* может прослеживаться в составе таких образований, как як. *барга*, хак. *маргы*, каз. *марка*, каз. диал. *мара*.

Реально существование двухсложного варианта данной основы (**бар-ы- > *мар-ы-*), с которым могут быть связаны такие формы, как *марыг*, *марыш-*, *marïm*, хотя здесь допустим и односложный вариант.

По всей вероятности, существовала и тюрк. по происхождению глаг. основа типа **маргы-*, где *-гы-* — аф., образующий либо глаг. от имен, либо форму интенсива от глаг. основы. С глаг. основой **маргы-* могут быть связаны тув. и хак. формы, а также монгол. их соответствие. Эта основа реализуется в таких образованиях, как хак. *парго ~ паргаа* ‘крупный...’, с которым, возможно, гомогенно хак. же *маргаа ~ паргаа* ‘паргаа — кусок мяса крупного животного, преподносимый племянником дяде по матери’ (при этом получивший «паргу» должен ответить устройством застолья) (см.: ХРИЭС, *59*, *84*)[1].

маргыг см. **маргы-**.

маргылдаа см. **маргы-**.

маргылдаш- см. **маргы-**.

маргыш- см. **маргы-**.

маргыш см. **маргы-**.

маржала- [аъ?] *фолькл.* ‘упорядочивать, приводить что-л. в порядок’.

По всей вероятности, производное от тюрк. именной основы типа *барча ~ парча* ‘все, всё, полностью’, в свою очередь, образованной от общетюрк. *бар ~ пар* ‘есть, имеется; наличный, находящийся налицо; всё, весь, целый’ и под. (см.: ЭСТЯ II, *61–62*, *63*). Эта основа сохранилась в тодж. диалекте тув. языка (*баържа*; см. **баржа**). В *маржала-* наблюдается переход *б- > м-*, типичный для подобных случаев.

Непосредственно от *бар...* также образуются производные глаг. с семантикой, сходной с той, что отмечена у рассматриваемой

[1] С указ. словом, возможно, родственно с.-югур. *марк* в *йаг марк* ‘кусок масла...’ (при *йаг* ‘масло’), сопоставляемому с *марка* ‘ягненок, подросший и жирный’ (Малов. ЯЖУ, *75*).

тув. глаг. основы, вроде тат. *барла-* ‘проверять, подсчитывать’. Образования, структурно тождественные тув. *маржала*, по-видимому, редки в тюрк. языках, но тем не менее реальны: ср. кирг. **барчыла-* в деепричастной форме *барчылап* ‘посчитав как бы имеющимся; как если бы, как будто бы’ (КРС, *113*), где **барчы* — вероятный вариант *барча*...

маска ‘молот, молоток’.

Слово имеется также в варианте *баска*, считающимся диалектным (см.: ИП, *173*; ТСТЯ I, *223*). Ср. шор. *маска* то же (ШРС, *32*), алт., чалкан., хак. диал., чул.-тюрк. *маска* ‘большой молоток’ (РСл. IV, *2053*), шор., алт. диал., хак. диал. *паска* то же (РСл. IV, *1188*). Форма *паска* уже В.В. Радловым связывалась с глаг. основой *пас-* (*бас-* и под.) ‘давить...’; вариант *маска* < *баска*.

Указ. форма и ее варианты характерны для юж.-сиб. тюрк. языков. Ср. также ее морфол. вариант типа *bazγan* ~ *basqan* ‘большой кузнечный молот’ и под., характерный в основном для тюрк. языков среднеазиатского ареала (СИГТЯ Л, *415*); однако прототюрк. форма в том же источнике (Там же, *728*) выглядит как **basqa*.

В тув. *баска* ~ *маска* отсутствует фарингализация гласного, хотя в основе *бас-* (*баъзар*) она имеется: см. **бас-**. Возможно, ее отсутствие связано с варьированием согласного *-с-*, который в *бас-* был сильным, а в *баска*... — слабым, в связи с чем следует отметить фиксацию у данной глаг. основы первичной долготы: см. **бāс-* ‘давить...’ (ЭСТЯ II, *76*). Возможно, вариант слова *баска*... со слабым согласным *с* был заимствован из соседнего тюрк. языка. Отметим, что кроме этого слова в тув. имеются и другие родственные с ним образования (см. **маспа**, **маспак**), где также отсутствует фарингализованный гласный.

маспа ‘половая щетка’.

Структурно тув. *маспа* практически идентично отмеченному в ряде тюрк. языков имени *басма* (> *баспа*), образованному аф. *-ма* от *бас-* ‘давить’ и под., но по своей лексической семантике значительно отличающемуся от него: ср. такие знач. *басма*... как ‘печатный; печать’, а также ‘набойка, ситец’ и т.п. (см., напр.: ЭСТЯ II, *77*). Тув. форма *маспа* выглядит изолированной от указ. соответствий и, вероятно, возникла независимо от них, хотя и по общей с *басма*... словообр. модели.

Следует также отметить, что фонетически форма *маспа* отличается от *бас-* тем, что в указ. форме отсутствует фарингализация гласного (что наблюдается и в некоторых других производных от *бас-*: см. **маска**, **маспак**).

маспак ‘каменная зернотерка, вид ручной мельницы; ловушка для небольших зверей с придавливающим устройством’; **маспактан-** ‘сидеть, скрестив ноги’.

У *маспак* в качестве обозначения ловушки отмечены диал. варианты *маъскак* и *маъссак* (Монгуш 1973, *237*). Как и в случае с **маска**, у *маспак*... фиксируются соответствия в тюрк. языках Южной Сибири; они имеют варианты *басмак*, *баспак*, *паспак*, *паспах* и являются названиями предметов охотничьего снаряжения (ловушек, рассчитанных как на зверьков и птиц, так и на крупных животных) и орудий типа зернотерок, ручных жерновов (см., в частности: ЭСРДС, *379*, *441–442*). Первоначальная форма этих названий близка к *басмак*, и они являются производными от общетюрк. глаг. основы *бас-* ‘давить’ и под., образованными аф. *-мак*; ср. также **маска**, **маспа**. Связь с указ. основой отразилась, напр., в толкованиях части знач. хак. *паспах*: ‘ловушка с придавливающим устройством’ и ‘балласт, груз для придавливания, пресс’ (ХРИЭС, *85*).

Тув. *маспак* и его соответствия, обозначающие, с одной стороны, охотничье снаряжение, а с другой — зернотерку, в словарях в основном даются как пара омонимов, что не вполне правомерно: фактически мы в данном случае имеем дело с многозначностью, хотя и особого рода (без деления значений на исходные и производные).

Тув. диал. *маъскак* как обозначение ловушки отличается от *маспак* как структурно (у него другой словообр. аф.: *-как* вместо *-мак*), так и фонетически: наличием фарингализации гласного, отсутствующей в случае с *маспак*. Фарингализация в данном случае более естественна, нежели ее отсутствие, поскольку она отражает соответствующее качество гласного у основы *бас-* (см. **бас-**); отметим, впрочем, наличие нефарингализованного (краткого) гласного в **маска** и **маспа**.

С *маъскак* (> *маъссак*), по-видимому, родственна **баскак*, основа глаг. *баскактан-* ‘сидеть (садиться), скрестив ноги’, у которого также не фиксируется фарингализации (см.: ТСТЯ I, *223*; ср., впрочем, **баскактан-**). У указ. глаг. существует вариант *маспактан-*, где основа *маспак* также соотносима с тув. *маспак* в указ. знач.; ср. также хак. *маспах* ~ *паспах* ‘положение ног сидящего по-турецки’ (ХРИЭС, *60*).

маспактан- см. **маспак**.

мастык [аъ] *уст. рел.* ‘пост’.

Ср. др.-уйг. *bačaγ* ‘пост’, *bača-* ‘поститься’, *bačaγ bača-* ‘поститься, соблюдать пост’, *bačaq* (МК) ‘христианский пост’ (ДТС, *76*). В указ. источнике глаг. основа *bača-* возведена к согд. **pāč*, но

знач. последней не указано. По М. Рясянену, эта основа также < согд. **pāč*, которая считается производным от **pā-* ‘остерегаться, беречься’ (EW, *53*). Дж. Клосон считал основу *bača* собственно тюрк. (ED, *293*).

У древних уйгуров указ. рел. термин был заимствован монголами: ср. монгол. *, bačay / бацаг, tačay / мацаг* ‘пост, воздержание от пищи’. Тув. *мастык* представляет собой вторичное монгол. заимствование, причем, судя по интервокальному *ст*, оно восходит к совр. монг. *бацаг ~ мацаг*, где ст.-монг. *ч* (*č*) перешло в *ц*.

мат I *шахм.* ‘мат.’

Шахматная терминология тув. языка в значительной мере заимствована из монгол. языков. То же следует, по всей вероятности, сказать и о слове *мат*: ср. монгол. *mad / мад* ‘мат’. В данном случае, однако, не исключается и влияние рус. языка, где термин *мат* имеет в конечном счете общий с монгол. языками источник, каковым считается араб. язык. По В.В. Радлову, *мат*, отмеченное в ряде тюрк. языков, — арабизм; кроме того, это слово в кр.-тат. и тур. языках употребляется в знач. ‘парализованный, запрещенный’ (РСл. IV, *2043*; см. также: КРС, *519*).

Согласно словарю М. Рясянена, тюрк. слово, соответствия и семантика которого приводятся по РСл., заимствовано через перс. посредство из араб. *māt*, первоначально означавшего ‘он (= король) мертв’ (EW, *330*).

мат II: **мат кара** ‘черный-пречерный; грязный, замызганный’; **матпак**: **матпак кара** ‘грязный, испачканный’.

Мат II, или, точнее, сочетание *мат кара* в целом — монгол. заимствование? Ср. монгол. *pad / пад* ‘совсем, совершенно’; истолковывается как усилит. частица, которая употребляется в препозиции со словами, обозначающими темноту или черный цвет: ср. монг. *пад харанхуй* ‘совершенно темно’, *пад хар* ‘совсем черный; черный как смоль’ (БАМРС III, *51*); ср. также бур. *пад хара* ‘совершенно черный’.

Тув. *мат кара* может восходить к указ. монгол.-бур. словосочетанию, хотя в таких ситуациях, когда налицо усилит. частица, сочетающаяся с прил. типа *кара* ‘черный’ или под., в самом факте заимствования трудно быть уверенным в полной мере.

В тув. языке фигурирует также сочетание *матпак кара*, где первый компонент может иметь связь с *матпак* ‘толстый, большой’, а последнее — производное от глаг. основы *матпай-* ‘толстеть, тучнеть’. В то же время *матпак* ‘толстый...’ явно характеризуется наличием семантики усиления.

В случае с *матпак кара* не исключается контаминация с *мат кара*, но в то же время, думается, реально и родство *мат* в составе последнего с *матпак* в *матпак кара* и *матпак* ‘толстый; большой’. Вместе с тем не обнаруживается и прямых монгол. соответствий как глаг. основы *матпай-*, так и *матпак*, а также *матпак кара*. См. также **матпаадыр**.

матка ‘прыщ, угорь’.

Ср. алт. *батка* то же (ОРС, *27*), алт. диал. *патка* ‘угри (накожная сыпь)’ (РСл. IV, *1177*), а также монгол. *batuγa / батга* ‘угорь; угри, прыщики’ (БАМРС I, *236*), калм. *батх* [батхъ]. Алт. и тув. формы близки совр. монг. *батга*, но последнее, как и калм. *батх*, передает звуковой облик слова лишь приблизительно; в частности, отсутствует фиксация гласного второго слога, и оно представлено не трехсложным, а двухсложным.

Если бы в случае *батка ~ матка* мы имели бы монгол. заимствование, оно, скорее всего, также было бы трехсложным: **батыка* или **мадыга ~ *маъдыга* (в тув.).

Можно предположить, что в монгол. языках мы имеем в данном случае тюркизм, исконная форма которого сохраняется в указ. тюрк. языках Сибири (в большей степени в алт. *батка*; тув. *матка* — результат перехода *б > м*). Допустима также генетическая связь этих форм с кирг. *батка* 1. ‘наклеванный (птицами); издолбленный’; 2. ‘орнамент в виде точек (на дереве, металле)’ (КРС, *117*), сохранившим, вероятно, более старую семантику слова типа ‘проткнутый’, ‘точка, точки’, т.е. ‘следы от прикосновения, укола чем-то острым..., вообще маленькое круглое пятнышко’ (ОШ, *806*).

Впоследствии, очевидно, имел место перенос наименования на проявления заболеваний в виде прыщей, угрей и под., обусловленный вероятным табу.

Батка... — возможно, производное аф. *-ка* от тюрк. глаг. основы *бат-* ‘погружаться; входить во что-л.’ и под., у которой отмечены также знач. типа ‘вонзаться, втыкаться, впиваться (об игле, колючке и т.п.)’ (см.: ЭСТЯ II, *78–79*; ТурРС 1977, *102*), наличие которых объясняет особенности семантики кирг. *батка* (< **бат-ка*), а затем и его сиб.-тюрк. соответствий.

Следует отметить, что, если исходить из предлагаемой версии, в тув. *матка* следовало бы ожидать появления фарингализации (**маъткa*), которая, однако, отсутствует (ср. **бат-** с фарингализацией).

Отсутствие последней фиксируется и в производных от других глаг. основ, где фарингализованные гласные прослеживаются, причем в этих производных имеет место переход *б- > м-* (см. **маска**, **маспа**, **маспак**), что, возможно, оказывает влияние на качество последующих гласных, превращая их в обычные краткие.

матпаадыр, патпаадыр ‘большой палец руки’ (*в детской скороговорке*).

Полных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено, но встречаются формы, которые могут быть сопоставлены с тув.: ср., напр., *патпаштык* (В.В. Радлов), *пат паштык* (В.Н. Вербицкий) ‘большой палец в детской игре; большой палец’ (РСл. IV, *1186*; Вербицкий 1, *247*).

В.В. Радлов выделял в *патпаштык* компоненты *пат* и *паштык*, последний из которых сопоставлялся им, по-видимому, с алт. диал., шор. *паштык* (< *паш* + *-лык*, где *паш* — ‘голова’) ‘старшина рода, зайсан’ (РСл. IV, *1206*), тогда как компонент *пат* оставался недостаточно ясным. Вместе с тем и приводимое выше истолкование знач. *-паштык* может быть лишь предположительным и не внушает доверия, будучи, скорее, результатом вторичного осмысления. Являясь одним из вариантов общетюрк. *башлык...*, оно может в данной ситуации означать нечто вроде ‘головная часть’ (ср. чаг. *башлік*: РСл. IV, *1559*) или ‘кончик пальца’ (в таком знач. употребляется, в частности, тув. *баш* (основное знач. — ‘голова’). В то же время *баш* — основа формы *башлык*; см. **баш**.

Результатом переосмысления может быть и *-паадыр*, компонент тув. *матпаадыр ~ патпаадыр*, который, вероятно, был сближен с *баадыр ~ маадыр* ‘богатырь’ (см. **маадыр**), о чем свидетельствует появление вторичной долготы гласного *а*. Между тем указ. компонент может быть сближен с *падыр* в составе шор. *падырбаш* ‘палец’ (при *эргек падырбаш* ‘большой палец’) (ШРС, *38*); ср. это слово также в знач. ‘палец (на руке и ноге)’ (шор.); ‘палец на ноге; верхний сустав пальца’ (тел.) (РСл. IV, *1182*).

В *падырбаш* (< *падыр-баш*) второй компонент мог иметь семантику ‘кончик (пальца)’, а *падыр-* родствен с *мат ~ пат* в *матпаадыр...* и *патпаштык*. В таком случае допустимо, что знач. ‘верхний сустав пальца’ могло быть наиболее старым для *падырбаш*.

В связи с тув. *матпаадыр...* представляет также интерес монгол. *batu erekei / бат эрхий* ‘большой палец (детский)’ (БАМРС I, *236*), первый компонент которого связан (или, во всяком случае, совпадает) с *batu / бат* ‘крепкий, прочный’ и под., а второй, очевидно, — с *erekei / эрхий* ‘большой палец’.

Тув. и монгол. игровые (детские) названия большого пальца, вероятно, близки друг другу структурно и семантически и *мат ~ пат* в *матпаадыр ~ патпаадыр* реально возможен в виде прил., имеющего определенную смысловую общность с монгол. *batu...*, представлявшего собой нечто вроде возвеличивающего эпитета

ко второму компоненту и означавшего, возможно, ‘выделяющийся, выдающийся’ (первоначально, вероятно, толщиной).

В связи с этим реальна генетическая связь компонента *мат* с частицей *мат* и особенно с *матпак* ‘толстый, большой’ (см. **мат II**). Возможно, они родственны и с *падыр* в составе *падырбаш*; ср. также алт. *батпаанак* ‘коренастый, приземистый’, куманд. *матпак* ‘низкий’.

Второй компонент тув. *матпаадыр...* в принципе мог восходить к названию типа *падырбаш* в целом (представляя его сокращенный вариант) и первоначально означать ‘палец’.

матпадак ‘перепел, перепелка’; **патпадак** *диал.* то же.

Отмечены также в варианте *батпадак* (ТСТЯ I, *226*). Тув. *матпадак* и под. представляют варианты тюрк. названия перепелки, бытующего в кыпч. языках (*бытбылдык*), тур. диалектах (*bıtbıdık...*), уйг. (*ватвалак...*) и имеющего звукоподражат. происхождение (ЭСТЯ II, *306*, где тув. форма отсутствует; см. также: Ишбердин, *150–151*, где она дается в варианте *патпадак*).

матпак см. **мат II**.

меге [еъ] ‘ложь, обман; хитрость, лукавство; фальшь’.

Ср. алт. *меке* ‘обман; хитрость’, хак. *мике* ‘обман, ложь; хитрость, лукавство’. Слово относится к числу монгол. заимствований, что относительно тув. *меге* было установлено еще Н.Ф. Катановым, связывавшим его с п.-монг. формой *meke* [‘обман, лукавство’] (Опыт, *139*). См. также: Рассадин. МБЗ, *64*.

меде ‘клевер’.

Отмечен вариант с фарингализованным гласным — *меъде* (см.: УЗ ТНИИЯЛИ XIII, *306*; ФТЯ, *176*). Сравнительный материал по тюрк. языкам приводится в СИГТЯ, где тув. *меде* (*mede*) входит в ряд соответствий, включающих турк. *bede* ‘сено’, каз., ккалп. *bede* ‘клевер’, кирг. *bede* ‘клевер; люцерна’, узб. *beda* то же (ср. также уйг. (лоб.) *беде* ‘клевер’); там же реконструируется праформа **beda*, причем слово уверенно отнесено к числу перс. заимствований и возводится к перс. *bedā*. Некоторое затруднение возникает с тув. *меде*, о котором сказано: «Как попало перс. заимствование в тув. язык, остается неизвестным» (СИГТЯ Л, *127*).

Действительно, это неясно, поскольку подобные заимствования в тув. лексике встречаются очень редко, проникая в нее лишь через языки-посредники, соседние тюрк. или монгол. (см., напр., **дептер, кеден**), однако в этом случае ни в тех, ни в других языках соответствий указ. названия не обнаружено.

Тюркологи уверенно относят рассматриваемое название растения к персизмам или, в более общем плане, — к иран. заимст-

вованиям, о чем свидетельствуют как данные СИГТЯ, приводимые выше, так и соответствующие пометы в словарях конкретных языков (см., напр.: Малов. Лоб., *92*; КРС, *122*; ср. также: Жаримбетов, *93*).

Вместе с тем специалист по иран. языкам считает, что «иран. происхождение этого слова (*beda ~ bede. — Б. Т.*) очень проблематично...» (Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. — М., 1982. — С. 68), чему, отчасти, противоречат другие высказывания того же автора, относящего, в частности, люцерну к числу сельскохозяйственных культур, разведению которых мир обязан иранцам, как об этом свидетельствует и ее название типа лат. *medica* 'мидийский клевер' и близкого к нему по форме др.-греч., означавшего 'мидийская трава, люцерна'. Однако «распространение люцерны и введение ее в культуру было связано с разведением коней, которыми славилась Мидия» (Там же, с. 63, 66), одно из др.-иран. государств, существовавшее еще в I тысячелетии до н. э.

Возможно, сходство указ. выше названий этой страны и клевера является неслучайным. Если между ними существует реальная связь, то появление слова *меде ~ меъде* в Южной Сибири, в частности в Туве, может быть отнесено к глубокой древности и не связано с влиянием перс. языка, которое в этой ситуации с большей вероятностью отразилось в тюрк. языках Средней Азии и Восточного Туркестана.

Со среднеазиатским названием клевера (*беде*) сопоставлено як. *бэттиэмэ* 'мятлик луговой', которое сближается также с каз. *бетеге* 'короткая трава, растущая весной маленькими пучками...' и 'перистый ковыль, типчак' (см.: Попов. ЭС 1, *158*). Думается, что сопоставляемые данные не согласуются друг с другом, и в данном случае сближение с *бетеге* более обосновано. См. также **медеге**.

медеге [еъ] 'мягкий нарост на теле'.

У тув. *медеге* имеются соответствия в ряде тюрк. языков, преимущественно кыпч. группы, в вариантах *петеке ~ бэтеке ~ путэкэ ~ бэтэкэ(н)*; наиболее распространенное знач. — 'зоб (у птиц)', отмечена также семантика 'желудок птицы; почка животного; подушка округлой формы, валик' и др. (ЭСТЯ VI, *108*). Тув. *медеге* в этом источнике отсутствует.

В ЭСТЯ высказано в целом обоснованное предположение о том, что семантическим стержнем всех форм «является представление о выросте, желваке, плотном жилистом образовании (отсюда значения 'почка, валик...')» (Там же). Заметим, однако, что речь о «плотном... образовании» может идти не всегда; иногда имеется в виду нечто противоположное: ср., напр., такие знач., как ранее приводимое 'подушка округлой формы', 'мягкий нарост...' (тув. *медеге*) или 'болезнь, похожая на водянку' у каз. диал. *бетеке* (Аманжолов, *363*).

Очевидно также, что выражение указ. выше представления характерно для слов, имеющих образную природу, с чем и должна быть связана этимология *петеке* и его вариантов. Однако в соответствующей статье ЭСТЯ возможность генуинного происхождения тюрк. слова практически не рассматривается, а ее автор просто примкнул к высказанному ранее мнению о нем как о монгол. заимствовании: ср. п.-монг. *betege* 'зоб птицы, желудок птицы', монг. *бэтэг* 'зоб (птицы)' и под. (ЭСТЯ VI, *109*); ср. также монг. *бэтэг* 'эхинококк; рак, опухоль печени', считающееся омонимом к *бэтэг* 'зоб птицы...' (БАМРС I, *316*), хотя здесь, скорее, проявление многозначности.

Мы считаем, что мнение о тюрк. слове как о монголизме в целом не соответствует реальности, не говоря уже о том, что этимология монгол. *betege* и под. неясна. Так как доказательства его исконности не приведены, многое указывает на то, что, напротив, скорее, последнее является тюркизмом, хотя в каких-то случаях возможно и монгол. (вторичное) заимствование.

Отметим, в частности, что монгол. форма даже в ее старом варианте *betege* явно «моложе», напр., турк. *петеке* и его соответствий с согласным *к* в последнем слоге. Кроме того, тюрк. слово характеризуется в основном огубленным гласным первого слога, что, напротив, нехарактерно для монгол. форм; исключения здесь единичны (ЭСТЯ VI, *109*).

В связи со сказанным обращает на себя внимание то, что редактор ЭСТЯ, очевидно, не согласен с тем, что *петеке...* — монголизм, поскольку в примечании редактора (Там же, *108*) приводятся «внешние параллели» к тюрк. праформе **böteke* (с огублением), среди которых отсутствует монгол. (при наличии тунг.-маньчж., кор. и яп.). Впрочем, даже идентичность тюрк. форм с монгол. по признаку отсутствия огубления еще не может служить показателем их монгол. происхождения. Например, турк. *петеке*[1] едва ли может считаться монголизмом из-за другого фонетич. различия (соответствия *-к-* монгол. *-г-*, о котором уже говорилось). Кроме того, в турк., как и в других огуз. языках, число монголизмов минимально (см. также: Рас-

[1] В ЭСТЯ из тюрк. неогубленных вариантов приводится только турк. *петеке*, хотя их число несколько больше: см., кроме тув. *медеге*, каз. диал. *бетеке* с указ. знач., каз. *бетәгә* 'короткая трава, растущая весной маленькими пучками; хороший корм для скота' (РСл. IV, *1618*).

садин. МБЗ, *93–94*) и вероятность отнесения к ним *петеке* невелика.

Что касается тув. *медеге*, то его монгол. происхождение допустимо, однако между *медеге* и его монгол. соответствиями существуют заметные смысловые различия, причем семантику тув. слова сложно объяснить как результат изменения значений монгол.[1] То же можно сказать и о каз. диал. *бетеке*, обозначающем болезнь.

Отметим также, что тюрк. слово более многозначно, нежели монгол. (хотя его многозначность носит суммарный характер), что, скорее всего, указывает на исконность *петеке*... в тюрк. языках. Кроме того, в них фиксируются такие образования, которые могут рассматриваться как морфол. варианты *петеке*. Часть из них приведена в статье ЭСТЯ: як. *бөтөн* 'грудина, грудная кость из птицы', азерб. *пөтәнә* 'потроха', *пәтәнәх* 'желудок у птиц' (ЭСТЯ VI, *108*; ср. также: Пек. I, *527* и ЯРС, *79*).

Подобные формы не имеют монгол. соответствий и к числу монголизмов едва ли относимы в принципе, хотя М. Рясянен это допускал в отношении як. *бөтөн* (EW, *84*). В ЭСТЯ (VI, *109*) относительно указ. словоформ сказано, что их «гомогенность... требует дополнительных изысканий, однако обращает на себя внимание сходство значений и некоторая общность фонетической структуры...» (по-видимому, имеются в виду формы типа *петеке* и под.).

Думается, что гомогенность между *петеке*... и *пәтәнә* и под. едва ли может вызывать сомнения. Кроме того, круг сопоставляемых словоформ допускает расширение: ср., в частности, азерб. диал. *бөт* 'маленький веник', *бөти* 'щенок' (АДЛ, 87), тат. *бәти* 'ягненок, барашек', башк. диал. *бәтмәкәй* 'коротыш' (Бһһ, *49*) (ср. тат. *бутәкә* 'желудок жевательный у птиц'; 'низкорослый; коротыш(ка)'), а также азерб. диал. *пөтпөту*, *пөтүjә* 'птичий желудок; пупок' (АДЛ, *357*), тат. *бәтмәк*, обозначающее половые органы (РСл. IV, *1618*).

Указ. формы, вероятно, родственны тюрк. *без ~ мэз*... 'железа, желвак' и под. (ЭСТЯ VI, *60–61*), с соответствиями которых мы сопоставляли, в частности, тоф. *беътэ* 'черные железы в конском сале' (см. **бес I, II**). Реальна глаг. основа **бет- ~ *бөт-* (или ее двухсложные варианты **бете- ~ *бөте-*), имеющая, в свою очередь, образное происхождение, о которой дают представление глаг. формы типа кирг. *бөтөй-* (~ *бөлтөй-*) 'слегка вздуваться, слегка припухать; выделяться в виде небольшой шишечки, опухоли', як. *мэтэй-* 'выгибаться вперед, выставляя живот', *мөтөй-мотой-* 'выпячиваться узким бугорком (о груди)' (Харитонов, *292*, *293*), *мөтөй-* 'выгибаться, выпячиваться (обычно о груди)' (ЯРС, *243*).

У данных образно-глаг. основ встречается и монгол. соответствие вроде *metei- / мэтийх* 'выгибаться, изгибаться, гнуться дугой'.

Структурно *бетеке ~ бөтеке* представляет собой образование с аф. *-ке* от приводимой выше глаг. основы **бете-*... Очевидно, тув. *медеге* одноструктурно с *көдеге ~ көдээ*, синонимом которого оно является (см. **көдеге**). В последнем случае не идет речь о возможности монгол. заимствования: *көдеге* определенно исконно тюрк. слово, что может быть дополнительным аргументом в пользу тюрк. происхождения *петеке*...

медегле- 'сообщать, заявлять'; **медеглел** 'сообщение, заявление'.

Ср. монгол. *medegde- / мэдэгдэх* 'обнаруживаться, выявляться, становиться известным; сообщать, оповещать, ставить в известность; давать знать...' и *medegdel / мэдэгдэл* 'извещение, сообщение; заявление'. Указ. монгол. глаг. представляет собой форму страд. залога от основы *mede- / мэдэх* 'знать, понимать, чувствовать; ведать, распоряжаться, управлять', соответствие которой в тув. языке отсутствует.

В тув. *медегле-*, а также в *медеглел* структура указ. монгол. форм подверглась переосмыслению и они предстали как производные с более привычным для носителей тув. языка глаголообр. аф. *-ла-* от некой основы **медег*, соответствия которой отсутствуют как в тув., так и, по всей вероятности, в монгол. языках. Ср. **медел**.

медеглел см. **медегле-**.

медел *разг.* 'состояние человека в здравом уме и твердой памяти; ум, сознание'.

По всей вероятности, монгол. заимствование, связанное с *medel / мэдэл* 'власть, воля; ведение, компетенция; знание' (ср. также монг. *оюун мэдэл* 'ум, сознание') < *mede- / мэдэх* 'знать, понимать, чувствовать' (БАМРС II, *367*). Ср. **медегле-**. Вместе с тем монгол. слово подверглось заметному переосмыслению.

медере- 'понимать, сознавать; впадать в бессознательное состояние'; **медерел** *в разных знач.* 'сознание'.

Медере- — пример внутрисловной антонимии (энантиосемии) — явления, довольно редко встречающегося в тув. языке. В основе своей *медере-* и *медерел* — монголизмы: ср. монгол. *mederе- / мэдэрэх* 'ощущать, чувствовать; признаваться, осознавать, сознаваться' и *mederel / мэдэрэл* 'нерв, нервная система; чувствитель-

[1] Ср. тув. диал. *биьтегелиг* 'зобастый' (ЦУ, *146*), образованное аф. *-лиг* от основы **биьтеге* 'зоб', которую, скорее всего, следует считать монгол. заимствованием.

ность, чувство, сознание; ощущение, осознание' (см.: БАМРС II, *364*, *365*); см. также **медел.**

Появление у тув. *медере-* знач. 'впадать в бессознательное состояние', возможно, было результатом совмещения этой глаг. основы и выражений типа *медерел оскун-* или *медерел ышкын-* 'терять сознание; впадать в бессознательное состояние' (при *оскун-*, *ышкын-* 'ронять, терять'), в свою очередь являющихся возможными кальками рус. выражения *терять сознание.*

медерел см. **медере-.**

меди [еъ] 'привычка'; **мөдү** [өъ] **1.** 'как, подобно'; **2.** см. **меди.**

Удовлетворительному объяснению в наст. время поддается в основном только тув. *мөдү* 'как, подобно', представляющее собой монгол. заимствование: ср. монгол. *metü / мэт* 'подобно, точно, словно; похожий, подобный' и др. (Санжеев. Ср. грамматика, *210*; СИГТЯ Л, *207–208*). В последнем из источников проводится сопоставление *metü...* с тюрк. *bät* 'лицо' (см. **бет(и)**), для чего, возможно, имеются основания.

Тув. *мөдү* 'как...' восходит к монгол. форме с огубленным гласным первого слога типа ойр. (калм.) *möt^{ö}* (см.: СИГТЯ Л, *207*, *208*). В.И. Рассадин возводит *мөдү* к варианту *metü* (Рассадин. МБЗ, *62*), что представляется менее вероятным, поскольку в этом случае следовало бы ожидать, скорее, **меди* (хотя не исключено существование и такого варианта).

Происхождение тув. *меди* 'привычка' и *мөдү* с тем же знач. неясно. Можно констатировать, что *мөдү* 'как' и *мөдү* 'привычка' — скорее всего, омонимы и никакой генетической связи между ними нет. Однако допустима контаминация между *мөдү* 'как' и формой типа *медел* 'состояние (нахождение) человека в здравом уме и твердой памяти' (см. **медел**), что предполагает нахождение в нормальном, обычном, привычном состоянии. В *меди* и *мөдү* отмечается фарингализация гласных, отсутствующая в *медел* и родственных с ним словах (см. **медегле-**, **медээ** и др.). По-видимому, на облик *меди* и *мөдү* повлияла общность с *metü / мэт* или иных их монгол. соответствий с сильным интервокальным *t* (*-т-*).

медээ 'сообщение, информация, сведения о чем-л.; условный сигнал, а также средство сигнализации; предзнаменование чего-л.'.

Ср. тоф. *медәә* 'память, сознание, чувство' (*медәә озыт-* 'потерять сознание') (ТРС-РТС, *45*), хак. *мидее* 'сознательность, сознание' (ХРИЭС, *61*). Монголизм. Ср. монгол. *medege / медээ(н)* 'сведения, данные; донесение; сводка; информация; известие, весть, новость; сознание, чувство' (БАМРС II, *369*). В этом источнике наименования сведений, новостей и т.п., с одной стороны, и сознания, чувства — с другой, истолкованы как омонимы.

Исходя из этого, можно было бы сказать, что тув. *медээ* восходит к первому из указ. слов, а его тоф. и хак. соответствия — к его омониму. Думается, что в данном случае имеет место многозначность, связанная в частности, с тем, что монгол. форма — образование от монгол. же основы *mede- / мэдэх* 'знать, понимать, чувствовать', семантика которой ощущается во всех знач. этой формы.

Тем не менее смысловое разграничение между тув. *медээ* и его указ. соответствиями прослеживается четко, а семантика последних в тув. передается другими словами, также заимствованными из монгол. источников и родственными *медээ...*: см. **медел**, **медерел**, а также **медээжок.**

медээжок 'очень, сильно, чрезвычайно'.

Образовано из сочетания имени *медээ* с отрицат. частицей *чок*, где *медээ* соотносительно с монгол. заимствованием (см. **медээ**). Как правило, такие образования восходят к сочетаниям монгол. знаменательных слов также с отрицат. частицей *-гүй* (< *үгэй*), которая и заменяется на *чок* (см.: Рассадин. МБЗ, *61*, а также **магатчок**).

Подобное монгол. сочетание имеется и в данном случае (ср. монг. *медээгүй*), но оно по своей семантике далеко от тув., поскольку означает 'бесчувственный; бессознательный'; 'бесчувственно, бессознательно' и связано с монг. *мэдээ* 'сознание, чувство', семантика которого у тув. *медээ* не отмечена.

Структурно тув. *медээжок* связано с образованием типа монг. *мэдээгүй*, подвергшимся в тув. языке сближению с *медээ* 'известие, информация' и под. В результате возникло знач. 'такой, о котором нет сведений; такой, о котором [ничего] не известно' (→ 'небывалый, необычайный' → 'чрезвычайно, поразительно...' и под.). *Медээжок* в плане семант. развития напоминает рус. прил. типа *невиданный*, *неслыханный.*

межелдир см. **мажалык.**

межелик см. **мажалык.**

межерген [еъ] 'сова'; *перен. фолькл.* 'овца'; **межирген** *юго-вост.* 'совка-сплюшка'.

Семантика *межерген* как наименования птицы в источниках истолковывается по-разному: 1) как одно из общих названий совы (ТРС 1968, *292*; ТСТЯ); 2) как название одной из птиц семейства совиных — совки-сплюшки (ШС, *34*, *40*); см. также *межирген.*

Тув. *межерген* было сопоставлено с тоф. *behirgen* (~ *беъһиргән*), алт. *мечиртке* (~ *мерчіткі* в ГАЯ, *109*, *219*), як. *мэкчиргэ* 'сова', а тоф. слово относилось к лексике неизвестного происхождения (Рассадин. Фонетика, *89*, *160*). В последующем В.И. Рассадин

истолковывал як. слово как бур. заимствование: ср. бур. *бэгсэргэ* 'сова' < **бэгчэргэ* (Рассадин. МБЗ, *85*), но затем последнее и его диал. вариант *букшэргэ* трактуется как возможный тюркизм, хотя при этом допускается вероятность этимологической связи начального элемента указ. наименования с монг. *буг / биг* в составе термина *биг баатар ~ буг баатар* 'сова; сыч' (Рассадин. Становление, *117*). Однако происхождение этого элемента и его семантика при этом остаются неясными.

А.А. Бурыкин считает як. *мэкчиргэ* монгол. заимствованием, сравнивая его с бур. *бэгсэргэ* и констатируя в то же время, что «тув. *межерген...* едва ли может быть монгол. по происхождению» (см.: Становление и развитие науки в Туве. — Кызыл, 2002. — Ч. 1. — С. 30). С последним можно согласиться, отметив, кроме того, что родство як.-бур. (а также алт.) форм с тув. и тоф. выглядит вообще сомнительным; ср. также сиб.-тат. *бикцэргэ*, *пикчэргэ*, *пэкчэргэй*, *пакцарга* 'сыч', *пикцэргэ* 'ястреб' (Тумашева, *171*, *173*)[1].

Возможно, тув. *межерген ~ межирген* и тоф. *беъһіргән* восходят к исходной форме **бешэркен ~ *беширкен* (на исконный *-ш-* указывает тоф. вариант с характерным переходом *-ши- > -hi-*), где начальный *б* мог переходить в *м* или чередоваться с последним. Можно допустить гомогенность тув.-тоф. наименования с первым компонентом уйг. диал. *мäшäк* (?) *јапалак* 'сова' (Малов. УНС, *137*), который нам, учитывая наличие этого наименования, представляется вполне реальным. Уйг. название совы, вероятно, является парным словом, компоненты которого синонимичны или, во всяком случае, семантически близки друг другу.

Что касается компонента *јапалак*, то он имеет близкие соответствия во многих тюрк. языках, в том числе и в уйг., где это слово означает в основном 'сова, вид совы' и 'филин'. *Йапалак, йабалак* считается стяженной формой из *йапа* (~ *йапаку*) *кулак* нечто вроде 'с ушами из свалявшихся волос'; ср. *йапагы* 'овечья шерсть; шерсть-линька' (см. также **чаваа**). Встречается и прил. *йапалак* 'с сильно взъерошенными волосами; кудрявый; лохматый, мохнатый' (ЭСТЯ IV, *129*; СИГТЯ Л, *170*).

Возможно, подобную семантику имело и *межерген...*, что объясняло бы появление у тув. слова знач. 'овца' (первоначально 'лохматая, кудрявая'?).

Судя по структуре (наличие показателя *-ген < -кен*), *межерген...* — скорее всего, слово тюрк. происхождения, относящееся к группе названий объектов фауны и флоры. Аф. *-кан ~ -кен*

[1] Случайно ли сходство указ. форм с монгол. *boγšurγa / богширго* 'воробей, жаворонок', бур. уст. *богшорго*, калм. *богшурһа* 'воробей' (ср. также тув. диал. *бошкуурга* 'жаворонок' < монг.: Монгуш 1973, *237*, *238*)?

может образовывать как отглаг., так и отыменные имена. К сожалению, пока сложно установить статус основы слова, ее первоначальный звуковой облик и структуру. Не исключено, что *межерген* гомогенно с таким тюрк. образованием, как *бешмет*, обозначающим верхнюю мужскую одежду (в частности, зимнюю одежду на вате, что по содержанию обнаруживает определенную общность с приводимыми выше *йапа кулак* и *йапалак* в качестве прил.

Однако, в свою очередь, этимология тюрк. *бешмет* неясна; существуют также сомнения в тюрк. происхождении слова (ЭСТЯ II, *123–124*).

межирген см. **межерген**.

мези I [еъ] 'холодное оружие; меч; нож'.

Монголизм: ср., в частности, монгол. *mese / мэс* 'холодное оружие (напр., нож, меч, топор)' (БАМРС II, *375*).

мези II [еъ] 'идиот, глупец'.

Соответствия неясны. Возможно, *мези* — производное от тюрк. глаг. основы типа *без-*$_1$, означающей, в частности, 'испытывать отвращение; надоедать', а также 'одичать' и под., или, скорее, от омонимичной с ней *без-*$_2$, 'дрожать', производными от которой является тюрк. *безгек...* 'лихорадка; лихорадочный; больной; навязчивый, назойливый' и др. (см.: ЭСТЯ II, *103–105*).

Та же основа прослеживается в таких формах, как каз. *безекте-* 'проявлять сильное беспокойство, беспокойно метаться', *безеңде-* 'метаться' (КазРС, *76*), а также *безер* 'упрямый, капризный' (ДЛТЯС, *133*), *безер-* 'упрямиться...' (РСл. IV, *1635*), каз. диал. *безирей-* 'выходить из себя' (Аманжолов, *362–363*), которые могут быть связаны с *без-*$_2$.

В целом указ. формы характеризуют поведение «ненормальных» людей, которое связано и с умственной неполноценностью.

Тув. *мези* < **без-и*, где *з* обозначает, вероятно, согласный, который был сильным, отражением чего является наличие фарингализации в тув. слове. См. также **мезил**.

мезил [еъ] 'налим'; *перен.* 'глупец, глупый человек'; **мезил-көк** [еъ] *фолькл.* 'волк'.

Ср. тодж. *беъзил ~ меъзил*, тоф. *беъсіл* то же. Возможно, родственными с указ. являются тур. *мезит* 'какая-то рыба (съедобная)', *мезгид* 'какая-то рыба' (РСл. IV, *2122*); ср. тур. *mezit* 'мерланг' (название морской рыбы). Интересно, что мерланг относится к тому же семейству тресковых, что и налим, и имеет с ним определенное сходство (см.: Жизнь животных. — М., 1983. — Т. 4, ч. 1. — С. 177, 382).

Этимология неясна. См.: Рассадин. Фонетика, *89*, *162*, где тоф. слово сопоставлено только с тув. *мезил* и дается без указания

фарингализации. М. Рясянен сопоставлял (хотя и под вопросом) хак. *міндир* ‘налим’ и тув. *мезил* (EW, *339*), для чего нет оснований.

Возможно *мезил* (< **бесил*) и его соответствия, реальные и вероятные, связаны с определенными действиями, движениями, в частности, того же налима, о котором В.И. Даль писал, что эта рыба «извивается в руках, как угрь» (Даль II, *1131*). Поэтому, думается, у рассматриваемого слова можно проследить связь с глаг. основой *bäz-* (*без-*), отмеченной в памятниках и означающей ‘дрожать’ (~ ‘трепетать’); в совр. тюрк. языках она является связанной и выделяется в составе образований *безгек* ‘лихорадка, малярия; дрожь’ и под. (ЭСТЯ II, *104–105*). В указ. работе высказано также предположение о наличии у *без-* именной словоформы **без*. Ср. также реконструкцию основы **без* ‘нечто дрожащее, пребывающее в трепете, волнении’, каковая видится, в частности, в каз. *безгек* ‘малярия, лихорадка’ (Кайдаров, *193*), что спорно.

Стоит отметить наличие таких гомогенных с *без-* форм, как кирг. *безилде-* ‘проявлять сильное беспокойство, беспокойно метаться’, где, по-видимому, вычленяемы глаголообр. аф. *-де-* и основа **безил* (~ **бесил*), которая могла означать нечто вроде ‘беспокойный, мечущийся; вырывающийся, трепещущий’ и т.п. и, скорее всего, не случайно оказывается очень близкой или тождественной по форме тув. *мезил* и под. Ср. также каз. *безилдек* ‘торопливый’.

В связи со сказанным привлекает также внимание название птицы вроде каз. *безгелдек* ‘стрепет’, которое М. Рясянен сопоставлял с вост.-тюрк. *bäzgäldäk* ‘маленькая водяная птица’ (по РСл.) (EW, *73*); ср. кирг. *безбелдек* ‘стрепет’, где *б* в начале второго слога, скорее всего, вторичен, а также башк. *бизгэлэк* ‘стрепет’, ног. *безгелек* ‘куропатка’ (Ишбердин, *150*). Эти орнитонимы могли быть произведены от глаг. основы **безгелде-* или *безгәлә-* (аф. *-к*), являвшихся вариантами кирг. *безилде-* и имевших сходные с последней структуру (*безгел-де-* ~ **безгел-е-*) и семантику.

В свою очередь, **безгел* можно считать вариантом (структурно-фонетич.) именной основы **безил* в составе *безилде-*. Связь названий птицы, в частности стрепета, с указ. глаг. основой прослеживается в кирг. словосочетании *безилдеген безбелдек* фолькл. ‘трепетный стрепет’ (КРС, *123*), которое, в свою очередь, напоминает о том, что рус. *стрепет* считается образованием от звукоподражания *стреп*, родственного слову *трепет* (Шанский и др., *429*).

Формы **безил* и **безгел* — производные от указ. выше глаг. основы *без-*, образованные аф. *-(а)л* и *-кал*, которые считаются родственными и могут образовывать отглаг. имена, в частности со знач. признака, причем последний из этих формантов встречается очень редко (см.: АИ, *191–194*).

Признаковая семантика, похоже, сохранилась в тув. *мезил-көк*, одном из фолькл. названий волка, второй компонент которого восходит к прил. *көк*, означающему, в том числе, ‘серый (о волке)’, тогда как его первый компонент связан с *мезил* (**безил* < **бесил*) с той семантикой данной основы, что была приведена выше. Эта семантика характеризует движения волка (в частности, при его беге) и близка знач. производящих основ, с которыми связаны основные наименования зверя: см. **бөрү**.

Появление у тув. *мезил* знач. ‘глупец, глупый человек’, возможно, обусловлено тем, что налим, хищная рыба, охотится, лежа ночью на дне водоема и широко раскрыв пасть, которой и хватает добычу (см.: ТДЭС, *36*). Вместе с тем с раскрытой пастью может ассоциироваться представление о ротозействе, глупости. Допустимо, однако, и то, что основа **безил* ~ **бесил*, о которой говорилось ранее, кроме ‘беспокойный’ и под., могла означать также ‘ненормальный, глупый...’ (см. также **мези II**).

Фарингализация в тув. и тоф. формах должна быть объяснена сильным характером следующего за гласным первого слога свистящего согласного *с* (варианта *з*), о существовании которого, возможно, свидетельствуют такие варианты формы *безгек*, как ккалп. *бескек*, др.-уйг. *bäsgäk* (ЭСТЯ II, *104*, *105*).

Тур. *мезит* и *мезгид*, по-видимому, восходят к вариантам с аллаутным *б*, в которых вычленимы аф. *-(и)т* и *-гид*, возможно родственные между собой, что напоминает рассмотренную выше ситуацию с формантами *-(а)л* и *-к(а)л*. О переходе *б- > м-*, закономерном для тур. слов, в основах которых отсутствуют носовые согласные (СИГТЯ Р, *45*), указывает также тур. *мезгелдек* ‘дрофа’ (РСл. IV, *2112*); ср. вышеприводимое *безгелдек*.

мезил-көк см. **мезил**.

мекпелчик см. **макпалчык**.

мелдер [еъ] ‘мухортый’ (*гнедой с желтоватыми подпалинами — о масти лошади*); ‘грязный, чумазый’.

Тув. *мелдер* синонимично прил. *калдар*, относящемуся к числу монголизмов (см. **калдар**), хотя специалисты находят в этих названиях мастей отличия друг от друга. В частности, «тувинцы словом *калдар* называют лошадь любой масти, у которой морда в местах вокруг рта (губ) имеет более светлую окраску. *Мелдер* — лошади с пятнами [еще] более светлого окраса (желтого, белого и т.д.). Если пятна располагаются в пахах, вокруг глаз, на морде выше ноздрей..., то они трактуются либо как признак (отметина, деталь)..., либо как описание масти, напр. *калдар аът*». Считается, что тув. *калдар* соответствует рус. *мухортый*, а *мел-*

дер — караковый (Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. — Кызыл, 2003. — С. 54–55, ср. также приложение).

В отличие от *калдар*, которое близко *мелдер* не только семантически, но и, по-видимому, структурно, у последнего близких соответствий в монгол. языках не обнаружено, единичны они и в тюрк. К ним определенно принадлежит хак. *пилтір* ‘белобокий’ (ХРС, *150*) или, по другому источнику, ‘белобокий скот, скот с белым крестцом’ (*хара пилтір інек* ‘черная корова с белым крестцом’, *хызыл пилтір інек* ‘рыжая корова с белым крестцом’) (ХРИЭС, *88*).

В целом же *мелдер* выглядит изолированной формой, хотя в тюрк. языках имеются образования, которые, возможно, гомогенны с рассматриваемой: ср. др.-тюрк. (МК) *belä-* ‘измазать’ [в частности, кровью] (ДТС, *93*), каз. *мәлін*, каз. диал. *мәлі* ‘дикая камышовая пятнистая кошка’ (Кайдаров, *260*), а также узб. *малла* ‘рыжий (о лошади)’, турк. *меле* ‘буланый (о коне)’, каз. диал. *мелде*, *мелдим* ‘светло-желтый (о масти скота)’, кирг. *мала* ‘палевая (лошадь)’ (Базарова, Шарипова, *34*); *mällä* (чаг., тур.) ‘палевый’; (тат.) ‘желтое верблюжье сукно’ (РСл. IV, *2102*). Отметим, что подобные прил. имеют и другие цветовые значения, не связанные с мастями. Так, турк. *меле* означает ‘светло-желтый; палевый, бежевый; смуглый’ и, видимо, еще ‘светлый’ (*меле сач* ‘светлые волосы’), ‘карий’ (*меле гөз* ‘карие глаза’); ср. также *меле топрак* ‘серозем’.

С тюрк. формами сопоставимы монгол. типа *meljen / мэлзэн* ‘лысый, плешивый’ (*мэлзэн үхэр* ‘лысуха (о корове)’) (БАМРС II, *370*), бур. *мэлзэн* ‘звездочка, белое пятно (на лбу животных)’, с которыми, вероятно, связаны як. *мэлдьэн* ‘красноватый оттенок (масти животного)’, *мэлдьэннэх* ‘с красноватым оттенком на морде (о масти животных)’ (ЯРС, *247*), як. диал. *мэлдьэннэх* ‘с белой отметиной на храпе — о лошади; лошадь с черными пятнами в паху или на стегнах’ (ДСЯЯ, *169*). И наконец, привлекает внимание тунг.-маньчж. или, конкретно, эвенк. *мэлӈэр* ‘пятна (над глазами собаки)’, сопоставляемое с як. *мэлдьэн* ‘красноватый или белый оттенок шерсти, пятно’ (ССТМЯ I, *566–567*).

Приведенные выше тюрк. формы неясны по своему происхождению и, похоже, серьезных попыток их этимологизации еще не предпринималось. М. Рясянен, напр., в своем словаре ограничился тем, что воспроизвел слово *mällä* (по РСл.) и не привел к нему даже никаких соответствий (EW, *333*), а кирг. *мала* ‘светло-рыжий, рыжеватый’ отмечено как иран. заимствование (КРС, *513*).

Не исключено, что какие-то из приводимых тюрк. форм действительно имеют иноязычное происхождение, но в целом речь должна идти, скорее, о собственно тюрк. их происхождении. Это относится в первую очередь к др.-тюрк. *belä-*, обозначающему ‘мазание, пачкание (чем-то красным?)’, в котором вычленима именная основа **bel* ‘грязь, пятно’ или ‘грязный, пятнистый’. Судя по каз. *мәлі(н)*, обозначающему пятнистую дикую кошку, могла существовать и глаг. основа **bel-*, соотносительная с **bel*, а по семантике близкая к *belä-*. Подобные основы могли означать и смешение или смесь (вызывающие загрязнение). Так, с указ. каз. *мәлі(н)*, вероятно, родственно каз. *мәліш* ‘метизованная порода овец’ (Кайдаров, *260*). А.Т. Кайдаров в том и другом слове вычленяет основу **мәл*, не указывая ее семантику и не считая родственными данные слова, хотя, скорее всего, они связаны друг с другом.

Тув. *мелдер* < **белтер* подобно тому как хак. *пилтір* < **белтир*. Обе эти формы представляют собой образования с аф. *-(ɑ)р-* (варьируемым по качеству соединительного гласного) от глаг. основы типа **белит-*, которая может быть как отыменной, так и отглаг. и в которой узкий гласный второго слога подвергся выпадению в производном вроде **белтер* < **белит-ер* или подобном ему.

Монгол. *meljen* могло восходить к тюрк. форме, подобной **мелден* < **белден*, к которой близки каз. диал. *мелде* и *мелдім* (семантика которых, вероятно, претерпела изменения, хотя и связана тем не менее с цветом), причем *-je-* в *meljen* — результат преобразования *-de-* > *je-*, спорадически возникавшего при освоении тюркизмов (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *398*).

Возможно, в монгол. источниках встречалась и форма **meljer* < тюрк. *белдер* ~ *мелдер* (ныне не обнаруживаемая), семантически близкая *meljen* и послужившая праформой для эвенк. *мэлӈэр*, изолированной в тунг.-маньчж. языках и фиксируемой только в одном из эвенк. диалектов.

Остается не вполне ясным характер связей между формами типа тув. *калдар* (с его соответствиями) и *мелдер*. Их структурная и семант. общность, отмечавшаяся выше, думается, едва ли случайна. Может быть, *калдар...* в конечном итоге также имеет тюрк. происхождение?

мелегей I, языты-мелегей [яъ] черепаха.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *melekei* ‘лягушка’, *menekei* то же (Голст. III, *213*), ср.-монг. *menekei* ‘черепаха’ (Поппе. Мук., *235*), монг. *мэлхий* ‘лягушка; подобный лягушке’, а также монгол. *jasutu melekei / яст мэлхий* ‘черепаха’ (при *jasutu / яст* ‘имеющий кость, костистый’). М. Рясянен, отмечая заимствованный характер тув.

мелегей, давал монгол. *melekei*, *menekei* со знач. ‘лягушка; черепаха’ (EW, *333*).

Судя по форме, *мелегей* и *язиты-мелегей* относятся к числу старых заимствований. См. также **мелегей II**.

мелегей II 1. ‘глупый, тупоумный; глупый, необдуманный (напр., поступок)’; **2.** ‘глупец, дурак’.

Соответствия неясны. Возможно, *мелегей II* связано с предшествующим словом: см. **мелегей I**. Вероятно также сближение последнего с формами, довольно близкими ему и обозначающими глупость, недостаток ума, вроде тув. *менээ* ‘придурковатый, слабоумный’ (см. **менээ**), монгол. *meneg / мэнэг* ‘глупый, бестолковый’. См. также **менээ**, **мугулай**.

мен *мест.* ‘я’.

Общетюрк.; наиболее распространенным является вариант с анлаутным *м* (*мен* и под.); значительно реже встречается вариант с начальным *б* (*бен*, *бин*...), отражающий более древнюю форму указ. личного мест.

Личное мест. *бен ~ мен* считается родственным указ. *бу*... (см. **бо**) и, что представляется бесспорным, — личному мест. *биз ~ бис* ‘мы’. Детальный анализ структуры *бен*... дается в соответствующей статье ЭСТЯ (VI, *47 и след.*), где у последнего вычленяется «прямая основа» **пи ~ би*, которая, как считается, «переместилась в сферу множ. числа, получив при этом дополнительный различитель *-з*...» (Там же, *50*). Форма типа **бин ~ *мин* в указ. источнике именуется «косвенной основой», в которой элемент *-н* восходит к аф. посессивности. В дальнейшем имело место расширение гласного данной основы, получившее удовлетворительное объяснение со стороны Г. Рамстедта и Г.Ф. Благовой, автора указ. статьи в ЭСТЯ.

Мы ранее задавались вопросом, не является ли *биз ~ бис*... ‘мы’ производным на *-з* (*-с*) от глаг. основы **би-* ‘охватывать(ся)’ (см. **бис II**). Может быть, подобным образованием от той же основы, но с аф. *-н* было и **би-н*?

См. также **менин-**, **менээрге(н)-**.

менди 1. ‘приветствие при встрече с кем-л.’; **2.** ‘здоровый, целый, в полной сохранности’; **3.** ‘благополучно’; **4.** ‘здравствуй(те)!’; **мендижире-** ‘быть здоровым, целым; быть в сохранности’; **мендии ~ мендээ** см. **менди 4.**; **мендиле-** ‘приветствовать кого-л., здороваться с кем-л.’; *уст.* ‘приветствовать кого-л., протягивая к нему обе руки и касаясь ладонями его ладоней’; **менди-чаагай** см. **менди 2.**, **3.**; **менди-чаагай!** ‘до свидания!, будьте здоровы!’.

Ср. тоф. *менді* ‘здравствуй(те)!’ (ТРС-РТС, *45*), шор. *менди* ‘здравствуй(те)!’, хак. *менді* ‘здоровый’, *изен-минді* ‘здравствуй!’ (Рассадин. МБЗ, *7*, *11*, *12*), которые, как и тув. *менди*, относятся к числу монголизмов (см. также: EW, *334*) и сопоставляемы с монгол. формами типа монгол. *mendü / мэнд* ‘здоровый, здоровье; привет(ствие); здравствуйте!’.

В тув. *менди* в отличие от других его тюрк. соответствий отразилась многозначность его монгол. прототипа. Кроме того, тув. языком заимствованы и некоторые производные формы. К ним, скорее всего, относятся *мендиле-* ‘приветствовать...’ (а также тоф. *менділе-* ‘здороваться, приветствовать’; ср. монгол. *mendülе- / мэндлэх* ‘здороваться, приветствовать, желать доброго здоровья’) и *мендижире-*.

Вместе с тем тув. формы приветствия, образованные от *менди* путем удлинения гласного второго слога (*мендии*) с сопутствующим расширением (*мендээ*), возникли, вероятно, в самом тув. языке по образцу *эки* ‘хороший; хорошо’ → *экии* ‘здравствуйте’.

Не вполне ясно происхождение *менди-чаагай* (в том числе и как приветствия при прощании). См. **чаагай**.

мендижире- см. **менди**.

мендии см. **менди**.

мендиле- см. **менди**.

менди-чаагай см. **менди**, **чаагай**.

мендээ см. **менди**.

менин- ‘делать что-л. вдоволь; поступать самовольно, самовольничать, бесчинствовать’; **менээрге(н)-** ‘зазнаваться, возгордиться’.

Непосредственных соответствий не обнаружено, но, по всей вероятности, происхождение указ. слов связано в конечном итоге с личным мест. *бен ~ мен* ‘я’ (см. **мен**), и они, таким образом, гомогенны с такими образованиями, как *menlik ~ benlik* и под., означающими, в частности, ‘гордость; эгоизм; самомнение; надменность’, а также *менси(н)-* ‘бахвалиться, похваляться; считать своим, присваивать, владеть чем-л.’ и др. Они произведены непосредственно от данной местоименной основы (см.: ЭСТЯ VI, *51*).

Тув. *менин-*, вероятно, близко по структуре *менси(н)-* (< **мен-си-н-*) и представляет собой форму возвр. залога от основы **мен-и-*, в свою очередь семантически близкой *менин-*. *Менээрге-* — отглаг.-отыменная основа, образованная с помощью аф. *ыырга-* (см.: ИП, *269–270*; Рассадин. Морфология, *241–242*; АГ, *327–331*).

Эта форма может означать ‘кичиться чем-л.’ и под. Судя по тому, что долгий гласный второго слога является в нашем случае широким, *менээрге-*, скорее всего, не является производным непосредственно от *мен* ‘я’, поскольку в этом случае следовало бы ожидать появления варианта с узким долгим гласным вроде **мениирге-*.

Можно предположить, что рассматриваемая глаг. форма образована от двухсложной именной основы с широким гласным второго слога вроде **менег* или **менек*. Эта основа, в свою очередь, могла быть интерпретирована как производная (с аф. *-г* или *-к*) от **мен-е-*, варианта рассматривавшегося выше отместоименного глаг., и имеющая семантику типа ‘делающий что-л. вдоволь’ или под. В таком случае, *менээрге-* < **менег(и)ирге-*.

Не исключено, что с **менег ~ менек* тождественна **минік* в хак. глаг. *миніксін-* ‘считать что-л. своим, присваивать себе’, хотя структура последнего допускает и иную интерпретацию: так, Э.В. Севортян считал, что здесь имеет место образование от местоименной хак. основы *минікі* ‘мой’ (АГ, *308*).

менээ ‘придурковатый, слабоумный; страдающий вертячкой (об овце)’; **менээзире-**, **менээре-** ‘становиться придурковатым, слабоумным’.

Ср. як. *мэник* ‘шаловливый, шальной; дурной, глупый’, *мэнэрий-* ‘биться в нервном припадке, бесноваться; кликушествовать’, относимые к монголизмам (см.: Бётлингк, *612*; EW, *333*; Рассадин. МБЗ, *72*, *73*; ЭСРДС, *384*). Эта версия, скорее всего, верна. Ср. п.-монг. *meneg ~ meneng* ‘глупый, неразумный, бестолковый’, монг. *мэнэг* ‘слабоумие, идиотизм’, *мэнэн* ‘менингит’, п.-монг. *menere- ~ meneri-* ‘становиться глупым, тупым, тупеть, глупеть; терять сознание, падать в обморок’, монг. *мэнэрэх* ‘отупеть, поглупеть, становиться бестолковым; терять чувствительность; падать в обморок’.

Вероятно, монгол. происхождение имеют тув. *менээ* и *менээре-*, первое из которых может восходить к форме типа п.-монг. *menengge* ‘глуповатый, довольно неразумный, расслабленный’ (Голст. III, *213*). В *менээ* произошло выпадение сочетания *-ngg-* в долготном комплексе и образование вторичной долготы.

Глаг. основа *менээре-* связана с исходной формой типа монгол. *menere-...*, структура которого была, однако, осмыслена как производное (с помощью аф. *-ра-*) от *менээ*, которое послужило также основой для самостоятельного образования с аф. *-сыра-* (*менээзире-* < *менээ-сире-*).

менээзире- см. **менээ**.

менээрге(н)- см. **менин-**.

менээре- см. **менээ**.

мең ‘родинка; родимое пятно’; **меңги** *редк. рел.* ‘родинка; цвет; знак судьбы (в астрологии)’.

Форма *мең* имеет соответствия общетюрк. характера в вариантах *мең* (наиболее распространенном), *бең* и др. и в знач. ‘родимое пятно; родинка’ (в большинстве источников), а также ‘веснушка; бородавка; рубец; пятно; румянец; мушка (декоративная)’, связанных в основном с обозначением пигментных изменений кожи, прежде всего на лице (ЭСТЯ VI, *51–52*), т.е. с цветовыми характеристиками последнего.

Поэтому с *мең ~ бең* определенно родственны тур. диал. *benk* ‘цвет лица’, *beng* ‘лицо’ (см.: Тенишев. Сал., *409*) и отмеченное в РСл. др.-уйг. *мең*, которое приведено в знач. ‘цвет лица’ и, кроме того, судя по иллюстративному материалу, где фигурирует выражение *куш меңи* ‘цвет орла’ (букв. ‘птицы’), могло обозначать цвет вообще (РСл. IV, *2080*). Очевидно, правы те исследователи, которые считают *мең...* гомогенным с тюрк. *беңиз ~ меңиз...* ‘лицо; цвет лица’ и под. (см. **мээс**), хотя характер связи между этими словами не всегда представляется достаточно адекватно. Можно согласиться с тем, что прямая производность названия лица от наименования родинки сомнительна, но это не отменяет родства указ. слов друг с другом, как иногда считается (СИГТЯ Л, *208–209*; ср.: ЭСТЯ VI, *56*).

Думается, исходная семантика *мең...* — ‘выдающийся вперед, выпуклый’ или под.; то же можно сказать и о *меңиз*, которое, кстати говоря, означает не только ‘лицо’, но и ‘щека’ (и, естественно, ‘щеки’). Неслучайно в связи с этим наличие знач. ‘лицо’ у соответствий *мең* (что уже отмечалось выше)[1] и, напротив, эпизодическое появление семантики ‘родимое пятно’ у *меңиз...* (см.: ЭСТЯ VI, *55*). Ср. также **мээ**.

Можно предположить, что наличие цветовых характеристик в семантике обеих рассматриваемых словоформ вторично, поскольку именно лицевая сторона (и человеческое лицо в частности) характеризуется наибольшей, яркой окрашенностью. Подобный «расклад» знач. наблюдается у тюрк. *өң* ‘перед, передняя сторона; лицо, цвет лица, цвет вообще’ (см. **өң I**).

Мең... ‘выпуклый’ и под. по своему происхождению могло быть связано с образной основой. В этой связи неслучайна реконструкция прототипа слова с начальным *м* (**мең*) (ЭСТЯ VI, *52*).

Особо следует сказать о тув. *меңги*, являющемся вторичным монгол. заимствованием, восходящим к форме, которая, в свою очередь, — тюркизм: ср. п.-монг. *mengge*, монг., бур. *мэнгэ* ‘родимое пятно, родинка; метка, знак’ (см.: ЭСТЯ VI, *52–53*, где автор придерживается мнения о генетическом родстве тюрк. и монгол. форм, с которым, однако, нельзя согласиться, ср.: СИГТЯ Л, *209*).

Следует отметить, что у монголов существует традиционное представление о магическом влиянии родимых пятен (точнее,

[1] Вполне логичным представляется восстановление у *мең ~ бең* знач. ‘щека’, что, однако, вызывает сомнения (ЭСТЯ VI, *56*).

родинок) на судьбу и жизнь человека (Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. — М., 1988. — С. 94–95, 190); ср. также монг. *мэнгэ* ‘девять астрологических знаков судьбы’, неправомерно квалифицируемое как омоним к *мэнгэ* ‘родимое пятно...’ (БАМРС II, *371*).

Эти представления отразились в употреблении и семантике тув. *меңги*, где оно изредка встречается в текстах шаманских камланий. См., напр., *Мендивисти солчуп алыыл*, **меңгивисти** *санажыылы* ‘Обменяемся-ка приветствиями, сосчитаем-ка наши родинки’ (КЛА, *318*[1]). Отмечено оно и в произведениях фольклора, примером чего может служить пословица *Шагда магат чок, бегде* **меңги** *чок* ‘У времени предопределенности нет, у бега (=знатного человека) знака судьбы нет’.

меңги I см. **мең**.

меңги II 1. *тодж.* ‘крепкий, прочный; вечный’; **2.** ‘горный ледник, вечный снег (в горах)’; **меңги-дош** ‘горный ледник’; **меңги-хар** ‘вечный снег (в горах)’; **мөңге** [өъ] ‘вечный, бессмертный’; **мөңгежи-** [өъ] ‘увековечиться, стать бессмертным’, **мөңгежире-** [өъ], **мөңгере-** [өъ] то же; **мөңге-чула** [өъ] *рел.* ‘негасимая лампада’.

Ср. тоф. *меңгі* ‘вечный’, а также др.-тюрк. *beŋgü* 1. ‘вечный, бесконечный; постоянный’; 2. ‘памятник’, *beŋigü*, *beŋkü*, *beŋü* ‘памятник’; *teŋgü* 1. ‘вечный, бесконечный; постоянный’; 2. ‘вечность, бесконечность’, *teŋü* то же, *teŋi*, *teŋigü* ‘вечный’ (см.: ДТС, *94*, *341–343*) и ряд других соответствий, в целом носящих общетюрк. характер, со знач. адъективными (‘вечный’ и под.) и в части случаев субстантивными, вроде ‘вечный снег, горный ледник’ (ЭСТЯ II, *113–114*). Интересен як. материал, напр. диал. *мэңэ* ‘намогильный памятник; могила, кладбище; могилы и место погребения костей умерших с лабазов (их старинного захоронения)’ (ДСЯЯ, *170*; ср. также: Антонов, *149–150*, *158–159*).

У рассматриваемого тюрк. слова есть монгол. соответствие типа п.-монг. *möngke*, монг. *мөнх* ‘вечный, бессмертный’ и др., характер отношений которого к тюрк. истолковывается по-разному. В частности, монгол. слово относится к тюрк. заимствованиям, в свою очередь проникшим в ряд тюрк. языков (Шервашидзе 1989, *58*). Согласно другой версии, как тюрк., так и монгол. формы считаются заимствованными из третьего языка, в частности кит. (точка зрения Г. Рамстедта и М. Рясянена; см.: ЭСТЯ I, *114*), но все формы с огубленным гласным первого слога являются монголизмами (ED, *350*). Высказывается также точка зрения, согласно которой слово оказывается вообще исконно монгол. и монголизмом в тюрк. языках (СИГТЯ Л, *86*).

Э.В. Севортян, исходя из варианта *teŋ* ‘вечный’ в одном из средневековых тюрк. памятников, допускал возможность морфол. членения тюрк. форм на именную основу *мең ~ бең* и аф. атрибутивности *-ки*. Другие двухсложные варианты слова интерпретировались исследователем как образования от глаг. соответствия указ. основы — **бең- ~ *мең-* с помощью аф. *-а* или *-ы*. Редкие трехсложные варианты типа др.-тюрк. *beŋigü* (*бäңігү*) Э.В. Севортян считал «скорее отглагольными» (< **бäң-і-* + *-гү*).

Таким образом, он явно склонялся к версии тюрк. происхождения слова, означающего ‘вечный’, но дальше подобных соображений о структуре его форм дело, к сожалению, не продвинулось. К тому же, эти соображения сопровождались оговоркой, что «изложенные выше сопоставления могут быть лишь предварительными, т.к. форма *teŋ* отмечена пока в одном источнике» (ЭСТЯ II, *114*)[1].

По-видимому, с указ. представлениями Э.В. Севортяна связана реконструкция парных глаг.-именных основ *beŋ-* ‘быть вечным’ и *beŋ* ‘вечный’ (Кажибеков, *247*).

Что касается версий происхождения тюрк. *меңги...*, то следует отметить, что трактовка его как заимствования вообще вызывает недоверие. Так, сомнительным выглядит представление этого слова как монголизма. Согласно этой версии, оно образовано от монгол. основы **mön...* ‘правильный, истинный, настоящий...’ с помощью «адъективного суффикса», результатом чего является монгол. **mön-kü* ‘вечный’, которое и было якобы заимствовано тюрками (см.: СИГТЯ Л, *86*).

Остается неясной связь значений монгол. производящей и производной основ и причина смыслового перехода ‘правильный’ → ‘вечный’. Возникает также вопрос, чем вызвано отсутствие огубленности в тюрк. формах слова. Сомнителен и исходный начальный *м*. Напротив, монгол. форма выглядит вторичной по отношению к тюрк. и едва ли могут быть сомнения в ее заимствованном характере. В то же время варианты последней с огубленным гласным первого слога — действительно монголизмы и к их числу принадлежит тув. *мөңге* ‘вечный’, а также производные глаг. формы *мөңгежи-* и *мөңгере-* ‘становиться вечным...’ (ср. монгол. *möngkeǰi- / мөнхжих*, *möngkere- / мөнхрөх*

[1] У монголов существовала «система девяти *мэнгэ*», которая «охватывала собой цикл из девяти лет, каждому из которых соответствовало определенное количество цветных родимых пятен». Отсчет *мэнгэ* велся по фалангам пальцев. См.: Жуковская Н.Л. Указ. соч., с. 94–95.

[1] О реальности основы *teŋ*, возможно, свидетельствует также др.-тюрк. нар. (возникшая из деепричастия) форма *teŋläp* ‘вечно, навечно, всегда’ (ДТС, *343*) (< **teŋ-lä-* ‘быть вечным, увековечиться (?)’), если в данном случае не имел места пропуск гласного и *teŋläp* не отражает вариантов **teŋiläp* или *teŋüläp*: ср. приводимые выше др.-тюрк. *teŋi* и *teŋü*.

‘становиться вечным, бессмертным’) и, вероятно, *мөңгежире-* то же, хотя в этом случае монгол. соответствие не обнаружено. Не исключено, что эта форма возникла непосредственно в тув. языке как своего рода гибрид глаг. форм *мөңгежи-* и *мөңгере-*. Монгол. происхождение имеет и аналитическая форма *мөңге чула* ‘негасимая лампада’: ср. монгол. *möngke ǰula / мөнх зул* то же; см. также **чула**.

В отличие от указ. словоформ тув. *меңги* не является монголизмом, сохраняя признаки тюрк. по происхождению слова (как фонетич., так и семант.). Кстати говоря, в прошлом *меңги* в качестве прил. было в Туве распространено шире, нежели теперь, о чем свидетельствует фиксация его варианта *мäңгі* ‘вечный’ Н.Ф. Катановым, который (скорее всего, явно ошибочно) возводил его к п.-монг. форме *möngke* (Опыт, *141*).

Тюрк. происхождение имеют, по всей вероятности, тув. *меңги-дош* и *меңги-хар* (при *дош* ‘лед’ и *хар* ‘снег’), хотя они могут иметь монгол. соответствия типа монг. *мөнх цас* ‘вечный снег’ (при *цас* ‘снег’). Однако и в этом случае едва ли можно уверенно считать тув. название вечного снега (*меңги-хар*) своего рода калькой монгол., тогда как *мөнх цас* вполне могло быть результатом перевода тюрк. наименования типа **беңгү кар*. Отметим вместе с тем, что в тув. языке наряду с *меңги-хар*, встречаются иногда такие варианты последнего, как *мөңгү* или *мөңгү-*[*хар*], которые определенно являются монголизмами, где *мөңгү* [өъ] – фонетич. вариант *мөңге*. Таково же происхождение алт. *мөңкү*, кирг. *мөңгү* ‘вечный снег, горный ледник’.

Как уже отмечалось выше, существует и кит. версия происхождения тюрк. *беңгү*..., причем по меньшей мере в двух вариантах, первый из которых, принадлежащий Г. Рамстедту и М. Рясянену, вызвал скептическое отношение (см.: ЭСТЯ II, *114*). Второй, совр. вариант, думается, более интересен. Он связывает тюрк. слово со ср.-кит. *mwən-kó* ‘глубочайшая древность; во веки веков, навечно; вечный’ (Шервашидзе 1989, *58*), которое может иметь точку соприкосновения с рассматриваемым словом, хотя последнее едва ли следует считать прямым кит. заимствованием (см. об этом ниже).

Думается, что в принципе прав был Э.В. Севортян и слово *беңгү*... могло иметь все-таки тюрк. происхождение, а предположением А. фон Габэн о том, что *bäŋgü* < *bän* ‘я’ + *kä* (?) (никакой критики, естественно, не выдерживающее, см.: ЭСТЯ II, *114*), возможности его этимологизации на тюрк. основе не исчерпываются.

Вероятно, первоначально это слово могло означать ‘крепкий, прочный’ (ср. тув.-тодж. *меңги*). В таком случае допустимо родство *беңгү*... с такими образованиями, как *бек* ‘крепкий, прочный’ и подобными ему: см. **бег, бек**... (< **бе-* ‘быть крепким...’), и реально говорить как об именной основе **бең* (< **бе-ң*) ‘крепкий’, так и о ее глаг. соответствии **бең-*, семантически близком **бе-*, от которого произведены *беңгү* и его варианты.

Можно также думать, что тюрк. названия реалий, в которые входит компонент *беңгү*..., осмысливаемый как ‘вечный’, ранее могли обозначать нечто крепкое, прочное. Ср., в частности, др.-тюрк. *beŋgü taš* ‘стела, каменная плита с надписью’, переводимое также как ‘вечный камень’ (ДТС, *94*), тур. диал. *bengütaş* ‘памятник’, что, в частности, могло означать ‘прочный камень’. Подобное знач. могли иметь соответствия *беңгү* в таких названиях, как *меңги-дош* и *меңги-хар*.

Э.В. Севортян считал, что «значения ‘вечный снег’, ‘ледник’ и ‘памятник’ являются конкретизацией значений ‘вечный’, ‘бесконечный’ и, возможно, они вторичные по отношению к ним» (ЭСТЯ II, *114*), но можно допустить, исходя из сказанного ранее, что в данных случаях семантика типа ‘вечный’, напротив, вторична, как, впрочем, и у *беңгү* в целом. Появление же у него семантики ‘сохраняемый навечно, на многие века, не имеющий конца’ и т.п. могло быть результатом сближения тюрк. слова с приводимой выше ср.-кит. словоформой.

Интересно, что *беңгү ~ меңги*... обнаруживает определенную общность с ностратическим **manga* ‘сильный, крепкий’, алтаистическим соответствием которого считается **maŋa*, реконструируемое, исходя из тунг.-маньчж. данных (Иллич-Свитыч 1976, *41–42*), но характер этой общности неясен, хотя, возможно, она не имеет случайного характера.

меңги-дош см. **меңги II**.

меңгизе, меңгизек, меңгизээ *фолькл.* ‘шкатулка’; **меңгиизе** [еъ] *диал. уст.* ‘нойонская одежда с широкими рукавами и разрезом спереди по всей длине’ (Монгуш 1973, *237*); **меңгинзе** см. **меңгизе**; **меңгис** см. **меңгизе**.

Знач. ‘шкатулка’ отмечено у данного слова в варианте *меңгизээ*; ср. также *алдын меңгизээ* ‘золотая шкатулка’ (ТСТЯ). Л.В. Гребнев фиксировал фолькл. формы *меңгис* и *меңгизек* (обе с определением *алдын* ‘золотой’), комментируя их семантику следующим образом: «Судя по контексту, это слово означало ‘мешочек’, ‘сумка’ или ‘ящичек’. В настоящее время оно почти не употребляется. Старики вспоминают, что некоторые араты носили *меңгизек* — кожаный мешочек для табака» (Гребнев, *92*).

В некоторых произведениях тув. героического эпоса слово фиксируется в вариантах *меңгизе* и *меңгинзе*, которые, как отмечено в комментариях, означают *барба*, т.е. ‘кожаный вьючный мешок’

(ДБХ, *230*, *234*). У тувинцев Западной Монголии (сумон Цэнгэл) бытует вариант *меңгиизе* в знач. ‘кисет, футлярчик’ (см.: Башкы. — 2000. — № 5–6. — С. 109).

Соответствия в других тюрк. языках неясны. Л.В. Гребнев сопоставлял тув. *меңгис* с як. *мäңкäр ~ мäнкäрä* ‘переметные сумы; вьючный мешок...’ (по Э.К. Пекарскому) (Гребнев, *92*, примеч. 31). Ср. также як. диал. *мэңкэр*(*э*) ‘кожаный вьючный мешок; кожаный чехол для ружья’, считающееся тунг. заимствованием и сопоставляемое с эвенк. *мэңгэр*, эвен. *мунгэрэ* ‘вьючная сума’ (ДСЯЯ, *170*; ср. также: ССТМЯ I, *570*; ЭСРДС, *384*).

Можно согласиться с тем, что для сближения тув. *меңгис* (< **меңгиз*?) с *мэңкэр* и под. имеются определенные основания: эти формы сходны по семантике и звуковому облику. В частности, здесь, похоже, представлено известное чередование *з ~ р*, где зетацизм может быть первичным, а ротацизм — вторичным (хотя на соотношение этих явлений друг с другом существует и противоположная точка зрения). Можно предположить, что вариант с согласным *р* появился в тунг. языках из монголоязычного источника (где, вероятно, осуществился переход *з* > *р*), однако в монгол. языках соответствие рассматриваемых форм неизвестно (или не сохранилось?).

Меңгис (**меңгиз*?), в свою очередь, может быть гомогенно с общетюрк. *меңиз ~ меңгиз*... ‘лицо, щека; цвет лица’ и др., которое мы в конечном итоге связываем с основой **мең*, означающей нечто выпуклое, выступающее: см. **мең, мээ, мээс**. Интересующее нас слово также обозначает реалии, характеризуемые наличием подобного признака (кожаные вьючные мешки, мешочки, своеобразная мешковатая, «халатообразная» одежда); в типологическом плане ср. **барба**.

Можно полагать, что **меңгиз* < **меңги-з*, где **меңги-* — глаг. основа, означающее нечто вроде ‘быть выпуклым, выступать, выдаваться’, а *-з* — имяобр. аф. Структурно не вполне ясны трехсложные варианты слова (*меңгизе*, *меңгизээ* и под.). Можно лишь предположить, что у **меңгиз* существовала омоформная глаг. основа **меңгиз-*, где *-з-* — аф. каузатива, и указ. варианты были произведены от нее. В случае *меңгизек* допустимо также наличие формы уменьшительности с аф. *-ек*.

Структурно *меңгис* ближе всего к *мээс* ‘южная сторона горы...’, связь которого с общетюрк. *мең(г)из* ‘лицо...’ не вызывает сомнения. По-видимому, *мээс* < *меңиз* (с единичным интервокальным *-ң-*, который в тув. словоформах практически повсеместно выпал), *меңгис* < *меңгиз*, где в интервокале имеется сочетание *-ңг-*, которое в отличие от *-ң-* в основном сохранилось, что наблюдается и в рассматриваемом случае.

меңгизек см. **меңгизе**.

меңгизээ см. **меңгизе**.
меңгиизе см. **меңгизе**.
меңгинзе см. **меңгизе**.
меңгис см. **меңгизе**.
меңги-хар см. **меңги II**.

меңне- ‘вздрагивать вскрикивать и т.д., испугавшись, растерявшись от неожиданности’; **меңнет-белиңнет-** ‘пугать’.

Тув. *меңне-*, возможно, родственно таким тюрк. глаг. основам, как кирг. диал. *меңде-* ‘приходить в растерянность, теряться’, уйг. *мәңди-* ‘делать бессознательные движения во сне; теряться, неметь’, каз. *меңде-* ‘бредить, впадать в бредовое состояние, быть в одурманенном, сонном состоянии’, а также каз. *мәңкур* ‘олух, идиот’, *мәңгір-* ‘быть одурманенным, не соображать’, *мәңкі-* ‘стоять, ничего не соображая’. В приводимых каз. формах вычленяются производящие основы **мең* ‘тяжесть, тупость в голове’ и **мәң* ‘нечто психически ненормальное, несообразное’ (Кайдаров, *260*), представляющие собой, скорее, варианты одной основы.

Соответствия последней, возможно, прослеживаются в кирг. *мең*, которое реализуется в таком контексте, как *башы мең-зең болуп калды* ‘у него голова кругом идет, он совсем растерялся’ (КРС, *524*). Ср. также каз. *мең-зең* ‘разбитое, полусонное состояние’ при **зең* ‘головокружение, чувство тяжести в голове’ и **зең-* ‘податься куда глаза глядят, не соображать, делать всё бессознательно’, *зеңгі-* ‘быть в полусознательном состоянии’ (Кайдаров, *220*, *260*).

Подобные основы, имеющие, по всей вероятности, образную природу, в основном специфичны для тюрк. языков (см. также: ЭСЧЯ, *27–28*), а отдельные соответствия производных от них глаг. отмечены также в монгол.: ср. п.-монг. *mengde-*, монг. *мэндэх* ‘опешить, растеряться, прийти в смятение’ и под. (см. также: ЭСТЯ VI, *34*), которые, скорее всего, тюркизмы[1].

Стоит отметить наличие у основы *мең* заднерядного соответствия типа кирг. *маң* ‘растерявшийся, опешивший, проявивший нерешительность’, узб. диал. *маң* ‘ротозей, глупый’, которое реализуется в составе сочетания *маң бол-*, означающего, в частности, ‘глупеть, обалдевать, теряться’ при *бол-* ‘быть, являться’, а также как часть производных форм типа кирг. *маңоо* ‘бестолковый’ и под. (Там же, *36*, *54*).

Маң в ЭСТЯ рассматривается изолированно от *мең*, которое в этом источнике практически вообще не является предметом анализа. Некоторые исследователи предполагают, что *маң* связа-

[1] Вместе с тем трудно согласиться с той интерпретацией подобных монгол. форм, которая дается в ЭСТЯ.

но с основой иран. происхождения *маң ~ мең* ‘гашиш’, но эта версия критически оценена в ЭСТЯ, где один из авторов склоняется к мнению о «реальности тюрк. изобразительной основы *маң*» (ср.: ЭСТЯ VI, *35–36*, *54*), которая, думается, может считаться вариантом *мең*.

Тув. *меңне-*, очевидно, образовано от *мең* с помощью аф. *-ла-...*: **мең-ле- > меңне-* и структурно отличается от формы *меңде-* в других тюрк. (а также в монгол.) языках, произведенной аф. *-да- ~ -та-*. С тув. *меңне-* одноструктурна, кажется, только алт. диал. *меңне-* ‘спешить, делать что-л. во сне’ (см.: ЭСТЯ VI, *34*), которая заметно отличается от тув. семантически.

Не исключено, впрочем, что последняя возникла из словоформы вроде тув. же *белиңне-* ‘подскакивать, вздрагивать, вскрикивать (от испуга)’ (см. **белиңне-**) в результате выпадения сочетания сонанта с последующим узким гласным (*-ли-*), что для тув. языка вполне допустимо, а также перехода *б- > м-*.

Основы *меңне-* и *белиңне-* могут совмещаться в едином парном слове, о чем свидетельствует тув. *меңнет-белиңнет-* ‘пугать’, где эти основы стоят в форме каузатива.

меңнет-белиңнет- см. **меңне-**.

мерге I ‘длинная палка для сбивания орехов с кедра; бита (напр., при игре в городки)’.

Ср. тоф. *меърhе* ‘палка, бита’, хак. *мирге* ‘биток при игре в городки, бита, прут’ (ХРИЭС, *61*), алт. *мергеде-* ‘бросать’, а также др.-тюрк. *bergä* ‘розги, прут, хлыст’ (ДТС, *95*), *бэркä* (МК) ‘кнут, хлыст’ (МК И, *66*). В словаре Дж. Клосона приводятся эти и другие др.-тюрк. соответствия, но без совр. данных и только в варианте *berge*, относительно происхождения которого ранее была высказана версия о том, что оно связано с лат. *virga* ‘прут, палка’, а в тюрк. речь вошла через ср.-перс. посредство. Эта версия Клосоном оценивается как неправдоподобная (ED, *362*).

Указ. данные, в том числе и тув. *мерге*, частично приводятся в соответствующей статье словаря М. Рясянена, который обоснованно рассматривал их как производные с аф. *-ке ~ -ге* от глаг. основы *бер- ~ пер-* ‘бить...’ и имеющие соответствия типа п.-монг. *berege* (монг. *бэрээ*) ‘палка, посох’ (EW, *70*); последние — определенно тюркизмы.

Эта основа довольно широко распространена в совр. тюрк. языках, означая ‘бить, ударять, колотить; хлестать; бросать’ (ЭСТЯ II, *71*, где, однако, среди образований от нее отсутствуют *мерге* и ее соответствия). См. также **мерге II**.

Иначе, нежели у М. Рясянена, но явно менее убедительно этимологизируются тув. *мерге* и хак. *мирге* в работе Ахметьянова. ОЛМК, *151*; см. **мерген**.

мерге II *диал.* ‘горная пищуха’ (*грызун*).

Соответствия неясны. Тув. слово отмечено также в варианте *меге*, вероятно, вторичном (отметим, что в словах тув. языка, точнее в позиции между гласными согласными, спорадически наблюдается как вставка, так и выпадение сонанта *р*, что могло иметь место и в случае с *меге*).

Если исходить из варианта *мерге*, то его можно сопоставить с монгол. *mere- / мэрэх* ‘грызть, раскусывать зубами...’, *meregči / мэрэгч* ‘грызун’, монг. *мэрдэг амьтан* ‘грызуны’ (БАМРС II, *375*).

Можно предположить, что у приводимой выше двухсложной монгол. основы существовал односложный вариант **мер-* (**бер-*), характерный для тюрк. языков. Указ. вариант, в свою очередь, сопоставим с тюрк. глаг. основой *бер-* ‘бить...’ (см. **мерге I**), который, вероятно, означал также ‘повреждать’ (в том числе ‘грызть, наносить царапины, укусы’ и под.).

О наличии подобной семантики у *бер-* можно говорить, исходя из знач. таких производных от этой основы форм, как приводимые в ЭСТЯ тур. диал. *ber-ik-* ‘пораниться’, узб. диал. *бер-т-* ‘повредиться’, тур. *ber-e* ‘рана, шрам; царапина’, як. *бэргэ* ‘...рубец от глубокой травмы’ и под. (ЭСТЯ II, *71*).

Тув. *мерге* ‘горная пищуха’ одноструктурно с як. *бэргэ*, а также с тув. *мерге* ‘палка...’ и его соответствиями, рассматривавшимися в статье **мерге I**, но из-за характера различий в знач. между *мерге I* и *мерге II* они могут быть интерпретированы только как омонимы.

мергежи- ‘упражняться, приобретать навык; совершенствоваться, специализироваться, квалифицироваться’; **мергежил** ‘квалификация, мастерство’; **мергежилге** ‘упражнение’.

В данных случаях мы имеем дело в основном, скорее всего, с монголизмами: ср. п.-монг. *mergeši-* ‘быть мудрым, умным, умудриться’, *mergeǰi-* ‘быть мудрым, умным, ученым, искусным, опытным’, монг. *мэрэгших* ‘квалифицироваться, приобретать опыт, квалификацию’, *мэрэгжих* ‘специализироваться, приобретать профессию’, *мэрэгшил* ‘квалификация’, *мэрэгжил* ‘специальность, профессия’. Указ. монгол. формы образованы прямо или опосредованно от основы типа *mergen* ‘мудрый, ученый, искусный’[1] и под. (см. **мерген**).

У тув. *мергежилге*, похоже, непосредственного монгол. соответствия не обнаруживается. Ср. п.-монг. *mergeǰilge* ‘квалификация’ (ЧР, *430*), являющееся, по сути дела, морфол. вариантом *mergeǰil* ‘квалификация; специализация, специальность’ (ЧР, *429*). Тув.

[1] Вероятно, указ. формы связаны с основой, представленной в виде **merge* ‘хитрость, способ, гадание, ворожба; квалификация’ (см.: ЭСТЯ VI, *58*, примеч. 32); ср. монг. *мэргэ*.

мергежилге — результат переосмысления монгол. слова или производное от заимствованной глаг. формы *мергежи-*, образованное по «монгол.» модели с аф. *-лге*.

мергежил см. **мергежи-**.

мергежилге см. **мергежи-**.

мерген 1. ‘меткий; мудрый, прозорливый’; **2**. ‘меткий стрелок’.

Соответствия отмечены практически во всех совр. тюрк. языках, но почти не зафиксированы в памятниках; основной вариант — *мерген*, изредка отмечены *мäргä*, *бэргэн*, *пäргäн*, *пäргä* (материал языков и диалектов Сибири) и под.; знач. *мерген...* могут быть подразделены на адъективные (‘умный; ловкий, проворный; меткий; сильный, храбрый, удалой’) и соответствующие им субстантивные типа ‘меткий стрелок’, реже ‘витязь, молодец, герой’ (ЭСТЯ VI, *58*).

Согласно практически общепринятому мнению, *мерген...* является заимствованием из монгол. языков, где ему соответствуют п.-монг. *mergen* ‘мудрый, умный; опытный, способный; мудрец’ и его близкие совр. соответствия, означающие ‘меткий стрелок, меткий лучник; меткий, искусный, ловкий’ и т.п. (Там же); ср. также монг. *мэргэн* ‘чемпион по стрельбе из лука; меткий стрелок; мудрый, прозорливый, способный; меткий’ (БАМРС II, *374*), к которому семантически очень близко тув. *мерген*, которое, скорее всего, относится к числу монголизмов. См. также **мергежи-** и производные от него имена.

Между тем, монгол. слово определенно не имеет удовлетворительной этимологии. Версии, приводимые, в частности, в ЭСТЯ, малоубедительны и едва ли, судя по ним, можно отнести *mergen...* к исконно монгол. лексике или, напротив, к заимствованиям в ней из третьих языков: ср., напр., предположение М. Фасмера об его индоиран. происхождении (Фасмер II, *600*). Что касается собственно монгол. этимологии, то здесь можно отметить лишь версию Г. Рамстедта, согласно которой *mergen* образовано от **mer-* ‘подкрадываться, целиться’ (ЭСТЯ VI, *58*), однако сложно судить, насколько реальна подобная монгол. глаг. основа[1].

Не является ли монгол. *mergen...* в конечном счете словом тюрк. происхождения? Думается, для такого мнения есть определенные основания. Напр., допустима связь *мерген...* с тюрк. глаг. основой *бер-* ‘бить, ударять...’ (см. о ней: ЭСТЯ II, *71*, а также **мерге I, II**).

[1] Возможно, речь идет об основе типа п.-монг. *mirija-* ‘подстерегать’ (Козин. СС, *609*), монгол. *miraγa- / мяраах* ‘подкрадываться, незаметно приближаться...’, *miraj- / мярайх* ‘подкрадываться’ (БАМРС II, *377*), но они не очень близки по форме к **mer-*. См. об этом также ниже.

В этом случае прослеживается определенная аналогия с рус. *бить* (*бити*), гомогенным с которыми являются *бой*, *боец* и *бойкий*. Для тюрк. *мерген* наиболее близка семантика рус. *бойкий* ‘расторопный, ловкий и находчивый’. Ср. также ног. *шая* ‘бойкий...’ (< **чай-а*), связанное с глаг. основой типа кирг. *чай-* ‘ударять...’; см. также **дайна-**.

Семантика типа ‘ловкий, проворный’ и под., вероятно, достаточно древняя для *мерген*, хотя и не исходная для него. Отметим, что у приводимой выше основы *бер-* фиксируется и знач. ‘бросать’, логическим развитием которого являлось бы **‘метать стрелы, стрелять (из лука)’ и далее ‘стрелять метко, попадать в цель’. Во всяком случае, семантика ‘стрелок из лука, лучник; меткий (стрелок)’ не менее древняя, чем указанная выше, и, возможно, она и является первоначальной. Не случайно она нашла отражение и в монгол. *mergen*. Кстати сказать, в тексте «Сокровенного сказания монголов» отмечен глаг. *mere-* ‘стрелять’ (Козин. СС, *609*), который в указ. источнике сопоставлен с п.-монг. *mirija-* ‘подстерегать’, что выглядит неубедительно как в формальном, так и в семант. отношении. Глаг. основа *mere-* — вероятный тюркизм, восходящий к приводимому выше глаг. *бер-* (> **мер-*), который на монгол. почве приобрел дополнительный гласный и стал двухсложным (что в целом характерно для освоения слов тюрк. происхождения) (см.: Щербак 1997, *239–240*). Вместе с тем *mergen...* произведено не от этого вторичного двухсложного («монгол.») варианта, а от его первоначальной односложной («тюрк.») формы *бер-* и, таким образом, *мерген* < **бер-ген*.

Возможно, наличие в некоторых тюрк. языках соответствий *мерген* с начальным шумным согласным (*б* или *п*) свидетельствует о сохранении ими первоначального качества анлаутного согласного, а не о переходе *м-* > *б-* (> *п-*), как это следует из традиционных представлений о первичности монгол. *mergen...*

Такой согласный мог сохраниться в як. *бäргäн* ‘кто хорошо (метко) попадает’ (ср. як. *мäргäн* ‘тот, кто хорошо попадает, хороший стрелок; ловкость в стрельбе’) (Бётлингк, *592*, *612*)[1].

Отметим, что существует также як. диал. форма *бэргэн* ‘раненый — о дичи’, знач. которой по-якутски передано глаг. формой *табыллыбыт* (ДСЯЯ, *81*), являющейся производной от основы *тап-* ‘попадать в цель’.

[1] Первый из этих вариантов О.Н. Бётлингк сопоставлял с тат. (?) *bïrγajmïn* ‘я целюсь, я бросаю’ (см. тюрк. *бырка- ~ быргa-*... ‘бросать, кидать, метать’ и под. в ЭСТЯ II, *307–308*). Для такого сопоставления есть определенные основания, так как *бäргäн* и *быргa-*, скорее всего, не родственны друг с другом, но последнее внешне сходно и синонимично с *бер-*, от которого, как мы полагаем, произведено тюрк. *мерген*.

Родство между як. *бäргäн* (*бэргэн*) ~ *мäргäн* (*мэргэн*) и як. диал. *бэргэн* едва ли может быть подвергнуто сомнению. Вместе с тем наличие последней косвенно подтверждает как первичность начального *б*, так и употребление основы *бер-* в знач. ‘попадать в цель’. Об этом же свидетельствует и наличие такого образования, как алт. диал. (куманд.) *мерги* ‘цель, мета’[1].

Можно полагать, что в тюрк. языках у **берген* довольно рано появился вторичный вариант на *м-* (*мерген*), который был заимствован монгол. языками, хотя, возможно, такой вариант мог возникнуть в них самостоятельно при освоении тюрк. формы, а затем, в свою очередь, широко распространиться в тюрк. языках в качестве вторичного заимствования, вытеснив на периферию вариант **берген*.

Тюрк. форма образована аф. *-ген* (причастным?), но у нее встречаются единичные варианты, которые могут иметь морфол. характер. В них отмечены аф. *-гын* (ног. *мергин*) и *-ге* (в алт. диалектах)[2]. Последние фактически тождественны с другими образованиями от *бер-* ‘бить...’, обозначающими, в частности, орудия, которыми могут быть нанесены сильные удары: см. **мерге I**.

мерзе [еъ] *шахм.* ‘ферзь’.

Монголизм. Ср. монгол. *berse / бэрс* ‘ферзь, королева’ < иран.

месилдеш- [еъ] ‘противостоять, бороться; соревноваться, состязаться’; **месилдээ** [еъ] ‘конфронтация, борьба; состязание, соревнование’; **мескилдеш-** [еъ] см. **месилдеш-**.

В ТРС семантика *месилдеш-* истолковывается как ‘вести горячий спор (полемику); сражаться, биться’. Эта основа обнаруживает сходство с хак. *милчес-* ‘соревноваться, состязаться (о шаманах)’ (ХРИЭС, *61*), алт. *мелјеш-* ‘бороться состязаться’ (ГАЯ, *219*), алт. (тел.) *мелǰеш-* ‘спорить о превосходстве, сравниваться с кем-л., меряться’ и *мелǰүү* ‘спор’ (РСл. IV, *2101*, *2102*), як. *мэлдьэс-* ‘отпираться, отказываться от чего-л.; отрицать’, которые, в свою очередь, сопоставляются с монгол. соответствиями (ср. монг. *мелдзе-* ‘ставить в играх, побиться об заклад, спорить’ в ГАЯ) или чаще возводятся к ним. Так, тел. формы, приводимые выше, М. Рясянен производит от п.-монг. *meljege-* ~ *meljije-* ‘оспаривать, опровергать’, а як. *мэлдьэс-* — от бур. *melze-* ‘отпираться’ (со ссылкой на Ст. Калужиньского) (EW, *333*). Последняя версия уточняется В.И. Рассадиным, который як. форму связывает с более древней монгол., сохраняющей шипящую аффрикату, возводя *мэлдьэс-* к ср.-монг. *meljе-* ‘отпираться’ и только сопоставляя последнюю с монг., бур. *мэлзэ-* то же (Рассадин. МБЗ, *84*).

Можно согласиться с тем, что вышеприведенные хак., алт. и як. формы — действительно монголизмы, осмысленные как залоговые (совместно-взаимные). Кроме того, судя по их фонетич. облику (сохранение шипящего качества монгол. *ǰ*), они довольно древние, чего нельзя сказать о тув. *месилдеш-* и под., у которых подобный согласный отсутствует (см. подробнее ниже). У тув. форм отмечены и другие отличия как от тюрк., так и от монгол.

Но прежде чем говорить о причинах этих отличий, целесообразно рассмотреть вопрос о происхождении самих монгол. форм, в частности глаг. Отметим, что в некоторых тюрк. языках у них имеются соответствия, которые, скорее всего, монголизмами не являются; к их числу относятся, напр., кирг. формы *мелдеш-* ‘держать пари; соревноваться, состязаться’ и *мелдеш* ‘соревнование, состязание’ (КРС, *523*), основа которых — **мелде-*, сопоставимая с монгол. **meljе-*. Переход ср.-монг. *-ǰе-* или, тем более, совр. монг. *-зэ-* > кирг. *-де-* маловероятен; более реально обратное направление звукоизменений (см. о них: Владимирцов. Ср. грамматика, *398*, а также статью **мелдер**).

Таким образом, кирг. форма **мелде-ш-* является более древней, нежели ее монгол. соответствия. Однако к исходной форме ближе, кажется, каз. *белдес-* (< *-*бел-де-ш-*) ‘бороться; вступать в борьбу, схватив друг друга за пояс’ (КазРС, *80*), структурно достаточно прозрачная и представляющая в конечном итоге образование от каз. (и общетюрк.) *бел* ‘поясница, талия’, у которой отмечена также семантика ‘место одежды у поясницы; пояс, кушак’ (см.: ЭСТЯ II, *136*, а также **бел I**).

В целом есть достаточные основания для того, чтобы прийти к заключению о том, что монгол. форма типа *meljе-* и под. является тюрк. заимствованием, а отмеченные выше ее тюрк. соответствия (кроме кирг. и каз.) — вторичные монголизмы.

Тув. *месилдеш-* среди этих форм стоит особняком, производя впечатление результата контаминации тюрк. глаг. формы вроде **белдеш-* (ср. каз. *белдес-*), в наст. время активно не употребляемой, но реальной для тув. языка и монгол. (*мэлзэ-* и под.), причем структурно тув. форма близка к тюрк. (ср. **месил-де-ш-* и **бел-де-ш*), а фонетически — к совр. монгол., причем при освоении монг. *мэлзэ-* имела место структурная перестройка, при которой *-л-* и *-зэ-* поменялись местами.

[1] Р.Г. Ахметьянов видит в *мерги* и другие формы (которые считаются родственными с *мерген*), производные от тат. глаг. основы *мәр-* ‘целиться’, указ. семантика которой восстанавливается, исходя из совр. знач. ‘делать что-л. очень медленно и осторожно’ (Ахметьянов. ОЛМК, *150*), что вызывает определенные сомнения. См. также **мөрей**.

[2] Эти варианты сходны с монгол. *merge / мэргэ* ‘гадание, предсказание, ворожба’ (БАМРС II, *373*), но едва ли связаны с ним. Монгол. же слово может представлять собой вторичный (без конечного *n*) вариант формы *mergen*...

Кроме того, монгол. основа, вероятно, заимствовалась через ст.-монг. письменность, где знаки, обозначающие аффрикаты *ц* (*ч*) и *дз* (*дж*), графически очень близки друг другу, вследствие чего вместо *дз*, вероятно, было прочитано *ц*. В результате после всех изменений, в том числе при контаминации, а также при освоении отсутствующей в тув. языке *ц* (передаваемой как *сс* или *ск*) и возникла тув. форма в вариантах *месилдеш-* [меъссилдеш] и *мескилдеш-* (ср. **демисел**).

По образцу данной глаг. формы было переоформлено и имя *месилдээ* 'конфронтация, борьба...', вероятно связанное с монг. *мэлзээ*(*н*) при п.-монг. *meljege ~ meljige*, 'спор, пари; заклад, ставка в игре'. У *месилдээ* существует также морфол. вариант *месилдежиишкин*, образованный от основы *месилдеш-* посредством аф. *-(ии)шкин*.

месилдээ см. **месилдеш-**.

мескилдеш- см. **месилдеш-**.

мечи [еъ] 'обезьяна' (в основном употребляется в сочетании **мечи чыл** 'год обезьяны', название 9-го года 12-летнего «животного» цикла); **Мечи** [еъ] 'Плеяды' (*название созвездия*; ср. также **үгер**); **мечил чыл** [еъ], **мечин чыл** [еъ] *тодж.* 'год обезьяны'.

Тув. *мечи...* имеет соответствия общетюрк. характера (включая памятники) в вариантах *бечин ~ мечин* и под. и со знач. 'обезьяна' (в основном); эпизодически отмечается семантика 'злой дух', 'рыба', а также 'божья коровка, водяной жук' и т.п. Эти соответствия в сочетаниях, подобных *мечи чыл*, употребляются часто в качестве наименования соответствующего (9-го) года; в единичном случае (алт. *Мечин*) засвидетельствовано употребление рассматриваемого слова в качестве названия созвездия Плеяды (ЭСТЯ II, *128*).

В дополнение к сказанному можно отметить, что кроме *біцін* 'злой дух', зафиксированного РСл. в «наречии» тюменских татар и включенного в ЭСТЯ, существуют и другие сиб.-тат. варианты слова с близкими к указанному знач.: ср. *бичен* 'ведьма', *пицен* 'леший, домовой' (Тумашева, *44*, *175*).

«Тюрк. обозначение 'обезьяны' находит свою полную параллель в монгольском» (точнее, в монгол. языках. — *Б. Т.*): ср. *бечі*(*п*) / *бэч*(*ин*), *бич*(*ин*), *течі*(*п*) / *мэч*(*ин*), *мич*(*ин*) 'обезьяна; название 9-го года 12-летнего цикла' (ЭСТЯ II, *129*; БАМРС I, *247*; II, *333*), а также *течід / мэчид*, *мичид* (мн. ч. от указ. выше форм) 'Плеяды, Стожары' (см. указ. выше источники).

Получила определенное хождение версия, выдвинутая Н. Поппе и Л. Лигети и выводящая тюрк. формы из монгол. (см. также: Шервашидзе 1989, *78*; СИГТЯ Л, *168*), против чего возражал Э.В. Севортян, допускавший такую возможность лишь для форм без конечного *-н* (*бечи*, *мечи*), который в некоторых монгол. вариантах отсутствует (ЭСТЯ II, *129*).

С этим следует согласиться, в частности, применительно к тув. *мечи*. Сложнее обстоит дело с тодж. *мечин* [*чыл*] ~ *мечил* [*чыл*] (где *мечил* — вторичный вариант *мечин*, возникший под влиянием сближения с *чыл* 'год') и другими подобными случаями, где конечный *н* сохраняется (а это имеет место в подавляющем большинстве совр. тюрк. форм).

Несомненно также, что под монгол. влиянием возникли тув. (*Мечи*) и алт. (*Мечин*) названия созвездия Плеяд. Вместе с тем в этой ситуации имело место переосмысление монгол. формы и замена при заимствовании мн. ч. на ед.

Однако независимо от отношения к характеру связей между тюрк. и монгол. формами все они в конечном счете истолковываются в основном как заимствования из индоевропейских языков (при этом различных, в частности, согд., греч., перс.)[1], хотя имеющиеся подобные сближения, как это признается, встречаются с большими «фонетическими трудностями». Констатирующий их И.Н. Шервашидзе отмечает: «Тюрк. слово принадлежит к числу несомненно заимствованных слов той группы, точное происхождение которых довольно трудно проследить» (Шервашидзе 1989, *78*).

А.М. Щербак в своих трудах, отдаленных друг от друга значительным временным промежутком, дважды сослался на сближение тюрк. названия обезьяны с перс. *бузине* (*būzine*) 'обезьяна', произведенное еще в 1906 г. (ср.: ИРЛТЯ, *140*; Щербак 1997, *106*) и явно не выдерживающее серьезной критики, что, по-видимому, осознает и сам автор, поскольку он в другом разделе последнего из указ. трудов отнес тюрк. *bičin* 'обезьяна' к числу «заимствований, источники которых могут быть названы в лучшем случае предположительно» (Щербак 1997, *169*).

Вместе с тем в указ. работе высказана верная мысль, что монгол. формы названия обезьяны имеют тюрк. происхождение. Предполагается также (хотя и в неявной форме), что тюрк. слово вообще не является заимствованием, а относится к исконной лексике. Так, в СИГТЯ Л, *725* **bečin* 'обезьяна' включено в состав «пратюрк. лексикона» и не имеет пометы о заимствованном

[1] Отметим, что высказывалась версия об исконно монгол. происхождении слова, возводящая его к корню *бяц-* (*biča-*) 'отрывать, разделять, отделять'; «Таким образом, слово *мичин* указывает на смену времен года» (см.: Этнокультурная лексика монгольских языков. — Улан-Удэ, 1994. — С. 46, 49). Подобное мнение едва ли может быть принято всерьез: монгол. слово — определенно заимствование (см.: ЯФНС, *117–118*).

характере; в то же время на с. 168 того же труда допускается, как мы отмечали выше, что тюрк. слово — раннее заимствование из монгол., причем «менее вероятно обратное»...

Из исконности (генуинности) тюрк. *бечин*... в целом исходили и мы, предлагая свою этимологическую версию (см.: ВЯ. — 1993. — № 2. — С. 87–88). Мы, в частности, считаем, что это слово связано с основами, имеющими образную природу и варьирующими по качеству как гласных, так и согласных. Так, можно согласиться с И.Н. Шервашидзе, что оно имело в качестве одного из вариантов **betin*, но это было не заимствование и не форма, исходная для монгол. *bečin*, как полагал названный автор (Шервашидзе 1989, *78*). Реальность данного варианта, по-видимому, подтверждается чаг. *пädин* 'дикая обезьяна', приводимым и в словаре Э.В. Севортяна, но не прокомментированным им.

Считаем возможным связать этот вариант названия с образными глаг. як. языка типа *биэтэҥнэ-* 'вздываться на дыбы и при этом раскачиваться' (Пек. I, *458*; ЯРС, *73*; Харитонов, *286*), ср. также узб. *питир питир* 'беспокойный, суетливый', *питрак* 'вертлявый, подвижный, живой', як. диал. *бөтөй-* 'бежать галопом, идти вскачь (о лошади)' (ДСЯЯ, *69*), *бөтөрөҥ* 'галоп', *бөтөс* 'удалой, шустрый (о подростках и молодых людях)'. Мотивировка названия обезьяны в связи с указ. действиями и признаками в целом ясна.

Вместе с тем едва ли можно с уверенностью утверждать, что форма типа **betin* была исходной для тюрк. названия обезьяны. Отметим, что в тюрк. языках есть слова (в том числе и с образными основами), имеющие в своей семантике и форме точки соприкосновения; одни из них характеризуются *-т-* (см. выше), а другие — интервокальными шипящими или свистящими щелевыми (возможно, и аффрикатами). Таковы, в частности, каз. *безең* (*безең безең етті* 'он бежал галопом'), *безеңде-* 'бежать скачками, прыжками (о зайцах)' (РСл. IV, *88*), которые, возможно, связаны с тюрк. *без-* 'дрожать' (см.: ЭСТЯ II, *105*); ср. также башк. диал. *безгәкләә-* 'метаться от укусов мух (о животных)', *бездәңнә-* 'вести себя беспокойно' (Бhh, *34*), кирг. *безилде-* ~ *бежилде-* 'проявлять сильное беспокойство, беспокойно метаться', ? кбалк. *межгедиў теке* 'маска аксакала' (персонаж народного театра в период сенокоса, надевающий маску из войлока со всевозможными украшениями и развлекающий косарей шутками, танцами и т.п.) при *теке* 'козел' (КБРС, *43*, *464*), азерб. диал. *бичов* 'хитрый, ловкий, живой', *мичә* 'озноб' (АДЛ, *81*, *326*).

Наиболее распространенный вариант названия обезьяны в тюрк. языках мог быть связан с глаг. основами, семантически близкими приводимым выше (и соотносимыми, к примеру, с *без-*), но

содержащими в своем составе глухую аффрикату *-ч-* типа **беч(и) / *бич(и)- ~ *меч(и)- / *мич(и)-* 'быстро, беспокойно двигаться'. Последняя, судя по турк. данным (*би:ҷин*, *бийҷин*) и некоторым другим (ср. узб. диал. *беҷин*), могла варьировать со звонкой аффрикатой *-дж-* (*ҷ*).

Первоначально рассматриваемое слово, скорее всего, не имело знач. 'обезьяна'. Ближе к его исходной семантике могли быть значения его приводимых сиб.-тат. соответствий (вроде 'злой дух, домовой, леший; ведьма')[1]. Во всяком случае, семант. переход типа 'злой дух' → 'обезьяна' прослеживается, напр., в алт. диал. *алмын* 'леший, злой дух; обезьяна' (РСл. I, *439*) < монгол. *albin* 'бес, злой дух' (ср.: ИРЛТЯ, *140*, где монгол. форма приведена не вполне точно и без указания семантики).

Как уже отмечалось, тюрк. соответствия *бечин*... иногда употребляются в знач. 'рыба', а также как названия насекомых (в частности, жуков). Связь подобных знач. (а также 'злой дух') с семантикой 'обезьяна' Э.В. Севортян считал неясной и полагал, что «в некоторых из них скрыта народная этимология (ср. *мечин ~ мөҷек* 'насекомое, козявка')» (ЭСТЯ II, *128*). Это допустимо, но вполне вероятно, что в подобных единичных значениях «скрыта» и более древняя семантика слова как обозначения подвижных (скачущих, летающих и, кажется, в большей степени плавающих)[2] существ, реальных или мифических, из первичного окружения древних тюрков. Их название или названия затем были перенесены на новое для них экзотическое существо — обезьяну. Скорее всего, этот перенос был обусловлен заимствованием тюрками у китайцев 12-летнего животного цикла (см. об этом, в частности: ЗТ, *370*), 9-й год которого носит название «год обезьяны».

Мечи см. **мечи**.

мечи чыл см. **мечи**.

мечил чыл см. **мечи**.

мечин чыл см. **мечи**.

мешке I *диал.* (*Тере-Холь*) 'пескарь'.

мешке II [еъ] *фолькл.* 'табак-самосад' (?).

Мешке II обычно употребляется с предшествующим определением *кызыл* 'красный', а иногда за ним следует определяемое (родовое) слово *таакпы* 'табак'. Фолькл. наименование *кызыл меш-*

[1] Возможно, не лишено оснований сближение тат. *мәчкәй* 'старуха, ведьма' (или 'ведьма, колдунья, баба-яга') с др.-тюрк. *тесїn* 'обезьяна', вызывающее сомнения у редактора ЭСТЯ (ЭСТЯ VI, *59* — осн. текст и примеч. 33).

[2] Ср. также сиб.-тат. *Су Пицын* 'хозяйка воды' (Ярзуткина А.А. Мифологические персонажи *Су Пицын*, *Су Сыер* / *Кара Угыз* // Культурологические исследования в Сибири. — Омск, 2004. — № 3(14). — С. 72).

ке таакпы истолковывается как ‘особый вид табака, крепкий табак’ (АА, *217*). В примечании А.В. Кудиярова к тув. героическому сказанию «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» дается следующая версия объяснения происхождения тув. *мешке*: «...монголы красным называли трубочный табак, привозимый из России. Значение слова *мешке* неясно. Может быть, оно имеет отношение к названию российской столицы: в одной из ранних ойрат-монгольских официальных бумаг русскому царю, относящихся к концу XVII в. и отражающих живую ойратскую речь, она называлась Меску, что близко к *мешке* у тувинского сказителя» (ТГС, *558*). Таким образом, *мешке* связывается с рус. *Москва*.

Версия, естественно, выглядит малоубедительной, но в ней интересен момент, связанный с тем, что монголы один из видов табака называли *красным* (ср. тув. *кызыл мешке* [*таакпы*]): существует, в частности, монгол. аналитическое наименование *улаан тамхи* ‘табак низкого сорта’ (букв. ‘красный табак’) (БАМРС III, *317*); подобная семантика могла отразиться в знач. (и этимологии) тув. *кызыл мешке*.

Возможно, *мешке I, II* связаны родством (отсутствие фарингализованного гласного в *мешке- I* обусловлено, скорее всего, тем, что соответствующее явление в речи населения Тере-Холя отсутствует). *Мешке I, II* могут быть сопоставлены с *-межел* в парном слове *бертик-межел* ‘увечный, поврежденный, сломанный...’, сопоставляемым нами с кыпч. *мешел* ‘рахитичный, хилый, слабый’ и под., для которых восстановлена исходная основа **меше-* ‘слабеть, хиреть’ и под. (см. **бертик-межел**).

Ккалп. *мешел* означает не только ‘рахитик’ и под., но и ‘сом (мелкий)’, что довольно близко по семантике к тув. диал. *мешке I* ‘пескарь’.

Относительно *мешке II* можно предположить, что в этом случае, как и в ситуации с мелкой рыбой, пескарем, речь идет о не вполне полноценном, домашнего кустарного производства табаке.

Можно также полагать, что вышеприведенная глаг. основа *меше-* могла иметь (вероятно, в реальности и имела) односложный вариант и, таким образом, *мешке* < **меш-ке*, где *-ке* — имяобр. аф.[1] Кроме того, имеющийся материал позволяет говорить о том, что согласному *ш* в **меш-* предшествовал *ч*, а начальному сонанту *м* — смычный *б*: ср. кирг. *бечел* ‘сидень; ребенок, не начавший ходить своевременно’, *бечелдик* ‘вялость, слабосилие’.

[1] Ср. также сиб.-тат. *мәштәк* ‘очень маленький, крошечный’ (РСл. IV, *211*) (< ? **мәш-тәк*).

Структурным соответствием *мешке* следует считать турк. *бечге* ‘пасынок’ (боковой побег растения, который, кстати, может быть удален как излишний, ненужный).

минчи- ‘отделывать края одежды (напр., национального халата)’; **минчи** ‘отделка края одежды’; **минчиг**, **минчик** ‘отделка края одежды; украшение’.

Бесспорных соответствий не найдено. Имеется большое сходство между тув. *минчик* и чув. *пӳнчек* ‘каёмка, обшивка, отделка; вышивка на груди женской рубахи в виде розетки’ (ЧРС, *200*), однако, судя по имеющимся данным, *пӳнчек* — вторичный вариант чув. *кӳнчек* < *кӳн-чек*, где *кӳн* означает ‘солнце’, а *-чек* — аф. уменьшительности (см.: ЭСЧЯ, *124*, а также: IX конференция по диалектологии тюрк. языков. — Уфа, 1982. — С. 31–32).

Ни с фонетич., ни со структурной точек зрения такое объяснение не соответствует тув. *минчи-*, *минчи* и *минчиг* ~ *минчик*.

Может быть, тув. формы имеют связь с др.-тюрк. (МК) *tünä-* ‘обрезать по краям (одежду)’: ср. *ol tonuγ tünädi* ‘он обрезал халат по краям (чтобы выправить неровности)’ (ДТС, *353*). По мнению Дж. Клосона, эта основа имела семантику ‘находить ошибку’ или ‘исправлять ошибку’ и образована от *bün*, *tün* ‘порок, недостаток, изъян’ (ED, *767*), имеющей соответствие в совр. тюрк. языках, в частности в варианте *мин* (см.: ЭСТЯ VI, *88*); ср. каз. *міне-*, означающее ‘устранять недостатки, шероховатости’.

Можно предположить, что глаг. с подобной семантикой (‘устранять недостатки, шероховатости’ → ‘украшать, отделывать края одежды’) мог быть образован от основы *мин* и при помощи аф. *-чи-*. Глаг., созданные этим формантом, относятся к арх. образованиям (см.: АГ, *334*), что вполне может быть отнесено и к тув. *минчи-* (< **мин-чи-*). Именная основа *минчи*, скорее всего, образована от глаг. путем конверсии; *минчиг* и *минчик* — производные от *минчи-* с аф. *-г* и *-к*.

минчи см. **минчи-**.

минчиг см. **минчи-**.

минчик см. **минчи-**.

мирит ‘глупый; глупец’; **мирит-ээремчик** ‘разновидность паука’.

Возможно, связано с монгол. *birid / бирд* миф. ‘прета’ (существо с большим брюхом и узким горлом, находящееся в наказание за грехи в аду); перен. ‘ненасытный человек; скряга, скупец’ (БАМРС I, *246*). В тув. языке *мирит* в основном используется в качестве ругательства, а у подобных заимствований, имеющих экспрессивно-оценочную семантику, последняя нередко претерпевает заметные изменения, что имело место и в рассматриваемом случае.

Мирит как компонент названия одной из разновидностей паука (*мирит-ээремчик* при *ээремчик* 'паук'), вероятно, семантически более близок к монгол. *birid*... Насекомое могло быть названо за большое брюшко или за «ненасытность».

Монгол. слово считается тиб. заимствованием (БАМРС I, *246*), однако в данном случае тиб. язык выступает, скорее, как посредник, в свою очередь заимствовавший слово из скр. Как заимствование из указ. языка рассматривается др.-уйг. *prät* [скр. *preta*] 'демон' (ДТС, *398*).

мирит-ээремчик см. **мирит**.

мога- [оъ] 'уставать, утомляться'; **могагда-** [оъ] 'довольно сильно утомляться'.

Ср. алт. *моко-* 'притупиться, затупиться; изнемочь, потерять силу; быть безуспешным (о каком-л. деле)', *моко* 'тупой (о ноже)'; *мока-* 'притупиться', полов. *мокак* 'тупой', алт. диал. *мокур* 'тупой', каз. *мокул* 'безрогий, комолый' (РСл. IV, *2121*), бараб., шор. *мога-* 'притупиться'; (шор.) 'потерять силу' (Там же, *2122*), сиб.-тат. (тоб.) *мук* 'тупой', *мугай-* 'тупеть', каз. *мука-* 'быть побежденным, покоренным, уничтоженным', тур. *мукай-* 'мучиться, трудиться, изнуряться, утомляться' (Там же, *2174*), а также шор. *мога-* 'мучиться', *могатчы* 'палач' (ШРС, *33*), кирг. *моко-* 'притупиться, затупиться', каз. *мокал-* 'притупляться', *мокал ~ мукул* 'комолый', *мокул* диал. то же, чув. *мăка* 'тупой (о ноже)', *мăкал-* 'тупеть, тупиться', *мăкла* 'комолый, безрогий' (считается производным от *мăка*) (ЭСЧЯ, *130*), сиб.-тат. *мок* 'тупой (о человеке); смирный', *мога-* 'тупеть, затупиться' (Тумашева, *152*, см. также: ЭСТЯ VI, *44–45*).

Глаг. основа *мога-*... имеет также соответствия в монгол. языках: монгол. *тоqо- / мохох* 'притупляться, тупиться, тупеть; обессиливать, истощаться' и под. В.Г. Егоров (ЭСЧЯ) приводит монгол. данные только для сравнения с тюрк., но более распространено мнение о том, что последние являются монгол. заимствованиями. Такого мнения придерживался М. Рясянен, относивший к их числу тув. *мога-*, а также его соответствия и ряд других форм (в основном приводимых по РСл.), возводя все их почему-то только к п.-монг. *тоqai* 'тупой', а ее — к *тоqи-* 'тупиться' (EW, *340*). В.И. Рассадин считает монголизмом шор. *мога- ~ мока-* (по РСл.: см. Рассадин. МБЗ, *46*); к ним же относят и другие приводимые выше и подобные им тюрк. формы (ЭСТЯ VI, *45–46*).

Думается, что, скорее всего, именно данные тюрк. языков явились первичными сравнительно с монгол.: в тюрк. материалах обнаруживается исходная основа (*мук*...), являющаяся именной

и явно бывшая образной по своей природе, о чем свидетельствует, в частности, наличие образной глаг. формы типа тур. *мукай-* и бараб. *мугай-*, а также других форм (типа *мокул ~ мокал*), для монгол. языков нехарактерных. Об образной природе исходной основы может свидетельствовать также наличие у подобных форм вариантов, различающихся по характеру вокализма (в частности, у них возможны переднерядные варианты: ср. тат. *муклəк* 'комолый' и алт. диал. *мөкөп-мөкөп* 'изнемогая' (см.: Баскаков 1966, *136*).

В ЭСТЯ высказано предположение о родстве форм с основой *мук* и форм с заднерядным неогубленным вокализмом типа *макав* 'дурак, глупец' и т.п. (VI, *45*), что допустимо и может быть еще одним аргументом в пользу их образной природы. Наконец, начальный согласный *м*, в данном случае определенно исходный, может быть свидетельством не монгол. происхождения тюрк. форм в целом, а их образной природы; ср. также **маңнай**.

В части тюрк. языков соответствия монгол. глаг. основы *тоqо-* (*тоqи-*)... и других форм могут выступать как вторичные заимствования. Вероятнее всего, к ним следует отнести тув. *мога-*, у которой отсутствует, в частности, прямое знач. 'тупиться', заимствованное в перен., характеризующем знач.

В тув. языке, кроме *мога-*, употребляется также глаг. форма *могагда-*, в семантике которой отмечен компонент усилительности по сравнению с *мога-*. Структурно *могагда-* отличается от последней наличием элемента *-гда-*, который, вероятно, соотносителен с монгол. аф. страд. залога. Подобные глаг. формы встречаются среди монголизмов тув. языка: см., напр., **боогда-**. Ср. **могат-**.

могагда- см. **мога-**.

могат- [оъ] 'капризничать, обижаться по пустякам'.

Ср. куманд. *мук-* 'стесняться, конфузиться', *муканчак* 'обидчивый' (Баскаков 1972, *232*), которые Н.А. Баскаков сопоставлял с хак. *мухан-* ['мучиться, страдать (напр., во время болезни); делать что-л. небрежно, неаккуратно'], что выглядит неубедительно, поскольку сравниваемые слова семантически довольно далеки друг от друга.

Ср. также каз. *мукат-*, *мука- ~ мока-* 'принижать; чем-л. досаждать, оскорблять', в котором вычленяется основа **мук* с неясной семантикой (Кайдаров, *262*). Возможно, эта основа семантически соотносительна с куманд. *мук-*. В принципе **мук* (и ее вариант **мок*) прослеживается в куманд. *муканчак* и тув. *могат-*.

А.Т. Кайдаров считает, что **мук* тождественна **мок* в каз. *мокал-* 'притупляться' и некоторых других подобных словах (Кайдаров,

261, *262*; см. также **мога-**), что вызывает определенные сомнения, которые отчасти связаны со скудостью сколько-нибудь бесспорных данных, касающихся тув. *могат-* и его соответствий.

Допустимо и вторичное сближение сопоставляемых Кайдаровым форм. Оно же могло иметь место и между тув. *мога-* и *могат-*.

можу ‘провинция’ (*единица административного деления в некоторых странах, напр. в Китае*); *уст.* ‘область, губерния’; **мужи** *диал.* ‘территория; область’ (ЦУ, *152*).

Монголизм; ср. монгол. *тиҗи / муж* ‘область, провинция, губерния; департамент; зона’ (см.: БАМРС II, *354*; EW, *341*). М. Рясянен, установивший монгол. происхождение тув. *можу*, сравнивал п.-монг. *тиҗи* с др.-тюрк. *budun* ‘народ’; об этимологии последнего см. **бот-бозун**.

Вариант тув. *можу* мог быть заимствован через п.-монг. форму слова, где гласная первого слога была прочитана как *о*, хотя следовало бы ожидать появление варианта типа **мужу* (ср. вариант *мужи* в речи тувинцев Западной Монголии, передающий монгол. произношение слова).

мозага [оъ] **1**. ‘большой и круглый (напр., о камне)’; **2**. ‘местность с выступающими камнями’; **мозраш** *диал.* (*Тере-Холь*) ‘разновидность язя’; **мозур** [оъ] **1**. ‘с неровной поверхностью, с выступами (напр., о скалах)’; **2**. ‘каменистый склон, холм’; **мозурар-** [аъ] ‘выступать, торчать’; **мозураш** [оъ] ‘каменистый холм, возвышенность’.

Ср. тоф. *мосрак*, *мосраш* ‘круглый, шарообразный’, кирг. *босурай-* ‘быть кругленьким (напр., о полненьком ребенке, о жирном жеребенке)’.

Основная часть тув. форм, приводимых в качестве заглавных слов, вероятно, связана происхождением с образной основой типа **бос ~ *мос*, характеризующей нечто (о)круглое, выступающее, как и их приводимые выше тоф. и кирг. формы.

У части приводимых тув. форм есть варианты с гласными переднего ряда, семантически тождественные или близкие первым. Ср., напр., *мөзүрер-* [оъ] = *мозурар-*, *мөзүреш* [өъ] = *мозураш*. Ср. также *мөзүр ~ мөзүргей* [оъ], означающие то же, что и *мозур*, и имеющие, помимо того, знач. ‘рябой (о лице)’. В принципе эти варианты могут иметь то же происхождение, что и *мозур* и другие формы с заднерядным вокализмом, хотя здесь возможны и отличия: ср. **бөзүр**.

Особо следует сказать о тув. *мозага*, которое по своей семант. характеристике вписывается в круг рассматриваемых форм и их вариантов, но по своим структурно-фонетич. данным явно из

него выпадает, обнаруживая общность с тув. *бозага* 1) ‘порог двери’; 2) см. **мозага 2**. Согласно ТСТЯ (I, *273*), последнее, кроме ‘порог двери’, означает ‘возвышенность, горка, холм’, а также имеет адъективное знач. ‘возвышающийся’. Оно относится к числу монголизмов, а монгол. соответствие тув. *бозага*, в свою очередь, образовано от монгол. глаг. основы, означающей ‘вставать, подниматься, возвышаться’ (см. **бозага**). Однако для монгол. форм типа п.-монг. *bosuγa* и под. нехарактерны знач. вроде ‘возвышающийся’ и семантика, характеризующая рельеф местности. В основном для них фиксируется только знач. ‘порог’ (у двери)[1]; также обстоит дело и с монгол. заимствованием, соответствующим тув. *бозага*, в других тюрк. языках (см., напр.: Рассадин. МБЗ, *29*, *44*, *52*, *53*; КРС, *148*).

По-видимому, знач., специфичные для *бозага*, появились в тув. языке в результате контаминации с *мозур* и другими формами, связанными происхождением с образной основой. В результате того же процесса сформировалась семантика тув. *мозага*. Стоит отметить смысловую общность между указ. формами и монгол. *bosuγa...*, а также родственными ему формами, какова, к примеру, монгол. *bosungki / босонги* ‘стоящий, торчащий’ (БАМРС I, *268*).

Природа этой общности пока неясна, но, каково бы ни было ее происхождение, она, бесспорно, способствовала тому, что у тув. *бозага ~ мозага...* появились характерные для них значения.

мозраш см. **мозага**.

мозур см. **мозага**.

мозурар- см. **мозага**.

мозураш см. **мозага**.

мойна- ‘тянуть изо всех сил; затягивать петлю аркана на своей шее (о лошади)’.

Ср. кирг. *мойно-* ‘вырываться, шарахаться, не даваться, не давать кому-л. поймать себя’; перен. ‘упорствовать, упрямиться, отнекиваться’. Чаще соответствия тув. *мойна-* употребляются только с перен. знач., подобными вышеприведенному: ср. алт. *мойно-* ‘артачиться, упрямиться’; хак. *мойна-* ‘рваться вперед, стремиться опередить, артачиться’; турк. *бойна-* ‘буянить (о коне)’; др.-тюрк. *bojna-* ‘быть заносчивым, важничать’ (что предполагает более раннюю семантику типа ‘тянуть / вытягивать шею’).

Иногда более старое знач., отмеченное у тув. *мойна-* и кирг. *мойно-*, отражается в производных от этой основы именах вроде алт. *мойнок*, кирг. *мойноок* ‘лошадь, не останавливающаяся

[1] У монг. *bosuγa / босго* отмечена также семантика ‘соседство’ (уст.) (БАМРС I, *267*).

при накидывании ей на шею петли' (ОРС, *110*; КРС, *531*); ср. также **мойнак**.

Указ. глаг. основы образованы с помощью аф. *-а-* от основы *бойун* (> *мойун*) 'шея' (см. **моюн**).

мойнак 'кожа на шее у животных; шея (у животных и человека)'; *юго-вост.* 'вязаный шарф'.

Ср. кирг. *мойнок* 'шея (главным образом верблюжья); шейная кожа (верблюда, дикого козла)', каз. *мойнак* 'шкура шеи; шея верблюда' (РСл. IV, *2120*), як. *мойнох* 'подгрудок у рогатого скота; шейная повязка; шеина (кусок мяса, снятый с убитой скотины)' (Пек. II, *1582–1583*), *мооньох* 'подгрудок (у рогатого скота)' (ЯРС, *242*), тоф. *мойнак* 'коврик из шкур с голов оленей, изюбрей или лошадей, предназначенный для покрытия сверху вьюков' (Рассадин. Словарь).

Тюрк. *мойнак...* имеет соответствия в монгол. языках: ср. монгол. *bojinoγ / бойног* 'скотский подгрудок (свободно болтающаяся на шее рогатого скота кожа); второй подбородок' (БАМРС I, *255*), монг. *мойног* (редк.) то же (БАМРС II, *336*) и под. У монг. *мойног* (*моёнӧг*) отмечена также семантика 'с толстой шеей, толстошея' (Владимирцов. Ср. грамматика, *277*).

М. Рясянен в своем словаре приводит каз., тув., кирг. и як. данные, возводя их к монгол. формам (EW, *80*), что в целом не соответствует реальности, поскольку как раз последние, напротив, являются тюркизмами (см.: СИГТЯ Л, *234*; Щербак 1997, *108*). Вторичные монголизмы в данном случае не исключены, но их сложно опознать.

Рассматриваемые и подобные им тюрк. формы, бесспорно, родственны общетюрк. названию шеи *бойун* (> *мойун*)..., однако структурно они неоднородны, хотя в целом их сомнительно относить к числу уменьш. от *бойун...*, как это имеет место (см.: ED, *386*). Формы типа тув. *мойнак* и его указ. соответствий, скорее всего, отглаг. и образованы от **бойна-* 'тянуть / вытягивать шею' (см. **мойна-**). Не случайно появление семантики, связанной с растянутой кожей шеи ('подгрудок') или с ее большой длиной ('верблюжья шея'). Стоит также отметить, что признак длины (высоты) прослеживается и у соответствий *мойнак*, обозначающих такие части горного рельефа, как перешеек, седловина, перевал (ср. кирг. *мойнок* 'крутой горный перевал'); см. также **мойналык**. Тот же признак прослеживается и в знач. др.-тюрк. *boynak* 'крупная ящерица', связь которого с указ. обозначениями Дж. Клосон считал неясной (Там же).

Глаг. основа *мойна-* имеет также семантику типа 'накидывать / затягивать петлю на шее' (возможно, первичную для названия шеи: см. **моюн**), чем обусловлено появление у некоторых

соответствий *мойнак* (см., напр., алт. *мойнок*) знач. 'ошейник' (см.: Щербак 1997, *108*).

Кроме того, среди соответствий *мойнак* есть образования, восходящие к словосочетанию: ср. каз. *мойнак* 'собачка с белой шеей' (РСл. IV, *2120*), хак. *мойнах* 'Белошейка' (кличка собаки), которое восходит к *мойны ах* 'шея-его белая' (ХРС, *109*). Такова же структура каз. слова (*мойнак* < **мойны ак*), а также, возможно, и тоф. *мойнак* в знач. 'белое пятно на груди медведя'.

мойналык 'перешеек'.

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. Бесспорным является родство *мойналык* с общетюрк. *бойун ~ мойун* 'шея' (см. **моюн**), в числе перен. знач. которого иногда встречается и 'перешеек', а также 'седловина' (СИГТЯ Л, *234*). Подобная семантика прослеживается и у слов, родственных с *бойун...*: ср. др.-тюрк. *bojnaq* 'седловина, горный перевал' (ДТС, *110*) и его соответствия (Мурзаев. Словарь, *372*).

В СИГТЯ Л отмечено такое образование, как чув. *мӑйлӑх* 'перешеек', в котором основа *мӑй* — вариант тюрк. названия шеи, а *-лӑх* — вариант форманта *-лык*, образующего в тюрк. языках имена (в основном сущ.) от именных основ. Структурным аналогом чув. *мӑйлӑх* считается в указ. источнике (с. 234) рассматриваемое здесь тув. слово, судя по его членению на компоненты *мойна-лык*.

Однако характер и причины трансформации основы *мойун* 'шея' > **мойна* неясны. В тув., скорее всего, следовало бы ожидать форму **моюннук* (< **бойунлук*), но не *мойналык*. Последняя может быть связана не с именной, а с глаг. основой, соотносительной с тув. **мойна-**, но с иной семантикой (вроде 'тянуть / вытягивать шею'; см. также **мойнак**). При этом не исключено, что *мойналык* образовано (аф. *-(ы)к*) от формы страд. залога указ. основы (**мойнал-*).

мойтак ~ мойтук *юго-вост.* 'бродни'; **мойтук** 'традиционная мягкая обувь (без загнутых кверху носков); мягкая детская обувь (из шкурок или войлока)'.

Ср. хак. *мойтах ~ пойтах* 'детские кожаные башмачки; меховые носки; чулки из собачьей шкуры' (ХРИЭС, *91*).

Монголизм. Ср. п.-монг. *bojituγ*, монг. *бойтог* 'меховые чувяки, унты; бойток (ботики), боты; ботиночки, сапожки (маленьких детей)' (БАМРС I, *255*) или, по другому источнику, монг. *боётӧк* < *bojituγ* 'унты' (Владимирцов. Ср. грамматика, *325–326*); ср. также бур. диал. *бойтог* 'меховые унты, надеваемые на сапоги в холодное время', калм. уст. *бөөтг* 'туфли'.

Можно предположить, что вариант *мойтук* восходит к более старой монгол. форме типа *bojituγ*, но в принципе и *мойтук*, и

мойтак (а также хак. *мойтах* и *пойтах*) могут отражать монгол. форму с редуцированным гласным второго слога, который мог быть воспринят и как узкий (*у*), и как широкий (*а*) гласный.

мойтук см. **мойтак**.

мокулчак [оъ] ‘большой и округлый (напр., о горé, юрте)’; **мокур** [оъ] ‘круглый, округлый; выпуклый’; **мөкүл** [өъ] ‘гора, холм или возвышенность с округлой вершиной’; **мөкүлчек** **1**. ‘круглый, толстый и короткий, коренастый’; **2**. см. **мөкүл**.

Соответствия в других тюрк. языках имеются в основном у форм типа *мокур* и *мөкүл*, но эти соответствия отличаются от указ. тув. слов фонетически и семантически: ср. *бүкүр ~ мүкүр...* ‘горбатый, сгорбленный; горб’ (ЭСТЯ II, *293*), кирг. *мукур ~ мукул* ‘коротышка; комолый’ и под. (ср. также **мугулай**, **мукулчак**, **мукур**). Что касается форм с конечным *р*, то они истолковываются как образования с помощью показателя отглаг. имени от основы *бүк- ~ бук-* ‘гнуть, сгибать...’ (см.: ЭСТЯ II, *290–291*, *293*; **бүк-**, **бук**).

У тув. *мокулчак ~ мөкулчек* подобные соответствия почти не отмечаются. Некоторое исключение составляет як. *мөгөлчөк ~ мөгөлчөх* ‘округленный; круглый, шарообразный’, которое в словаре Э.К. Пекарского сравнивается с монгол. *moqolčoγ ~ moγolčoγ* [‘круглый, шарообразный’] (Пек. II, *1600*). М. Рясянен к монгол. основе (в варианте *mogulčag*) и бур. *мөҳөрөн* (без указания знач.) возводил не только як. *мөгөлчөк...*, но и такие як. формы, как *mögür* ‘округленный’ и *mögüön*, *mögürüön*, *mökücük* то же и др. (EW, *341*); ср. также як. *мөкүнүк*, *мөкүрүк* ‘круглый, шаровидный’ (ЯРС, *243*).

С этим мнением трудно согласиться, хотя переход указ. монгол. формы в як. *мөгөлчөк...* реален (рядность вокализма могла измениться в результате сближения заимствования с переднерядными як. формами, подобными тем, что приведены выше). Монгол. заимствование менее вероятно в случае с тув. *мокулчак* [моккулчак]. Во всяком случае, переход интервокального *g(γ)* (в монгол. *mogulčag ~ moγolčoγ*; ср. монг. *моголцог* 1. ‘круглый’; 2. ‘что-л. круглое, висюлька’: БАМРС II, *334*) в тув. *кк* трудно-объясним, как и появление *мөкүлчек* [мөккүлчек] и *мөкүл* [мөкүл] в результате монгол. влияния.

Тем не менее структура тув. *мөкүлчек* и *мокулчак* не вполне ясна. Это определенно не диминутивные (с аф. *-чак...*) формы от *мөкүл* или **мокул* (ср., напр., каз. *мокал ~ мокул* ‘комолый’; см. **мога-**). Существует вместе с тем формант *-чак*, образующий как отыменные, так и отглаг. имена, причем от имен формируются производные со знач. средства / приспособления, а от глаг. — производные с широким кругом знач., в том числе и признака (прил.) (см.: АИ, *187*).

Таким образом, весьма вероятно то, что и *мокулчак*, *мөкулчек* — отглаг. образования и что они произведены от глаг. **мокул-* и **мөкүл-*, представлявших формы страд. залога от **мок- ~ *мөк-*, которые, в свою очередь, являются вариантами вышеуказ. основы *бук- ~ бүк-*. Отметим, что в тув. языке образование прил. от данной залоговой формы получило заметное распространение и, возможно, специфично для данного языка (см.: ИП, *197–198*). Не исключено, что монгол. *mogulčag* или под. было заимствовано из тюрк. языка типа тув.[1]

мокур см. **мокулчак**.

молдурга [оъ] ‘годовалый теленок’.

В говорах отмечены также варианты с начальным *б* типа *боълдурга* и *боолдурга*. Непосредственных соответствий *молдурга...* в других языках не найдено. А.М. Щербак сопоставлял тув. *молдурга* с *булдургы* ‘прошлогодний’ (по Л.З. Будагову) (см.: ИРЛТЯ, *153*). *Булдургы* — это, в свою очередь, вторичная форма прил. на *-гы* от тюрк. *бултур ~ бултыр...* ‘прошлый год’ (см. об этой основе: ЭСТЯ II, *139–140*).

Сближение с этой формой тув. *молдурга* вызывает сомнения по фонетич. основаниям, в частности из-за различий в качестве гласных 1-го и 3-го слогов. В целом сопоставление друг с другом указ. изолированных форм также не вызывает доверия.

Скорее всего, *молдурга ~ боълдурга* генетически связано с другими тюрк. названиями детей и / или детенышей животных, а также их признаков, в основе которых может лежать мотивирующий семант. признак полноты, округлости: ср., напр., кирг. *болтогой* ‘полный, толстый; бутуз’, *болук* ‘полный, толстый (о взрослых); пухленький (о ребенке)’ при *болтоңдо-* ‘уподобляться в своих движениях толстяку’; ср. также як. *болтой-* ‘быть большим, толстым и округлым’ и под., последнее из которых носит образный характер и вместе с тем родственно с приводимыми кирг. формами, а также и с другими тув. (см. **молдурук**)[2]. В этих формах просматривается образная основа **бол[т]*.

Последняя может варьировать по характеру вокализма, исходя из чего в круг сопоставлений с рассмотренными могут быть включены кирг. *балтаң* ‘толстый, грузный (о человеке)’, *балтек*

---

[1] Иной взгляд на структуру монгол. формы и ее предполагаемых одноструктурных соответствий представлен в работе: Котвич В. Исследования по алтайским языкам. — М., 1962. — С. 74. К сожалению, здесь отсутствует этимологический анализ приводимых форм.

[2] Як. *болтой-* (с иным истолкованием его семантики: ‘сильно и толсто выпячиваться; выступать утолщенным отростком...’) считается монгол. заимствованием и сопоставляется, в частности, с п.-монг. *boltaji-* ‘высовываться, выдаваться’ (Попов. ЭС 1, *146–147*), но в подобных случаях едва ли можно определенно говорить именно о монгол. влиянии. Можно констатировать, пожалуй, лишь общий для тюрк. и монгол. языков характер данных глаг. основ.

'толстенький, коротыш (о человеке, теленке, собаке)'; сюда же, вероятно, относится каз. *балдыр* 'порода курдючной овцы' (см.: ИРЛТЯ, *153*); ср. также **балдыр**, **малдырган**.

С учетом сказанного едва ли случайным выглядит сходство кирг. *бөлтүрүк*, каз. *бөлтірік* 'волчонок', тат. диал., башк. *бүлтәрәк* 'ягненок осеннего скота; малорослый человек или животное'... (см.: Ахметьянов. ОЛМК, *67*) с кирг. *бөлтөй-* 'выделяться в виде небольшой шишечки, опухоли', *бөлтөк* 'комочки в *жарма* (вид похлебки)'.

А.М. Щербак кирг. *бөлтүрүк*, каз. *бөлтірік* считал образованиями от названия волка *бөрү* (ИРЛТЯ, *133*), что, скорее всего, не соответствует истине. Вызывают сомнения и другие версии происхождения указ. кирг., каз., тат. и башк. форм (см.: EW, *54*; Ахметьянов. ОЛМК, *67–68*)[1].

Вместе с тем, думается, неслучайно и сходство между *бөлтүрүк ~ бүлтәрәк* и тув. *молдурга*... За ним стоит структурная близость соответствующих образований, а также общность их производящих основ. Можно предполагать, что и те, и другие произведены (аф. *-(а)к* и *-ка*) от глаг. основ **бөлтүр- ~ *болтур-*, которые, возможно, означали 'кормить, выкармливать (детенышей)' или нечто подобное.

Возможно, предполагаемая образная основа типа **бол(т)*, о которой говорилось нами, могла варьировать и по консонантизму, и тогда она родственна основе **бор(т)*, рассматривавшейся нами ранее и реализовавшейся в глаг. типа *борта-* и под. 'откармливать...': см. **борбуяк**, **борта-**, **бортук**.

молдурук [оъ] **1.** 'атлант (первый шейный позвонок); тупой, круглой или овальной формы наконечник стрелы, сделанный из рога, кости или кружочков из толстой кожи, которые плотно насаживались на древко'; *диал.* 'головная часть шеста для отталкивания лодки'; **2.** 'без голенищ (об обуви типа ботинок или туфель)' (**молдурук идик** 'обувь без голенищ').

Ср. хак. *молтырых* 'шейные позвонки' (ХРС, *109*), *молтырых I* 'атлант, первый позвонок' и *молтырых II* 'кожаные галоши, взъем (обуви)' (ХРИЭС, *62*), хак. диал. *молтырык* 'позвоночник, позвоночный столб', *молтырга* 'шейный позвонок' (РСл. IV, *2127*).

А.В. Дыбо относит тув. *молдурук* и его хак. соответствия (рассматриваемые только как анат. термины) к числу заимствований из тунг.-маньчж. языков, выводя рассматриваемые слова из основы **meli-*, представленной в амурском ареале: эвен. *мэлим-ки* 'первый шейный позвонок' (заимствованный в як. диал. *мэлимки* 'затылочная кость'), негид. *мэлин* (в составе *йхэj мэлин* 'скелет, костяк') и т.п. (ЛРДИВ, *213*). Эта версия сомнительна.

Вместе с тем вполне реальна собственно тюрк. этимология *молдурук...*, которые мы связываем с такими тюрк. формами, как каз. *молтак* диал. 'обрубленный, усеченный' (Аманжолов, *392*) и *молак* 'куцый' (< *мол-ак*: Кайдаров, *261*) или, по В.В. Радлову, 'животное со сломанным рогом' (РСл. IV, *2126*), кирг. *молок кулак* 'корноухий', *молтой-* 'иметь вид обрубка, культяпки', где вычленима именная или, скорее, образная основа **мол(т)-*, связанная с усечением, сломом и при этом с чем-то округлым (< **бол(т)*?).

Ср. также як. *молдой* 'совершенно тупой' (ЯРС, *241*), *мултумак* диал. 'комолый' (ДСЯЯ, *164*), в последнем из которых прослеживается глаг. основа **мулт-у-* 'ломать(ся) (?)', где **мулт* может быть истолкован как вариант **мол(т)*.

Отметим, что в подобных случаях основы, близкие **мол(т)*, могут означать как 'комолый' или под., так и 'округлый, закругленный' (ср., напр., **доңай**). Поэтому *молдурук...* может быть гомогенно также и таким формам, как, напр., як. *болтой-* 'сильно и толсто выпячиваться...' (Харитонов, *286*) или '...быть большим, толстым и округлым' (ЯРС, *74*), кирг. *болтогой* 'полный, толстый; бутуз', *бултуй-* 'надуться, насупиться; вздуваться, вспухать', *бултук* 'полнолицый, толстощекий', бараб. *пулта-* 'надувать щеки', алт. *пултук* 'опухшая щека, опухоль' (РСл. IV, *1378*). См. также **булук**, **молдурга**.

Вероятно, не случайно сходство с вышеприведенными формами шор. *молтурган* 'борщевик', варьирующегося с *палтырган* то же (ШРС, *33*, *39*), которое, в свою очередь, имеет общетюрк. соответствия: см. **малдырган**.

Признаки усеченности (сокращенности, отдаленности) и округлости могут соединяться в знач. одного слова, как это имеет место в случае с *молдурук*, обозначающим отдельные позвонки и сходные с ними артефакты, в том числе, вероятно, и разновидности обуви, короткой и без голенищ (ср. также хак. *молтырых* 'кожаные галоши').

Молдурук (< **молтурук* < **болтурук* ?) и хак. *молтырга* произведены с помощью аф. *-(у)к* и *-га* от **молт-ур-* < **болт-ур-*, имеющей, возможно, семантику типа 'обрубать, усекать, укорачивать (о предметах округлой формы)'.

молдурук идик см. **молдурук**.

молуй, **молуй эртине** *фолькл.* название драгоценности (**эртине** 'драгоценность').

По всей вероятности, варианты монголизма, связанные с монгол. *molur / молор* 'топаз', монг. *молор эрдэнэ* 'топаз; топазовый'

[1] У указ. форм отмечается монгол. соответствие типа бур. *бэлтэргэ* 'волчонок' (ср. п.-монг. *belterge*, монг. *бэлтрэг* то же), которое, скорее всего, следует считать тюркизмом, хотя существуют попытки его этимологизации или, по крайней мере, реконструкции его праформы без учета соответствующих тюрк. форм, с чем нельзя согласиться (см.: Бертагаев. Лексика, *308*; СИГТЯ Л, *160*).

(при *эрдэнэ* ‘драгоценный камень, драгоценности’)[1]. См. также **эртине, манар эртине**.

молуй эртине см. **молуй**.

момбуш *тодж.* ‘помочь’ (*работа миром за угощение*).

Ср. алт. *момыч* уст. ‘помощь, отработка натурой’ (ОРС, *110*), алт. диал. *момочы* ‘помощь, работа сообща с соседями при жатве’ (РСл. IV, *2129*) и под. (см. также: ЭСРЗ, *471–472*). Рус. заимствование, восходящее, скорее всего, к форме *помочь* (уст.).

мончар ‘ошейник (обычно у телят)’; *разг.* ‘галстук’; **мончук** ‘серьга: отросток продолговатой формы, свешивающийся под горлом некоторых животных’; *фолькл.* ‘бунчук’.

Соответствия *мончар* очень редки. Они встречаются в соседних тюрк. языках: ср. хак. *мончар* ‘ошейник для телят’; ‘воротник’ (диал.); ‘галстук’ (ХРИЭС, *62–63*), шор. *мончыр* ‘воротник (ситцевый)’ (ШРС, *82*), *мӧнчер* ‘воротник’ (Вербицкий 1, *204*; РСл. IV, *2132*). К их числу может быть отнесено также «чаг.» *monšur* ‘ярмо’ (Поппе. Мук., *405*).

Напротив, соответствия *мончук* имеют практически общетюрк. характер, фиксируясь в вариантах *мончук ~ мунчук ~ бунчук...* и *мончак ~ мунчак ~ мынчак...*, и являются названиями, главным образом, всякого рода украшений. Ср. такие знач. *мончук*, как ‘жемчужина; драгоценный камень; раковина (в том числе и такая, которая служит украшением или талисманом); бусы, ожерелье; раковины, шарики; бусы, надеваемые на шею лошади; талисман, амулет (драгоценный камень, львиный коготь и т.п.)...’. Подобная же семантика прослеживается и у *мончак...* (см.: ЭСТЯ VI, *71–72*). Вместе с тем отмечаются отдельные случаи семант. близости или тождества соответствий последнего и слова *мончар...*: ср. тат. *мунчак* ‘ошейник с поводком (для телят)’.

Формы типа *мончар* практически еще не являлись объектом этимологического анализа, если не считать того, что тув. форма включалась М. Рясяненом в число тех, которые он считал родственными тюрк. названию шеи — *bojun* и под. (EW, *80*; ср. **моюн**), а форма *monšur* предполагалась родственной таким образованиям, связанным с этим названием, как *мойтурук* ‘воротник...’ (ЭСТЯ II, *182*; ср. также **моюндурук**).

Для форм, бытующих в вариантах *мончук... ~ мончак...*, рядом исследователей также постулировалась связь с *бойун ~ мойун...* ‘шея’, однако в ЭСТЯ VI, *72–73* было высказано небезосновательное мнение, согласно которому в указ. формах мы имеем дело с контаминацией производных от данного названия шеи и

[1] Ср. также монгол. *bolur / болор* ‘хрусталь’ (< перс.) (Бертагаев. Лексика, *370*).

образованиями от какой-то другой основы. В связи с этим справедливо отмечено, что принимаемая исследователями связь указ. форм с тюрк. названием шеи, скорее, народно-этимологическая, но она «могла перестроить исходный тюрк. вокализм *-и-* (*-у-*. — *Б. Т.*) в корне, приводя к появлению форм с *-о-*» (ЭСРДС, *395*).

Очевидно, таков же характер связи между *бойун...* (и образованиями на ее основе) и *мончар* (с его соответствиями), поскольку генетическая общность последнего с формой *мончук... ~ мончак* едва ли может быть подвергнута сомнению.

В отличие от *мончар* у указ. формы имеются монгол. соответствия вроде монг. *монцог* ‘бунчук’, п.-монг. *тоnčиу, тоnčау* ‘большая красная, служащая украшением кисточка, свисающая с лошадиной шеи или груди; подгрудок’ и под.; тюрк. и монгол. формы рассматриваются как параллельные (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *350*; EW, *340*), хотя последние, скорее всего, являются тюрк. заимствованиями.

Тюрк. формы *мончук... ~ мончак* также пытались интерпретировать как заимствование (в частности, кит., по версии А. Йоки, вызвавшей, однако, возражение Г. Дёрфера). Сам Дёрфер как будто склонялся к исконно тюрк. этимологии, сближая турк. *мо:нжук* и под. с пратюрк. **bună*, представленным, по его мнению, в калм. *тип^{и}*, *тип^{ү}* ‘стеклянный жемчуг; фальшивые драгоценности (женское украшение)’ (Дёрфер IV, *24–27*).

Этимологическая версия ЭСТЯ VI не имеет четкого выражения. Там сказано лишь, что формы *мончук... ~ мончак* могут быть «образованиями от утраченной или переосмысленной основы со значением **‘драгоценный камень’*, а может быть, и от другой основы со значением **‘круглый’*».

Появление первого из приводимых выше реконструированных знач., по-видимому, обусловлено семантикой форм в памятниках (‘жемчужина; драгоценный камень’ и под.). Ср. также приводимую выше версию А. Йоки, который в *мо:н*, производящей основе формы *мо:нжук*, усматривал арх. кит. **mwən* ‘красный драгоценный камень’.

Предположение о существовании другой основы, имевшей знач. ‘круглый’, основывается, вероятно, на анализе реалий, обозначаемых *мончук... ~ мончак* и действительно имеющих круглую или округлую форму. Думается, это предположение ближе к реальности, нежели первое, тем более, что основа с подобной семантикой, похоже, сохранилась. Об этом свидетельствует материал кирг. языка, где имеется слово *мон* ‘нижняя широкая часть **сөйкө**’. *Сөйкө* же означает ‘большие серьги, подвески в форме конуса (нацепляются на уши, свисают на шею и на

грудь)' (КРС, *531*, *658*). Нижняя же, широкая часть конуса как раз и представляет собой круг.

Звуковой облик кирг. *мон* явился результатом развития из **бун* > **мун-*. Что касается структуры *мончук... ~ мончак*, то исследователи склонны были видеть в них отыменные образования с аф. *-чык* (~ *-чак*) (см., напр.: АИ, *188*). Однако такая структура была бы обоснована при условии, что производящей основой было бы *моюн* 'шея' (как это и следовало из версии, изложенной Э.В. Севортяном в указ. работе). Недостаточно убедительно выглядело бы представление **бунчук ~ *бунчак* и как формы диминутива от **бун* '(о)круглый' (хотя это и не исключено)[1].

Вероятно, рассматриваемая форма — отглаг. образование, поскольку формант *-чык...* образует производные также и от глаг. основ. В таком случае основа указ. формы могла представлять собой глаг. соответствие основы **бун*, которое соотносимо с **бун-* *'принимать форму (замкнутого) круга' и вычленяется, в частности, в таком наименовании, как тув. *мундургу* 'кольцо, надеваемое на головку курительной трубки для ее украшения' (см. **мундургу**).

Что касается образований типа тув. *мончар*, шор. *мончыр* и под., то о них можно более определенно говорить именно как об отглаг. формах, из которых более старой является *monšur*. Э.В. Севортян членил ее (под вопросом) на компоненты *mon-šur* (ЭСТЯ II, *182*), второй из которых (аф.) совершенно неясен и явно не может быть отождествлен с каким-либо тюрк. словообр. формантом.

Скорее всего, *monšur* < **bun-(u)š-ur*, где **bun-* соотносительно с основой **бун-*, приводимой выше, *-(u)š-* — аф. совместно-взаимного залога или интенсива, а *-ur-* — аф., образующий форму причастия (здесь с примерным знач. '(туго) стягиваемый вокруг чего-л.'), подвергшегося затем субстантивации. Последний мог иметь варианты с узким и широким гласным, один из которых отразился в тув. *мончар* и хак. *монҷар* (< **бун-(у)ш-ар*).

В случае с тув. *мончук*, судя по его семантике, возможно вторичное монгол. заимствование, близкое к п.-монг. форме.

мончук см. **мончар**.

мончуун [оъ?] *тодж.* 'пест (для толчения зерна в ступе)' (Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 105).

Монголизм, источник которого не совсем ясен. Ср. монгол. *tanči / манц*, *манцуу* 'колотушка; пест, пестик (для толчения)' (БАМРС II, *332*), а также *tunča ~ tonča / мунц*, *монц* 'колотушка, клин, пестик', *tunčirγ-a / мунчирга* 'боевой железный кнут' (БАМРС II, *339*, *357*).

Предполагаемый прототип тодж. *мончуун* семантически ближе всего к монгол. *tanči / манцуу*, представляя как бы его огубленный вариант с шипящей аффрикатой и конечным носовым согласным типа **tončuun*.

[1] Аф. диминутива *-чык ~ -чак* может присоединяться и к основам прил. (см.: Щербак 1977, *100*). Если **бунчук ~ *бунчак* является отыменным образованием, то его первоначальным знач. могло быть нечто вроде 'кругленький' (или 'кругловатый'?), а затем эта форма подверглась субстантивации.

моң 1. 'большой и тяжелый' (**моң маска** 'большой молоток, молот'; **моң балды** 'топор-колун'); 'большой и очень толстый, массивный (напр. о трубке, кулаке, цепи и под.)'; **2.** 'дубинка, колотушка'; **мөң** 'полный, толстый; большой массивный; прочный' (ср. **мөң даш** 'большой камень', **мөң эът** 'мякоть (мясо); мышцы', **мөң тураскаал** 'массивный памятник').

Ср. тоф. *моң* 'колотушка (для размягчения кожи); киянок, деревянный молоток; большой деревянный колот, предназначенный для сбивания кедровых шишек', *моң даш* 'большой валун' (Рассадин. Словарь)[1], др.-тюрк. *böŋ* (МК) 'полный, толстый' (ДТС, *118*), которое в труде Дж. Клосона (ED, *347*) дается в варианте с заднерядным вокализмом (*boŋ*) и в знач. 'коренастый; большой, крупный'.

В СИГТЯ Л, *383* представлены только тув.-тоф. данные и лишь в качестве сущ. с «орудной» семантикой, что обусловлено неполнотой материала в использованных источниках (в частности, ТРС). Кроме того, не приводятся переднерядный вариант *мөң* и его вероятные др.-тюрк. соответствия; форма же *моң* сопоставляется с монгол. *tuna* 'колотушка, кувалда' (что, скорее всего, ошибочно) и, предположительно, с эвенк. *moŋga-* 'мять, выделывать шкуру' и некоторыми другими тунг.-маньчж. данными, природа общности с которыми тув.-тоф. *моң* не комментируется.

Тув.-тоф. *моң* и тув. *мөң* почти не имеют соответствий в тюрк. языках, но они явно представляют собой образные («дескриптивные») основы, вероятные соответствия которых с преобладающим заднерядным (более древним?) вокализмом представлены далеко за пределами тюрк. языков: в ностратических, в том числе алт.

По мнению В.М. Иллича-Свитыча, ностратическая праформа слова — *bongä* 'толстый; вздуваться'. Соответствия же ее отмечены в индоевропейских, урал., дравидийских и, под вопросом,

[1] Ср. также тоф. *моң-баъш* 'стрекоза; бычок' (рыба) (ТРС-РТС, 46, *122*), что в дословном переводе означает, по-видимому, 'большая (~ толстая) голова'.

в алт., где представлены только тунг.-маньчж. формы вроде маньчж. *boŋo*^{n} ‘толстый, большой’, которое, как предполагается, сохранило исходное знач. (см.: Иллич-Свитыч 1976, *182–183*). Общность форм, подобных в особенности последней, с тюрк. связана с их образной природой и не обусловлена, вследствие их указ. природы, родством языков.

моң балды см. **моң**.

моң маска см. **моң**.

моо: **моо ёралыг** ‘невезучий, несчастливый’.

Монголизм, связанный, в частности, с монг. *муу*, п.-монг. *тауи* и под., означающими ‘плохой; бедный, жалкий...’, и монг. *ёр* ‘знамение, знак, предзнаменование’ (см. также **ёра**). Монг. *муу ёр* означает ‘зловещее, дурное предзнаменование; дурной знак’, чему соответствует в тув. полукалька *бак ёра* ‘дурное предзнаменование’ (см. **бак**, **ёра**). В монг. отмечено также прил. *муу ёрт*, образованное от *муу ёр* и означающее ‘приносящий зло, зловещий, предвещающий несчастье’ (БАМРС II, *358*). Тув. *моо ёралыг* — скалькированное монг. *муу ёрт*, которое кроме переоформления подверглось также переосмыслению.

Особенности вокализма первого компонента (наличие широкого гласного *оо*) — одно из свидетельств того, что источником тув. *моо ёралыг* был именно халха-монг. язык. Ситуация напоминает ту, которая прослеживается в тув. *боо* ‘ружье’ (см. **боо**). См. также **моода-**, **моора**.

моова *грубо* ‘скотина’ (*обычно о скоте*) см. **адыгуузун**; **моома** см. **моова**; *диал.* ‘тарантул’ (ЦУ, *152*).

Ср. хак. *поома* ‘сибирская язва (болезнь скота); язва, скотина (ругательство)’ (ХРИЭС, *91*), алт. *моомо* ‘рогатый [скот]’; в качестве эвфемизма служат названиями коровы и самца марала (Яимова, *58*, *150*).

По всей вероятности, монголизм. Ср. п.-монг. *боуита*, монг. *боом* ‘сибирская язва, бубонная чума; злокачественный нарыв, карбункул’, калм. *моом* [моомъ] ‘сибирская язва’, бур. *боомо* ‘сибирская язва; карбункул’. По-видимому, в указ. тюрк. языках произошло переосмысление монгол. заимствования, которое в тув. превратилось в ругательство и, в частности, в ругательное название скота. Нечто подобное прослеживается в семантике хак. *поома*, которое вместе с тем сохраняет и близкое к первоначальному знач. ‘сибирская язва’. В алт. языке произошло как бы «погашение» оценочной семантики типа ‘скотина’ и слово *моомо* стало общим названием рогатого скота, а также некоторых конкретных животных. Интересна специализация семантики в тув. диал. *моома* ‘тарантул’.

Монгол. слово могло быть связано с глаг. основой типа монг. *боо*, п.-монг. *боуи-* ‘душить, удушаться’ (см. о нем: Владимирцов. Ср. грамматика, *277*, а также статью **моюн**), которое, скорее всего, является тюркизмом (см. **бог-**). Тюрк. происхождение имеет, по всей вероятности, и монгол. *боуита / боом*, которое сопоставимо с тюрк. **бог-ма*, реализуемого, в частности, в тур. *богма* ‘удушье, жаба, одышка, астма’ (РСл. IV, *1656*), а также в кбалк. *був-ма*, башк. *быв-ма*, тат. *бума* ‘удушье, припадок; эпилепсия’; ср. также образования от той же глаг. основы с другими аф. (ЭСТЯ II, *165*; АИ, *366*).

Тув. *моова* — вторичный вариант *моома* (< **боома*), результат перехода *м* > *в* в интервокальном положении.

моода- ‘ослабевать, обессилеть; биться в припадке’.

Монголизм. Ср. п.-монг. *тауида-*, монг. *муудах* ‘ухудшаться; ослабевать; портиться, приходить в негодность; изнашиваться, рваться; тупеть, стачиваться; портить отношения; ссориться, ругаться; обижаться, злиться’ < *тауи / муу* ‘плохой’ и под. > тув. *моо* (см. **моо ёралыг**). Как и *моо*, глаг. основа *моода-* заимствована из монг. языка.

моожа I ‘вожжи, длинные поводья’.

Ср. алт. *боожо*, тоф. *боочи* то же. Заимствовано из рус. языка (< *вожжи*).

моожа II ‘сноп’.

Ср. хак. *поом*, *поош* ‘сноп; пучок’ (ХРИЭС, *91*), однако полных соответствий не обнаружено. Приводимые же образования явно родственны с тюрк. *бог-* ‘связывать, завязывать’ и под. (см. **бог-**). Отмечена также именная основа *бог* ‘узел (с вещами); связка, узел’ и др. (ЭСТЯ II, *165–166*). Нельзя исключить общности тув. *моожа* с тюрк. *букжа ~ богча* и под. со знач. ‘узел, связанный узел; узел с вещами; связка’ и т.п.; ср. также тур. диал. *boğcık* ‘завязка из стеблей для связывания снопов’, *boğ-ċek* (Там же, *208*, *250–251*).

Исходной для *букжа...* считается форма *богча*, состоящая из производящей основы *бог* ‘узел...’ и уменьш. аф. *-ча* (Там же, *251*). Можно предположить появление между конечным сонантом *г* основы *бог* и аф. *-ча* (> *-жа*) вставочного гласного и преобразование *богча* > **бог(у)жа* с последующим образованием вторичного долгого *оо* (**боожа* > *моожа*).

моожа III ‘спор, пари’.

Тув. *моожа* (в ошибочном написании *моожо*) относится к числу монголизмов и связывается с монг. *бооцоо* ‘пари’ (Рассадин. МБЗ, *61*). Возможно, тув. слово — действительно монголизм, но, судя по его внешнему облику (в частности, по наличию шипящего

согласного *ж* в последнем слоге), оно явно ближе к п.-монг. варианту монг. слова *boγuča-γ-a*. К тому же, в тув. форме отсутствует долгота во втором слоге, что также требует объяснения.

В монг. языке отмечен вариант *бооцоо* с кратким гласным второго слога — *бооц* (конечный гласный не обозначен) (< **boγuča* ?). *Бооц* с семантикой 'заклад, спор; пари' считается знач. слова *бооц* 'баррикада; запруда, плотина' (МРС, *77*), хотя связь между соответствующими знач. в этом случае не обнаруживается (ср. также монг. *боох* 'заграждать, преграждать; препятствовать'), и причина появления семантики, связанной со спором, у *бооц* не достаточно ясна (контаминация основ *бооц* и *бооцоо* ?). Ср. также калм. *бооцх* 'заключать условие, договариваться' и 'биться об заклад', где также связь знач. неясна.

Не являются ли монгол. слова, связанные с семантикой 'спор, пари' и под., в свою очередь, заимствованиями? Представляет интерес сопоставление монгол. форм, а также тув. *моожа* с тур. *boğuş-* 'хватать друг друга за глотку, схватиться, сцепиться; спорить, ссориться', представляющим форму возвр. залога от *boğ-* 'душить' и под. (см. **бог-**); ср. также азерб. *богуш-* 'грызться, драться, ссориться', *богушма* 'грызня, драка, ссора'. Вполне вероятно существование тюрк. форм вроде **богуш* или **богуш-а* в знач. 'спор' и под., которые могли войти в монгол. языки и контаминироваться в них с другими основами, о которых речь шла выше.

моол 'монгол; монгольский'.

Ср. хак. диал. *моңул*, уст. *моол* 'монгол(ьский)' и другие соответствия < монгол. *mongul*, *moŋgul* то же (см.: EW, *340*).

моома см. **моова**.

моондак I 'препятствие, преграда; барьер; помеха'.

моондак II 'пучок; букет'.

Отглаг. образования с аф. *-ндак*, соответствия которых в других тюрк. языках не обнаружены. Возможно, соответствующая модель и сам указ. формант специфичны для тув. языка (см.: ИП, *170*). Согласно данному источнику, *моондак* 'препятствие...' образовано от *бог-* 'завязывать (узел)', с чем в принципе нужно согласиться.

Следует, однако, отметить, что *бог-* 'завязывать' и *бог-* 'запруживать...' — это фактически лексико-семант. варианты (знач.) одной многозначной основы *бог-* (*боор*) (см.: ТРС 1968, *112* и ТСТЯ I, *284* (**боор II**), а также **бог-**). 'Запруживать' и под. могут быть интерпретированы как переносные (метафорические) знач. основы *бог-* 'завязывать...', у которой подобные знач. отмечены и на материале других тюрк. языков: ср. турк. *бог-* 'вязать, связывать, завязывать'; перен. 'сковывать, стеснять' (ЭСТЯ II, *165–166*). От указ. или близкой к ней основы с помощью других формантов образованы глаг. и имена, семантически близкие к *моондак I* (ср. **боогда-**, **боом**, **боос**), в отличие от которых в *моондак* наблюдается переход *б-* > *м-* (результат влияния последующего *н*?): **бог-(у)ндак* > **боондак* > *моондак*. В случае с *моондак I* и *моондак II* основное и производное знач. производящей глаг. основы *бог-* в производной форме *моондак* разошлись достаточно далеко для того, чтобы в результате образовались два омонимичных сущ.

моора- 'падать в обморок, терять сознание'.

Ср. алт. диал. *мура-* (< *муура-* ?) 'слабеть, тускнуть' (ГАЯ, *221*; РСл. IV, *2190*). Монголизм. Ср. п.-монг. *maγura-*, монг. *муурах* 'тощать, худеть, приходить в дурное настроение, расстраиваться; падать в обморок, терять сознание' < монгол. *maγu / муу* 'плохой' и под. Тув. *моора-* заимствовано из совр. монг. языка (ср. **моо**, **моода-**, а также **буура-**, **буурай**, **буурал**).

моорла-, **морла-** *высок.* 'идти, прийти, пожаловать; уйти, удалиться'.

Монголизм. Ср. монгол. *morila- / морилох* 'соизволить прийти, пожаловать (торжеств.); отправляться, приезжать' (БАМРС II, *339*), п.-монг. *morila-* 'садиться верхом, отправляться на лошади, ехать верхом', бур. *морилхо* 'соизволить, пожаловать', калм. высок. *мөрлх* 'ехать, отправляться в путь'.

Монгол. глаг. основа, вероятно, образована от *mori(n) / морь* 'конь, лошадь'; ср. также монгол. *mor(i)da- / мордох* 'садиться верхом; отправляться в дорогу' и тув. *аъттан-* то же < *аът* 'конь, лошадь' (см. **аът**).

Тув. *моорла- ~ морла-*, по-видимому, позднее заимствование (из монг. языка). Из двух указ. вариантов ближе к оригиналу второй (*морла-*). В варианте *моорла-* отмечено появление долготы, которая может носить эмфатический характер. Допустимо, что она может быть возместительной, отражающей редукцию гласного *и* второго слога монг(ол.) глаг. формы.

моортай 'кот, кошка'.

Очевидно, монголизм: ср. монг. *муур* 'кошка', бур. *муур* то же < кит. (см. также: Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. — М., 2003. — С. 204). Судя по соответствию *оо* (*моортай*) *~уу* (*муур*), источником тув. слова был совр. монг. язык, а прототипом — **мууртай*, где **муур* — звукоподражат. основа типа 'мурлыканье', а *-тай* — аф. совместного падежа, используемый и для создания адъективизированных форм ('с мурлыканьем', 'мурлыкающий'). Загадочно шор. *мортай* 'кошка' (Курпешко-Таннагашева Н.Н. Шор пичик. — Кемерово, 1990. — С. 88).

морзук [оъ] ‘барсук’.

Отмечен также другой тув. вариант, более редкий, — *борзук* [оъ]; ср. тоф. *борсык ~ борсук* и соответствия общетюрк. характера *порсук ~ борсук* и под. со знач. ‘барсук’ (почти во всех источниках); эпизодически встречаются ‘куница’ и ‘еж’. Отмечается также адъективная семантика ‘тухлый, протухлый’ и под. и ‘полный, тучный, ожиревший, медлительный’ (последние значения считаются переносными) (см., в частности: ЭСТЯ VI, *117–118*).

Существуют различные этимологии тюрк. названия барсука, наиболее распространенная из которых связывает его с глаг. основой *борсу-* ‘вонять’ и под. Согласно другой версии, *борсук...* произведено от основы **бор* ‘серый’, но это мнение более распространено среди славистов (см.: Фасмер I, *128*; Шанский и др., *37*), нежели среди тюркологов, где оно встречает возражения (см.: ИРЛТЯ, *139*; ЭСТЯ VI, *118*).

По Г. Рамстедту, *борсук...* связано с производящей основой **бор* ‘сытый, жирный’. Эта этимология оценивается как более приемлемая, нежели предыдущая: считается, что для нее «есть известные семантические связи, хотя они, судя по развитию перен. значений, должны расцениваться в обратном направлении (?. — *Б. Т.*): ‘барсук’ → ‘жирный’; ‘неповоротливый’» (ЭСТЯ VI, *118*).

С этим утверждением трудно согласиться, поскольку у тюрк. названия барсука прослеживается связь с образными основами, которые семантически близки к **бор* (по Рамстедту), но едва ли производны от *борсук...* К **бор* определенно близко кирг. *бор* ‘откармливание скота на убой’ (см. также **борта-**); ср. также кирг. *борсогой* ‘кругленький, толстенький; толстячок’, напоминающее образования от *борсук...* но, скорее, восходящее к основе типа кирг. *борсой-* ‘слегка выпячиваться (о животе); быть пухленьким (напр., о щеках)’.

Отметим, что соответствия тюрк. *борсук* (типа **борсок*) в кирг. языке не засвидетельствованы, но в нем имеется форма *борсолдой* ‘детеныш барсука, барсучонок’, которая может быть родственна, с одной стороны, общетюрк. названию барсука, а с другой — кирг. *борсой-* и *борсогой* с указ. знач., с которыми, в свою очередь, связана образная глаг. основа *борсоңдо-* ‘уподобляться в своих движениях толстячку’.

Ср. также ккалп. *борсаң* ‘неуклюжий; неповоротливый’, каз. *борсаңда-* ‘семенить, идти частыми мелкими шагами (о толстых людях)’ (Кайдаров, *195*) или, по другому источнику, ‘неуклюже бегать’ (КазРС, *88*). Кстати сказать, А.Т. Кайдаров считает гомогенными каз. *борсаңда-* с названием барсука (каз. *борсық*), выделяя в них общую производящую основу **борс* — подражание неуклюжей походке чрезмерно толстого человека или животного (Кайдаров, *195*), для чего, по-видимому, есть определенные основания.

Возможно, семантика указ. основы могла быть и несколько иной, однако в любом случае она была связана с представлением о чем-то толстом, жирном. **Борс*, вероятно, являлся вариантом **бор* (при *-с* — показатель интенсива?), реконструированным Г. Рамстедтом (см. выше). Данное представление связывается и с самим барсуком: ср. хак. загадку *Чар алтында чаглыг тохмагым чатча* (*порсых*) ‘Под яром жирная колотушка лежит (барсук)’[1] (ХРС, *158*). Барсучий жир (хак. *порсых үзі*) считается лекарством (ХРИЭС, *92*). Ср. также замечание В. Даля (I, *127*) о том, что барсук «идет на сало».

Что касается структуры тюрк. *борсук...*, то последнее могло быть образованием от образной глаг. основы **борсый- ~ *порсый-* (вариантов кирг. *борсой-*) с аф. *-к* и первоначально иметь адъективную семантику типа ‘толстый, неповоротливый’, а затем подвергнуться субстантивации и стать, в частности, названием зверя (барсука). Во всяком случае, первоначальными знач. *борсук...* определенно не могли быть ‘тухлый’ и подобные ему, что отмечено в примеч. редактора к статье **порсук** в ЭСТЯ (VI, *118*, примеч. 72), где сказано: «Скорее всего, схождение названия животного с глаголом “протухать, портиться” носит народно-этимологический, вторичный характер...».

Можно сказать, что соответствия *борсук ~ порсук*, имеющие такие деструктивные характеризующие знач. (довольно многочисленные), как ‘тухлый, протухлый; вещь, которая начала портиться, разрушаться; плесень’, а также ‘вялый, дряблый; сморщенный, морщинистый; запутанный’ (ЭСТЯ VI, *117*), фактически омонимичны по отношению к названию животного.

Таким образом, из трех имеющихся версий происхождения слова *борсук* наиболее рациональной является та, которая восходит к точке зрения Г. Рамстедта. Если исходить из этой версии, становится ясным происхождение такой формы наименования барсука, как турк. *торсук*, которое иногда включается в число сопоставлений с *борсук ~ порсук*, но не находит объяснения. Говорится лишь, что *торсук* является «совершенно обособленным в фонетическом отношении» или что эта форма выпадает из всей серии вариантов *борсук...*, не находя фонетич. обоснования, «или здесь иная основа» (ср.: ИРЛТЯ, *139*; ЭСТЯ VI, *117*).

[1] Ср. также алт. *јуулу токпок*, означающее букв. ‘жирная колотушка’ и являющееся одним из иносказательных (эвфемистических) названий барсука (Яимова, *111*).

Последнее предположение ближе к реальности: основа *торсук* действительно иная, нежели *борсук*, но по своей структуре и мотивирующему признаку она аналогична последней. Думается, *торсук* представляет собой одно из соответствий тюрк. *дорзук ~ торсук*, обозначающего различные реалии округлой, раздутой формы, среди которых встречаются и названия частей тела (ср. тув. *дорзук* 'нижняя часть бедра', тоф. *дорзук*... 'колено', алт. *торсук* 'место повыше пятки', *торсок* 'мозоль'), хотя преобладают наименования артефактов (см. **дорзук**). В единичных случаях реальны названия живых существ, что и демонстрирует турк. *торсук*.

Подобное образование имеет образную природу, будучи произведенным аф. *-к* от образно-глаг. основы **торсый- ~ *торсуй-*, семантически соотносительной с кирг. *борсой-*, приводимой выше; ср. также каз. *торсуй-* 'разбухать' (РСл. III, *1189*), *торси-* (< *торсый-*) 'вспучиваться; вздуваться шишкой, вздыматься бугорком' (Кайдаров, *286*: статья **тор V**).

Среди образований, родственных *торсук*, также встречаются формы, соотносительные с теми, которые проявляют родство с *борсук*. Так, в кирг., помимо *борсогой* 'кругленький...; толстячок', отмечено также *торсогой* 'толстячок'.

Наличие турк. *торсук* 'барсук' служит косвенным подтверждением правильности приводимой выше этимологии слова *борсук*.

морла- см. **моорла-**.

мортук [оъ] 'земляной холм у норы; земляной холмик'; ср. **бортук**.

моруй 'извилистый (о реке)'.

По-видимому, монголизм. Ср. монгол. *murui / муруй* 'кривой, согнутый, зигзагообразный, извилистый, направленный в разные стороны', *muruji- / муруйх* 'искривляться, кривиться; изгибаться, извиваться'. Последние, возможно, имеют связь с тюрк. основой типа *бур-* 'крутить, вертеть; кружиться' и под.; см. также образования типа *бурма* 'извилина; изгиб; вьющийся' (см.: ЭСТЯ II, *264*, *266*, а также **бырыш-**). Не вполне ясно соответствие тув. *о* монгол. *у*, что встречается лишь эпизодически и может быть обусловлено более поздними сближениями (ср. **божуу**), что не исключено и в случае с *моруй*.

мочак [оъ] **1**. 'кустистый'; **2**. 'почка растения; початок'; **мочурга** [оъ] 'сережка тополя (иногда и других деревьев)'; **мөчек** [өъ] **1**. 'крепкий, развитый (о мускулах); большой круглый (толстый, сильный)'; **2**. 'почка растения'.

Судя по наличию вариантов по рядности, указ. формы представляют собой образования, которые восходят к образным основам, передающим представление о чем-л. округлом, выпуклом. Структурно *мочак* и *мөчек* аналогичны тув. *чочак* 'округлый, комковатый...' < *чочай-* 'образовывать комки, слипаться в комки' (см. **чочак**, **чочагай**). Можно предположить существование глаг. основ **мочай-* и **мөчей-*, с которыми соотносимы кирг. *бужуй-* 'иметь вид скорчившегося, съежившегося (напр., о притаившемся зайце)', *бөжөй-* 'ежиться', *бөжөк* 'зайчонок' (последнее — определенно производное от *бөжөй-*).

В свою очередь, глаг. основы на *-й-*, подобные вышеприведенным, членимы: в них можно выделить саму образную основу (в различных фонетич. вариантах типа **боч ~ *моч* или **бөч ~ *мөч*), которая могла конвертироваться в глаг., а от последней образовались двухсложные имена, оканчивающиеся, в частности, на гласные: ср. як. диал. *бочо* 'мелкий чир (вид рыбы)', турк. *мүҗе* 'виноградина', *мүҗи* 1. 'очень маленький, крошечный'; 2. 'альчик (серны)'; кирг. *бөжө* 'птенец'[1]. Возможно, к этому же ряду относится и кирг. *бучу* 'завязка на пальто и рубашке (заменяющая пуговицу)'; (местами) 'пуговица', с которой, по-видимому, родственно *бучур* бот. 'почка' (см.: КРС, *169*), близкое по форме тув. *мичир* [иъ] 'почка растения' (ТДЭС, *37*); ср. тув. *мичий-* [иъ] ~ *мычый-* 'пухнуть, становиться пышным'.

От подобных двухсложных имен (в основном, скорее всего, с помощью аф. диминутива) произведен ряд як. форм, к которым, думается, принадлежат *бочоох ~ бөчөөх* 'маленький карась, молодь карася', *бочукаан* 'детеныш горного барана', *бөчөкө ~ мөчөкө ~ мөчөккө* 'ком, комок, колобок' (ср. также *мөчөкө* 'сердце (о животных)'), *мөчөкү ~ мөчүкэ* 'крашеная чашка' (см.: Пек. II, *1616*; ДСЯЯ, *67*, *69*, *164*). В отличие от них як. *бөчөх* 'куча' (Пек. I, *530*) имеет, по всей вероятности, другую структуру и может соотноситься с тув. *мөчек*.

Структурно из тув. форм наиболее сложна *мочурга*, у нее имеется также диал. вариант *бочурга* (см.: Доржу 2002, *33*), представляющий собой образование с аф. *-га* от глаг. основы **мочур- ~ *бочур-*, где аф. *-(у)р-* может быть либо словообр. (если производящей является именная основа **бочу*, соотносимая с *бочо*, *бөжө* и под.), либо формообразующим (если производящая — глаг. основа типа *боч-* или **моч-*). Более определенно о природе этого форманта судить трудно.

мочурга см. **мочак**.

моюн 'шея'.

Общетюрк.; отмечено в двух формах: 1) двухсложной, типа *бойун ~ мойун* и под., наиболее распространенной, старейшей (встре-

[1] В ЭСТЯ (VI, *76–77*) кирг. *бөжө*, а также *бөжөк* включены в число форм, которыми являются *мөːҗек ~ мөчек*, *бөҗе* и под. 'насекомое; червь; змея; волк' и под. и в основном считаются образованными аф. со знач. уменьшительности от основы типа тур. диал. *bö* 'насекомое, ядовитый паук, страшная тварь' или турк. диал. *бө:~мө:* 'паук', что применительно к кирг. данным, во всяком случае, выглядит спорно.

чается в памятниках X–XI вв. и в большинстве совр. языков) и 2) односложной (*бой ~ мой ~ моой* и т.п.), которая употребляется гораздо реже, характерна в основном лишь для части совр. тюрк. языков и диалектов, в памятниках почти не отмечена (за исключением некоторых поздних, в частности, чаг.). Можно также сказать, что первая форма более многозначна и у нее кроме переносных фиксируется знач. 'горло' (см.: ЭСТЯ II, *180–181*).

Удовлетворительной этимологии слово не имеет. В ЭСТЯ форма *бойун* связывается с основой *бой* 'рост', к которой присоединен уменьш. аф. *-(α)н*. Эта версия сомнительна, поскольку, в частности, указ. основа имеет фонетич. варианты с конечными *д* и *з* (см.: ЭСТЯ II, *176–178*, а также **бот**), которые у форм тюрк. названия шеи отсутствуют. Данная версия в ЭСТЯ считается применимой только к двухсложной форме, причем «не исключается, что *бойун* восходит к другой основе» (ЭСТЯ II, *181*), отличной от односложной, для которой в названном источнике устанавливается архетип **бо:н'*, но не предложено никакой этимологии.

Односложная форма в данном случае, скорее, вторична и восходит к определенным вариантам двухсложной, что первоначально предполагал и Э.В. Севортян (ЭСТЯ II, *180*) и *бойун* практически идентична или очень близка и праформе слова, которую представляют иногда в виде **bojn* или *bo:jn* (СИГТЯ Л, *233*, *234*) и в которой отсутствие гласного второго слога выглядит сомнительно и практически не обосновывается. В этом источнике, кстати сказать, отсутствует и этимология тюрк. слова. Вместо нее даются алтаистические сопоставления (включающие монгол., тунг.-маньчж., кор. и яп. данные), причем семант. мотивировка соответствующих наименований и анализ их структуры, как обычно в подобных случаях, отсутствуют, а их родство не доказывается (ср. также: Старостин, *280*).

Можно предположить, что тюрк. название шеи связано с глаг. основой **бой-*, реализуемой, в частности, в бараб. *пуй-* 'завязать (пояс)' и *пуйып сал-* 'задушить' (Дмитриева, *178*). В СИГТЯ Л, *234* в числе соответствий тюрк. *бойун* приводится (причем по той же работе Л.В. Дмитриевой) глаг. форма *пуйын-тыр-* 'задушить', где в компоненте *пуйын-* автору видится одно из соответствий имени *бойун*, а в форманте *-тыр-* — глаголообр. аф., тогда как в указ. форме прослеживается глаг. основа *пуй-* (см. выше) и соответственно аф. возвр. (*-ын-*) и каузативного (*-тыр-*) залогов.

Варианты той же глаг. основы определенно присутствуют в ног. *бойыскан* 'веревка, шерстяной поводок (для привязывания телят во время дойки)', где **бойыс-* — форма каузатива от **бой-*, а

также в як. *мойнук* (< **бой-(у)н-ук*), компоненте парного слова *тисик-мойнук* 'ремешок у переметной сумы' (Пек. II, *1583*) при *тисик* (*тиһик*) 'завязка у сумы, продеваемая из петли в петлю' (ЯРС, *386*), уйг. *мойма* 'палка с петлей для ловли птиц' (**бой-ма*).

Вероятно, ту же основу можно видеть в составе як. *мойбор ~ мойбор* (с аф. *-мар ~ -мур*) 'белая полоса вокруг шеи; белая шерсть на шее (вроде ошейника)' (Пек. II, *1581*) и в др.-тюрк. (МК) *bojmal*, зафиксированном в словосочетании *bojmal at* (с аф. *-mal*) 'лошадь с белым пятном (или 'с белой отметиной') на шее' (ДТС, *110*; МК И, *72*; ср. также: ED, *386*).

Основа **бой-* имела семантику типа 'связывать, завязывать; крепко (туго) завязывать', а также 'душить' и под., что напоминало ситуацию с тюрк. основой *бог-*..., у которой фиксируются аналогичные знач. и которая, на наш взгляд, неправомерно интерпретировалась как состоящая из двух омонимичных основ (ср.: ЭСТЯ II, *164–166* и статью **бог-** наст. издания). Возможно, **бой-* и *бог-* родственны между собой, хотя характер их связей пока не вполне ясен.

Б.Я. Владимирцов отмечал в монгол. языках формы вроде п.-монг. *бóуі-ті ~* ойр. *бóуі-ті* 'петля аркана, набрасываемая на шею животного' > монг. *боёмі*, калм. диал. *мӧ-мї* то же, возводимых им к праформе **бóγї-тї* и сравниваемых с монг. *моё-нӧк* 'с толстой шеей, толстошея' (Владимирцов. Ср. грамматика, *277*). К кругу возможных соответствий могут быть добавлены, с одной стороны, бур. диал. *боймо* 'петля' (БурРС, *98*) (ср. также уйг. *мойма* с указ. выше семантикой), а с другой — монг. *бойнок ~ мойног* 'подгрудок' и соответствующие тюрк. формы (ср. **мойнак**).

Вместе с тем интересно отметить, что приводимые выше по указ. труду монгол. формы Б.Я. Владимирцов сопоставлял также с монг. диал. *богул* 'петля аркана', п.-монг. *боγú-ті* то же (< **боγу-тї*), а последние — с тюрк. формами, в состав которых включены др.-уйг. *боуї-н*, як. *мойу-н* 'шея'[1], тур. *боγ-* 'удавить, задушить' и под. и тунг.-маньчж. названиями шеи типа маньчж. *mongγon* и его соответствиями, приводимыми и другими исследователями-алтаистами (ср.: Старостин, *212*, *280*). Замыкает перечень приводимых Владимирцовым соответствий монг. *бӧ-* < п.-монг. **боγи-* 'удушиться' (< **боγù-*).

Таким образом, в тюрк. формах названия шеи вычленялась основа (глаг.) *боуї- ~ мойу-* и формант *-н* (очевидно, аф. отглаг. образования). Указ. основа, в свою очередь, возводилась к мон-

[1] Приводимое членение тюрк. форм произведено Б.Я. Владимирцовым.

гол. (праалт.?) *бóγї ~ боγú-*... или, по крайней мере, сопоставлялась с последним. Можно сказать, что Б.Я. Владимирцов довольно близко подошел к реальной этимологии рассматриваемого здесь тюрк. слова, для которого более вероятной является односложная производящая глаг. основа **бой-* с указ. семантикой, сопоставимая в первую очередь с односложной же тюрк. основой *бог-* и, возможно, представляющая собой вариант последней.

Думается также, что заметная общность тюрк. и монгол. форм, в частности, здесь не является результатом родства друг с другом соответствующих языковых семей, а есть следствие заимствования, в основном тюрк. > монгол.

Структурно **бой-ун* 'шея' практически идентично тюрк. *богун* (<**бог-ун*), где основа — *бог-* 'связывать (вместе); затягивать', означающему 'сустав, сочленение' и под. Другие морфол. варианты указ. имени — *бог-ум* и образования с иными аф. (см.: ЭСТЯ II, *170–171*). Отметим, что Б.Я. Владимирцов включил в число тюрк. соответствий, приводимых выше, тур. *боγ-ит* в знач. 'шейное кольцо, узел' (явно по РСл.). Если продолжить сопоставление этих форм, то с точки зрения семант. мотивации тюрк. название шеи может быть осмыслено как 'связующее звено; то, что связывает (в данном случае — голову с туловищем)'. Так определяется, напр., первичное знач. рус. *шея* (см.: Шанский и др., *510*; ср. также: ОШ, *895*).

Судя по ранее рассмотренным данным, тюрк. название шеи первоначально связывалось с представлением о такой части тела, которая являла собой своего рода узкое место, сужение между чем-л. (к примеру, между головой и плечами; судя по бараб. *пуй-* 'завязывать (пояс)', таким местом могла быть и талия). В таком случае *бойун*... семантически близко тюрк. названию другой части тела: имеется в виду *богаз ~ богуз* 'горло, глотка' (см. **боостаа**) и, по-видимому, неслучайно у части соответствий *боюн* отмечалось появление знач. 'горло' (см. выше).

моюндурук 'ворот, воротник, воротничок'.

В тодж. диалекте слово отмечено в форме *мойдурук*, которая считается стяженной, возникшей из *моюндурук* в результате выпадения слога (Чадамба 1974, *52*), что, скорее всего, не соответствует действительности (см. ниже).

Соответствия слова имеют практически общетюрк. характер и встречаются в двух формах: 1) с основой *бойун* (> *мойун*) типа *бойунтурук* и под., которые наиболее распространены в совр. тюрк. языках, зарегистрированы в ряде памятников и довольно многозначны: основное знач. — 'ярмо', отмеченное, почти повсеместно, кроме тув. и с.-югур., для которых (и только для них!) характерно знач. 'ворот(ник)'; есть также ряд других знач. в единичных источниках; 2) с основой *мой* типа *мойтурук* и под., известные только в тюрк. языках и диалектах Сибири и практически однозначные: в основной части источников (кроме як. языка) они имеют знач. 'ворот(ник)' (ЭСТЯ II, *182*). Варианты второй формы фиксируются только с начальным *м* (вторичным), тогда как варианты с начальным *б* (более древние) у *мойтурук* отсутствуют. Кроме того, тув., по-видимому, единственный среди тюрк. языков Сибири, в котором отмечена форма с основой **бойун*. Наличие этой формы (в варианте *моюндурук*) может являться свидетельством связи тув. языка с др.-тюрк. памятниками.

В ЭСТЯ указано, что две указ. выше формы образованы от разных основ: *бойун ~ моюн*... и *мой ~ мон*', обозначающих шею, с помощью аф. *-турук* (ЭСТЯ II, *182*). Вторая основа представляет собой вторичный вариант первой (см. **моюн**) и частично сохранилась лишь в качестве компонента *мойтурук*... (ЭСТЯ II, *180*). Об аф. *-турук*, образующем имена от именных основ со знач. части тела, см.: ЭСТЯ II, *182–183*; Щербак 1977, *107*. См. также **салдырык**.

мөг- 'становиться на дыбы, брыкаться, стараясь сбросить седока или груз (о необъезженном коне, быке); подпрыгивать, трепыхаться; бурлить; трясти (при езде по неровной дороге)'.

Ср. соответствия типа *мөң-* (характерного в основном для памятников) и *мөх-* (як.) с семантикой 'вставать на дыбы; кидаться из стороны в сторону' и под. (ЭСТЯ VI, *79–80*). В указ. источнике (как и в других) этимология основы отсутствует, приводится только перечень форм и знач. и отмечается «любопытное соответствие ауслаутных *ң ~ г ~ х*».

Кроме того, указаны двухсложные соответствия глаг. основы *мөң-*... типа *мөңкү- ~ мөкү- ~ мукү-*, семантика которых в основном идентична с односложной основой.

Можно предположить, что исходная основа (с ее вариантами) имеет образную природу и связана с передачей резкого движения. Односложные варианты типа *мөң-* — результат конверсии образной основы в глаг., а двухсложные представляют собой аф. образования от подобной основы (см.: Кайдаров, *261–262*)[1].

мөг- дывыла- см. **мөг-**.

См. также **дывыла-**.

[1] В связи со сказанным отметим, что кирг. *мөңкү-* 'становиться на дыбы' и под. сопоставлялось К.К. Юдахиным с *жөңкү-* 'двигаться так, как двигается человек или животное на крутом спуске; взбрыкивать на ходу...' (КРС, *265* и *535*). Очевидно, *мөңкү-* и *жөңкү-* одноструктурны.

мөге [өъ] *фолькл.* ‘силач, богатырь’; *спорт.* ‘борец’.

Соответствия типа *бөке ~ буке ~ бөгө ~ мөкө...* широко распространены в памятниках, сиб. тюрк. языках, отмечены в тур. диалектах и некоторых других источниках в знач. ‘сильный; смелый, храбрый’, а также ‘силач, борец, герой’ и т.п.

В свою очередь, тюрк. формы имеют монгол. соответствия типа п.-монг. *böke*; монг. *бөх*, калм. *бөк...*, у которых при этом отмечается только субстантивная семантика типа ‘силач, борец’ (см., в частности: ЭСТЯ II, *212*), хотя в указ. языках есть и соответствующие им адъективы. Последние иногда считаются омонимами к первым, хотя здесь явно присутствует лексико-грам. варьирование: ср. п.-монг. *böke* ‘сильный, крепкий’, монг. *бөх* ‘прочный, крепкий’, калм. *бөк* ‘крепкий, сильный, могучий’, а также бур. *бухэ* 1. ‘крепкий, прочный’; 2. ‘силач, борец’. При этом, естественно, первичной следует считать семантику качественных прил.

Характер тюрко-монгол. связей в данном случае исследователи представляют по-разному. Одни из них (в частности, алтаисты) рассматривают тюрк. и монгол. формы как гомогенные, а другие считают тюрк. формы монголизмами, против чего возражал Г. Дёрфер, ссылаясь на их употребление в древних текстах, что вызвало определенное сомнение у Э.В. Севортяна, констатировавшего, что «*бөке* раньше XI в., кажется, не встречается» (ЭСТЯ II, *212*).

Высказывается и мнение о том, что, напротив, монгол. слово заимствовано из тюрк. языков, хотя при этом признаётся, что этимология тюрк. слова неясна (СИГТЯ Л, *561*). К тому же, в части тюрк. языков соответствия *бөке* могут представлять собой вторичное монгол. заимствование, как это, по мнению В.И. Рассадина, имеет место в случае с алт. *бөкө* и тув. *мөге* ‘борец, силач’. Исследователь полагает, что ему в данном случае удалось уточнить монгол. характер слова, хотя в др.-тюрк. памятниках были представлены сходные формы, в частности *bek* ‘крепкий’ и *beki ~ begi* ‘герой’ (Рассадин. МБЗ, *5*). Однако при этом остается неясным, как решается вопрос о происхождении других тюрк. форм, более близких по своему облику к монгол., и, в частности, являются ли, напр., монголизмами др.-тюрк. *böge ~ böke* ‘герой; силач, богатырь’, тур. диал. *böke*, *büke* ‘сильный, атлетического сложения’ и под., приводимые, в частности, в словаре Э.В. Севортяна.

Вместе с тем В.И. Рассадин не без оснований сближает монгол. формы с указ. др.-тюрк., в том числе с *bek*, означающим ‘крепкий’, поскольку между этими формами прослеживается бесспорная общность и есть все основания полагать, что как раз подобное знач. было первичным и для тюрк. *бөке...* (ср. также монгол. *böke / бөх* ‘крепкий, прочный’...).

Кстати, др.-тюрк. *begi* ‘герой’ (а также ‘муж, супруг’) приводит в рассматриваемой нами статье и Э.В. Севортян, который, помимо этого, включил в анализируемый им материал и караг. (=тоф.) *behei* ‘крепкий, твердый’ (по М. Кастрену; ср. тоф. *беъһей* ‘крепкий, прочный’), отметив ту же семантику и у як. *бөгө*, но, оговорившись, что это знач., возможно, следовало бы связать с *бек* ‘крепкий’ ~ *бек-* ‘укрепляться’ (ЭСТЯ II, *211–212*).

Добавим, что с теми же основами гомогенно и др.-тюрк. *begi* (~ *beki*), а последнее определенно родственно с общетюрк. *бег* ‘глава рода, господин’ и под. (см.: ЭСТЯ II, *97 и след.*), которое мы, в свою очередь, считаем производным от глаг. основы **бе-* ‘быть крепким, сильным...’ (см. **бег**, **бек**).

В тюрк. языках имеются также формы, семантически сходные с *бек* и *бек-* (с указ. знач.) и, вероятно, одноструктурные с ними, в которых на месте *-е-* отмечен гласный *-ө-*: ср., напр., алт. диал. *пөк* ‘заключенное место (?); забор; укрепление, запор; тюремное заключение’ (ГАЯ, *241*), др.-тюрк. *bök* ‘ограда, запор’ (?) (ДТС, *117*) и др.-уйг. *пөк-* (*бөк-*?) ‘укреплять’, ср.-тюрк. *bük-* ‘загораживать, запирать’ (см.: РСл. IV, *1229*; EW, *83*; ЭСТЯ II, *211*: статья **бөк-**).

В основном подобные основы, имеющие также варианты *бөг* и *бөг-*, означают соответственно ‘запруда, засов, затычка; темница, тюрьма’ и ‘перегораживать / перекрывать’, а также ‘становиться помехой, преградой’ и под.; см. также **бөгле-**, **бөөшкүн**.

Рассматривая указ. и подобные им языковые данные, Э.В. Севортян констатировал, что «в тюрк. языках имеются параллельные односложные основы *бөг ~ бөк* и *бөг- ~ бөк-*..., различающиеся конечными *-г* и *-к*, которые, по-видимому, свидетельствуют о производности этих основ; *-г ~ -к* представляют собой не фонетическое, а морфологическое явление (отглагольно-именные аф. *-к ~ -г*)» (ЭСТЯ II, *209*). Таким образом, можно говорить об исходной основе **бө-*, сопоставимой с **бе-*, приводимой выше?

В статье ЭСТЯ не указана семантика этих односложных основ; она приводится у их реконструкций в списке, заключающем словарь: **бөг / *бөк...* ‘перемычка, плотина’ ~ *бөг- / бөк-* ‘запруживать’ (ЭСТЯ II, *315*). Вместе с тем в этих знач., а также в семантике приводимых выше именных и глаг. основ более или менее четко прослеживаются компоненты ‘крепкий’ и ‘укреплять(ся)’.

Основы *бөк* и *бөк-*, возможно, представляют собой варианты основ *бек* и *бек-*, о которых говорилось ранее. Во всяком слу-

чае, здесь связь между глаг.-именными парами выглядит более убедительной, нежели у первой из них с *бог* ‘узел’ ~ *бог-* ‘связывать’, гомогенность между которыми допускалась Э.В. Севортяном, считавшим возможным наличие у *бөг ~ бөк* также варианта *бек* (см.: ЭСТЯ II, *209–210*, *315*).

Если допустить существование у **бөк-* знач. ‘укрепляться, быть / становиться крепким’, то тюрк. *бөке* < **бөк-е*. В таком случае объяснимо и наличие звонкого *-г-* в др.-тюрк. *бөге*, которое, вероятно, связано с указ. основой в варианте **бөг-*.

Близкая к первоначальной семантика тюрк. *бөке*, по-видимому, сохраняется в материалах як. языка, где *бөгө* означало ‘крепкий, твердый; сильный, мощный...’ (Пек. I, *514–515*), а согласно совр. источнику — ‘крепкий (в частности, о ткани)’ (ЯРС, *77*). В як. имеются также образования, родственные *бөгө*, типа *бөгөс* ‘борец, силач’ (Там же, *78*) и *бөгөх*, у которого фиксируется семантика ‘крепкий духом, неунывающий’ (Бётлингк, *595*) или ‘силач, крепач’ (‘крепыш’?) (Пек. I, *516*). Обе эти формы связывались Э.К. Пекарским с *бөгө*, но, скорее, они произведены от той же глаг. основы, что и *бөке* (> *бөгө*).

С *бөгөх*, вероятно, родственно (а не омонимично, как это считается!) и як. *бөгөх* ‘браслет’ (т.е. ‘то, что прикрепляется, крепится’?).

Интересно, что в як. языке имеется также неогубленный вариант *бөгө — бигэ* ‘крепкий’ (в прямом и перен. смысле) (ЯРС, *61*; Пек. I, *459*); ср. диал. *бигэ таңах* ‘крепкая ткань’ (ДСЯЯ, *61*). *Бигэ* относится к исконно тюрк. словам (см.: Попов. ЭС 1, *133*).

С **бөк-* гомогенна другая, широко распространенная тюрк. глаг. основа *бөк-* ‘насыщаться, наедаться; объедаться, переедать’ (ср. **пөк-**), у которой есть и именное соответствие *пөк* ‘насытившийся, сытый’, которое М. Рясянен сопоставлял, в частности, с др.-уйг. *bök-* ‘укреплять’, причем, как считал Э.В. Севортян, оставлял свое сопоставление без аргументации (см.: ЭСТЯ II, *211*).

Учитывая, что у соответствий **бөк-* отмечается семантика типа ‘собирать, концентрировать’ и **‘быть крепким’, логично представить у этой основы также знач. ‘быть или делать плотным, плотно набивать’, на основе чего, в свою очередь, реально появление семантики ‘плотно закусить, наесться’ и т.д. Ср. **дыгы-, дыка**.

Отметим, что у як. *бөгөх* ‘крепкий, бодрый духом...’, о котором уже говорилось, отмечается также и семантика ‘сытый, довольный’ и его логично считать родственным, в частности, кирг. *бөкөк* ‘то, что имеется вдоволь’, возводя и як., и кирг. формы к *бөк-* ‘наедаться’ (Попов, *97–98*).

мөгеже, пөгеже ‘решетка большого обруча в дымовом отверстии юрты’.

Ср. чув. *пӗкече ~ пӗкӗчӗ* (< *пӗкӗ* ‘дуга’) ‘дужка, дугообразный шест, на который вешают зыбку; вязовое или дубовое кольцо у бороны или на конце веревки; деревянные поперечные дужки, на которые стелется лубяная крыша телеги’, сопоставляемое, в свою очередь, с тат. *бөгәҗә* (без перевода; ср. тат. диал. *бөгәлҗә* ‘кольцо (деревянное); полукруг, полукольцо’: ТатРС, *92*); аф. *-ча...* считается одним из тюрк. диминутивов (Федотов III, *23*).

В ЭСЧЯ, *155* даются чув. *пӗке* ‘дуга’ (принадлежность упряжки) и его уменьш. форма *пӗкечӗ* ‘дужка (замка́)’; *пӗке* < *пӗк-* ‘гнуть’ (ср. **мөктүрге**, а также **бүк-**).

Вместе с тем слово в указ. форме для тюрк. языков, по-видимому, малохарактерно; соответствие тув. *мөгеже* чаще встречается в монгол. языках: ср. п.-монг. *bögeǰi* ‘скоба, скобка для соединения расколотого, расщепившегося’, монг. *бөгж* ‘кольцо, перстень; скоба, хомутик; обруч; муфта’ (техн.), калм. *бөгж* ‘скоба, двойной крючок’; уст. ‘кольцо, колечко’, бур. *бүгжэ* ‘скоба, скобка, кольцо; пробой’ (см. также: ЯМВМ, *125*). Монгол. форма, вероятно, имеет тюрк. происхождение.

Тув. *мөгеже ~ пөгеже* — скорее всего, монголизм, в котором может иметь место специализация знач. (результат метонимического переноса наименования по признаку смежности в пространстве?). См. также **мөгей-, мөген**.

мөгей- [өъ] ‘становиться сутулым, сгорбленным; кланяться кому-л.’; *перен.* ‘преклоняться перед кем-чем-л.’; **мөген** [өъ] ‘горб’.

Ср. як. *бүгүй-, бөкүй*, алт. *бөкөй-* и др. ‘гнуться, горбиться, сутулиться...’ (ЭСТЯ II, *292*), а также алт. *пөкөн* ‘согнутый, кривой’, бараб. *мөгөн* ‘кривой, горбатый’, алт. (туба) *мөкөн* ‘наклонный, кривой’, хак. (кач.) *пөгүн* ‘горб верблюда’ (РСл. IV, *1299*, *1301*), як. диал. *мөгүөн* ‘загривок’ (ДСЯЯ, *162*).

По поводу тув. *мөгей-* и его соответствий Э.В. Севортян отмечал, что они принадлежат тюрк. языкам северо-вост. группы и относил эту форму к глаг., образованным аф. *-(α)й-* в подражат. знач. от именной основы *бүк* ‘сгиб; согнутый...’ (ЭСТЯ II, *292*).

Севортян фактически констатировал наличие у *мөгей-...* монгол. соответствия типа п.-монг. *bökeǰi-*, монг. *мөхийх* и под., означающие ‘сгибаться...’, которые им, вслед за Г. Рамстедтом, сопоставлялись с тюрк. *бүк-* ‘гнуть, сгибать...’ (Там же; см. также **бүк-, бүк**). М. Рясянен относил тув. *мөгей-* и его хак. соответствие *мөкей-* к числу монгол. заимствований (EW, *341*). Такова же трактовка шор. *мүкей-* ‘наклоняться’[1] и як. *бөкүй-* (Рассадин.

[1] Ср. также шор. *мөккей-* ‘кланяться’ (ШРС, *33*).

МБЗ, *46*, *75*), однако убедительных доказательств монгол. происхождения рассматриваемой глаг. формы нет.

М. Рясянен считал монгол. по происхождению и тув. *мөген* (EW, *341*), что также допустимо: ср. монгол. *bökü(n)* / *бөх(өн)* ‘горб (у верблюда)’; уст. ‘утолщенное предплечье женской одежды’ (БАМРС I, *277*). В ЭСТЯ эти монгол. формы рассматриваются как соответствия тюрк. *бүкүр…* ‘горб…’, причем отмечается, что «различие между тюрк. и монгол. формами — в словообразовательном показателе при идентичности производящей основы» (ЭСТЯ II, *293*). Но для монгол. языков вариант глаг. (производящей) основы типа *бүк-* ~ *бөк-* нехарактерен, тогда как в тюрк. языках от нее (с помощью аф. *(α)н-*) имя типа **бөкүн* ~ *бөкен* вполне могло быть образовано. О том же свидетельствует и адъективная семантика ‘кривой, горбатый’ и т.п. у части соответствий *мөген*, которая, вероятно, старше монгол. субстантивной.

В части случаев и субстантивные знач. тюрк. формы довольно далеки от монгол. ‘верблюжий горб’ и, вероятно, не являются результатом его переосмысления: ср., напр., чалкан. *пөгөн* ‘могила’ (видимо, первоначально ‘могильный холм’?). Может не быть монголизмом и як. *мөгүон* ‘загривок’. Наиболее вероятно монгол. происхождение хак. *пөгүн* ‘горб верблюда’ и тув. *мөген*.

мөген см. **мөгей-**.

мөгүде- ‘сильно волноваться, теряться; быть в состоянии агонии (о больном)’.

По всей вероятности, монголизм. Ср. монгол. *mökü̈de-* / *мөхдөх* ‘обеднеть, оскудеть, обнищать, быть бедным, жалким, скудным, не иметь самого необходимого’, монг. *хүч мөхдөх* ‘ослабевать’, которые, в свою очередь, родственны с монгол. *mökü-* / *мөхөх* ‘уничтожаться, гибнуть; отживать, отмирать; угасать, потухать’ и *mökü̈s* / *мөхөс* ‘слабый, слабосильный, жалкий…’[1] (см.: БАМРС II, *351*, *352*).

Возможно, существовала и именная монгол. основа, соотносительная с *mökü-…* типа **mökü* ‘плохой’ и под., на что может указывать як. *мөкү* ‘плохой…’ (ЯРС, *243*) или, по другому источнику, ‘отвратительный, скверный, гадкий…’ (Бётлингк, *613*, где содержится также сопоставление этой формы с п.-монг. *mauи* и *muuqai* ‘плохой’, с которым трудно согласиться: ср., в частности, **моо**). Монгол. *mökü̈de-…*, по всей вероятности, и образовалось (аф. *-de-*) от основы типа **mökü*.

[1] Монгол. *mökü̈s…*, в свою очередь, заимствовано некоторыми тюрк. языками Сибири: ср. хак. (саг.) *мөгүс* ‘слабый’ и под. (EW, *341*).

Тув. *мөгүде-* (отмечен также вариант *мөгеде-*) представляет собой заимствование, семантика оригинала которого претерпела заметные изменения. Подобные семант. отличия прослеживаются и в других монголизмах тув. языка со знач. характеризующего (оценочного) типа (ср., напр., **мирит**).

В семант. отношении тув. *мөгүде-* ~ *мөгеде-* можно сопоставить с алт. (тел.) монголизмом *мөкүде-* ‘беднеть’, сохранившим знач., более близкое к монгол. прототипу (см.: РСл. IV, *2129*; EW, *341*).

Не исключено, что монгол. формы в данном случае имеют тюрк. происхождение: ср., напр., кирг. *мөгдө-* ~ *мөгө-* ‘сильно натрудить ноги; ослабеть, быть не в состоянии двигаться’, *мөгдүрө-* ‘обессилеть, ослабнуть’ (КРС, *534*).

мөдү см. **меди**.

мөзү I [өъ] ‘поведение, характер; нрав, норов; качество, прочность (ткани); сорт, вид’.

По-видимому, монголизм. Ср. монгол. *tösü* / *мөс*, реализуемое в сочетаниях типа монг. *хүний мөс* ‘качество человека, совесть’, (*хүний* — форма род. п. от *хүн* ‘человек’) (см.: Цэвэл, *346*; БАМРС II, *351*).

мөзү II, **мөзүн** [өъ] ‘лед’; **мөзүн чигир** [өъ-иъ?] *диал.* ‘леденец’ (ЦУ, *152*).

В отличие от **дош** (см.) указ. название льда встречается довольно редко и в основном в фолькл. текстах. Оно является монголизмом: ср. монгол. *tösü(n)* / *мөс(өн)* ‘лед, льдина’.

В речи кобдоских тувинцев (Западная Монголия) отмечено наименование сладости *мөзүн чигир*, которое также имеет монгол. происхождение и восходит, по всей вероятности, к монг. *мөсөн чихэр* ‘леденец, леденцы, монпансье’ (БАМРС II, *351*), что в букв. переводе означает ‘ледяной сахар’ (ср. рус. *леденец*); см. также **чигир**.

мөзүн см. **мөзү II**.

мөзүн чигир см. **мөзү II**.

мөктүрге [өъ] ‘гребень (напр., волны); утолщение чего-л.’

Ср. тув. *бөктүр* [өъ] ‘холм, бугор’, др.-тюрк. *büktir* ‘возвышенность; скалистая вершина горы’ (ДТС, *132*), кирг. *бөктөр* ‘холмы (главным образом, в предгорьях)’ (КРС, *151*), каз. *бөктер* ‘косогор, склон; подножие горы’. В каз. языке отмечен также вариант *бөксер*, семантически идентичный *бөктер*; считается, что с этими именными формами связана глаг. основа с семантикой ‘вьючить, приторачивать’ (см. также **бөктүр-**).

К родственным с указ. формами отнесено также *бөксе* ‘зад, часть тела ниже талии’. У всех этих образований восстанавли-

вается общая основа *бөк* ‘нижняя боковая сторона’ (Кайдаров, *196*), что не выглядит достаточно убедительным, как и сближение друг с другом указ. именных и глаг. основ, последние из которых едва ли имеют отношение к *бөктер* и *бөксер*.

Что касается гомогенности форм *бөксе* с названными именными формами, то она не вызывает сомнения, но исходная основа **бөк* определена явно неточно. Во-первых, она должна быть, скорее, глаг., нежели именной, во-вторых, ее лексическая семантика должна быть также иной. Этой основой является, вероятно, *бөк- ~ бүк-* ‘гнуть(ся), сгибать(ся)’, которая прослеживается в названиях частей тела и других реалий, имеющих округлую форму: см. **бөске**, **бөскек**, **бүге**, **бүк-**, **бүк**. Ср. кирг. *бөк-* ‘припасть ничком к земле; опуститься на колени для случки (о верблюде)’ (КРС, *150–151*), и именное соответствие этого глаг. — *бөк*, обозначающее холм, возвышенность и наряду с *бөгө* спинку альчика, а также кирг. соответствие каз. *бөксе*, а именно *бөксө* ‘бок, боковая сторона туловища’ и ‘предгорье’ (Там же, *151*).

У приводимых тюрк. слов имеются монгол. соответствия или, по крайней мере, близкие по звуковому облику и семантике формы типа *böge / бөг* ‘наружная сторона таранной кости, бабки; спинка бабки’, *bögse / бөгс* ‘зад, нижняя сторона тела, задняя часть чего-л.; конец, завершение, окончание’, *bögtüji- / бөгтийх* ‘нагибаться, сгибаться; горбиться; склоняться (почтительно)’, *böytür / бөгтөр* ‘горбатый, сгорбившийся, сутулый’ (ср. *бөгтөр гүүр* ‘горбатый мост’), *bögtürgene / бөгтөргөнө* бот. ‘круглоспинник’ и под. (БАМРС I, *270*, *271*) (см. также **мөгеже**). Среди этих форм есть, по-видимому, тюркизмы, которые были затем заимствованы снова частью тюрк. языков (типа *bögse*).

Тув. *мөктүрге* (< **бөктүрге*), скорее всего, не относится к монголизмам: это может быть образование в конечном счете от именной (**бөк*) или глаг. (**бөк-*) основы вроде тех, которые приводились выше. Непосредственно **бөктүрге* произведено (аф. *-ге*) от вторичной глаг. формы **бөк-түр-*, в свою очередь образованной от **бөк* или **бөк-*. Соответственно *-түр-* — глаголообр. или формообр. аф. (в последнем случае — каузатива). **Бөктүр-* имеет именное соответствие типа др.-тюрк. *büktir* и под. (см. выше) и знач., подобное ‘изгибать(ся)’ или ‘быть / делать что-л. (о)круглым, выпуклым’.

Структурно к тув. *мөктүрге* ближе всего каз. *бөктергі* (диал. *бөктерге*) ‘копчик’ (Аманжолов, *368*), *бөктөргө* ‘маленькая хищная птица серого цвета, величиной с курицу’ (РСл. IV, *1695*), кирг. *бөктөргү* ‘камышовый или болотный лунь (самка); молодые птенцы других луней’ (КРС, *151*); ср. также монгол. *bögtürgene…*

мөкүл см. **мокулчак**.

мөкүлчек см. **мокулчак**.

мөкшү- ‘осуществляться, сбываться; идти на лад’.

Обычно употребляется в сочетании со словом *мөрү* и входит в состав выражений типа *Чоруу чогузун, мөрүзү мөкшүзүн!* (ТСТЯ) ‘Пусть его поездка будет счастливой, пусть его дело идет на лад!’ (см. также: АА *91*, *217*).

Слово *мөрү* (*мөр*) в тув. языке означает ‘судьба, доля; счастье, удача’, но может иметь и знач. ‘дело, занятие’: см. **мөрү I**. Оно связано происхождением с монгол. *mör / мөр* ‘след, путь, дорога’ и под.; монгол. происхождение имеет и глаг. основа *мөкшү-*, прототип которой по своей семантике далек от этой основы: ср. монгол. *mösgi- / мөшгөх* ‘выслеживать, идти по следам’; та же семантика выражается и словосочетанием типа монг. *мөр мөшгөх* (БАМРС II, *354*), в тув. языке переосмысленным.

мөлдү-калды [өъ-аъ], **мөлдүк-калдык** [өъ-аъ] **1**. ‘трудный, тяжелый’; **2**. ‘с трудом, кое-как; только, лишь’; **мөлдүргей** [өъ] ‘ненадежный; слабый’; **мөлдүртүр** [өъ] ‘кое-как’.

Ср. монгол. *möltü / мөлт* ‘вскользь; совсем, совершенно, вон’; *qaltu / халти*, *хальт* — частица, обозначающая мгновенные, быстрые действия; ‘мимолетно’; монг. *хальт мөлт ~ халти мөлт* ‘кое-как; небрежно, второпях, как-нибудь; поверхностно, вскользь’ (БАМРС II, *344*; IV, *28*), а также як. *халты* ‘вскользь’; *мүлтү*, *халты-мүлтү* ‘чуть-чуть не…, едва не…’, относимые к монгол. по происхождению (Рассадин. МБЗ, *76*).

Едва ли можно уверенно сказать, что такое же происхождение як. *мөлтөх* ‘слабый, немощный, вялый’ < *мөлтө- ~ мөлтүө-* ‘ослабевать, изнемогать, обессилевать’ (Пек. II, *1607*, *1608*). Указ. глаг. основу Э.К. Пекарский сопоставлял с алт. (тел.) *молдо* ‘слабый, негодный’ (по РСл.); ср. также як. *мөлтүр-* [‘быть хилым’]?, *мөлүөр-* ‘уменьшаться в объеме (о стоге сена) или толщине (о снеге)’ (Пек. II, *1608*).

С як. *мөлтөх* и родственными с ним формами сопоставимо каз. *мүлтік* ‘недостаток; неполадки’ (КазРС, *247*), которое, вероятно, гомогенно с каз. *мүлт* ‘осечка, ошибка; промах’ (см.: Кайдаров, *262*). В каз. и кирг. языках прослеживается также образная основа *калт*, передающая ощущение колебания, дрожи, неустойчивости (см., напр.: Кайдаров, *238*); ср. также кирг. *калтыр* ‘колеблющийся’, *калтыкта-* ‘дрожать, трястись, суетиться, теряться, растерянно метаться’, каз. *калт-култ* ‘едва-едва’. Правда, парных слов типа монгол., а также тув. и як. в других тюрк.

языках обнаружить не удалось, но таковые возможны, о чем свидетельствует, напр., кирг. *мелт-калт*, внешне сходное с *мөлду-калды* и под., хотя, вероятно, и не родственное с ними: ср. кирг. *мелт-калт куй-* ‘налить до краев’ (КРС, *523*).

Тюрк. и монгол. языки в целом обнаруживают заметную общность словоформ рассматриваемого круга, которая едва ли может быть лишь результатом одностороннего, исключительно монгол. влияния: здесь допустимо и обратное воздействие тюрк. языков на монгол.

Что касается тув. материалов, то здесь может иметь место своего рода переплетение заимствованных и исконно тюрк. форм: *мөлду-калды*, судя по его облику, скорее, монголизм, но в его варианте *мөлдүк-калдык* это труднодоказуемо. Может быть, не случайно у этого варианта отсутствует непосредственное монгол. соответствие и обнаруживается таковое в тюрк. языках.

Тув. *мөлдүргей* близко по форме с монгол. *möltürkei / мөлтөрхий* ‘невнимательный, небрежный, легкомысленный’ и считается его омонимом, словом с семантикой ‘скользкий, неуловимый’ (связь между которыми, думается, существует) (БАМРС II, *344*). Тув. слово — скорее всего, монголизм, претерпевший определенные смысловые изменения.

В то же время к числу заимствований из монгол. языков, очевидно, не может быть отнесено нар. *мөлдүртүр* ‘кое-как’, в котором выделяется образующий подобные формы аф. *-тур*. В основном с его помощью производятся нар. от глаг. основ (см.: ИП, *426–427*), среди которых монголизмы не наблюдаются. В данном случае предполагаемая производящая основа может быть представлена в виде **мөлтүр-* и она вполне сопоставима с як. *мөлтүр-*, приводимой выше.

мөлдүк-калдык см. **мөлдү-калды**.

мөлдүргей см. **мөлдү-калды**.

мөлдүртүр см. **мөлдү-калды**.

мөлчү- [өъ] ‘эксплуатировать, угнетать кого-л.; обирать, обсчитывать кого-л.; выигрывать в азартной игре’; **мөлчүгдел** [өъ] ‘эксплуатация, угнетение; обирание, обсчет кого-л.’; **мөлчүкчү** [өъ] ‘эксплуататор; спекулянт’; **мөлчүлге** [өъ] см. **мөлчүгдел**.

Монголизмы. Ср. монгол. *mölǰi- / мөлжих* ‘глодать, обгладывать, обгрызать; эксплуатировать; захватывать, присваивать, вымогать’, п.-монг. *mölǰigdel* ‘эксплуатация’ (ЧР, *434*); *mölǰigči* ‘эксплуатирующий; эксплуататор’ (Там же, *435*), монгол. *mölǰilge / мөлжлөг* ‘эксплуатация’. Тув. формы — поздние заимствования; в них неясна причина появления фарингализации.

Вместе с тем В.М. Иллич-Свитыч реконструировал алт. праформу глаг. основы, исходя из монгол. **mölǰi-* ‘глодать, грызть’ и возводя последнюю к исходной форме **möl-di* (Иллич-Свитыч 1976, *70*).

Отметим, что указ. монгол. основа, скорее всего, имеет изобразительную природу. В тюрк. языках встречаются варианты **mölǰi-*..., близкие к последней, но, возможно, не относящиеся к монголизмам, а, наоборот, являющиеся образцами для монгол. формы: ср., в частности, каз. *мужі- ~ мужы-* ‘обглодать (о кости)’, в первом из вариантов которого вычленяется основа **муж*, но ее знач. не приводится (Кайдаров, *262*).

мөлчүгдел см. **мөлчү-**.

мөлчүкчү см. **мөлчү-**.

мөлчүлге см. **мөлчү-**.

мөнделе ‘детеныш сурка, не достигший годовалого возраста’.

Ср. алт. (тел.) *мөндөлө* ‘сурчонок (сурок-детеныш)’ (РСл. IV, *2131*). Алт. и тув. варианты возводятся к монгол. *möndöl* то же (со ссылкой на Ст. Калужиньского и Н. Поппе) (EW, *341*); ср. также кирг. *мөндөлөй* ‘мышонок’.

В принципе они (как и кирг.) действительно могут иметь монгол. происхождение, но в них не вполне ясно появление конечных гласных (в кирг. — сочетания *өй*), отсутствующих в монгол. *möndöl / мөндөл*, хотя существовал и монгол. вариант слова с конечным гласным: ср. бур. *мундэли* в ЯФНС, *112*. Возможно, подобный вариант был распространен шире и с ним как раз реально связать *мөнделе* и его указ. тюрк. соответствия.

По-видимому, происхождение рассматриваемых названий детенышей связано с представлением о чем-л. округлом и с соответствующими образными формами типа монгол. *möndüji- / мөндийх* ‘иметь округлую форму’; ср. также тув. *мөндүй-* ‘появляться в виде капель; становиться полным, пухлым’, *мөндүгүр* ‘мягкий, округлый; полный, налитой; опухший, отечный’, *мөндүң* ‘круглый, шарообразный’.

Тот же признак лежит в основе названий града: см. **долу**, **мөндүр**.

мөндүр см. **долу**.

мөң I см. **моң**.

мөң II ‘да; правильно’; **мүн II 1.** ‘приемлемый, справедливый’; **2.** ‘справедливо, правильно’; **мүн III** ‘тот, тот самый, упомянутый’.

Монголизмы. Ср. монгол. *mön / мөн* 1. ‘да, правильно, действительно’; 2. ‘правильный, истинный, настоящий’; 3. ‘тот, тот же, такой же, именно такой же, опять, также’ (БАМРС II, *344*), калм. *мөн*, бур. *мүн* с теми же знач. При этом обращает на себя внимание то, что *мөн...* как указ. мест. (‘тот...’) и как слово одобрения и согласия истолковывается как многозначность (ср.

тув. **мүн I** и **мүн II**, которые, впрочем, М. Рясянен также считал одним многозначным словом: EW, *347*).

Вместе с тем монгол. форма (формы?) выступает в ряде вариантов. Так, в памятниках письменности отмечены *топ ~ тип*, а в монг. языке — *мөң ~ мүң ~ мүн* ‘действительно, точно, именно, тот самый’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *131*). По-видимому, это разнообразие вариантов, в частности монг., нашло отражение в заимствованиях тув. языка: ср. тув. *мөң* и монг. *мөң*, тув. *мүн I, II* и монг. *мүн*.

мөңге см. **меңги II**.

мөңгежи- см. **меңги II**.

мөңгежире- см. **меңги II**.

мөңгере см. **меңги II**.

мөңге-чула см. **меңги II**.

мөңгүн ‘серебро; серебряный’; **мөңгүн суу** ‘ртуть’.

Ср. тоф. *мөңгун* ‘деньги; серебро; серебряный’, а также соответствия в некоторых других тюрк. языках Сибири и кирг. Монголизмы: ср. монгол. *төӈгӣп / мөнгө(н)* ‘серебро; серебряный; деньги’ (Рассадин. Фонетика, *207*; EW, *342*).

Тув. *мөңгүн суу* ‘ртуть’ — полукалька монгол. *төӈгӣпӣ usun / мөнгөн ус*: и тув., и монгол. формы в букв. переводе означают ‘серебряная вода’.

мөңгүн суу см. **мөңгүн**.

мөң даш см. **мөң**.

мөң тураскаал см. **мөң**.

мөң эът см. **мөң**.

мөөгү ‘гриб’.

Ср. уйг. *могу* ‘гриб’ (Рахимов, *256*), сал. *mogo* то же (Тенишев. Сал., *412*), которые в указ. источниках отнесены к кит. заимствованиям (< кит. *мо-гу*). Слово заимствовано и монгол. языками: ср. монгол. *мӧгӧ / мөөг* ‘гриб(ы)’ и под. М. Рясянен имел основания для того, чтобы квалифицировать тув. *мөөгү* как монголизм, однако почему-то возводил его к бур. *мӧge* и (или?) калм. *мӧg* (EW, *341*), хотя наиболее вероятным источником *мөөгү* следовало бы считать монг. язык.

мөөн I ‘толстая кишка’; *перен.* ‘шланг’.

Согласно ТРС 1968, *301*, *мөөн* означает ‘двенадцатиперстная кишка’; то же в ТРС 1955, *287*. Соответствия отмечены в памятниках и в части совр. тюрк. языков в вариантах *büken ~ bügen ~ бөвен ~ буйен*..., а также *мөөн ~ пөөн* и со знач. ‘слепая кишка’, ‘двенадцатиперстная кишка’, ‘толстая кишка’; ‘кишка (верблюда)’; исходной формой считается **bögen* (см.: ЭСТЯ II, *205*; СИГТЯ Л, *205*).

Э.В. Севортян высказал предположение о связи указ. слова с глаг. *бөге-*, *бөве-* и под., означающим ‘преграждать, загораживать, закрывать...’ и представляющим собой образование с «показателем глаг. существительного *-(а)н*» (ЭСТЯ II, *205*). Автор при этом исходил, очевидно, из варианта слова, отраженного в МК и означавшего ‘слепая кишка’. Подобная версия прослеживается и в труде М. Рясянена (EW, *83*).

В СИГТЯ выражено сомнение относительно реальности связи с **bök-* ‘затыкать, преграждать’ по причине фонетич. характера: «ср. явные рефлексы срединной звонкости» (СИГТЯ Л, *279*), что, думается, для данной ситуации несущественно, поскольку в варианте объяснения, предложенном Э.В. Севортяном, звонкость интервокального согласного (*г*) является фактически исходным пунктом.

Возможно, рассматриваемая версия неприемлема по семантическим основаниям: в частности, ‘слепая кишка’ могло и не быть первоначальным знач. **bögen*. Вполне вероятно, что последнее обозначало кишку вообще или какую-либо большую часть кишечника, на что, кажется, указывает хак. *пөөн*, которое обозначает слепую кишку в сочетании с начальным компонентом *туйух* (‘закрытый’); ср. также *ачых пөөн* ‘двенадцатиперстная кишка’ (при *ачых* ‘открытый’) (см.: ХРС, *160*; ХРИЭС, *94*).

Кстати сказать, в труде Дж. Клосона дается иное, нежели приводимое выше, толкование знач. др.-тюрк. *büken* (по МК): ‘часть внутренностей (кишок), *the coecum*’, а в источнике по хорезмско-тюрк. (XIV в.) *büken* дается в знач. ‘кишка’ (речь идет о верблюде) (ED, *328*). Отметим также, что *büken* Клосон производил от глаг. основы *bük-* ‘гнуться, сгибаться’ (см. также: ED, *324*), для чего определенно есть основания.

Не исключено, что исследователь исходил из данных англ. языка, где сущ. *bowels* ‘кишки, внутренности’ обнаруживает явную связь с глаг. основой *to bow* ‘склоняться, сгибаться; сгибать, гнуть’. Связь с глаг., имеющими аналогичную семантику, отмечается и на материале тюрк. имен, обозначающих части кишечника, примерами чего являются тув. *дескинчек* ‘двенадцатиперстная кишка мелкого рогатого скота’ и *долганчык* ‘двенадцатиперстная кишка (животного)’ (см.: ТСТЯ I, *436*, *470*), образованные соответственно от основ *дескин-* и *долган-* ‘крутиться, вращаться’.

Приводимая Клосоном глаг. основа *bük-* имеет общетюрк. соответствия и широкий круг знач., в числе которых ‘крутить, вертеть’ и под., а среди фонетич. вариантов — *бөк- ~ бөг-* (см. также **бөөртең, бүүрек**) (см.: ЭСТЯ II, *290 и след.*). Примечатель-

но, что Э.В. Севортян, приведя монгол. соответствия к одному из образований от *бук...*, обозначающему горб (см. в связи с этим статью **мөген**), сопоставил с ними также др.-тюрк. (МК) *bükän ~ bükün* ‘слепая кишка’ (по ДТС) (ЭСТЯ II, *293*), для чего также имелись основания, но, к сожалению, из этого сопоставления не было сделано должного вывода для этимологии *bükën...* и его совр. соответствий.

К числу образований от *бук-* (*bük-*)... можно отнести др.-тюрк. (МК) *bükä* ‘большая змея’ (ДТС, *132*)[1], которое, по-видимому, не имеет совр. тюрк. соответствий и связь которого с названием героя, воина (*böke:* и под.; см. также **мөге**) в какой бы то ни было форме (см.: ED, *324*, где *bükä* представлено в варианте *böke:*) выглядит сомнительной.

Не вызывает доверия и сближение *bükä* с тюрк. названием овода (ЭСТЯ II, *213*); ср., кроме того, его трактовку как «реликта старого алтайского корня» (СИГТЯ Л, *180*). См. также **мөөн II**.

мөөн II 1. ‘глубокий (о воде)’ (**мөөн чер** ‘водоем’); **2.** *тодж.* ‘глубокая протока с медленным течением (или даже без него), соединяющая два озера или озеро с рекой’.

Ср. тоф. *мөөн* ‘омут (на реке)’ (Рассадин. Словарь). По мнению наших тодж. информаторов, *мөөн* как название вида протоки связано с тув. *мөөн* ‘двенадцатиперстная кишка’ или под. (см. **мөөн I**), к чему первоначально склонялись и мы. В то же время мы допускали, что *мөөн* как местный географический термин по своему происхождению отличается от *мөөн* — названия анат. характера, обратив внимание на такой семант. признак первого из них, как ‘концентрация, скопление, существование в большом количестве (в данном случае — о воде)’, из которого мы и исходили, выдвигая свою этимологическую версию (см.: Татаринцев 1977, *20*).

Тот же признак прослеживается в семантике тув. прил. *мөөн* ‘глубокий’, проявляясь в производной от него глаг. форме *мөөннел-* ‘скапливаться (о воде)’ (ср. также *мөөннелчек* ‘глубокий (о воде)’). Очевидно, подобная адъективная семантика является первичной и исходной для тодж. сущ. *мөөн*.

Тув. *мөөн* может быть интерпретировано как образование с аф. *-(α)н* от глаг. основы типа др.-тюрк. *bög-* ‘собирать, соединять...’, означающей также ‘собирать или перекрывать (бегущую воду)’ и имеющей ряд совр. соответствий, в основном двухсложных (см.: ED, *324*; ЭСТЯ II, *208–209*).

[1] Аналогично нем. *Schlange* ‘змея’, производному от *schlingen* ‘обвивать, виться’ (Шанский и др., *509*).

Исходная форма *мөөн* — **бөген* или **бөгун*, близкие соответствия которой в других источниках не обнаружены. См. также **мөөң**.

мөөн чер см. **мөөн II**.

мөөң 1. ‘многочисленный; скопившийся’ (**мөөң суг** ‘водоем’); **2.** ‘водоем’.

По-видимому, родственно с *мөөн* ‘глубокий (о воде)...’ (см. **мөөн II**) и может представлять собой образование от глаг. основы типа др.-тюрк. *bög-* ‘собирать, скапливать (напр., воду)’ (ср. тув. *мөөң суг* ‘водоем’ при *суг* ‘вода’) с помощью аф. *-(α)ң*; оно подобно таким производным, как *дажаң, дожаң* и под. (см. **дажаң I, дожаң**). Таким образом, *мөөң < *бөген* или **бөгун*.

Стоит отметить, что у тув. *мөөң* не обнаружено тюрк. соответствий (как это практически имеет место и в случае с *мөөн II*), но имеются близкие формы в монгол. языках типа монгол. *böget / бөөм* ‘куча, комок; груда, кипа; гурьба’, монг. *бөөн (~ бөөң?)* ‘куча, комок; пучок; копна, груда, кипа; рой, гурьба, ватага, орава’ (БАМРС II, *274, 275*).

Монгол. формы, возможно, заимствованы из тюрк. языков; во всяком случае, структурно они вполне могут быть тюрк. образованиями с аф. *-м* и *-н* от указ. выше глаг. основы, соответствия которой для монгол. языков нехарактерны.

Тув. *мөөң* напоминает собой вторичное монгол. заимствование, но, вероятно, им не является: его адъективная, признаковая семантика, скорее всего, старше субстантивной у монгол. форм. Кроме того, семантика ‘водоем’, отмеченная у *мөөң*, и сочетания типа тув. *мөөң суг* для монгол. языков также не характерны.

мөөң суг см. **мөөң**.

мөөреве ‘многочисленный, обильный’.

Соответствий не найдено. Можно предполагать родство *мөөреве* с **мөөн II**, **мөөң** (см.). Рассматриваемая форма представляет собой образование с аф. *-ме* (> *-ве*) от глаг. основы **мөөре-*, означавшей нечто вроде ‘собирать(ся) в большом количестве’ (ср. в структурном отношении, напр., **илилбе-дилилбе**, **мажайба**).

В свою очередь, **мөөре- < *бөөре-* гомогенно с др.-тюрк. *bög-* ‘собирать, скапливать’ и подобными последней основами и, таким образом, **бөөре- < *бөгаре-*, где *α* обозначает гласный типа *е* или *γ* (последний представляется несколько более вероятным). В **бөгаре-* довольно четко выделяется именная основа **бөгар* и глаголообр. аф. *-е-*. Именную основу, думается, можно сопоставить с чаг. *богур ~ бөгур* ‘сосуд вроде котла’ (РСл. IV, *1651, 1696*), если рассматривать этот сосуд как емкость для собирания, скапливания, что вполне возможно (ср. **идиже-, идиш**).

С тув. *мөөреве* гомогенно як. диал. *мөгүрүк ~ мөңүрүк* ‘стадо рогатого или конного скота’ (см.: ДСЯЯ, *162, 169*), которое мо-

жет представлять собой образование с аф. *-(у)к* от **бөгур-* — формы каузатива от **бөг-(bög-)* ‘собирать...’.

мөөрей, мөрей *фолькл.* ‘состязание’; ‘пари’.

Ср. уйг. *мөрәй*, тел., алт., леб. (чалкан.) *мөрөй* ‘заклад, пари; выигрыш, победа; цель, мишень’ (РСл. IV, *2132*), алт. ‘результат одержанной победы; соревнование; то, что является призом’ (ОРС, *111*), ‘цель, в которую стреляют’ (ГАЯ, *220*), кирг. *мөөрөй ~ мөрөй* ‘результат одержанной победы, удовлетворение победой; то, что является призом’ (КРС, *535*), хак. *мөрій ~ мөрей* ‘победа; приз, выигрыш на скачках; реванш; пари; слава, лавры’ (ХРИЭС, *64*), *арга мөрий* фолькл. ‘состязание богатырей’ (ХРС, *30*); ‘спортивное состязание (борьба, скачки, стрельба из лука)’ (ХРИЭС, *64*).

В.В. Радлов сопоставлял приводимые в его словаре формы с алт. (тел.) *мөр* ‘преимущества, победа, преодоление’ (РСл. IV, *2132*), ср. алт. *мөр* ‘удача, победа; удачный’ (ОРС, *111*). Те же формы (+тув.) и указ. алт. слово приводит в своем труде и М. Рясянен, возводящий их к монгол. *mör* ‘след; дорога, путь, счастье’, которое семантически сравнивается с тюрк. **jol* ‘путь’ ~ монгол. *jol* ‘счастье’, а также к монгол. *mörüi*, **mörei* ‘спортивный приз; награда, приз...’ (EW, *342*); ср. также монгол. *mörüi / мөрий* ‘ставка, заклад; пари’ (БАМРС II, *349*).

Однако в плане семантики указ. монгол. и тюрк. формы друг от друга заметно отличаются (в частности, алт., хак. и кирг. выглядят явно более многозначными, нежели монгол.), что трудно объяснить как результат смыслового развития монгол. заимствований. По форме отличия тюрк. слов от монгол., к примеру, по характеру гласного второго слога, широкого в тюрк. и узкого в монгол., также труднообъяснимы, если исходить из первичности последних. Скорее, наоборот, первичными выглядят тюрк. варианты слов, и не случайно, что монгол. праформа **mörei* реконструирована М. Рясяненом фактически с опорой на них.

Сомнительно выглядит и связь между алт. *мөр* и монгол. *mör*, как и общность *mör* и *mörüi* друг с другом, тогда как между алт. *мөр* и *мөрей* она определенно прослеживается, однако имеющихся данных недостаточно для этимологизации рассматриваемых тюрк. форм. См. также **мөр I, II**.

Интересный материал для сравнения содержится в работе Р.Г. Ахметьянова, который приводит, в частности, тат., башк. *мәрә*, *мәрәй* ‘игровая площадка в виде очерченного круга; цель для стрельбы, мишень...’, а в тат. говорах исследователем зафиксирован также глаг. *мәрә-* ‘начертить круг для игры’. Результатами переосмысления слова *мәрәй* считается каз., кирг. *мерей* ‘счастье (в игре), успех, степень’ (Ахметьянов. ОЛМК, *150*). По другим источникам, каз. *мерей* означает ‘лавры, слава, признание; репутация’, а кирг. *мерей* — ‘утеха, надежда, опора’ (КазРС, *243*; КРС, *525*). Ср. также бараб. *мәрәі* ‘спор, состязание’ (РСл. IV, *2092*).

Возможно, приводимые выше материалы «работают» на тюрк. этимологию тюрко-монгол. вариантов типа *мөрей* и под., но здесь пока сложно прийти к какому-л. решению.

В тув. *мөрей ~ мөөрей* может иметь место семант. заимствование из монгол. языков (ср. знач. ‘пари’). Вместе с тем не вполне ясно появление варианта с долгим гласным; ср. также кирг. *мөөрөй* (наряду с *мөрөй*), где неясен характер отношений с вариантом *мерей*.

мөөреңгей ‘неопределенный, лишенный конкретности; беспринципный’; **мөөреңгей үзел** *уст.* ‘оппортунизм’.

Монголизм. Ср. монгол. *bögerengkei / бөөрөнхий* ‘круглый, шарообразный’; перен. ‘нерешительный; неопределенный, половинчатый; беспринципный’ (БАМРС II, *275*). Слово *мөөреңгей*, скорее всего, заимствовано сравнительно недавно, хотя и через п.-монг. источник. То же можно сказать и о полит. термине *мөөреңгей үзел* ‘оппортунизм, беспринципность’ (при *үзел* ‘взгляды, воззрения’; см. **үзел**): ср. монг. *бөөрөнхий үзэл* то же.

мөөреңгей үзел см. **мөөреңгей**.

мөөрүк 1) ‘гора или горный хребет с куполообразной вершиной, покрытые лесом’; 2) ‘выступ на склоне горы, покрытый лесом’; **мөөрүм** см. **мөөрүк** 1).

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено. Ср. монгол. *bögereg / бөөрөг* ‘террасы на склонах гор’ (БАМРС I, *275*), калм. *бөөрг* ‘буерак’ (Тодаева. Джангар, *222*).

Однако тув. *мөөрүк*, по-видимому, не является прямым заимствованием с учетом того, что это слово в его первом знач. значительно отличается семантически от его монгол. соответствий, не говоря уже о калм. *бөөрг*. У тув. же *мөөрүм* соответствия в монг. языке не обнаруживаются вообще. Не исключено вместе с тем монгол. влияние, связанное с появлением у тув. *мөөрүк* знач. ‘выступ на склоне горы...’.

Можно допустить, что *мөөрүк* и *мөөрүм* — сохранившиеся в тув. исконно тюрк. формы, гомогенные с такими образованиями, как тур. диал. *bükürü*, *büküre*, а также *bükre*, *bügrü*, *bögri* и под., означающими ‘горбатый, изогнутый, кривой’; ‘горб; бугор, выпуклость’ и т.п. и считающимися производными от глаг. типа *бүкүр-* ‘сгибаться’ (ЭСТЯ II, *293*), в свою очередь образованного, возможно, от основы *бүк* ‘сгиб, изгиб...’. У последнего существует глаг. соответствие *бүк-* ‘гнуть(ся), сгибать(ся)...’ (см.,

напр., **бүк-**, **бүк**). Последнее отмечено в ряде вариантов, в том числе *бөг-* (см. **бөөлде-**, **мөөн I** и другие статьи), у которого реально существование формы каузатива (~ интенсива) типа **бөгүр-* '(сильно) изгибать, изгибать дугой' или под.

От **бөгүр-* с помощью формантов *-(ү)к* и *-(ү)м*, вероятно, и образовались соответственно тув. *мөөрүк* (< **бөгүр-үк*) и *мөөрүм* (< **бөгүр-үм*). Монгол. соответствие *мөөрүк* — вероятное заимствование из тюрк. языков.

мөөрүм см. **мөөрүк**.

мөр I *уст. редк.* 'путь, дорога'.

Отмечено, в частности, писателем С. Сарыг-оолом в выражении *«соңгу мөр»* «последний путь» (речь идет о похоронах) (ТСТЯ), возникшем, вероятно, под влиянием рус. *провожать в последний путь*. Тув. *мөр* — монголизм: ср. п.-монг. *mör*, монг. *мөр* 'след; путь, строка, черта, графа; пример, образец' и под. (см.: Голст. III, *237*; БАМРС II, *347–348*). См. также **мөр II**.

мөр II, **мөрү I** 'судьба, доля; удача, счастье'.

По всей вероятности, родственно предыдущему слову (см. **мөр I**) и, подобно ему, связано с монгол. *mör / мөр*, у которого отмечено также (в частности, М. Рясяненом: см. **мөөрей**) перен. знач. 'счастье'; ср. также калм. *мөр* 'счастье; удача'. Вместе с тем тув. *мөр ~ мөрү* в отношении семантики напоминает тюрк. *йол…* 'дорога, путь; поездка; судьба, доля; счастье, удача' и под. (см.: ЭСТЯ IV, *217–218*, а также **мөр III**, **мөрү II**), соответствия которого практически отсутствуют в тув. языке, а имеющееся в нем слово *чол* 'судьба, доля; счастье' является вторичным монголизмом: см. **чол**.

Монгол. многозначное слово *mör / мөр* в тув. из-за отсутствия в нем основных знач. (знач. 'путь' встречается редко) фактически распалось по меньшей мере на три омонимичные основы: см. также **мөр III**, **мөрү II**.

Следует отметить, что причина появления двухсложного тув. *мөрү* не вполне ясна: возможно, она обусловлена переосмыслением первоначально посессивной формы 3-го л. типа *мөр-ү* 'судьба — его'.

мөр III, **мөрү II** 'случай, раз'.

Родственно с предыдущими словами (см. **мөр I**, **мөр II**, **мөрү I**) и, вероятно, как и они, является монголизмом. Имеющимися источниками у монгол. *mör / мөр* указ. семантика не фиксируется, но она присутствует у его тюрк. соответствия *йол* (ЭСТЯ IV, *218*). Можно полагать, что она существовала и у монгол. слова.

мөргү- 'низко кланяться; молиться'; **мөргүл** 'молитва, молебен; богослужение'; **мөргүлчү** 'тот, кто молится, богомолец'.

Ср. алт. *мөргү-* 'молиться; просить, упрашивать; кланяться', *мөргү* 'молитва' (ОРС, *111*).

Тув. *мөргү-* (как и алт. *мөргү-* (см.: Рассадин. МБЗ, *7, 22*)), а также *мөргүл:* (EW, *342*) и, по всей вероятности, *мөргүлчү* — монголизмы. Ср. монгол. *mörgü- / мөргөх* 'молиться, поклоняться; низко кланяться', *mörgü-* 'преклоняться' (Поппе. Мук., *240*), а также *mörgül / мөргөл* 'богослужение, богомолье, молебен; молитва, поклонение; земной поклон, челобитье; верование', *mörgülči / мөргөлч(ин)* 'богомолец, паломник' (см.: БАМРС II, *348–349*).

В алт. языке слову *мөргүл* и его монгол. вариантам соответствует *мөргү* — по-видимому, результат конверсии глаг. основы *мөргү-* в именную.

мөргүл см. **мөргү-**.

мөргүлчү см. **мөргү-**.

мөрей см. **мөөрей**.

мөрү I см. **мөр II**.

мөрү II см. **мөр III**.

мөрүк-: **мөрү мөрүк-** *фолькл. редк.* 'везти, посчастливиться'.

Соответствий сочетания *мөрү мөрүк-* в других языках не найдено, хотя прослеживается связь с именной основой *мөр(ү)* 'судьба, доля; возможность' и под., являющейся, по всей вероятности, монголизмом: см. **мөр II**.

Однако глаг. основы, соответствующей *мөрүк-*, в монгол. языках не обнаруживается. Модель, по которой она образована (от имени с помощью аф. *-(ү)к-*), для этих языков также нехарактерна, но присуща тюрк. и практически является общетюрк. (см.: АГ, *282 и след.*). Возникает впечатление, что *мөрүк-* самостоятельно произведено в тув. языке от монголизма *мөр(ү)*.

Возможно, *мөрүк-* создано по образцу другого тув. глаг. *чолук-*, синонимичного с первым и эпизодически употребляемого в сочетании *чол чолук-*, соотносимом по семантике с *мөрү мөрүк-* и отмеченном в рамках единого конструктивного целого с последним (ТСТЯ; см. также **чол**).

В свою очередь, появление *чолук-* с указ. семантикой было, вероятно, обусловлено наличием в тув. глаг. основы *чолук-* уст. 'здороваться с кем-л., подавая обе руки', имеющей тюрк. происхождение (см. **чолук-**, а также: АГ, *286*, ЭСТЯ IV, *218*); ср. монгол. *jolya- / золгох* 'приветствовать с Новым годом (при встрече); встречаться', калм. *золһх* 'встречаться, приветствовать'. См. также **мөткү-**.

мөр-шор *фолькл.* 'счастье, удача'.

Относительно первого компонента см. статью **мөр II**. В целом *мөр-шор*, как и *мөр*, представляет собой монголизм, связанный

с монг. парным словом *мөр шор* ‘удача и неудача; авось, наугад’ (БАМРС II, *348*); ср. калм. *мөр шор кех* ‘делать что-л. наудачу’. Компоненты монгол. слова, как явствует из сказанного, имеют противоположные знач., но в тув. *мөр* и *шор* осмыслены как синонимы, означающие ‘счастье, удача’.

Можно полагать, что *мөр-шор* относится к числу поздних заимствований (из совр. монг. языка), о чем свидетельствует, в частности, краткая, односложная форма его второго компонента. Стоит отметить, что в тув. языке употребляется в качестве самостоятельного слова двухсложное соответствие последнего – *шору* ‘вина, неудача по собственной вине’ (см. **шору II**), с которым, по-видимому, не ассоциируется *-шор* в *мөр-шор*.

мөткү- [өъ]: **мөр(ү) мөткү-** *фолькл. редк.* см. **мөрүк-**: **мөрү мөрүк-**.

Мөр(ү) мөткү- структурно близко к *мөрү мөрүк-*: первый компонент представляет собой монголизм, но в целом оба словосочетания не находят монгол. соответствий. Глаг. основа *мөткү-*, вероятно, родственна *бүт-* ‘сбываться, исполняться, осуществляться...’ (см. **бүт-**), но могла быть образована (с помощью аф. *-кү-*) от именного соответствия *бүт-* (ср., напр., кирг. *бүт* ‘целый; целиком, полностью’: см. **бүдүн**).

Мөткү-, возможно, < **бүт-кү-*; форма *мөткү-* возникла в результате сближения («сорифмования») с первым компонентом словосочетания *мөр(ү) мөткү-*.

мөчек см. **мочак**.

мөчү- [өъ] *почтит.* ‘умереть, скончаться’; **мөчү** [өъ] 1) ‘конечность, конечности (о руках и ногах)’ (**дөрт мөчү** ‘четыре конечности’); 2) ‘мертвое тело, труп’; **мөчү-бот** [өъ-], **мөчү-сөөк** [өъ-] см. **мөчү** 2); **мөчүлге** [өъ] ‘смерть, кончина’.

В тюрк. языках широко распространены соответствия тув. *мөчү* в вариантах *муче ~ муше* и под., но отмеченных в отличие от *мөчү* наличием у з к о г о гласного в первом слоге. У этих вариантов фиксируется ряд знач., которые в ЭСТЯ VI, *90* группируются следующим образом: 1) ‘каждая из восьми частей расчлененной скотской туши’ (як. *мүһэ*)...; 2) ‘часть тела, орган; члены тела’; 3) ‘нога, конечность; тазовая кость’; 4) ‘телосложение; туловище; стан, фигура’; 5) ‘подарок на помин души (то, что давалось в юрте покойника почетным представителям родов, прибывшим на похороны)’ (эта группа знач. связана с наименованиями различного рода подарков, а также спорт. призов и под., в том числе в виде частей тела животных, кусков мяса; ср., напр., ног. *муше* ‘части тела’ (их двенадцать); ‘кусок мяса, который относят родственникам или близким соседям после того, как забьют овцу или лошадь’).

Тюрк. *муче...* традиционно считается монгол. заимствованием (см.: EW, *346*; ОСЛАЯ, *94*; ЭСТЯ VI, *90*). Тюрк. слову, в частности, соответствуют п.-монг. *тӧӧе ~ тӧӧі* ‘члены тела, конечности; орган, член тела’ и его совр. варианты типа калм. *мөч* ‘конечность; внутренний орган’, монг. *мөч* ‘конечность, конечности’ (отмечается также знач. ‘разделка туши скота на части; их двенадцать’ (см.: Цэвэл, *347*; ср.: БАМРС II, *342*), бур. *мусэ* ‘член (тела)’.

Стоит отметить, что у этих именных форм в монгол. языках имеются также глаг. соответствия, каковыми, в частности, являются п.-монг. *тӧӧі-*, монг. *мөчих* ‘очищать дерево от сучьев’, калм. *мөчх* уст. ‘вывихивать сустав’ и под.

Учитывая фонетич. отличие монгол. имен от тюрк. (соответствие в основном *ө* тюрк. *ү* в первом слоге) и в особенности более развитую многозначность тюрк. имен в сравнении с монгол. (что малохарактерно для заимствований), едва ли можно согласиться с тем, что *муче* — монголизм: скорее, мы, наоборот, имеем дело с тюркизмом в монгол. языках. В связи со сказанным неприемлемым представляется мнение Г. Дёрфера, допускающего возможность заимствования рассматриваемого слова из третьего языка-источника (какого именно?) (ЭСТЯ VI, *90*).

В ЭСТЯ отмечается также, что «тув. *мөчү*, судя по его вокализму и семантике, восходит к современному монг. источнику» (Там же). Действительно, тув. вариант является наиболее вероятной «кандидатурой» в монголизмы по сравнению с другими его тюрк. соответствиями. Однако и в данном случае вопрос о заимствовании не так прост, как это представляется. Вполне вероятно, что здесь имело место не заимствование монгол. имени как таковое, а сближение тюрк. слова типа *муче* с монгол. **мөчи* и уподобление его последнему по внешнему облику. Семантика же тув. *мөчү* и в особенности наличие у него знач. ‘мертвое тело’, во всяком случае, не является однозначным свидетельством его заимствованного характера, который в основном проявился, пожалуй, в семантике типа ‘конечность’ (ср. также тув. *дөрт мөчү* ‘четыре конечности’ и монг. *дөрвөн мөч* то же).

Знач. ‘мертвое тело, труп’, возможно, является эвфемистическим по своей природе и возникло на основе семантики подобной ‘туловище, тело’, не фиксируемой для монгол. языков, но отмечаемой в тюрк. Вместе с тем появление этого знач. у тув. *мөчү* могло быть и результатом сближения с тув. же глаг. основой *мөчү-* ‘умирать’, семантика которой обусловлена существованием табу на прямое название указ. процесса.

Думается также, что возникновение у *мөчү-* подобной семантики было подготовлено и определенными семант. характеристиками близких ему монгол. и тюрк. основ. Так, монгол. *тӧӧі-* и калм. *мөчх* связаны с нарушением цельности (обрыванием ве-

ток, вывихом). Последнее обозначало также и нечто опасное: ср. *мөчх* ‘быть слишком близко к краю чего-л.’ (Тодаева. Джангар, *338*); ср. также монг. *мөчөддөх* с подобным знач. < *мөчөд* ‘с краю’ и под. (см. также **мөчүт**).

В рассматриваемом аспекте интересен и тюрк., в частности кирг., материал, в том числе приводимая выше глаг. основа *мүчө-* ‘достигать года своего рождения по двенадцатилетнему циклу’, что, очевидно, могло иметь и неблагоприятные последствия, и об этом свидетельствует кирг. *мүчөл*, которое обозначает сам этот животный цикл, а также имеет знач. ‘год животного цикла, год рождения по животному циклу’, причем «начало этого года в старом быту считалось опасным» (КРС, *544*). Кстати, *мүчөл* может быть интерпретировано как производное от *мүчө-*.

Судя по кирг. языковым данным, с *мүчө* ‘часть тела’ также связывается представление о кончине: ср. *мүчө* ‘подарок на помин души (то, что раздавалось в юрте покойника почетным представителям родов...)’ (Там же).

Тув. *мөчүлге* ‘смерть, кончина’, с одной стороны, соотносится с *мөчү-* ‘скончаться’ и выглядит как образование от последнего (с монгол. заимствованным аф. *-лге*) но, с другой — явно воспроизводит монгол. *möčülge...*, обозначающее двенадцатилетний животный цикл, причем п.-монг. *möčelge ~ möčilgen* может, судя по одному из источников, иметь знач. ‘тяжелый или критический период или ситуация’ (см.: ЭСТЯ VI, *91*). Тув. *мөчүлге* представляет собой заимствованное слово, подвергшееся переосмыслению. Во всяком случае, смысловые отношения между *мөчүлге* и его монгол. соответствием определенно аналогичны тем, которые прослеживаются между этим тув. словом и кирг. *мүчөл*. Сходные изменения имели место в семантике як. диал. *миһэлгэ ~ мөһүлгэ ~ мүһэлгэ ~ мэһэлгэ* ‘время прекращения рождения детей, климакс’ (ДСЯС, *168*; ср. также: ОСЛАЯ, *94*).

В целом причина появления в тув. языке глаг. основы *мөчү-* ‘умереть, скончаться’ и ее именного соответствия *мөчү* ‘мертвое тело’ ясна. К сказанному можно добавить, что у тув. *мөчү* выявляется своего рода вариант в чаг. языке, где отмечено *тӱӡӑ* ‘туловище, тело’ (по Л.З. Будагову), причем из приводимого для иллюстрации примера видно, что речь идет о мертвом теле (см.: Благова. БН, *208*).

Как специфику тув. языка следует отметить наличие в нем сложных (парных) слов, также обозначающих мертвое тело, первым компонентом которых являются *мөчү*: *мөчү-бот* и *мөчү-сөөк*, где *-бот* восходит к слову *бот* ‘тело, телосложение’, а *-сөөк* — к *сөөк* ‘кость, кости; труп, прах, останки’, которые не принадлежат к заимствованиям (см. **бот**, **сөөк**).

Для ряда тюрк. языков характерно слово *мүчел ~ мүчөл ~ мүшел...*, означающее в основном ‘двенадцатилетний животный цикл (= срок в 12 лет)’, а также ‘год этого цикла’ и др. Иногда с подобной семантикой употребляется и форма *мүче*: ср. турк. *мүче* ‘двенадцатилетний животный цикл летоисчисления’, хак. *мүчел* и *мүче* ‘календарь (животного цикла)’ (*он ікі чыллыг мүчел* ‘двенадцатилетний календарь’) (ХРИЭС, *65*).

В ЭСТЯ VI, *91* тюрк. *мүче...* с указ. ранее знач. (в частности, анат.) и *мүчәл...* рассматриваются практически изолированно друг от друга, что едва ли оправдано. Что касается этимологии *мүчәл...*, то оно, подобно *мүче...*, также считается монголизмом (согласно версии, высказанной Г. Рамстедтом и поддержанной М. Рясяненом) и, в частности, связывается с монгол. *möčilgen* ‘животный цикл, все 12 лет’ (EW, *346*). Эта точка зрения не вызывает возражения и у автора статьи об этимологии тюрк. *мүчәл...* в ЭСТЯ VI.

Изложенная выше «монгол.» версия слабо аргументирована: производящая основа монгол. *möčilgen...* практически не ясна, а отличие тюрк. и монгол. форм друг от друга никак не объяснено и утрата компонента *-ge(n)* выглядит немотивированной.

Кстати сказать, и в данной ситуации нет серьезных препятствий к тому, чтобы считать монгол. форму тюркизмом: аф. отглаг. имяобразования *-л* характерен и для тюрк., и для монгол. языков, тогда как формант *-лге(н)*, фактически вариант *-л*, специфичен для последних, а из тюрк. языков представлен только в тув., где он, в свою очередь, заимствован из монг.

Монгол. форма типа *möčelge* или *möčilgen* могла возникнуть на основе тюрк. заимствования в варианте **мучел* как результат варьирования словообр. формантов (чего, по-видимому, не произошло в калм. *мөч* ‘двенадцатилетний животный цикл’, сохранившем тюрк. форму без изменения ее морфол. облика).

В рассматриваемой нами ситуации определенно имели место достаточно древние тюрк.-монгол. контакты, характер которых в деталях не вполне ясен, и поэтому сложно определить первоначальный источник и облик той основы или основ, которые являлись исходными. Возможно, при их определении следует исходить из тюрк. **муч(α)-*, вероятного вторичного варианта (с начальным *м- < б* и последующим огубленным гласным) основы *бич- ~ быч-*, означавшей, в частности, ‘резать, обрезать; рубить’ и т.д. (см.: ЭСТЯ II, *158–159*, а также **бижек**) и имевшей единичные двухсложные варианты вроде алт. *бычы-* ‘резать’ (Там же).

Указ. основы варьируются и по наличию-отсутствию огубления гласного: ее соответствия с узким *у* (эпизодически — *ү*) прослеживаются, кажется, только в составе производных форм (см.: ЭСТЯ II, *282 и след.*). Мягкорядный вариант, означавший ‘ре-

зать, обрезать...' и имевший начальный *м*, также можно встретить в подобной ситуации, но чрезвычайно редко: см. сиб.-тат. (тоб.) *муцке* 'комолый, безрогий' (РСл. IV, *2225*) (< **муч-ке*)[1]. Вариант **муч-*, по-видимому, давно обособился от других вариантов рассматриваемой основы как фонетически, так и содержательно, приобретя, в частности, семантику типа 'расчленять, разделывать (тушу)', а производное от него имя **муч-е* первоначально как раз и могло означать 'туша; то, что подлежит разделке' (ср. башк. диал. *мүсә* 'туша барана, привезенная на свадьбу': ЭСТЯ VI, *90*) и/или 'разделка туши' (это знач., как отмечалось выше, фиксируется у монг. *мөч*). В наст. время глаг. «разделочная» семантика передается соответствующими формами, образованными от **муче* и ее соответствий аф. *-ла-* как в тюрк., так и в монгол. языках: ср. каз., ккалп. *мүшеле-* 'разделывать тушу, разрезать, разрубать тушу на части', кирг. *мүчөлө-* 'члениться, расчленяться', *мүчөлөт-* 'расчленять (напр., тушу на части, не разрубая костей)', уйг. *мүчүли-* 'разделывать тушу', а также монгол. *töčile- / мөчлөх* 'отделять конечности; четвертовать', калм. *мөчлх* 'разделывать по конечностям (тушу)'.

Следует отметить, что **муч-* или ее двухсложный вариант, возможно, могли означать нечто вроде 'делить время на определенные отрезки'. Подобная семантика реализовалась, по-видимому, в таком образовании, как *мучел...*, связанным с двенадцатилетним циклом. У монгол. *töči / мөч* отмечена временна́я семантика вроде 'отрезок времени; четверть часа; четверть', появление которой могло быть, скорее всего, результатом метафорич. переноса наименования *töči / мөч* 'конечность' и под.[2]

мөчү см. **мөчү-**.

мөчү-бот см. **мөчү-**.

мөчүлге см. **мөчү-**.

мөчү-сөөк см. **мөчү-**.

мөчүт [өъ] *уст.* 'неглубокий, поверхностный, недостаточный (в частности, о знаниях)'; *диал.* 'очень бедный, неимущий'. Монголизм. Ср. монг. *мөчид* 1. 'с краю, ближе к краю; слегка, неглубоко; едва'; 2. 'поверхностный, неглубокий; несознательный; тесный; недостаточный, скудный'. См. также **мөчү-**.

муган- 'печалиться'; **муңган-** [уъ] 'мучиться, томиться, маяться; жить в нужде, нуждаться'.

[1] Интересно, что в том же диалекте (или говоре) отмечено соответствие *муче...* в твердорядном варианте *муца* (< *муча*) 'туловище' (РСл. IV, *2202*). В целом подобные варианты встречаются лишь эпизодически: ср. также башк. диал. *мосай* 'бедренная кость; кусок мяса, вручаемый во время угощения участникам помочи' (БРС, *438*; ДСБЯ, *234*).

[2] В совр. словаре названия конечности и отрезков времени даются как омонимы (БАМРС II, *352*).

Ср. алт., шор. *мукан-*, алт. диал. *пуган-*, алт. диал., хак. диал. *муган-* 'быть слабым, утомленным; мучиться, маяться, заботиться' (РСл. IV, *1362*, *2171*, *2174*), хак. (кач.) *мукан* 'тяжелый', алт. *мукан- ~ муган-* 'мучиться, маяться', хак. *муган-* (диал.), *мухан-*, *мухалан-* 'мучиться, страдать (напр., во время болезни); делать что-л. небрежно, неаккуратно', *мухас* 'мучение', а также алт. *муңкан-* 'мучиться, маяться', *муңкан* 'несчастный; горемыка, калека'.

Частично указ. данные фигурируют в других работах, где из тув. форм приводится только *муңган-*, в которой прослеживается основа *буң ~ муң...* 'печаль; горе' и под., имеющая общетюрк. соответствия (см.: Иллич-Свитыч 1976, *73*; ЭСТЯ VI, *83*), но при этом структура *муңган-* не рассматривается.

Возможно, указ. основа (в свою очередь, членимая: см. **муң I**) действительно является производящей для указ. глаг. В таком случае *муңган-* членимо на компоненты **муң-ка-н*, где **муң* — вышеприведенная основа, *-ка-* — словообр. аф. (с глухим / сильным согласным *к*, на что может указывать фарингализация гласного первого слога), а *-н-* — показатель возвр. залога. Вместе с тем обращает внимание близость *муңкан-*, *муңган-* к монгол. форме типа п.-монг. *mungqani-* 'блуждать, сбивать с дороги' ~ *mungγani-* 'стараться, напрягать силы, надрываться (при неспособности) над делом, но без успеха, без цели', ср.-монг. *muŋqani-* 'сбиться с толку'. Эта форма реконструируется структурно как **mun-qa-ni-*, но если исходить из данных монгол. языков, указ. структура выглядит достаточно неопределенно (см.: Иллич-Свитыч 1984, *53*). Может быть, *mungqa-ni* и под. — тюркизм, восходящий к форме *муңкан-*.

Не исключено и вторичное «соприкосновение» алт. и тув. форм с монг.

Что касается глагольных форм с интервокальными *-к- / -г-* (*мукан- / муган*), то в них, как предполагалось, представлен вариант *буң / муң* без носового согласного, который видится, также, напр., в кирг. *мук* 'тоска, угнетенное состояние' (Иллич-Свитыч 1976, *73*).

В ЭСТЯ среди глаг. соответствий основы *буң...* отмечено куманд. *муг- ~ мук-* 'стесняться, конфузиться' (ЭСТЯ VI, *83*), которое, естественно, соответствует и кирг. *мук*, а вариантом *мук-* определенно является тур. *buk-* 'испытывать тоску, отвращение'. Имелся, по-видимому, и вариант типа **буг-*, проявляющийся, в частности, в тув. *буук-* 'скучать, тосковать, томиться' (< **буг-у(к-)*) (см. **буук-**), у которого можно указать структурные варианты с носовым согласным *-ң-* (образованные от *муң*): ср. др.-тюрк. *муң-ук-* 'испытывать бедствия, тяготы; страдать, печа-

литься', *муң-гук-* то же (ДТС, *351*; структурное членение приводится по ЭСТЯ VI).

Формы, приводимые в начале данной статьи, в основном отыменные и образованные с помощью аф. *-а* — от *мук-*, но встречаются и единичные производные, связанные с глаг. соответствием *мук-*: ср. хак. *мухалан-* (< ? **мук-а-ла-н-*, где можно вычленить именную основу **мук-а*).

мугулай [уъ] **1.** 'совсем глупый, тупой; бессмысленный'; **2.** 1) 'глупец, тупица'; 2) *фолькл.* 'жена'; **мугур-мугулай** [уъ-уъ] см. **мугулай 2.** 2).

Ср. башк. диал. *мөгөлөй, мөгөләй ~ мөгөлөй* 'комолый, безрогий' (Бhh, *137*; ДСБЯ, *233*), каз. *мукыл* 'комолый, безрогий' (КазРС, *246*); диал. 'тупой (о человеке)' (Аманжолов, *394*), *мокал-* 'притупляться', диал. *мокул* 'комолый, безрогий', кирг. *мукул, мукур* 'коротышка; комолый', *мукурай-* 'быть коротышкой; быть с затупленным концом' (КРС, *537–538*), а также хак. *мухах* 'глупец' (ХРИЭС, *64*), як. *мух-мах буол-* 'теряться, сильно смущаться'. Тув. *мугулай* и приводимые сопоставительные данные, по-видимому, родственны **мога-** (см.) и другим формам (см. также **мугур**).

У *мугулай* существует сходство с каз. *мигула* 'безумный, глупый' (ДЛТЯС, *135*), но эти формы едва ли родственны друг с другом. Последняя, возможно, связана с каз. *ми* [mïj] 'мозг' (ср. **мээ**); ср. также каз. *милау* 'безмозглый, недотепа' (Кайдаров, *261*).

С тюрк. *мукул, мөгөлдөй, мугулай* и под. могут быть связаны и монгол. наименования, имеющие оценочную уничижительную оценку вроде п.-монг. *muquli*, монг. *мухли* 'раб', а также калм. *мухла* (< **мукулай*? ср. ойр. *muhulai* 'раб') 'холоп, крепостной'. Можно предположить, в частности, что тюрк. формы означали не только 'комолый', но и 'коротко (наголо) стриженный' или 'бритый' (ср. в этом плане тув. *дөңгур*, в том числе и в ЭСТЯ I, *495*), что в старину могло указывать на рабское состояние носителя подобных признаков: см. **кул**.

Что касается знач. 'жена' у тув. *мугулай*, то оно, по-видимому, не имеет прямой связи с оценочной семантикой типа 'тупой; тупица', но подобная связь не исключена с семантикой типа 'раб' (→ 'рабыня' ?). Вероятна также общность *мугулай* с другими монгол. словами.

В связи с этим отметим, что в народно-эпических произведениях знач. 'жена' передается в основном не самим словом *мугулай*, а устойчивыми сочетаниями, в состав которых оно входит как один из компонентов. Таковы словосочетания вроде *бут шуглаар мугулай* и *бут чылдыр мугулай*, обозначающие жену, но букв. означающие соответственно '*мугулай*, укрывающий ноги' и '*мугулай*, согревающий ноги'.

Мугулай в этих случаях могло быть сближено с основой монгол. глаг. типа *muqulaida- / мухлайдах* 'подвертывать, окутывать, завертывать' (ср. выражение *хөлхөө мухлайдах* 'завернуть ноги во что-л.')[1]. Кроме того, у указ. глаг. отмечено также знач. 'округляться, становиться шарообразным' (БАМРС II, *362*), у которого с первым прослеживается общий компонент 'сгибая, округлять'. С основой данного глаг. определенно связаны и бур. *мухалай* 'место (в юрте), противоположное изголовью (у кровати, где находилось женское хозяйство)', *мухалайда* 'в ногах (постели)'.

В целом можно считать, что у этих монгол. форм и тув. *мугулай* имеется общий смысловой признак типа 'укрывание ног' (как проявление домашней, женской заботы), который мог стать мотивирующим для знач. 'жена'. Появление последнего, возможно, было обусловлено также наличием у основы монгол. *muqulaida-*... семантики, характеризующей внешний облик (*'(о)круглый')[2], каковая также связывается с женским началом. Кстати сказать, она могла отразиться и в таком варианте фолькл. названия жены, каким является *мугур-мугулай*. Его первый компонент имеет соответствие в виде тув. *мугур* 'тупой, тупоконечный; короткий; тупик...' (см. **мугур**), но семантически это тув. слово ближе к кирг. *мукул, мукур*, приводимым выше (ср. также кирг. *мукур киши* 'коротышка (коротконогий, короткорукий и слабенький человек)') и, по-видимому, имеющим генетическую общность с тув. *мугур* и **muqulai* *'(о)круглый', а также к тув. *мукулчак* 'округлый' и *мукур* 'маленький и круглый' (см. **мукулчак**, **мукур**).

Наличие у тув. *мугулай* 'жена' и *мугур* в качестве компонента наименования *мугур-мугулай* (то же) соответствий со знач. 'комолый' позволяет предположить существование еще одной версии происхождения у тув. слов семантики 'жена', подобная которой прослеживается в части тюрк. языков у одного из синонимов указ. соответствий. Ср., напр., каз. *токал* 'безрогий скот' и 'младшая жена' (уст.), башк. *тукал* 'комолый, безрогий' и 'самая молодая из жен (при многоженстве)', кирг. *токол* 'комолый, безрогий; беспомощный, беззащитный' и 'младшая жена (при живой старшей жене)'. Не исключено, что знач. типа 'жена' у тув. *мугулай* могло некогда возникнуть аналогичным образом.

[1] По всей вероятности, у монгол. именной основы **muqulai* существует связь с тюрк. глаг. *бук- ~ бук-* 'гнуть(ся); обертывать, завертывать' и под.: см. **бүк-**.

[2] Ср. также як. *мукуулайдан-* 'свертываться клубком, калачиком' (монголизм?). Вместе с тем в як. языке имеется и именная основа *мукуулай* 'клубок', которая в словаре Э.К. Пекарского сопоставляется, в частности (как с родственной), с як. глаг. основой *мукулай-* 'сгибать ноги' (Пек. II, *1619*). Согласно другому источнику, *мукуй- (~ букуй-)* означает 'подогнуться в суставах, подбирать конечности (пальцы, когти)' (Харитонов, *292*).

Структурно тув. *мугулай* (< **мукулай*) соотносительно с формой *мукул ~ мукыл*, а компонент *-ай* в **мукулай* мог быть аф. *-ай*, образующим качественные прил. от прил. (см.: Рассадин. Морфология, *101*). В тув. языке этот формант встречается лишь эпизодически: см. **багай**, **көвей**.

мугулдур [уъ] ‘мыс, выступ’.

Близких соответствий в других тюрк. языках не найдено. Однако в этом случае допустимо родство с основой *бук ~ бук*, которая имеет знач. ‘сгиб, место изгиба, поворота реки; поворот, угол’ и под. (см.: ЭСТЯ II, *290 и след.*, а также **бүк-**, **бүк**).

Структурно *мугулдур*, вероятно, аналогично **межелдир** (см.). В частности, у основы *бук* отмечено существование адъективного (первоначального?) знач. типа ‘загнутый, согнутый’ или под. (Там же, *291*), в связи с чем от указ. основы реально образование с помощью аф. *-(у)лдур* формы ослабления признака. Впоследствии указ. форма подверглась субстантивации, и, таким образом, тув. *мугулдур* представляет собой субстантив от **бук-улдур* (> **мукулдур* > *мугулдур*). Ср. также **муңгаш**.

мугур [уъ] **1**. ‘тупой, тупоконечный, короткий; круглые с нулями на конце (о цифрах); бессодержательный, бессмысленный’; **2**. ‘тупик’; **3**. ‘как раз, точно’; **мугурар-** [уъ] ‘стачиваться, становиться тупым (об острых концах чего-л.)’; **мугур-сөөк** [уъ] ‘косточка, соединяющая хвост с позвоночником (у животных)’ (**сөөк** ‘кости’); **мугур-сөөм** [уъ] ‘малая пядь’ (*расстояние между концами вытянутого большого и согнутого указательного пальцев*) (**сөөм** ‘пядь’); **мугурта-** [уъ] ‘теряться; не знать, что делать; печалиться’.

Ср. хак. *мухур* 1. ‘короткий’; 2. ‘короткая (малая) пядь’ (ХРИЭС, *64*), алт. *мукур сөөм*, *мугур сөөм* ‘короткая пядь’, як. *мугур*, *муңур* 1. ‘тупой, без острия’; 2. ‘конец, окончание, завершение’; диал. ‘чир’ (рыба); диал. ‘ласка’ (зверек), *мугур* (~ *муңур*) *сөөм* ‘короткая пядь’.

Тув. *мугур* и его указ. соответствия, в том числе название меры длины, относятся к числу монголизмов (см.: Рассадин. МБЗ, *30*, *62*, *71*, где эта версия отнесена к алт., тув. и як. данным, но может быть применена и к хак. *мухур*). Ср. монгол. *tuqur* / *мухар* 1. ‘комолый; куцый, кургузый; короткоостриженный; тупой; неполный, некомплектный; неполноценный’; перен. ‘ограниченный, тупой’; 2. ‘конец, предел; угол’; 3. ‘ровно’ (БАМРС II, *361–362*), монг. *мухар сөөм* ‘короткая, малая пядь’.

Вместе с тем рассматриваемое монгол. слово вполне может иметь в конечном счете тюрк. происхождение, о чем свидетельствует наличие в соответствующих языках исходной именной основы типа алт. диал. *мук* ‘тупой’ (ТСГА, *266*), сиб.-тат. *мӧк* ‘тупой (о человеке); смирный’ (Тумашева, *152*), монгол. соответствие которой неизвестно, а также образованной от нее глаг. (ср. каз. *мука-* ‘затуплять (о режущих инструментах)’) и других форм: см. **мога-**, **мугулай**, **мукур**.

Тув. *мугур* — скорее всего, монголизм, о чем свидетельствует, в частности, его значительная смысловая общность с монгол. словом, в том числе и тождество производных значений, напр. ‘как раз, точно’ и под. Вместе с тем монгол. соответствие тув. анат. названию *мугур-сөөк* нам неизвестно. Что касается глаг. форм, связанных с *мугур* (*мугурар-* и *мугурта-*), то первая из них, по-видимому, тюрк. (тув.) образование от этой основы, а вторая определенно представляет собой монголизм: ср. монгол. *tuqur-da- / мухардах* ‘оканчиваться тупиком’; перен. ‘заходить в тупик, оказываться в безвыходном положении; мучиться, изнемогать’.

мугурар- см. **мугур**.

мугур-мугулай см. **мугулай**.

мугур-сөөк см. **мугур**.

мугур-сөөм см. **мугур**.

мугурта- см. **мугур**.

мужи см. **можу**.

мукку 1) ‘колотушка, палка, которой глушат рыбу, находящуюся в неглубокой воде подо льдом’; 2) ‘способ, которым добывают рыбу (глушa ее ударом по льду в неглубоком месте)’; **муку** [мукку] см. **мукку** 1).

Бесспорных тюрк. соответствий не найдено[1]. Ср. бур. *мугуй*, бур. диал. *мугуй ~ мугый* ‘деревянная колотушка’, относимое к числу слов бур. ареала, отсутствующих в других монгол. языках (Рассадин. Становление, *63*, *119*). Однако у него имеется соответствие типа п.-монг. *tuγui*, монг. *мугуй* ‘дубина; деревянная колотушка’ (БАМРС II, *354*).

Судя по облику монгол. (= вост.-монгол.) слова и тув. *муку...*, последнее едва ли может быть определено как монголизм. В то же время не исключено, что монгол. *мугуй...* имело своим источником юж.-сиб. тюрк. язык типа тув. *Муку...* может иметь происхождение, связанное со звукоподражанием, подобным тув. *мук-мук* — шум от стука палкой по льду; ‘тук-тук’. Подобная же основа прослеживается, по-видимому, и в як. *буксуй-* (от **бук*) ‘производить звуки *бук-бук*; кашлять отрывисто и приглушенно’ (Харитонов, *267*).

Существует также алтаистическое сопоставление тув. *муку* (‘колотушка’) с тунг.-маньчж. (сол.) *мухша* ‘палица’ и монг. *ман-*

[1] В.Я. Бутанаев сопоставляет тув. *муку* с хак. *нохы* ‘колот для сбивания кедровых шишек’ (ВТЯ, *36*), однако характер их отношений не вполне ясен, в частности, из-за нерегулярности соответствия тув. *м-* ~ хак. *н-*.

чуурга ‘дубина’ (см.: История развития монгольских языков. — Улан-Удэ, 1999. — С. 33), характер близости тув. слова с которыми неясен (в случае с *мухша*, где также возможна звукоподражат. исходная основа) или какая-л. генетическая связь определенно отсутствует (с монг. *манчуурга* в частности).

муку см. **мукку**.

мукулчак [уъ] ‘округлый’; **мукур** [уъ] ‘маленький и круглый (обычно о голове)’; **мукураш** [уъ] ‘с маленькой круглой головой, стриженый’.

У *мукулчак* и *мукур* отмечены своего рода варианты, имеющие наряду с фонетич. также и семант. отличия от указ. форм: см. **мокулчак**, **мөкүлчек**, **мокур**. Едва ли может быть сомнение в гомогенности всех данных вариантов друг с другом, хотя в отличие от ранее рассмотренных вариантов круг слов, имеющих общность с *мукулчак* и *мукур*, иной: ср. **мугулай**, **мугур**, а также кирг. *мукул ~ мукур* ‘коротышка; комолый’.

У *мукулчак*, кажется, отсутствует двухсложный тув. вариант типа **мукул*, имеющийся у *мөкүлчек*: *мөкүл* ‘гора, холм или возвышенность с округлой вершиной’ (см. **мөкүл**). Помимо кирг. *мукул* им, возможно, является, в частности, алт. *букул* (варианты *буул*, *бугул*, *быгыл* ‘копна’ (ср. также куманд. *бугул*, туба *муул* то же), возводимые к монгол. *buqal* (Рассадин. МБЗ, *28, 31*), монг. *бухаль*, бур. *бухал* ‘копна’).

Вероятно, монгол. слово — тюркизм, а приводимые выше и подобные им его тюрк. соответствия, если все они и являются монголизмами, могут носить вторичный характер.

Тув. *мукураш* — отглаг. образование от незафиксированной основы **мукур(а)-*, о которой дает представление форма ритмического вида *мукураңна-* ‘шевелиться, двигаться из стороны в сторону (о чем-л. круглом, напр. о голове)’.

мукур см. **мукулчак**.

мукураш см. **мукулчак**.

мулдурла- [уъ] *редк.* ‘делать что-л. кое-как; отказываться от чего-л.’.

Непосредственных соответствий не обнаружено; вместе с тем вероятно родство с глаг. основой типа *былда-*, означающей, в частности, ‘уклоняться, увёртываться, увиливать’, имеющей образное происхождение как тюрк., так и монгол. соответствия: см. **былда-**. Ср. также каз. *бултар-* ‘круто поворачивать в сторону; уклоняться, увиливать’, монгол. *bultari- / бултрах* ‘избегать труда, лениться; уклоняться, отделываться от чего-л.’; *multura- / мултрах* ‘вырываться, ускользать; увёртываться, избавляться, освобождаться’.

Таким образом, в тюрк. языках имеется образная основа *булт...*, обозначающая резкий поворот, отклонение, уклонение и под., у

которой имеются также монгол. соответствия; существует, кроме того, ряд сходных друг с другом производных от *булт...* тюркомонгол. форм. Их сходство отчасти могло быть результатом языковых контактов, но определить их результаты пока достаточно сложно, хотя такие попытки и предпринимались.

Так, в частности, як. диал. *бултарый ~ былтарый-* ‘сторониться, уступать дорогу, сворачивать с пути’ связывается с п.-монг. *bultari-qu* ‘уклоняться...’ (ДСЯЯ, *77*), что вполне вероятно. Судя по семантике, возможна трактовка в качестве монгол. заимствования и тув. *мулдурла-*, обозначающего две различные формы нежелания что-л. делать.

Мулдурла- можно сопоставить с монгол. *multula- / мултлах*, означающим, в частности, ‘избавлять, освобождать’ (см.: БАМРС II, *355*), а также с формами типа уже приведенных *bultari- ~ multura-*... Возможно, существовала и глаг. форма вроде **multurla-* или в тув. имела место контаминация *multula-* и *multura-*.

мун- ‘садиться верхом; ехать верхом; управлять транспортными средствами, водить (напр., автомашину); ездить на машине в качестве пассажира; садиться на что-л., свесив ноги; броском улечься на кого-л., чтобы не выпустить его из рук (в процессе борьбы)’.

Ср. тоф. *мун-* ‘садиться верхом, сидеть верхом; ехать верхом’, а также общетюрк. соответствия *мин-* (наиболее распространенный вариант) *~ бин- ~ мун-*... со знач. ‘садиться верхом; садиться на транспортное средство; взбираться, подниматься, залезать, восходить на гору; ехать верхом...’ (см.: ЭСТЯ VI, *63–64*).

Согласно указ. источнику, первичной является форма с начальным *б-*, тогда как с анлаутным *м-* — вторичная. Исходная форма рассматриваемой глаг. основы реконструируется, в частности, как **би:н-* (с «первичной» долготой, основанной на турк. и як. данных), однако автор статьи ЭСТЯ считает, что при реконструкции в данном случае «есть основания предполагать наличие древней вариативности корня», который «должен восстанавливаться в виде **би:н- ~ *бу(:)н-*, а для некоторых древних локальных диалектов и в твердом варианте **бы(:)н- / *бу(:)н-...*».

Этимология *мин-*... как таковая отсутствует. Кроме реконструкции праформы высказывается также определенное мнение об исходном знач. глаг. основы, чем и ограничивается процесс этимологизации. Согласно принятой точке зрения, таким знач. для *мин-*... является ‘садиться верхом на лошадь’, с которым тесно связано ‘ехать верхом (на лошади)’. Дальнейшее смысловое развитие глагола Э.Р. Тенишев представлял как движение «от конкретного к абстрактному»: ‘ездить верхом’ > ‘садиться (на транспорт вообще)’ > ‘залезать, подниматься’ (ИРЛТЯ, *262*).

В ЭСТЯ также считается, что в данном случае «развитие шло в направлении большего абстрагирования семантики: понятие о верховом животном заместилось понятием о транспортном средстве вообще... и во многих языках выделилась семантика подъема на нечто высокое...» (ЭСТЯ VI, *64*).

Такой ход семант. развития, в частности его начальная и заключительная стадии, выглядит далеко не бесспорно: едва ли в данном случае можно говорить о более абстрактных и соответственно о более конкретных знач. В частности, едва ли 'залезать, подниматься (напр., в гору)' более абстрактно, нежели 'садиться (на коня)'. Здесь можно, скорее, говорить об общей ('подниматься...') и частной, специализированной ('садиться', т.е. фактически 'подниматься, влезать (на коня)') семантике, причем последняя по логике вещей как раз вторична по отношению к первой.

В данном случае 'садиться' означает 'садясь, занимать более высокую позицию, подниматься', в связи с чем показательно такое знач. тув. *мун-*, как 'садиться на что-л., свесив ноги'. Семантика типа 'подниматься' определенно является исходной для *мин-*..., и не случайно, что при наличии в источниках у соответствий этой основы обоих указ. знач. некоторые лексикографические издания с полным основанием дают на первом месте знач. 'подниматься', а на втором — 'садиться верхом' и под.: ср. структуру *мин-* (*min-*) в ДТС, *344*, РСл. IV, *2152*. В тув. языке глаг. не сохранил семантику 'подниматься', но в прошлом она фиксировалась. Так, в словаре В.В. Радлова отмечен тув. (= Soj.) *мын-* (более старая форма!), причем только с последним знач. (см.: РСл. IV, *2140*).

Если исходить из первичности семантики типа 'подниматься', можно предположить родство *мин-* (< *бин-*) с другой глаг. основой — *бит-* ~ *бут-* '(вы)расти, вырастать; произрастать; зарастать, обрастать; вскочить (о болячке)' и др. (см.: ЭСТЯ II, *154–155*), имеющей широкое распространение в тюрк. языках и памятниках письменности (см. также **бүт-**). Как и в случае с *мин-*, этимология *бит-*... неясна. Вероятно, эти глаг. имеют общую производящую основу **би-* 'поднимать(ся)', и тогда **би-н-* (> *бин-*, *мин-*) восходит к форме возвр. залога от данной основы, а **би-т-* (*бит-*) — к форме каузатива (или, точнее, к форме интенсивности, многократности, судя по семантике *бит-*) с аф. *-т-* от основы **би-* (*би:-* ?).

Сомнительна предполагаемая производность от *мин-* (в его твердорядном варианте) тув.-тодж. *мынды* 'важенка около трех лет' (ЭСТЯ VI, *65*). Сомнение выражено в редакторском примеч. 39 на той же странице. См. также **мынды**.

мун, мын: **мун** (~ **мын**) **ээги** 'крайнее заднее ребро домашнего животного; крайнее нижнее ребро человека, не соединяемое с грудной клеткой' (при **ээги** 'ребро').

Близких соответствий не обнаружено. Возможна генетическая связь с арх. именной основой типа як. *муҥ* 'предел, граница' (см. **муҥчок**). Во всяком случае, семантически тув. *мун* ~ *мын* в сочетании с *ээги* соотносимо с указ. основой: оно могло означать нечто вроде 'крайний, находящийся с краю; предельный, отдаленный'.

В ЭСТЯ основа *муҥ* рассматривается в статье, посвященной тюрк. *муҥ* ~ *муҥ* ~ *мыҥ*... 'изъян, дефект' и т.п., родство которого с основой, обозначающей предел, границу, оценивается скептически (ЭСТЯ VI, *88–89*), хотя в принципе связь знач. типа 'край(ний)' и 'дефект(ный), негодный' и т.п. допустима. К сожалению, в целом ситуация с этимологией тюрк. *мун*... неясна и проблема наличия у него вариантов по вокализму и консонантизму (в частности, начальных *б* ~ *м* и конечных *н* ~ *ң*) также далека от разрешения.

Что касается тув. *мун*... (< **бун*?), то оно, возможно, представляет собой именное соответствие глаг. основы **бун-* 'доходить до крайности' и т.п. (см. **мунчу**) или по ее первоначальной семантике *'добираться до края (тупика, конца)'. В свою очередь, **бун-* могла быть одной из залоговых форм от **бу-*, выражающей идею поворота, сгибания → обособления и под. (см. **булуҥ**). Представление о некоей согнутой, полукруглой реалии (в данном случае — о ребре), возможно, также входило в первоначальную семантику *мун*; ср. также **мундургу**.

См. также **муҥ III**.

мундургу 'кольцо, надеваемое на курительную трубку для ее украшения'.

Соответствия в других тюрк. языках не обнаружены. В то же время структура тув. *мундургу* относительно ясна: это образование с аф. *-гу* от основы **мун-дур-*, которая, в свою очередь, представляет собой форму каузатива (с аф. *-дур-*) от основы **мун-* < **бун-* 'сгибаться' (?): см. **мончар**, **мончук**, **мун**.

В бур. языке отмечены слова, трактуемые как омонимы, — *мундарга I* 'голец, голая скалистая вершина' и *мундарга II* 'брошка' (БурРС, *302*), которые, кажется, не имеют соответствий в других монгол. языках. Может быть, это заимствования из какого-л. сиб. тюрк. языка типа тув.? Связь с тув. *мундургу* бур. *мундарга II* представляется достаточно ясной: в том и другом случае речь идет об украшении, имеющем округлую форму.

Не исключено, что и *мундарга I* родственно с *мундарга II* (первоначально имелась в виду вершина закругленной формы?).

У *мундарга I* также могло быть тюрк. соответствие (не сохранившееся или еще не обнаруженное).

мунчу 1. ‘лишенный возможности двигаться вследствие болезни (о человеке)’; **2**. ‘паралич’.

Ср. кирг. *мунжу* ‘калека (без руки или рук, без ноги или ног); инвалид, нетрудоспособный’ (КРС, *538*), хак. *мунчух* ‘одряхлевший; маразматик’, а также выражение *мунуп парган мунчух* ‘маразматик, потерявший умственные способности от старости’ (ХРИЭС, *64*), где *мунуп парган* — аналитическая форма от основы *муну-* ‘дряхлеть, стареть’ (см. также **мыны-**). У этой основы имеется и односложный вариант, представленный, в частности, др.-тюрк. *bun- ~ mun-* ‘заблуждаться; становиться слабоумным, впадать в детство’ (ДТС, *348*; ED, *348*), як. *мун-* ‘блуждать, плутать’; см. также **аза-муна**.

Подобная основа могла также означать ‘попадать в тяжелое положение, доходить до крайности (в частности, от болезни, старости)’; ее исходная форма — **бун-*, которая, вероятно, реализуется в составе др.-тюрк. *bunqal* ‘дряхлый, лишенный сил: непригодный’ (?) (ДТС, *124*).

Тув. *мунчу* — по-видимому, также отглаг. образование. Хотя аф. *-чы* (*-чу*) производит в основном имена от именных основ, «исторически он мог создавать производные имена также от глаг. основ». Эти имена характерны, главным образом, для памятников (см.: АИ, *83*, *92*, а также **диленчи**). В том и другом случае образования на *-чы* являются названиями лиц в основном по их профессиям, занятиям, но также и по привычкам, склонностям, свойствам и под.: ср. хак. *сурнукчі* ‘спотыкающийся’ (от *сурнук-* ‘спотыкаться’), турк. *аладачы* ‘беспокойный’ (от *алада* ‘беспокойство’), др.-тюрк. *alčï* ‘хитрый’ (от *al* ‘хитрость’), тув. *каткыжы* ‘смешливый’ (от *каткы* ‘смех’) (Там же, *83 и след.*) и др.

Тув. *мунчу* и кирг. *мунжу*, по-видимому, также входят в число подобных образований и могут быть произведены от глаг. основы **бун-*, о которой говорилось выше. Вместе с тем в этом случае допустима и производность от именной основы *мун* ‘болезнь, недуг; порок, недостаток’ (МК И, *180*; см. также **мүн**).

Хак. *мунчух* (< **мун-чук*?) — вероятное отглаг. образование типа хак. *махтанчых* ‘хвастун’, узб. *сірганчік* ‘скользкий’ и под. (см.: Щербак 1977, *174*).

муң I ‘тысяча’.

Общетюрк. основа, отмеченная в таких вариантах, как *биң ~ бың ~ миң ~ мың* и под. со знач. ‘тысяча’, ‘отряд из тысячи человек’ (в др.-тюрк. памятниках); в отдельных языках фиксируется семантика ‘много, огромное количество’ (узб., тур.). Вариант с

огублением *муң*, кроме тув., бытует в других юж.-сиб. тюрк. языках. Праформа слова восстанавливается как **бың* или **пың*, из которых ближе к истине представляется первая форма. Однако этимология слова неясна.

Как отмечено в ЭСТЯ VI, *68*, «вопрос о первоначальной семантике решить трудно, т.к. обозначение большого числа с точным содержанием для древности проблематично». Исходя из этого, исследователи пытались истолковать тюрк. наименование тысячи как заимствование: либо из неизвестного источника (Г. Дёрфер), либо из кит. языка. Так, согласно ЭСТЯ VI, Дж. Клосон приводил кит. арх. форму *mi^{w}ăn* ‘десять тысяч’, с которой сопоставлялась монгол. форма *mingan* ‘тысяча’, а последняя, в свою очередь, рассматривалась как тюрк. по происхождению первого периода заимствований, но все это не внушает доверия.

Отметим также, что ошибочно возводить тюрк. слово к монгол. форме, носящей вторичный характер и явно заимствованной из тюрк. языков.

Предпринималась также попытка этимологизировать рассматриваемое слово, не прибегая к версии его иноязычного происхождения (см.: СИГТЯ М, *178*), но эта попытка определенно неудачна. Тем не менее *бың...*, возможно, является исконно тюрк.

Можно согласиться с тем, что обозначение большого числа с точным содержанием для древности проблематично, тем более что величина этого числа, вероятно, не была и постоянной. Так, як. *муң* фиксировалось в знач. ‘сто рублей’ или ‘сто’, причем отмечалось, что «*муң* ‘сто’ — старое, ныне более не употребляемое слово» (Бётлингк, *614*); ср. также совр. як. *тыһыынча* ‘тысяча’ (< рус.).

Спорным является суждение, согласно которому трудно решить вопрос о первоначальной семантике *бың...*, каковая определенно связана с представлением о множестве, об очень большом количестве чего-л. или кого-л., возможно, о некоем предельном их числе. В связи с этим, по всей вероятности, не случайно существование в як. языке наряду с ранее упоминавшимся архаизмом *муң* ‘сто’ также и совр. *муң* ‘предел, граница; крайняя степень чего-л.’ (ср. также *муңутуур* ‘великолепный, превосходный, замечательный; наибольший’: *муңутуур улахана* ‘наибольшая величина’) (ЯРС, *244*, *245*). Думается, близким к исходному следует считать отмеченное ранее знач. ‘огромное количество’. При этом первоначально имелось в виду соответствующее количество конкретных реалий. В этом плане представляет интерес каз. *мыңғырган*, которое может употребляться, в частности, в сочетании с последующим *мал* ‘домашний скот’ и означает

‘бесчисленное множество (скота, овец и коз)’. В этой форме А.Т. Кайдаров вычленяет основу **мың*, которая, как он считает, омонимична каз. *мың* ‘тысяча’ (Кайдаров, *263*), однако в данном случае, скорее, имеет место не омонимия, а многозначность.

Вполне вероятно, что **мың* означало нечто вроде ‘огромное количество, бесчисленное множество (о живых существах)’. От этой основы с помощью аф. *-гыр-* был образован глаг. **мың-гыр-* с предполагаемой семантикой ‘собирать(ся) в огромном количестве’, формой причастия прош. времени которого (с аф. *-ган*) является **мың-гыр-ган*.

В свою очередь, основа *бың* (> *мың...*) также может быть членима и интерпретирована, в частности, как образование от глаг. основы **бы-* ‘собирать(ся)’ с аф. *-ң*, образующим отглаг. имена. О возможности подобной основы сигнализирует наличие формы **бык* ‘бесчисленное множество’ (< **бы-к*?), морфол. варианта *бың*, реализуемого в качестве производящей основы в каз. *быкы-* ‘скапливаться, набиваться, сбиваться в кучу, кишмя кишеть’ (см.: Кайдаров, *198*) и подобных образованиях: см. **мыгырт**.

муң II *диал.* ‘глупый, придурковатый’; **дүш муңу** *фолькл.* ‘нелепое сновидение’ (при **дүш** ‘сон, сновидение’).

Тув. диал. *муң* сопоставляется с др.-уйг. *muŋqul* ‘неразумный, глупый’ (ср. *muŋul* то же в ДТС, *351*); в то же время считается, что в тув. могла сохраниться форма зафиксированного МК имени *muŋ* ‘потребность, нужда; забота, горе, тягота...’ (ЛМТЯ, *78*), имеющего общетюрк. соответствия (см. об этом ниже).

В другом источнике то же тув. слово наряду с др.-уйг. *munqul*, *muŋqul* ‘глупый’ рассматривается в ряду основ типа *mun-* ‘заблуждаться, становиться слабоумным’, *mundur* ‘глупый’, *munu-* ‘стареть, дряхлеть’ и под. (ср. также **мыны-**). Структура тув. *муң* при этом под вопросом реконструируется в виде **mun-γ*. В дальнейшем там же говорится о некоторых случаях заимствования в тунг.-маньчж., в том числе из ср.-кит. **mūŋ tūŋ* ‘глупый’, **mūŋ* ‘темный, глупый, невежественный’ (Иллич-Свитыч 1984, *53*, *54*, *55*).

Очевидно, что в указ. источнике тув. *муң* не связывается с приводимыми выше кит. формами и в данном случае имеет место случайное совпадение. Основа типа *муң* в тюрк. языках, скорее всего, не единична: она отмечена также (в варианте **мың*) в составе таких структурно достаточно ясных образований, как каз. *мыңрау* ‘растерянный, рассеянный, задумчивый, молчаливый; глуповатый’ (РСл. IV, *2139*), кбалк. *мыңраў* ‘глупый, бестолковый, тупой’, *мыңлан* ‘белена’.

По-видимому, та же основа и в варианте **буң*, прослеживаемом, в частности, в тур. *bun*, основе глаг. *buna-* ‘впадать в детство, становиться слабоумным, выживать из ума (от старости)’. Именная тур. основа *бун* (< **буң*) фиксировалась В.В. Радловым в знач. ‘тесный, стесненный, душный’ (РСл. IV, *1813*) и сопоставлялась со словом *буң*, отмечаемым в памятниках со знач. ‘граница, теснота; тесный, душный; стеснение, одышка’ (Там же).

Совр. тур. *bun* означает ‘кризис; затруднительное положение’ (ТурРС 1977, *134*), а ранее это слово в варианте *buñ* (= *буң*) имело знач. ‘тесное место; теснота, теснина...’ (см.: ЭСТЯ II, *291*).

Исходя из приводимой выше семантики *буң* и его соответствий как из первоначальной или близкой к ней, логично представить появление у данной основы перен. знач., характеризующих, в частности, ограниченность умственных способностей, их неполноценность, а также проявления таковых. В основном тюрк. *буң ~ муң* (последний — наиболее распространенный вариант) как раз и обозначают разного рода отклонения от нормы, в том числе отрицат. эмоции, тяжелые состояния и под.; ср. такие знач., как ‘горе, печаль; нужда, несчастье, бедствие; болезненность; наказание, казнь’ и др. (ЭСТЯ VI, *83*, *84*; Иллич-Свитыч 1976, *73*). Ср. в этом плане также тув. *дүш муңу* ‘нелепое сновидение’, т.е. сон, характеризуемый несуразностью, отсутствием здравого смысла.

Первична для *буң ~муң* по ЭСТЯ семантика ‘печаль, нужда’, тогда как В.М. Иллич-Свитыч считал таковой ‘мука, страдание, забота’, с чем едва ли можно согласиться. Скорее всего, к первичным близки адъективные знач. типа ‘тесный, душный’, которые в ЭСТЯ (VI, *83*) при семант. рубрикации оказались на последнем (7-м) месте.

Таким образом, родственная связь между тув. *муң* и *тиң* ‘нужда...’ и т.п. действительно прослеживается. Думается, что она существует между *муң* и основами типа *mun-* ‘заблуждаться, становиться слабоумным’ (см. выше), поскольку *тиң...* и *mun-...*, в свою очередь, могут оказаться родственными: они в конечном итоге произведены от общей (глаг.) основы **бу-* ‘ограничивать(ся), сворачивать, сгибать, отклоняться’ и проч.: см. **булуң**, **мончар**, **мун**, **мунчу**.

Тув. *муң* определенно не < *мун-* + *-г*, как это предполагалось в одном из указ. выше источников, а, скорее, < **бу-* + *-ң*. См. также **муң III**.

муң III: **муң диш** ‘зуб мудрости’ (**диш** ‘зуб’).

Ср. др.-тюрк. (МК) *тиң тау* ‘зуб мудрости, восьмой коренной зуб’ (ДТС, *350*). Это название в указ. источнике дается во фразеологической части статьи *тиң* ‘потребность, нужда, забота; тягота, напасть; страдание, горе’ (см. также **муң II**) и тем самым наименование зуба связывается с обозначением соответст-

вующих настроений и состояний, подобно тому как рус. *зуб мудрости* — с названием большого ума. Ср., впрочем, и нечто подобное и в некоторых тюрк. языках: кирг. *акыл тиш*, тур. *akıl tişi* (при *акыл*, *akıl* 'ум, разум'), як. *билир* 'зуб мудрости' (последнее, вероятно, произведено от *бил-* 'знать').

Вместе с тем в основу наименований зубов мудрости в тюрк. языках могут быть положены и иные признаки. Так, в частности, с последними совпадают названия коренных зубов: ср., напр., чув. *хайри шăл* 'коренной зуб; зуб мудрости' (при *шăл* 'зуб'). При этом коренные зубы названы по их местоположению (чув. *хайри* 'задний; последний'); ср. также тур. *arka tişleri* 'коренные зубы', т.е. 'зубы, находящиеся позади'.

Если обратиться к др.-тюрк. *тиŋ таγ*, то оно определенно представляет собой наименование одного из коренных зубов, что явствует как из приводимого выше толкования знач., так и из его структуры, а конкретно из компонента *таγ*, с которым сопоставимы тув. *даг диш* 'коренной (т.е. 'крупный') зуб', тоф. *даг діш* то же (см. **даг**). Очевидно, др.-тюрк. *таγ* в *тиŋ таγ* и восходит к подобному аналитическому наименованию (< **таγ тиš*).

Что касается *тиŋ* в *тиŋ таγ* и *муң* в *муң диш*, то эти компоненты, вероятно, первоначально означали нечто вроде '[самый] задний; последний'. При установлении этой семантики мы исходим из *муң* 'предел, граница' (см. **мун, муң II**), предполагая у него наличие также семантики адъективного характера типа 'предельный, пограничный; последний (замыкающий ряд, ограничивающий количество — в частности зубов)'. В свою очередь, *муң* с указ. семантикой может быть родственно с *тиŋ* 'потребность, нужда...', вследствие чего включение *тиŋ таγ* в указ. словарную статью ДТС в определенной степени оправданно. См. также **оор диш**.

муңгагда- [уъ] 'сильно переживать, печалиться, огорчаться'; **муңгагда-деңгегде-** [уъ-еъ] 'сильно переживать, огорчаться'; **муңгагдал** [уъ] 'переживание, огорчение, печаль'; **муңгак** [уъ] 'грустный, безрадостный; впечатлительный, обидчивый'; **муңгак-деңгек** [уъ-еъ] см. **муңгак**.

Указ. формы напоминают производные от общетюрк. именной основы *муң* (< **буң*) 'печаль, горе, тоска...' и под., которая в тув. языке в чистом виде и с данной семантикой не сохранилась, но связь с ней прослеживается в основах с другими знач. (см. **муң II, III**). В тюрк. языках не обнаруживается форм типа *муңгагда-*, *муңгак* и др., которые характерны для монгол., хотя имеют в них иную семантику оценочного характера, нежели в тув.: ср., напр., п.-монг. *тиŋgqaγ*, монг. *мунхаг* и под. со знач. 'невежественный, неразумный, глупый, темный, отсталый' и др.

(Иллич-Свитыч 1984, *53*). В указ. источнике праформа и первоначальная структура этих образований восстанавливаются как **mun-gak* (?), основа которой сближается, по-видимому, с тюрк. **mun-* 'заблуждаться, сходить с ума' и монгол. *типи-* 'выживать из ума'; ср. тув. диал. *муң* 'глупый, придурковатый', которое также приводится в указ. источнике (см. **муң II**).

По внешнему облику и семантике к тув. *муңгак* довольно близко др.-тюрк. *буŋaγ* (< **буŋ-а-γ*), его знач. истолковывается через др.-тюрк. *буŋ* 'печаль, скорбь...' (ДТС, *124*) и, видимо, образовано от последнего. Однако тув. форма не может быть выведена из *буŋaγ*. В противном случае мы имели бы нечто подобное **муң(г)аг*, у которого должна была отсутствовать фарингализация гласного. Можно предположить, что тув. *муңгак* [муъңгак] явилось результатом контаминации тюрк. и монгол. форм, подобных приведенным выше, причем фонетич. облик тув. слова явно отражает звуковые особенности последних.

Однако форма типа п.-монг. *mungqaγ* едва ли представляет собой собственно монгол. образование. Приводимое выше его структурное членение (**mun-gak*) указывает, скорее, на тюрк. отглаг. производное, образованное от односложной (тюрк.) основы во вторичном варианте (*м-* < *б-*), которой соответствует монгол. двухсложный вариант (*типи-*), с помощью распространенного аф. *-гак ~ -как* (см., в частности: Щербак, 1977, *173*).

Вероятен также такой вариант структуры рассматриваемого слова, как **mun-gaγ*, реконструированный Ст. Калужиньским (см.: ЭСТЯ VI, *85*). (Фактически же речь может идти о варианте **mun-qaq*, поскольку в монгол. форме конечный *γ* — не сонант, а смычный глухой, которому и соответствует *к* в тув. *муңгак*; ср. также як. *муңкук* 'робкий, нерешительный'.)

Основа *тип-* (*мун-*), являвшаяся, вероятно, формой возвр. залога от основы **бу-* 'сворачивать' (см., напр., **муң II**), обозначала отклонение от правильного направления: ср. як. *мун-* (< **бу-н-*) 'плутать, блуждать; заблудиться, заплутаться; сбиваться с пути, отклоняться от чего-л.' (Пек. II, *1620*). Как результат семант. развития у этой основы логично появление перен. знач., характеризующих отклонения как в умственной деятельности ('сходить с ума'), так и в душевном состоянии ('печалиться, горевать, тревожиться' и т.п.): ср. родственное *мун-* як. *мунаар-* 'колебаться, сомневаться', а также, по-видимому, гомогенное с той же основой тоф. *муңгаштаньчыг* 'чувство неуверенности, тревоги (когда едешь наугад)' (ТРС-РТС, *46*).

Тув. *муңгагда-* 'сильно переживать...' не имеет прямой связи с *муңгак* (в этом случае ожидалось бы **муңгакта-*); этот глаг. напоминает, скорее, образование с аф. *-да-* от основы **муңгаг*,

которая в отличие от *муңгак* в тув. не зафиксирована. Полагаем, что и в данной ситуации могло иметь место сближение с монгол. формой типа *mungqayda- / мунхагдах* ‘быть чересчур глупым, крайне неразумным’ (БАМРС II, *357*) (ср. монг. *мунхаглах* ‘совершать глупость, действовать глупо’). Производное от *муңгагда-* имя *муңгагдал* также образовано (аф. *-л*) по монгол. модели, однако его соответствие в источниках по монгол. языкам не обнаружено.

Второй компонент парной тув. словоформы *муңгагда-деңгегде-* в самостоятельном употреблении, по-видимому, не встречается. Не найдено и соответствия *деңгегде-* в других тюрк., а также в монгол. языках, хотя его вероятная производящая глаг. основа *тен-*, имеющая знач. ‘шататься, слоняться, скитаться; бродить, блуждать; заблуждаться’, отмечена, в частности, в юж.-сиб. тюрк. языках (см.: РСл. IV, *1052*); ср. также шор. *теен-* ‘скитаться, бродить, странствовать’.

Стоит отметить и наличие в як. парной глаг. основы *мун-тэн-*, означающей по одному источнику ‘блуждать, впадать в сомнение’ (Пек. II, *1620*), а по другому ‘теряться, приходить в замешательство’ (ЯРС, *244*). Компонент *-деңгек* в тув. *муңгак-деңгек* — из **тен-кек*, т.е. имеет ту же структуру, что и праформа слова *муңгак*[1]. Компонент *-деңгегде-*, возможно, < **деңгекте-*, был уподоблен структурно-фонетически компоненту *муңгагда-*. Тув. *муңгак-деңгек* имеет общность с монг. *тэнэг-мунхаг* ‘глупый, дурной; глупость; дурак’ (ср. также **тенек**). О монгол. связях компонента *-деңгек* см. также в статье **муңгара-**.

муңгагда-деңгегде- см. **муңгагда-**.

муңгагдал см. **муңгагда-**.

муңгак см. **муңгагда-**.

муңгак-деңгек см. **муңгагда-**.

муңган- см. **муган-**.

муңгара- [уъ] ‘огорчаться, печалиться, грустить, тосковать’; **муңгара-деңгере-** [уъ-еъ] ‘сильно грустить’; **муңгарал** [уъ] ‘печаль, грусть, огорчение’.

Формы, родственные с *муңгагда-*, *муңгагда-деңгегде-*, *муңгагдал*, *муңгак* (см. **муңгагда-**). Подобно последним *муңгара-* и проч. обнаруживают внешнее и смысловое сходство с формами, бытующими в монгол. языках: ср. п.-монг. *mungqara-* ‘глупеть, дуреть; быть в затмении, заблуждении, помрачении разума’ ~ *mungqura-* ‘глупеть, делаться совсем дураком’ (Голст. III, *223*), монг. *мунхрах* ‘заблуждаться, быть одураченным (одурманенным), быть очарованным; глупеть, помрачаться рассудком’, п.-монг. *mungqaral*, монг. *мунхрал* ‘невежество, темнота; потеря ума, умопомрачение; заблуждение’, монг. *насны мунхрал* ‘старческое слабоумие’ (БАМРС II, *357*).

При этом характер семант. сходства и различий тув. и монгол. слов аналогичен тому, который наблюдается в случае с *муңгагда-* и под., что побуждает и в ситуации с *муңгара-*... видеть не монгол. заимствования «в чистом виде», а, скорее, контаминацию тув. (< тюрк.) форм с монгол., которые, в свою очередь, могли быть тюрк. по происхождению; ближе к заимствованиям по своей форме тув. *муңгарал*.

В словаре В.М. Иллича-Свитыча (1984, *53*) реконструируется монгол. имя **mun-ki* (бур. *munxi* ‘глупый, тупой; растяпа’) и его вариант **mun-qu*, который прослеживается в п.-монг. *mun-qu-ra-*, монг. *мунх-ра-* ‘страдать слабоумием’, но в этом источнике отсутствуют формы *mungqara-* и *mungqaral*, более близкие к тув. Кроме того, исходная глаг. основа **mun-* в монгол. языках также не представлена: она характерна для тюрк. (ср. як. *мун-* ‘блуждать, плутать...’ и под.); в монгол. же имеется ее двухсложный (скорее всего, заимствованный из тюрк. языков) вариант *mupu-* ‘выживать из ума’, который определенно не исходный для *mungqara-*...

Может быть, последний вариант является более древним, чем *mungqura-*. Он членим на морфемы **mun-qa-ra-*, где **mun-qa* — именное аф. образование, а *ra-* — глаголообр. аф. Возможно родство **mun-qa* с як. *муңха*, означающим ‘невод’, а также имеющим диал. знач. ‘тесный загон, сплетенный из прутьев, куда направляют линяющих диких уток при охоте на них’ (см.: ДСЯЯ, *165*).

Як. *муңха* (варианты — *муха*, *моңко*) сближалось с эвенк. *муңка* ‘невод’, которое, напротив, считается якутизмом (см.: ССТМЯ I, *557*). Сближается як. слово и с ненецким *поңга* (самодийское **poŋkå* ‘невод, сеть’), считаясь, по-видимому, соответствующим заимствованием (ЭСРДС, *453–454*), однако первичность в данном случае самодийской формы вызывает сомнение, особенно с учетом многозначности як. *муңха* (< **буңка?*), относительно происхождения которого высказана и тюрк. версия (в як. варианте), согласно которой *муңха* считается сложным словом, состоящим из основ *муң* ‘предел, граница; безвыходность, тупик’ (< **бун*; см. **мун**) и *хаа* ‘сума, мешок’ (< тюрк. *кап*) и *муңха* < *муңхаа* (Антонов, *73*). Эта версия неубедительна. Скорее всего, як. *муңха* — аф. образование, основой которого была *мун-* (**бун-*) ‘блуждать, плутать’ и, что логично предположить, ‘попадать в безвыходное положение (или в ловушку)’. Подобная же исходная семантика могла существовать и у глаг. **бун-ка-ра-* > *муңгара-*.

[1] Тув. *-деңгек*, как и *деңгегде-*, в качестве самостоятельного слова не употребляется.

Что касается тув. *муңгара-деңгере-*, то оно, с одной стороны, явно связано с парной глаг. основой типа як. (и, скорее всего, тюрк. по происхождению) *мун-тэн* ‘теряться, приходить в замешательство’, а с другой — у компонентов тув. глагола прослеживается связь и с монгол. языками.

Ситуация напоминает ту, которая ранее отмечалась относительно **муңгагда-деңгегде-** (см.) и **муңгак-деңгек** (производного от основы, подобной вышеприведенной якутской), но случай с *-деңгере-* во многом специфичен. В частности, у последнего в тув. встречается соответствие в виде самостоятельно употребляемого глаг. *деңгере-* фолькл. ‘печалиться, грустить’ и производное от этой основы прил. *деңгеренчиг* ‘печальный, грустный’ (ср. однотипное образование от уже рассматривавшейся основы *муңгара-*: *муңгаранчыг* ‘вызывающий грусть, грустный, тоскливый’).

В тув. фиксируется глаг., по форме идентичный *деңгере-* (который мы условно обозначим *деңгере-*$_1$), а именно *деңгере-*$_2$. Последний имеет семантику, противоположную той, что фиксируется у *деңгере-*$_1$: он означает ‘набираться сил; трезветь, становиться трезвым’ (см.: ТСТЯ I, *425*). Кроме того, у *деңгере-*$_2$ имеются монгол. соответствия: ср. п.-монг. *tengkere-*, монг. *тэнхрэх* ‘поправляться, выздоравливать; крепнуть, набираться сил; вставать на ноги (после истощения, изнурения, болезни); приходить в чувство’.

По всей вероятности, *деңгере-*$_2$ — монгол. заимствование. Что касается *деңгере-*$_1$, то определить его происхождение сложнее, поскольку соответствия, близкого к этому глаг. по семантике, в монгол. языках не обнаруживается, хотя не исключено, что оно существовало. Во всяком случае, среди форм, определенно родственных монгол. *tengkere- / тэнхрэх*, есть и такие, которые семантически близки тув. *деңгере-*$_1$. Таковы, напр., калм. *теңндх* [тэңкедхэ] редко ‘ослабевать; ухудшаться (о здоровье)’, монгол. *tengkegede- / тэнхээдэх* ‘ослабевать’. Это образования от основ типа калм. *теңк* [тэңке] ‘сила, мощь’ (ср. п.-монг. *tengke* ‘сила, мощь; способность, дарование, искусство’: Голст III, *73*), монгол. *tengkege / тэнхээ* ‘сила, мощь’. (У основы *tengke...* имеется монгол. соответствие: см. **деңгел**.)

По-видимому, от той же основы образован и монгол. глаг. *tengkere- / тэнхрэх*. В принципе он мог означать как ‘набираться сил’, так, возможно, и, наоборот, ‘ослабевать’ (откуда ‘печалиться, грустить’ у тув. *деңгере-*$_1$?). Впрочем, подобная семантика у тув. глаг. могла возникнуть и самостоятельно как результат сближения с *муңгара-*, а также с *-деңгегде-* в *муңгагда-деңгегде-* и *-деңгек* в *муңгак-деңгек*.

муңгара-деңгере- см. **муңгара-**.

муңгарал см. **муңгара-**.

муңгаш **1.** ‘закрытый, запертый, загражденный, тупиковый, непроходимый; с закрытым воротом (об одежде); плохо освещенный, плохо видимый; непонятный’; **2.** ‘заграждение, преграда; тупик’.

Ср. тоф. *муңгаш* 1. ‘закрытый со всех сторон; тупиковый, глухой; пасмурный (о погоде)’; 2. ‘петля’ (ср. тув. *муңгаштааш* ‘петля (на конце аркана)’ < **муңгаш-та-гыш*), *муңгашка* ‘целиком, в целом виде; наугад, вслепую; тайно, крадучись’, *муңгашта-* ‘окружать (лежку зверя); обрезать след’, *муңгаштаньчыг* ‘чувство неуверенности, тревоги (когда едешь наугад)’ (ТРС-РТС, *46*).

Тув.-тоф. *муңгаш* сопоставимо с *муңуш* в памятниках XIV в., означавшим ‘угол (улицы, дома); уединенное удаленное место’ (ср. также чаг. *муңуш* ‘уединенное место’: РСл. IV, *2180*), и его соответствиями в ряде тюрк. языков и диалектах, варьируемых по рядности вокализма, а также по качеству интервокального и конечного согласных и имеющими знач. ‘угол(ок); мыс; закоулок, укромное место...’[1] Наиболее древним их вариантом считается, по-видимому, *муңуш*, у которого отмечены стяженные формы *му:ш* и *муш* (ЭСТЯ VI, *80–81*). В указ. источнике (с. 81–82) высказано мнение, что исходной производящей основой всех указ. форм является **муң-* ‘сгибать, делать угол, сгибать (~ сооружать) под углом, поворачивать’, от которой с помощью аф. *-(а)ш* образованы *муңуш* и под.

Словообр. модель, представленная выше, сомнений в целом не вызывает. Близка к реальности и предполагаемая семантика производящей глаг. основы, но исходная форма последней реконструируется недостаточно убедительно.

Она, по-видимому, в свою очередь, возводится к именной **муң ~ *муң*, у которой допускается «глагольный статус» (?), «хотя не исключается и ее глагольно-именной синкретизм» (ЭСТЯ VI, *81*), но семантика которой не указывается. Очевидно, она родственна тюрк. *бук...* ‘сгиб, поворот; долина между гор...; узкая долина; край, сторона; уединенное место’ и под., имеющей глаг. соответствие *бук- ~ бук-* ‘гнуть(ся) сгибать(ся) делать складки...’ (см.: ЭСТЯ II, *290–291*). Фиксируется также имя, образованное от последнего аф. *-(ы)ш* (типа *букуш...* ‘сгиб; складка’ и проч.) и фактически одноструктурное или близкое по структуре *муңуш* и *муңгаш*.

[1] Сопоставление *муңгаш* с указ. данными до сих пор еще, по-видимому, не проводилось: в одном из источников сближались друг с другом только данные тув. и тоф. языков (Рассадин. Фонетика, *208*), которые оказались пропущены в ЭСТЯ VI, *80–81*, где рассматриваются *муңуш* и другие варианты.

С последними определенно гомогенно тур. *buй* (*буң*) ‘тесное место; теснота; теснина’, которое Э.В. Севортян не без оснований считал возможным включить в число вариантов имени *бук...* (ЭСТЯ II, *290–291*), носящих, видимо, морфол. характер. В свою очередь, вариантами указ. тур. слова определенно являются *буң* ‘тесный, душный; граница, теснота’ (РСл. IV, *1809*), тур. *бун* ‘тесный, стесненный; душный’, *bun* ‘кризис; затруднительное положение’, як. *муң* ‘предел, граница’; ср. также **мун, муң II, III, булуң**.

Вместе с тем у указ. именных основ в реальности, кажется, не прослеживается глаг. соответствий типа приводимых выше **муң- ~ *мүң-*. Исключение составляет, возможно, кирг. **муң-*, употребляемое только в отрицат. форме, а в положительной — означающее нечто вроде ‘кончаться, изнашиваться; прерываться’ или под. (см.: КРС, *538*). Скорее всего, *муңуш ~ муңгаш* структурно связаны с глаг. основой **муңа- < *буң-а-*, в свою очередь образованной от именной *буң*, о которой дают представление вышеприведенные формы. Реальное представление о глаг. **буң-а-* дают чаг. *буңа-* ‘быть стесненным’ (РСл. IV, *1809*), тур. *bunal-* (залоговая форма от *buna- < *буңа-*) ‘задыхаться; испытывать крайнее затруднение (стеснение) от чего-л.; с трудом переносить (выдерживать) что-л.’.

муңгаш-дын ‘короткий повод’.

См. **муңгаш, дын**.

муңза-: кайын муңза- ‘находить кого-что-л., сколько угодно’; **муңзава-, муңзанма-** то же; **муңзаваста-** ‘быть оборотистым, ловко вести свои дела’.

В ТРС 1955, *289* формы *муңза-* и *муңзаваста-* отсутствуют; *муңзавас* дается только как часть выражения *сөс муңзавас кижи* ‘он за словом в карман не полезет’, а *муңзанмас* приводится в знач. ‘не нуждаться’ (*дуза муңзанмас* ‘не нуждаться в помощи’).

Муңзава- — отрицат. форма от *муңза-*; *муңзанма-* — та же форма от **муңзан-*, возвр. залога от *муңза-*; *муңзаваста-* — форма т.н. «прекратительного вида» (с аф. *-васта-*) от *муңза-*: ср. *номчуваста-* ‘переставать читать’, *бижиveste-* ‘переставать писать’ соответственно от *номчу-* ‘читать’ и *бижи-* ‘писать’ (ИП, *409, 411*).

Основа *муңза-*, по-видимому, самостоятельно не употребляется, а встречается лишь в сочетании с предшествующей частицей *кайын*, которая обычно выражает сомнение в возможности совершения какого-л. действия или ее отрицание. Поэтому словосочетание *кайын муңза-* синонимично отрицат. форме основы *муңза-*, исходная семантика которой, вероятно, была ‘ограничивать(ся); испытывать затруднения в чем-л.’

Соответствий *муңза-* или ее форм в других языках не обнаружено. Можно предположить, что это образование от именной основы *муң* (*< *буң*) ‘граница, предел; затруднительное положение’ и под. (см. **муң II, III, муңгаш, муңчок, муңчул-**). Аф. *-за-* (*< -са-*) образует отыменные глаг. со знач. желательности, которое в данном случае активно не проявляется, а, как и в некоторых других подобных ситуациях, здесь *-са-* выступает, скорее, как семант. аналог других глаголообр. аф. (см., в частности: АГ, *305–306*), в том числе и от основы типа *буң*: ср., напр., чаг. *буңа-* (*< буң-а-*) ‘быть стесненным’, др.-тюрк. *buŋad-* (*< buŋ-ad-*) ‘огорчаться, печалиться; быть озабоченным’ (см.: ДТС, *124*). Ср. также **муңчул-**.

муңзава- см. **муңза-**.

муңзаваста- см. **муңза-**.

муңзанма- см. **муңза-**.

муңнуг см. **муңчок**.

муң-түме ‘много тысяч, очень много; неисчислимый’.

Тув. *муң-түме* состоит из компонентов, восходящих к словам, обозначающим большую численность; первое из которых *муң* ‘тысяча’ (см. **муң I**), а второе, по всей вероятности, представляет собой вариант слова *түмен* ‘десять тысяч; множество’ и под. (см. **түмен**). В целом же *муң-түме* следует рассматривать как своего рода монгол. заимствование, а именно полукальку монгол. названия типа бур. *мянган түмэ(н)* ‘тьма, бесчисленное множество’, монг. *мянга түм(эн)* ‘бесчисленное количество’. Его первый компонент — *мянга(н)* ‘тысяча’ (в свою очередь, скорее всего, тюркизм) в тув. заменен тюрк. вариантом *муң*. Отметим также, что *-түме* в тув. *муң-түме* явно воспроизводит совр. монг. вариант слова *tümen*; для этого варианта типично отсутствие конечного носового согласного, что и наблюдается в *-түме*.

муңчок ‘много, множество, бесчисленное число’.

По всей вероятности, тув. *муңчок* родственно др.-тюрк. *buŋsïz ~ buŋsuz* ‘безграничный, безмерный, неограниченный’ (ср., в частности, *bakïrï buŋsïz erti...* ‘денег у него было без меры...’) (ДТС, *124*), где *-sïz ~ -suz* — аф. с привативным (отриц.) знач., который в тув. отсутствует и вместо него употребляется отрицание *-чок*. Производящей основой, как отмечено в ЭСТЯ VI, *89*, для *buŋsïz...* является **buŋ* со знач. ‘предел, граница, крайняя степень’, которая без аф. *siz ~ -suz* в др.-тюрк. памятниках не фиксируется (хотя В.В. Радлов ее там отмечал), но имеется, в частности, в як. языке. См. также **муң II, III**.

В тув. имеется также форма *муңнуг* ‘мало’, которая образована от той же производящей основы при помощи аф. *-лыг* (*муң-*

нуг < **буң-лыг*), обозначающего обладание, наличие, т.е. имеющего знач., противоположное *-чок*. В целом **буңлыг* первоначально передавало семантику типа ‘ограниченный (количественно)’ → ‘ограниченно, мало’.

муңчул- ‘попадать в трудное положение; мучиться, томиться’; **муңчул, муңчулга** ‘мучение’; **муңчулбас** ‘неунывающий’.

Близких структурных соответствий не обнаружено. Вместе с тем *муңчул-* и под. определенно связаны с общетюрк. *буң ~ муң* ‘горе, печаль; нужда, затруднение’ и под. (см.: ЭСТЯ VI, *83*). *Муңчул-* — форма страд. залога от **муңчу-* *‘ставить в трудное положение; мучить’. В последней прослеживается глаголообр. аф. *-чу-*, которому в других тюрк. языках соответствует «мало производительный» (Э.В. Севортян) формант *-ша- ~ -шы- ~ -ча- ~ -чы-* (см.: АГ, *331–336*).

Отметим, что в тув. языке этот аф. распространен довольно широко (см.: ИП, *266–267*), но прослеживается он, по нашим наблюдениям, главным образом, в составе монголизмов (в монгол. языках также имеется подобный формант) и различных новообразований.

Не исключено, что основа **муңчу-* также может быть отнесена к монгол. заимствованиям, а имена *муңчул* и *муңчулга* — образования с аф. *-л*(?) и *-лга*(?), также характерные для монгол. языков[1]. Однако монгол. соответствия основы *муңчу-*, а также указ. производных от нее имен не обнаружены.

Основа *муң ~ буң* в монгол. языках не отмечена, а производные от нее глаг. основы (заимствованные, в свою очередь из тюрк. языков?) образованы с помощью других формантов: см., в частности, п.-монг. *muŋg-da- ~ mung-la-* ‘быть в затруднительном, крайнем положении; изнуряться, беспокоиться’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *350*). См. также **муңза-**.

муңчул см. **муңчул-**.

муңчулбас см. **муңчул-**.

муңчулга см. **муңчул-**.

мургу I ‘дягиль, борщевик’ (см. **малдырган**); ‘трубочка из коры тальника, снятая с ветки без продольного разреза и используемая как детская игрушка вроде духового «ружья» или дудки’; *тодж.* ‘дудка, рожок (для приманивания маралов)’ (см. **авырга ~ амырга**); *перен.* ‘труба, нечто трубообразное’; *перен.* ‘ствол ружья’; **мургулай** *нар.* ‘трубочкой’ (сворачивать что-л.).

Ср. тоф. *мургу* ‘дудка-манок на изюбря’, а также соответствия общетюрк. характера в вариантах *бору ~ буру ~ пыра*, *бургу ~ бурга*, *пыргы ~ мыргы* и под., отмеченных в совр. тюрк. языках и памятниках и означающих ‘труба’ (в большинстве случаев речь идет о музыкальном инструменте); ‘горн, рог, рожок (пастуший); деревянная труба, подражающая голосу марала; желоб, канавка; дудка зонтичного растения’ и др. (см.: ЭСТЯ II, *194–195*; ED, *361*; Древняя Сибирь. — Новосибирск, 1974. — Вып. 4. — С. 164; ДЛТЯС, *70*, *71*).

[1] Не исключено, что сходство *муңчул* и *муңчулга* с монгол. формами на *-л* и *-лга* носит случайный характер и первая из них явилась результатом конверсии глаг. основы *муңчул-* в имя, а вторая — образованием с аф. *-га* от той же основы.

Этимология *мургу...* практически отсутствует. Э.В. Севортян предлагал структурную схему, согласно которой рассматриваемое слово делится на предполагаемую глаг. основу **бор- ~ *бур-* и словообр. аф. *-ы*, *-кы*, *-ка*, *-а*, *-к*. Основа при этом остается неясной, а попытки ее конкретизации, предпринимавшиеся В. Бангом (см. об этом ниже) и А. Зайончковским, в труде Севортяна не без оснований оценивались как малоудачные (ЭСТЯ II, *195*).

Сам автор ЭСТЯ склонялся, кажется, к версии звукоподражат. происхождения тюрк. *бургу...*, считая монгол. соответствием последнего слово *büriye / бүрээ* ‘[большая] труба’ (музыкальный инструмент)... (см. **бүрээ**), у которого Э.В. Севортян предполагал связь с калм. *bör* — звукоподражат. (о гремящих звуках) и под. Тюрк. же формы автор вслед за другими исследователями сближал с тур. *byr*, *pyr* ‘гудение’ (Там же), не устанавливая связь между звукоподражат. основой и ранее им реконструированной глаг.

В материале, детально отраженном в ЭСТЯ, на первое и одновременно самое заметное место определенно выдвигается семантика, связанная с музыкальным инструментарием, из чего, думается, не вытекает ее первичность и, следовательно, связь со звукоподражанием. Следует отметить, что уже приводимые в ЭСТЯ данные вызывают вопросы о том, первично ли звукосимволическое «музыкальное» знач. и как с ним связано появление таких, как ‘тростник; дягиль’, с одной стороны, и ‘канава, желобок’ — с другой.

Скорее всего, первоначальная семантика *бургу ~ мургу...* отражала представление о полых предметах природного происхождения типа растений и их частей (стеблей, коры), а последние могут быть использованы для изготовления музыкальных инструментов типа аэрофонов. (Среди соответствий *бургу...* эпизодически встречаются и названия частей тела, имеющих трубчатый характер; ср. др.-уйг. *bora* ‘хобот (слона)’ (Тугушева, *47*, *187*, *323*).)

Если исходить из такого мотивирующего признака, как ‘полый, пустотелый’, то круг сопоставляемых слов можно расширить, включив в их число вост.-тюрк., чаг. *мурі* ‘желоб, водосточная

труба, печная труба; труба как музыкальный инструмент' (РСл. IV, *2195*), уйг. диал. *бора* 'циновка (в сложенном трубочкой виде)' (Малов. УЯ, *143*), а также *мура* 'труба, дымоход', *мојн* (< **morin*? — *Б. Т.*) 'камин, печка', *мора* 'камин, труба дымохода' ~ *мur*(*а*) 'печная (каминная) труба', которые связываются с перс. *mūri* 'глиняная водопроводная труба' (Тенишев. УДС, *108*), но в целом едва ли могут быть отнесены к перс. заимствованиям. Может быть, последнее является тюркизмом?[1]

К числу же форм, гомогенных с рассматриваемыми, похоже, относится также диал. уйг. (лоб.) *поĭсолок* (< **порсолок*?) 'рыбий пузырь' (Малов. Лоб., *156*). Интересно, что в уйг. фиксируется в конечном итоге и прил. *пор* 'пустой, полый' (УРС, *254*).

С последним, видимо, родственно сущ. типа каз. *мор* 'вырытый в земле очаг для изготовления деревянного каркаса юрты' (см.: Кайдаров, *261*), каз. диал. *мор ошак* 'очаг для котла, сделанный из кирпичей' (Аманжолов, *392*), кирг. *мор* 'труба глиняная или кирпичная; вид очага-камина с внутренней стороны стены дома' (КРС, *532*).

Производными от основы **бор* ~ **бур* (> **мор* ~ **мур*) могут быть тат. *мӧржа* (с вариантами) 'дымоход, печная труба; ламповый пузырь', каз. *муржа* 'печная труба', каз. диал. *моржа* то же, *моржа* ~ *муржа* 'пузырь керосиновой лампы', где, по-видимому, отмечен тюрк. аф. *-ча* с уменьш. знач. (см. о нем: АИ, *114–115*), исходя из того, что указ. основа обозначала большую полость, в частности печь (см. выше). По-видимому, из этого исходит А.Т. Кайдаров, выделяя в каз. *муржа* основу *мур*, сравниваемую с названием очага *мор* (см.: Кайдаров, *261*, **мор**). Отметим, что и в этом случае выдвигается версия о заимствованном характере слова, причем оно связывается с различными иноязычными прототипами, среди которых перс. *мури* 'глиняная водосточная труба' (ЭСЧЯ, *131*), тадж.-перс. *мурича* ~ *муриче* 'труба, дымоход' (Ахметьянов. ОЛМК, *137*) и рус. диал. *мурья* 'труба' и под. (ср.: EW, *345*; Фасмер III, *15*; ЭСРЗ, *381*), однако все эти этимологии достаточно спорны.

Э.В. Севортян считал, что к тюрк. названиям трубы *бору*, *муру*, *мыргы* и т.п. «едва ли имеют отношение формы вроде *мӱржа* 'печная труба'» (ЭСТЯ II, *196*), но, думается, что сопоставляемые названия все-таки родственны друг с другом, хотя и различны по своей структуре: *моржа* ~ *муржа*, как уже было сказано, — отыменное образование, тогда как *бору* и под. — отглаг. (на что указывал и Севортян). В связи с этим можно предположить существование соотносительной с *пор* ~ *мор* ~ **мур* и т.п. глаг. основы **бор-* ~ **бур-* (> **мор-* ~ **мур-*) 'быть пустым' (~ 'полым, трубчатым' и т.п.), от которой и образованы соответствующие производные, в том числе и тув. *мургу* (**бур-гу*).

Вопреки представлениям некоторых исследователей (см.: ДЛТЯС, *70*; ЭСРДС, *134*), *мургу* и подобные ему формы, скорее всего, не гомогенны с тув. *авырга* (~ *амырга*) 'дудка, рожок (для приманивания маралов)', хотя определенная общность, в том числе структурная, между ними существует: см. **авырга**.

Интересно в плане происхождения тув. *мургулай* 'трубочкой', восходящее, по всей вероятности, к форме слитного деепричастия от глаг. основы **мургула-* 'свертывать (скручивать) что-л. трубочкой' (< **бургу-ла-*), у которой, возможно, ощущается связь с тюрк. глаг. основой *бур-*, означающей, в частности, 'крутить; скручивать' (см.: ЭСТЯ II, *264*). Это обстоятельство возвращает нас к этимологии В. Банга, согласно которой *boru* 'труба' — производное от *bur-* 'крутить, вращать' и т.д. и которая критиковалась Э.В. Севортяном. Он считал, что мнение Банга «фонетически и семасиологически неприемлемо, поскольку из значения глагола *bur-* нельзя вывести значение 'труба' и в фонетических модификациях *bur-*... форма с открытым гласным (*бор-*) не отмечалась» (ЭСТЯ II, *195*). Эта оценка чересчур категорична по отношению как к семантике (о чем см. выше), так и к фонетич. характеристикам: хотя у *бур-* 'крутить...' вариантов типа *бор-* действительно не отмечено, они тем не менее могли иметь место, о чем, кажется, свидетельствует приводимое нами выше уйг. диал. *бора*, обозначающее 'циновку в свернутом трубочкой виде', где можно проследить **бор-* 'скручивать, свертывать трубочкой'.

По-видимому, между **бор-* ~ **бур-* 'быть пустым...' и **бор-* ~ *бур-* 'скручивать' существовала определенная связь, характер которой сложно установить. Это мог быть результат сближения части образований от первой из указ. основ со второй, но не исключено и родство данных основ друг с другом и наличие у **бор-* ~ **бур-*, кроме приводимого выше, также знач. 'делать что-л. полым, скручивая трубочкой'.

мургу II [уъ] 'зрелый (достигший четырехлетнего возраста) сурок-самец'.

Монголизм. Ср. монгл. *burqi* / *бурхі* 'старый матерый тарбаган-самец, сурок-самец' (БАМРС I, *291*; EW, *345*); см. также: Бертагаев. Лексика, *317–318*.

мургуйлап *нар.* 'еле-еле, кое-как'.

Указ. форма восходит к соединительному деепричастию (с аф. *-п*) от глаг. основы **мургуйла-* *'делать что-л. кое-как', не за-

[1] Допустимо вторичное сближение некоторых из приведенных тюрк. вариантов с перс. словом (напр., в случае с *мурі*). Ср. также примеры, приводимые в работе: Ахметьянов. ОЛМК, *137*.

фиксированного в тув. языке, где отсутствует, по-видимому, и имя **мургуй*, от которого могла быть произведена **мургуй-ла-*. Не обнаружены и соответствия данных форм и основ в других тюрк. языках.

Возможно, **мургуйла-* родственно и аналогично по структуре с тув. *борала-* 'делать что-л. небрежно (наспех, кое-как)' < *борала-*, где именной основе **бора* соответствует первый компонент парного слова *бора бүдүн* 'неважный, посредственный; так себе, кое-как' (см. **бора бүдүн**). Анализируя последнее, мы высказали, в частности, предположение о существовании в прошлом основы **бор-*, означавшей нечто вроде 'быть нечистым, ненадежным, малопригодным к чему-л.' и сопоставленной с каз. диал. *мор-* 'сгнить, почернеть', *бор-* 'стать затхлым'. У **бор-* отмечаются и именные соответствия.

У последних существуют, по-видимому, варианты с узким гласным *у*, из которых при рассмотрении *бора бүдүн* был отмечен вост.-тюрк. (по РСл.) *пур* 'испорченный, гнилой'. Во всяком случае, у ряда образований, включающих в свой состав корневой компонент типа **бур* (иногда, возможно, и **бур-*; ср. кбалк. диал. *пура* 'трухлявый, гнилой'), фиксируется семантика, близкая той, что отмечена для производных от **бор ~ *бор-*, но в основном более единообразная и специализированная и характеризующая физическую и духовную слабость. Ср., напр., каз., кирг. *бурал-* 'ослабевать'[1], кирг. *буралкы* 'слабый, недоразвитый (о животном)', каз. *бурлұқ-* 'изнемогать от долгого неупотребления пищи' (РСл. IV, *1830*), алт. (тел.) *мура-* 'слабеть; тускнуть' (Там же, *2190*).

К числу подобных форм следует, по всей вероятности, отнести хак. *пурух-* 'тосковать; быть в угнетенном состоянии, скучать', которую Э.В. Севортян относил к числу производных форм от глаг. *бур-* 'сердиться' (ЭСТЯ II, *269*), что выглядит недостаточно убедительным в логико-семант. плане[2]; см. также **буру-**.

К формам, родственным с тув. *мургуйла-*, возможно, относятся и те, которые характеризуют различные затруднения (напр., при движении и под.): ср. кбалк. *мурукку ~ муркку* 'задержка, заминка', *муруккучу* 'медлительный, тяжелый на подъем' (КБРС, *473–474*), як. диал. *муркуй-*, *муркуһуй-* 'быть инертным, неподвижным; становиться в тупик' (ДСЯЯ, *166*).

[1] Каз. и кирг. *бурал-* 'ослабевать' считается одним из знач. глаг. (залоговой) формы *бурал-* (< *бур-* 'крутить...'), означающей, в частности, 'виться, извиваться' (кирг.); 'извиваться, быть завинченным' (каз.) (см.: КРС, *160*; КазРС, *95*). Такая трактовка знач. 'ослабевать', скорее всего, не соответствует реальности.

[2] То же можно сказать и о тур. *burul-* или *burut-* (что трудно более точно установить) 'выглядеть нездоровым', трактуемом так же, как хак. *пурух-*, и включенном в ту же статью ЭСТЯ.

Тув. **мургуй* может быть членимо на компоненты **мур-гу-й* < **бур-гу-й*, где **бур* может быть как глаг., по знач. близким **бор-* ('быть ненадежным, малопригодным к чему-л., слабым' и под.), так и соотносительным с ним именем. Соответственно аф. *-гу-* является либо глаголообр., либо формообр. (в частности, означавшим интенсивность или частотность действия). **Бур-гу-й* — вероятное образование с аф. *-й* от **бур-гу-*.

мургулай см. **мургу I**.

мурна- 'опережать, обгонять; быть впереди; спешить (о часах)'; **мурну** 'перед, передняя часть чего-л.' (*в качестве компонента изафетных сочетаний*); **мурнуку** 'передний, передовой; ранний, прежний, прошлый; южный'; **мурнуу** 'передний; южный'.

Производные формы связаны с основой *мурун* (< **бурун*) 'перед' и под., не употребляющейся в тув. языке в качестве самостоятельного слова с указ. семантикой (см. также **бурун**, **бурунгу**, **бурунгаар**). Наиболее распространенным и, как считается, первичным знач. *бурун...* является 'нос' (соответственно 'клюв; морда (животного)' и т.п.) (см.: ЭСТЯ II, *269–270*; СИГТЯ Л, *214–215*). У этого слова фиксируется также семантика пространственно-временно́го характера, причем временные значения (типа 'раньше, сначала, прежде' и т.д.) имеют достаточно широкое распространение, тогда как пространственные ('передняя часть...') встречаются реже. Согласно одному из источников, эта семантика, формулируемая в нем как 'выступающая вперед часть чего-л.' и 'впереди', «появляется исключительно в тув. и тоф. языках, где набор соответствующих слов весьма напоминает результат контаминации и явно не фиксируется в ранних памятниках» (СИГТЯ Л, *215*).

Думается, что мнение о контаминации в данном случае не оправдано, а пространственные знач. у *бурун* и его соответствий в тюрк. языках распространены гораздо шире, причем они отмечены и в памятниках (см.: ЭСТЯ II, *270*, разделы 5 и 6; ДТС, *126*, статья **burun II**). Кроме того, трудно согласиться с выраженной в цитируемом источнике точкой зрения, согласно которой подобная пространственная семантика вторична и производна от знач. 'нос'. *Бурун* 'нос' там же считается образованием от глаг. основы **bur-* 'пахнуть', что в любом случае недостаточно убедительно: можно вполне согласиться с Э.В. Севортяном, констатировавшим, что из этого знач. трудно вывести знач. органа обоняния (ЭСТЯ II, *270*). Оно, кстати сказать, отсутствует в «точной корейской параллели» к тюрк. 'нос' — кор. *puri* 'клюв, пасть; острый кончик', указанной еще Г. Рамстедтом (СИГТЯ Л, *215*).

Скорее всего, именно пространственная семантика и была первичной для *бурун*, и как раз она лучше всего, пожалуй, и со-

хранилась в тув. и тоф. языках, где такая семантика отражена не только в исходных, но и в производных, вторичных формах, в частности в послелогах (служ. именах) (см.: ТРС-РТС, *19*; ИП, *446*); ср. также тув. *мурнунда* 'впереди', тоф. *буруңгу ~ буруңгуу* 'передний, первый' и т.п. В этом плане интересна также глаг. форма типа **бурна-*, образованная непосредственно от *бурун* и реализующая в тув. *мурна-* (с указ. знач.), тоф. *мурна-* 'идти впереди, опережать', имеющая также соответствия в виде хак. *пурна-* 'опережать кого-л.', шор. *пурна-* 'обгонять, опережать кого-л.; спешить (о часах)'.

Вероятно, что первоначальной пространственной семантикой *бурун...* была не субстантивная ('передняя часть' и т.п.), а адъективная, признаковая типа 'выступающий вперед в пространстве; передний', сохранившаяся в отдельных источниках (см.: ЭСТЯ II, *270*).

Производящей же глаг. основой *бурун* могла быть тюрк. *бур-* 'гнуть, сгибать' и под. (см.: ЭСТЯ II, *264–265*), одним из образований от которого справедливо считается тюрк. *бурч...* 'угол' (Там же, *274*). Это знач. (а также 'выступ') эпизодически отмечается и у соответствий *бурун* (Там же, *270*), что, вероятно, не случайно.

Основа *бур-* может, в свою очередь, иметь образную природу, что отражено в некоторых глаг. основах, которые Э.В. Севортяном разъяснялись как отыменные и к числу которых отнесено, в частности, кирг. *буржуй-* 'иметь вид вздувшегося, вспухшего' (Там же, *265*); см. также **думчук**.

Отметим, что в тув. основа *бурун* с пространственной семантикой ('перед, передняя часть чего-л.') сохраняется в застывшей форме принадлежности (*мурну* < **бур(у)ну* 'его перед'), которая считается исходной для производной формы прил. *мурнуку, мурнуу* 'передний...', образованной от *мурну* аф. *-ку*. О причинах появления у этой формы знач. 'южный' см. **бурунгаар**.

мурну см. **мурна-**.

мурнуку см. **мурна-**.

мурнуу см. **мурна-**.

мурчу *редк. фолькл.* 'сила, энергия'.

Тув. *мурчу* имеет соответствия в отдельных тюрк. языках, в частности каз. *мурша* (диал. *бурша*) 'сила' (Аманжолов, *367*), кирг. *мурч* 'сила, бодрость'. Последнее считается перен. знач. слова *мурч* 'черный перец', относящегося, в свою очередь, к иран. заимствованиям (КРС, *540*).

Соответствия *мурч* (> *бурч...*), обозначающие перец в целом, а также его некоторые конкретные разновидности, широко представлены в тюрк. языках (в тув. отсутствуют) и отчасти в памятниках. Его источником считается в конечном счете скр., но для тюрк. языков предполагается иран. посредничество (см.: EW, *89*; ED, *771*; ЭСТЯ II, *275*). Кирг. *мурч* 'черный перец' и *мурч* 'сила, бодрость' — определенно омонимы, второе не связано своим происхождением с первым, у соответствий которого в перечисленных источниках, кстати говоря, перен. семантика (типа 'сила' и под.) не фиксируется.

Возможно, *мурчу* и его указ. соответствия, означающие 'сила', имеют тюрк. происхождение и восходят к праформе **бурч* (ср. каз. диал. *бурша*), однако его этимология неясна. Не исключена ее родственная связь с глаг. основой **бур-* 'быть слабым' или под. (см. **мургуйлап**), где допустимо проявление внутрисловной омонимии (энантиосемии) и, вследствие этого, существование противоположной семантики, характеризующей проявление силы, бодрости, энергии. **Бурч* — образование с аф. *-ч*.

Такова же структура омонимичной с ним формы *бурч* 'угол' < *бур-* 'гнуть, сгибать...' (см.: ЭСТЯ II, *274*). Конечная аффриката *ч* в тув. невозможна, чем объясняется наращение после нее гласного в тув. *мурчу* (ср. также **кончу**); та же причина появления конечного гласного и в каз. *мурша ~ бурша*.

мүн I 'суп, бульон'.

Слово имеет соответствия общетюрк. характера в вариантах *мүн* (наиболее частотном и характерном для тюрк. языков Сибири и части памятников), *бүн* (отмеченном только в др.-тюрк. памятниках) и реже в некоторых других со знач. 'суп, похлебка' (почти во всех источниках), 'бульон, уха, навар' (см.: ЭСТЯ VI, *89*). Пратюрк. формой считается **bün* с семантикой 'похлебка' (СИГТЯ Л, *729*), и, таким образом, в указ. источнике слово фактически не относится к заимствованиям. В то же время удовлетворительной этимологии оно не имеет, а в ЭСТЯ VI приводятся различные версии, сближающие *мүн ~ бүн...* с разными иноязычными формами, в частности кит. Так, в соответствующей словарной статье ЭСТЯ приводятся др.-уйг. *min* и с.-югур. *men* 'мука', возводимые к кит. прототипу и предполагается «генетическое тождество» *mïn* 'похлебка' и указ. названия муки (ЭСТЯ VI, *89–90*), которое выглядит недостаточно убедительно как с предметно-логической, так и с фонетич. точки зрения: праформа **bün* в этом плане достаточно достоверна.

Рассматриваемое слово, скорее всего, является исконно тюрк., но для установления его этимологии использованы не все имеющиеся данные, которое смогли бы помочь определиться с первоначальным знач. слова. В этом отношении представляют определенный интерес тодж. (таежный говор) *мүне-* 'добавлять молоко в чай', которому соответствуют *суде-* в речном говоре того же диалекта и *сүтте-*, имеющие ту же семантику, что и *мүне-* (см.: Чадамба 1974, *78*). Последние два глаг. — произвол-

ные от *сүт* ‘молоко’, тогда как *мүне-* образовано от именной основы **мүн* (**мүн-е-*), определенно родственной с *мүн* ‘суп, бульон’, хотя и семантически прямо с ним не связанной.

Тув.-тодж. *мүне-* соответствует тоф. *мүнэ-* ‘забеливать молоком чай’, с которым родственно тоф. *мүнэліг* ‘мутный (о жидкости)’ (ТРС-РТС, *47*).

Исходя из приводимых данных, можно предположить, что **bün* первоначально обозначало цветовую характеристику и в этом отношении представляло собой типологическую параллель другим тюрк. цветовым прил.: ср. *ак* ‘белый’ и ‘молочные продукты’ (в части языков), *үрүң* (*ürüŋ*) ‘белый’ и ‘молоко’ (последнее — в отдельных источниках), *сарыг* ‘желтый’ и ‘топленое масло’ (в частности, в кум.) (см.: СИГТЯ Л, *598–599*, *601*). Ср. также як. *арыы* ‘топленое русское масло’, ‘масло’; диал. ‘топленый жир, навар’ (см.: Бётлингк, *432*; ЯРС, *48*; ДСЯЯ, *51*), як. диал. (по Э.К. Пекарскому) *мин арыыта* ‘жир в супе’ и т.п. (ДСЯЯ, *159*), где *мин* — соответствие *бүн*, *мүн*. О.Н. Бётлингк обоснованно сопоставлял як. *арыы* с *сарыг* ‘желтый’ в составе наименований типа *сарыг май* ‘масло’ (ср. также: Пек. I, *154*).

В случае с *мүн...* сложнее обстоит дело с установлением «цветовой» именной основы, которая практически, по-видимому, не сохранилась, по крайней мере, в форме, идентичной *бүн ~ мүн*. С последней сопоставима др.-тюрк. *бül*, которая МК фиксируется в сочетании с *at* (*am*) ‘конь, лошадь с белой отметиной на ногах или на лбу’ (ср.: ДТС, *132*; МК И, *84*). Др.-тюрк. основа, в свою очередь, родственна хак. *пүле-* ‘мерцать (о свете)’, *пүле* ‘свет, мерцание’, тув. *бүлергей* ‘тусклый, матовый’ и под. (см. **бүлүрер-**).

Как *бül*, так и совр. основы, подобные вышеприведенным, имеют, по всей вероятности, образную природу, что в целом объясняло бы фонетич. отличия *бül* от **бүн* как предполагаемой основы с цветовой семантикой, не говоря уже о том, что такие отличия могли быть результатом перехода конечного *н > л* или, напротив, *л > н*, что на практике, хотя и нечасто, но встречается (см.: СИГТЯ Ф, *336*, *356*).

О первоначальном образном характере **бүн* свидетельствует наличие у этой основы предположительных вариантов с заднерядным вокализмом, которые определенно прослеживаются в як. *мыналый-* ‘казаться тускло-белесым, туманным (о дали, о глазах)’ (Харитонов, *293*), *мунаа-маган* (*~ маңан*) ‘очень белый, светлый (бык, корова, одежда, снег, лицо)’, *мунаархай* (или *мунаархай-манаархай*?) ‘бледноликий; неопределенный цвет лица’ (см.: Пек. II, *1620*, *1621*). В этих образованиях можно видеть варианты **мын* и **мун*.

Возвращаясь к *бүн ~ мүн...* как к названиям жидких кушаний, можно предположить, что изменение их цветовых характеристик связано с добавлением в них различных приправ, заправок, причем эти характеристики меняются обычно в сторону более светлого цвета по сравнению с незаправленными видами соответствующих блюд. В связи с этим не случайно тув. *кара-мүн* ‘незаправленный бульон’ и наличие у прил. *кара* ‘черный’ (в кбалк.) семантики ‘незабеленный’ (*кара шай* ‘незабеленный чай’), ‘незаправленный’ (*кара билямук* ‘незаправленная похлебка’) (КБРС, *389*).

мүн II см. **мөң II**.

мүң III см. **мөң II**.

мыгырт [ыъ]: **кара мыгырт** *диал.* ‘много’ (**кара** ‘черный’); **мыгырт долу** ‘битком набитый; полным-полно, уйма’ (**долу** ‘полный’); **мыгыртташ-** [ыъ] ‘тесниться, толпиться в тесном помещении’.

Ср. каз. *быкы-* ‘скапливаться, набиваться, сбиваться в кучу, кишмя кишеть’, кирг. *быкыган* ‘многочисленный, кишащий’, *быкылда-* ‘кишеть’, *быкын жатат* ‘полно, видимо-невидимо’ (КРС, *170*), др.-тюрк. (МК) *bïγrïγ* ‘наполненный бурдюк (мешок)’ (ДТС, *105*; МК И, *67*). В каз. *быкы-* вычленяется именная основа **бык* ‘бесчисленное множество, скопище’ (Кайдаров, *198*), которая, возможно, также членима и гомогенна с общетюрк. названием тысячи (см. **муң I**).

Тув. *мыгырт*, употребляемое либо в сочетаниях с предшествующим *кара* или с последующим *долу*, либо как основа глаг. формы *мыгыртташ-* (*< мыгыртта-ш-*), восходит, по всей видимости, к **быкырт*, образованному от **быкы-р-*, формы каузатива от **быкы-* (ср. каз. *быкы-*), с помощью аф. *-(ы)т*. Возможно, от той же формы произведено и др.-тюрк. *bïγrïγ* < ? *bïq(ï)r-ïγ*. Сочетание *-γr-* могло возникнуть в результате выпадения *-ï-* и регрессивной ассимиляции согласного, предшествующего сонанту *-r-*.

От *мыгырт* образована глаг. основа *мыгыртташ-* (*< мыгыртта-ш-*), представляющая собой форму совместно-взаимного залога от **мыгырт-та-*. Ср. также сиб.-тат. *пыгырташ-* ‘копошиться, кружиться, кишеть [напр., о рыбе]’ (Тумашева, *180*), имеющее сходную или тождественную структуру с тув. *мыгыртташ-*.

мыгырт долу см. **мыгырт**.

мыгыртташ- см. **мыгырт**.

мыйгак ‘маралуха’ (*самка марала*).

Отмечена также диал. форма *быйгак* то же (Доржу 2002, *73*)[1]. Ср. др.-тюрк. *тüjуаq* ‘самка марала’, тоф. *мыйгак* ‘маралуха, сам-

[1] В других источниках вариант с начальным *б* не зафиксирован (ср.: ЭСТЯ VI, *93*).

ка изюбря', алт. *мыйгак*, хак. *муйгах* то же и под. (см. также: РСл. IV, *2136*, *2170*; ЭСТЯ VI, *92–93*). В «Кутадгу Билиг» отмечен вариант *munγaq* (*mungak*), который отдельные исследователи склонны считать или определенно считают (по интервокальному комплексу согласных) первичной формой слова (ср.: ED, *772*; СИГТЯ Л, *153*), где праформа представлена как **buńgak*. На этом основании тюрк. слово считается имеющим алт. параллели типа монгол. **mindi* 'самка марала; самка бобра' и тунг.-маньчж. **mońka* 'дикий олень' при праалт. **muńka-* (с неуказ. семантикой). Структура данных форм неясна, а подобное их сближение нельзя назвать этимологическим анализом.

Этимология тюрк. *mujγaq ~ мыйгак...* неизвестна, но, думается, она может быть основана на представлении о собственно тюрк. происхождении слова. Требует разрешения и вопрос о том, какая форма рассматриваемого наименования действительно первична и может ли быть ею та, которая основана на варианте *munγaq* или подобном ему. Отметим, что он фиксируется только в одном памятнике, тогда как «йотовый» вариант *mujγaq* получил определенное распространение в них (др.-уйг. и МК).

Кроме того, и в указ. памятнике вариант *munγaq* встречается лишь дважды (что отмечено Дж. Клосоном) и не исключено, что его появление есть результат описки. Исходная форма **buńgak* с *ń* (смягченным *н*, или *нь*) выглядит сомнительно, поскольку наличие здесь этого согласного другими языковыми данными не подтверждается: у согласного *j* в подобных случаях наблюдается появление назализации (см., напр.: Щербак 1970, *83*). Однако в рассматриваемой ситуации этого не отмечено ни в памятниках, ни в совр. языках (см., в частности: Рассадин. Фонетика, *208*).

Во всяком случае, при этимологизации *мыйгак...* есть основания привлекать в качестве возможно родственных с ним определенные тюрк. формы «йотового» характера, как это делал Дж. Клосон, сопоставлявший *mujγaq* с др.-тюрк. *mujγa* (~ *bujγa*) 'непокорный, своевольный; строптивый, упрямый' (см.: ED, *772*; ДТС, *347*), причем у последнего отмечен вариант *munqa* 'непокорный, своевольный, строптивый' (ДТС, *349*).

В свою очередь, с этими формами могут быть сопоставлены др.-тюрк. *bujmul* 'недрессированный сокол' и *mujmul* 'дикий, неприрученный (о животных)' (ДТС, *121*), если принять данное толкование их знач.[1] В рассматриваемых основах, похоже, прослеживается глаг. основа **buj-* (> **muj-*) 'проявлять своеволие, строптивость' и под., которая может быть связана с **буй*, характеризующей [резкий] поворот, движение в сторону. Эта основа выявляется, в частности, в кирг. *буйта-* 'круто и резко поворачиваться', *жолдон буйта-* 'быстро и круто свернуть с дороги, шмыгнуть с дороги в сторону', *буйтакта-* 'делать резкий поворот, делать резкое движение в сторону' (КРС, *156*).

Вместе с тем **буй* может быть гомогенно с именной основой типа кирг. *буй* 'укромное место, прикрытие, укрытие' (первоначально, по всей вероятности, означавшее 'угол'; ср. также тоф. *буй* 'пах' и **булуң**, **бүк**, **мугулдур**, **муңгаш**), с которым синонимичны и родственны кирг. образования *буйга*, *буйгаал*, *буйгат*, *буйтка*; см., кроме того, кирг. *буйда* 'прикрытие, укрытие; защита, убежище' (КРС, *155–156*). Среди этих образований есть, вероятно, как отыменные, так и отглаг. Можно предположить существование глаг. основ **буй-* и **буйга-*, означавших нечто вроде 'прятать(ся), скрывать(ся), таиться'.

От какой-л. из этих основ (соответственно с помощью аф. *-гак* или *-к*) могло быть произведено **буй-гак* (~ **буй-га-к*) > *муйгак*, *мыйгак* и т.п. Мотивация названия животного, вероятно, связана с тем, что самка марала перед рождением мараленка таится, а затем на какое-то время может оставлять его в укромных местах (см., в частности: Жизнь животных. — М., 1971. — Т. 6. — С. 463–464). Ср. **сыын**.

мыйыр см. **быйыргын**.

мыйырак 'корни живородной гречишки (в виде небольших клубней); горец змеиный'; **мыйыргын** 'маленький и шарообразный'.

Ср. тодж. *муруйак*, *мырыйак* 'живородная гречишка', тоф. *муруйак* 'кровохлебка'. Соответствия *мыйырак* локальные и в основном это названия растений семейства гречишных (см. также: ТДЭС, *37*). В алт. языке отмечено *мырьяк* — название клубнеобразного корневища горца живородящего (Дьяконова В.П. Алтайцы. — Горно-Алтайск, 2001. — С. 77).

Можно говорить о родстве между *мыйырак* и *мыйыргын*, у которого отмечен также вариант с начальным *б*, отличающийся от *мыйыргын* также семантически (см. **быйыргын**; ср. также *мыйыр* 'маленький'). В этих формах выделяется корень **мый- ~ *бый-* или, вероятно, **мый ~ *бый*, означавший соответственно действие по измельчению, уменьшению и нечто мелкое, маленькое. По всей вероятности, *мыйырак* (~ **быйырак*) названо по величине семян или плодов.

Можно предполагать, что структурно *мыйырак*, скорее, отглаг. образование с аф. *-к* от **мыйр-а-* 'уменьшать(ся)' (?) (< *мыйыр*), хотя здесь не исключено и производное от субстантивного варианта формы *мыйыр*, образованное аф. *-ак* с уменьш. семанти-

[1] С ним, в частности, не согласуется интерпретация семантики др.-тюрк. слова (*ulu ajdar*) в труде Клосона как 'имеющий белую шею' и под. (ED, *386*).

кой. Варианты типа *муруйак*, *мырыйак* вторичны: в них наблюдается метатеза и в первом случае — огубление гласного первого слога. См. также **мыя**.

мыйыргын см. **быйыргын, мыйырак**.

мыйыс ‘рог, рога’.

Общетюрк.; Э.В. Севортян отмечал в тюрк. языках две формы: 1) *буйнуз ~ бойнуз…* — главным образом, в огуз. языках и 2) *муңуз ~ мүңүз ~ мугуз ~ тӱгӱz* и под., распространенную более широко в ряде языков и памятниках письменности и характеризуемую большим числом вариантов как по вокализму, так и по консонантизму. Основное знач. той и другой формы — ‘рог, рога животного’. Тув. *мыйыс* включено в число вариантов второй формы, где ему, пожалуй, наиболее близок як. *мойуос*. Ср. также тоф. *миис* (< *мыйыс*), которое в ЭСТЯ дается со ссылкой на М. Кастрена в вариантах *ми:с* и *му:с*[1].

Севортян считал возможным говорить о различных (в деталях) этимологиях для первой и второй форм, хотя их структуры представлялись ему тождественными и считались отыменными образованиями с помощью показателя парности ~ двойственности *-(а)з*. При этом «*буйнуз…* образовалось от производящей основы *бойун ~ мойун* ‘шея’, форма же *мүнгүз ~ бүнгүз* и т.д. — от производящей основы *мүнг ~ бүнг* и т.д. < **бо:ң’ ~ *мо:ң’* или **боң’* в том же значении ‘шея’» (ЭСТЯ II, *245*).

В свою очередь, этимология Э.В. Севортяна восходит к версии К. Брокельмана (приведенной там же), который анализировал *bujnuz* как производное, образовавшееся с помощью показателя *-z* со знач. пары и парных частей тела (в данном случае двух рогов), но не называл производящей основы слова.

Версия Брокельмана и ее конкретизация Севортяном в целом выглядят неубедительно. Во-первых, были высказаны обоснованные сомнения в реальности самой формы двойственного (или мн.) ч. на *-з* в тюрк. языках (см.: Щербак 1977, *85–86*). Во-вторых, производность названия рогов от наименования шеи выглядит странно с логической точки зрения (рога = двойная шея?). В-третьих, форма **боң’* и под. в знач. ‘шея’ противоречит ранее установленной: сам Э.В. Севортян восстанавливал эту праформу в соответствующей статье ЭСТЯ иначе: как **бо:н’* и лишь допускал возможность архетипа **воŋ’*, реконструированного М. Рясяненом (ЭСТЯ II, *181*).

Не вносят ясности в вопрос о происхождении тюрк. слова и алтаистические версии, восходящие к тюрк.-монгол. сопоставлениям Г.И. Рамстедта и Н.Н. Поппе (см. о них: ЭСТЯ II, *244–245*),

[1] Встречается и тув. диал. вариант *миис* (Доржу 2002, *33*).

которые затем были дополнены тунг.-маньчж. и кор. данными (ср.: Старостин, *282* и СИГТЯ Л, *148*). В последнем из указ. источников подобные сопоставления именуются «надежной алтайской этимологией», хотя они этимологией в точном смысле слова не являются. Отметим также, что и праформа тюрк. слова представлена в указ. работах совершенно по-разному: **büŋür* (Старостин) и **bujŋuz* (СИГТЯ Л).

В статье ЭСТЯ, где рассматривается происхождение тюрк. *муңуш ~ муйуш…* со знач. ‘угол(ок)’ и под., высказана мысль о гомогенности этого слова с тюрк. названием рога, которое, как и *муңуш…*, связывается с представлением об изогнутом, закругленном предмете (ЭСТЯ VI, *82*). Стоит отметить, что как родственные между собой истолкованы каз. варианты названия рога (*мүйіз*) и слова *мүйіс* ‘уголок; мыс’, где вычленена основа **мүй* ‘нечто выступающее, торчащее’ (Кайдаров, *262*). В ЭСТЯ ставится вопрос о гомогенности основы (именной) других тюрк. соответствий каз. *мүйіс* и основы **моң* или лучше **муң / мүң* в тюрк. названии рога. «В таком случае понятие рога связывается с представлением об изогнутом, закрученном предмете» (ЭСТЯ VI, *82*), с чем можно согласиться.

Таким образом, исходная семантика основы рассматриваемого названия в ЭСТЯ представлена более точно, нежели в работе А.Т. Кайдарова, хотя этого нельзя сказать о форме основы, реконструируемой в ЭСТЯ, а конкретно — о ее начальном и конечном согласных, первый из которых, скорее, *б-*, нежели *м-*, а второй — среднеязычный типа *-н* (см. **муңгаш**) или *-й*, причем основа может быть как именной, так и соотносительной с ней глаг.

По всей вероятности, «йотовыми» вариантами указ. основы являются **буй- ~ *бой-*, которые представлены в основном с начальным *м* и часто с неогубленным гласным *ы* в различных глаг. и именных формах: ср. алт. диал. *моіш-* (< **мой-ыш-* ?) ‘сгибаться’, *моірыл-* (< **мой-ыр-ыл-* ?) ‘искривляться’ (РСл. IV, *2120*), тув. *мыйыш-* ‘наклоняться, принимать наклонное положение’, алт. *мойрык ~ мыйрык* ‘зигзаг; изогнутый, кривой (о дереве); извилистый’ (ОРС, *111*); ‘извитый; скорчившийся’ (ГАЯ, *220, 221*), кирг. *ийри-буйру* (*~ муйру*) ‘кривой, косой; извилистый’, а также *буйра* ‘кудрявый; кудри…’, этимология которого практически отсутствует и оно не сопоставляется с предшествующими формами (см.: ЭСТЯ II, *245*), хотя явно связано с ними.

С «йотовыми» вариантами типа **бой- ~ буй-* (означавшими нечто вроде ‘сгибать’) может быть связана и первая из форм тюрк. названия рога (*бойнуз ~ буйнуз…*), структура которой, вероятно, выглядела как **буй-(у)н-уз*, где **буй-* — основа с указ. знач.,

-(*у*)*н*- — показатель возвр. залога, который в данном случае мог сохранять свою предполагаемую семантику многократности или регулярности действия (см.: Серебренников, Гаджиева, *201–202*) и, наконец, -(*у*)*з* — аф., образующий отглаг. имена (см. **аас** и др.).

Вероятно, с данной основой связано и происхождение тув. *мыйыс*, где *-й-* является назализованным: [мыj̃ыс]. Он мог возникнуть из сочетания *-йн-* в *буйнуз*... Допуская подобную возможность, А.М. Щербак тем не менее возводит тоф. *мыjыс* 'рог' (скорее всего, это тув. вариант: тоф. см. выше!) к **пынгыс ~ пунгус*, с которыми, в свою очередь, сопоставляет узб. *мугуз*, уйг. *муңгуз*, тур. *бойнуз* (Щербак 1970, *83*) и которые, очевидно, считаются вариантами праформы, а последняя — единой для обеих приводимых выше форм тюрк. названия рога, что, однако, представляется маловероятным. Скорее всего, в принципе был прав Э.В. Севортян, констатировавший структурные различия данных форм.

Отметим, кстати, что тув. *мыйыс* едва ли может быть произведено от праформы **пынгыс* или **пунгус*: сочетание *-нг-* должно было дать *-ң-*, который, в свою очередь, в тув. языке должен был исчезнуть с последующим образованием долгого гласного, в результате чего возник бы вариант типа *-мы:с* или *-му:с*, но, во всяком случае, не *мыйыс*, как это имеет место в реальности. Диал. вариант *миис* (*мй:с* ?) — определенно < *мыйыс*, о чем свидетельствует и переднерядность вокализма.

Следует также заметить, что реконструкция варианта праформы слова без огубления гласных (**пынгыс*), как это сделано в работе А.М. Щербака (практически с ориентацией на тув. *мыйыс*), определенно неправомерна, поскольку тув. вариант явно вторичный и представляет собой пример разогубления гласного *у*; ср. также **мын-**, **мыны-** и подобные им случаи.

Что касается структуры формы *муңуз ~ мүңүз* и под., то эта форма произведена, вероятно, от основы **мун- ~ *мүн-* 'сгибать(ся)' (в свою очередь, восходящей к вариантам с начальным *б-*) в форме многократности (с аф. *-гы- ~ -гу-*), к которой присоединен тот же формант *-з* (но без соединительного гласного), что вычленялся в форме *буйнуз*...

Таким образом, *муңуз*... < **буңуз* < **бун-гу-з*. Нечто подобное наблюдается и в варианте с переднерядным вокализмом типа *мүңүз*.

мый-ыт [-ыъ] 'кот, кошка'.

Ср. алт. *мый* 'кошка', *мыяк* 'тигр, кошка', *мыякта-* 'мяукать' (ОРС, *111–112*), шор. *мыjакта-* 'мычать' (РСл. IV, *2139*), алт. диал. *мырый*, *мыйкал* 'кот' (Яимова, *77*), кирг. *мый-мый* 'кис-

кис'. По мнению А.М. Щербака, тув. *мый-ыт* состоит из двух компонентов, первый из которых, *мый*, считается монгол. заимствованием и сопоставляется с монг. *мигуй*, бур. *мии*, *миисгэй* 'кошка', а второй связан с тув. *ыт* [ыът] 'собака' (ИРЛТЯ, *130*). Второй компонент указан правильно, что подтверждает как совр. графическим обликом слова, так и фонетич. обликом компонента *ыт* (в частности, наличием в нем, как и в соответствующем названии собаки, фарингализации гласного); см. **ыт**.

С происхождением первого компонента и всего рассматриваемого наименования кошки в целом дело едва ли обстоит так однозначно, как это считается. Монгол. слово (ср. также монг., калм. *мии*, п.-монг. *mi*), в свою очередь, может быть заимствовано из вост.-тюрк. (сиб.?), тюрк. языков, где отмечены, как, в частности, в алт., производные от основы *мый*.

Гласный типа *и* (*ии*) в монгол. может восходить к *ы*, в указ. языках отсутствующему.

В целом же можно определенно говорить о звукоподражат. природе *мый*, связанной с мяуканьем: ср. тув. *мыяоңна-*, кирг. *мыёоло-*, тур. *мjавла-* (РСл. IV, *2151*), др.-тюрк. (МК) *тщjав-* (ДТС, *347*) 'мяукать'.

Тув. *мый-ыт* может быть букв. переведено как 'кошка-собака' или как 'собака, издающая мяуканье'. Вторым (опорным) компонентом является название наиболее близкого кошке домашнего животного. Подобное наименование ранее, вероятно, употреблялось и в монгол. языках. Так, в бур. источниках XVIII в. встречается аналитическое наименование кошки *би-нохой*, в совр. бур. языке не употребляемое (Будаев 1978, *253*), где *-нохой* ('собака') соответствует тув. *ыт*, а *би* — тув. *мый*.

См. также **диис**, **моортай**.

мыйыт 'ленок, вид форели' (*рыба из семейства лососевых*).

Ср. тоф. *миит*, як. *быйыт* 'ленок', як. диал. *быйыт* 'карасевая молодь' (ДСЯЯ, *76*). К числу соответствий указ. форм явно не может относиться хак. *миндір* (*mindïr*) 'налим', хотя такое мнение и высказывается (СИГТЯ Л, *177*).

Кстати, в хак. существует и наименование *мыйыт* 'ленок', что отмечено совсем недавно, причем это слово отнесено к дотюрк. местной «сибирской» лексике и, как предполагается, имеет субстратное происхождение (Боргояков В.А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2001. — С. 16).

Этимология *мыйыт*... неясна. Тем не менее, похоже, что у исследователей складывается представление о тюрк. происхождении слова. Так, в СИГТЯ Л сказано, что оно «имеет надежный алтайский прототип», а именно **püŋty-* 'вид рыбы', соответст-

виями которого считаются формы типа монгол. *bongčiliki* ‘камбала’, тунг.-маньчж. **foŋti-* ‘гольян, хариус’, а также их предполагаемые яп. и кор. соответствия. При этом тюрк. исходная форма выглядит как **byŋyt*, с чем едва ли можно согласиться[1]. Эта форма выглядит искусственной, основанной, скорее, на хак. *миндір*, чем на *быйыт* > *мыйыт* > *миит*, определенно не имеющей отношения к другим алт. формам, за родство которых друг с другом, в свою очередь, трудно поручиться. Природа внешних сходств здесь, как и в ряде других подобных ситуаций, неясна, поскольку, в частности, структура приведенных выше и подобных им форм, их мотивирующие признаки и производящие основы не установлены.

О родстве трудно говорить и при большей формальной и семант. общности слов: ср. *мыйыт…* с эвенк. *мājгу* ‘ленок’ и его другими соответствиями в тунг.-маньчж. языках (ССТМЯ I, *521*), а также як. диал. *майгы* ‘сиг; ленок’ (< эвенк.) (ДСЯЯ, *155*; ЭСРДС, *366*).

Думается, что к праформе рассматриваемого тюрк. слова ближе як. *быйыт* (с начальным *б*). Кроме того, як. языковой материал позволяет представить, каков был семант. мотивирующий признак слова. Последний улавливается в знач. диал. *быйыт* ‘карасевая молодь’ с учетом того, что молодью в рус. именуются молодые рыбы… еще не достигшие нормальной величины (см.: ОШ, *363*), т.е. относительно небольшие. Ср. рус. *форель* ‘небольшая рыба семейства лососей’ (ОШ, *855*; ср. также: Даль IV, *1149*, где в определении знач. названия *форель* употреблено слово *рыбка*). Кроме того, в рус. диалектах форель и ее разновидность носят характерное наименование *крóшица* (см.: Даль II, *511*; IV, *1149*), связанное с *крошить*.

Быйыт… может быть осмыслено как производное от глаг. основы **бый-* (~ **мый-*), означавшей нечто вроде ‘измельчаться’ (и имевшей именное соответствие?) и реализуемой в составе таких образований, как тув. *мыйыр* ‘маленький’ и др. (см. **быйыргын, мыйырак, мыя**).

Структурно *быйыт* могло быть производным от указ. глаг. основы с помощью аф. *-(ы)т*, которое подобно *мыйыр* первоначально, возможно, обозначало признак, а затем носителя такого признака или процесса: ср. тур. *düşüt* ‘выкидыш’, *binit* ‘верховое животное’, др.-тюрк. *tušγut* ‘спутник, товарищ’ (АИ, *281*, *284*).

мыкыр см. **макыр**.

[1] В других источниках указ. пратюрк. форма приводится со ссылкой на словарь М. Рясянена (см.: Дыбо, *9*; Старостин. СЕЯ, *209–210*), хотя в нем таковая отсутствует (EW, *336*). При этом в монографии А.В. Дыбо представлен отчасти иной материал алт. языков, а также другая праалт. форма (*buŋtï-* ‘вид рыбы’), нежели в СИГТЯ Л.

мылды- [ыъ] *тодж.* ‘ломать, разрушать’.

Ср. кбалк. *малта-* ‘рубить, обрубать; крушить, топтать’; *мулта-*, *мылта-* диал. то же, *мулдушху эт-* диал. ‘разгромить, разбить кого-л.’. По-видимому, они связаны с подражат. основой или основами, о чем свидетельствует и варьирование огласовки. Вероятно, один из вариантов приводимых глаг. отражен в монг. *малта-* ‘копать’ (см. **малдыыр**). Та же подражат. основа могла варьировать и по характеру согласных: ср. каз. *мылжа-мылжасы шык-* ‘быть изрубленным’, *мылжала-* ‘изрубить’ (КазРС, *248*). Последняя приводится также с семантикой ‘сильно мять, помять, размозжить; распотрошить’ и в нем вычленяется основа **мыл* ‘нечто помятое, мягкое, размозженное’ (Кайдаров, *263*).

Вместе с тем у *мылды-* и под. прослеживается связь и с другими формами и основами: ср., напр., як. диал. *мултумак* ‘комолый’ < **мулт-у-* ‘ломать(ся) (?)’, где **мулт* — вариант образной основы, характеризующей усечение, слом и под.: см. подробности в статье **молдурук**.

мылдык [ыъ] *диал.* ‘ружье’.

Вариант одного из распространенных в тюрк. языках названий определенных видов огнестрельного оружия (ружья, винтовки), отмеченных в разновидностях *мылтык* (наиболее частой), *мултук*, *пултук* и под. (см.: EW, *337*; Ахметьянов. ОЛМК, *151*; ЭСРДС, *394*; ЭСТЯ VI, *93*). Рядом исследователей это слово связывается с названием фитиля, которое, в свою очередь, считается перс. заимствованием (ср. вместе с тем **былда**).

Так, по версии М. Рясянена, *мылтык…* образовано из сочетания названий **beltä* (< перс. *fatila*) ‘фитиль’ + *ok* ‘стрела, пуля’ (EW, *337*). Эта версия имеет определенное хождение, однако уверенности в ее правильности у части исследователей нет, и не случайно, что в некоторых источниках (EW, ЭСРДС) она предваряется знаком вопроса. Версия выглядит небезупречно, в частности, в фонетич. аспекте, на что обращено внимание в ЭСТЯ (VI, *94*).

Не вполне ясной представляется и модель, согласно которой, исходя из нее, образована форма *мылтык…* Ср. в этом плане тув. *былдалыг боо* ‘кремневое ружье’ (при *былда* ‘запальный фитиль’ и *боо* ‘ружье’; см. **боо**), алт. *мулталу мылтык* ‘фитильное ружье’ (ОРС, *112*).

Среди других версий иноязычного происхождения рассматриваемого слова существует даже предположение о связи *мылтык…* с рус. *винтовка* (Н.Н. Поппе и Г. Дёрфер), справедливо оцененное критически (ЭСТЯ VI, *94–95*).

Отмечены и отдельные попытки истолковать *мылтык…* как, по-видимому, исконно тюрк. слово, в котором вычленяется основа

мыл* и аф. *-тык* (Кайдаров, *263*), но семантика основы при этом не приводится и указ. членение слова выглядит немотивированным, а сравнение его в структурном плане с «моделью» *кол* > *колтык* ('подмышка') — неубедительным (ср. **колдук).

В ЭСТЯ допускается возможность членения *мыл-тык*, произведенного А.Т. Кайдаровым, но основа слова при этом выводится из иран. языков, сближаясь, в частности, с тадж. *мил* 'дуло, ствол', что малодоказательно, тем более что выше отмечено: для аф. *-тык* определенного знач. установить не удается (ЭСТЯ VI, *95*).

Существуют и другие попытки этимологизации *мылтык*, исходящие из представления о его исконно тюрк. природе и трактующие его как, в частности, образование от изобразительной основы.

Так, в ЭСТЯ допускается членение *мылтык* на компоненты *мылт-ык*, при этом *мылт* считается подобной основой, которая сопоставляется с узб. *милт* — изображение мигания, блеска и под., а *-ык* — словообраз. аф. Считается, что «семантически вполне допустимо связывать понятие о ружье как виде огнестрельного оружия с изображением вспышки, мигания, отблеска». Однако эта версия не носит в ЭСТЯ окончательного характера, поскольку в заключении соответствующей статьи автор предполагает связь *мылтык* с производящими основами типа перс.-тадж. *мил* или узб. *милт* (ЭСТЯ VI, *95*), причем ни одному варианту не отдается предпочтения.

Представление об образной природе основы рассматриваемого слова имеет под собой основания, но ее предложенная выше интерпретация едва ли является наиболее вероятной. В связи с этим отметим, что в хак. языке помимо *мылтых* 'ружье' фиксируется также слово *мултук*, означающее 'воздушное ружье; трубка, из которой стреляют дети, выдувая воздух'. Подобные «ружья» изготовлялись из ствола бузины или из дудки борщевика (*палтырган*) (ХРИЭС, *64*). В данном случае определенно имеет место фонетич. варьирование, обусловленное образным характером основы вариантов *мылтык* и *мултук*.

Возможно, первоначально заднерядный вариант (*мылтык* или под.) был семантически более близок к переднерядному (*мултук...*) и обозначал реалию, подобную той, что именуется последним. Наименование давалось по форме и относилось к реалиям округлой, утолщенной формы, а также трубчатого характера (вследствие чего через них могла производиться стрельба).

Мылтык ~ мултук, думается, родственно таким образованиям, как турк. *балдак* 'стебель', башк. *балтак* 'борщевик' (см.: Ахметьянов. Ср. исследование, *196*), ср. также башк. диал. *балдак* 'голенище' (Бhh, *31*). Стоит отметить, что у *мылтык* отмечался (М. Кастреном) вариант *малтак* (см.: ЭСТЯ VI, *93*). См. также **балдыр**, **малдырган**, **молдурга**, **молдурук**. Отметим, кстати, что соответствия *балтак ~ балдак* также могут быть связаны с оружием, хотя и с холодным (служить названиями эфесов, рукоятей, а также палиц и под.) (см., напр.: ЭСТЯ II, *52–53*).

Балтак..., а также *мылтык ~ мултук...* могут быть образованиями с аф. *-(α)к* от образных глаг. основ на *-й*, представление о которых дают, в частности, кирг. *балтай-* 'быть толстым и неуклюжим', каз. *бултай-* 'вздуваться, вспухать', як. *бултэй-* 'надуваться' и под., которые варьируют и по признаку широты — узости гласного второго слога: ср. кирг. *бултай-* 'выступать наружу; вздуваться, вспухать' и *бултуй-* 'надуваться, вздуваться, вспухать'. Среди возможных образований с аф. *(α)к* от вариантов указ. глаг. основ с узкими гласными могут быть также названы як. *мултук* 'комолый, не остроконечный', башк. *бүлдәк* 'колено', турк. *мөлтек* 'выпуклый, выступающий вперед' (см. также **булук**).

Вариант указ. основ с гласным *ы* типа **мылтый-* и образования от этого варианта не характерны для тюрк. языков. В случае с *мылтык* могло произойти, скорее всего, совмещение первоначальной формы *пултук ~ *бултук* (> *мултук*) с названием фитиля (**bilte* и проч.), что допускается и в статье ЭСТЯ VI, *95*.

Сближение названия запального фитиля (*былда*) с наименованием ружья (*мылдык* или под.) имело место и в тув. языке, где наряду с *мылдык* отмечено также **былдык* в качестве второго компонента редкого парного слова *мажы-былдык* [маъжы быълдык] (ФТЯ, *194*), семантически, очевидно, близкого или тождественного *мажы* 'курок' (см. **мажы**).

Тув. *мылдык* (~ *мылтык*) характерно для зап. говоров тув. языка (см.: УЗ ТНИИЯЛИ IX, *174*; Доржу 2002, *72*) и, по-видимому, является более старым тув. названием ружья, нежели более распространенный монголизм *боо*: см. **боо**, а также **ланчыы**.

Тюрк. *мылтык* по характеру своего возникновения напоминает рус. *пищаль* — вид старинного огнестрельного оружия типа ружья или пушки, которое ранее обозначало свирель, а ее соответствия имеют анат. семантику вроде 'малая берцовая кость' (см.: Фасмер III, *271*) (ср. тюрк. *балдыр*, *балдырган*). По В. Далю (III, *293–294*), *пищаль* означала, в частности, 'дуда, сопелка, свирель'; 'дуда стрельная, детская игрушка' (ср. хак. *мултук*), а также 'старинное огневое орудие'...

Можно полагать, что первоначально праформа тюрк. *мылтык* (**бултук* или под.) применялась как название старинного огнестрельного оружия типа пищали (аркебузы), а затем приобрело

знач. ‘ружье, винтовка’. В одном из источников у него сохранилась семантика ‘мушкет’ (старинное ружье крупного калибра) (см.: ЭСТЯ VI, *93*).

мылчыра- [аъ] ‘хлюпать’.

См. **былча-**.

мын см. **мун**.

мынаар ‘сюда; там, туда’ (ср. **мынаарла-** ‘двигаться туда (сюда) в указанном направлении’); **мында** ‘в этом месте, здесь; сюда’; **мындаа** **1**. ‘тогдашний, недавний’; **2**. ‘тогда, недавно’; **мындаагы** **1**. ‘тогдашний, недавний’; **2**. ‘тот самый’; **мындаагылар** *почтит.* ‘они, их благородие’ (*о присутствующем 3-м лице*); ‘почтенный, уважаемый; ваше благородие’; **мындаакы** см. **мындаагы**; **мындаакый** см. **мындаагы**.

Ср. алт. *мынар* ‘сюда, в эту сторону’, тоф. *мынаары* то же, *мында* (в других языках — *мунда*, *бунда* и под.) ‘здесь’, *мындаа*, *мындакии* ‘здешний’.

Указ. формы связаны в конечном итоге с косвенной основой мест. со знач. ‘этот’ (см. **бо**), отмеченной в вариантах *бун ~ мун ~ мын* (см.: СИГТЯ М, *222 и след.*), и структурно в значительной мере тождественны или близки формам, образованным от подобной же основы, означающей ‘тот’ (см. **ол**, **анаар ~ ынаар**, **анда ~ ында**, а также: ИП, *236 и след.*). Среди вариантов *бун...* иногда отмечаются и такие, которые выступают в роли прямой, исходной основы как это имеет место в случае с кирг. *мун* (КРС, *156*, *537*).

Мында структурно аналогична *анда...*, представляя собой по происхождению форму мест. п. от *мын*, а *мынаар* соотносима с *анаар*, являясь, по-видимому, первоначальной формой древнего напр. п. на *-гар(ы)* (ср. тоф. *мынаары*), хотя на этот счет существуют и другие точки зрения (см.: ИП, *237*). В случае с *мынаар*, думается, налицо также семант. сближение с *анаар ~ ынаар*: имеется в виду появление у *мынаар* знач. ‘там, туда’.

Неясна структура *мындаа*, которая по форме близка *мында*, но семантически достаточно далека от нее, и, в частности, причина появления у первой из этих форм временно́го знач. также не вполне понятна. Вызывает вопросы и структура *мындаагылар* и его вариантов. *Мындаагылар* — форма мн. ч. от *мындаагы*; считается, что его синонимом является *болар* — мн. ч. от *бо* (ИП, *237*), однако знач. этих форм близки, но не идентичны (см.: ТСТЯ I, *275*). См. также **мындыг**, **мынча**.

мынаарла- см. **мынаар**.

мында см. **мынаар**.

мындаа см. **мынаар**.

мындаагы см. **мынаар**.

мындаагылар см. **мынаар**.

мындаакы см. **мындаагы**.

мындаакый см. **мындаагы**.

мынды *тодж.*, *Тере-Холь* ‘важенка’ (*взрослая самка оленя*); **мындычак** ‘самка оленя в возрасте около двух лет’.

Ср. тоф. *мундучак* ‘двухлетняя телка домашнего оленя’. Тув.-тодж. *мындычак* и тоф. *мундучак* включают в свой состав уменьш. аф. *-чак*. Согласно одним источникам, *мынды* (~ **мунду*) является самодийским заимствованием (см.: ЭСРДС, *142*; ЭСТЯ VI, *65*, примеч. 39). В частности, А.Е. Аникин сопоставляет тув. *мынды* с камасинским *типо*, маторским *mundū* ‘горный козел’, но считает, что, хотя последние материально близки тув. слову и его тоф. соответствию, эти слова тем не менее происходят из другого самодийского источника: ср. тайгийский, караг. *méinde* ‘rangifer ferus’ (‘дикий северный олень’?) (со ссылкой на работы Е.А. Хелимского) (ЭСРДС, *142*).

Характер связи тув.-тоф. форм с приведенным выше саяно-самодийским названием северного оленя неясен как в семант., так и в фонетич. плане (в частности, более старый вокализм *мынды*, скорее всего, сохранился в тоф. *мундучак*, а **мунду*[1] фонетически неблизко *méinde*). Таким образом, *мынды* и под. едва ли можно возвести к указ. самодийскому названию.

Отметим, что существует еще одна самодийская форма, материально и семантически близкая тув.-тоф.: имеется в виду ненецкая *ваңгды* ‘яловая важенка; важенка, у которой погиб теленок’ (Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. — М., 1965. — С. 43), которая, в свою очередь, может быть связана с тунг.-маньчж. формами типа эвенк. *ваңга-* ‘выкинуть плод; преждевременно родить’, *ваңгај* ‘яловый (о важенке)’ и под. (ССТМЯ I, *130*)[2]. Едва ли рассматриваемое тув.-тоф. название может быть реально связано и с этой ненецкой формой и в целом самодийское происхождение рассматриваемого названия сомнительно.

В ЭСТЯ *мынды...* истолковывается как тюрк. по происхождению слово, образованное аф. *-ты ~ -ды* от основы *мын-* ‘сесть (или ‘ехать’) верхом’, представляющей собой диал. (тодж.) вариант тув. *мун-* то же, имеющего общетюрк. характер (см. **мун-**), а *мынды* первоначально означало ‘годный для верховой езды’ (ЭСТЯ VI, *65*). Однако в примечании редактора на той же странице выражено сомнение в реальности такой семантики, поскольку «важенки обычно не используются как ездовые животные», что вполне согласуется с действительным положением дел (см., напр.: Вайнштейн, *90*).

[1] О тув. варианте с огубленными гласными может свидетельствовать вариант *мунду* в монгол. языке Южной Тувы (< тув.) (см.: ЭСРДС, *142*).

[2] К эвенк. форме восходит як. диал. *маңхай* (отмечен еще ряд вариантов) ‘бесплодный (о самках домашних животных)...’ (ДСЯЯ, *157*).

Проблема этимологии тув. *мынды* затрагивается и в другой статье (хотя и без обращения к предыдущей версии), где рассматривается происхождение названия самки марала (см. также **мыйгак**) и, вероятно, по ассоциации с данным словом упомянуто и *мынды*. Автор статьи задается вопросом, «связано ли тув. *мынды*... с *мунду* ‘рог оленя...’; ‘рог газели...’» (ЭСТЯ VI, *93*), но оставляет его без ответа. Прежде чем сделать попытку ответить на него, необходимо уделить внимание слову *мунду*, у которого кроме указ. отмечены также знач. ‘игла’; ‘копье’; ‘ловушка из сети, прикрепленной острыми кольями к земле...’; ‘колья в окопах и ямах, на которые наводят неприятеля...’ (Боровков 1961, *242*; ср. также: РСл. IV, *2188–2189*).

Можно предположить, что знач. этого слова было ‘рог(а)’, причем первоначально *мунду* обозначало относительно прямой, торчащий рог (в отличие от **мыйыс**). *Мунду* представляет собой своего рода реликт: оно характерно, по-видимому, только для памятников, причем поздних (в частности, чаг.) и не фиксируется в совр. тюрк. языках. Этимология слова неясна (см.: EW, *344*).

Тем не менее связь с ним тув.-тоф. названия самки оленя допустима. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что названия некоторых разновидностей оленей и других копытных (в основном в тодж. диалекте) обусловлены определенными характеристиками их рогов. Так, в наименование самцов оленей входит словосочетание *дуктуг мыйыс* ‘шерстистый рог’; ср. также *ходьагар мыйыстыг даъс* ‘годовалый лосенок’ (букв. ‘лось-самец с торчащими рогами’), *ходьагалдай* ‘годовалая косуля-самка’ (букв. ‘торчащий [рог]’) и под. (Чадамба 1974, *63*, *65*; Чадамба 1977, *61*, *63*).

Нечто подобное могло иметь место и в случае с тув. названием оленухи. Известно, что северные олени ежегодно сбрасывают рога, которые затем отрастают заново. У самок рога отпадают весной в связи с рождением детенышей, а у самцов — к концу года. Зимой они оказываются безрогими, тогда как самки к этому времени уже вновь обретают рога (первоначально в виде спиц). Возможно, с этим и связано использование названия *мунду* (> тув. *мынды*) с первоначальной семантикой типа ‘торчащий рог’, ‘с торчащим рогом’ или под. для названия самки оленя (важенки). Таким образом, тув. и тоф. языки могли сохранить архаизм *мунду*, хотя и с измененным знач.

мындыг **1**. ‘такой, вот такой’; **2**. ‘столько, в такой мере’.

Ср. *мундаг*, *мындаг*, *мундай* и под. в других тюрк. языках. Образовано от основы *мын* (см. **мынаар**, **мында**) по той же модели, что представлена, напр., в тув. *андыг ~ ындыг* (см. **андыг**).

мындычак см. **мынды**.

мынча- см. **мынча**.

мынча ‘вот столько [много]; вот такого размера’; **мынча-** ‘вот так делать (поступать)’; **мынчаар** ‘вот так, таким образом; так, такими словами; столько, столь долго’; **мынчага** ‘до сих пор’; **мынчан** ‘в это время года, месяца или суток’.

Ср. тоф. *мыньча* ‘так, вот этак; столько’, *мыньча-* ‘так поступать, так делать’. Если соответствия *мынча* отмечены и в других тюрк. языках (см.: ИП, *236*), то *мынча-* отвечает только указ. глаг. основа в тоф. *Мынча* и его соответствия образованы от основы *мын* и под., производные от которой ранее уже рассматривались: см., в частности, **мынаар**. Структура *мынча* та же, что и *анча ~ ынча* (см. **анча**), а *мынча-* образовано тем же способом, что и *анча- ~ ынча-* (см. **анча-**). Этот способ не вполне ясен и можно предположить, что здесь имела место конверсия указ. нар. или мест. в глаг. (вербализация).

В свою очередь, причастная форма на *-ар* от *мынча-* конвертировалась в нар., семантически близкое *мынча*. Последнее, имея знач. ‘столько’, может указывать на время: ‘столько-то времени (теперь, сейчас)’. Семантика, связанная с ближайшим временем, отражена в *мынчага* ‘до сих пор’ (может употребляться в сочетании с послелогом вроде *мынчага чедир* то же), представляющей форму дат. п. от *мынча*.

По-видимому, от *мынча* в его временно́м знач. образовано слово *мынчан* ‘в это время года (месяца, суток)’, где *-н* — вариант аф. *-ын*, показателя бывшего творит. (оруд.) п., впоследствии служившего для производства наречий, в том числе наречия времени: ср., напр., тув. *кыжын* ‘зимой’ < *кыш* ‘зима’ и под. (см.: Щербак 1987, *24*). Структурно-семант. соответствием *мынчан* является тув. **ынчан** (см.).

мынчаар см. **мынча**.

мынчага см. **мынча**.

мынчан см. **мынча**.

мыны- *тодж.* ‘дряхлеть, стареть’.

В ЭСТЯ тув.-тодж. *мыны-* приводится в группе слов со знач. типа ‘лишаться рассудка, быть глупым, впадать в детство’, которая представлена, напр., тур. *bön* ‘глупый, слабоумный; глупец, простак’, др.-тюрк. *мун-* ‘заблуждаться, впадать в детство, выживать из ума’, турк. *мун-* ‘сильно стареть, одряхлеть’, др.-тюрк. *мундуз* ‘глупый, неумный’, тур. *буна-* ‘впадать в детство, стать слабоумным, выживать из ума’, чаг. *бунак* ‘впавший в детство старик, слабоумный, дряхлый’, хак. *муну-* ‘стареть, дряхлеть’ (ЭСТЯ VI, *84–85*); ср. также чаг. *мону-* ‘стареть’ (РСл. IV, *2123*).

Эти формы даются в той статье ЭСТЯ, где анализируется материал, сводимый к «единой синкретичной глаг.-именной праформе» **буң-* ~ **буң...* с первичной семантикой обозначения отрицат. эмоционально-психического состояния человека, причем отношение этой праформы и ее конкретных окружений к группе слов, подобных приводимым выше, представляется в указ. статье неясным (ЭСТЯ VI, *84*). Мы считаем, что указ. отношение может быть определено как родство (см., в частности, **муң II**).

В рассматриваемой статье ЭСТЯ VI к словам указ. группы приводятся и монгол. соответствия типа монг. *муна-* 'выживать из ума, глупеть', калм. *мун-* 'становиться слабоумным (от старости)'; ср. также п.-монг. *типи-* 'очень ослабеть (физически и умственно) от старости' (Голст. III, *222*).

Применительно к данной ситуации говорится о тюрк.-монгол. параллелях (см.: ЭСТЯ VI, *85*). Допустимо, что двухсложные тюрк. глаг. формы вроде тув. *мыны-* (< **муну-*), хак. *муну-*, чаг. *мону-* — монголизмы, носящие вторичный характер[1], поскольку монгол. формы, в свою очередь, могут быть заимствованы из тюрк. языков, в которых данный глаг. имел первоначально односложную форму, отразившуюся, в частности, в приводимых выше глаг. основах вроде др.-тюрк., турк. *мун-* и образованиях от них (*мундуз*).

В тув. языке тюрк. вариант данной основы прослеживается только в составе производных от нее форм: см. **мунчу**, а также *-муна*, компонент па́рного наречия *аза-муна* 'невнятно, неясно; невпопад...' (см. **аза-муна**).

мыңгарыл- 'прилагать усилия, действовать'.

Соответствий в других языках не обнаружено. Возможна связь с образными основами, выражающими энергию, силу совершения действия. В качестве примера можно привести кирг. диал. *маңгыртоп* 'игра: подбрасывают кверху тюбетейку, а когда она падает, бьют ее ногой, как футбольный мяч' (КРС, *516*), представляющую собой соединение основ **маңгыр* и *топ*, последняя из которых (*топ*) восходит к названию мяча.

Можно предположить, что **мангыр* обозначает или обозначало некое проявление энергии и силы (в частности, в игре). В свою очередь, **маңгыр* может быть интерпретировано как «распространенная» форма основы **маң*, с которой соотносима **мың* в тув. *мың-гар-ыл-*, а оно, вероятно, представляет собой форму пассива от **мың-гар-* (где *-гар-* — глаголообр. аф.). Соответствие

[1] К числу соответствий этих форм, по-видимому, не относится тур. *буна-* 'впадать в детство', имеющее иную структуру (представляет собой образование от *буң* (> тур. *бун*; см. **муң II**)). Таким образом, *буна-* < **буң-а-*.

ы в **мың* широкому гласному в **маң* — распространенное явление в тув. языке. Впрочем, в подражат. основах чередование типа *а* ~ *ы* может быть связано с различиями в семантике подобных.

мыңгырты 'качели'.

Прямых соответствий не найдено. Возможно, как и в предшествующем случае (см. **мыңгарыл-**), здесь имеет место связь с основой образного характера, обозначающей ритмические колебательные движения или нечто подобное. Ср. др.-тюрк. (МК) *čeŋli meŋli* 'игра — катание на качелях' (ДТС, *144*), которое в труде Дж. Клосона дается в твердорядном варианте *çaŋlı: maŋlı:* и в качестве названия детской игры: качания на доске. Автор относил эту форму к числу окказиональных слов, предполагая, что в данном случае проявляется лишенная знач. аллитерация, каковая, как он считал, наблюдается в тур. *çatal matal*, обозначающей подобную игру.

Думается, что это сопоставление не вполне корректно и, в частности, компонент типа *maŋlı:*, возможно, по своему происхождению не является простым «словом-эхом», сходство *maŋ* в др.-тюрк. формы с **мың* в тув. *мыңгырты* носит неслучайный характер и оба компонента восходят к основам, отображающим колебания.

Стоит отметить, что в плане структуры тув. форма представляется достаточно ясной: **мың-гыр-ты*, где **мың* — указ. основа, *-гыр-* — глаголообр. аф., а *-ты* — формант, образующий отглаг. имена. Наличие узкого гласного в первом слоге *мыңгырты* может быть результатом перехода первоначального *а* > *ы*, что в тув. языке наблюдается нередко, но допустимо и проявление чередования данных гласных в образных основах. Не отмечен ли *ы*, чередующийся с *а*, в основах типа алт., тел. *мыгыл*, хак. диал. *мыңыл* 'дрожание' (РСл. IV, *2138*, *2139*)?

Вместе с тем не исключено родство *мыңгырты* с *мыңгарыл-*, рассматривающимся в предыдущей статье: в том и другом случае речь идет о сильных, энергичных движениях.

Об образной производящей основе названия качелей может свидетельствовать наличие, в частности, у *мыңгырты* своего рода параллелей в самодийских языках: ср. ненецкое *пыңга*, *пыңгэ...* 'качели' (при прасамодийском **punkəjə* ~ **pinkəjə*) и под. (SW, *131*). В данном случае едва ли реально говорить о заимствовании в каком-л. направлении.

мырай, **мырыңай** 'совсем, совершенно; вполне'.

Тув. *мырыңай*, кроме *мырай*, отмечается еще в вариантах *марай*, *май* (см.: ВТФ, *10*) и диал. (тодж.) *буруй* (ТСТЯ I, *317*). Ср. также тоф. *бырый* ~ *брый*, *пырый* ~ *прый* 'вовсе, совсем, совершен-

но' (Рассадин. Морфология, *270*, *271*; ТРС-РТС, *19*), хак. *прай ~ прайзы* 'весь, вся, всё, все' (ХРС, *161*), *пырай* 'всё, всем', *пра* (*пра черде* 'везде'), *прай* 'все, всё' (РСл. IV, *1310*, *1414*), сиб.-тат. *пран* 'совсем, точь-в-точь' (Тумашева, *178*), чул.-тюрк. *пырзай* 'совсем', хак. *пырсаңай* 'слишком; надолго; совсем' (ХРС, *171*).

Этимология указ. форм неясна, как и их структура. По мнению Р.М. Бирюкович, чул.-тюрк. *пырзай* (рассматриваемая ею изолированно от других, указ. выше форм) относится к числу производных с послелогом *сай*, который обозначает регулярно повторяющиеся промежутки времени: ср. *чыл зай* 'ежегодно', *күн зай* 'ежедневно' (при *чыл* 'год', *күн* 'день') и под.[1] Однако включение в число этих форм *пырзай* (*пыр-зай*) явно ошибочно, поскольку семантика основы **пыр* не прояснена, тем более что эта основа в качестве самостоятельного слова, в чул.-тюрк. языке в частности, неизвестна. Можно предположить, что *пырзай* представляет собой вариант образования, подобного хак. *пырсаңай* (см. выше); ср. также тув. *мырыңай* и *мырай*.

Возможно, приводимые выше формы родственны глаг. основам типа *бырак-* (як. *брах-*, *бырах-*), *быракы-*, *бырка-* с семантикой типа 'помещать, вкладывать (о деньгах); выставлять; расстилать, раскладывать; бросать, выбрасывать, вбрасывать, ввергать; отпускать, распускать, освобождать; отпускать, отращивать; предаваться чему-л.' и т.п. (ЭСТЯ II, *307–308*). Эти знач. довольно разнородны, но в них улавливается общий компонент тотальности, всеобщности или высокой степени проявления чего-л., причем результат соответствующих действий может быть оценен как положительно, так и отрицательно. Ср. также, по-видимому, родственные с указ. основами як. *бурай-* 'рассыпать, разматывать, разгонять, рассеивать; растрачивать, проматывать, расточать' и *бурай* 'рассыпанный, рассеянный; истраченный' (Пек. I, *565*).

Однако приводимые в ЭСТЯ II основы не имеют этимологии. В них лишь предположительно вычленяются некие глаг. (**быр-*) и именная (**быр*) основы без указания их знач. (см.: ЭСТЯ II, *308*, *346*). Последние, по всей вероятности, действительно сложно установить, но тем не менее можно предполагать, что указ. признак тотальности и под. в эти знач. входил и нашел отражение в семантике тув. *мырыңай* и соотносимых с последним форм местоименно-нар. характера.

Они, в свою очередь, могут быть произведены как от глаг. (ср. *пра* < **быр-а*), так и, вероятно, от именной основы: ср. хак. *пырсаңай*, чул.-тюрк. *пырзай*, с которыми сопоставимо хак. *пырсын* 'развиваться, крепнуть' (ХРС, *171*). Об исходной основе и структуре *мырыңай*, *прай*, *пран* и под. судить сложнее. Можно предположить, что *мырыңай* образовано от глаг. (залоговой) формы **бырын-* с помощью аф. *-гай*.

У тув. *мырыңай* обнаруживается сходство с каз. *бірыңғай*, которое, согласно одному источнику, означает 'исключительно, весь, целиком' (Аманжолов, *386*, статья **кіл**), а согласно другому — 'однородный' (КазРС, *103*). Может быть, последнее восходит к форме **бырың(г)ай*, которая затем была совмещена с *бір* (*бир*) 'один' и под.?

мырыңай см. **мырай**.

мыя 'близкий, находящийся поблизости; небольшой, немногочисленный'; **мыяга** 'недалеко, на небольшом расстоянии'; **мыягы ~ мыягыы** 'находящийся недалеко от говорящего'; **мыяда** см. **мыяга**.

Ср. тоф. *мууја* 'вот это[т] (о чем-л. маленьком)' (Рассадин. Словарь), *мууйа* 'вот этот, вот эта, вот это', *мууйада* 'вот здесь, совсем близко, рядышком' (ТРС-РТС, *46*).

Мыя, по всей вероятности, гомогенно с такими формами, как *мыйыр* и под.: см. **быйыргын, мыйырак**. Первоначально оно именовало нечто маленькое и находящееся поблизости; о субстантивной семантике *мыя* свидетельствуют производные формы с пространственными падежами, выражаемыми аф. *-га* (*мыяга*) и *-да* (*мыяда*), а также прил. на *-гы* (*-гыы*). Местоименная (дейктическая) семантика типа 'этот' вторична. В целом тоф. *мууйа*, *мууйада* вторичны также по наличию огубленности и долготы (эмфатической) гласного первого слога.

С тув. и тоф. формами, вероятно, гомогенны алт. *мыйсак* 'маленький', хак. диал. *маамыях* 'крошечный' (ДХЯ, *103*), чул.-тюрк. *пуйган* 'маленькое хвойное деревцо; молодой хвойный лес' (Бирюкович, *55*). Ср. также **ыя**.

мыяга см. **мыя**.

мыягы см. **мыя**.

мыягыы см. **мыя**.

мыяда см. **мыя**.

мыяк [мыjак] 'помет; экскременты'.

Ср. тоф. *мыjак ~ мыняк* 'помет; кал, испражнения', др.-тюрк. *bajnaq* 'содержимое кишок', *majaq* 'навоз, помет', уйг. *майак* 'навозная жижа (для выделки кож у скорняка); помет (овцы, козы, верблюда); кал' и т.п. (Рассадин. Фонетика, *208*; ED, *350*; Менгес, *116*; ЭСТЯ VI, *15–16*), с которыми, думается, гомогенно тур. *mayıs* 'коровий навоз'. В последнем из указ. источников восстанавливается праформа **байак ~ бан'ак* (ср. **bañak* 'помет,

[1] См.: Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. — М., 1979. — С. 100; Она же. Морфология чулымско-тюркского языка. — [Саратов], 1981. — Ч. 2. — С. 103.

навоз' у Дж. Клосона) и отмечается, что сужение *а* в первом слоге тув. и тоф. лексем, вероятно, обязано последующему среднеязычному согласному (ЭСТЯ IV, *15*). Тем не менее этимология в этих источниках не приводится; в них содержатся только перечни словоформ и их значений (ср. также: EW, *322*).

Между тем вполне вероятной представляется связь рассматриваемых форм и вариантов с основами, обозначающими гниение, несвежесть и под.: ср. др.-тюрк. *majïl-* 'портиться, увядать (о сочных фруктах и овощах)', тур. *байыл-* 'вянуть (о цветах)' (РСл. IV, *1469–1470*); др.-тюрк. *majïl jemiš* 'переспелые, перезрелые, загнивающие фрукты и овощи' (ДТС, *335*). К числу подобных форм могут быть отнесены также имена вроде тур. *bayat* 'несвежий, черствый (о хлебе); невкусный', азерб. диал. *байат* 'несвежий обед; черствый хлеб'.

Приводимые выше формы типа *majïl-* и *байыл-*... в ЭСТЯ даются в статье, предшествующей *майак*..., но не связываются с последней и рассматриваются лишь в кругу глаг. и производных от них именных форм, характеризующих в основном тяжелое физическое и реже моральное состояние человека: *май-* (каз., по РСл.) 'уставать', *майыл-* ~ *байыл-*, которые кроме вышеприведенных имеют также знач. 'уставать, утомляться, ослабевать; падать в обморок, лишаться чувств; тревожиться, беспокоиться'. Ср. также формы *майык-*... 'уставать, утомляться, изнемогать' и *майыш-* 'слабеть (от переполнения желудка после еды, щекотки, наслаждения, ласк)' (ЭСТЯ VI, *14–15*; ср. также: Иллич-Свитыч 1984, *50*).

В последнем из указ. источников исходная тюрк. глаг. основа слова *майак*... представлена в виде **maji-* (*majï-*? — *Б. Т.*) 'слабеть, пропадать', а в ЭСТЯ — в виде *май-* ~ *бай(ы)-* 'прекращаться, слабнуть', из знач. которых более приемлемо 'слабеть (слабнуть)'[1]. Может быть, подобные основы имели также семантику, аналогичную той, что отмечена у рус. *слáбить*.

Дж. Клосон на основании др.-тюрк. *majïl-* реконструировал глаг. исходную основу **bañ-* 'переспевать' (ED, *772–773*), определенно допуская связь подобных глаг. с **bañak* 'помет, навоз' (см.: ED, *348*, *350*). Возможно, основа **bañ-* имела вид *май-* или *бай-* (допустимы и двухсложные варианты) и семантику типа 'портиться, гнить', вследствие чего *майак* и под. первоначально могло обозначать нечто испорченное, негодное из того, что ранее было

[1] Знач. 'пропадать; прекращаться' реконструированы путем привлечения тюрк. основ *байы-* 'закатиться (о солнце); проходить'; *байла-* 'кончаться' и подобным им, которые, возможно, не родственны тем, которые означают 'слабеть'. В ЭСТЯ сказано: «Генетическая связь *байыл-* ['падать в обморок' и др.] и *байы-* *'прекращаться...' все же неочевидна» (ЭСТЯ VI, *15*). См. также **бай II**, где такие основы еще четко не разграничены.

едой. Мягкий *н'* (*ñ*) в **bañ-* и тоф. *мыняк*, возможно, не исконный, а восходит к сочетанию *jn* в др.-тюрк. *bajnaq*; с ним же может быть связано *j̃* в тув. и тоф. *мыj̃ак*.

В свою очередь, *bajnaq*, вероятно, < **bajïn-aq*, где **bajïn-* — форма возвр. залога от **baj-* (*бай-*).

МЭЭ 'мозг (головной); ум'.

Общетюрк.; отмечено в ряде одно- и двухсложных морфол. и фонетич. вариантов. Тув. *мээ* [мэ:] идентично или близко тоф., кирг., алт. и др. *мээ*, алт. диал. *пее*, которые, в свою очередь, восходят к форме типа **меӈи* ~ **беӈи* или под. (ср. уйг. *мәӈи*, лоб. *мегә*).

Основное знач. — 'мозг (главным образом, головной)'; иногда отмечается семантика вроде 'голова; темя; родничок', которая считается перен. (см.: ЭСТЯ II, *106–107*; СИГТЯ Л, *195*)[1]. Этимология слова неясна. Анализ его форм привел некоторых исследователей к выводу о том, что основная часть этих форм, а именно все двухсложные и восходящие к ним односложные типа тув. *мээ*, носит вторичный характер, являясь посессивными (с аф. 3-го л. ед. ч. *-и*), и восходит к односложной именной основе, которая реконструируется по-разному: как **меӈ* (ЭСТЯ II, *107*) или как **beji̯ŋ* (СИГТЯ Л, *195*). Однако знач. указ. основы либо остается неясным как в первом случае, либо практически отождествляется с совр. знач. типа 'головной мозг' или 'мозги', как это наблюдается в СИГТЯ Л. Подобное отождествление едва ли правомерно: указ. семантика является древней, но, возможно, непервоначальной.

Э.В. Севортян отмечал, что посессивные формы «нередки при названиях частей и органов человеческого тела, поскольку... обозначают нерасторжимую принадлежность тела, чем и вызвано оформление этих названий аф. принадлежности» (ЭСТЯ II, *107*). В данной ситуации речь идет о принадлежности одних частей тела другим, более крупным. В связи с этим явно не случайными оказываются уйг. изафетные сочетания *баш миӈә* 'головной мозг' (букв. 'голова мозг-ее') и *арка миӈә* 'спинной мозг' (букв. 'спина мозг-ее'), где конечный *ә* второго компонента, вероятно, восходит к аф. принадлежности.

Вместе с тем речь идет, в частности, о части головы человека, причем о верхней и притом округлой, сводчатой, к которой относятся, естественно, мозговые полушария, а также темя и родничок (см. соответствующие знач. рассматриваемого слова, которое в плане семантики сопоставимо с эвенк. **эл(э)-сэ* 'череп; головной мозг', а также 'нёбо' (ОСЛАЯ, *272*)). Исходя из

[1] Связь знач. 'голова' и 'головной мозг' фиксируется и на материале тунг.-маньчж. языков, причем наблюдается случай, когда явно первичной была семантика 'голова' (что имело место в одном из монгол. заимствований) (см.: ОСЛАЯ, *272*).

этого, можно прийти к выводу о родстве тюрк. названия головного мозга со словом, обозначающим в тюрк. языках, в частности, родимое пятно, родинку (*бең ~ мең...*, исходной семантикой которого мы считаем 'выдающийся вперед, выпуклый' или под.: см. **мең**). Подобные первоначальные знач. могло иметь и тюрк. наименование головного мозга, односложный исходный вариант которого, думается, фактически идентичен указ. выше слову.

Отметим, что праформы данного наименования реконструируются и в двухсложных вариантах, каковыми являются, в частности, **beŋŋi*, **beŋi* (СИГТЯ Р, *105*, *230*) и др. (см.: EW, *70*; ED, *348*). К сожалению, при подобных реконструкциях не принимаются в расчет наличие у названия мозга односложных форм и возможность истолкования двухсложных как производных от первых, о чем уже было сказано ранее. В принципе наличие у праформы *беңи ~ меңи...* двухсложного варианта не исключается, но он должен быть обоснован (напр., как образование от глаг. основы типа **бең-...*, соотносительной с односложной именной праформой?). См. также **мээс**.

мээлик *тодж.* 'утолщенная часть лопасти топора (выше лезвия)'.

Соответствий не обнаружено. Возможно, *мээлик* связано с *мээ* 'мозг', происхождение которого обусловлено определенными пространственными характеристиками, в частности тем, что это слово обозначает верхнюю, закругленную часть головы (см. **мээ**). В случае с *мээлик*, вероятно, наблюдается метафорич. перенос наименования, основанный на сходстве по положению (сверху) и в определенной степени также на внешнем (наличие закругленности). Подобное прослеживается и у тув. *чөвек* 'темя', означающего, кроме того, 'обух (топора)' (см. **чөвек**). Отметим, что знач. 'темя' фиксируется и у соответствий *мээ*.

Однако в отличие от *чөвек* в знач. 'обух' *мээлик* представляет собой аф. образование.

Аф. *-лик ~ -лык* в тюрк. языках используется для образования отыменных имен, а в тув. он практически является мертвым формантом. Этот аф. многозначен, но *-лик* в составе *мээлик*, похоже, не вписывается в число его типичных знач. (см.: АИ, *20 и след.*). Можно предположить, что *-лик* имело сравнительную семантику, и тогда *мээлик* является результатом не метафорич. переноса, а сравнения.

мээ-медерел 'сознание'.

См. **медерел**, **мээ**.

мээрең *уст.* 'мейрен' (*в старой Туве — заместитель правителя хошуна*).

Монгол. заимствование. Н.Ф. Катанов, отмечавший это слово в вариантах *мāрāң* и *пāрāң* и в знач. 'фланговый командир', истолковывал его как заимствование из маньчж. *мэйрэн* через монгол. *mejiren* (без указания знач. маньчж. и монгол. форм) (Опыт, *152*). Согласно Б.Я. Владимирцову, первая из них означала 'плечо; фланг в войсках', а вторая — 'крыло, фланг в войсках', но гораздо чаще она употреблялась в знач. 'командир фланга; название военно-административной должности хошунного управления, третьей по степени важности' (Владимирцов. Ср. грамматика, *292*). В данном случае монг. язык выступил как посредник при вхождении маньчж. слова в тув. Об этом посредничестве свидетельствуют как семантика слова, так и его внешний облик. В частности, в нем нашла отражение «монг.» долгота: в совр. монг. языке слово бытует в вариантах типа *мэйрэн* и *мээрэн* (см.: БАМРС II, *370*, *376*), с последним из которых связано тув. *мээрең*. (Н.Ф. Катанов, правильно указав путь проникновения слова в тув. язык, был не совсем точен при установлении монгол. формы, в которой оно было заимствовано: в частности, ею определенно не являлась п.-монг. *mejiren*, приводимая в Опыте.) Конечный заднеязычный *ң* также отражает соответствующий согласный монг. языка, в который может переходить *н* в указ. позиции (напр., в заимствованных словах).

мээс 'солнечная (южная) безлесная сторона горы'; *тодж.* 'высокая гора, одна сторона которой (северная) покрыта лесом, а другая (южная) безлесна'.

Ср. тоф. *мээс* 'поляна на южном склоне горы; южный безлесный склон горы', алт. *меес* 'безлесное отлогое место' (ОРС, *109*); 'южная сторона горы; голая гора'[1]. Согласно материалам О.Т. Молчановой, алт. *меес* — 'безлесная гора' или 'поляна на склоне горы (северном или южном)' (ТСГА, *22*). В условиях Саяно-Алтайского региона безлесными чаще бывают южные, более сухие, нежели северные, склоны гор которых чаще оказываются лесистыми.

Слово *мээс* было отнесено к числу тех, происхождение которых неизвестно (Рассадин. Фонетика, *89*). Мы же высказали мнение о том, что это название восходит к тюрк. слову, существующему в вариантах *беңиз ~меңиз*, *меңгиз* и под. и означающему, в частности, 'лицо' и, таким образом, *мээс* — это как бы лицевая часть горы (при южной ориентировке)[2] (см.: Татаринцев 1977, *22–23*). Ср. также хак. *миис* 'лицо' и *кун миизі* 'солнцепек; места, прогреваемые солнцем' (при *кун* 'солнце') (ХРИЭС, *61*).

[1] См.: Баскаков Н.А. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая // Топонимика Востока. — М., 1969. — С. 69.

[2] Не случайно в тув. языке горный лес получил название *арга*, соответствующее общетюрк. *аркa* 'спина; затылок; часть спины между лопатками', а лесистый (северный) склон горы именуется *арга талазы* (см. **арга II**).

Однако в отличие от хак. в тув., тоф. и алт. языках рассматриваемое слово, очевидно, не сохранилось в его прямом, анат. знач.

В других работах по этимологии генетическая общность форм *беӈиз...* и *мээс* до недавнего времени не отмечалась, хотя она прослеживается достаточно определенно и, кроме того, позволяет уточнить первоначальную семант. характеристику *беӈиз...*, для которого, как считается, «значения по конкретным языкам... указывают на исходное 'внешность, вид' → 'цвет лица' (NB отсутствие ориентационных или ландшафтных развитий)» (СИГТЯ Л, *208*), но, как мы видим, последнее не соответствует реальности.

В ЭСТЯ (VI, *55*) по поводу семантики *беӈиз...* сказано, что «основным следует признать значение 'лицо', но... это не анатомическое обозначение, а указание на внешние черты человека, именно 'облик, лик, черты лица', а также 'цвет лица, внешний вид'». Определенную поправку в подобные представления вносит примеч. редактора, высказывающего предположение о том, что в случае с тув. *мээс* и под. имеет место обычная метафора «название части тела → ландшафтный термин» (Там же).

Таким образом, в принципе у *беӈиз...* вполне реально первичное анат. (и пространственное) знач. типа 'лицо, лицевая (передняя и верхняя) сторона', на основе которого возникла ориентационная семантика 'южная сторона', поэтому был прав Г. Вамбери, включавший *меӈиз* в одно гнездо слов с *маӈ / меӈ* 'вверху, впереди; быть впереди', причем *меӈиз* объяснялось как слово со знач. *'то, что вверху и впереди'. В это же гнездо Вамбери помещал и *маӈлай* 'лоб' (см.: ЭСТЯ VI, *56*), для чего также имеются основания: см. **маӈнай**.

В ЭСТЯ, кроме того, констатируется, что широкое распространение получило стремление связать *меӈиз* с *меӈ* 'родинка, родимое пятно', что также оправдано, однако при этом имеет место трактовка *меӈиз ~ беӈиз* как отыменного образования, где *-з* — показатель мн. ч. (или двойственного) или уменьшительности. Обе версии сомнительны. Похоже, к такому выводу приходит и автор статьи в ЭСТЯ, который констатирует, что «принятие праформы **меӈ + -из* поддерживается рядом тюркологов» (Там же), хотя сам как будто склоняется к тому, чтобы считать **меӈ-из* 'лик, облик, лицо'[1] отглаг. именем на *-з* (Там же, *57*).

[1] Вместе с тем едва ли можно согласиться с тем толкованием первичной семантики этого имени, которое предлагается здесь же: *'то, что отличает людей'; 'то, по чему можно сравнивать (через лицо и вообще)' (ЭСТЯ VI, *57*); оно выглядит искусственным и усложненным.

Выше мы уже пришли к выводу о родстве названия головного мозга с *беӈ ~ меӈ* 'родинка...', исходной семантикой которого мы считали 'выдающийся вперед, выпуклый...': см. **меӈ, мээ**. Основа *беӈ ~ меӈ* с указ. семантикой прослеживается и в *беӈиз ~ меӈиз*[1], которое, очевидно, гомогенно также с тув. *мээ* 'мозг' и его соответствиями, среди которых, возможно, не случайно отмечен такой вариант, как сал. *теŋes* (Тенишев. Сал., *409*).

Структурно *беӈиз...* действительно отглаг. образование с аф. *-з* от **беӈ-*, глаг. соответствия уже упоминавшейся именной основы, означавшего нечто вроде, 'быть впереди, выдаваться вперед' и под. (см. выше версию Вамбери) или от глаг. основы **беӈ-и-*, образованной от *беӈ...* и имевшей ту же семантику, что и **беӈ-*.

Закономерно, что *беӈиз...* имеет также знач. 'щеки, ланиты', обозначая, таким образом, (округло) выдающиеся части лица. Очень распространена, кроме того, семантика 'цвет лица' (что, в свою очередь, обычно относится к щекам (см.: ED, *352*)). Думается, что спорно мнение о том, что именно связь со знач. *меӈ* 'родимое пятно' в конечном счете могла развить в слове *беӈиз...* семантику 'цвет лица' (см.: ЭСТЯ VI, *51–52*).

— Н —

наадым 'на́дым' (*праздник животноводов*); **наадым-байыр ~ байыр-наадым** 'праздник'.

Монгол. заимствования. Ср. п.-монг. *naγādum*, монг. *наадам* 'на́дом' (национальный спортивный праздник у монголов); вид спорта; на́дом (юбилейное торжество, посвященное революции 1921 г. в Монголии); торжество, празднество; фестиваль; игра, забава, развлечение; шутка, насмешка; игрушка', < *naγādu- / наада-* 'участвовать в на́доме, в празднествах, торжествах; развлекаться, забавляться, играть'; а также монг. *баяр наадам* 'празднество' (БАМРС II, *379*); см. также **байыр**.

наадым-байыр см. **наадым**.

назы, назын [аъ] 'прожитая жизнь; жизнь'; **назы бара-** [аъ] 'стареть'; **назыда-** [аъ] 'стариться, стареть'; **назыда** [аъ] 'всю жизнь'; **назыла-** [аъ] см. **назыда-**; **назы-төөгү** [аъ] 'долгая жизнь'; **назы-төөгүде** [аъ] 'всегда, постоянно'; **назы-хар** [аъ-] 'возраст'; **назы-чаш** [аъ-] *редк.* см. **назы-хар**.

[1] Сказанное не означает, что название лица (*беӈиз...*) производно от названия родинки (*беӈ...*), как это принято считать. Едва ли приемлемо отрицание гомогенности этих слов вообще, выразившееся, в частности, в подборе для каждого из них своих, различных алт. параллелей (см.: СИГТЯ Л, *208, 209*).

Ср. тоф. *наъсын* ‘прожитая жизнь; возраст’. Тув. *назы ~назын*, тоф. *наъсын* — варианты слова монгол. происхождения: ср. монгол. *nasu(n) / нас(ан)* ‘возраст; годы, лета’. Варианты *назын* и *наъсын*, судя по сохранению согласного *н*, заимствованы раньше, чем *назы*. Тув. *назыда* < монгол. *nasuda / насад* ‘всегда, постоянно, вечно; целую жизнь’. Выражение *назы бара-* также представляет собой монголизм: см. **бара-**.

У глаг. форм *назыда-* и *назыла-*, содержащих в своем составе глаголообр. аф. *-да-* и *-ла-*, либо не обнаруживаются монгол. соответствия, либо последние имеют другие знач., что, напр., наблюдается в монгол. *nasula- / наслах* ‘проживать известное число лет, достигать какого-л. возраста’ (ср. тув. *назыла-* ‘стареть’). Можно предположить, что такие соответствия также существуют или существовали ранее, о чем косвенно свидетельствует наличие монгол. формы с другим аф. типа монгол. *nasuji- / насжих* ‘состариться, стареть, быть в годах, становиться пожилым’ (БАМРС II, *400*).

Тув. формы *назы-хар* и *назы-чаш* образовались путем присоединения к заимствованию *назы* тув. (= тюрк.) слов, имеющих близкую или тождественную с ним семантику: см. **хар**, **чаш I**.

У тув. *назы-төөгү* (и *назы-төөгүде*) монгол. соответствие не обнаружено, хотя оба его компонента восходят к словам, имеющим монгол. происхождение: см., в частности, **төөгү**.

назы бара- см. **назы**.

назыда- см. **назы**.

назыда см. **назы**.

назыла- см. **назы**.

назын см. **назы**.

назы-төөгү см. **назы**.

назы-төөгүде см. **назы**.

назы-хар см. **назы**.

назы-чаш см. **назы**.

най ‘маленький’.

См. **ынай**.

наймаа: садыг-наймаа [аъ-] *собир.* ‘торговля; магазины’.

Первый компонент пáрного слова связан с тув. *садыг* ‘торговля; магазин’ (< *сат-* ‘торговать...’; см. **сат-**); второй, самостоятельно не употребляемый, восходит к монгол. слову: ср. монг. *маймаа(н) ~ наймаа(н)* ‘торговля; коммерция; торгашество’; уст. ‘китаец’ < кит. (БАМРС II, *387*; ЯМВМ, *172*).

найта- ‘надеяться, возлагать (питать) надежду, уповать’; **найтал** ‘надежда’.

Монголизмы. Ср. монгол *najida- / найдах* ‘надеяться, уповать, рассчитывать; доверять, верить’ и *najidal / найдал* ‘надежда, упование’ < *nai / най* ‘дружба; надежда’. См. также **найыр**, **найырал**.

найтал см. **найта-**.

найыр *уст.* ‘праздник; пир; веселье’; **найыр-байыр** то же; **найыр-дой**, **найыр-доюр** ‘пир, пиршество; праздник’; **найыр-курум** *фолькл.* ‘праздничный пир’; **найыр-наадым** ‘праздничные мероприятия’; см. **наадым**, **найыр**.

Ср. як. *наар* ‘порядок, соответствие, соразмерность’ < монгол. (EW, *349*; Рассадин. МБЗ, *70*). Уже Н.Ф. Катанов (Опыт, *33*) сопоставлял тув. *найыр* с п.-монг. *najir*; ср. монгол. *najir / найр* ‘пир, веселье, торжество; празднество, банкет’, даваемое в качестве омонима к *najir / найр* ‘любезность, вежливость’ (БАМРС II, *387*), которые в другом источнике представлены в виде одного многозначного слова со знач. ‘согласие, единодушие; любезность; веселье, пир’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *285*).

Монголизмами являются и тув. парные слова *найыр-курум* и *найыр-наадым*. Ср., в частности, монг. *найр хурим* ‘увеселение, торжество; празднество; пир’; *хурим найр* ‘свадьба; пир’ (при *хурим* ‘свадьба; пир, празднество, праздничный пир’) и *найр наадам*, синонимичное *найр хурим* (БАМРС II, *387*). Возможно, таково же происхождение тув. *найыр-байыр*: см. **байыр**.

Тув. *найыр-дой* — композита, образованная путем соединения *байыр* с тув. (< тюрк.) *дой* ‘пир...’ (см. **дой I**) и имеющая вариант *найыр-доюр*, где второй компонент как самостоятельное слово не употребляется. Возможно, *-доюр* возникло из *дой* в результате своего рода «подравнивания» под компонент *найыр*.

М. Рясянен сближал это слово с тув. *найыр* ‘праздник’, относя оба слова к числу монголизмов (EW, *349*), что в целом правильно (см. также **найта-**), но в работе Рясянена отсутствует монгол. соответствие тув. *найырал*. Им является *najiral / найрал* ‘согласие, единение; гармония, согласованность, созвучие’, которое, по-видимому, связано с монгол. *najira- / найрах* ‘сочетаться, соединяться; смешиваться’ (БАМРС II, *387*, *388*), а последнее, в свою очередь, образовано от *najir / найр*, каковому и соответствует тув. *найыр*.

Следует отметить, что монгол. *najiral...*, хотя оно семантически довольно близко тув. *найырал* ‘дружба’, тем не менее такого знач. не имеет. Семантика ‘дружба’ передается другим монгол. словом — *najiramdal / найрамдал*, родственным *najiral / найрал*, но в отличие от него не вошедшим в число монголизмов тув. языка.

найырал ‘дружба’.

Монголизм, восходящий к монгол. *najiral / найрал* (‘согласие, единение; гармония, согласованность; созвучие’), с изменением лексического знач.: ср. монг. *найрамдал* ‘дружба, согласие, мир’ (БАМРС II, *387*, *388*).

найыр-байыр см. **найыр**.

найыр-дой см. **найыр**.
найыр-доюр см. **найыр**.
найыр-курум см. **найыр**.
найыр-наадым см. **найыр**, **наадым**.
найысылал ‘столица’.

Монголизм; ср. п.-монг. *nejiselel* ‘столица, резиденция государя’, монг. *нийслэл* ‘столица’. Тув. *найысылал* принадлежит, судя по всему, к числу поздних заимствований, а его источником могли быть тексты на п.-монг. языке. П.-монг. *nejiselel* не имеет четкого указания на рядность гласных: в принципе оно могло быть прочитано и как слово с заднерядным вокализмом (нечто вроде **najisalal*, что и дало тув. *найысылал*[1], особенно лицами, не владевшими в совершенстве монг. языком.

накчы: **кара-накчы**, **черлик накчы** *диал.* — названия съедобных трав, используемых вместо чая (ВТЯ, *80*); **напшы: көк напшы** *диал.* ‘полынь обыкновенная’ (Чадамба 1977, *68*).

Компонент *накчы ~ напшы* указ. названий растений восходит, по всей вероятности, к монгол. *nabči / навч(ин)* ‘лист; листья, листва’. Первые компоненты названий (*кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *черлик* ‘дикий, дикорастущий’) также имеют монгол. соответствия (см. **кара**, **көк I**, **черлик**), однако названия растений, соответствующие вышеприведенным, в имеющихся источниках по монгол. языкам не обнаружены. Можно предполагать, что *кара накчы* и под. являются тем не менее монгол. заимствованиями в целом.

нам *уст.* ‘партия’; **нам-чазак** [-аъ] *уст.* ‘партия и правительство, власть’.

Одни из поздних монгол. заимствований. Ср. монг. *нам* ‘партия (политическая); согласие, дружба; группа лиц, объединенных общностью интересов; семейство, разряд; род, порода’, монгол. *пат jasaγ / нам засаг* ‘партия и правительство’. См. также **чазак**.

намда- ‘утихать, ослабевать, переставать; успокаиваться’; **нам-чим** ‘тихо-мирно’.

Ср. як. *намтаа-* ‘снижаться, опускаться; падать, понижаться...’. Монголизм. Ср. монг. *намта-* ‘успокаиваться, затихать’ < *нам* ‘низкий; тихий, спокойный, нешевелящийся’ (Рассадин. МБЗ, *72*).

Тув. *нам-чим*, по-видимому, < монг. *нам жим* ‘мертвая тишь, молчание, безмолвие...’ (с переосмыслением?).

[1] П.-монг. слово писалось и без гласной буквы после *-s-*: *nejislel* (см., напр.: Владимирцов. Ср. грамматика, *326*), а гласный *ы* в предпоследнем слоге тув. *найысылал* мог в таком случае быть вставочным.

намдар [аъ] ‘биография’.

Монголизм. Ср. монг. *namtar / намтар* ‘биография, жизнеописание’ (< тиб.) (см.: EW, *350*).

нам-чазак см. **нам**.
нам-чим см. **намда-**.
намчы *уст.* ‘партийный; партиец’.

Связано с *нам* ‘партия’ (см. **нам**) и подобно ему является монголизмом: ср. монгол. *namči / намч* ‘партийный; партийность’.

напшы см. **накчы**.
нар-шээр чок ‘без стеснения, бесцеремонно, откровенно’; **нары-чок**, **нары-шээр чок**, **нарын-шээр чок** то же.

Переоформленные варианты монголизма, первые компоненты которых (**нар**, **нары**, **нарын**) представляют собой, вероятно, варианты слова, восходящего к монгол. *narin*, которое, в частности, означает ‘сложный; осмотрительный, осторожный’ и под. (см. **нарын**). В данном случае имеют место субстантивация указ. прил. и наличие семантики типа ‘осторожность, осмотрительность’.

Компонент *-шээр* восходит к форме, подобной п.-монг. *čeger* (монг. *цээр*) 1. ‘скромный’; 2. ‘запрет, табу; воздержание, целомудрие; скромность’ (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *211–212*; БАМРС II, *295*); см. также **шээр I, II**. Отмечена и форма отрицания от *čeger ~ цээр* с частицей *-ügei* (> аф. *-гүй*) типа п.-монг. *čeger ügei ~ čegergüi*, монг. *цээргүй* ‘бесстыдный’ (БАМРС II, *295*), которая в целом соответствует тув. *чок*.

Вероятно, подобные отрицат. формы имело (или имеет?) и монгол. *nari(n)* (ср. тув. *нары чок*) и оно входило в парное слово, соответствующее тув. *нар* (*нары*, *нарын*)*-шээр чок*; в имеющихся источниках такие формы (а также па́рное слово) не обнаружены.

нарын ‘сложный; проницательный, острый (об уме), изысканный, изящный, тонкий; скупой, расчетливый; осторожный, щепетильный’; **нарыыда-** ‘осложняться, усложняться; стесняться’; **нарыын** *редк.* ‘довольно сложный’.

Ср. як. *нарын*, *нарыын* ‘изящный, аккуратный, нежный, тонкий’ (Пек. II, *1682*) < монг. (EW, *351*; Рассадин. МБЗ, *71*). Колебание долготы гласного второго слога в тув., по-видимому, отражает соответствующий процесс в монгол. языках: ср., напр., п.-монг. *narin* и монг. *нарийн*, где сочетанием *ий* передается долгота гласного *и*. Нечто подобное наблюдается в як.

Тув. *нарыыда-*, скорее всего, восходит к монгол. глаг. основе, образованной от варианта имени с долгим гласным: ср. *нарыыда-* и монг. *нарийда-*, которое заметно отличается от его соответствия семантически, означая ‘быть тоньше, у́же, чем надо, быть чрезмерно тонким, узким, оказываться слишком узким; становиться тонким, утончаться’ (БАМРС II, *397*).

нары-чок см. **нар-шээр чок**.
нарын-шээр чок см. **нар-шээр чок**.
нары-шээр чок см. **нар-шээр чок**.
нарыыда- см. **нарын**.
нарыын см. **нарын**.
начын ‘силач, богатырь; борец; звание, присваиваемое победителям в национальной борьбе’; **начын бора хартыга** ‘кречет’; **начын-маадыр** ‘человек, оставивший свое имя в истории; герой’.

Ср. др.-тюрк. *lačïn* ‘кречет; сокол-сапсан’ (ДТС, *332*), а также другие соответствия общетюрк. характера, в основном в том же варианте; иногда варьирует вокализм или появляется протетический гласный (ср. *ылачын* и под.); вариант с начальным *н* из тюрк. языков представлен только в тув. (ЭСТЯ VI, *6–7*). Семантика слова в основном орнитологическая (‘сокол, белый сокол, сапсан, кречет’ и под.)[1], хотя распространены и метафорические оценочные знач. вроде ‘храбрец’, ‘силач’ и под.

Выдвинуты различные версии происхождения тюрк. *lačïn*..., в том числе и собственно тюрк., которые в целом не отличаются убедительностью. У тюрк. слова имеются монгол. соответствия с начальным *н* (*начин* и др.), трактуемые в ЭСТЯ как «параллели» тюрк. *лачын*, у которых отмечается в указ. источнике в основном только орнитологическая семантика (‘сокол, кречет, ястреб’; ср. также ‘гончая собака’ в калм.) (ЭСТЯ VI, *8*). Считается, что «соотношение тюрк. и монгол. слов неясно» или даже что тюрк. слово — монголизм (ср.: СИГТЯ Л, *170, 651*).

Между тем, наоборот, монгол. слово — определенно тюркизм (см. также: ЭСРДС, *354*), а в монг. языке у *начин* фиксируется также знач. ‘первое низшее звание, которое присваивается борцам-победителям на на́доме (см. **наадым**. — *Б. Т.*), прошедшим пять туров без поражений’ (БАМРС II, *401*).

Тув. *начын* — бесспорный вторичный монголизм, что отмечено, в частности, М. Рясяненом (EW, *348*), причем оценочная семантика *начын* заметно усилена по сравнению с монгол. оригиналом слова. Для *начын* нехарактерно употребление в качестве названия птицы, хотя оно и может служить одним из компонентов такого названия: ср. *начын бора хартыга* ‘кречет’[2] (см. **хартыга**).

Не вполне ясно происхождение тув. *начын-маадыр*: оба его компонента восходят к монголизмам вторичного характера (см. также **маадыр**), но монгол. соответствие наименования в целом не обнаружено.

[1] При этом у тув. *начын* в ЭСТЯ указано знач. ‘сокол’ и только оно (VI, 7), что неточно.

[2] Отметим, что в таком источнике, как «Шестиязычный словарь названий птиц Тувы и Западной Монголии», указ. наименование отсутствует, а в знач. ‘кречет’ фиксируется словосочетание *аңнаар шаңгыр* (ШС, *24*).

начын бора хартыга см. **начын**.
начын-маадыр см. **начын**.
неге- [еъ] ‘требовать; предъявлять иск; востребовать долг или возмещение ущерба; приказывать’; **негекчи** [еъ] ‘истец; тот, кто требует возврата долга’; **негелде** [еъ] ‘требование; иск; запрос’.

Ср. алт. *неке-* ‘взыскивать; гнаться за кем-л., преследовать, гнать’ (ОРС, *112*), *някä-* (бараб.) ‘просить, умолять, надоедать просьбами’, (алт. диал.) ‘следовать, преследовать’ (РСл. III, *671*), являющиеся, как и тув. *неге-*, монгол. заимствованиями (см.: EW, *352*). Ср. монг. *neke- / нэхэх* ‘требовать, затребовать; домогаться; взыскивать; возбуждать иск; преследовать, устраивать погоню, гнаться’.

Заимствованиями являются и именные формы, приводимые выше и являющиеся производными от указ. глаг. основы. Так, тув. *негекчи* < монгол. *nekegči / нэхэгчи* ‘истец’, а тув. *негелде* < монгол. *nekelte / нэхэлт* ‘преследование; иск, взыскание, требование’, к которому восходит также алт. *некелте* ‘иск, требование’ (Рассадин. МБЗ, *23*).

негей [еъ] **1**. ‘сшитый из овчины с длинной шерстью’; **2**. ‘шуба из овчины с длинной шерстью’; **негей тон** [еъ] ‘овчинная шуба’ (при **тон** ‘шуба; халат’).

Ср. алт. *некей* ‘шуба (овчинная)’ (ОРС, *112*), являющееся, как и тув. *негей*, монголизмом: ср. п.-монг. *nekei*, монг. *нэхий* 1. ‘овчина (выделанная)’; 2. ‘овчинный’ (*nekei degel / нэхий дээл* ‘овчинный тулуп; шуба из овчины; дубленка’). Тув. и алт. формы восходят к более старому варианту монгол. слова типа п.-монг. *nekei*.

М. Рясянен считал монголизмами як. *näk* ‘истертая шкура’, *nüögü*, *tüögü*, *tüöŋü* ‘осенняя шкура’ (EW, *352*); ср. также як. *nä:gi* ‘шерсть с измятой остью; похожая на вытертую заячью шерсть’ (Пек. II, *1686*) ~ *нээги* ‘свалявшаяся шерсть...’ (ЯРС, *257*).

негей тон см. **негей**.
негекчи см. **неге-**.
негелде см. **неге-**.
неди [еъ] ‘исключительный, необыкновенный; очень’.

Монголизм. Ср. монгол. *neti / нэт* 1. ‘обедневший, обнищавший; нещадный’; 2. ‘еще хуже; нещадно’.

нелээн *диал.*, **элээн** ‘довольно, достаточно, порядочно’.

Ср. як. диал. *нэлиэн* ‘вполне достаточный, обильный, просторный’ (ДСЯЯ, *176*). В словаре Э.К. Пекарского это слово дается в знач. ‘многочисленный, широкий, большой’ и сопоставляется с п.-монг. *nelijen* (Пек. II, *1694*). Як. *нэлиэн* — монголизм (см.:

EW, *352*), как и тув. *нелээн ~ элээн*: ср. монгол. *nelijen / нэлээн* 'значительное количество, много; большой, значительный; довольно, значительно, порядочно'.

В тув. языке фиксируются два варианта слова: диал., сохранивший начальный согласный *н*, и лит. (*элээн*), где этот согласный утрачен. Это довольно редкий случай, поскольку чаще наблюдается обратное: утрата *н-* в диал. речи и его сохранение в тув. лит. языке.

неме- 'дополнять, прибавлять, добавлять; пристраивать, делать пристройку'; **немелде** 'дополнение, прибавление, добавление; прибавка, добавка'; **немере** 'прибавка, добавка', **немерелде** 'добавление, добавка; дотация'; **немереле-** 'добавлять, прибавлять; давать в придачу (при обмене)'.

Ср. тоф. *неме-* 'прибавлять, добавлять; помогать, оказывать помощь'. М. Рясянен обоснованно истолковывает тув. и тоф. *неме-* (тоф. основа дается по материалам М. Кастрена), а также тув. *немелде* и *немере* как монголизмы, хотя монгол. соответствия указаны только к *неме-* и *немелде* (EW, *352*). Ср. монгол. *nete- / нэмэх* 'прибавлять, добавлять, дополнять, складывать; прибывать (о воде), увеличиваться', *nemelte / нэмэлт* 'добавка, добавление, дополнение, прибавление, прибавка, увеличение, рост', а также *nemeri / нэмэр* 'прибавка, прибавление, добавка, дополнение; придача (при мене); помощь, содействие; прибыль, выгода', *nemerile- / нэмэрлэх* 'прибавлять, придавать, надбавлять, добавлять, дополнять; вносить вклад'.

Монгол. соответствие отсутствует у тув. *немерелде*, которое представляет собой структурную параллель к *немелде*, но если последнее определенно образовано от монгол. глаг. основы, соответствующей тув. (и тоф.) *неме-*, то в случае с *немерелде* производящая глаг. основа типа **немере-*, кажется, отсутствует вообще. Создается впечатление, что эта именная форма создана в тув. языке «с опорой» на *немере* и по образцу *немелде* и подобных ему отглаг. образований с аф. *-лда ~ -лде*.

немелде см. **неме-**.

немере см. **неме-**.

немерелде см. **неме-**.

немереле- см. **неме-**.

немил *диал.* (*Тере-Холь*) 'топкий, болотистый'; **чемил** *тодж.* 'топь с поверхностью желтого или красного цвета, самое глубокое и опасное место в трясине'.

Другие соответствия не обнаружены. Впервые тодж. *чемил* рассматривалось нами в публикации о местных географических терминах Северо-Восточной Тувы, или Тоджи (Татаринцев 1977, *23–24*) и сопоставлялось, в частности, со сходными формами як. языка: *дьэбэ* 'жидкая, вязкая грязь, топь', *дьэбэрэ* 'глубокое, вязкое болото' (ЯРС, *137*; ср.: Пек. I, *805*), *дьабара* 'жидкая грязь', соотносимыми Э.К. Пекарским с тур. *чамыр*, а также с п.-монг. *sibar*, бур. *шабар ~ шабур* 'грязь' (Пек. I, *764*).

Привлекались также др.-тюрк. *jaba* 'мокрый, влажный', *jebäŋ* 'сыпучий, топкий, вязкий' и *jebäŋ jer* 'сыпучие пески; топкое место, трясина' (или 'зыбкий песок') (ср.: ДТС, *221*, *252* и МК И, *103*, *124*), которые в труде Дж. Клосона выглядят иначе: *jebe* 'влажный; влага' и *japaŋ jer* 'песчаная дюна; песок, в котором увязают ноги животных...' (ED, *872*, *878*).

В сопоставление включались также тур. *чамыр* 'глина, грязь, ил' (РСл. III, *1939*; ср. вышеприведенное *чамыр*, а также совр. тур. *çamur* то же), *чепел* 'темноцветный, грязный, запачканный; безобразный, низкий, мерзкий; дурное время года, время дождей' (Там же, *1995*) и совр. тур. *çepel* 'грязный, скверный; мусор, грязь'. Этот материал, однако, едва ли сопоставим с тув. *чемил ~ немил*, поскольку в этих вариантах определенно реконструируется начальный (**јемил*), а *ч-* и *н-* восходят к этому согласному, тогда как *ч-* в тур. формах, скорее всего, первичен (подобный согласный в тув. чаще всего переходит в *ш-*). Кроме того, тур. *çepel* считается перс. заимствованием (см.: ТурРС 1977, *181*) и по этой причине также не может быть соотнесено с тув. *чемил*, несмотря на значительное формальное и смысловое сходство между этими словами: такие заимствования для тув. языка нехарактерны.

Думается, более перспективно сопоставление тув. данных с як. Отметим, что происхождение як. *дьэбэ* и подобных указ. выше наименований и их вариантов неясно, хотя на этот счет высказывались определенные мнения, согласно которым речь в данном случае идет о заимствовании.

Так, як. формы с переднерядным вокализмом типа *дьэбэ*, *дьэбэрэ*, к которым добавлено еще *дьэбилгэ* 'жидкое болото', возводятся Г.В. Поповым к эвенк. *дэбгэ* 'топкое болото; болотистое, необитаемое место' (Попов, *103*). На другой странице той же работы (Там же, *62*) к тому же слову возведены только формы *дьэбэ* и *дьэбэрэ*, причем это сделано под вопросом. Эта версия и в самом деле выглядит сомнительной, тем более что источник эвенк. *дэбгэ* не указан, а это слово отмечено в несколько ином варианте — *дэвгэ* 'болото' (ССТМЯ I, *227*); ср. также як. диал. эвенкизм *дэбгэ* 'торфяник, заболоченное место'[1].

В «Этимологическом словаре якутского языка» указ. формы почему-то отсутствуют, а, напротив, фиксируется только заднерядный вариант *дьабара* 'жидкая грязь', считающийся монголиз-

[1] См.: Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. — Якутск, 1984. — С. 124.

мом, обоснование которого не приводится; даются только ссылки на работы Э.К. Пекарского, М. Рясянена и О. Бётлингка (Попов. ЭС 1, *168*), но в них прямо не говорится о монгол. происхождении *дьабара* в указ. знач.

Начальный согласный *дь* в як. встречается, главным образом, в составе заимствований, однако здесь есть некоторое число слов, начинающихся с *дь*, у которых, как считается, существуют только тюрк. соответствия с исходным начальным *й* (Попов, *18*)[1]. Возможно, с подобной ситуацией мы сталкиваемся и в случае с указ. як. формами или вариантами (с учетом того, что, напр., монгол., *sibar* и «эвенк.» *дэбгэ* в качестве их соответствий едва ли приемлемы).

Следует отметить, что як. *дьэбэрэ* кроме ранее отмеченной семантики имеет или имело раньше знач. 'плохой', реализуемое в сочетании *дьэбэрэ дьон* '«плохой» (бедный, грязный) народ' (Пек. I, *805*). По всей вероятности, с *дьэбэрэ* родственно як. *дьэбэл*, отмеченное в качестве компонента сочетания (пáрного слова?) *кэр дьэбэл* 'неприглядная жизнь, худшее против прежнего состояние' (Там же) и имеющее также вариант *дьэбэр* (Там же, *805*, *1040*)[2].

В свою очередь, *дьэбэл* может быть гомогенным с такими тюрк. формами, как *йабал* (> *чабал*), *jämäl*, *чебäл*, *чибен* 'плохой, дурной, гадкий; злой, страшный...', фиксируемыми в основном в части тюрк. языков Сибири и встречающимися эпизодически за ее пределами. Некоторые исследователи считают гомогенными эти формы и общетюрк. *йаман* с семантикой того же характера, что отмечена у *йабал...*, но с более развитой многозначностью.

Этимология *йаман* и *йабал* неясна. В них выделяются корневые основы **йам* и **йаб*, семантика которых неясна и к тому же нет уверенности в том, что эти основы можно отождествить друг с другом (ЭСТЯ IV, *109–110*). Вместе с тем их можно связать с определенными реальными словами, что относится прежде всего к основе **йам*, с которой, думается, сопоставимо др.-тюрк. *jam* (*уа:т*) 'сор, соринка (попавшая, в частности, в глаз)' (ср.: ДТС, *230*; ED, *933*).

[1] В некоторых случаях у подобных як. слов обнаруживаются и монгол. соответствия (см.: Широбокова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. – Новосибирск, 2001. — С. 90).

[2] Что касается компонента *кэр*, то он, по-видимому, самостоятельно не употреблялся и о нем только сказано, что «значение слова не выяснено» (Пек. I, *1040*). Может быть, *кэр* представляло собой именную основу с отрицат. оценочной семантикой, которая как будто прослеживается в составе тюрк. форм типа *кере-* 'сердиться', *кериш-* 'браниться, ругаться, скандалить' и *кериш* 'ссора, перебранка, скандал'. Относительно их этимологии высказываются определенные суждения (см.: ЭСТЯ V–1, *50–51*), но при этом их исходная основа (скорее всего, односложная именная) не определена.

Дж. Клосон не привел к нему совр. тюрк. соответствий, но такую попытку сделал М. Рясянен, указавший в качестве одного из них на тув. *čat* (EW, *183*) (ср. *чам* 'соринка; сор (плавающий на поверхности воды)'). Ср. также каз. диал. *жам* 'мусор' (Аманжолов, *376*), чул.-тюрк. *чăм* 'сор' (Бирюкович, *73*), хак. *нам* 'сор, мусор; труха' (ХРИЭС, *66*)[1]. У части этих соответствий семантика связана с загрязнением воды или объекта, характеризуемого наличием жидкой среды (напр., глáза). Ср. также *уа:т* в одном из памятников, которое означало нечто среднее между 'слизь в глазу' и 'слеза' (ED, *933*).

По-видимому, у соответствий **йам-* могло прослеживаться и знач. типа 'вода' или под., о чем свидетельствует кирг. *жам*, семантика которого словарем не определена, но она реализуется лишь в таком связанном контексте, как *бала үчүн киши отко*, **жамга** *түшөт* 'ради ребенка человек готов пойти в огонь и в воду' (букв. 'попадет в огонь и в **жам**') (КРС, *224*).

К соответствиям **йам* относятся, видимо, также названия углублений и впадин вроде башк. диал. *йам* 'яма' (Бhh, *67*), каз. диал. *жам* 'ров, яма, провал на глубине моря, озера; каньон' (Кайдаров, *210*), причем, как видно, речь может идти и об объектах, заполненных водой или содержащих в себе воду. Таким образом, соответствия **йам* обозначают, в частности, реалии, характеризуемые наличием воды, грязи и опасностью, которая связана с погружением в подобные «стихии».

Что касается **йаб*, то у него таких соответствий в виде слов не наблюдается. Можно говорить лишь о предполагаемых корневых основах производных форм, причем неясно, глаг. или именными они являются: здесь мнения ученых расходятся. Так, в тюрк. *йаблак* 'плохой...' одни из них видят образование от **йаб-* (~ **йав-*), а другие — от **йаб* (~ **йав*) (см.: ЭСТЯ IV, *47*), тогда как *йаман* считается только отыменным, хотя это не вполне логично.

По аналогии **йам*, *йаблак...* и *йабал...* можно сопоставить со словами, близкими по своим лексическим знач. *йам* ~ *чам...* Такими словами могут быть ранее приводимые др.-тюрк. *jaba* или, по Дж. Клосону, *-yebe:*[2] и *jebäŋ* [*jer*] (~ *japaŋ* ~ ? **jabaŋ*), а также як. *дьэбэ*, где определенно прослеживается глаг. основа **йаб-* 'быть мокрым (топким, вязким и под.)' с ее переднеряд-

[1] В алт. языке, по-видимому, отсутствует непосредственное соответствие основы **йам*, имеется глаг., *дьамда-* диал. (тел.) *йамда-* 'мести' (ОРС, *46*; ГАЯ, *168*), который от указ. соответствия образован: ср. др.-тюрк. *jamda-* 'прибирать [в доме]' от *jam* 'сор' (ДТС, *231*).

[2] Переднерядный вариант в работе Дж. Клосона — возможно, результат производимого им сближения данного слова с глаг. основами типа *jibi-* 'быть сырым, влажным', которое небесспорно. Тем не менее, исходя из этой близости, исследователь считал, что транскрипция *yebe:* более предпочтительна, нежели *yaba:* (ED, *872*).

ным вариантом **йеб-*. С ними связаны, возможно, як. *дьабара* и *дьэбэрэ*, которые, в свою очередь, могут быть родственны с як. *дьэбэл* и *дьэбэр*, употреблявшимися с компонентом *кэр*.

В целом отмеченное варьирование гласных (*а* ~ *е*) и согласных (*б* ~ *м*) может как отражать исходный (образный?) характер основ(ы) рассматриваемых форм, так и быть хотя бы отчасти результатом их контаминации. Этот материал нуждается в дальнейшем изучении.

Тув. *немил* и *чемил* по своему внешнему облику и, вероятно, по структуре очень близки к переднерядным вариантам форм типа *йабал* и под. (см. выше). Вероятно, они восходят к словосочетанию **йемил йер*, означавшему первоначально 'плохое (~ страшное) место', а затем — 'трясина; топь...' и подвергшемуся (в случае *чемил*) субстантивации. В *чемил* начальный согласный *ч* — обычное тув. соответствие первоначального *й*, тогда как переход *й-* > *н-* в *немил* [*чер*] для тув. языка и его диалектов представляет собой исключение из правил; он характерен для тоф. и особенно для хак. языков.

нептергей [еъ] 'распространенный; популярный, известный'; **нептере-** [еъ] 'распространяться, становиться популярным; внедряться, пропагандироваться'; **нептереңгей** [еъ] см. **нептергей**.

Нептергей и *нептере-* — монголизмы. Ср. монгол. *nebterkei / нэвтэрхий* 'сквозной, проницаемый; основательный; повсеместный, всеобщий'; *nebtere- / нэвтрэх* 'проходить насквозь, проникать; внедряться'. Судя по всему, это сравнительно недавние заимствования, проникшие через п.-монг. тексты. Вместе с тем семантика слов претерпела определенные изменения в сторону усиления их литературности, «книжности».

Следует отметить, что монгол. соответствие тув. *нептереңгей* не обнаружено; возможно, оно образовано по образцу структурно сходных с ним монголизмов, в первую очередь с ориентацией на синоним рассматриваемого слова, каковым, в частности, является **делгереңгей** (см.).

нептере- см. **нептергей**.

нептереңгей см. **нептергей**.

ниити **1**. 'общий; валовой, весь'; **2**. 'все люди, народ, общество'; **ниитижи-** 'становиться общим, обобществляться'; **ниитилел** 'общество; среда; компания'; **ниитилеш-** см. **ниитижи-**.

Тув. *ниити* — монголизм, источником которого является совр. монг. язык (Рассадин. МБЗ, *64*): ср. монгол. *nejite / нийт* 1. 'всеобщий; общий, валовой'; 2. 'весь, всего; совокупность чего-л.; в совокупности, в итоге, в целом' (ср. также монгол. *nei / ний* 1. 'согласие, единодушие; совокупность'; 2. 'всего, итого, вместе'). Тув. *ниитилеш-* имеет связь с монг. *нийтлэх* 'соединять; печатать, издавать', но здесь между ними прослеживаются не только формальные (залоговая форма в тув.), но и смысловые (грам. и лексические) различия, что может быть результатом переосмысления указ. монг. глаг.

Оно еще в большей степени проявилось в случае с *ниитилел* 'общество...', где налицо формальная общность с монг. *нийтлэл*, тогда как семантически тув. и монгол. имена заметно различаются (по крайней мере, в наст. время, когда у *нийтлэл* отмечаются знач. 'публицистика; публикация'), что не исключает, впрочем, большей близости тув. и монгол. форм друг с другом в прошлом.

Монг. соответствие тув. *ниитижи-* не обнаружено, хотя его существование вероятно со структурной точки зрения. Эта монг. форма могла существовать в прошлом, а затем выйти из активного употребления. Вместе с тем возможно также образование *ниитижи-* (от *ниити* с помощью аф. *-жи-*) и в самом тув. языке.

ниитижи- см. **ниити**.

ниитилел см. **ниити**.

ниитилеш- см. **ниити**.

нирба, **нирма** *уст.* 'завхоз; кассир'.

Ср. монгол. *nirba / нярав* 'казначей, кассир; управляющий; смотритель; завхоз' (< тиб. (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *279*), где указано также, что п.-монг. *nirba* и его совр. монгол. соответствия означали 'монастырский казначей или эконом'). В тув. язык *нирба* ~ *нирма* (*м* < *б*) попало через п.-монг. источник, о чем свидетельствует сохранение гласного *и* (даже в нарушение закона нёбной гармонии он не перешел в *ы*), подвергшегося «перелому» в монг. языке (ср. монгол. вариант *нярав*)[1].

нирма см. **нирба**.

ногаа 'овощи, зелень'; **ногаан** 'зеленый'; **ногаанчы-** 'озеленяться'; **ногаарар-** 'зеленеть, становиться зеленым'.

Ср. алт. *ногон*, хак. *ноган*, хак. диал. *ногаан*, *ноңаан* 'зеленый'. Форма со знач. 'зеленый' — монгол. заимствование, связанное с монгол. *поγиγāп / ногоон...* 'зеленый' (см.: EW, *354*; Рассадин. МБЗ, *35*, *40*, *42*). Сопоставление тув. *ногаан* с п.-монг. *поγиγāп* 'зеленый; зелень' произведено Н.Ф. Катановым (Опыт, *134*).

В совр. тув. языке зелень (и овощи) обозначаются вариантом слова без конечного *н* (*ногаа*), что отражает ситуацию, в частности, в монг. языке, где варианты с конечным *н* функционируют как прил., а без *-н-* — как сущ.: ср. *ногоон* 'зеленый...' и *ногоо* 'зелень, трава; овощи, огородная зелень'.

[1] Вместе с тем применительно к рассматриваемому случаю Б.Я. Владимирцов отмечал в монг. речи наличие вариантов с «переломом» и без него. Тув. *нирба...* может восходить к одному из последних.

Тув. *ногаарар-* соответствует монгол. *ногоорох* ‘зеленеть, приобретать зеленый цвет...’ и, по-видимому, возникла под влиянием последней, однако по форме тув. и монгол. глаголы не идентичны: в частности, в первом из них имеется конечный *р*, отсутствующий во втором. Очевидно, появление этого согласного — следствие влияния на структуру *ногаарар-* тув. модели образования глаг. от прил. со знач. цвета: ср. *агар-* ‘белеть’ < *ак* ‘белый’, *карар-* ‘чернеть’ < *кара* ‘черный’, *көгер-* ‘синеть’ < *көк* ‘синий’.

Тув. *ногаанчы-* по своей структуре близок монг. *ногоожих*, и в плане семантики последний (означающий ‘покрываться травой’) также обнаруживает определенную общность с тув. глаг. Вместе с тем *ногаанчы-* и *ногоожих* имеют разные варианты именных основ, с конечным *н* и без него. Первый образован от прил., а второй — от сущ. Возможно, тув. *ногаанчы-* возникло в результате переосмысления (и соответственно переоформления) указ. монг. глаг.

ногаан см. **ногаа**.

ногаандык *уст.* ‘палач’.

Соответствия не выявлены, в частности, среди монгол. слов, хотя, казалось бы, именно среди них, скорее всего, должен был бы существовать прототип тув. *ногаандык*. Возможно, у последнего имеется связь с монгол. названием чего-л. зеленого; см. **ногаан**.

ногаанчы- см. **ногаа**.

ногаарар- см. **ногаа**.

нокта *диал.* ‘узда’ (ЦУ, *153*).

В указ. источнике *нокта* сопоставлено с тув. *чуген* ‘узда’. Диал. слово имеет соответствия во многих тюрк. языках (основной вариант — *нокта*) и определяется как монгол. заимствование, которое почти повсеместно означает (как и его прототип) ‘недоуздок’. Знач. ‘узда’ в других источниках не отмечено (см.: ЭСТЯ VI, *99*).

ном ‘книга; сутра’ (*буддийская религиозная книга*); *уст.* ‘вероучение буддизма; грамота, грамотность’.

Ср. др.-тюрк. *пот* ‘религиозное учение, религиозный закон; книга, писание, сутра — религиозный трактат, священная книга буддизма’ (ДТС, *360*), алт. (тел.) *ном* ‘закон’ (РСл. III, *695*), алт. *ном* ‘книга мудрости, по которой Ульгень (доброе божество. — *Б. Т.*) творил землю’ (ОРС, *113*), шор. *ном* ‘книга’ (ШРС, *34*), с.-югур. *пот* ‘священная богослужебная книга’.

В ДТС др.-тюрк. (др.-уйг.) *пот* относится к согд. заимствованиям, однако в конечном итоге оно восходит к греч. *nomos* ‘закон’ (ED, *777*). Из др.-уйг. источников *ном* проникло в монгол. языки (см.: Владимирцов. Турецкие элементы, *13*). Б.Я. Владимирцов возводил п.-монг. *пот* к др.-уйг. *пот* < согд. *nōm* < греч. *nomos*, указывая следующие знач. монгол. слова: ‘священная книга, книга вообще; закон Будды, закон; элемент, *dharma*’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *158–159*; ср.: БАМРС II, *411–412*).

Дж. Клосон относил тел. и тув. *ном* к вторичным монгол. заимствованиям (ED, *777*; см. также: Опыт, *127, 135*; Рассадин. МБЗ, *62*); то же можно сказать и о других совр. тюрк. соответствиях данного слова, приводимых выше. См. также последующие статьи.

ном-дептер *собир.* ‘книги’.

Монголизм. Ср. монг., бур. *ном дэвтэр* ‘книги, литература’. См. **ном**, **дептер**.

номна- ‘читать священные книги’; *диал.* ‘читать’; *уст.* ‘учить, наставлять’; **номнал** ‘учение, доктрина’.

Ср. монгол. *nomlal / номлол* ‘учение, проповедь, доктрина, религиозное учение’ < *nomla- / номлох* (~ *потпа- / номнох*) ‘учить, проповедовать’. Можно предполагать, что монгол. глаг. < др.-уйг. *nomla-* ‘учить закону, проповедовать; излагать учение’ (см.: ДТС, *361*), подобно тому как монгол. *пот* ‘священная книга...’ связано с тем же источником (см. **ном**).

Тув. *номнал* — определенно монголизм (с переходом монгол. *-мл-* в тув. *-мн-*). Монгол. происхождение может иметь и глаг. *номна-*, хотя в данном случае прослеживается семант. развитие сло́ва, свидетельствующее, скорее, в пользу самостоятельного его образования от *ном* (в частности, в знач. ‘читать...’; ср. **ном-чу-**)[1].

номнал см. **номна-**.

ном-сан *фолькл.* ‘книги, религиозные книги’; **ном саңы** *уст.* ‘библиотека’.

Тув. *ном саңы* — результат переоформления монгол. *пот-ин sang / номын санг* ‘библиотека; книгохранилище’, представляющего собой аналитическое наименование, которое состоит из двух компонентов: *пот / ном* ‘книга...’ (см. **ном**) в форме род. п. и *sang / санг*, означающего в качестве самостоятельного слова ‘казна; фонд; хранилище чего-л., сокровищница; клад; кладовая, амбар’ (БАМРС III, *84*; см. также **саң I**). Монгол. наименование представлено в тув. в качестве изафетного сочетания.

В отличие от *ном саңы* у тув. *ном-саң*, которое, судя по его сфере распространения и семантике появилось в тув. языке раньше *ном саңы*, непосредственного монгол. структурного соответствия не обнаружено. Возможно, *ном-саң* восходит к той же монгол. форме, что и *ном саңы*, но при этом его второй компонент мог быть осмыслен как выражение собирательности (~ множествен-

[1] В ТСТЯ у указ. глаг. приводятся и другие знач.: ‘молиться, произносить молитву; громко рассказывать, объяснять что-л.; читать лекцию’.

ности) и приложение к первому, а *ном-саң* в целом — как основанное на соположении соответствующих компонентов.

ном саңы см. **ном-саң**.

ном-судур ‘религиозная книга’; **ном-хүрүм** ‘молебен’.

Монголизмы. Ср. монгол. *nom sudur / ном судар* ‘книги, литература; священное писание, религиозные книги’, которое, в свою очередь, могло иметь др.-уйг. происхождение. См. **ном**, **судур**.

Монгол. соответствие имеется и у тув. *ном-хүрүм*, хотя и с обратным расположением компонентов: ср. монг. *гүрэм ном* ‘богослужение; молебствие’ (при возможном варианте **ном гүрэм*), где *гүрэм* — ‘религиозный обряд’.

ном-хүрүм см. **ном-судур**.

номчу- ‘читать’; **номчу I** ‘книжник; знаток религиозных книг, религиозного учения; книголюб’; **номчукчу** ‘читатель’; **номчулга** ‘чтение’.

Тув. *номчу I*, судя по семантике, — вероятно, монголизм (ср. п.-монг. *потči* ‘знаток учения, ученый; книжник’, монг. *номч* ‘ученый, знаток учения; книжник’, бур. *номшо* ‘книжник; любитель и знаток книг; богослов’, а также др.-уйг. *потčї* ‘проповедник религиозных законов, религиозный наставник’), хотя в тув. языке имеется производящая основа слова (см. **ном**) и действует регулярная модель образования отыменных сущ. со знач. деятеля (с помощью аф. *-чы*).

Другие формы, приводимые в заглавной статье (*номчу-*, *номчукчу*, *номчулга*), монгол. соответствий не имеют и, по всей вероятности, получены уже в самом тув. языке. В частности, глаг. *номчу-* ‘читать’ может быть результатом конверсии именной основы *номчу* в глаг. или образован от *ном* ‘книга...’ с помощью глаголообр. аф. *-чу-*, омонимичного *-чу* в *номчу*. Ср. в этом плане глагол **номна-**.

Что касается образований *номчукчу* и *номчулга*, произведенных от глаг. основы *номчу-*, то они появились относительно недавно и созданы по «монгол.» моделям и с использованием заимствованных из соответствующих языков аф. *-кчу* и *-лга*, хотя, скорее, являются кальками рус. слов *читатель* и *чтение*.

номчу I см. **номчу-**.

номчу II *диал.* (*Тере-Холь*) ‘певчая птица (возможно, соловей)’; **номчу хараачыгай** *диал.* (*Тере-Холь*) ‘вид ласточки’ (при **хараачыгай** ‘ласточка’).

По-видимому, монголизмы, хотя монгол. соответствий у *номчу II* и *номчу* как компонента названия вида ласточки (см., однако, **хараачыгай**) не обнаружено. Неясно также, есть ли у последних связь с **номчу I** (см.).

номчукчу см. **номчу-**.

номчулга см. **номчу-**.

нопшу *уст.* ‘плохой, никчемный человек’; **ношпу** ‘личные вещи’.

Монголизмы. Ср. монгол. *lobši ~ nobši / ловш ~ новш* ‘хлам, ветошь, барахло’; ср. также калм. *новш* ‘отбросы, отходы, хлам’.

Логично отнесение подобных слов к людям в качестве отрицат. характеристики (‘никчемный человек’) и к их личным вещам (как пренебр. название типа рус. *барахло*). Вариант *ношпу* — результат метатезы (< *нопшу*).

ношпу см. **нопшу**.

ноюрза- *фолькл. торжеств.* ‘испытывать удовольствие, наслаждаться, блаженствовать’; **оюрза-** то же.

Ср. монгол. *nojirso- / нойрсох* почтит. ‘спать, почивать’ < *nojir / нойр* ‘сон’. В варианте *оюрза-* наблюдается утрата начального *н*, что имеет место и в других монголизмах: см., напр., **нелээн**.

ноян *ист.* ‘ноян, князь, правитель’; *шахм.* ‘король’; **ноян-дүжүмет** [-үъ] ~ **ноят-дүжүмет** [-үъ] *уст.* ‘чиновники, правители’; **ноят-баяат** *уст.* ‘правители, богачи’, **ноят-хаат[тар]** *уст.* ‘ноян (правитель) и его приближенные’.

Ср. каз. диал. *ноян* ‘феодал, бай’ (Аманжолов, *396*). Монгол. заимствование: ср. монгол. *nojan / ноён* ист. ‘нойон, князь, господин; властитель; начальник; сановник; король (в картах и шахматах)’. Тув. компонент *ноят* восходит к форме мн. ч. (с аф. *-д*) указ. монгол. слова: *nojad / ноёд* ‘нойоны, князья; господа’. При этом тув. *ноят-дужумет* соответствует *ноёд түшимед* ‘чиновник’; монгол. вариант соответствия *ноян-дужумет* неизвестен (см. также **дүжүмет**).

Компонент *-баяат* в *ноят-баяат*, употребляемый также как самостоятельное слово (*баяат* уст. ‘богач, богатый человек’: ТСТЯ I, *236*) и при этом, как видно, осмысляемый в знач. единичности, может быть связан с монгол. *bajad / байад* ‘богачи’, которое является формой мн. ч. от *bajan / баян* ‘богатый; богач’, но появление у тув. *баяат* [байаат] долготы гласного во втором слоге свидетельствует, кажется, об ином происхождении данной формы: она может восходить к др.-уйг. *bajaγut* ‘богатый, состоятельный; богач’ (ДТС, *79*); ‘богатый, почтенный’ (Тугушева, *319*); ‘богатый купец’ (ED, *385*), употреблявшимся в буддийских текстах и переводимым также как ‘богатые’ (ДТС, *650*) и ‘богачи’ (Щербак 1977, *88*). Его структура не вполне ясна. Тув. *баяат*, вероятно, отражает долготный комплекс (*-ауи-*) др.-уйг. образования или связанного с ним слова.

Компонент *-хаат* в *ноят-хаат[тар]*, обозначавшем правителя и его приближенных, вероятно, восходит к форме мн. ч. монг. *хиа* ‘адъютант; телохранитель, паж’ и под. (монг. *ноёны хиа* ‘слуга нойона’); см. также **хаа**.

ноян-дүжүмет см. **ноян**.
ноят-дүжүмет см. **ноян**.
ноят-хаат[тар] см. **ноян**.
нөмек-дөмек, өмек-дөмек *разг.* ‘помощь, поддержка’; **нөмекте-** *разг.* ‘помогать, подсоблять’.
Компоненты приводимого выше пáрного слова, образованного, возможно, непосредственно в тув. языке, имеют различное происхождение: *дөмек*, вероятно, тюрк., а *өмек ~нөмек* — монг. (см. **дөмек, өмек**), хотя прототип последнего имеет, как считается, тюрк. происхождение (см. также: Дыбо, *14*).
Если предполагать, что исходным вариантом слóва должен быть тот, который характеризуется начальным гласным (*өмек*), тогда как вариант с начальным *н* является вторичным. Причина появления этого варианта неясна, тем более что в имеющихся в нашем распоряжении источниках по монгол. лексике таковой не отмечен, хотя не исключено, что он существует или существовал. Во всяком случае, в монг. языке фиксируется сходная с *нөмек* по облику и семантике именная форма *нөмөр* ‘укрытие; убежище’.
нөмекте- см. **нөмек-дөмек**.
нөрээ *диал.* (*Тере-Холь*) ‘охота на крупных зверей путем сооружения загона’.
Монголизм. Монгол. соответствие тув. диал. *нөрээ* встретилось пока только в бур. говорах, где фиксируется слово *нүрөө* ‘засека на склоне горы из поваленных деревьев, где в специально оставленных проходах устанавливали петли на кабаргу’ (Рассадин. Присаянская группа, *187*). Вероятно, существовало и монгол. его соответствие типа **нөрөө*, к которому восходит рассматриваемый тув. диалектизм.
нугу- [уъ] ‘мять; массировать; месить’.
Монголизм. Ср. монгол. *nuqu- / нухах* ‘мять, разминать, валять, мешать; растирать, тереть’.
нургулайы ‘большинство’.
По всей вероятности, монголизм. Ср. монгол. *nuryan / нурган* ‘весь, все’. Ср. также **нуруу**.
нуруу: **улуг нуруузу**, **хөй нуруузу** ‘большинство, большая часть’ (при **улуг** ‘большой’, **хөй** ‘много; больше’).
Монгол. заимствование, связанное, по всей вероятности, с формой типа монг. *нуруу* (п.-монг. *niruγun*) ‘спина, спинной хребет’ и под. (см.: Дыбо, *217*), имеет также семантику ‘общее состояние чего-л.’ (ср. также *гол нуруу* ‘самая главная часть’, *нурууламак* ‘заканчивать работу в основном’). Однако конструкций, близких тув. *улуг* (*~ хөй*) *нуруузу*, в имеющихся источниках не обнаружено.

нүгүл ‘клевета; грех’.
Монголизм. Ср. монгол. *nigül / нүгэл* ‘грех, прегрешение; порок’.
нүүр *редк.* ‘лицо’; *перен.* ‘имя, честь, слава; совесть’.
В ТРС 1968, *312 нүүр* отсутствует; в этот словарь включено лишь производное от него прил. *нүүрлүг*, даваемое с отсылкой к **арын-нүүрлүг** [‘совестливый’] (см. **арын-нүүр**). Монголизм; ср. монгол. *niyur / нүүр* ‘лицо, лик; лицевая сторона; страница; стыд, стыдливость’ и др. (БАМРС II, *435*). В части выражений отмечены перен. знач. ‘честь’ и под. (ср. монг. *нүүрээ бодох* ‘заботиться о чести, о добром имени’) (Там же).
См. **нүүрте-**, **нүүрүнде**.
нүүрте- ‘сличать, сверять’.
По-видимому, монгол. заимствование, связанное с *нүүр* ‘лицо’ и его монгол. прототипом (см. **нүүр**). Среди монгол. глаг. форм, образованных от указ. имени, имеются одноструктурные с *нүүрте-* (< *нүүр-те-*) или близкие к ней: ср. *нүүрдэх*, у которой, однако, фиксируется иная, нежели у тув. *нүүрте-*, семантика: ‘встречаться на очной ставке с кем-л.’ (БАМРС II, *435*), но у монгол. глаг. допустимо и знач. ‘сличать’.
нүүрүнде ‘в течение..., за... (о каком-л. периоде времени)’.
Монголизм. Его прототип (монг. **нүүр**) является одним из лексико-семант. вариантов (знач.) слова *нүүр* ‘лицо...’ (см. **нүүр**), а именно ‘начало месяца, года’. При этом из языкового материала явствует, что временнáя семантика его форм не ограничивается началом: ср., напр., выражения *жилийн нүүр* ‘год’, *энэ жилийн нүүрэнд* ‘на протяжении этого года’ (БАМРС II, *435*). При этом тув. *нүүрүнде*, по-видимому, восходит к монг. *нүүрэнд*, структура которого не совсем ясна.

— О —

оваа I 1. ‘груда, куча; овá (жертвенный курган на перевале или возвышенности); курган, насыпь’; **2.** ‘много, множество’.
Ближайшие по своей форме и семантике соответствия отмечены в юж.-сиб. тюрк. языках и кирг.: ср. тоф. *овоо* ‘куча камней на перевале (как пограничный знак)’, хак. *обаа* ‘обаа, священная груда камней (на перевале в честь горных духов); курганный камень, обелиск, менгир’ (ХРИЭС, *70*), кирг. *обоо* ‘холм из камней, груда камней’ (обычно на вершине перевала, со временем из них образовался холм — жертва духу горы) (КРС, *559*; см. также: ЭСТЯ I, *399*).

Тув. *оваа* и указ., а также подобные им формы относятся к монголизмам, что вполне оправдано: ср. монгол. *obuγa(n)* / *овоо(н)* ‘куча, груда камней; насыпь; межевой, пограничный знак; обон (возвышенность, воздвигнутая в честь ее духов, насыпь в виде кучи из камней, веток и т.п.); мушка; загривок, затылок’ (ср.: БАМРС II, *454*).

Вместе с тем для тюрк. языков более характерна форма *оба*, означающая ‘куча, груда; курган, могила; холм; горка; возвышенность, выпуклое место; гора, вершина’ и др. (ЭСТЯ I, *398*), к числу вариантов которой определенно относится также кирг. *обо* ‘небо’ (КРС, *559*)[1].

Существует мнение, что и форма *оба* (без долготы гласного второго слога) имеет монгол. происхождение (см.: EW, *356*; ЭСТЯ I, *399*). Однако Э.В. Севортян допускал для *оба* иное направление этимологических поисков. Он обратил внимание на наличие таких форм, как азерб. диал. *овух* (<**ов-ук* < **об-ук*) ‘земляная насыпь, разделяющая посевные площади’. Кроме того, Севортян считал возможным существование у *оба* нёбного варианта (типа *өбе*?), от которого могло быть образовано тур. диал. *öbek* ‘куча, груда; собранный в кучу навоз (то же о земле, камнях); небольшая кучка земли, пшеницы’. Очевидно, **обук* и *öbek* считаются несводимыми к монгол. формам, и, возможно, то же можно в целом сказать и о тюрк. *оба*.

Кстати, родственные с последним тюрк. формы не ограничиваются вышеприведенными. К их числу, вероятно, относятся шор. *обук*? ‘волна’ (ДЛТЯС, *107*) (ср. шор. *обун* то же: Вербицкий 2, *215*; РСл. I, *1161*), др.-тюрк. *obuz ~ oruz* ‘возвышенность, бугор’ (ДТС, *362*; иначе: ED, *16–17*), каз. *омака* ‘обозначение границ между участками земли в виде насыпи’, последняя из которых по своему облику близка п.-монг. *obuγa*, но едва ли прямо связана с ней.

Obuγa(n) считается производным от *obui-* / *овойх* ‘образовывать коническую или конусообразную кучу; образовывать холм, возвышение в форме конуса...’ (ЭСТЯ I, *399*), с чем в структурном плане трудно согласиться[2], но бесспорно, что указ. глаг. основа и именная форма родственны друг с другом. Соответствия *obui-*... отмечены и среди образных глаг. основ тув. языка, среди которых *опай-* ‘подниматься, выступать (напр., о стогах сена...)’ (отмеченное Э.В. Севортяном), а также *өпей-* то же, *овай-* ‘образовывать высокую кучу’. Интересно, что у подобных основ встречаются именные соответствия: ср. як. *Обой-тойон* — в загадке ‘стог’ (букв. ‘Толстяк-господин’) (Пек. II, *1773*), диал. *обуй* ‘конусообразно суженный верх’ (ДСЯЯ, *182*).

Можно предположить, что в конечном итоге образное происхождение имеет основа (или основы) большинства приводимых выше и подобных им тюрк. именных форм. Эти основы могли быть глаг. или именными и иметь форму **об-* или **об*; одну из этих основ склонен был видеть Э.В. Севортян в **обук* (> азерб. диал. *овух*), не указывая, однако, ее семантики.

Возможно, вариантами данных основ являются **ом-* с предположительными знач. ‘выступать вперед; быть выпуклым, округлым’ и тур. *от ~ ота* ‘выступающая, выпуклая часть чего-л., особенно костей’ (см.: ЭСТЯ I, *453*). Вместе с тем можно допустить, что за вариантами основ с конечными смычными закрепилась своя, специфическая семантика: ср., напр., каз. диал. *оп* ‘столб посредине тока...’ (Кайдаров, *266*), *об* ‘камень-молотилка’, *обу* ‘молотьба хлеба’ (Аманжолов, *396*).

В последнем из них определенно вычленима глаг. основа **об-* ‘молотить хлеб (давя сверху, ударяя по колосьям сверху камнем?)’ (ср. тув. *бастыр-* ‘молотить’ с исходным знач. ‘заставлять давить / нажимать сверху’ < *бас-* ‘давить нажимать...’, форма каузатива которой — *бастыр-*). Другой формой указ. залога является *базыр-*, означающая, в частности, ‘класть что-л. тяжелое сверху, закрывать’, от нее образованы тув. имена *базырыг* ‘куча вещей, наваленных возле юрты’ и *базырык* ‘курган’. Возможно, **об-* могло означать нечто вроде ‘сваливать что-л. тяжелое (напр., камни) в груду, кучу’.

См. также **оваадай**.

оваа II: **оваа-шоваа** *разг.* ‘бойкий, живой’.

По всей вероятности, монголизм, что можно достаточно определенно сказать о компоненте *-шоваа*. Последний употребляется и в качестве самостоятельного слова со знач. ‘бойкий, живой’ и под. (см. **шоваа**). Первый компонент (*оваа-*), возможно, связан с монгол. *obuγ-a / овоо* ‘довольно, достаточно; неплохо...’ (БАМРС II, *455*), *оваа-шоваа* первоначально означало нечто вроде ‘довольно бойкий (живой)’ и т.п.

оваадай **1**. ‘корона; конусообразный головной убор (в частности, у лам); колпак’; **2**. ‘конусообразный’.

Монголизм. Ср. монгол. *oboodai / овоодой* ‘конусообразный головной убор (у лам), остроконечная высокая шапка, которую

[1] В юго-зап. (огуз.) тюрк. языках отмечено *оба* ‘войлочная юрта кочующих племен; каменная хижина или землянка...; семья кочевника; племя, род [кочевников]’ и под., которое Э.В. Севортян считал омонимом к *оба* ‘куча, груда; курган...’ (ЭСТЯ I, *399–400*), но, скорее всего, мы имеем здесь дело с многозначностью, о чем сказано также в другом источнике, где не без основания предполагается связь *ова* ‘род; племя’ с *ова* ‘куча, собрание камней’ (СИГТЯ Л, *323*).

[2] В структурном плане более логично выглядит, напр., бур. диал. *обог-товог* ‘куча’ (БРС, *348*) при монг. *овой-товой-* ‘возвышаться’. *Obuγa* же, возможно, древнее тюрк. заимствование, восходящее к праформе типа **obuq*, у которой имело место появление дополнительного гласного и сонантизация заднеязычного согласного: ср. тюрк. *ajaq* > монгол. *ajaγa* ‘чаша, чашка, кружка’ (Щербак 1997, *239*). См. также **аяк**.

носили высшие духовные лица; диадема', калм. *обада* 'высокая шапка, которую носили высшие духовные лица'. Родственны монгол. *обуа* / *овоо*, к которым восходит тув. **оваа I** (см.).

оваар- 'обращать внимание на кого-что-л.; замечать кого-что-л.'.

Основа монгол. происхождения, которая может быть сопоставлена с монгол. глаг. основами *обуара-* / *овоорох* 'внимать, внимательно относиться, обращать внимание' и *обур-* / *оврох* 'примечать, замечать, наблюдать; внимать; удивляться, изумляться' (см.: БАМРС II, *455*, *456*), вероятно, родственными между собой и являющимися вариантами друг друга.

Тув. *оваар-* представляет собой по форме нечто среднее между ними: с первым ее сближает наличие долготы, а со вторым — двухсложный характер основы. Может быть существует или существовал и какой-то третий вариант монгол. глаг., в котором сочетались бы указ. особенности и к которому восходит тув. основа. См. также **оваарымча**.

оваарымча 'осторожность; внимание; внимательность'.

Тув. *оваарымча* считается производным с аф. *-мча* от глаг. основы *оваар-* 'обращать внимание на кого-что-л. ...' (ИП, *170*), являющейся монголизмом (см. **оваар-**). Указ. аф. также имеет монгол. происхождение, и в принципе образование в целом могло быть соответствующим заимствованием. Однако монгол. соответствие тув. *оваарымча* в имеющихся источниках не обнаружено. Вероятно, оно образовано в самом тув. языке (в качестве кальки рус. слов типа *осторожность* или под.?).

овур 'внешний вид, облик; образ (человек); характер, душевный склад (человека)'; **овур-дүрзү** [-үъ] см. **овур**; **овур-хевир** см. **овур**; *лит.* 'образ'.

Ср. алт. *омуру* 'стан; строение тела' (ОРС, *115*). Относительно тув. *овур* высказано мнение как о монголизме (Опыт, *153*; EW, *356*), с чем следует согласиться: ср. монгол. *обур* / *овор* 'облик, черты лица, физиономия; вид, внешность, наружность; сложение тела, осанка'. Монгол. происхождение имеет и алт. *омуру*, представляющее собой, по всей вероятности, посессивную форму 3-го л. от **obur*: **obur-и* 'его стан, его телосложение'[1].

Происхождение тув. парных слов *овур-дүрзү* и *овур-хевир* не вполне ясно: в их состав, кроме *овур*, входят и другие монголизмы: *дүрзү* и *хевир* (см. соответствующие статьи); однако непосредственные соответствия указ. парных слов в монгол. языках по имеющимся источникам не обнаружены. В принципе эти слова могли быть как монголизмами, так и тув. образованиями из заимствованных слов-компонентов.

[1] Нет ли также сближения *омуру* с алт. *омуртка* 'позвоночник'? См. **оорга**.

овур-дүрзү см. **овур**.

овур-хевир см. **овур**.

овуузун 'хитрость, лукавство, плутовство; вкрадчивость; коварство'; **овуунгур** 'хитрый'; **оп** 'хитрость, уловка'; **опалыг** см. **овуунгур**.

Ср. алт. *обызын* 'фокус, превращение, способность превращаться' (ОРС, *113*); 'фокус, колдовство, чудесность' (РСл. I, *1160*), ? турк. *овсун* 'заклинание (при укусе змеи, фаланги и под.); сила, угроза'; азерб. *овсун* 'заклинание, колдовство, волшебство, заговор'; алт. *оп* 'притворство, лицемерие' (ГАЯ, *226*; РСл. I, *1154*; ОРС, *116*), шор. *опто* 'притворщик, лицемер' (РСл. I, *1157*: по материалам В.Н. Вербицкого).

Указ. формы имеют, кроме того, монгол. соответствия, в числе которых *об* / *ов* 'хитрость, уловка; коварство; происки', *obsu* / *овс* 'хитрость' (БАМРС II, *453*, *456*; Рассадин. МБЗ, *23*, *27*).

Применительно к тюрк. языковым материалам речь должна идти, скорее всего, в значительной мере об их монгол. происхождении, что относится, в частности, к тув. *оп*, *овуузун* и их соответствиям. Слово *оп* Э.В. Севортян возводил к тюрк. *ап* (< **аб*) 'волшебство' и под., считая, что в нем под влиянием *-п* произошло огубление (ЭСТЯ I, *169*), что сомнительно, поскольку других подобных убедительных случаев не отмечено как в тув. языке, так и, вероятно, в алт. (ср. алт. *оп*). Отметим также, что в языке тув. фольклора встречается и форма *ап* 'лукавство, лицемерие, хитрость' (ТСТЯ I, *141*), у которой, кстати сказать, тоже есть монгол. соответствие (ЭСТЯ I, *169*).

Тув. *овуузун*, как отмечалось, имеет алт. соответствие *обызын*, в свою очередь возводимое к монгол. *obusun* 'хитрость, уловка' < *об* то же (Рассадин. МБЗ, *23*). Возможно, *obusun* имело вариант с долготой гласного второго слога, которая и отразилась в его тув. соответствии.

Нечто подобное могло иметь место и в *овуунгур*, предполагаемого тув. образования с аф. *-гыр* ~ *-гур* от основы **овуун*, которая, в свою очередь, восходит к монгол. *obun* / *овын* 'хитрый, коварный', представляющему по своей структуре форму род. п. от *об* / *ов* 'хитрость...', где гласный второго слога также мог быть долгим.

В составе прил. *опалыг* 'хитрый' выделяется основа **опа* [оппа] с предполагаемым знач. 'хитрость', которая сближаема нами с шор. *опто* 'притворщик...'. Последнее, как и **оппа*, очевидно, родственно с *оп* (а через него — с монгол. *об* / *ов*), но в монгол. языках такой формы не обнаруживается и ее структура остается неясной, как и ее первоначальное знач.

Недостаточно ясна и ситуация с турк. и азерб. *овсун*, приводимыми выше. Скорее всего, это не монголизмы, тем более что

число последних в соответствующих огуз. языках весьма ограниченно (см.: Рассадин. МБЗ, *93*, *94*). Кроме того, *овсун* связано с магией, заметно отличаясь по знач. от монгол. *obusun* и будучи в этом отношении явно ближе к монгол. *xobusun* 'способность творить чудеса...'[1] (совр. 'гипноз'), характеризующему также двойственную природу шамана, его способность быть оборотнем. Вследствие этого Б.Я. Владимирцов считал указ. слово родственным с такими, как, напр., п.-монг. *qobusun* 'двухлетний кабан' и под. (Владимирцов. Ср. грамматика, *271*, *328*). Но не имеем ли мы здесь дело с вторичным сближением (контаминацией) основы типа тюрк. *овсун* или его предшествующего варианта с монгол. формами, обозначающими нечто двойное или двойственное?

Азерб. и турк. *овсун* имеют, скорее всего, тюрк. происхождение, на что указывают турк. данные, где глаг. *овсунла-*, кажется, не связан прямо с *овсун* 'заклинание', а отражает знач., обусловленные силой, угрозой ('угрожать, грозить'). Кроме того, он означает 'волноваться, колыхаться'. Интересно, что у турк. *овсун* отмечено глаг. соответствие *овсун-* 'бушевать, волноваться, биться', которое, вероятно, отражает семантику, близкую к первоначальной; ср. также шор. *обун* 'волна', як. *обун ~ омун* 'преувеличивание; сила, стремительность; горячность, опрометчивость, запальчивость' (Пек. II, *1776–1777*, *1836*; ЯРС, *272*), хак. *оба* в составе *оба-чибе* 'содрогание всем телом (о шамане)' *обу ~ убу* 'труднопроходимые пороги' (ХРИЭС, *70*, *162*).

Реальна исходная глаг. основа **об-* 'биться' и под.

овуунгур см. **овуузун**.

огла- 'шарахаться; бегать, резвиться'; **оглаа** 'торопливый, пугливый (о животном, в частности о коне); резвый, быстрый в беге (о коне)'; **оглаарга-** 'пугаться, шарахаться'; **оглаңна-** 'трусить, бежать мелкой рысью'.

Ср. др.-тюрк. *оγат-*, сопоставляемое с *uqat-* в составе парного глаг. *uqat šaš-* 'спешить, приходить в замешательство, теряться' (?) при *šaš-* 'суетиться, торопиться, спешить' и *šaš* 'пугливый, боязливый, трусливый' (ДТС, *520–521*, *613*).

В тув. формах вычленяется глаг. основа **ог-ла-*, обозначающая быстрое движение, вызванное страхом и, по всей вероятности, близкая по семантике др.-тюрк. *оγат- ~ uqat-* (< **оγ-а-т- ~ *uq-a-t-*, где *-а-* — глаголообр. аф., а *-т-* — формант, возможно обозначавший ускорение движения). У тув. *огла-* глаголообр. аф. является *-ла-*.

[1] См.: Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. II. — Л., 1927. — С. 25.

Исходная основа — **ог* или подобная ей, по всей вероятности, передавала проявление страха в быстрых, резких телодвижениях, благодаря чему в тув. языке возникла семантика быстрого движения ('резвиться' и др.) как таковая. **Ог* может быть сопоставлено с монгол. *оу / ог*, определяемым как «междометие испуга» (БАМРС II, *456*), хотя в данном случае едва ли может идти речь о заимствовании.

Тув. *оглаа* < **огла-гы*, где *-гы* — аф. отглаг. имяобразования, *оглаарга-* — образование с аф. *-(ы)рга-*, по-видимому, от основы *оглаа*; *оглаңна-* — форма ритмического вида от глаг. *огла-*.

оглаа см. **огла-**.

оглаарга- см. **огла-**.

оглан- 'ласкаться, вилять хвостом (о собаке)'; **ошка-** [оъ] 'целовать'.

По-видимому, форма возвр. залога от основы **огла-* 'ласкать' и под., соотносительной с основой др.-тюрк. *оγlаγu* < **оγla-γu* 'нежный, изнеженный; живущий в достатке' (ДТС, *563*), у которого зафиксирован вариант *оγlanγu* (**оγlan-γu*), с тем же знач. (Там же). Последний в отличие от первого мог быть образован от залоговой основы, соответствующей тув. *оглан-*.

Э.В. Севортян (по другим источникам) фиксировал др.-тюрк. *оγlаγu* и *оγlanγu* в знач. 'детский (?. — *Б. Т.*), нежный, изнеженный...' и относил их к числу форм, родственных с тюрк. *огул* 'сын...' и под. (см. **оол**), но для него осталось неясным, как понимать в этих формах «элемент» *-γu* (ЭСТЯ I, *417*; ср.: ДТС, *654*; ED, *86–87*). Однако, скорее, *оγlаγu* и *оγlanγu* — отглаг. формы, связанные с **огла-* и *оглан-*, о которых говорилось выше и связь которых с *огул* и под. выглядит проблематичной.

Огла-* определенно членимо на **ог* (некую именную основу) и глаголообр. аф. *-ла-*. Указ. основа, вероятно, родственна с **огул* в чаг. *огулча-* (огул-ча-*) 'почитать, относиться с почтением' (РСл. I, *1016*), которую В.В. Радлов отождествлял с *огул* ('сын; мальчик...'), что не выглядит достаточно убедительно, особенно в сопоставлении с приводимым по соседству с *огулча-* чаг. же глаг. *огулчila-* 'держать как сына' (Там же), который определенно связан с *огул* в указ. знач.; **огул* же в *огулча-* омонимична с названием сына.

У указ. глаг. и именных основ, а также у производных форм вероятна генетическая связь с широко распространенным в тюрк. глаг. *огша-...* 'ласкать, гладить; любить; хвалить; целовать; оказывать милость, внимание, честь...' (см. также тув. **ошка-**), который с данными основами и формами в этимологических исследованиях, кажется, не сближался. Наибольшее внимание его происхождению уделил Э.В. Севортян. Он считал, что *огша-* «можно рассматривать как вторичную форму с аф. *-ша-*, обра-

зованную от глагола... *ог-* с его центральным значением 'тереть / растирать (рукой)', откуда 'ласкать' (='гладить') — основное значение *огша-* в памятниках... — как внешнее проявление чувства любить»... (ЭСТЯ I, *420*). Эта версия выглядит недостаточно убедительно, поскольку глаг. основа *ог-* обозначает действия, весьма далекие от «глажения» (о чем свидетельствуют данные того же источника), а среди бесспорных производных от данной основы нет таких, которые по своей семантике хотя бы отдаленно напоминали глаг. *огша-* (см.: ЭСТЯ I, *402–403*).

Кстати, *огша-*, по-видимому, родственно и близко по структуре чаг. *огулча-* (<**огул-ча-*) 'почитать...' (ср. встречающуюся у первой из этих форм семантику типа 'оказывать честь', где **огул*, во всяком случае, едва ли гомогенно с *ог-* 'тереть'.

Вместе с тем родственными с *оглан-* и другими указ. выше формами могут быть глаг. *йуван- ~ йувун-* 'утешаться, успокаиваться; забавляться' и **йува- ~ *йуву-*, первый из вариантов которой представлен в кум. *йыбав* 'веселье, пирушка'. В свою очередь, в указ. глаг. основе вычленяется именная **йув* / **йуб*, у которой имеются более ранние варианты **йов* / **йоб* и даже **йог*. Их знач. не приводятся, но дается сопоставление с п.-монг. *joγ, joγuγ* 'пища; удовольствие, наслаждение...' (ЭСТЯ IV, *240–241*; см. также **чоогла-**), что имеет под собой основания, хотя едва ли можно согласиться с приводимым в ЭСТЯ IV, *241* мнением о том, что тюрк. глаг. основа типа **juba-* (**йуба-*) восходит к монгол. источнику.

Отметим также, что именная основа **йов ~ *йог* могла иметь варианты без начального *j* (*й*) (вероятно, более ранние, нежели с этим согласным) типа **ов ~ *ог*, о чем свидетельствуют турк. *овундур-*, *овут-* 'утешать, успокаивать', *овунмас* 'безутешный' (где **ов* < **ог*), кар. *увут-* 'утешать', *уванц ~ увунц* 'утешение' (РСл. I, *1786*), *увунч* 'радостный; утешение, утеха': ср. *увул* (<*огул*) 'сын...'. Думается, что рассматриваемая именная основа могла иметь варианты как без начального *j*, так и с неогубленным гласным, что уже допускал Дж. Клосон, сопоставлявший *yubat-* и *avıt-* 'развлекать, утешать' (см.: ЭСТЯ IV, *241*, а также: ЭСТЯ I, *66*, статья **авун-**).

оглаңай 'оглобля'.

Относится к рус. заимствованиям и связывается со словом *оглобля*, однако по своему звуковому облику заметно отличается от своих соответствий — русизмов в других языках Сибири (ср., напр., тоф. *оглообли*) и «содержит непонятные изменения в ауслауте» (см.: ЭСРЗ, *413–414*). Для тув. *оглаңай* допустим иной источник, который пока неизвестен. Ср. монгол. *оγlıи* / *оглуу* 'оглобли у саней' (БАМРС II, *457*), которое также далеко по своему звуковому облику и от *оглаңай*, и от *оглобля*.

оглаңна- см. **огла-**.

огу- 'срыгивать'.

Ср. тоф. *огу-* 'тошнить' (ТРС-РТС, *51*), а также турк. *ɵ:ге-* и под. 'тошнить; рвать, срыгивать' и проч., считающиеся производными от глаг. с подражат. корнем **ɵ:к ~ *ок* и под., имитирующего позыв к тошноте (ЭСТЯ I, *503*).

Э.В. Севортян отмечал у тюрк. глаг. основы монгол. соответствие *ogi- / огих* 'рыгать' (Там же). Возможно, заднерядные варианты указ. основы тув. и тоф. *огу-*, алт. (тел.) *окы-*, ног. *огы-* отражают монгол. влияние.

огулуг [оъ] 'конкретный, определенный; содержательный'.

Монголизм? Ср. монгол. *oki / охь* 'верх, верхняя часть, верхушка; начало, глава; источник; сущность, самая суть' (БАМРС II, *505–506*). По другому источнику, *oki* означает также 'эссенция; главное' (Голст. I). Однако монгол. соответствия тув. прил. на *-луг* не обнаруживается.

огур- 'реветь, кричать (о косуле)'.

Глаг. основа, ближайшие соответствия которой (в варианте *огур-* и близких к нему) со знач. 'мычать; реветь; рычать; кричать' зафиксированы в алт., уйг., а также с.-югур. и кум. языках. Считается, что *огур-* < *ок* 'крик, голос; слово' аф. *-(а)р-* (ЭСТЯ I, *417–418*).

ода- I 'топить (печь); разжигать; подкладывать дрова в огонь'; **одаг** 'костер; охотничий стан, бивак'; *прям.* и *перен.* 'очаг'; **оттул-** 'топить (печь)'.

Ср. тоф. *ода-* 'разводить (костер, огонь); растапливать (печь)', *одаг* 'охотничий стан, бивак, стоянка (с костром)' (ТРС-РТС, *51*); др.-тюрк. (МК) *ота-* 'обогреваться; разжигать дрова' (см.: ЭСТЯ I, *486*). Указ. глаг. основа образована (аф. *-а-*) от тюрк. имени *от* (*ot*) 'огонь' (см. **от**). Дж. Клосон (под знаком вопроса) отмечал, что совр. соответствие др.-тюрк. *ота-* сохранилось только в тув. языке (ED, *42*), что близко к реальности (с учетом того, что такая глаг. форма фиксируется также в тоф.).

В свою очередь тув. и тоф. *одаг* — определенно образование от *ода-* (<*ота-*). Близкие (и, по-видимому, бесспорные) соответствия этой именной формы встречаются чаще, нежели у *ода-*: ср. формы со знач. 'очаг; место для огня; костер; огонь, разведенный на поле' (ЭСТЯ I, *485*; ср. также азерб. диал. *оддах* 'пожар' в АДЛ, *345*).

Тем не менее такие соответствия, связанные с непосредственным обозначением огня, все-таки достаточно редки. Основная

часть соответствий (или форм, относящихся к их числу) и близких к ним форм — это наименования разного рода построек, которые в большей степени характерны для тюрк. языков. Среди соответствующих «строительных» знач. такие, как ‘шалаш, шатер (+‘большой шатер; разукрашенный шатер’); палатка; юрта’ (‘маленькая походная юрта...; богато убранная юрта...’); ‘жилище, временное жилище; комната; вид строения’ и т.п. (ЭСТЯ I, *485*), причем *отаг...* с подобной семантикой традиционно сближается с согд. названием дома (см.: Щербак 1997, *130*), хотя и не всегда (СИГТЯ Л, *496*).

По мнению Э.В. Севортяна, все рассматриваемые им словоформы, в том числе и не связанные с огнем, «имеют единую основу, каковой является либо глагол *ota-* ‘обогреваться; разжигать дрова...; зажигать...’ (эту этимологию предлагает Г. Дёрфер...[1]), либо глаг. корень *от-* ~ **o:т-* со значением ‘разводить / разжигать огонь’» (ЭСТЯ I, *486*, ср. также: СИГТЯ Л, *496*).

Скорее всего, наименования, связанные с огнем, с одной стороны, и названия построек — с другой, не родственны друг с другом, и вторые из них в отличие от первых могут иметь генетическую общность с основами и формами, обозначающими нечто отделенное, обособленное.

Тув. *оттул-* определенно является однокоренным с *ода-*. По своему облику *оттул-* напоминает форму страдат. залога от основы **отту-* (?), но в данном случае *-(у)л-* может выступать и в словообр. функции (см. об этом: АГ, *269 и след.*). В этом плане *оттул-* напоминает хак. *одын-* ‘разводить огонь; сжигать что-л.; растапливать (печь)’, где *-(ы)н-* — глаголообр. аф. (см.: ЭСТЯ I, *484*), хотя по формам это показатель возвр. залога.

В тув. *оттул-* не вполне ясна геминация глухого *т*, который, скорее всего, должен был озвончиться (ожидаемый вариант — **одул-*), но, вероятно, в связи с неясностью структуры этого глаг. он мог быть сближен по своим внешним параметрам с другими тув. формами, напр. *отта-* (?**отла-*) ‘идти за огнем (за спичками)’, *оттук* ‘огниво’ (< **от-лук*: ЭСТЯ I, *484*) и под.

ода- II [оъ] ‘обзывать, оскорблять бранными словами, насмехаться’; *уст.* ‘вызывать дождь магическим способом (при помощи некоторых трав)’.

По-видимому, лексико-семант. варианты (знач.) *ода-* имеют разное происхождение. В частности, «вызывание дождя» связано с глаг. основой **ота-*, образованной от **от* ‘трава’ (см. **от**). Обычно соответствия **ота-* в других тюрк. означают ‘полоть, пропалывать’; изредка встречаются знач. ‘пастись (на пастбище)’, ‘лечить’ (ЭСТЯ I, *482*). Тув. ‘вызывать дождь... при помощи некоторых трав’ также принадлежит к числу обособленных (хотя и, вероятно, древних) знач. глаг.

Тув. *ода-* ‘обзывать...’ может быть сопоставлено с чаг. *отла-* ‘кричать’ (РСл. I, *1113–1114*, где последнее объединено с глаг., означающим ‘зажечь’, что сомнительно; см. **от**. Ср. также кирг. *одогой*, *одоно* ‘грубоватый, невежливый, вульгарный; неуклюжий’, *одур-будур* ‘корявый, шероховатый’, *одурай-* ‘грубо окрикивать, набрасываться с бранью; быть грубым, неприятным (о лице)’, *одуракай* ‘с грубыми чертами лица; грубый, плохо выделанный’, *одураңда-* ‘уподобляться в своих движениях человеку с грубыми чертами лица; грубить, говорить властно, повелительно и грубо’ (КРС, *560*), ног. *одыраңга-* ‘петушиться, важничать’, каз. *одырай-* ‘смотреть, выражая презрение, враждебность’, *одагай*, диал. *оданы* ‘грубый, неуклюжий’ (Аманжолов, *397*).

Судя по структуре и семантике, перед нами формы, имеющие подражат. природу, основа которых (возможно, **от* ~ **од*) обозначала первоначально нечто грубое, жесткое и под., однако тув. *ода-* ‘обзывать, оскорблять...’ не имеет среди указ. форм близкого структурно-семант. соответствия.

Ода- явно ближе другие тюрк. формы, в частности распространенная в ряде языков, а также памятников глаг. *утан-* ‘стыдиться, смущаться; быть посрамленным’ и под., имеющая некоторые именные соответствия, в частности тур., чаг., кум. *утан* ‘стыд...’ и др.-тюрк. *utun* ‘порочный, скверный’ (ЭСТЯ I, *409*; см. также: ED, *60*).

У реконструируемой на основании залоговой формы *утан-* глаг. основы **ута-* Э.В. Севортян устанавливал знач. типа ‘срамить, стыдить’ (в число которых вписывается знач. и форма тув. *ода-* ‘обзывать...’, для сопоставления с *утан-* ~ *утан* не привлекавшегося). В свою очередь, **ута-* образовано от именной основы *уд* ~ *ут*, означающей, в частности, ‘стыд’ (<**ут-а-*) (ЭСТЯ I, *609–610*).

Начальный *о* в тув. *ода-* мог быть результатом последующих изменений (в том числе сближения с *ода-* ‘вызывать дождь...’?).

одаг см. **ода- I**.

одага [оъ] *ист.* ‘одага’ (*знак чиновничьего достоинства из павлиньих перьев, которые прикреплялись сзади к шапке*).

Ср. чаг. *отага* ‘пучок перьев, носимых султанами (дворянами) на шапке или чалме’ (РСл. I, *1104*), вост.-тюрк. *отагат* ‘павлиньи перья, носимые китайскими чиновниками на шапках’ (РСл. I, *1105*), кирг. *отогот* (в эпосе) ‘шишечка из самоцвета на шапке калмыцких или китайских чиновников (или их эпических богатырей)’ (КРС, *583*), турк. *отага* ‘перо, султан (прикре-

[1] См. также: ED, *46*.

плялся к женским головным уборам)', являющиеся, как и тув. *одага*, монголизмами.

Соответствия слóва получили широкое распространение в уйг. диалектах и для них также допускается монгол. происхождение (см.: Тенишев. УДС, *117*).

Ср. также монгол. *otuγ-a / отго* 'перо, хвостовое перо; султан на головном уборе; павлинье перо (знак отличия у феодалов, чиновников при Маньчжурской династии)' (БАМРС II, *504*). Вариант *отагат* В.В. Радлов считал формой араб. мн. ч. от *ота-га*, но здесь допустима и соответствующая монгол. форма (что наблюдается и в кирг. *отогот*).

В свою очередь, монгол. слово может иметь тюрк. происхождение, на что, по-видимому, указывает двухсложная чаг. (= тюрк.?) форма *отаг* 'мелкие перья, птичий пух', сопоставляемая Радловым с *отага* (РСл. I, *1104*). Вероятно, в результате характерного для ряда тюркизмов в монгол. языках удлинения и возникла трехсложная монгол. форма *otuγ-a* (есть также вариант *otaγa*).

По мнению М. Рясянена, чаг. *отаг* также относится к монголизмам (EW, *366–367*), с чем трудно согласиться (как и с тем, что из монгол. источника заимствована форма типа с.-югур. *utag* 'чиновный человек' (Там же, *517*)). Точнее, *утаг* означало 'чиновный человек (с шариком на шапке)' (см.: Малов. ЯЖУ, *131*). С *утаг*, возможно, родственно с.-югур. *уторма* (~*утурма*?) 'красные перья, прилаженные в горизонтальном положении к шляпе чиновника...' (Там же). См. также **от**.

одак-суму [оъ-] *собир. уст.* 'единицы административного деления'.

Компонент *одак*, очевидно, имеет монгол. происхождение и восходит к форме типа п.-монг. *otaγ*, монг. *отог* 'отук' (административная единица в дореволюционной Монголии), 'волость; род, племя, поколение, клан' (БАМРС II, *504*); то же происхождение имеет и компонент *-суму*, употребляющийся в качестве самостоятельного слова, служащего названием административной единицы — сумона (см. **суму**). В отличие от сумонов отуки на территории Тувы не использовались и само их наименование активно в тув. языке, вероятно, не применялось. Вместе с тем в данном случае допустимо существование парного слова, соответствовавшего тув. *одак-суму*, в монг. языке, откуда оно и было заимствовано.

Монгол. *otaγ / отог* — в свою очередь, тюркизм, связанный с формой типа *отаг* и его соответствий, обозначающих в основном всякого рода жилища, а также иногда имеющих знач. вроде 'выделившаяся семья, род' и под. (см.: ЭСТЯ I, *484–485*, *487*, а также **ода- I**, **одаг**, **одар**). К числу вторичных монголизмов, соответствий тув. *одак*, принадлежит алт. диал. *оток* 'область' (Вербицкий 2, *226*)

одар [оъ] 'пастбище'; **одар-белчиир** [оъ-еъ] то же.

Ср. тоф. *оътар* 'пастбище, выпас', а также распространенное во многих тюрк. языках (но отсутствующее в памятниках) слово *отар* (преобладающая форма), означающее, в частности, 'пастбище', реже 'луг; выгон' и др. (см. ниже). Оно связывается в конечном счете с тюрк. *от* 'трава', считаясь образованием с аф. *-р* от глаг. основы *ота-* 'пастись', произведенной от указ. имени (< **от-а-*) (ЭСТЯ I, *487–488*).

Тюрк. *отар...* имеет монгол. соответствия, что не отмечено в ЭСТЯ, но отражено в других источниках (см., напр.: ЭСЧЯ, *278–279*): ср. монгол. *otor / отор* 'выпас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весной; пастбище' (БАМРС II, *504*; см. также: ЯМВМ, *182*). Очевидно, монгол. слово является тюркизмом, однако оно могло, в свою очередь, попасть в некоторые тюрк. языки, напр. сиб., как вторичное заимствование. Определенно монголизмом следует считать тув. *одар-белчиир*, второй компонент которого лишен самостоятельного употребления (см.: Ондар. СПС, *85*); ср. монгол. *belčigür / бэлчээр* 'пастбище, выпас, выгон' (при монг. *бэлчих* 'пастись', *бэлчээх* 'выпускать на пастбище, выгонять пастись'), монг. *отрын бэлчээр* 'отгонное пастбище' (БАМРС I, *314*).

Отметим, что в ряде тюрк. источников речь идет не просто о пастбище, а о пастбище отгонном, или отдаленном (что отражено и в семантике монгол. *otor...*) или даже вообще о каких-л. других объектах, находящихся вдали ('дальние страны' в кирг., ккалп. языках) или имеющих отдельное, обособленное расположение, размещение ('хутор' в нескольких языках). Эти и под. знач. тюрк. *отар...* отмечены в ЭСТЯ, но их появление не имеет удовлетворительного объяснения. Согласно одному из источников, в тюрк. языках Поволжья у соответствия *отар* вообще отсутствует знач. 'пастбище': оно означает 'загороженный участок; имение; усадьба, огороженные хозяйственные постройки; пчельник, пасека'. Тем не менее *отар ~ утар* связывается с тюрк. *от* 'трава' (Ахметьянов. ОЛМК, *144*), что представляется сомнительным.

С указ. именем родственно только *отар* (<**от-а-р*), обозначающее пастбище, о чем уже было сказано в начале статьи. Что касается его соответствий со знач. 'дальние страны; хутор; усадьба' и под., то они, надо полагать, одноструктурны с *отар* 'пастбище' и гомогенны с ним, восходя в конечном итоге к

именной основе, обозначающей то, что отделяется, удаляется, и одновременно, на наш взгляд, родственной с названием травы (см. **оът**).

В таком случае, *отар...*, обозначающее отгонное пастбище, есть результат соединения друг с другом знач. слов, одно из которых являлось названием пастбища, а другое именовало объекты, характеризующиеся отдаленностью.

одар-белчиир см. **одар**.

одуг 'бодрствующий, не спящий'; **одун-** 'просыпаться, пробуждаться'; **оттур-** 'будить, пробуждать'.

Производящей основой формы считается глаг. **од-* 'бодрствовать'. У последней существуют фонетич. варианты, где наблюдается чередование начальных гласных *о ~ у*, а также согласных *д ~ з ~ j*, типичное для тюрк. языков.

Соответствия тув. *одуг* характеризуются также варьированием словообр. аф. По структуре, семантике и звуковому облику к *одуг* наиболее близки др.-тюрк. варианты типа *uduy* (ЭСТЯ I, *429–430*). Среди других в ЭСТЯ отмечено алт. *уйгу* 'бодрствование', по своему облику почти идентичное тув. *уйгу* [уъ] 'сон', однако алт. и тув. слова гетерогенны (см. **уйгу**).

Относительно соответствий тув. формы возвр. залога *одун-* см. также: ЭСТЯ I, *430–431*. Что касается каузатива *оттур-*, то он по своему аф. оформлению отличается от вариантов данной формы в тюрк. языках, где аф. *-тур-* (**от-тур-*), по-видимому, не зафиксирован (см.: ЭСТЯ I, *431–432*).

одун- см. **одуг**.

одур- [оъ] 'рубить, валить дерево; отрубить, отсекать; разрубать бревно, жердь на части; рубить дрова'.

Ср. тоф. *оътур-* 'ровно подрезать, стричь, ровнять; вырубить все деревья подряд, расчищая площадку' (ТРС-РТС, *54*), як. *отой-* 'резать, подрезать, надрезать' (Пек. II, *1895*), др.-тюрк. *otur-* ['обрезать (волосы)'] (ДТС, *374*); 'срезать (подрезать) волосы; кроить одежду и т.п.' (ED, *67*).

Согласно мнению, представленному в ДТС, *otur-* — форма каузатива от основы *ota-* 'полоть' (ДТС, *373*, *374*), что по фонетич. основаниям едва ли можно принять, хотя родство *otur-* и *ota-* допустимо (см. **оът**). Дж. Клосон относил *otur-* к числу окказиональных слов (что определенно ошибочно), но в то же время констатировал наличие у *otur-* залоговых форм типа *otrul-* и *otruš-* и производного имени типа др.-тюрк. *otruğ* 'остров' (см.: ED, *65*, *67*); ср. также **ортулук**.

Можно предположить, что и *otur- ~ оътур- ~ одур-* — по происхождению формы каузатива и, скорее, интенсива от основы **ot-* или **otu-*. В частности, як. *отой-* позволяет предположить вероятность обоих вариантов, хотя, кажется, реален первый из них, если, напр., принять в расчет с.-югур. *от-* в словосочетании *пытын от-* '(о ноге) запутаться в стремени (и переломиться?)' (Малов. ЯЖУ, *83*). Похоже, что в семантике **от-* содержится тот же компонент отделения, разделения и под., что присутствует и в знач. вышеприведенных производных глаг. форм, обозначающих действие по разделению, производимое соответствующими острыми орудиями. См. также **одурт- I, II, одуруг I, II**.

одурт- I [оъ] — форма каузатива от **одур-** (см.).

одурт- II 'идти по склону горы или обходить местность'.

Ср. тоф. *оътур- I* 'идти по склону горы или хребта', истолковываемое как форма, омонимичная *оътур- II* 'ровно подрезать, стричь, ровнять...' (ТРС-РТС, *54*; см. также **одур-**).

Указ. тоф. формы, возможно, неомонимичны. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с одним многозначным глаг.: при движении поперек склона горы или вдоль хребта последние как бы разделяются, перерезаются, что совместимо с семантикой *оътур- II*, которая при этом определяется как исходная.

Иная ситуация наблюдается в тув. языке, где *одурт- II* 'идти по склону...' отличается от тоф. *оътур- I* как структурно (наличием аф. *-т-*, вероятного показателя каузатива), так и фонетически: отсутствием фарингализации начального гласного, которая имеется у его тоф. соответствия. По этому признаку тув. *одурт- I* отличается от тув. же *одурт- II* [оъ], являющегося соответствующей залоговой формой глаг. *одур-* 'рубить...'.

Таким образом, тув. *одурт- I* и *одурт- II* являются омографами и в отличие от тоф. *оътур- I, II* они разошлись фонетически, хотя, как и последние, имеют, скорее всего, единое происхождение. См. также **одуруг I, II**.

одуруг I [оъ] 'ряд; строка; графа'.

одуруг II 'выступ на склоне горы; тропа, идущая поперек склона горы (по выступу)'.

Ср. тоф. *оътуруг I* 'тропа или то место, где нужно идти по склону горы или хребта', и *оътуруг II* 'строка; графа' (ТРС-РТС, *54*). Тув. и тоф. имена образовались от глаг. основы с помощью аф. *-(у)г*. Внутренняя форма этих имен относительно четко прослеживается на тоф. материале (основы *оътур- I* 'идти вдоль по склону горы...' и *оътур- II* 'ровно подрезать, стричь, ровнять', которые, как мы считаем, есть проявление многозначности): см. **одурт- I, II**. В тув. языке соответствия указ. тоф. именных образований в большей мере обособлены от глаг. основ как семантически (см. **одур-**), так и отчасти структурно: ср. *одуруг II* при *одурт-* 'идти по склону горы...'. Помимо этого тув. *одуруг I* и *одуруг II* отличаются друг от друга также по признаку «отсут-

ствие — наличие фарингализации» (продолжение отличий *одурт- I* и *одурт- II*).

Рассматриваемые тув. и тоф. имена, по всей вероятности, родственны и одноструктурны с др.-тюрк. *otruγ* ‘остров’; упоминавшимся в статье **одур-**; (см. также: ED, *65*, *67*). Кроме того, тув. *одуруг* ‘выступ...’ может иметь и другие родственные связи: см. **от**.

одучу [оъ] *уст.* ‘знахарь, знахарка’.

Ср. як. *отосут* ‘якутский лекарь (по большей части шаман); знахарь, костоправ’ (Пек. II, *1897*), *отоһут* ‘якутский народный лекарь; костоправ’ (ЯРС, *280*). В основном соответствия тув. и як. форм встречаются в памятниках (*отачї* ‘лекарь; врач’); а также в тур. языке (ср., напр., тур. диал. *otacı* ‘глазной врач’).

У тюрк. слова отмечены также монгол. соответствия типа *otači / оточ* ‘врач’; миф. ‘отачи, бог медицины’ (БАМРС II, *505*); ‘лекарь, костоправ’ (Владимирцов). Б.Я. Владимирцов относил монгол. слово к числу тюркизмов, считая его, в частности, др.-уйг. заимствованием (Владимирцов. Ср. грамматика, *314*).

В свою очередь, тюрк. *otačї...* принадлежит к отглаг. образованиям с аф. *-čї(-чы)*, что считается его арх. чертой (ЭСТЯ I, *482*, см. также: ED, *44*): обычно этот формант используется для создания отыменных сущ. Производящей основой данного образования считается глаг. *ota- / oma-* ‘лечить’ < *ot / om* ‘лекарство’, которое является лексико-семант. вариантом общетюрк. *ot / om* ‘трава’ (см. **от**).

Тув. *одучу* Дж. Клосон связывал с монгол. формами (ED, *44*), с чем можно согласиться. Судя по облику тув. слова, оно, вероятно, представляет собой относительно позднее заимствование, связанное либо с новой п.-монг. формой *otoči*, либо с совр. монг. *оточі* (Владимирцов).

Вероятно, к монголизмам может быть отнесено и як. *отосут ~ отоһут*, которое, по-видимому, переоформлено по модели як. образований с аф. *-сыт* (см.: ЯРС, *578*).

одуш ‘берестяное корытце’, *тодж.* ‘плоский ящичек на дне люльки, наполненный древесной гнилью, навозом, шерстью марала и подкладываемый под ребенка’.

Ср. тоф. *одуш* ‘продолговатое корытце из бересты (для провеивания кедровых орехов)’ (ТРС-РТС, *51*, *169*), алт. (тел.) *одуш* ‘веялка из бересты’ (РСл. I, *1133*), алт. *одуш* жен. ‘веялка’ (ОРС, *114*).

Возможно, в этих названиях нашел отражение способ изготовления соответствующих артефактов и/или характер их функционирования. См., в частности, описание того, как изготавливался одуш, куда клали мясо, рыбу и другие продукты, в Тодже: «берестяные одуш изготовляли мужчины: отрезали прямоугольный кусок бересты, сгибали его по углам и закрепляли сгибы

ивовым лыком...» (Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 95).

Слово *одуш* могло быть образовано от глаг. основы **от-*, обозначающей отделение, обособление (см., в частности, **одур-**) с помощью аф. *-(у)ш* и связанной с указ. выше особенностями соответствующих изделий (напр., с веянием, т.е. очищением).

При принятии вышеприведенной этимологической версии в принципе следовало бы ожидать наличия в *одуш* фарингализации, однако последняя в данном случае, скорее, факультативна (ее могло и не быть: см. **одурт- I**, **II**, **одуруг I**, **II**). Кстати сказать, в одном из источников отмечен и вариант *оъдуш* (см. ФТЯ, *185*), но его семантика неясна.

ожук I ‘треножник, таган (металлический или в виде трех камней, на которые ставят котел при приготовлении пищи)’[1]; **ожук дажы** ‘камень тагана, очажный камень’ (**даш** ‘камень’).

Ср. сойот. *оӌык* ‘треногий металлический таган; три камня в костре, на которые ставят котел’ (СБРС, *87*), тоф. *оӌук* ‘складной треножный металлический таган’ (ТРС-РТС, *53*, *262*), хак. *очых* ‘железный треножник, стоящий над очагом’ (ХРИЭС, *76*), др.-тюрк. *очиq* ‘очаг, печь’, *очаq* то же, *отčиq* ‘очаг (?)’ (ДТС, *362*, *373*).

В основной части тюрк. языков соответствиями тув. *ожук* являются варианты с широким гласным второго слога типа *о: жак ~ ожак ~ очак* и под.[2] со знач. ‘очаг, всякое место для разведения огня; печь; таган...’.

Эти варианты характеризуются развитой многозначностью и означают, кроме того, ‘огонь, пламя, жар; горящие угли; выкопанная яма; рудник, копи, шахта; яма для посадки деревьев; лунки для посадки растений; жилище, родное пепелище’ и т.п. Отметим также ‘железное кольцо, прикрепляемое на шее преступника’ (ЭСТЯ I, *423–424*), с которым сопоставимы хак. *хаӈаа очыгы* ‘круг в телеге (на железной оси)’ и *чеек хамга очых кизіртчеӈнер* ‘на шамана-людоеда надевали треножник’ (таким образом окольцевав, его лишали злой силы) (ХРИЭС, *76*).

Соответствие тюрк. *очак* отмечено в ср.-монг. языке (*очаq* ‘очаг’) в качестве тюркизма (Щербак 1997, *196*), каковым следует считать, скорее всего, также и монгол. *очоγ* (*очиγ* ?) / *оцог* ‘три камня, употребляемые в качестве тагана (в степи)’ (БАМРС II, *506*). В последнем случае обращает на себя внимание значи-

[1] «Ожук» из трех камней в ритуальных целях долгое время сохранялся в ламаистских монастырях (Гребнев, *89*).

[2] Высказывается мнение, согласно которому «др.-тюрк. *очиq*, *отčиq* могут рассматриваться как наиболее древние варианты слова *очаq*..., однако трудно объяснить причину замены узкого гласного широким» (Щербак 1997, *196*). Но мнение о большей древности вариантов с узким гласным второго слога по сравнению с *очаq* нуждается в подтверждении, как и сама замена узкого гласного на широкий.

тельная фонетич. и смысловая общность слова с тув. *ожук*, которое, возможно, является вторичным монголизмом. Вместе с тем тув. название очажного камня *ожук дажы* имеет близкое др.-уйг. соответствие *oçok* 'камень очага' (ED, *22*).

Происхождение рассматриваемого тюрк. слова обычно связывается с основой *от...* 'огонь' или реже с глаг. соответствием последней (**от-...* 'гореть'), причем структура и семантика аф. морфем представляются по-разному (см.: ЭСТЯ I, *424–425*). Первоначальный облик слова реконструируется в виде **отчак ~ *отчук*; при этом считается, что согласный *т* (основы) утрачен перед *ч* (аф.) в результате ассимиляции, и таким образом, реальна промежуточная форма с геминатой *чч* (*оччак ~ оччук*), о чем также говорится в ЭСТЯ (I, *424*) (см. также: СИГТЯ Пр, *62*). Однако эта реконструкция сомнительна. В частности, едва ли утрата согласного *т* в позиции перед *ч* могла происходить в тюрк. языках повсеместно: думается, что в ряде источников сочетание *тч* (**отчак ~ *отчук*) должно было сохраниться, но в реальности этого почти не наблюдается. Исключение составляют, кажется, только материалы сал. языка (Тенишев. Сал., *422*) и др.-тюрк. *otčuq*, приводимое выше и, возможно, являющееся окказиональным словом (с предположительным толкованием его знач.). Отметим также, что оно отсутствует в ЭСТЯ, а также в ED, причем Дж. Клосон не связывал этимологию *očaq* и под. с названием огня, хотя в то же время не предложил своей версии (ED, *22*).

Допустимо также, что **отчук* имеет структурно-семант. отличия от *ожук* и под., будучи образовано от глаг. основы вроде тоф. *отчу-* 'разгораться (об огне)', на что уже обращалось внимание (см.: СИГТЯ Пр, *62*).

По мнению Э.В. Севортяна, «*о:жак ~ ожак...* имеет в качестве исходных [значений] 'место / яма / углубление (в полу), где разводят огонь' и 'огонь (на этом месте)' / 'очаг'», а на этой основе формируются другие направления в развитии знач. слова, в частности 'выкопанная яма' (как при устройстве очага) → 'рудник' и проч. или 'яма для посадки деревьев' → 'лунка' и под. (ЭСТЯ I, *424*).

Между тем первоначальная семантика рассматриваемого слова, скорее всего, связана с представлением о круге, окружности. Соответствующую форму имеют обозначаемые этим словом ямы, лунки, как предназначенные для разведения огня[1], так и выполняющие другие функции, кольцо тагана, треножника (и

[1] Так, Н.Ф. Катанов следующим образом описывал очаг в тув. юрте (1889 г.): «Очаг... посредине юрты. Вместо треножника служат сойотские 3 камня. Очаг устраивают всегда в ямке, имеющей вид круга с радиусом в 6–8 вершков». (Цит. по: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 83).

посуда, которая на него ставится); ср. далее, чаг. *очаг*, служащее наименованием железного кольца на шее преступника и обозначения других ранее упоминавшихся реалий.

Трудно согласиться с тем, что подобная семантика является производной от знач. типа 'место, где разводят огонь' или под. Скорее, наоборот, подобное знач. носит вторичный характер ('круг, окружность' → 'круг, предназначенный для разведения огня (и ограничивающий его распространение)').

Вероятно, *очак ~ очук...* могло быть образовано от глаг. основы, обозначающей сгибание, изгибание, к каковой мы относим, напр., алт. диал. *оч-* 'сидеть' (о чем свидетельствует, напр., монгол. *očoji-* (*očuji-*) / *оцойх* 'выступать, выдвигаться, торчать (верхней частью вперед); горбиться (под тяжестью); сгибаться, пригибаться; приседать' (БАМРС II, *506*), у которого ощутима определенная связь с монгол. *očoγ* (*očuγ*?) / *оцог* и тюрк. *очак...*

К сожалению, глаг. основа типа *оч-* слабо сохранилась в тюрк. языках, в том числе и в составе производных форм, которые единичны и при этом небесспорны: ср. як. диал. *оһой* 'большая деревянная миска' (ДСЯЯ, *120*) (? < **очой*), *оһорор* 'серьги' (Коркина, *156*) (? < **очорор*) при як. *оһох* 'камелёк; камин, печь', где як. *-һ-* в последнем случае < *-ч-*, но нет уверенности в том, что так же обстоит дело и в первых двух случаях.

Возможно также вторичное сближение *очак...* с названием огня (*от*), с чем может быть связано появление др.-тюрк. *otčuq*, и наименованием очага типа *одаг* и его соответствий, родственных с названием огня: см. **ода- I**, **одаг**.

ожук II [оъ] 'снег на сучьях деревьев'.

Ср. тоф. *оъһюк* 'кухта, снег на ветвях дерева' (ТРС-РТС, *54*), алт., тел. *ожок* 'мелкий снег' (РСл. I, *1154*, а также: СИГТЯ Л, *30*, где сопоставляются друг с другом тув. и алт. формы), алт. (чалкан.) *ожаш-* 'падать (о мелком снеге)' (РСл. I, *1137*). Форму *ожок* В.В. Радлов сопоставлял с чаг., вост.-тюрк. и азерб. *ошак* 'мелкий' (Там же, *1143*), соответствия которого в тюрк. языках более распространены в вариантах с начальным узким *у* типа *ушак*. Эти соответствия означают 'мелкий, маленький, размельченный', а также 'крохи, мелкая вещь; щепка' и под. (ЭСТЯ I, *618*), но среди них отсутствуют алт. *ожок* и его варианты типа тув. *ожук*. *Ушак...* образовано (аф. *-к*) от глаг. основы *уша-...* 'быть мелким; раздроблять...', которая, в свою очередь, явилась результатом определенных фонетич. изменений (см.: ЭСТЯ I, *617–618*, а также **уушта-**).

По-видимому, тув. и тоф. варианты гомогенны с указ. основой, но у последней не фиксируется форма типа **ушу-* или **ошу-* и причина появления узкого гласного в тув. *ожук* и тоф. *оъһюк* остается не вполне ясной.

ожук дажы см. **ожук I**.

озал I [оъ] ‘медленный, медлительный’; **озал чок** [-оъ] ‘сразу, быстро’.

озал II [оъ], **озал-ондак** [оъ-оъ] ‘опасность; несчастье, несчастный случай; авария, крушение’; **ондагайлыг** [оъ] ‘опасный, рискованный’; **ондак** [оъ] см. **озал, озал-ондак**.

Ср. тоф. *оъсал* ‘оплошность, неосторожность, неосмотрительность; опасность; авария, несчастный случай’ (ТРС-РТС, *54*), як. *осол* ‘небрежность; вред, понесенный по небрежности’ и т.д. (Пек. II, *184*), *оһол* ‘несчастный случай; увечье, травма (при несчастном случае)’ (ЯРС, *279*), а также практически общетюрк. *осал ~ усал* ‘небрежный, невнимательный; неумелый, медлительный; недальновидный, беспечный; плохой, скверный; дурной, злой’ и ‘зло, вред; беда, бедствие, несчастье; ошибка, промах’ и под. (ЭСТЯ I, *479–480*), среди которых, однако, не представлены сиб.-тюрк. формы.

Производящей основой *осал...* Э.В. Севортян считал глаг. форму типа **ос- / ус-*, которая встречается, в частности, в виде тур. диал. *os- ~ us-* ‘уставать; пресыщаться, надоедать, испытывать скуку’; ср. также чув. *усмак* ‘вялый, неповоротливый, ленивый’ и т.п. *Осал...* образовано при помощи аф. *-л* (ЭСТЯ I, *480–481*).

Тюрк. *осал...* неоднократно сравнивалось с монгол. *osal / осол* ‘неудача (от нерадивости, небрежности, невнимательности и т.п.); невнимательность, беззаботность; нерадивость, халатность; ошибка; случай, случайность’ (по Ф.Д. Лессингу)[1], причем монгол. формы считаются «параллельными» тюрк. (ЭСТЯ I, *481*), хотя, скорее, являются тюрк. заимствованиями при допущении случаев обратного, вторичного заимствования из монгол. в некоторые тюрк. языки.

Примерами подобных монголизмов, судя по семантике, вполне могут быть тоф. *оъсал*, як. *осол* (*оһол*) и отчасти тув. данные. В последнем случае имеет место образование фактически двух омонимов, первый из которых (*озал I*), означающий ‘медленный, медлительный’ и, судя по *озал чок* — ‘замедление, промедление’, по своей семантике более близок к тюрк. соответствиям слова и, возможно, имеет тюрк. же происхождение, тогда как *озал II* по своим лексическим знач. аналогичен монгол. *osal...* и подобно тоф. и як. формам имеет монгол. происхождение.

Что касается тув. *ондак* (в качестве самостоятельного слова и компонента парного слова *озал-ондак*), а также *ондагайлыг*, то их происхождение неясно и в отличие от *озал* у этих форм не обнаружено ни монгол., ни практически также и соответствий в соседних тюрк. языках. Кажется, единственным исключением здесь является соответствующее *ондагайлыг* хак. *оңтагай* ‘неудача, беда, горе’, употребляемое, как и тув. форма, с аф. *-лыг* (ХРИЭС, *73*).

Вместе с тем за пределами региона тюрк. соответствия у указ. тув. форм встречаются. Таковы, напр., тат. *усал унтак* ‘всякий сброд’, *урус унтагай* ‘всякий русский’ (РСл. I, *1646*), *усал унтагай* ‘разбойники, воры’ (ТатРС, *594*); с последней или подобной ей формой может быть связано башк. диал. *усалымтагай* ‘злой’ (Бhh, *195*). При этом случаев употребления *унтак*, *унтагай* и под. в качестве самостоятельных слов не обнаружено[1].

Можно также отметить, что семантически *озал-ондак* и *усал унтак* (*~ усал унтагай*) заметно далеки друг от друга: первое, по-видимому, отражает монгол. смысловое влияние, тогда как второе ближе к значениям типа ‘плохой, дурной’, наиболее распространенным у тюрк. *осал ~ усал* (см.: ЭСТЯ I, *480*). Недостаточность материалов не позволяет, однако, в наст. время установить первоначальную семантику, структуру и в целом этимологию тув. *ондак* (< **онтак*), **ондагай* (< **онтагай*) и их соответствий.

озалааш ‘находящийся в стороне, удаленный, отдаленный’; **озалай, озалдадыр** ‘поодаль; в стороне; в сторону’; **озалан-** ‘отдаляться, удаляться; обособляться, отделяться’; **озаланчак** см. **озалааш**.

Приводимые формы, по всей вероятности, собственно тув. и не имеют соответствий в других тюрк. языках, но в конечном счете они тюрк. происхождения и генетически связаны с широко распространенной глаг. основой *оз- ~ ос-*, означающей в основном ‘обгонять, опережать; быть впереди, предшествовать...’ и, что особенно привлекает внимание, имеющей знач. ‘проходить мимо, миновать; проезжать’, а также ‘удаляться, избегать’ и под. Последние характерны для памятников и для некоторых соврем. тюрк. языков: с.-югур., сиб. тюрк. (ЭСТЯ I, *425*).

Отметим, что в тув. языке указ. глаг. отсутствует (ср. тоф. *ос-* ‘опережать, обгонять’); в нем имеются лишь производные формы, которые структурно связаны с **озала-* ‘удалять, обособлять...’ и т.п. (ср. залоговую форму *озалан-*, от которой произошло имя *озаланчак*), последняя из которых, в свою очередь, образована от **оза* (<**оз-а*), представлявшего собой, по-видимому, нар. со знач., близкими тем, которые отмечены у тув. *озаладыр* и *озалай*, произведенными от **озала-*. Реальные соответст-

[1] В другом источнике семантика монгол. *osal / осол* истолковывается следующим образом: 1. ‘небрежность, упущение, оплошность, халатность, неосторожность, опасность; несчастный случай; авария’; 2. ‘небрежный, халатный’ (БАМРС II, *503*).

[1] Не может ли быть отнесено к таковым сал. *ondox ~ ontux* ‘задняя часть тела’ (Тенишев. Сал., *425*, *426*: сближение с монгол. данными ошибочно)?

вия **оза* и **озала-* в конкретных источниках встречаются, но их семантика иная: ср. соответственно *оза ~ озо* ‘прежде, раньше; прежний; однажды, когда-то’ и *озоло-* (алт.) ‘идти вперед; сделать раньше, перегнать’ (см.: РСл. I, *1143–1144*, *1145*, *1146*).

Таким образом, эти формы образованы от *оз-* ‘обгонять, быть впереди’ и под. в отличие от ситуации в тув., где в **оза* и **озала-* отражены другие знач.

Структура тув. форм в целом ясна и находит свое объяснение, исходя из совр. тув. морфологии, отчасти за исключением *озалааш*, образованного от **озала-* аф. типа *-гач* (*-гаш*), с помощью которого производятся отглаг. прил. (см.: АИ, *277*). См. также **озур-**, **оспак**.

озалай см. **озалааш**.

озалан- см. **озалааш**.

озаланчак см. **озалааш**.

озалдадыр см. **озалааш**.

озал-ондак см. **озал II**.

озал чок см. **озал I**.

озаң, ос ‘бурелом; затор на реке, залом на ней из древесных стволов и сучьев’.

М. Рясянен в своем словаре (EW, *366*) поместил только тув. *ос* (*os*) и притом без сопоставления с другими словами. Ср. алт. (тел.) *огус* ‘куча леса, нанесенного водой’ (РСл. I, *1016*), леб. (чалкан.) *угус* ‘бревно, положенное поперек реки, которое служит мостом’, шор. *угус* ‘сор’ (Там же, *1620*), куманд. *угус* ‘мусор, сор’ (Баскаков 1972, *261*), хак. *угус* (*~ уңус*) ‘мусорный нанос по берегам реки, остающийся после разлива; таежные дебри; мусор’ (ХРИЭС, *162*), ? хак. диал. *умус* ‘сор’ (РСл. I, *1794*).

Тув. *ос*, по всей вероятности, < **окус* (<**окуз* ?), где имело место, как и в других подобных тув. словоформах, выпадение интервокального согласного *к* с последующим стяжением двухсложных форм в односложные (см., в частности, **деге** и **те**, а также *сес* ‘восемь’, *тос* ‘девять’ и под.).

Можно предположить, что *ос* и его соответствия произведены от глаг. основы **ок- ~ *ук-* ‘собирать, складывать в кучу; валить, сваливать в кучу; наваливать, нагромождать’ и т.п. Указ. основа фиксируется, главным образом, в вариантах с анлаутным *у* (*ук- ~ уг-*), изредка с *ө-* (ЭСТЯ I, *620*).

Заднерядные варианты указ. основы в ЭСТЯ отмечаются лишь эпизодически и только с начальным узким *у*, но, как видно из тув. *ос*, *озаң* и алт. диал. *огус*, реален и ее вариант с широким *о-*. В ЭСТЯ зафиксированы образования от рассматриваемой глаг. основы с помощью различных аф., но среди них отсутствуют структурные соответствия *огус ~ угус...*, а также сами рассматриваемые слова, которые, очевидно, произведены с помощью аф. *-(у)з*, образующего тюрк. отглаг. имена.

Скорее всего, **окуз* образовано непосредственно от глаг. основы **ок-*, однако, учитывая реальность у последней именного соответствия (ср. тур. диал. *ük* ‘груда одеял; постель’) (ЭСТЯ I, *620*), не исключено наличие у **ок-уз* структурного варианта **ок-у-з*, у которого **ок* — именная основа, а *-у-* — глаголообр. аф.

У тув. *ос* отмечен вариант *озаң*, вероятно специфичный для тув. языка. Можно предположить, что *озаң* произведено аф. *-(а)ң* от несохранившейся глаг. основы **оз-а-* (или ее первоначальной формы **окуз-а-*) ‘собирать(ся), скапливать(ся)’ или под. и в плане структуры представляет собой аналог другим образованиям: ср. **дажаң I**, **дожаң**.

озук [оъ] ‘орудие с металлическим наконечником для выкапывания съедобных корней; мотыга, тяпка; лом, ломик’.

Ср. тоф. *оъсук* ‘корнекопалка’ (ТРС-РТС, *54*), сойот. *оъсык* ‘специальная палка для выкапывания корней сараны’ (СБРС, *88*), хак. диал. *озуп* ‘закругленная маленькая железная лопатка для копания кандыка’, *оозуп* уст. ‘мотыга’ (ХРС, *124*, *127*; ср. также хак. *озоп*, *осып*, *озып*, *ызоп* ‘заступ для выкапывания съедобных корней; корнекопалка’ и *оспа ~ успа* ‘небольшая корнекопалка для выкапывания съедобных корней’: ХРИЭС, *71*, *75*), алт. *озуп* ‘корнекопалка’, *оозык* ‘лопатка для выкапывания клубней’ (ОРС, *114*, *116*), алт. диал. (туба) *озык* ‘лопатка’, *озык-сазык* ‘лопаты, инструменты для выкапывания кандыка’ (Баскаков 1966, *139*). В.В. Радлов фиксировал алт., шор., чул.-тюрк., хак. (саг.) *озуп* ‘закругленная маленькая лопатка на вогнутом черене для копания кандыка’ (РСл. I, *1148*).

Этимология неясна (см.: EW, *367*; Рассадин. Фонетика, *213*). Возможно, указ. формы образованы от глаг. основы типа каз. *ос-* ‘разрезать; ранить глубоко; расцарапать (ногтями или когтями)’, сал. *os-* ‘раздирать на куски’, чаг. *os-* ‘снимать кору; облупить...’ (Тенишев. Сал., *427*).

Смысловая связь рассматриваемых орудий с подобной глаг. основой отражается в наличии у них знач. общего семант. признака нарушения цельности, разделения на части материальных объектов. Логично и то, что от этой основы, кроме ранее названных, могли быть образованы наименования и других орудий. Так, явно от *ос-* (*os-*) и его варианта произведены сал. *osqu* ‘борона’ и команский (полов.) *usqu* ‘скребница’ (Там же), хотя в указ. источнике факт образования этих названий от данной основы не отражен.

В *osqu* и *usqu*, помимо названной глаг. основы, вычленяется аф. *-qu* (*-ку*). Тув. *озук* и другие именные формы, являющиеся его

соответствиями, различаются по характеру их вторых компонентов (аф. и вариантов последних). Например, тув. *озук*, тоф. *оъсук*, сойот. *оъсык*, алт. *оозык*, *озык* — образования с аф. *-(у)к ~ (ы)к*, а в хак. *оспа ~ успа* компонент *-па* — определенно фонетич. вариант аф. *-ма* (*оспа... < *ос-ма...*).

Наибольшее распространение получила форма с конечным *п* (< **осуп*), по-видимому, также аф. или его основным элементом, однако за ним статус тюрк. имяобр. аф. пока еще, кажется, четко не закреплен, хотя *-(а)п* в прошлом мог быть таковым. Ауслаутный *п* отмечен в некоторых тюрк. именах, этимология которых неясна, но которые, скорее всего, не являются заимствованиями, напр. *ал(ы)п* 'герой, богатырь' (СИГТЯ Л, *560*). Вероятно также чередование аф. *-м* с конечным *п* (см. **ажам**).

озундук- [оъ] *разг.* 'очень сильно голодать'.

Ср. тоф. *озук-* 'очень сильно голодать; сильно худеть (от большого голода)' (Рассадин. Словарь). С тув. и тоф. формами, возможно, связано также як. *уосун-* 'уменьшаться в объеме и количестве, умаляться; ниспадать; убывать, испаряться, высыхать' (Пек. III, *3051*) или *уоһун-* 'уменьшаться в объеме, убывать, спадать'; перен. 'слабеть, ослабевать' (ЯРС, *440*).

Вероятной исходной основой указ. форм может быть **ос-* 'уставать' (по-видимому, и 'ослабевать') и под., с которой Э.В. Севортян связывал, в частности, тюрк. *осал...*, означающее 'плохой, скверный, дурной; некрепкий, слабый; худой; тяжелобольной; погибший, потерянный' и т.п. (в том числе 'уменьшение') (ЭСТЯ I, *479–480*).

В тув. языке соответствия *осал* (см. **озал I, II**) имеют иную семантику, что отчасти связано с монгол. влиянием, имевшим место и в як., чем, возможно, объясняется семант. и фонетич. отличия ранее приводимого *уосун-* (*уоһун-*) от як. *осол* (*оһол*) 'несчастный случай...'.

Структурно к **ос-* ближе тоф. *озук-*, где *-(у)к-* — показатель интенсива, и указ. выше як. глаг. форма (возвр. залога?). Тув. *озундук-* синонимично с тоф. *озук-*, причем аф. *-дук-* представляется в смысловом отношении идентичным *-(у)к-* в тоф. *озук-*, а производящая основа (**озун-*) тув. глаг. сопоставима с указ. як. формой.

Судя по ареалу распространения рассмотренных выше глаг. форм, последние определенно архаичны.

озур- [оъ] *разг.* 'пускать ветры'.

Ср. тоф. *осур-* (Рассадин. Словарь), др.-тюрк. *osur-* то же и т.д. Соответствия в тюрк. языках встречаются повсеместно, но, как отмечал Дж. Клосон, частью источников это и подобные ему неприличные слова не фиксируются (ED, *251*); в частности, *осур-...* отсутствует в ЭСТЯ (вероятно, по указ. причине).

В. Банг, а вслед за ним М. Рясянен (EW, *366*) истолковывают эту глаг. основу как звукоподражат. по своей природе, но *осур...*, скорее, носит эвфемистический характер и может быть связана с глаг. *ос- ~ оз-* 'обгонять...', означавшим также, судя по памятникам, 'избавляться, освобождаться' и под. (см.: ДТС, *374–375*; ЭСТЯ I, *425*). В таком случае *осур-* — форма каузатива (с аф. *-ур-*), первоначально имевшая семантику 'избавлять, освобождать': ср. вероятный вариант этой формы типа др.-тюрк. *ozyur* 'избавлять', тоф. *оскур-* 'спасать, выручать; щадить, оставлять в живых'.

Осур- ~ озур-, возможно, родственно также с тув. формами типа *озалааш*, *озаладыр* и под. (см. **озалааш**), но в *озур-* отмечена фарингализация [оъзур-], которая в этих формах отсутствует, что может отражать варьирование свистящего согласного глаг. *ос- ~ оз-*: он мог быть генетически как сильным (что вызвало появления фарингализованного гласного), так и слабым (что отражено в предшествующем кратком гласном).

озурук [оъ] 'корешки (дикого лука или саранки); зерна жареного ячменя, оставшиеся после помола между жерновами ручной мельницы'.

Соответствия в других тюрк. языках не обнаружены, но слово, скорее всего, тюрк. происхождения. Оно может быть генетически связано с глаг. основой вроде чаг. *ос-* 'снять кору, облупить' (РСл. I, *1138*); в другом источнике чаг. глаг. приводится в знач. 'счищать мясо с кости' (ED, *241*; см. также **озук**). В целом речь в этих случаях идет об очищении, очистке.

Можно предположить, что чаг. *ос-* родственно тюрк. глаг. основе *ос- ~ оз-*, означающей, в частности, 'удаляться, избегать' (см. **озалааш**, а также: ЭСТЯ I, *425*), а в тув. *озурук* (< **осурук*) представлена форма каузатива (**осур-ук*) от *ос-*, семантически близкой либо к чаг. *ос-*, либо к указ. тюрк. основе (в таком случае **осур-* могло означать нечто вроде 'удалять'.

В формах типа *озалааш* 'удаленный...' и под. отсутствует фарингализация, имеющаяся в *озурук*, что могло быть обусловлено варьированием свистящего *-с-* в **осурук* по признаку «сила-слабость»; см. также **озур-**.

ой- I 'пробивать; делать отверстие (дыру)'.

Имеются соответствия общетюрк. характера *ой- ~ оой-...* 'выдалбливать, долбить; делать выемку, углубление; копать, рыть; вырезать' и под., хотя, возможно, не все указ. в ЭСТЯ (I, *425–426*) знач. действительно принадлежат указ. глаг. (см. **ой- II**), у которого имеется также именное соответствие: см. **ой II**. Этимология неясна.

Э.В. Севортян относил к модификациям *ой-...* азерб. *ов-* (<**ог-*) 'рыть, копать; выдалбливать, делать выемку', однако по разным

причинам признавал, что «данное сопоставление небезупречно» (очевидно, при трактовке *ой-* и **ог-* как фонетич. вариантов) (ЭСТЯ I, *427*).

Отметим наличие ряда других односложных глаг. основ с начальным *о* и другими конечными согласными, сходных по своей семантике с *ой-* и *ов-* (< **ог-*), напр. *ор-* 'рыть, копать...' (см.: ЭСТЯ I, *467*), *оп-* 'распадаться, трескаться' (Там же, *466*), **оң- ~ ом-* 'откалывать(ся), отламывать(ся)...' (Там же, *462*), *ос- ~ оз-* 'разрезать' и под. (см. **озалааш**, **озук**, **озурук**...), **от-* 'отделять, отдалять...' (см. **одаг**, **одар**), где общность знач. явно прослеживается и связана с наличием общего смыслового компонента, характеризующего нарушение цельности материальных объектов.

Возможно, такая общность формы и семантики не случайна, а обусловлена родством приводимых (и, вероятно, также других) глаг. основ, наличием у них общего корня **о-* и ряда аф. формантов? Указ. корень и мог означать нечто вроде 'нарушать цельность...' (см. также **ок**). В целом поставленный вопрос требует специального изучения.

ой- II 'обходить или объезжать стороной'; **ойзу** 'в обход, мимо'; *перен.* 'иначе, иными словами'; **оюс-** 'водить мимо кого-чего-л.'; *перен.* 'называть по-другому, иначе; говорить о чем-л. по-иному, иначе; применять эвфемизм(ы)'; **оюш-** 'искривляться, покоситься', **оюшкак** 'искривленный, покосившийся'.

Ср. тоф. *ой-* 'обходить или объезжать стороной', *ойла-* 'проходить мимо, миновать (напр., о грозе, эпидемии)'. Возможно, тув. и тоф. *ой-* родственны с алт. (тел.) *ой-* 'сделать изгибом, загибать, как дугу' (ГАЯ, *223*; РСл. I, *970*), которое Э.В. Севортян считал лексико-семант. вариантом общетюрк. *ой-* 'делать выемку, углубление; копать, рыть; делать дыру' и т.п. (см. также **ой- I**), что выглядит недостаточно убедительно. Более реальна связь *ой-* 'делать изгибом...' с тув.-тоф. *ой-* 'обходить... стороной...', которое, в свою очередь, омонимично *ой-* 'делать выемку...'. Подобная же связь прослеживается и между вторичными, залоговыми формами алт. и тув. языков: ср. алт. *ойыш-* 'гнуться вместе, склоняться друг к другу, как верхушки деревьев' (ГАЯ, *223*; Вербицкий 2, *218*: форма совместно-взаимного залога: *ой-ыш-*) и тув. *оюш-* [ой-уш-] 'искривиться...', где мы имеем дело практически с той же формой, но, по-видимому, подвергшейся переосмыслению.

Тув. *оюс-* [ойус-] — форма каузатива с аф. *-з-* (*-с-*), от которой (аф. *-у*) образовано нар. *ойзу*.

Рассматриваемая глаг. основа может быть обнаружена также в составе других форм, в том числе в кирг. *ойт бер-* 'резко повернуть в сторону, в испуге шарахнуться в сторону', *ойку* 'резко склоняющийся в одну сторону (напр., о пламени от ветра)' и под. (см. **ойта-**, **ойтур**). С тув.-тоф. *ой-* могут быть генетически связаны также такие як. образования, как *ойо* 'полукругом', *ойогос* 'бок (у человека, животного); бок, боковая сторона чего-л.; ребро'. Ср., кроме того, др.-тюрк. (МК) *ԝjuγluγ* 'сводчатый; изогнутый' (ДТС, *608*: *ԝjuγluγ ev* 'сводчатый дом' ~ 'юрта'). По мнению Дж. Клосона, это окказиональное слово и результат описки (ED, *271*). Возможно, точнее был бы вариант **ojuγluγ*, где **ojuγ* ('изгиб; свод') < *oj-* 'делать изгибом' или под.

ой I 'низина, лощина'.

Именная форма, относящаяся к соответствиям глаг. основы *ой-...* 'выдалбливать, делать выемку, углубление...' (см. **ой- I**, а также: ЭСТЯ I, *425–426*), которые имеют общетюрк. распространение и в других тюрк. языках, означает 'низина, впадина; долина, ложбина' и под., а также 'низкий, низменный; покатый...'. Эта адъективная семантика отмечена в основном в вост.-тюрк. материалах К. Менгеса (см.: ЭСТЯ I, *425–426*) и, вероятно, является наиболее древней.

ой II 'буланый (о масти лошади)'[1], светло-серый'; **ойбу** *уст.* 'пятно'; **ойбун** 'пятно (на одежде от жира и т.п.); пятно, отметина на шерсти домашних животных (напр., лошадей); безоблачное место на облачном небе; проталина; поляна'; *перен.* 'след'.

Ср. тоф. *ой* 'серо-голубой; буланый', др.-тюрк. *oj* 'гнедой' (ДТС, *365*), *ой ат* 'гнедой [конь] с черными полосами' (МК И, *184*). В. Радлов отмечал шор. и хак. диал. *ой* только как компонент сложного цветового названия *аг-ой* 'бело-голубой (соловая лошадь)' (РСл. I, *69–70*); ср., однако, хак. *ой* 'буланый; соловый', *ах ой ат* 'светло-серая лошадь' (ХРС, *124*, а также: EW, *352*), а также *ой* 'буланый (масть лошади)', *ах ой*, *көк ой*, *хара ой*, *хызыл ой* — названия разновидностей буланой масти (ХРИЭС, *71*).

Дж. Клосон считал, что *ой* в качестве названия масти варьирует, но в основном тяготеет к англ. *dun*, т.е. к серовато-коричневому цвету (и, вероятно, к буланой масти), отметив, что слово *ой* сохранилось из числа совр. тюрк. только в некоторых сев.-вост. языках. Что же касается памятников, то кроме МК оно фиксируется в документах XIV ('лошадь цвета между красноватым и коричневым') и XIII вв. ('цвета пыли и пепла') (ED, *266*). См. также: Базарова, Шарипова, *19–20*.

Этимология *ой* в имеющихся источниках не представлена. Можно предположить, что по своей мотивировке *ой* аналогично

[1] Буланая лошадь — светло-серой или мышастой масти с черными гривой, хвостом, ногами и «ремнем» по хребту (см.: Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. — Кызыл, 2003. — С. 55 (прил.)).

тюрк. *булан*, обозначающему, в частности, буланую масть и связанному со смешанным цветом (см. **булан I, II**), образующим пятна, участки, по цвету отличающиеся от основной окраски, что проявляется в семантике тув. форм *ойбу* и *ойбун* (знач. приведены выше); ср. также хак. (кач.) *ойыг* 'пятно' (УЗ ХакНИИЯЛИ. — 1960. — Вып. 8. — С. 97). Эти формы не вполне ясны по структуре. Скорее всего, они представляют собой отглаг. образования, основой которых может быть **ой-* 'менять окраску; пачкать(ся), загрязнять(ся); покрывать(ся) пятнами'. От этой основы с помощью редкого аф. *-бу...* (см. **айбы**) образовалось тув. *ойбу*, а с помощью продуктивного аф. *-(ы)г* — хак. *ойыг*. Наиболее неясным является аф. формант *-бун* (?) в *ойбун*, соответствия которого среди тув. деривационных аф. практически неизвестны. Может быть, это вариант аф. *-бу* или *-бун* возник из другого деривата (*-ман*: см.: АИ, *197–199*) в результате сближения с *-бу*.

ой III 'годовщина' (часто употребляется в изафетном сочетании с предшествующим словом **чыл** 'год': **чыл ою**).

Монголизм. Ср. п.-монг. *oj* 'целый, круглый год; годовщина', монг. *ой* 'годовщина; юбилей', бур. *ой* 'годовщина'. Наименование *чыл ою* — результат переоформления варианта названия типа монг. *жилийн ой* 'годовщина, юбилей'. Ср. **он II, чыл**.

ой IV 'с короткой шерстью (о шубе, бараньей шкуре)'; **ой тон** 'легкая шуба (из шкуры барана с шерстью, отросшей после весенней стрижки); демисезонное пальто'.

М. Рясянен сопоставлял *ой* (в *ой тон*) с хак. *оой* 'легкий, нетрудный', возводя оба слова к тюрк. *oŋaj* 'легкий' < *oŋ* 'правый, правильный' (EW, *358*), что представляет явную натяжку как в фонетич., так и в семант. плане по отношению к тув. *ой*.

К сожалению, нам не удалось найти убедительных соответствий к последнему (хак. *оой* не может быть отнесено к ним). Возможно, *ой* родственно с основой **ой* глагола типа хак. *ойла-* 'бежать, бегать' (ср. также хак. *ойлаҥа* 'бегун, быстро бегающий', *ойлаҥа ат* 'конь, неудержимо рвущийся под гору': ХРС, *124*), тел. *ойло-* 'мчаться, резвиться (о лошади)' (при *ойлок* 'борзый, резвый (о лошади)'), алт. *ойло-* 'горячиться, нетерпеливо двигаться, резвиться; вести себя бойко, озорничать' (ТОС, *56*; ОРС, *114*); ср. **ойла-**.

Ой*, в свою очередь, может быть именным соответствием (пока, кажется, неустановленным) к глаг. типа *ой-* 'играть; прыгать, скакать...' (см.: ЭСТЯ I, *435–436*, а также **оюн), и таким образом, реально имя **ой* 'резвый, бойкий; быстро и легко двигающийся' и т.п., у которого вероятно также появление семантики, подобной 'легкий, не мешающий двигаться, не сковывающий движений (об одежде и материале для нее)', что соответствовало бы характеру реалий, именуемых *ой IV* и *ой тон*.

ойбак 'дыра, отверстие; ссадина; натертое место (на спине лошади); просвет в тучах; небольшая полынья, прорубь'; **оймак** 'прогалина, поляна в лесу'.

Из двух приводимых форм близкие соответствия в других тюрк. языках (напр., сиб.) обнаруживаются у второй: ср. тоф. *оймак* 'прогалина, поляна, лужайка' (ТРС-РТС, *51*), шор., хак. диал. *оймак* 'низменность, котловина, углубление', хак. (саг.) *ойбак* то же, тел. *ойбак* 'низменность' (РСл. I, *986*, *987*), хак. *оймах* 'яма, углубление; низменность, низина, долина; впадина, котловина' (ХРС, *124*; см. также: ЭСТЯ I, *427*).

Тув. *оймак* и его соответствия — образования с аф. *-мак*, начальный согласный которого в части источников перешел в *б* (ср. *ойбак*, *ойбок*), от глаг. основы *ой-* 'выдалбливать; делать выемку, углубление...' (см. **ой- I**, а также: ЭСТЯ I, *425–426*, *427*). В тюрк. языках распространена форма *оймак*, служащая в основном названием наперстка и также считающаяся образованием от указ. основы с помощью того же аф. (ЭСТЯ I, *434*).

Однако Э.В. Севортян при этом отмечал: «Какие из этих значений (глагола *ой-*. — *Б. Т.*) следует считать более подходящими для 'наперсток', сказать трудно...», и «независимо от того, какое из указ. значений глагола... *ой-* участвовало в образовании слова... *оймак*, они не могут сами по себе быть прямым непосредственным источником для значения 'наперсток'...» (Там же, *434*, *435*). Думается, эти трудности и сложности преувеличены: *оймак* 'наперсток' определенно имеет связь с глаг. основой типа алт. *ой-* 'делать изгибом, загибать, как дугу' (тем более что наперсток (*оймак*) повсеместно имел вид перстня) (Там же, *426*, *434*).

Вместе с тем алт. *ой-* с указ. знач., скорее всего, омонимично с основой *ой-* 'выдалбливать' и под. (ср. **ой- I** и **ой- II**), и Севортян был в значительной мере прав, говоря о трудностях, касающихся связи последней с *оймак* 'наперсток'.

Отметим, что у названия *оймак*, характеризующего рельеф местности, почти не встречается соответствий за пределами сиб. тюрк. языков, данные которых в ЭСТЯ отсутствуют: Э.В. Севортян ограничился только фиксацией узб. диал. формы, означающей 'небольшая выемка, небольшое углубление', определенно родственной тув. *оймак* 'прогалина...', но явно омонимичной названию наперстка.

В ЭСТЯ отсутствует и тув. *ойбак* 'дыра, отверстие...'. Родство последнего с тув. *оймак* и его соответствиями едва ли может вызывать сомнение, но характер формальных различий между тув. *оймак* и *ойбак* не вполне ясен. В принципе они могут но-

сить фонетич. характер (в таком случае *ойбак* < **оймак*). Однако довольно заметные семант. различия между тув. *оймак* и *ойбак* свидетельствуют, скорее, в пользу того, что они отличаются друг от друга структурно.

Не исключено, в частности, что аф. *-ба-* в *ойбак* — учащательный аф., а *-к-* — имяобр. Таким образом, глаг. частью **ойба-к* является **ойба-*. Однако *-ба-* может выступать и как словообр. аф. (см.: АГ, *396*), и тогда **ойба-* могла быть произведена от *ой*, именного соответствия *ой-* 'выдалбливать' (см. **ой I**, а также: ЭСТЯ I, *425–426*).

Та же глаг. основа прослеживается, вероятно, в тув. *ойбаңна-* 'порывисто задувать сквозь щели (о холодном ветре)', являющейся формой ритмического вида от **ойба-*.

ойбу см. **ой II**.

ойбун см. **ой II**.

ойзу см. **ой- II**.

ойзу-кыйзы см. **ойзу, кыйзы**.

Отметим также существование па́рного глаг. *оюс-кыйыс-* 'водить мимо кого-чего-л.' и под. (см.: Ондар. СПС, *86*, а также **оюс-**).

ой-кый: **ой-кый чок 1**. 'неразумный; безалаберный'; **2**. 'быстро, не давая времени на раздумье'.

Аналитическая форма, состоящая из отрицат. частицы *чок* и имени типа па́рного слова **ой-кый* с предполагаемой семантикой вроде 'ум-разум' или под. Его первый компонент соотносится с широко распространенным в тюрк. языках словом *ой ~ оой* 'мысль; ум, разум; сознание' и т.п., имеющим также монгол. соответствия (см.: ЭСТЯ I, *428–429*), но отсутствующим в самостоятельном употреблении в тув. языке.

Что касается компонента *-кый*, то он, по-видимому, восходит к синониму слова *ой* 'мысль...', но в отличие от последнего этому компоненту более сложно подобрать словесное соответствие. К тув. *-кый* близко турк. *күй* 'мысль, дума'. В турк. языке отмечено и па́рное слово *ой күй* 'ум-разум', очень близкое тув. **ой-кый*. Однако *-кый*, возможно, генетически связано не с *күй*. Это слово, похоже, представляет собой некий собственно турк. и, следовательно, поздний вариант другого слова (считается, в частности, что турк. *күй* < *кү*: 'дума' ← 'желание': ЭСТЯ V–1, *135*).

Думается, что не исключена связь *-кый* с шор., хак. *кыйга* 'умный, мудрый', чул.-тюрк. *кыйза* 'умный', хак. диал. *кыйгы* 'ум', первое из которых В.В. Радлов возводил к тюрк. глаг. основе *кый-* 'обрезать, подрезать; заострять...' (РСл. II, *688*, *691*, *692*), для чего имеются основания. В частности, обращает на себя внимание знач. 'заострять', поскольку среди образований от *кый-* есть имена, имеющие семантику 'острие' и 'острый' (см.: ЭСТЯ V–2, *202*), а данное признаковое знач. естественно относимо к выдающемуся человеческому уму (см. также кирг. *кыйды* 'хитрый; хитрец, себе на уме').

Реально употребление формы *кыйга*, подобно *кыйгы*, в знач. 'ум', а также наличие (в прошлом) парного слова с отрицанием *чок* типа **ой-кыйга* (*кыйгы*) *чок*, второй компонент которого не имевший в тув. самостоятельного употребления и внутренней формы, мог быть как бы подравнен под первый (*ой*), будучи осмыслен как вторичная (падежная или иная) форма некоего слова *кый*, до того не существовавшего. См. также **ойлуктуг**.

ойла- 'убегать; дезертировать; избегать, сторониться...'.

Ср. хак. *ойла-* 'бежать, убежать' (РСл. I, *981*); 'бегать, бежать' (ХРС, *124*), шор., хак. *ойла-*, тел. *ойло-* 'убежать; рассеяться (в разные стороны)' (Вербицкий 1, *216*). По мнению М. Рясянена, хак. и др. *ойла-* 'убегать' родственно як. *ой-* 'делать скачок или прыжок', *ойдоо-* 'уходить в лес', *ойуун* 'прыгун, скакун; шаман', и все эти слова представляют собой монголизмы. Они сопоставлены, в частности, с бур. *ой-* 'отскакивать, убегать', *ойло-* 'удалиться в лес', п.-монг. *oji-la-* 'избегать, убегать' (EW, *359*).

Скорее всего, исследователь был не совсем прав, когда связывал родством все указ. як. формы с глаг. основой *ойла-* и возводил все тюрк. формы к вышеприведенным монгол., хотя у части тюрк. есть связь с некоторыми из последних. Отметим наличие в монгол. языках двух глаг. основ: *oji- / ойх* 'падать; отскакивать, отлетать в сторону (о стреле), рикошетировать, преломляться, отражаться (о свете); убегать, удаляться, уклоняться' (БАМРС II, *466*); в другом источнике семантика п.-монг. и монг. основ фиксируется иначе: ср. соответственно 'отскакивать, отлетать в сторону; убегать, избегать' и 'отскакивать, убегать; клониться к упадку' (Владимирцов. Ср. грамматика, *268*) и *ojila- / ойлох* 'подпрыгивать; отскакивать, рикошетировать', причем последняя считается формой многократного вида от *oji- / ойх* (БАМРС II, *464*).

В тув. языке, помимо *ойла-*, есть также глаг. основа *ой-* 'обходить (объезжать) стороной', соотносимая с монгол. *oji / ойх*, но, по-видимому, не являющаяся монголизмом (см. **ой- II**) в отличие от *ойла-*, которая, скорее всего, есть результат монгол. влияния (как и ее ранее указ. соответствия, но в большей степени), причем своей формой она воспроизводит монгол. *ojila-...*, а по семантике ближе к *oji-...*

Рассматриваемая здесь глаг. основа, по всей вероятности, не родственна тюрк. глаг. типа алт. *ойло-* 'резвиться...' (см. **ой IV**), среди соответствий которого мы отмечали, как и в данной

статье, хак. *ойла-*, сочетающий в себе по РСл. знач. ‘убегать’ и ‘бежать’, что может свидетельствовать о контаминации тюрк. и монгол. глаг. форм.

ойлуктуг ‘подходящий, толковый (о человеке); удовлетворительный, годный (о вещи — среди негодных вещей)’; **ойлук чок** ‘неразумный, бесхарактерный; дрянной, негодный’.

По всей вероятности, монголизм: ср. монгол. *oliγ / олиг* ‘порядочность; пригодность, полноценность, хорошее качество’, *oliγtai / олигтой* 1. ‘пригодный, хороший; порядочный, приличный; толковый’; 2. ‘хорошо’; *oliγ ügei / олиггүй* ‘плохой, нехороший; негодный; непорядочный, неприличный; неприятный; бестолковый’ (БАМРС II, *469*). В этом случае исходная именная основа, соответствующая монгол. *oliγ / олиг*, в тув. языке отсутствует. Заимствованы производные формы со знач. наличия (обладания) и, напротив, отсутствия определенных качеств, выраженные соответствующими аф., причем имеет место замена монгол. формантов и частицы тув.: *-туг* (< *-лыг*) вместо *-tai-* и *чок* вместо *ügei / -гүй*.

В основе **ойлук* отмечено появление в конце первого слога сонанта *й*, служащего рефлексом *i* (*и*) монгол. оригинала, что нередко имеет место в подобных ситуациях. Вместе с тем **ой* в *ойлук*, возможно, не случайно обнаруживает фонетич. тождество с **ой* в составе па́рного слова **ой-кый*, в свою очередь входящего в состав тув. конструкции *ой-кый чок* ‘неразумный’ и под. В последнем случае компонент **ой* сближался нами с тюрк. *ой* ‘ум...’ (см. **ой-кый чок**), а конструкция в целом имеет также и семант. общность с *ойлук чок*. Отмеченные выше тождество и общность могут быть неслучайными: не исключено сближение последнего с *ой-кый* [*чок*].

ойлук чок см. **ойлуктуг**.

оймак см. **ойбак**.

ойна- ‘играть, шутить’; **ойнай-сылдай** [-ыъ] ‘как бы шутя, в шутку, шутя, игриво’; **ойна- тогла-** ‘веселиться, забавляться, развлекаться’.

Глаг. основа *ойна-* образована аф. *-а-* от именной основы *ойун...* ‘игра’... *Ойна-*, как и ее производящая основа, носит общетюрк. характер и означает, в частности, ‘играть, шутить’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *436*, а также **оюн**). Тув. *ойна- тогла-* — парная глаг. форма, первый компонент которой связан с *ойна-*, а второй, для которого в тув. нехарактерно самостоятельное употребление, — с монгол. глаг. типа *toγla- / тоглох* ‘играть, забавляться, развлекаться; шутить’ (см. также **оюн-тоглаа**).

Ойнай-сылдай — па́рное нар., восходящее к деепричастию на *-а* (~ *-й*) от глаг. основы **ойна- *сылда-* (ср. **оюн-сылдаг**, **оюн-сылдак**), очевидно, также па́рной и состоящей из компонентов, одинаковых или близких по знач. Поэтому второй компонент едва ли имеет связь с тув. *сылда-*, *сылдагла-* ‘находить повод (причину), пользоваться удобным случаем’, как это можно предположить (см. также: Ондар. СПС, *86*).

Скорее всего, **сылда-* (< **сылта-*) в составе **ойна- *сылда-* восходит к другой глаг. основе, не имеющей, как и в случае с *ойна- тогла-*, самостоятельного употребления. Возможно, **сылда-* родственно с такими формами (характерными, в частности, для каз. и кирг. языков), как каз. *сылаң*; *сылкым* ‘щеголь, щеголиха; кокетка’ (ср. кирг. *сылаң эт-* ‘кокетливо передернуться’), *сылаңда-* ‘кокетничать, игриво красоваться, франтить’ (кирг. *сылаңда-* ‘кокетничать’) (КазРС, *306*, *307*; Кайдаров, *277*; КРС, *678*, *679*).

В каз. *сылаңда-* А.Т. Кайдаров вычленял исходную основу **сыл* ‘нечто кокетливое, игривое’, что в принципе допустимо. Эта основа, скорее всего, имеет образную природу, допуская наличие модификаций вроде **сылк*, как в каз. звукоподражании *сылк* (ср. *сылк-сылк кул-* ‘звонко смеяться, хохотать’), которое также возводится к основе **сыл*, но омонимичной **сыл* ‘нечто кокетливое...’ (Кайдаров, *277*, **сыл II* и **сыл IV*).

Тув. *-сылдай* < **сылда-* < **сылта-*. Последний из вариантов мог быть образован от образной основы типа **сылт*, варьирующей с **сылк* (возможно, и восходящей к последнему): ср. кирг. *кылт-сылт этип* ‘жеманно, кокетливо, с ужимками’ (КРС, *487*). Можно предположить, что формы типа **сыл-к-ы-* и **сылт-а-* означали нечто вроде ‘вести себя игриво, играть, кокетничать’ или под.

В свою очередь **сылта-*, по-видимому, связано с такими формами, как каз., кирг. *сылты-* ‘припадать на ногу, прихрамывать’, ног. *сылтың* ‘прихрамывающий, с ковыляющей походкой’, узб. *силта-* ‘дергать (рывками), вырывать; подергивать’.

Вероятно, **сылта-* и под. передавала представление о неестественных телодвижениях (вилянии, вихлянии, подергивании и т.п.), выражающих также игривое, шутливое настроение.

ойнай-сылдай см. **ойна-**.

ойна- тогла- см. **ойна-**.

ойта-: **ойта дүш-** ‘внезапно поворачивать назад’; *перен.* ‘упираться, упрямиться, отказываться от своего обещания’; **ойтала-** ‘загибать голову назад; лежать на спине’; *перен.* ‘отказываться, не соглашаться’; **ойтур**: **ойтур ит-** ‘отталкивать кого-л., чтобы тот упал на спину’ (при **ит-** ‘толкать’), **ойтур окта-** ‘положить на обе лопатки’ (при **окта-** ‘бросать’), **ойтур шап-** ‘отбивать, отражать атаку’ (при **шап-** ‘бить, ударять’) и под.

В тув. языке формы *ойта* и *ойтур* не употребляются самостоятельно, реализуясь в основном лишь в сочетаниях с определен-

ными глаг.; см. также *ойтала-*. Соответствия в других тюрк. языках имеются, по-видимому, только у формы *ойта*: ср. хак. диал. *ойда* ‘назад, обратно, опять’ (РСл. I, *983*); ‘назад, обратно; навзничь’ (Вербицкий 2, *218*), хак. *ойда* ‘навзничь, на спину’, *ойта тус-* ‘падать на спину’ (ХРС, *124*), алт. диал. *ойдо* ‘назад, обратно, навзничь’ (Вербицкий 2, *218*), *ойтто* ‘назад, обратно; опять’, *ойтто туш-* ‘падать на спину’ (РСл. I, *983*); см. также хак. диал. *ойдас* ‘на спину, навзничь’ (Там же, *984*), хак. *ойдас-* ‘откинуться назад; упасть на спину, навзничь’ (ХРС, *124*).

Ойта... и *ойтур* — вероятно, нар., образованные аф. *-та* и *-тур* от глаг. основы типа алт. *ой-* ‘сделать изгибом, загибать как дугу’ или под. (см. **ой- II**). Возможно, *ойта...* имело глаг. соответствие, о чем свидетельствует хак. *ойдас-* и *ойдас*.

ойтала- см. **ойта**.

ой тон см. **ой IV**.

ойтулааш *уст.* ‘добрачные игры молодежи’.

Непосредственных соответствий в других тюрк. языках не обнаружено, но в некоторых из них прослеживается глаг. основа, вероятно, родственная производящей основе тув. *ойтулааш*: см., напр., кирг. *ойдоло-* ‘бежать вприпрыжку, взбрыкивать; нетерпеливо двигаться; вести себя бойко, озорно’ (КРС, *561*), каз. *ойдоло-* ‘скоро бежать’ (РСл. I, *384*). Основа *ойдоло-*, очевидно, гомогенна с кирг. *ойкушло-* ‘скоро бежать’ (Там же, *384*) с кирг. *ойкушта-* ‘двигаться игриво, шаловливо’, *ойнокто-* ‘взбрыкивать, резвиться’, *ойсокто-* ‘(о девушке) быть расторопной, бойкой, веселой, находчивой’ и под.

Все они, скорее всего, родственно связаны с общетюрк. словом типа *ойун* ‘игра’, считающимся производным от глагола *ой-* ‘играть...’ (ЭСТЯ I, *435–436*; см. также **ой IV**, **ойна-**, **оюн**).

В кирг. *ойдоло-*, которому определенно соответствует **ойтула-* в тув. *ойтулааш*, выделяется, помимо глаголообр. аф. *-ло-* (< *-ла-*), именная основа **ойдо* ~ тув. **ойту* — образование от указ. глаг. с аф. *-то* (< *-та?*) ~ *-ту* (возможно, это разные форманты).

Тув. **ойту-лааш* < **ой-ту-ла-гыч / -кыч*. Структурно оно напоминает производные вроде ккалп. *ойнагычи* ~ турк. *ойнавач* ‘игрушка’, а также ‘игривый; резвый’ (ккалп.) (ЭСТЯ I, *437*).

ойтур см. **ойта-**.

ойтур окта- см. **ойта-**.

ойтур шап- см. **ойта-**.

ок [оъ] ‘стрела; пуля, снаряд; патрон’.

Ср. тоф. *оък* ‘пуля; патрон’, а также общетюрк. соответствия (основной вариант — *ок*) ‘стрела; жало; пуля, снаряд; ось, дышло; вал; поперечная балка среди кровли; арык, оросительная борозда на поле; узкий вытянутый участок поля’ и др. Имеется

также глаг. соответствие в виде лоб. *ок-* ‘стрелять’, исходя из наличия которого Э.В. Севортяном было сделано заключение о том, что *«ок ~ ок-* представляет собой лексико-морфологически синкретичный корень, принадлежащий древнейшим эпохам» (ЭСТЯ I, *437, 438*).

Этимология слова не выяснена (см.: СИГТЯ Л, *577*), одна из причин заключается в недостаточном анализе его семант. структуры и характера общности его знач., хотя стоит отметить, что попытка такого анализа и была предпринята (см.: ЭСТЯ I, *437–438*).

Некоторые знач. слова *ок* часть исследователей к нему не относит, считая их омонимичными, или, если относит, то принадлежность таких знач. *ок* ‘стрела’ не аргументируется. Так, согласно памятникам (в частности МК), это слово означало также ‘земельный надел, участок’; ‘часть, доля наследства’ (см.: МК И, *188–189*; ДТС, *368–369*; ED, *76*). Эти лексико-семант. варианты по МК И и ДТС являются омонимами по отношению к *ок* ‘стрела...’ и друг к другу[1], тогда как Дж. Клосон (ED) указ. ситуацию однозначно оценивает как проявление многозначности, включая в число знач. *ок* также ‘жребий’ («кидать жребий»), но не показывая, в чем заключается его общность со ‘стрелой’.

Кроме того, *ок* в др.-тюрк. памятниках имело семантику, связанную с политонимией и истолковываемую исследователями по-разному: ‘родовое подразделение; род (как часть племени); поколение; объединения внутри племен; составные части союза племен’ (см.: ДТС, *367*, **on oq**; Кононов. ГЯТРП, *119–120*, примеч. 141; ЭСТЯ I, *437*)[2]. Эту семантику основная часть ученых связывает с *ок* ‘стрела’, считая его перен. знач., однако А.Н. Кононов (ГЯТРП) считал *оq* ‘стрела’ и *оq* ‘род...’ омонимами, что определенно неправомерно.

В этой ситуации, как и в других случаях, памятники представляют нам проявления полисемии слова *ок*, в знач. которого прослеживается общий компонент ‘часть целого, отделенная от него, разделенная с ним’. Подобный компонент прослеживается и в основном знач. *ок* ‘стрела’, связанным с предметом, нарушающим цельность материального объекта, в том числе и разделяющего его на части: ср. саг. *Огының пизи оттың тамырын кес-тир* ‘наконечник стрелы разрезает корень травы’ (РСл. I, *989*).

Та же семантика, естественно, прослеживается в *ок* как названии пули, снаряда, также других реалий: оси, дышла, вала,

[1] Можно предполагать, что такова же была и точка зрения Э.В. Севортяна: во всяком случае, в реестре знач. слова *ок* ‘стрела’, помещенном в ЭСТЯ, эти знач. отсутствуют.

[2] См. также: Кормушин И.В. Древние тюркские языки. — Абакан, 2004. — С. 327.

поперечной балки, оросительной борозды и под. Э.В. Севортян считал, что соответствующие знач. сложились на основе ассоциации по сходству (с длинным древком стрелы) (ЭСТЯ I, *438*). С этим можно отчасти согласиться, но подобные знач. возникли не только на указ. основе, но и на базе общности со стрелой по признаку нарушения цельности объекта. Так, ось характеризуется не только протяженностью, но также и тем, что она как бы образует отверстие в центре колеса. Ср. также тув. название зрачка *карак огу* (при *карак* 'глаз').

Думается, что *ок* 'стрела...' могло быть отглаг. образованием с аф. *-к* от основы **о-* 'нарушать цельность...' (см. **ой- I**). Может быть, морфол. вариантами *ок* являются каз. диал. *ош* 'стрела, пуля' (< **о-ч*?) (Аманжолов, *397*), як. диал. *ой* то же (приравнено к *ох* 'стрела') (Пек. II, *1797*); в совр. источнике *ой* дается со знач. 'каждый рог вилообразного железного наконечника стрелы; стрелообразный наконечник остроги' (ДСЯЯ, *184*).

оккур [оъ] 'стремительный; расторопный, ловкий'.

Соответствия в других тюрк. языках (за исключением отчасти тоф., о чем ниже) не обнаружены.

Оккур считается производным с аф. *-гыр ~ -кыр* от *ок* 'пуля' (ИП, *199*); см. также **ок**. Связь с указ. основой бесспорна, однако в целом *оккур* не укладывается в модель образования слов с указ. аф., указывающим, в частности, как и соответствующий ему тоф. формант *-кыры-*..., на «обладание большим числом предметов» (см.: Рассадин. Морфология, *107*) или на их обилие, что продемонстрировано, напр., материалом «Грамматики тувинского языка» (ИП, *199*), где *оккур* отмечено между *суткур* 'молочный, дающий много молока' и *дукkур* 'шерстистый' (соответственно от *сут* 'молоко' и *дук* 'шерсть'), что без дополнительных объяснений выглядит нелогичным.

С тув. *дукkур* и *суткур*, а также с *оккур* может быть сопоставлено тоф. *оъккуру* 'многозарядный (об оружии)'. (Откуда 'скорострельный'? Во всяком случае, из последнего в результате метафорического переноса могла возникнуть семантика типа 'стремительный' и под.)

окта [оъ] 'совершенно, абсолютно (только в словосочетаниях с отрицанием)'.

Монголизм (Рассадин. МБЗ, *60*): см. монгол. *оγtu / оγт* 'совсем, совершенно; вовсе, вполне; отнюдь, ничуть, никак, никогда'. Монгол. слово также чаще всего употребляется при отрицании (знач. 'отнюдь' и под.) (БАМРС II, *457–458*).

октаргай [оъ] 'вселенная; космос'.

Ср. сойот. *октарһый* 'небо' (СБРС, *86*). Монгол. заимствование: см. *оγtargui / оторгой* 'небо, небосвод, небеса; сфера (небесная); атмосфера, поднебесье; пространство' (БАМРС II, *458*). Соображения о происхождении монгол. слова приведены в СИГТЯ Л, *60*.

ол *мест.* 'он; тот'; **олар** 'они'.

Общетюрк. местоименные формы. *Ол* первоначально являлось указ. мест., относящимся в отличие от **бо**... (см.) к отдаленным объектам; кроме *ол* существует также его вариант *о* (ЭСТЯ I, *444–445*), о котором бытует мнение как о первичном (см.: Щербак 1977, *126–127*). Во всяком случае, об *ол* говорится как о структурно членимой форме, где выделяются два компонента: собственно местоименная дейктическая основа *о* и дейктическая частица (дейктический усилитель) *л* (ср.: Кононов. ГЯТРП, *165*, *166*; Серебренников, Гаджиева, *134*).

Олар — по всей вероятности, форма мн. ч. с аф. *-лар* от основы *о*, соответствия которой также носят общетюрк. характер (см.: Щербак 1977, *124*)[1]. См. также **ола-**, **олаага**, **олаада**.

ола- 'идти (ехать) той, другой дорогой'; **олаага**, **олаада** 'где-то там, в тех местах'.

Ср. также *бола-* 'идти (ехать) этой дорогой', *болаа* 'эта местность, окрестность', *болаага*, *болаада* 'здесь, в этих местах' (ТСТЯ I, *274–275*), связанные в конечном счете с указ. мест. *бо* 'этот' (см. **бо**). От последнего непосредственно образован глаг. *бола-* (ИП, *238*), а от него — имя *болаа* (? **бола-гы /-га*), тогда как *болаага* и *болаада* представляют собой формы дат. и мест. п. (с аф. *-га* и *-да*) от *болаа*.

Тув. *ола-* структурно аналогично *бола-*, а *олаага* и *олаада* — соответственно *болаага* и *болаада*, будучи родственны мест. *ол* 'тот', но, вероятно, судя по их внешнему виду, образованы от варианта *о*, как и форма мн. ч. *олар* (см. **ол**, **олар**). В случае образования от *ол* с помощью аф. *-ла-* мы имели бы глаг. форму типа **олда-* или под. Не исключено, что *ола-* образовано позже *бола-* и с ориентацией на последнюю, а структурно отличается от *бола-* (произведено от *ол* глаголообр. аф. *-а-*?).

олаага см. **ола-**.

олаада см. **ола-**.

олар см. **ол**.

олбук *уст.* 'небольшой четырехугольный или округлый, войлочный или плетенный из шерсти коврик, предназначенный для сидения (в частности, почетных гостей)'[2].

Ср. алт. *олбук* 'сиденье, седалище; облучок' (ОРС, *115*), хак. *олбых* 'войлочный матрас' (ХРИЭС, *72*), як. *олбох* 'подстилка для сидения'; уст. 'почетное место' (ЯРС, *269*); 'подстилка; то, что

[1] Считается, что в этом случае (в большинстве тюрк. языков) имеет место выпадение конечного *л* мест. *ол* перед аф. *-лар* (ИП, *235*), что представляется нереальным.

[2] Вайнштейн С.И. Миф кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 86.

подстилается для сидения поверх *олоха*[1], напр. оленья или конская шкура...; почетное место для сидения, назначенное уважаемым гостям; ... престол' (Пек. II, *1813*), кирг. *олбок*, *олпок* 'матрасик в люльке ребенка, набитый овечьей шерстью; род боевой верхней одежды с толстым слоем шерсти или ваты (заменяющей панцирь или надевающейся на него); старый плохой ватный халат', *олпок кар* 'пушистый, мягкий снег' (КРС, *566–567*), таранчинск. (уйг.) *олпак* 'панцирь; шлем' (РСл. I, *1096*), уйг. диал. *олбак* 'ушанка, шапка с наушниками', *олпак* 'ночная ватная шапка' (УРС, *108*, *255*, *616*), каз. диал. *улпак* 'маленькое одеяло, стеганное вместе с шерстью' (Аманжолов, *436*), башк. диал. *ӧлпак* 'думка (вид подушки) из верблюжьей шерсти' (Bhh, *148*).

У тюрк. слов имеются монгол. соответствия, в том числе монг. *олбог*, п.-монг. *olbuγ* 'тюфяк, подстилка для сидения, матрац (стеганый); дорожная короткая куртка, стеганная на вате' (БАМРС II, *467*; ср. также фиксацию у монгол. слова знач. 'куртка, стеганная на пеньковой пакле и надеваемая на войне...': Голст. I, *186*). В.И. Рассадин относит подобные соответствия к тюркизмам, характерным для Монголо-Бурятского региона (см.: Рассадин. Присаянская группа, *134*). Мнения о тюрк. происхождении слова придерживаются и другие исследователи, в частности М. Рясянен (см. также: Антонов, *108*; ЭСРДС, *419*). В целом это мнение оправдано, однако в части тюрк. языков (напр., сиб.) мы, скорее всего, имеем дело с вторичным монголизмом.

Рясянен сопоставлял тюрк. слово (в вариантах *olpak* и *olpok*) с глаг. *ol(t)-ur-* 'сидеть' (EW, *360*, *361*), а В.И. Рассадин возводит его непосредственно к тюрк. глаг. основе *ол-* 'сидеть'. При этом структура слова представляется в следующем виде: **ол-* 'сидеть' + *-бог* — фонетич. вариант словообр. аф. *-маг*[2] (*-мак*?).

Однако реальность связи слова с указ. основой вызвала сомнение у А.Е. Аникина, считающего исходным знач. его тюрк. форм такое, как 'короткая утепленная куртка для верховой езды зимой' (ЭСРДС, *414*). Отметим, что такая семантика, во всяком случае, для тюрк. языков нехарактерна: она отмечена в монгол. языках и в качестве монголизма у маньчж. *олбо* 'род куртки' (Там же). Тем более, она едва ли может считаться исходной для них. Впрочем, основания для сомнения в аргументированности версии об *ол-* 'сидеть' как производящей основе *олбук*... с семант. точки зрения действительно существуют.

В частности, как явствует из приведенных языковых фактов, тюрк. формы далеко не всегда обозначают приспособления типа ковриков, подстилок и другие реалии, предназначенные для сидения или только их: это могут быть и наименования предметов одежды, в том числе боевой, причем в данном случае, скорее всего, невозможно доказать, что последние производны от названий реалий, связанных с сидением (как, впрочем и то, что названия одежды, наоборот, первичны)[1].

Можно допустить, что между соответствующими наименованиями и названиями вообще не существует связей производности и их объединяет только смысловая общность, наличие общего компонента знач., который в данном случае можно определить как 'мягкий' или 'мягкость' (поскольку речь идет об изделиях, изготовленных в основном с применением ваты, шерсти и меха). Поэтому здесь вероятна связь с глаг. основой *ол- ~ ул-*, характерной в основном для памятников, в частности для МК, знач. которой интерпретируется как 'быть или становиться мягким...' (ED), 'разваливаться; ветшать' (МК И), 'изнашиваться; приходить в негодность' (?) (ДТС).

Важно отметить, что от указ. глаг. было образовано прил. *олук ~ улук* 'старый, изношенный, потрепанный', сочетавшееся со словом *тон* 'халат', а *олук* (*~ улук*) *тон* означало 'старый изношенный халат' или под. (см.: МК И, *302–303*; ДТС, *608*, *611*; ED, *125*, *137*); ср. кирг. *олпок* с аналогичным знач. Применительно к *олбук*... можно говорить о реалиях, которые мнут, треплют и т.д., делая их мягкими либо в процессе изготовления, либо в результате длительного использования, ношения (как это имеет место в случае с халатом).

Структура рассматриваемых тюрк. словоформ не вполне ясна. Можно констатировать, что трактовка их как образований с аф. *-маг* (*-мак*), скорее всего, ошибочна. Вариантов типа **олмак* у *олбук*... не зафиксировано, но зато нередко встречаются варианты со срединным сочетанием *лп* (*олпак*, *олпок* и т.п.), в котором, по всей вероятности, глухой согласный *п* является первичным (при вторичности *б* и «третичности» *м* (*б* > *м*)).

Думается, что М. Рясянен был близок к истине, когда возводил монгол. соответствия рассматриваемого слова к тюрк. *олпак* (EW, *360*). Возможно также, что последнее имело фонетич. вариант **олпук*.

[1] Як. *олох* означает 'сиденье, место для сидения' и под. (Пек. II, *1823–1825*).

[2] Тюрк. глаг. формы, означающие 'сидеть', с монг. *olboγ* (< **olmaγ*) сопоставлялись Н.Н. Поппе (см.: ЭСТЯ I, *492*). См. также: Одемиш Зейнел. Тюрко-монгольские элементы в турецком и тюркских языках Южной Сибири: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005. — С. 10.

[1] В отличие от *олбук* и его соответствий (включая як. *олбох*) к числу образований от *ол-* 'сидеть' определенно может быть отнесено як. *олох* 'сиденье...' (см. о нем выше).

Что касается структуры тюрк. слова, то оно могло быть образованием с аф. *-к* от образно-глаг. основы **олпай- ~ *олпуй-*, семантически близкой к вышеприводимой *ол- ~ ул-* и родственной с ней (ср. с **олпай-* и *олпак*, *калбай-* и *калбак*). К сожалению, в данном случае нам не удалось обнаружить тюрк. соответствий к указ. основе и мы в дальнейшем оперируем материалом монгол. языков, для которых подобные глаг. весьма характерны.

Так, напр., **олпай-*... находит свое соответствие в бур. **олбой-*, о реальности которого может свидетельствовать бур. диал. *олбого* 'слабый, вялый, инертный'. Более полные данные на этот счет содержатся в других монгол. языках: ср. монгол. *ulbuji- / улбай-* 'становиться слабым, вялым, дряблым; слабеть', *ulbuγur / улбагар* 'слабый, вялый; мягкий, нежный', *ulbujiγsan / улбайсан* 'слабый, вялый...' (БАМРС IV, *323*; К.Ф. Голстунский у последнего отмечал также семантику 'мягкий, неупругий (о материи)': Голст. I, *185*).

Зафиксирована и именная основа *ulba / улба*, употребляемая в сочетании *улба болох* 'делаться мягким...' и, вероятно, означавшая 'мягкий'; *улба* имеет также знач. 'ватная куртка, надевавшаяся под панцирь' (БАМРС IV, *323*). Она является как бы вариантом монгол. *olbuγ / олбог*, но в отличие от последнего образована, по всей вероятности, в самих монгол. языках. Отметим, что, по Голстунскому, *ulba* означало не только 'куртка на вате, надеваемая под панцирь', но также еще и 'перина' (с пометой «калм.»). Совр. источник дает как омонимы (что едва ли правильно) калм. *улв* [улвъ] 'тюфяк, матрас' и уст. 'платье стеганое с подкладкой, надеваемое под панцирь' (КалмРС, *531*).

олуй-солуй 'крест-накрест, пересекая одно другим'.

Монголизм? Ср. монгол. *oliγu soliγu / олиу солиу* 'беспорядок, хаос, путаница; в обе стороны, туда и сюда, взад и вперед; направленные концами в разные стороны (о рогах)' (БАМРС II, *470*), калм. *олю солю* 'туда и сюда; направленные концами в разные стороны'. Тув. и монгол. формы сходны друг с другом, однако в тув. *олуй-солуй* не вполне ясна причина появления конечного *й* (следовало бы ожидать, скорее, варианта **олуу-солуу*); различия в семантике этих форм также труднообъяснимы, но, возможно, при заимствовании могло иметь место совмещение формы указ. монгол. па́рного слова и семантики другого, близкого с ним по звуковому облику (родственного?) монгол. слова типа глаг. *solbi- / солбих* 'скрещивать, ставить крест-накрест' и производных от него форм (см.: БАМРС III, *107–108*); ср. также бур. *хольбо-* 'ставить ноги крест-накрест'. См. также **олур-**.

олук *тодж.* 'сразу'.

Ср. тоф. *олук ~ олык* 'тот же, та же, то же; тотчас же, тут же, сразу' (ТРС-РТС, *50*), чул.-тюрк. *олак* 'тот же; скоро' (Бирюкович, *50*), шор. *олак* 'он же, тот же', *олак озуба* 'сразу' (ШРС, *35*), хак. *олох* 'он же, то же; все равно' (ХРС, *226*) и др. (см. также ниже).

Олук и под. образованы от указ. мест. **ол** 'тот' (см.) с помощью частицы *ок*..., на что указывал уже В.В. Радлов, приводивший в виде примера алт. *ол ок кижи* 'тот же самый человек' (РСл. I, *991*).

А.М. Щербак отмечал использование этой частицы «в качестве дополнительного средства усиления дейктичности... указат. мест. в др.-тюрк. и старотурецком языках»: ст.-тур. *ол-ок* 'тот же' (Щербак 1977, *131*), *ol-oq* то же (ДТС, *369*).

Э.В. Севортян, рассматривавший частицу *ок*... в ЭСТЯ, фиксировал наличие у нее семантики подчеркивания, усиления, а также быстроты (ЭСТЯ I, *439*). Последнее знач. проявляется и в случае с *олук*, которое представляет собой результат слияния мест. с частицей.

олур- 'сидеть, садиться; «сидеть» (находиться дома, без дела, в тюрьме)...'; **олут** 'сидение; сиденье, место'.

Данная глаг. основа имеет соответствия общетюрк. характера с теми же, что и в тув., и рядом других, в основном перен. знач. Кроме того, подобные соответствия варьируют по звуковому облику и/или структуре. Наиболее распространены варианты *олтур-* и *отур-* (возникший в результате изменений первого), а также *олур-*, считающийся древнейшим.

Предполагают, что корнем *олур-*... является глаг. **ол-* (в реальности не отмеченный) с «древнейшим значением 'сидеть'», а *олур- ~ олтур-* представляет собой по происхождению форму каузатива от **ол-* (с аф. *-(у)р-* и *-тур-*) с десемантизацией последней (ЭСТЯ I, *489–490*, *491*).

Такая интерпретация структуры *олур-*... вызывает сомнение. Неясно, напр., почему ее десемантизация носит практически глобальный характер, а наличие у этой формы каузативной семантики является крайне редким исключением, причем и применительно к подобным случаям едва ли можно говорить именно о сохранении прежних знач., а не об их изменении. Так, отмечаемое Севортяном знач. 'рожать' (як.) вполне могло развиться из семантики 'рожать в сидячем положении' или 'сидеть, рожая'.

Можно допустить, что аф. *-(у)р-* и *-тур-* в *олур-* и *олтур-* имели дозалоговую семантику длительности действия, поскольку эти формы как раз в основном и передают семантику 'сидеть',

а также знач., связанные с ним и характеризующие продолжительность действия или состояния. Основа же **ол-* означала, скорее, 'садиться' (='принимать сидячее положение'), нежели 'сидеть' (т.е. 'пребывать в указ. положении').

Можно предположить, впрочем, что и 'садиться' не было первоначальным знач. для **ол-*. Так, по мнению С.А. Старостина, пратюрк. форма слова «восходит к простому корню **ol-* 'быть, сидеть'...», а совр. огуз. вариант глаг. бытия *ol-* при *bol-* 'быть', возможно, представляет собой архаизм (Старостин, *182*, *284*); см. также **бол-**. Версия вызывает определенное сомнение[1].

Нельзя также исключить и того, что **ол-* могло обозначать изменение позиции, связанное с потерей равновесия, изгибанием, понижением и т.п.: ср., напр., алт. *олмон* 'колеблющийся, волнующийся...' (ГАЯ, *224*; ОРС, *115*), шор. *олаңна-* 'качаться, шататься' (ШРС, *35*), шор., тел. *олыш-* 'коробить, вести набок', *олыш* 'кривой, косой (о вещи)' (РСл. I, *1086*), хак. *олбы* 'положение коровьей бабки на правом боку (при игре в кости)...' (ХРИЭС, *72*), каз. *олкы* 'слабо держащийся, болтающийся; ненаполненный; неполноценный, слабый, [низкий]' (КазРС, *257*), кирг. *олбуй-солбуй, олку-солку* 'то вправо, то влево' (КРС, *566*).

Ситуация в определенной степени напоминает ту, которая фиксируется для алт. диал. *оčо-* 'сидеть'[2], связываемого с пратюрк. **оči-* 'уменьшаться' (СИГТЯ Пр, *848*).

Что касается тув. *олут*, то у него имеется несколько соответствий, в числе которых тоф. *олут* 'сиденье, место'; перен. 'зад, круп медведя' (ТРС-РТС, *51*), хак. диал. *олат ~ олыт* 'место, где бы сесть' (РСл. I, *1085*, *1087*), а также алт. *олут* 'место, где можно сесть' и кирг. *олут* 'сиденье, стул; плоскогорье, терраса' и которые в основном представлены в ЭСТЯ, где считаются производным с аф. *-т* от основы *ол-* 'сидеть' (ЭСТЯ I, *491*) или, вероятней, 'садиться'.

Вместе с тем в другом источнике (см.: ИП, *176*) тув. *олут* отнесено к редким образованиям на *-т*, где данный формант присоединяется к глаг. основам с конечным *-р*, который при этом выпадает, и, следовательно, *олут* < *олур-* 'сидеть', что представляется в данном случае спорным (ср. **кадат**), а тув. форма имеет ту же структуру, что и ее соответствия в других языках, т.е. является образованием не от *олур-*, а от *ол-*.

олут см. **олур-**.

[1] Согласно другому источнику, пратюрк. **ol-ur-*... 'сидеть, находиться' — формально каузатив (интенсив?) к **ol-* 'быть', если последний рассматривать как отдельный корень, а не как фонетич. вариант «западноогузского» типа к **bol-*... (СИГТЯ Пр, *848*).

[2] Более точен был бы односложный вариант **оč-* (см., напр.: ЭСТЯ I, *567*).

олча 'находка, добыча; выгода, удача'; *перен.* 'пополнение в семье (о только что родившемся ребенке)'; **олча-ажык** [-аъ] 'доход; доходность'; **олчала-** 'грабить'.

Ср. тоф. *ольча* 'добыча, трофей', а также соответствия в большинстве совр. тюрк. языков и в некоторых (поздних) памятниках типа *олжа ~ олҗа* и т.п., означающих 'добыча, трофей, военнопленный; польза, прибыль...' (см.: ЭСТЯ I, *446*; Щербак 1997, *207*). Исследователи практически единодушно истолковывают *олча*... как монголизм, относящийся ко времени средневековья (см.: ЭСТЯ I, *446–447*; Рассадин. МБЗ, *27*, *60*, *91* и др.).

Э.В. Севортян считал, что «тув. форма *олча* с оглушенным (или глухим?) *-ч-* вместо *-ж-* не ясна» (ЭСТЯ I, *446*). Это следует считать недоразумением, поскольку написание было отождествлено с произношением: в позиции между сонантом (в данном случае *л*) и гласным соответствующая тув. аффриката произносится звонко (см. также тоф. *ольча*), но на письме передается графемой *ч*.

Тув. *олча-ажык*, соответствия которого в других тюрк. языках не обнаружены, также представляет собой монгол. заимствование, хотя и более позднее, чем *олча*. Возможно, источником *олча-ажык* были тексты на п.-монг. языке: ср. п.-монг. *olǰa ašiγ ~* монг. *олз ашиг* 'доход, прибыль, барыш'. См. также **ажык**, **ажык-олча**, **олча-омак**.

Соответствия глаг. формы *олчала-* распространены довольно широко (ср. тоф. *ольчала-* 'получить добычу, добыть; посчастливиться добыть; быть — об удаче', алт. *олдьоло-* 'брать в плен; оккупировать', хак. *олчала-* 'грабить', каз. *олжала-* 'добывать, зарабатывать; приобретать грабежом' и т.д.), хотя и не в такой степени, как у имени *олча*. *Олчала-* и др. имеют соответствия в монгол. языках типа *olǰala- / олзлох* 'добывать, приобретать; получать прибыль, доход, быть в барыше, наживаться; извлекать пользу; брать трофеи, брать в плен; захватывать' (БАМРС II, *469*).

В работе А.М. Щербака ср.-монг. *olǰala-* 'захватывать добычу' сопоставлено со ср.-тюрк. *olǰala-* то же, а также с его ног., кар. и кирг. соответствиями. Автор считает, что ср.-тюрк. глаг. основа *olǰala-* образована от монгол. *olǰa* 'добыча' при помощи тюрк. аф. отыменного образования глаг. *-la-* и глаг. основа появилась на тюрк. почве после заимствования слова *olǰa*, так как «сфера распространения ее в монгол. языках предельно ограниченная»: не исключено, что она зафиксирована единственным источником по ср.-монг. лексике (каковым является, в частности: Поппе. Мук.) (Щербак 1997, *196–197*).

В результате указ. глаг. основа отнесена автором к числу тюркизмов, но с этим трудно согласиться, поскольку ср.-монг. *olǰala-*

вполне могла быть образована и, скорее всего, реально создавалась по той же модели с аф. *-la-* также и в монгол. языках, а затем была заимствована тюрк. языками вместе с основой *olja*, как это, скорее всего, имело место, напр., в случае с тув. *олчала-*.

Отметим также, что заметных ограничений сферы распространения указ. глаг. в монгол. языках не наблюдается.

олча-ажык см. **олча**.

олчаан [оъ] **1.** ‘очень похожий, почти такой же; точь-в-точь’; **2.** ‘с тех пор, как...; как так и...’; **олчаңгы** [оъ] то же.

Ср. тоф. *ольшаңгы* ‘простой, обычный, обыкновенный; рядовой (не начальник); бесплатный’, которое уже сопоставлялось с тув. *олчаңгы* (Рассадин. Фонетика, *211*; ТРС-РТС, *52*, *118*). В тоф. отмечено также нар. *ольшаңгаа* ‘бесплатно, даром; за так; зазря’ (ТРС-РТС, *52*), очевидно образованное от *ольшаңгы* аф. *-га* (*ольшаңгаа* < **ольшаңгы-га*). Тоф. формы отнесены к лексике неизвестного происхождения (Рассадин. Фонетика, *90*; Рассадин. Морфология, *246*).

Можно предположить, что по сравнению с тув. *олчаан* и *олчаңгы* у тоф. *ольшаңгы* сохранилась более старая семантика, которая в тув. претерпела изменения вследствие сближения рассматриваемых форм с указ. мест. *ол* ‘тот, такой...’ (см. **ол**). В результате мог произойти смысловой сдвиг типа ‘простой; такой же как все’ → ‘такой же, очень похожий’ и под.: см. также ‘с тех пор, как...’.

Тув. и тоф. формы, вероятно, родственны хак. *олаңай* ‘простой’ (*олаңай кізілер* ‘простые люди’) (ХРС, *125*), с которым М. Рясянен сопоставлял, в свою очередь, каз. *олак* ‘неловкий, неспособный’ (по РСл.: EW, *360*). Привлечение к сравнению последнего (согласно совр. источнику, *олак* означает ‘ничего не умеющий делать’: Кайдаров, *267*) в определенной мере оправдано, но на его месте более убедительно выглядело бы родственное с *олак* каз. *олкы* ‘слабо держащийся, неплотно вставленный; ненаполненный; сниженный (о темпе работы); неполноценный, слабый’.

А.Т. Кайдаров считал исходной для *олак* и *олкы* основу **ол* ‘неполнота, неполноценность’ (Кайдаров, *267*), что допустимо, хотя и труднодоказуемо то, что она именная, а не глаг. (**ол-*), которая, к тому же, возможно, имела несколько иную первоначальную семантику, характеризующую, в частности, изменение положения стоя на более неустойчивое и низкое (см., в частности, **олур-**). В принципе у подобной глаг. основы реально именное соответствие **ол*, которое прослеживается, напр., в чаг. *олча-* ‘оказать почтение перед старшим (стать одним коленом на землю, руку положить на голову и потом приблизиться и поцеловать колено почитаемого)’ (РСл. I, *1093*), т.е. проявить себя как простой, рядовой (и вместе с тем как верноподданный) по отношению к «начальству».

Чаг. *олча-* образовано от основы **ол*, о которой речь шла выше, с помощью аф. *-ча-* ~ *-ша-*..., а рассматриваемые здесь тув. и тоф. формы могли быть образованиями от подобного глаг. Тув. *олчаан* [оълджаан] восходит к **олча-ган* (< **олша-ган*?), форма причастия прош. времени на *ган-* от **олча-*... Форма *олчаңгы* ~ *ольшаңгы* могла быть произведена от **олча-*... с помощью редкого аф. *-ңгы* (см. о нем: Рассадин. Морфология, *104*).

олчала- см. **олча**.

олчаңгы см. **олчаан**.

олча-омак ‘находка, добыча’.

Ср. **олча**, **олча-ажык**. Как и указ. слова, тув. *олча-омак* является монголизмом. Оно связано с монгол. парным словом *olja otoγ / олз омог* ‘добыча, улов’, второй компонент которого в словаре дается только со ссылкой на **олз** (см.: БАМРС II, *469*, *475*, **омог IV**).

ома ‘остаток; след; очертание; признак’; **ома-соргак** [-оъ] то же.

Ср. хак. *ома* ~ *омыр* ‘образ; маска; обличье’ (ХРИЭС, *73*), *ома* ‘черты лица’ (ХРС, *126*), як. *омоон* ‘очертание какого-л. предмета, абрис; подобие чего-л.; слабый след шага, прикосновения, письма’ (Пек. II, *1833*); ‘слабое очертание предмета, нечеткий силуэт’ (ЯРС, *272*), *омоох* ‘малоприметный след’, *омсуо* ‘скудно, недостаточно’ (Пек. II, *1833*, *1834*), ? тоф. *обур* ‘ослабевший, слабый (из-за болезни)’.

Из перечисленных форм внимание исследователей привлекали в основном як., которые рассматривались изолированно друг от друга. Так, Г.В. Попов анализирует як. *омоох* ‘малоприметная, плохо утоптанная тропа’, производя его от тюрк. форм, подобных *сокмак* и т.п. ‘тропа, тропинка’ и полагая, что здесь в як. имеют место выпадение начального *с* и другие изменения (Попов, *116*; см. также **сукпак**), и не привлекая к рассмотрению, напр., як. *омоон* и другие формы, которые также могут быть родственны *омоох*: к их числу, вероятно, принадлежит нар. *омос* ‘редко; случайно, неожиданно’, относимое к лексике неизвестного происхождения (Попов, *86*); ср. также приводимое выше *омсуо*.

В другом источнике к сопоставлению с тюрк. формами привлечено як. *омоон*, связанное, как предполагается, родством с тюрк. *сом* ~ *сома*... ‘образ, форма; общий вид; контур, силуэт’ и т.д. (ЭСТЯ VI, *304*, основной текст и примеч. ред.). При этом, по-видимому, также имеется в виду, что в як. слове был утрачен анлаутный *с*, что действительно характерно для исконно

тюрк. форм в як. языке, однако як. *омоон*, судя по его близости с тув. и хак. *ома*, скорее всего, имело иное происхождение, нежели *сом(а)* (впрочем, этимология последнего в ЭСТЯ не выяснена).

Для тув. и хак. языков выпадение *с-* нехарактерно и в них соответствия *сом(а)* с начальным указ. согласным существуют наряду с *ома* (см. **ора-сома**, **сома**) и едва ли эти формы следует считать фонетич. вариантами друг друга.

Думается, что *ома* и его соответствия, в основном як., первоначально обозначали то, что остается от чего-л. как его малая часть. Таковы, напр., знач. 'остаток', 'след' или 'слабый след', 'малоприметный след'. *Ома* и под. могут быть связаны с глаг. основой, обозначающей разделение, типа **ом-*, которая сохраняется в каузативной форме *омур-* 'расчленять, делить на части (тушу)' и под. и в образованиях, подобных турк. *оммук* 'отколотый, отломанный...' (ЭСТЯ I, *461–462*)[1].

Компонент *-соргак* в *ома-соргак* употребляется в тув. языке и в качестве самостоятельного слова, синонимичного *ома* (см. **соргак**).

омаара- 'наглеть, самодурствовать; неистовствовать; проявлять жестокость'.

По-видимому, монголизм. Его вероятный прототип связан с монгол. *отоγ / омог* 'гордость, надменность' и под. (см. **омак I**). Среди производных от последнего — монг. *омогт ~ омогтой* 'гордый, кичливый; буйный', *омогдох ~ омоглох* 'гордиться; петушиться, быть забиякой; ругаться' и, вероятно, монгол. *отоγlang / омголон* 'дикий, необузданный; порывистый, резвый; вспыльчивый, горячий; пылкий; неистовый, буйный' (БАМРС II, *475*).

Наряду с *омогдох*, *омоглох* (ср. также *омогших* 'возгордиться...') реальна и глаг. форма с аф. *-ра-* типа **омог-ра-*, сходная по своей семантике с указ. и, вероятно, послужившая прототипом тув. *омаара-* (< **омог(у)ра-*, где гласный второго слога — вставочный). Ср. также не вполне ясный по структуре бур. диал. глаг. *омоор-* 'дурить, валять дурака...'; см. **омаарга-**.

омаарга- 'бодрствовать, бодриться; быть в веселом настроении'.

Ср. алт. диал. *оморко-* 'быть бодрым, живым' (РСл. I, *1168*). Структурно *омаарга-* аналогично монгол. глаг. основе *оторqа- / оморхох* 'гордиться, кичиться, вести себя надменно, важничать', связанной с *отоγ / омог* 'гордость, надменность...'.

Вместе с тем в плане семантики у *омаарга-* наблюдается общность с тув. *омак* 'веселый, бодрый...' (см. **омак I**). Кроме того, тув. глаг. форма характеризуется наличием долготы гласного, присущей тув. образованиям с аф. *-ыырга-...* (ИП, *469–470*). Приведенное выше об *омаарга-* частично относится к алт. *оморко-*, которое по своей форме ближе к монгол. слову.

[1] Э.В. Севортян считал, что согласный *м* в *омур-* вторичен и восходит к *ң* в варианте *оңур-*, и, следовательно, **ом- < *оң-* (ЭСТЯ I, *461–462*), но это могут быть не варианты, а самостоятельные глаг. основы; см. **ой- I**.

омаа хоң, омаа хуң *разг.* 'ничего нет, пусто'.

По сообщению О.М. Саая, указ. выражение связано с монг. *ом а хум ~ ум а хум* (< тиб. *ом а хум*) — мантрой (магической формулой), выражающей пустотность, чистоту тела, речи и ума Будды.

Б.Я. Владимирцов при описании шаманских «призываний» монголов отмечал, что соответствующие тексты часто прерываются тиб. стихами и индийской (скр.?) мантрой *ом а хум*, которой, судя по приведенному примеру, шаманский текст также и завершается (см.: Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия, II. — Л., 1927. — С. 27, 29, 31). Ср. также возгласы шаманов в Бурятии (типа *Ум маахум! ~ Ум махам*)[1].

Вместе с тем в монг. языке *умаа хум* употребляется и как шутливое выражение, означающее, в частности, 'положен конец чему-л.' (*ингээд умаа хум* 'и дело с концом' (БАМРС, III, *328–329*)). Возможно, с ним или с подобным ему связано тув. *омаа хоң ~ омаа хуң*.

омаа хуң см. **омаа хоң**.

омааш 'деревянная ложка'; **умааш** *тодж.* то же.

Ср. сойот. *омааш* 'специальная (деревянная? — *Б. Т.*) ложка для кропления' (СБРС, *86*), шор. *омаш* 'ковш' (РСл. I, *1167–1168*), хак. диал. *омащ*, *оомаш* 'ложка, черпак' (см.: EW, *361*; ХРС, *126*; ХРИЭС, *73*), алт. (жен.) *оможок ~ моможок* 'поварешка' (ВАЯ, *155*). Происхождение неясно; в частности, М. Рясянен (EW, *361*) ограничился сопоставлением тув. *омааш* с хак. диал. формами.

Приводимые выше названия ложек и других подобных реалий могут отражать их форму. Думается, вероятна генетическая связь *омааш...* с тюрк. глаг. основой **ом-* 'выступать вперед, быть выпуклым, округлым' и ее именным соответствием вроде тур. *ом* 'выступающая выпуклая, округлая часть чего-л., особенно костей; головка или конец кости' (ЭСТЯ I, *453*); ср. также тур. *от ~ ота* 'утолщенная, округлая оконечность чего-л.; головка' (ТурРС 1977, *689*). Можно, напр., говорить о «головке» ложки.

С указ. основами и рассматриваемыми сиб. тюрк. образованиями может быть также родственно турк. *омач* 'часть старинного деревянного плуга, на которую надевался лемех; омач (деревянный плуг); дубинка'; ср. узб. *омоч* ист. 'омач' (местная соха с

[1] См.: Патаева В.Д. Обрядовая лексика тункинских бурят. — Улан-Удэ, 2003. — С. 102, 116.

чугунным наконечником). *Омач*, возможно, произведено с помощью аф. *-ач* от приведенной выше глаг. основы **ом-*[1]. К праформе **омач* с той же структурой восходят и образования типа *омаш ~ омащ...* В данном случае, по-видимому, именно соответствия тув. *омааш* сохранили первоначальное качество гласного во втором слоге (имеется в виду краткость *а*), которое в тув. языке претерпело изменения. Долгота *а* в *омааш* может быть объяснена сближением **омач* с тув. образованиями, включающими в свой состав аф. *-гыыш* и характеризуемыми наличием долгих гласных типа *былгааш* 'мешалка', *көзээш* 'кочерга' и т.п. (см.: ИП, *163–164*). См. также **омак I**.

омак I 'веселый; бодрый, живой, резвый'; **омакшы-** 'веселиться; бодриться'; **омакшыл** 'веселье; бодрость, живость'.

Ср. соответствия в вариантах *омак ~ омок ~ омах* и с теми же, что и в тув., и подобными им знач., отмеченные в основном в тюрк. языках Сибири и чаг., а также в уйг. (лоб.) ('дерзость; гордость') и кбалк., и приведенные в ЭСТЯ (I, *452–453*). В их число следует также включить кирг. *омок* 'сила, бодрость; опора, поддержка' (КРС, *568*), уйг. *омак* 'миловидный, приятный' (ср. также *омак киз* 'аккуратная, опрятная, собранная девушка'; *омаклик* 'миловидный (только о детях)': УРС, *111*).

Считается, что тюрк. *омак...* — монголизм. Э.В. Севортян высказал это мнение в виде предположения (ЭСТЯ I, *453*), но другие исследователи пишут о монгол. происхождении слова вполне уверенно (см., напр.: EW, *361*; Рассадин. МБЗ, *48–50*). В последнем из указ. трудов тюрк. (в частности чул.-тюрк.) *омак* приводится в качестве одного из примеров изменения знач. слов при заимствовании: монгол. *отиу* 'гордый' > чул.-тюрк. *омак* 'смелый, бойкий' (Рассадин. МБЗ, *48*).

Причины такого изменения остаются неясными, причем следует сказать, что у монгол. *отиу / омог* чаще фиксируется не адъективная ('гордый...'), а субстантивная семантика: 'высокомерие, надменность, самомнение, гордость; гнев' (см.: ЭСТЯ I, *453*), а реже те и другие знач. (БАМРС II, *475*). Отметим также их смысловую одноплановость: это главным образом отрицат. оценочные значения.

В отличие от монгол. слов их тюрк. соответствия характеризуются в большей степени адъективной семантикой, причем знач. в основном имеют положительную оценочность и их появление едва ли может быть объяснено как результат развития семантики типа 'гордый, надменный' и под. Та же семантика отражается и в монгол. глаг. формах, произведенных от *отиу / омог*, напр. *отиуši- / омогших* 'возгордиться, становиться надменным, кичливым, кичиться'. Тув. *омакшы-* 'веселиться, бодриться' представляет собой, возможно, результат заимствования монгол. формы, которая соединяется с тюрк. семантикой. При этом семант. различия между тув. и монгол. глаг. проявляются не только на лексическом, но и на грамматическом уровне (наличие переходности в *омакшы-* и ее отсутствие в монгол. форме).

Тув. *омакшыл* 'веселье; бодрость...' образовано с помощью аф. *-л* (по монгол. модели) от глаг. основы *омакшы-*, вероятно, в тув. языке. У него не обнаружено монгол. соответствий, что, возможно, не является случайностью.

В целом оснований для того, чтобы считать тюрк. *омак...* монголизмом, явно недостаточно. Они сводятся, пожалуй, к отсутствию слова в др.-тюрк. памятниках, но это обстоятельство само по себе не может быть достаточно весомым аргументом в пользу заимствованного характера *омак...*

В данном случае мы, скорее всего, имеем дело с исконно тюрк. словом, которое было (в знач. типа 'гордый' / 'гордость') заимствовано монгол. языками, причем по отношению к *омак...* едва ли можно определенно говорить о наличии обратного его заимствования из монгол. в какие-л. тюрк. языки. Как уже отмечалось, знач. 'гордость' зафиксировано у уйг. (лоб.) *омак*, которое также может не являться монголизмом, а быть исконным словом, сохранившим старое знач.

Э.В. Севортян сопоставлял *омак...* с кирг. *омок* 'грудь лошади', хотя и считал неясным, имеет ли первое из них отношение ко второму, которое он считал производным от глаг. **ом-* 'выступать вперед; быть выпуклым, округлым' или 'выдаваться, выступать; быть округлым — о костях' (ЭСТЯ I, *453*, *454*; см. также **омааш**).

Можно предположить, что *омак* первоначально имело признаковое знач. вроде 'выступающий, выдающийся' или под., которое легко могло стать перен., характеризующим (в основном положительно) чье-л. не совсем обычное поведение ('живой, бодрый, веселый...') или соответствующий внешний вид ('миловидный; нарядный...') и т.п. Слово, кроме того, претерпело субстантивацию: ср. *омок* 'грудь лошади' и его хак. вариант *омых*, а также хак. *омах* 'скошенный выступ манжета в виде подковы у рукавов женских шуб и халатов; нашивка на носке обуви (в виде подковы)' (ХРИЭС, *73*), як. диал. *омук* 'жабры' (ДСЯЯ, *186*).

Подобное семант. развитие имело место, по всей вероятности, и в случае с тюрк. *омырав ~ омырыг...*, родственным *омак* 'грудь лошади' и означающим 'грудь лошади; грудь (в том числе чело-

[1] Ср. тув. *дорзук*, также имеющее в качестве одного из знач. 'деревянный плуг', и его предполагаемую производящую основу, семантически сходную с **ом-* (см. **дорзук**).

века)...'. Кроме того, у *омырав...* фиксируется семантика 'красивая осанка (у человека)'; 'упрямый, напористый' (ср. каз. *омырау адам* 'напористый человек' (см.: ЭСТЯ I, *453*; Дыбо, *136*, примеч. 158)[1].

С *омак...*, возможно, родственно як. *обун ~ омун* 'преувеличение; опрометчивость; сила, стремительность' (Пек. II, *1776*, *1836*), *омун* 'преувеличение; преувеличенный, горячий, опрометчивый, запальчивый' (ЯРС, *272*), сопоставимое с шор. *обун* 'волна'. Структурно *обун ~ омун* — вероятно, образование от указ. глаг. основы **ом-*, у которой, судя по приводимым данным, имелся вариант **об-* (более ранний?). Допустима связь *омак...* и с другими образованиями.

омак II 'народность'; *уст.* 'национальность, национальная принадлежность'.

Н.Ф. Катанов указывал у тув. *омак* знач. 'племя, род' (Опыт, *143*). Ср. чаг., ср.-уйг. *омак ~ умак* 'племя, род; фамилия' (РСл. I, *1166*, *1788*), як. *омук* 'народ; нация' (ЯРС, *272*; см. также: Пек. II, *1834–1835*; ДСЯЯ, *186*).

Монголизм (см.: EW, *361*; Рассадин. МБЗ, *68*; ЭСРДС, *424*); ср. монгол. *овиу ~ отиу / овог ~ омог* 'клан, род, племя; семейство; фамилия' (ЭСТЯ I, *400*, *401*).

омакшы- см. **омак I**.

омакшыл см. **омак I**.

ома-соргак см. **ома**.

он I 'десять'; **онча** [оъ] 'в целости, в сохранности, в наличии полностью (напр., о скоте)'.

Он — общетюрк. числительное в его основной форме (см.: ЭСТЯ I, *455–456*; СИГТЯ М, *171–172* и др.); исходной считается форма с «первичной» долготой (**o:n*). Этимология слова в деталях неясна, а в большинстве источников вообще отсутствуют какие-л. этимологические версии. Некоторое исключение составляет СИГТЯ М, где, в частности, отмечено, что «числительное 'десять' означает конец первого десятка и вместе с тем окончание счета на пальцах рук. В связи с этим можно думать, что в основе наименования тюрк. **o:n* лежит слово **o:ŋ* 'правая сторона, правая рука'».

Далее допускается, что «*o:n* первоначально означало 'много', затем оно было переосмыслено как предел счета 'десять'», подобно

[1] Тюрк. *омырау...* (как и *омок* 'грудь лошади') иногда истолковывается как монголизм (см.: Дыбо, *136–137*; СИГТЯ Л, *240–241*), с чем трудно согласиться. Скорее всего, напротив, монгол. соответствие *омырау...* является тюрк. заимствованием, о чем может свидетельствовать и смысловая одноплановость монгол. соответствий указ. слова: у последних отсутствует признаковая семантика (типа 'упрямый'), и они функционируют только как анат. термины: см. монгол. *omoriyun* 'ключица' и под. (Дыбо, *220*).

тому как енисейское слово со знач. 'много' в кетском и югском языках стало означать 'семь' (СИГТЯ М, *172*).

Связь *он...* с названием правой стороны (~ руки) представляется недостаточно убедительной. Можно согласиться с тем, что *он...* действительно обозначало окончание первого десятка при счете на пальцах рук. Оно могло при этом иметь семантику типа 'полный [счет]', 'всё' (счет закончен) или под. Что касается первоначальной семантики слова *он*, то можно допустить, что 'много' к ней относилось, но, возможно, это слово имело в прошлом и другие знач., не менее древние, чем 'много'.

Мы, в частности, предполагаем, что подобная первоначальная семантика *он* отразилась в тув. *онча* 'в целости (наличии)...' и его соответствиях, к которым могут быть отнесен алт. *ончо* 'все, всё; весь' (ОРС, *115*) и, по-видимому, як. *ончу* 'вовсе, совсем; никогда' (Пек. II, *1845*); 'вовсе, совсем, совершенно' (ЯРС, *273*), *өнчү* см. *ончу* (по ЯРС) (Пек. II, *1947*).

В.В. Радлов рассматривал алт. *ончо* как бывшую падежную форму от *ол* с аф. *-ча*. Под *ол*, по-видимому, имелось в виду указ. мест. (см. **ол**) (РСл. I, *1045*). В том же источнике приведено чаг. *олча* 'столько, сколько возможно', имеющее ту же структуру (РСл. I, *1093*). Семантически последнее сходно с *ончо*, однако переход *-лч- > -нч-* немотивирован[1].

Не совсем ясно, по какой причине, но версия Радлова не была, по-видимому, признана убедительной М. Рясяненом, который в своем труде (EW, *362*) приводит алт. *ончо* определенно по РСл., но структуру данного слова истолковывает иначе: как образование с аф. *-ча* от глаг. *ол-* (варианта *бол-*) 'быть', что также не вызывает доверия.

Отметим вместе с тем, что тув. *онча* с алт. *ончо* Рясянен не связывал (что едва ли правильно) и предлагал для тув. слова иную этимологическую версию, согласно которой оно родственно каз. *оңаша* 'отдельно...' и тув. *онза* 'особый' и все эти формы якобы имеют монгол. происхождение (EW, *362*). Эти сближения и этимология в целом не имеют под собой оснований; см. также **онза**.

В.В. Радлов в связи с алт. *ончо* высказал также мнение, согласно которому это слово имеет сходную структуру и одинаковое знач. с тюрк. *барча* (< *бар* 'есть, имеется...') (РСл. I, *1045*; РСл. IV, *1487*); соответствие последнего имеется и в тув. языке (см. **бар-**

[1] По форме с *онча ~ ончо...* фактически идентичны образования типа уйг. *онча* 'настолько' (Малов. УЯ, *172*), каз. *онша* 'столько; не очень' (КазРС, *258*; ср.: Кайдаров, *266*), произведенные, по всей вероятности, от **он*, варианта указ. мест. **ан* (см.: ЭСТЯ I, *486*) или того же *ол*, однако семант. связь между этими образованиями и *онча* не прослеживается.

жа). Считаем, что эти соображения заслуживают того, чтобы быть принятыми во внимание при этимологизации тув. *онча* и его соответствий, прежде всего алт. *ончо*. В данном случае между ними и *барча...* существует реальная смысловая общность (у *барча...* отмечены знач. ‘все, всё, весь; целиком, полностью; все и каждый; многие, множество’; см.: ЭСТЯ II, *63*) на уровне соответствующих форм в целом. Вместе с тем при сходстве или одинаковости их структур, **он* и *бар* (основы слов *онча...* и *барча...*) также должны иметь семант. общность друг с другом. Так, у *бар* отмечены знач. ‘находящийся налицо, наличный, присутствующий, имеющийся...; всё, весь, целый’ и под.

Логично предположить, что такая или подобная семантика существовала и у именной основы **он* и, судя по *онча ~ ончо...*, эти знач. у указ. основы действительно имелись. В частности, обращает на себя внимание общность знач. *бар* ‘находящийся налицо, имеющийся; целый, без изъяна’ (и, очевидно, ‘полный’) и *онча...* ‘в целости, в сохранности’ и т.п. Однако в отличие от ситуации с *барча* основа *онча* (**он*) в его первоначальных значениях как самостоятельное слово не сохранилось: оно претерпело смысловое изменение, превратившись в числительное, означающее ‘десять’.

Выше к числу соответствий тув. *онча* мы предположительно отнесли як. *ончу ~ өнчү* ‘совсем’ и под., однако последнее не вполне ясно в плане как фонетики (наличие переднерядного варианта), так и характера связи с юж.-сиб. *онча ~ ончо*.

он II *диал.* ‘год’; **оң** *уст.* то же[1].

Монголизм. Ср. монгол. *оп / он* ‘год (календарный)’. Вероятно, диал. вариант *он* (материалы Е.М. Куулар) воспроизводит п.-монг. вариант слова (*оп*), тогда как вариант *оң* восходит к его совр. монг. разг. форме, где конечный *н* (*он*) может преобразовываться в *ң*. См. также **ой III**.

онаа- ‘распределять, назначать’; **онааг ~ онаг** ‘обложение; норма выработки’; *спорт.* ‘противник в национальной борьбе’; *уст.* ‘доля при распределении земельных участков’; **онаалга** ‘задание’.

Тув. *онаа-* — монголизм: ср. монгол. *опиуа- / оноо-* ‘распределять, разверстывать; распределять партнеров в борьбе; объяснять, надоумить, подвергать чему-л.’, которые считаются формой каузатива от основы *опи- / онох* ‘попадать (в цель); разгадывать, угадывать, предвидеть; понимать, постигать, соображать’ (БАМРС II, *481*)[2].

[1] См.: Сарыг-оол С. Аңгыр-оолдуң тоожузу, I. — Кызыл, 1961. — Ар. 5.

[2] М. Рясянен сопоставлял тув. глаг. (даваемый ошибочно без указания долготы) с тур. *оп-* ‘расщелить, делить’ и *опа-* ‘желать, жадничать; одобрять, соглашаться’ (EW, *362*), не приводя монгол. соответствий. Тур. же формы не имеют прямого отношения к тув. слову.

Именная форма *онааг ~ онаг* сопоставима с монгол. *опиуа / оноо(н)* ‘партнер в борьбе; распределение партнеров в борьбе; очко, балл; судьба, доля’, но она не является заимствованием в чистом виде: в структурном отношении это, скорее, полукалька монгол. (п.-монг.?) образования, в которой использован тув. аф. отглаг. словообразования *-г*. При этом вариант с кратким гласным (*онаг*) может быть связан с п.-монг. формой *опиуа*, а вариант с долготой, вероятно, произведен от глаг. основы *онаа-*.

Тув. *онаалга* ‘задание’ — возможно, переосмысленный монголизм: ср. монгол. *опиуалт / оноолт* ‘распределение’ (при вероятности у последнего варианта с формантом типа *-лга* в тув. форме, где он также имеет монгол. происхождение).

онааг см. **онаа-**.

онаалга см. **онаа-**.

онаг см. **онаа-**.

онда- ‘стонать (при тяжелой болезни)’; **онда-оста-** то же.

Ср. тоф. *онда-* ‘сильно стонать (о человеке); хóркать (об олене)’ (ТРС-РТС, *52*), алт. *онто-* ‘охать, стонать’ (ГАЯ, *225*), кирг. *онто-* ‘покряхтывать; стонать (о больном)’, *онтоло-* ‘кряхтеть, стонать; тихо блеять’ (КРС, *568*), алт. *оңто-* ‘кряхтеть; стонать’ (ОРС, *116*). По-видимому, глаг. *онда-...* (< **он-та-*) образован от основы **он* (~ **оң*; см. алт. *оңто-*), означающей ‘стон’ или представляющей собой звукоподражание стону.

Тув. *оста-* употребляется, по-видимому, только в качестве компонента *онда-оста-* (или *ондап-оста-*). Он может быть сопоставлен с кирг. *озолон-* ‘протяжно голосить (главным образом, при оплакивании, плаче)’; *озондо-* ‘плакать безумолку, реветь белугой; кричать протяжно и на высокой ноте...’ (КРС, *560*), однако у подобных глаг. распространены также варианты с переднерядным вокализмом: ср. шор., хак. *өсте-* ‘стонать’, кирг. *өзөлөн-* ‘рыдать, голосить’; ср. также каз. диал. *өзелен-* ‘возвышать голос, настаивать на своем, отстаивать свое мнение; горячиться’ (Аманжолов, *437*).

Эти варианты мы сопоставляли с башк. *өзләү* ‘узляу’ (горловое пение), предположив, что последнее первоначально означало нечто вроде ‘стон, вопль’ (Татаринцев 1998, *35*). Как выяснилось позже, у этого названия имеется башк. диал. вариант *ҙзлау*, связываемый с глаг. *ҙзла-* (*ҙзлау*) ‘громко плакать; выть; испытывать ноющую боль’ (ДСБЯ, *249*).

Э.В. Севортян включил кирг. *өзөлөн-* и хак. *өсте-* с указ. знач. в число соответствий глаг. типа *өзе-* и *өзелен-* ‘желать, хотеть; жаждать встречи; тосковать, скучать’ и т.п. (ЭСТЯ I, *512–513*), но, думается, глаг. формы, обозначающие определенные звукоизвлечения, могут и не иметь связи с глаг., которые означают ‘хотеть, желать’ и под., тем более что в ЭСТЯ материалы по

рассматриваемым глаг. формам приведены далеко не полностью и, в частности, не отмечены их варианты с заднерядным вокализмом, которые не вписываются в версию, предложенную в данном словаре.

Думается, что *оста-~өсте-* < **оз-ла-~*өз-ле-*, где **оз~*өз* — основа или основы, по своей первоначальной семантике аналогичные **он...* в *онда-* и его соответствиях, рассмотренных ранее.

ондагайлыг см. **озал II**.

ондак см. **озал II**.

онда-оста- см. **онда-**.

онза [оъ] ‘особый, особенный; характерный; исключительный; замечательный’; **онзагай** [оъ] ‘особенный, специфический, специфичный; примечательный, характерный; исключительный’.

Монголизмы. Ср. монгол. *опčа / онц* ‘особый, особенный; отличный, лучший; важный, чрезвычайный, исключительный; единственный’, *опčаγаі ~ опčоγоі / онцогой* ‘особенный, специфический, своеобразный; особый...’ (БАМРС II, *482–483*; ЯМВМ, *181*). Обе формы относятся к числу поздних заимствований, источником которых был монг. язык, о чем свидетельствует, в частности, наличие согласного *з*, восходящего к совр. свистящей аффрикате *ц* (см.: Рассадин. МБЗ, *62*, где указан монг. источник для *онза*).

онзагай см. **онза**.

онуш *тодж.* ‘значительное по площади топкое болото с зыбкой поверхностью и большими участками открытой воды’.

Ср. тоф. *онуш ~ оныш*, сойот. *оныш* ‘болото’ (ТРС-РТС, *52*; СБРС, *86*). У этого слова наблюдается определенное сходство с шор. *ойас* ‘низменность, лог’ (Вербицкий 2, *218*; РСл. I, *1037*)[1], а также с именной основой *ой* ‘низменность’ и под. (в их числе, напр., ‘камыш, тростник’: ЭСТЯ I, *426*) и производными от глаг. соответствия последней типа *ойук*, *ойум*, *оймак* и др., обозначающими впадины, углубления, низины.

Ой-, указ. глаг. соответствие, как считал Э.В. Севортян, входит в цепь параллельных форм *ог-~ов-~ой-* ‘рыть, копать, делать выемку...’, которые он возводил к единой форме **оп-* (АГ, *244*). В последующем эта цепь удлинилась, а вместо указ. исходной формой стала считаться **оң-* (см.: ЭСТЯ I, *758*). Фактически же круг глаг. основ с начальным *о*, имеющих семантику, сходную с вышеприведенной, и вероятное общее происхождение, еще шире: см. **ой- I**, **ок**.

Среди них, вероятно, существовала и основа **он-*, также связанная с понятием разделения, нарушения цельности и т.п., которой в реальности могла соответствовать тур. *он-* ‘расщелить; делить’ (РСл. I, *1042*; EW, *362*). Производным от **он-* отглаг. сущ., возможно, и явилось, в частности, *онуш ~ оныш* (при аф. *-ш*) (см. также: Татаринцев 1977, *25*).

[1] Ср. совр. шор. *ойас* ‘опушка леса’ (ШРС, *35*).

онча см. **он I**.

онча-менди [оъ-] ‘в целости и сохранности, жив-здоров; благополучный’.

См. **онча**, **менди**.

оң- ‘выцветать, линять; увядать, блекнуть; вянуть; менять окраску’.

Ср. тоф. *оң-* ‘выцветать, линять, выгорать, блекнуть, вянуть; менять окраску (напр., желтеть осенью — о листьях)’. Указ. глаг. (основной вариант — *оң-*), у которого отмечены те же знач., что и у тув. и тоф., а также ‘исчезать; гибнуть’, известен начиная с древнейших памятников и распространен почти во всех ареальных группах тюрк. языков, в одном из которых отмечено именное соответствие к указ. глаг. — *оң* ‘вялый’. У *оң-* в отдельных языках и памятниках существует «небная параллель *өң-*» ‘линять, терять цвет’, именной парой к которой считается *өң* ‘лицо, цвет лица; цвет’ (ЭСТЯ I, *460–461*).

Этимология *оң-* неясна. Считается также, что «значения ‘лицо’ и ‘цвет лица’ дают путеводную нить для исторической последовательности и хронологизации значений *оң-*», среди которых к наиболее древним относятся ‘бледнеть (о людях)’ ~ ‘увядать (о растениях)’ (Там же, *461*).

Думается, что семантика, связанная с изменением цвета, для *оң-*, скорее, вторична и является следствием родства данного глаг. с именем *өң* ‘цвет’. То же объяснение может иметь и появление у *оң-* переднерядного варианта в некоторых языках и старых памятниках. См. также **өң I**.

Первоначальна для *оң-*, скорее, семантика исчезновения, увядания, гибели, хотя и ее появление, в свою очередь, обусловлено генетической связью с другой основой (ср. **оңчок**).

оң I. 1. ‘правый’; **2.** *разг.* ‘внешний вид, облик’.

Оң ‘правый’ — общетюрк. имя, основным вариантом которого является именно *оң*. Кроме указанного, у соответствий слова отмечается еще ряд знач., принадлежность которых ему не всегда обоснована, что констатируется и в комментариях к реестру этих знач. (см.: ЭСТЯ I, *456–458*).

Этимология слова практически отсутствует. Неясен характер связи между *оң* и его глаг. соответствием *оң-* ‘быть удачным, удачливым; поправляться’ и под., которое, судя по определяющим характер его семантики метафорич. знач., скорее всего, вторично по отношению к *оң*. Что же касается *оң* ‘правый (о

стороне)', то едва ли могут быть сомнения в том, что данное пространственное знач. не есть результат метафорич. переноса наименования: оно, напротив, первично по отношению к основной массе других знач. слова ('справедливый, правильный, удачный, успешный' и т.д. (см.: ЭСТЯ VI, *133*), за одним исключением.

Речь идет, в частности, о знач. типа 'лицевой', также входящем в этот перечень. Такая семантика не указана в реестре знач. *оң*, приводимом в ЭСТЯ, но она вполне реальна: ср. алт. *оң* 'правый; лицевой' (*бөстиң оң дьаны* 'лицевая сторона материи') (ОРС, *116*) и застывшую падежную (~ нар.) форму от *оң* вроде алт. *оңоры* 'прямо, по направлению вперед...' (ГАЯ, *225*), хак. *оңар* и шор. *оңары* то же (Вербицкий 2, *221*); см. также **оңгаар-дескээр**. Ср., кроме того, каз. *оң* 1. 'правый'; 2. 'лицевая сторона'.

Поэтому неслучайной выглядит общность между *оң* 'правый' и тюрк. *өң* 'передний; передняя часть' и под. (см. о нем: ЭСТЯ I, *532–533*, а также **өң I**). В принципе здесь не исключена контаминация гетерогенных форм, но допустимо и их родство, причем в плане семантики исходным является *өң*: ср. рус. *правый*, для которого первичным считается знач. 'передний, первый' (Шанский и др., *360*).

Что касается формы, то исходным был, скорее всего, вариант с заднерядным вокализмом (**оң*), хотя по признаку рядности здесь могло произойти своего рода разделение на два варианта. Следует, впрочем, отметить мнение о наличии у *өң* «ненёбной параллели» *оң* (ЭСТЯ I, *533*).

У тув. *оң I* нами фиксируется также семантика 'внешний вид, облик', которая в ТРС 1968, *320* отмечена у его омонима со знач. 'сознание...' (см. **оң II**), что представляется недостаточно логичным. Возможно, 'внешний вид...' ← 'вид спереди' или под.?

оң II *разг.* 'сознание, разум'; **оңгар-** 'приводить в сознание; делать искусственное дыхание'; **оңнал-** 'очнуться, приходить в себя, приходить в сознание; умнеть'.

Ср. хак. *оңар-* 'понимать, разуметь'; *оңна-* 'понимать, осваивать что-л.; узнавать кого-что-л.'; *оңнаг* 'понимание; понятие, смысл' (ХРС, *126*, *127*; ХРИЭС, *73*), алт. диал. (чалкан.) *оңдо- ~ оңно- ~ оңна-* 'знать; уметь' (Баскаков 1985б, *180–181*; см. также: РСл. I, *1031*; ЭСТЯ I, *153*). В последнем из указ. источников приведено и др.-уйг. (?) *onga-* (<*ong-* + *-a-*) 'знать, понимать'. Таким образом, в других языках фиксируются в основном формы, производные от именной основы типа тув. *оң*. Непосредственные

соответствия последней встречаются нечасто: ср. тел. *оң* 'смысл' (Вербицкий 1, *490*), а также уйг. *оң* 'явь' (УРС, *106*), каз. *оң* 'явь, наяву' (Кайдаров, *267*).

Тув. *оң* и его соответствия представляют собой своего рода губные варианты широко распространенного в тюрк. языках сущ. *аң* 'сознание; разум; мысль; понятие...' и его глаг. пары *аң-* 'вспоминать; понимать, сознавать' и под., которые для сиб. тюрк. языков нехарактерны (см.: ЭСТЯ I, *153*), хотя и прослеживаются в составе других слов: см., напр., **аай**.

По мнению Э.В. Севортяна, хак. форма *оңна-* и некоторые другие с начальным *о* позволяют установить прямую связь между *аң* 'сознание...' и *ой* 'мысль; ум' и др. (Там же), однако конкретный характер такой связи остается неясным, а при анализе происхождения *ой* об отношении последнего к *аң* (и *оң*) ничего не говорится вообще (ЭСТЯ I, *428–429*), тем более что этимология связываемых друг с другом слов также не прояснена.

В своем более раннем труде Э.В. Севортян предложил версию происхождения хак. *оңар-* 'понимать...', производя его от именной основы **оң* 'сознание', которая, в свою очередь, членилась на компоненты **о-ң*, где *-ң* — аф., а **о-* — глаг. основа со знач. 'думать', и сопоставлялась с др.-тюрк. *ө-* в том же знач. (АГ, *253*). В ЭСТЯ последняя отмечается неоднократно, а среди производных от нее имен фигурирует тур. диал. *өн / ön* (в составе *önsüz* 'неразумный...'), которое, как предполагается, могло быть образованием как с аф. *-н-*, так и с аф. *-ң* (т.е. **өң*) (ЭСТЯ I, *501–502*), но ни **оң* 'сознание' и его реальные соответствия типа тув. *оң*, ни заднерядный вариант глагола *ө-* в указ. словаре не приводятся. Вместе с тем в этом источнике также рассматривается хак. *оңар-* 'понимать...' (на этот раз в ряду с кирг. *ойгор-* 'предполагать, умозаключать', тув. *оңгар-* 'приводить в сознание...' и некоторыми другими формами). Севортян считал, что их именной основой является *ой* 'мысль' и ее предполагаемый более ранний вариант **ой* (Там же, *432*). (По-видимому, факт существования реальной основы, представленной тув. *оң* 'сознание' и ее соответствиями, остался исследователю неизвестным.)

Видимо, в своем более раннем труде (АГ) Э.В. Севортян, анализируя структуру **оң* 'сознание', был ближе к истине, нежели в более позднее время. Таким образом, гомогенность *ой* и *оң* с указ. семантикой — скорее всего, реальность, но они оказываются не фонетич., а морфол. вариантами, поскольку оба произведены от основы **о-* 'думать', но с помощью различных аф.: *-й* (*ой*) и *-ң* (*оң*).

оң III см. **он II**.

оңга- ‘томиться жаждой, сильно хотеть пить’.

По-видимому, монголизм: ср. монгол. *ongγu- / онгох* ‘чувствовать жар, гореть (о больном), пылать от жара, иметь сильное повышение температуры; выгорать’ (БАМРС II, *478*), которое в тув. языке могло претерпеть изменение семантики.

оңгаар-дескээр [-еъ] ‘в разные стороны, туда-сюда, взад-вперед’.

Парное слово, оба компонента которого в качестве самостоятельных слов в тув. языке не отмечены (Ондар. СПС, *88*). Эти компоненты восходят к формам направ. п. с аф. *-гаар* (< *-гару*), ныне практически мертвым, но встречающимся в составе подобных тув. форм (ср. **аткаар**, **бурунгаар**, **соңгаар**).

Компонент *оңгаар* может быть сопоставлен с тоф. и сойот. *оңгаары* ‘направо, вправо’ (< *оң* ‘правый; правая сторона’; см. **оң I**), где *-гаары* — вариант *-гаар*. Ср. также хак. *оңар* ‘на правую сторону, на правильный путь’ (РСл. I, *1028*); ‘прямо, по направлению вперед; правильно’ (Вербицкий 2, *221*; ХРС, *126*); ‘правильно, обычно’ (ХРИЭС, *73*), шор. *оңары*, алт. *оңоры* ‘прямо, по направлению вперед...’ (Вербицкий 2, *221*), имеющие, очевидно, ту же структуру, что и тув., и тоф. варианты бывшей падежной формы[1], отмеченной, в частности, в др.-тюрк. памятниках в виде *oŋaru* ‘направо’ (ДТС, *368*; ED, *190*).

Обращает на себя внимание тот факт, что у части сиб. тюрк. вариантов сохраняется древняя (возможно, первоначальная) семантика *оң*, которую можно определить как ‘передний; передняя сторона’.

Второй компонент тув. *оңгаар-дескээр* родствен хак. диал. *тескер* ‘поперек; наоборот; налево’, шор. *тескере* то же (совр. ‘наоборот, наизнанку; превратно, не так, как нужно’) (РСл. I, *1098–1099*), алт. *тескери* ‘в обратную (противоположную) сторону, наоборот, наизнанку; против’ (ОРС, *148*), хак. *тискер* ‘движение вспять, в обратную сторону, против часовой стрелки’ (ХРИЭС, *144*); ‘наизнанку, в противоположную сторону’ (ХРС, *226*). Отмечалось, в частности, что в отличие от алт. *оңоры* ‘прямо, по направлению вперед; правильно’ *тіскері* означает ‘криво; задом наперед; неправильно’ (ГАЯ, *225*), т.е. речь идет об антонимах. Основа этой формы восходит к тюрк. *терс...* ‘обратный, противоположный; обратная сторона, изнанка’ и т.п. (см. **дерзиг**), а сама она первоначально выглядела как **терскери* (с последующей утратой *р* в сочетании *рск*).

Парные слова, включающие в свой состав в качестве компонентов рассмотренные выше антонимы, по-видимому, редки. Кроме тув. *оңгаар-дескээр*, таковым является хак. *оңар-тискер* ‘шиворот-навыворот; сломя голову’ (ХРС, *126*), по своей семантике заметно отличающееся от тув. соответствия.

[1] По В.В. Радлову, хак. *оңар* (и, по-видимому, его соответствия) восходят к сочетанию *оң* ‘правый’, *сары* ‘сторона’ (ср. хак. *сары* то же), с чем едва ли можно согласиться.

оңгай- [оъ] ‘зиять; образовываться (о выемке)’; **оңгак** [оъ] **1.** зияющий; вогнутый; глубокий; **2.** ‘выемка, углубление, ямка’; **оңгалчык** [оъ] ‘выемка, ямка, углубление’; **оңгар** [оъ] **1.** ‘глубокий’; **2.** ‘яма, углубление’; **оңгу** ‘окоп; яма, в которой охотники ожидают зверя во время охоты’.

Ср. тоф. *оңгай-* ‘образовываться (о выемке); зиять (о яме)’, як. *оңой-* ‘прорываться; зиять’. М. Рясянен тув. *оңгай-* считал монголизмом (EW, *363*); такова же трактовка як. *оңой-* (Рассадин. МБЗ, *56*, *76*). Не исключал связи тув. основы *оңгай-* с монгол. *ongγui- ~ ongγai- / онгойх* ‘становиться широким, открытым; образовывать отверстие, щель, расщелину; зиять’ и Э.В. Севортян, хотя он в то же время допускал ее тюрк. происхождение (ЭСТЯ I, *462–463*).

В словаре Рясянена к числу монголизмов отнесены и тув. именные формы *оңгак*, *оңгар*, *оңгу*, хотя их монгол. соответствия не приводятся. Те же формы фиксировал Севортян, который, очевидно, не относил эти случаи к заимствованиям, а обратился к ним в поисках «корневой части» глаг. *оңурай-* ‘зиять’, каковую он выделял в указ. тув. формах и реконструировал в виде **оң-*, но без указания знач. (ЭСТЯ I, *462*). Ср. в связи с этим як. глаг. *оң-* ‘вырывать, выкапывать’ (Пек. II, *1896*); ‘выковыривать, выколупывать; выклевывать; вырезать, кроить...’ (ЯРС, *273*), который, скорее всего, тюрк., а не монгол. по происхождению (см. также **онуш**).

Вопрос о наличии в рассматриваемой ситуации монгол. влияния не вполне ясен, тем более что здесь налицо образная глаг. основа (*оңгай-*) и связанные с ней именные формы (в первую очередь *оңгак*). В подобных ситуациях определить направление языкового влияния (от тюрк. языков к монгол. или наоборот) достаточно сложно. Во всяком случае, тув. *оңгай-* [оъ] едва ли связано с монгол. *ongγai-* или под.: судя по наличию фарингализации, у прототипа *оңгай-* имелся глухой (< сильный) заднеязычный согласный *-к-* (**оңкай-*).

В принципе допустимо, что такой согласный мог существовать и у монгол. глаг. основы, но в то же время не исключено, что так выглядел тюрк. прототип тув. глагола. Что касается тув. именных форм, то у большинства из них прослеживаются более или менее близкие монгол. соответствия, напр. у *оңгар* таким является монгол. *ongqor / онхор* 1. ‘глубокий’; 2. ‘углубление’ (ср. также монг. *онгор цонгор* ‘ухаб, выбоина’) (БАМРС II, *477*); *оңгалчык*, тув. уменьш. форма от **оңгал* с аф. *-чык*, сопоставима

с первым компонентом монгол. парных слов типа *ongqol tongqol / онхол тонхол* и под. ‘неровная, с углублениями кочковатая местность’ (см. также **оңгул-чиңгил**).

Соответствий в монгол. языках у тув. *оңгак* не обнаружено, но оно может быть как заимствованием, так и собственно тув. образованием с аф. *-к* от основы *оңгай-*.

Наконец, тув. *оңгу* ‘окоп...’ сопоставимо с тоф. *оңгу* ‘охотничий скрадок, засидка’ и, вероятно, с як. *оңкучах* ‘яма, ямка’ (ЯРС, *274*); ‘яма, котловина, впадина; погреб, подполье’ (Попов, *116*). В последнем из указ. источников як. форма сравнивается с тув. *оңгар*; в результате *оңкучах* выводится из *оңгар* + уменьш. аф. *-чах* (Там же), что едва ли допустимо, тем более при наличии тув. *оңгу* (< **оңку*). Вместе с тем исходной глаг. основой **оң-ку* следует считать ту, которая соотносится с як. *оң-* ‘вырывать...’, на что уже указывалось (см.: Пек. II, *1846*).

В случае с тув. и тоф. *оңгу* едва ли реально их монгол. происхождение, хотя монгол. параллели в этом случае отмечаются: ср. монгол. *ongyila- / онгилох* ‘рыть, копать (землю)’, где можно проследить основу **ongyi...*, обозначавшую нечто выкопанное (?); ср., кроме того, монг. *онго цонго* ‘ухаб, выбоина, колдобина’ (БАМРС II, *476*, *477*). См. также **оңгача**, **оңгашта-**.

оңгак см. **оңгай-**.

оңгалчык см. **оңгай-**.

оңгар- см. **оң II**.

оңгар см. **оңгай-**.

оңгача ‘колода для корма скота; корыто; желоб для стока воды’; **оңгашта-** [оъ] ‘выдалбливать; делать выемку’.

Ср. тоф. *оңгоча* ‘лодка’ и близкие соответствия в некоторых других тюрк. языках, которые, как и тув. *оңгача*, принадлежат к числу монголизмов, причем старых: они ближе по форме к п.-монг. *ongγuča* ‘лодка, колода, ясли для скота, корыто’, нежели к его совр. соответствиям, подобным монг. *онгоц(он)*, бур. *онгоо* и др. (см.: Рассадин. Фонетика, *212*; ЯМВМ, *181*).

Тув. *оңгашта-* — глаг. форма, образованная аф. *-та-* (возможным вариантом *-ла-* ?) от именной основы **оңгаш* < ? **оңкач*, в свою очередь произведенной от глаг. основы **оң-* с помощью аф. *-кач*. **Оң-* сопоставима, в частности, с як. *оң-* ‘выкапывать; вырезать’ и под., в том числе ‘выдалбливать’ (см. **оңгай-**, а также: Попов, *116*, статья **оңкучах**). Аф. *-кач* в других тюрк. языках служит для образования отглаг. имен со знач. орудия действия и признака (см.: АИ, *276 и след.*).

Возможно, **оңкач* обозначало то, чем вырезают (выдалбливают) или имело знач. ‘долбленый, выдолбленный’. Эта форма обнаруживает близость к монгол., типа *ongγuča*, которая может быть

неслучайна и свидетельствует о тюрк. происхождении монгол. слова. Во всяком случае, по своим фонетич. признакам оно вписывается в круг тюркизмов, вошедших в монгол. языки (см., в частности: Щербак 1997, *239 и след.*).

оңгашта- см. **оңгача**.

оңгу см. **оңгай-**.

оңгул-чиңгил [оъ-иъ] **1**. ‘ухабистый’; **2**. ‘ухабы’.

Ср. башк. диал. *ðңгðллð-сðңгðллð* ‘ухабистый; неровный (о местности)’ (Бhh, *148*). *Оңгул-чиңгил* и его соответствие имеют образную природу. Ни один из компонентов тув. слова самостоятельно не употребляется, хотя, возможно, первый из них имеет близкую по характеру основу в составе одной из форм (см. **оңгалчык**). Тув. слово, по всей вероятности, имеет монгол. происхождение и связано с формами, подобными монг. *онхол тонхол* ‘неровная, с углублениями, кочковатая местность’, *онхол цонхол* ‘неровный, кочковатый’ (БАМРС II, *482*), *энхэл донхол* ‘бугристый, кочковатый; ухабистый, неровный’ (БАМРС IV, *418*), из которых более близкой тув. по форме является *онхол цонхол* или, точнее, ее п.-монг., более древний вариант *ongqul čongqul*.

У последнего, в свою очередь, можно предположить существование такой разновидности, второй компонент которой был максимально близок к *-чиңгил* в тув. слове.

Монгол. происхождение имеет и основа (**оңгол-соңгол*) башк. диалектизма, вероятно связанная с прототипом, подобным монг. *онхол цонхол* и осмысленным как сущ. с семантикой ‘ухаб(ы)’ и под. Затем оно было переоформлено в прил. с помощью аф. *-лð* (*-лу* < *-лыг*), способного образовывать отсубстантивные адъективные тюрк. формы.

оңнал- см. **оң II**.

оңчок ‘очень, сильно’.

В ТРС 1968, *321 оңчок* дается в знач. ‘бессознательный, несознательный; очень легкомысленный’, а также ‘очень, сильно’. Первая группа знач. определенно связана с формой отрицания на *-чок* от имени *оң* ‘сознания, разум’ (см. **оң II**), тогда как смысловая связь *оңчок* ‘очень...’ с *оңчок* ‘бессознательный...’ и с указ. именем отсутствует, и в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с омонимией.

Оңчок ‘очень...’ произведено явно от иной основы, чем *оң* ‘сознание...’, а именно от **оң*, соотносимой с алт. (леб.) *оң* ‘предел, граница’, которое употребляется также в сочетании с соответствием указ. выше отрицания: ср. *оң тьок* ‘беспредельно’ и *оң йок* ‘очень’ (Баскаков 1985б, *180*). Ср. также **муңчок**.

Слово *оң*, обозначающее предел, — по-видимому, своего рода раритет, встречающийся лишь эпизодически в тюрк. языках

Южной Сибири, причем иногда только в качестве связанной основы. Так, она прослеживается в тоф. *оңчок-* ‘обпиваться (водой), выпивать очень много жидкости; пить залпом’ (ТРС-РТС, *52*).

Возможно, *оң* ‘предел, граница’ морфологически членимо, и в таком случае в нем могут быть выделены глаг. основа **о-*, обозначавшая нарушение цельности чего-л. и, вероятно, означавшая также ‘отделять; отдалять’ или ‘ограничивать что-л.’ (см. **ой-** I), и аф. *-ң*. Следовательно, **о-ң* могло иметь семантику, приводимую выше, а также ‘конец, край’ и т.п., что, в свою очередь, допускает употребление этого слова в перен. знач. типа ‘кончина, смерть; исчезновение’. В связи с этим вероятна генетическая связь с *оң* ‘предел...’ глаг. *оң-*, обозначающего, в частности, увядание, смерть и исчезновение (см. **оң-**).

оо ‘яд; зловонная жидкость, выпускаемая для защиты хорьком’; **оок-** ‘отравляться (напр., указ. жидкостью)’.

Ср. тоф. *аа* ‘яд’, леб. *оо* то же, хак. *оо* ‘яд, отрава; ядовитое вещество, выпускаемое куницей’, а также другие соответствия, носящие в целом общетюрк. характер и фиксируемые в вариантах, которые существует в двух основных разновидностях (*агу, агы, авы...* и *аг, ув...*) и означают ‘яд, отрава; ядовитый, горький; кислятина; пересоленная пища’ и др. Э.В. Севортян считал, что эти названия образованы от глаг.-именной пары **а:г-* ‘отравлять’ ~ **а:г* ‘яд; горький’ (ЭСТЯ I, *67*), что может быть приемлемо в структурном плане, но вызывает возражение с семант. точки зрения: лексические знач. исходных основ реконструированы, исходя из наиболее распространенной их семантики в наст. время (‘яд, отрава’), хотя распространенность того или иного значения далеко не всегда является свидетельством его первичности. Семантика ‘яд’ едва ли первична: она, скорее всего, была результатом эвфемистического изменения значения или значений, связанных с пищей, едой (что отчасти напоминает ситуацию с этимологией рус. *яд* (см.: Шанский и др., *523*)).

Такие знач. отмечаются и у рассматриваемого тюрк. названия яда: имеется в виду семантика, характеризующая пересоленную или прокисшую еду (‘кислятина’) или неприятный вкус (‘горький’). Вероятно, *агу... ~ аг...* ‘яд’ и их варианты гомогенны с тюрк. названиями молочных продуктов, в том числе *агуз ~ овуз...* ‘молозиво, створоженное молозиво; закваска для квашения молока’ и др. (см. также: ЭСТЯ I, *405–406*), с которыми, по всей вероятности, родственно тув. название молозива *аа* (< **ага, *агы* (см. **аа** I) или **агу*), видимо, не случайно совпадающие с тоф. *аа* ‘яд, отрава’. Кроме того, с *агу...* и *агуз* могут быть также генетически связаны такие формы, как тур. *ağırtı* ‘свернувшееся молоко; молоко, йогурт’ и под. (см.: СИГТЯ Л, *449*; а также **ааржы**). В конечном итоге все они связаны с глаг. основой *а:г- ~ аг-* ‘подниматься, испаряться; переполняться, переливаться через край; выступать из берегов...’. Тур. *ağırtı* и под. произведены от вероятной формы каузатива (**агыр-*) той же основы[1].

Что касается односложной разновидности тюрк. названия яда (*аг* и под.), то она явно поздняя (отмечена только в части совр. языков и отсутствует в памятниках) и могла быть результатом конверсии глаг. основы *аг-* в имя. Э.В. Севортян (ЭСТЯ I, *67*) к числу соответствий *аг* относил и варианты типа *оо*, хотя последние определенно восходят к двухсложным разновидностям, в частности к варианту вроде уйг. *огу* (<**агу*; с подобным вариантом связано тоф. *аа*, вокализм которого не подвергся огублению).

Тув. *оок-* — образование от *оо* с помощью арх. аф. *-к-* (см. о нем: ИП, *270–271*), соответствия которого отмечены в единичных тюрк. языках, а также в др.-тюрк. памятниках (*ауыq-* ‘отравляться, быть отравленным’) (ЭСТЯ I, *67*). К форме, подобной последней, восходит тоф. *аак-* то же. См. также **оо-хоран**.

оода ‘хоть, хоть бы, хотя бы’.

Тув. *оода* относится к выделительно-ограничительным частицам и в «Грамматике тувинского языка» (а также, насколько об этом можно судить, в других источниках тоже) соответствия к ней не приводятся (ИП, *431*). Между тем тув. *оода* может быть сопоставлено с тоф. *оода* ‘очень’ и с хак. *огаа ~ угаа*, кирг. *ого* и, кроме того, с такими вариантами, как *огата ~ огада ~ угата*, имеющими в основном семантику ‘очень, весьма’ (эпизодически встречаются знач. ‘по крайней мере’ и под.).

Указ. варианты (к ним следует отнести и тув., тоф. *оода*) Э.В. Севортян интерпретировал как монголизмы, сопоставляя их с монгол. *оγи / огоо* ‘совсем, совершенно; весьма, очень’ и монг. *огоот* (ср. также п.-монг. *оγиγата*) (ЭСТЯ I, *410–411*; ср.: БАМРС II, *457*). Тув. *оода* по форме связано со вторым вариантом монгол. слова, а его знач. претерпело изменения (ср. также алт. *ого* ‘по крайней мере’: РСл. I, *1007*). При этом в тув. и тоф. словах отмечено появление вторичной долготы в результате утраты *-г-*, который в их соответствиях сохраняется.

Приведенные выше монгол. формы сравниваются в ЭСТЯ (как синонимичные и родственные) с монгол. же *оγтu / огт*, тув. соответствие которого также считается заимствованием: см. **окта**.

[1] Едва ли можно согласиться с мнением, согласно которому подобные формы образованы от тюрк. *ак* (*а:q*) ‘белый’ (см.: СИГТЯ Л, *449*).

оожук- ‘успокаиваться, приходить в спокойное состояние’; **оожум** ‘тихий, спокойный, медлительный, медленный’; **оожурга-** ‘униматься, успокаиваться; умолкать, утихать; утешаться’; **оожургал** ‘покой, спокойствие, успокоение; тишина, безмолвие’.

За исключением сойот. *ооҷым* ‘медлительный, неторопливый’ (СБРС, *87*) у приводимых форм не обнаруживается соответствий в тюрк., но заметная общность присутствует в монгол. языках, особенно у *оожум*: ср. монгол. *аҷйім / уужим* ‘спокойный, покладистый; благополучный’. По отношению к данному случаю можно, скорее всего, говорить о заимствовании, и, судя по тому, что тув. долгий гласный *о* соответствует *уу* в *уужим*, источником *оожум* явился совр. монг. язык (ср., напр., **боо**).

Вместе с тем другие тув. формы имеют отличия от монг., носящие структурный характер: ср., к примеру, тув. *оожурга-* и *оожургал* с указ. семантикой и монг. *уужрах* ‘успокаиваться, чувствовать облегчение’ и *уужрал* ‘успокоение, спокойствие’ (см.: БАМРС II, *364*).

У тув. *оожук-* ‘успокаиваться...’ не обнаруживается близких по форме монгол. соответствий и по своей структуре этот глаг., скорее, тюрк., нежели монгол. образование, поскольку он выглядит аналогично глаг., образованным от имен при помощи тюрк. аф. *-(у)к-*, считающегося арх. (см.: СИГТЯ М, *431*, а также **оок-**).

В целом складывается впечатление, что рассматриваемые тув. формы имеют разное происхождение и по крайней мере не все из них могут считаться монголизмами (и при этом поздними), а монгол. или монг. формы, возможно, не являются исконными и имеют тюрк. корни. В связи с этим отметим наличие в тюрк. языках глаг. (залоговых) форм типа *авун-...* ‘развлекаться; успокаиваться, хорошо себя чуствовать...’ и *авут-...* ‘развлекать, успокаивать...’, основы которых реконструируются в виде **аб-* или **аг-* ‘испытывать удовольствие’ или под. (ЭСТЯ I, *66* и *755*; см. также **аат-**).

Можно предположить, что от указ. основы была образована (аф. *-ш*) именная форма **аб-уш ~ *аг-уш* ‘покой; спокойный’ (?), а от последней — глаг. **абуш-ук- ~ *агуш-ук-*, с которым связано тув. *оожук-*. Возможно, от того же имени (аф. *-урка-*) создан и глаг. *оожурга-* (< **агуш-урка*), хотя появление долгого гласного, являющегося огубленным, могло быть результатом сближения с соответствующими монг. формами (что, вероятно, имело место и в случае с *оожук-*), хотя допустимо, что анлаутный *оо* мог появиться хотя бы в части тув. форм и самостоятельно из **агу* (> **огу* > *оо*) в результате регрессивной ассимиляции (ср. **оо**). Сущ. *оожургал*, возможно, образовано по аналогии с монг. *уужрал*.

Тюрк. прототип типа **агуш-ы-м* мог быть и у монгол. *аҷйім / уужим*. Это было, вероятно, отглаг. образование с аф. *-м*, обозначающее признак и по своей структуре аналогичное другому тув. прил.: ср., в частности, **маажым**.

Судя по монгол. данным, имя, соответствующее тув. *оожум*, означает ‘широкий, просторный, пространный, обширный’, а знач. ‘спокойный’ и под. у него истолковываются как перен.; ср. также *аҷйіra- / уужрах* ‘становиться шире, быть просторным’; перен. ‘успокаиваться, чувствовать облегчение’ (БАМРС IV, *364*). Однако основа переноса знач. в этом случае неясна и его истолкование как проявления многозначности спорно. Скорее всего, мы имеем здесь дело с омонимами, возникшими в результате контаминации монгол. форм, обозначающих широту и простор[1], с тюрк., означающими ‘спокойный...’ и ‘успокаиваться...’.

Отметим также, что тув. *оожум*, *оожурга-* и *оожургал*, имея формальное сходство с их монгол. соответствиями, характеризуются бесспорной и более развернутой многозначностью, нежели последние, что нехарактерно для заимствований «в чистом виде».

оожум см. **оожук-**.

оожурга- см. **оожук-**.

оожургал см. **оожук-**.

оок- см. **оо**.

оол ‘мальчик, парень; сын; детеныш’; *шахм.* ‘пешка’.

Ср. тоф. *оол* ‘сын; мальчик; юноша, парень; детеныш (животных и крупных птиц)’ (ТРС-РТС, *52*) и соответствия общетюрк. характера в вариантах *огул*, *огыл*, *огал*, *оол*, *уул*, *ул* и др. с подобными знач., некоторые из которых встречаются очень редко (так, ‘детеныш животных и птиц’ отмечено лишь в др.-уйг. памятниках: ДТС, *364*).

В основном слово относится к человеку и лишь изредка — к его природному окружению: ср., кроме указанного, ‘рой пчел’ и ‘детва’ (т.е. ‘личинки пчел, а также молодые пчелы’) (ЭСТЯ I, *415*; ОШ, *163*).

Относительно происхождения *огул...* существует ряд версий, рассмотренных, в частности, Э.В. Севортяном, который предложил свою этимологию, считающуюся наиболее вероятной (см.: СИГТЯ Л, *314*; СИГТЯ Пр, *550*). По Севортяну, *огул...* — образование от основы **ог-* или **ок-* ‘рождать, порождать’, это слово произведено от указ. основы с помощью аф. *-(а)л*, причем

[1] Ср. монгол. *аҷудам / уудам* ‘обширный, необъятный, просторный...; великодушный, снисходительный’ (БАМРС III, *363*), которое, возможно, родственно *аҷйім...* и у которого многозначность выглядит более обоснованной, чем у последнего.

центральным знач. *огул...* признается ‘дитя, дети...’ (ЭСТЯ I, *416*, *417*).

В целом указ. версия приемлема, хотя здесь возможны определенные уточнения. В частности, у основы **ог-* логичным было бы знач. ‘рождать(ся)’, тем более что оно допустимо как результат реконструкции (см.: ЭСТЯ I, *416*). Кроме того, в древнюю семантику *огул...*, а возможно и в его производящую основу, мог входить компонент множества ~ собирательности (ср. знач. ‘дети’, а также ‘рой пчел’, ‘весеннее потомство у пчел’: ЭСТЯ I, *417*), который мог восходить к знач., связанному с увеличением численности, размножением и под. Поэтому гомогенным с *огул...* могла быть др.-тюрк. (МК) глаг. форма (каузатив?) *оγlït-* ‘увеличивать, умножать’ (*ol tavarïn oγlïttï* ‘он увеличил свое имущество’: ДТС, *363*), исходную основу которой можно представить в виде **оγ(и)lï-*, где **оγul* могла быть именной основой, означавшей ‘увеличение, возрастание, прибавление’ (?), и с ней можно непосредственно связать анализируемое слово (*огул...*)[1].

оонак, **оондак** ‘мелкий; незначительный, несущественный’.

Ср. тоф. *уунак* 1. ‘мелкий, мелко раскрошенный; разменный (о деньгах)’; 2. ‘мелочь (в том числе и деньги); мелкие осколки, крошки’ (ТРС-РТС, *78*). В.И. Рассадин сопоставляет тоф. *уунак* (*и:наq*) с тув. *оондак*, хак. *унах* ‘мелкий’, турк. *овнук* то же, которое, в свою очередь, сравнивается с турк., азерб. *ов-* ‘крошить’, тур. *oğ-* ‘мять, тереть’ (Рассадин. Фонетика, *238*). Ср. также хак. *унал-* ‘быть измельченным, раздробленным’, *унат-* ‘разбивать на мелкие куски, измельчать, крошить, раздроблять что-л.’, *унах*, *ундах* ‘порошок; крошки; талкан, толокно’ (ХРС, *249*; ХРИЭС, *164*), азерб. *о:нтах* ‘крошки, крохи’ (АДЛ, *347*), а также варианты, приводимые Э.В. Севортяном в связи с анализом структуры тюрк. *убак...* ‘мелкий...’ и выделением его глаг. основы.

Исследователь ссылался на работу А. Йоки, где приводится, в частности, *unak*, интерпретируемое как результат контаминации *un* ‘мука’ (= ‘размельченный, раздробленный’) с *uvak...* ‘мелкий...’. Однако Э.В. Севортян «более первичной» формой *unak* (или хак. *унах* ‘мелкий’) считал *уннак* (< *ун-ла-к*) > *унтак* ‘мелко размельченный, мелкий’ (варианты *уннак* и *унтак* приведены по РСл.), причем семантика основы *ун* не приводится, а структурные характеристики не комментируются (ЭСТЯ I, *561*). М. Рясянен подобные «радловские» формы относил к родственным с тюрк. названием муки (*un*) (EW, *514*).

В целом данные, приводимые в работах Севортяна и Рясянена, недостаточно полные и не позволяют прийти к однозначным выводам относительно структуры и происхождения анализируемых форм, в том числе тув. *оонак ~ оондак*. Связь *оондак...* с глаг. основой типа *ог- ~ ов-*, подмеченная В.И. Рассадиным, сомнений не вызывает. Анализируя ту же основу, Э.В. Севортян констатировал наличие у нее вариантов с узким гласным *у* в анлауте, которые отмечены в большинстве групп тюрк. языков и являются менее древними, чем варианты с начальным *о*, характерные для языков огуз. группы (ЭСТЯ I, *401–402*).

Отметим, что в тув. языке основе *ог-* соответствует вариант с начальным *у*: *уг-* ‘дробить, раздроблять...’ (см. **уг- II**) и в случае с *оонак...* также следовало бы ожидать появления узкого долгого гласного (как в тоф. *уунак*), но в *оонак ~ оондак* сохраняется широкий гласный и эти варианты близки турк. *овнук* и азерб. *о:нтах*, упоминавшимся выше.

Что касается структуры данных образований, то они определенно произведены не прямо от основы типа *ог-*, а, скорее, от имени, в свою очередь образованного от указ. основы и обозначавшего реалию, которая явилась результатом разделения (измельчения и под.). Это имя, по-видимому, не сохранилось в свободном употреблении (впрочем, одним из его вариантов могло быть одно из турк. названий муки *увын*: см. ЭСТЯ I, *597*). Ср. также турк. па́рное слово *овум-дөвүм* ‘куски; кусочки (обычно хлеба)’, первый его компонент — фонетико-морфол. вариант указ. имени, наиболее древняя модификация которого прослеживается в узб. *оγunduruq* ‘приспособление для трепания шерсти’ (АИ, *177*), где **оγun* — именная основа, а *-duruq* — аф.; с его помощью образуются, в частности, названия различных приспособлений. От подобной именной были произведены вторичные глаг., а от последних — имена вроде *оонак*.

Тув. *оонак* — отглаг. образование с аф. *-к* от глаг. основы **огун-а-* > **оона-*, к которой ближе всего турк. *овна-* (< **овун-а-* < **огун-а-*) ‘размельчаться, дробиться, крошиться’. Вариант *оондак* отличается от *оонак*, по всей вероятности, только глаголообр. аф. (*-да- ~ -та-* вместо *-а-*: ср. **оон-да-к* и азерб. *о:нтах* < **о:н-та-х*).

Определенную сложность представляет вопрос о характере отношений между тув. *оонак ~ оондак* и формами с начальным *ун* типа приводимых выше и подобных им: ср. также бараб. *ундак* ‘мелкий’ (РСл. I, *1646*). Вероятно, они (или хотя бы часть из них) были связаны с прототипами вроде тоф. *уунак* или его

[1] Ситуация с др.-тюрк. глаг. формой *оγlït-* имеет и другую трактовку. Так, Дж. Клосон представлял ее с начальным *и* и интерпретировал *uğlıt-* как окказиональное слово, которое он сопоставлял с глаг. формой *üklit-*, видя в первой из них диалектизм или одну из редких для МК ошибок (ED, *86*), но обе версии труднодоказуемы.

варианта **уундак*, но затем утратили долготу и, как и полагал Йоки, могли контаминироваться с *ун* ‘мука’ (что, возможно, имело место в случаях типа хак. *унах*, *ундах* и т.п.).

Вместе с тем подобные формы или их часть могли быть произведены и от основы типа *ун* ‘мука, порошок...’ непосредственно, тем более что подобные образования (глаг. и производные от них имена) нередки, напр., для кыпч. языков: ср. каз. *унта-* ‘крошить; превращать в порошок’, *унтак* ‘порошок; крошки’, тат. *онла-* ‘растирать в порошок’, *онта* ‘мучная пыль’, *онтак* то же, башк. *онта-* ‘толочь (превращая в муку); дробить, размельчать, крошить...’, *онтак* ‘кушанье из поджаренной толченой пшенной крупы; труха’.

оондак см. **оонак**.

оор- [о͡о] ‘отламывать’.

Ср. соответствия типа *оңур- ~ омур- ~ огур-* ‘ломать(ся) (в суставах); выламываться, выворачивать(ся)’ и под., считающиеся производными, образованными аф. каузатива *-(у)р-* от основы **оң- ~ *ом-*... (см.: ЭСТЯ I, *461–462*, а также **ой- I**). При этом тув. *оор-* Э.В. Севортян возводил к *огур-*, однако с учетом назализованного характера гласного *оо* прототипом тув. варианта был, скорее всего, *оңур-*. Последний, сохранившийся в турк., Севортян считал более древним, нежели др.-тюрк. *оγur-* (по МК). Впрочем, в тув. языке реален и переход *г > ң* (в интервокальном положении): см. **аас**.

См. также **оор, оорга**.

оор [о͡о] ‘вор; кража, воровство’; **ооржу** [о͡о] ‘вор’.

Ср. тоф. *оору ~ ооры* [о͡о] ‘вор’ и соответствия общетюрк. характера в преобладающей форме *огры...*, с которой соотносительно тоф. *оору*; реже встречается форма *огыр...* (более древняя, чем *огры...*), которой соответствует тув. *оор. Огыр...* означает в основном только ‘вор’ (и изредка ‘воровство’), тогда как *огры...* более многозначно (‘вор, разбойник, грабитель’; ‘скрытный, тайный...’).

Варианты формы с конечным гласным (*огры* и под.) считаются образованием с аф. *-ы...* от глаг. основы **огур-* ‘красть’, тогда как *огыр ~ огур* истолковывается как производное от «теоретически допускаемых корней **ог*[1] *~ *ог-*, относительно которых в имеющихся материалах данные не обнаруживаются» или, во всяком случае, их «для морфемного анализа *огур...* еще недостаточно» (ЭСТЯ I, *413–414*). Семантика указ. корней не приводится.

[1] Позднее именная основа **ог* дается со знаком вопроса: **ог* (?) (см.: ЭСТЯ I, *757*).

Следовательно, остаются неизвестными также структура основы **огур-* и ее корневой элемент. Неясно и то, как у этой основы возникло знач. ‘красть’, насколько оно в данном случае реально и можно ли его считать исходным. Возможно, последнее является не первичным, а вторичным, переносным (эвфемистическим или жаргонным).

Можно предположить, что **огур-*, а также **ог* и **ог-* связаны с идеей разделения, отделения части от целого. Ср. в этом плане каз. *оңаша* ‘отдельно...’, ? *огаш* ‘особо, отдельно’; диал. ‘далеко’ (Кайдаров, *264*; Аманжолов, *397*), а также глаг. форму *оңур-* (варианты *огур-*, *омур-*), основная семантика которой носит «разделочный» характер. Речь идет о разделке туши животного: ср. ‘расчленять, делить на части (тушу); выламывать, отделять (напр., кости при разделке туши); отрывать большой кусок’, к которым близки знач. ‘хватать руками; выдергивать; отрывать, откусывать’ (ЭСТЯ I, *461*; см. также **оор-**).

Считается, что *оңур-* образовано с помощью аф. каузатива *-ур-* от основы **оң-*, которая означает ‘откалывать(ся); отламывать(ся); отбивать(ся) (по-видимому, о кости)’ (ЭСТЯ I, *462*). Думается, что в данном случае формант *-ур-* мог выражать, скорее, знач. усиления.

Однако и форма *оңур-...*, и ее основа **оң-* в силу особенностей их семантики могли быть исходными для появления у них знач. типа ‘красть...’. Определенную аналогию указ. глаг. можно видеть в рус. *щипать* ‘защемляя чем-н., отделять; выдергивать перья...’ (ОШ, *905*), которое в воровском жаргоне означает ‘совершать карманную кражу’ (ср. также *щипач* ‘карманный вор’)[1].

В дальнейшем указ. тюрк. глаг. форма и названия вора разошлись друг с другом по своим фонетич. характеристикам: за *огры...* и *огур...* в основном закрепились варианты глаг. основ с согласным *г* (**ог-*, **огур-*). Вместе с тем и здесь встречаются варианты с *ң*, о чем свидетельствует наличие долгих назализованных гласных в тув. *оор* и тоф. *оору ~ ооры*, которые могут быть возведены соответственно к праформам **оңур* и **оңуру*, хотя в этих случаях допустимо и изменение *-г- > ң* (см. **аас**).

Тув. *оор*, как и часть его соответствий, имеет также семантику ‘кража...’ (*оор кыл-* ‘совершать кражу’), с чем связано появление формы *ооржу* ‘вор’, которая, в свою очередь, имеет соответствия в других тюрк. языках (см.: ЭСТЯ I, *415*); ср. **кул** и **кулчу**.

ооораш [о͡о] ‘небольшая седловина (в отрогах гор)’.

Ср. тоф. *ооораш* [о͡о] ‘ямка, выемка, ложбинка; глазница, глазная впадина; ямочки (напр., на щеках)’ (Рассадин. Словарь), *ууреш*

[1] См.: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. — М., 1992. — С. 296.

‘ямка’, а также *оорар-* ‘образовываться (о ямке, выемке); вваливаться, проваливаться (о глазах)’ (ТРС-РТС, *52*, *80*). *Ооараш* и *оорар-* — родственные формы, но структурно ни одна из них не может служить производящей основой для другой.

Вместе с тем они генетически связаны с образной глаг. основой типа тув. и тоф. *оңгай-* ‘образовываться (о выемке)...’ и гомогенными с последней образованиями, из их числа следует особо отметить тув. *оңгар* 1. ‘глубокий’; 2. ‘яма, углубление’ (см. **оңгай-, оңгар**), вариант которого, подобный **оңар* или **оңур* (с единичным интервокальным *ң*), и послужил, по всей вероятности, производящей основой слов *оорар-* (< **оңар-ар-*).

Та же основа прослеживается и в образной глаг. форме типа кирг. *оңурай-* ‘зиять’ (<**оңур-ай-*), гомогенной с которой Э.В. Севортян считал, в частности, тув. *оңгай-* и под. (ЭСТЯ I, *462–463*) и у которой имеются варианты с переднерядным вокализмом типа *уңгирей-* ‘зиять; западать (о глазах)...’ (Там же); (ср. тоф. *үүреш*, восходящее к **уңүреш* (?)) и сопоставимое с др.-тюрк. *йӧӈӱr* ‘пещера; полость’ и его соответствиями (см. о них: ЭСТЯ I, *634*).

Тув.-тоф. *ооараш*, тоф. *үүреш*, судя по их знач., в которых прослеживается компонент уменьшительности, по всей вероятности, образованы с помощью соответствующего аф. К последнему, очевидно, восходит элемент *-аш ~ -еш*: аф. диминутива *-аш ~ -еш* отмечен, в частности, в соседних юж.-сиб. тюрк. языках (см.: Рассадин. Морфология, *54–55*).

оорга [о͡о] ‘спина; небольшой горный хребет, горная гряда[1], конек (крыши); огрех’.

Ср. тоф. *оорһа* [о͡о] ‘спина, позвоночник; боковая сторона лезвия ножа; глубокая сторона излучины реки; конек (крыши)’ и соответствия общетюрк. характера в вариантах *оңуртка ~ оңурга* и др., означающие ‘позвоночник, спина, спинной хребет...’ (ЭСТЯ I, *463–464*).

В ЭСТЯ (I, *464*) первоначальным вариантом слова считается, по-видимому, *оңурга*, интерпретируемый как образование от глаг. основы *оңур-* [‘ломать(ся) в суставах’ и под.] или ‘расчленять по суставам’ (ср.: Дыбо, *137*) с помощью аф. *-га*. В других источниках (Дыбо, *137*, *186*; СИГТЯ Л, *170*) в качестве первичного представлен вариант **оңur-tka*, что нуждается в обосновании.

Тув.-тоф. *оорга* < *оңурга*, на что указывает, в частности, назализованность начального долгого гласного.

[1] Отмечены также знач. ‘возвышенность; водораздел; задняя часть горы, теневой склон’ (ТСТ, *21*); ср. **арга II**.

оор диш [о͡о] ‘зуб мудрости’, **оор мээ** [о͡о] ‘мозжечок’; **оор ээги** [о͡о] ‘ложное ребро’.

В указ. названиях их вторые компоненты связаны с анат. терминами, которыми являются соответственно *диш* ‘зуб’, *мээ* ‘мозг’ и *ээги* ‘ребро’ (см. **диш**, **мээ**, **ээги**), а первый компонент восходит к слову *оор*, означающему, в частности, ‘вор; воровской’ и под. (см. **оор**). Подобные наименования встречаются и в других тюрк. языках: ср., напр., уйг. *огри чиш* ‘клык’ и *огри кол* ‘указательный палец’ (УРС, *103*), где *огри* (< *огры*) соответствует тув. *оор*, а *чиш* и *кол* связаны со словами, первое из которых означает ‘зуб’, а второе — ‘палец’.

Семантика первого компонента в подобных наименованиях не всегда четко определима, но она явно не одинакова. Так, в сочетании *огри кол* она, возможно, близка к обычной (‘вор’, что, может быть, связано с карманными кражами?), а в *огри чиш огри* означало нечто вроде ‘злодей’ или ‘хищник’. Такие знач. фиксируются у соответствий *огры* (ЭСТЯ I, *413*), а в данном случае *огри* — часть названия клыка, органа нападения. Ср. хак. *огыр тіс* ‘лишний зуб, причиняющий большую боль’ (ВТЯ, *36*).

Соответствия *огры* (а возможно и *оор*) означают также ‘скрытый, незаметный’ (Там же). Такая семантика могла реализоваться у *оор* в тув. *оор диш*, *оор мээ* и *оор ээги*.

ооржу см. **оор**.

оор мээ см. **оор диш**.

оор-остук [о͡о-оъ] *редк.* ‘воровской, вороватый, жуликоватый’.

Па́рное слово, первый компонент которого связан с *оор* ‘вор(овской)’, а второй (*остук*) в качестве самостоятельного слова тув. языка не употребляется. Можно допустить родство *остук* с тюрк. *осал...*, означающим, в частности, ‘плохой, скверный, злой’ и под. (см. о нем: ЭСТЯ I, *480*; ср. **озал I, II**), а также обозначающим злых духов, нечистую силу (Ахметьянов. ОЛДК, *45*).

Считается, что *осал...* образовано от глаг. основы **ос- ~ *ус-* ‘уставать; испытывать скуку, отвращение’ (ЭСТЯ I, *480–481*, *759*). Вместе с тем Э.В. Севортян допускал существование у этой основы двухсложных вариантов **оса- ~ *уса-* (Там же, *480*), что предполагает ее членимость и, в частности, возможность выделения в составе **оса-...* именного корня **ос* ‘зло, скверна’ и т.п.

Тув. *остук* может быть членимо на морфемы **ос* и *-тук*, первая из которых связана с указ. корнем, а вторая, вероятно, представляет собой закономерный фонетич. вариант тюрк. аф. *-лык*,

являющегося в тув. языке практически мертвым формантом. Этот аф. служит для образования отыменных имен с различной семантикой, в этом числе прил., в основном относит., хотя среди подобных форм встречаются (в частности, в памятниках) и качественные: ср. *ujatlik* ‘стыдливый’, *kǘčlük* ‘сильный’ (АИ, *48*). К числу подобных, вероятно, относится и тув. *остук* (< **ос-лук*), представляющее собой архаизм.

оор-сакпай [о͡о-аъ] см. **оор-остук**.

Тув. *оор-сакпай*, как и *оор-остук*, представляет собой па́рное слово с начальным компонентом *оор* ‘вор(овской)’, но в отличие от *остук сакпай* употребляется и самостоятельно, означая, в частности, ‘беспутный, непутевый’. Это слово является монголизмом и, скорее всего, связано с монг. *завхай* (ср. п.-монг. *ǰabqai*) ‘распущенный, распутный, разгульный; пошлый; безнравственный, беспутный, блудливый’ (ср. также бур. *завхай* ‘распутный, распущенный, развратный; извращенный; вульгарный, циничный; наглый’).

оор-сук [о͡о-оъ] ‘воры; воровство, кража’.

Первый компонент тув. *оор-сук* связан с *оор* ‘вор; воровство’ (см. **оор**, а также **оор-остук**, **оор-сакпай**). Второй компонент (*сук*) в качестве самостоятельного тув. слова не используется. Этот компонент следует в первую очередь связать с сиб. тат. *сок* ‘вороватый; вор’, *сук* ‘воровство’ (Тумашева, *191*, *193*), которые, в свою очередь, имеют преемственную связь с сиб. тат. *сох* ‘ненасытный; обжора’ (Там же, *191*), др.-тюрк. *soq* (ДТС, *508*) ~ *suq* ‘жадный, прожорливый; завистливый; жадность, зависть...’ (ED, *804*), каз. *сук* ‘сглаз, завистливый взгляд’ (Кайдаров, *275*)[1], кирг. *сук* миф. ‘злое существо в образе женщины, живущей в воде’; ‘завистливый, завистник; зависть, жадность’ (к чужому) и под. В целом компонент *сук* в составе *оор-сук* может быть идентифицирован с *-сок*, составной частью другого тув. па́рного слова: см. **бак-сок**.

Отметим, что в ряде тюрк. языков слово *сук* (с редко отмечаемым вариантом *сок*) имеет знач. ‘указательный (палец)’, выступая как определение к компонентам (< словам), означающим ‘палец’ (*бармак*, *кол* и др.) (ЭСТЯ VI, *333–334*). Предполагается, что *сок* ~ *сук* в этой ситуации «должно рассматриваться как немотивированное наименование указательного пальца уже для пратюрк. состояния». Даваемое еще МК объяснение этого наименования через его связь с *сук...* ‘скупой, жадный’ (‘палец, который первым берет еду’ > ‘жадный’) рассматривается как народная этимология (ЭСТЯ VI, *333–334*), но оно, вероятно, все-таки имеет под собой основание.

Не исключено, что *сук...* применительно к указательному пальцу первоначально было каким-л. условным (игровым?) определением, означавшим ‘жадный’ или даже ‘вороватый; вор’, о чем может свидетельствовать, напр., такое уйг. название того же пальца, как *огри кол* (букв. ‘вор — палец’?): см. **оор диш**.

[1] Каз. *сук* может употребляться также в знач. ‘попрошайка’, о чем свидетельствует пословица *Сук семірмес, уры байымас* ‘попрошайке не жиреть, вору не разбогатеть’ (КазРС, *301*).

ооруг [о͡о] ‘таежное пастбище в верхнем течении реки, где она выходит на открытую равнину’[1]; **оорук** [о͡о] ‘ключица; широкая кайма из цветных лент, пришитая спереди к верхней части традиционного женского халата’.

Ср. тоф. *ооруг* [о͡о] ‘место на гольцах или белогорье, откуда берет начало ручей или река’ (Рассадин. Словарь); это же слово (с иной формулировкой знач.) В.И. Рассадин в другой, более ранней работе (Рассадин. Фонетика, *213*) дает в сопоставлении с др.-тюрк. *oγruγ* ‘изгиб, перекат; седловина’ (см.: ДТС, *364*). Ср. также тоф. *ооруг* [о͡о] ‘зоб у птиц; ямка на шее у человека (между ключицами)’, считающееся омонимом к *ооруг* ‘место на гольцах...’ и сопоставляемое с тув. *оорук* ‘ключица...’ и др.-тюрк. *oγruγ* ‘место соединения спинного позвонка с позвонком шеи’ (Рассадин. Словарь; Рассадин. Фонетика, *213*), которое считается лексико-семант. вариантом слова *oγruγ* ‘изгиб...’ (ДТС, *364*).

По мнению Дж. Клосона, тув. *ооруг* и *оорук* являются единичными совр. соответствиями др.-тюрк. (МК) *oγruγ* (*oğruğ*) (ED, *90*), однако толкование тех и других форм не всегда совпадает с вышеприведенным. Так, тув. *ооруг* дается в знач., близком тому, которое приводится в ТРС 1955, *309* (‘возвышенное место у устья реки’), а *оорук*, согласно тому же источнику, — в знач. ‘ключица’ и ‘надломленный’, которые в ТРС 1955 и 1968 даются как омонимы (для чего имеются основания).

Др.-тюрк. (МК) *oγruγ* в труде Клосона представлено в знач. ‘изгиб долины’ и как компонент словосочетаний *oγruγ sünüki* ‘первый шейный позвонок’ и *taγ oγruγï* ‘отвесный склон горы’. Все эти формы считаются производными от глаг. основы типа *oğur-* ‘разделять, расчленять’ (ED, *90*, *91*); см. также **оор-**, **оор**.

В работах последних лет из приводимых выше тув. форм рассматривается в основном *оорук*, обозначающая, в частности,

[1] Знач. тув. *ооруг* приводится по ТРС 1968, *323* (см. также: ТСТ, *22*), однако семантика этого слова допускает различные толкования, напр. ‘возвышенное место, тихая полянка, подтаежный край’, а также ‘исток реки, верховье реки, высокогорье’. См.: Кенин-Лопсан М. Ойтулааш: Классические образцы любовной лирики тувинского народа. — Кызыл, 2004. — С. 374. Ср. также: ТРС 1955, *309*. *Ооруг* истолковывается и как ‘широкий пологий склон, с которого берет начало речка или ручей’ (О.М. Саая).

ключицу и включаемая в ряд соответствий, куда входят также др.-тюрк. (МК) *оγruγ süŋüki* ‘первый шейный позвонок’, чаг. **оγurčaq* ‘ключица’, тоф. *o:ruγ* (*ооруг*) ‘зоб’ и др. Их первоначальным знач. считается ‘первый шейный позвонок’, а производящей основой — глаг. **оŋur- ~ *оγur-* ‘расчленять по суставам’ (Дыбо, *139*; СИГТЯ Л, *235–236*). Таким образом, эти формы родственны тюрк. названию позвоночника: см. **оорга**.

Думается, что название ключицы может и не быть генетически связано с наименованиями позвонков и позвоночника: напр., чаг. **оγurčaq*, скорее, гомогенно с *огуржак...* ‘веретено; головка берцовой кости, берцовая кость’ и др., связываемым с глаг. *өгур-* ‘отворачивать, поворачивать; вертеть’ (ЭСТЯ I, *418–419*) или, точнее, с его твердорядным вариантом типа **огур-*. От последнего могут быть образованы также др.-тюрк. *оγruγ* ‘изгиб...’ и, вероятно, название первого шейного позвонка или места его соединения со спиной, хотя в последнем случае допустима и связь с *оγur-* ‘расчленять...’.

С *оγruγ* с указ. знач., по всей вероятности, действительно родственны тув. и тоф. географические термины, с которыми едва ли гомогенны тув. *оорук* и тоф. *ооруг*, связанные с анатомией. Не исключена, в частности, общность последних с сиб. тюрк. вариантами тюрк. *омрав* ‘грудь, грудь лошади...’ (ЭСТЯ I, *453*). Такими вариантами являются, в частности, хак. *омырыг* ‘передняя часть груди у лошади’ (ХРС, *126*), *омырых* ‘верхняя часть груди’ (ХРИЭС, *73*) (< **омырык*) и что очень существенно — сойот. *оорыг* ‘грудь лошади’ (СБРС, *87*) (< **омырыг*). Отметим также, что часть соответствий *омрав* (самостоятельно или в составе определенного сочетания) означают ‘ключица’ (см.: ЭСТЯ I, *453*; Дыбо, *136–137*, примеч. 158).

Омрав... считается производным от «вторичного глагола» **омыр-*, являющегося залоговой формой от **ом-* ‘выдаваться, выступать; быть округлым’ (ЭСТЯ I, *453–454*)[1]; см. также **омааш**. Тув. *оорук* и тоф. *ооруг* как анат. термины (последний, скорее всего, в знач. ‘зоб’) в принципе могут восходить соответственно к **омырык ~ *омурук* и **омырыг ~ *омуруг*. При этом вполне реально выпадение интервокального *м*, что также приводит к образованию в тув. и тоф. языках долгого назализованного *оо* (как это, возможно, имело место и в данном случае?).

Тоф. *ооруг* ‘ямка на шее у человека между ключицами’ семантикой «обязано», возможно, контаминации названия ключицы (типа *ооруг*?) и глаг. основы **огур-* ‘разделять’ или какого-л. образования от данной основы, по своей структуре близкого *ооруг* ‘ключица’ (см., в частности, **оңгай-** и под.).

[1] Едва ли можно согласиться с мнением о том, что *омрав...* заимствовано (в форме **omurig*) из монгол. языков (Н. Поппе; см. также: Дыбо, *137*; СИГТЯ Л, *240–241*). Ср. высказывание «...тюрк. форма *омырыг* без доказательств возводится к монгол. источнику» (ЭСТЯ I, *454*), которое, думается, сохраняет свою актуальность.

оорук см. **ооруг**.

оор ээги см. **оор диш**.

оотпак ‘репейник, лопух’.

Соответствий не обнаружено. Существует мнение, согласно которому тув. *оотпак* < *оот* ‘трава’ (ОСЛАЯ, *219*, *222*), что сомнительно, поскольку последнее в тув. имеет иную форму (см. **от**) и превращение его в *оот* не мотивировано. Кроме того, при этом остается неясной структура слова, в частности природа компонента *-пак*. Вероятнее всего, последний является вариантом аф. *-мак*, в основном образующего отглаг. имена, среди которых эпизодически встречаются и те, что связаны с растительным миром.

В качестве примера можно привести отмеченное в одном из памятников образование *bitmäk* ‘растение’ (АИ, *307*) (очевидно, от *bit-* ‘расти’; см.: ЭСТЯ II, *154–155*). Возможно, сходную с этим образованием структуру и семантику имеет и *оотпак*, основу которого (**оот-*) предположительно составляет глаг. форма типа **оңут-*, в свою очередь связанная либо с глаг. *оң-* ‘изобиловать, хорошо уродиться...’, либо с его именной парой *оң* ‘обильный урожай, обильный, урожайный...’ (см.: ЭСТЯ I, *457–458*): репейник, как правило, растет массой, зарослями, представляет собой крупное, многоплодное растение.

В основе **оңут-* формант *-(у)т-* может быть как формообр. (связанным с каузативным залогом), так и словообр. аф. в зависимости от того, к глаг. (*оң-*) или именному (*оң*) корню он присоединяется.

оо-хоран **1**. ‘ядовитый; едкий, очень соленый’; **2**. ‘яд’.

Тув. *оо-хоран*, соответствий которого не найдено, представляет собой результат соединения двух компонентов-синонимов, первый из которых — тюрк., а второй — монгол. происхождения: см. **оо**, **хоран**.

оочула-: **амы** (**~амы-тын ~ тын**) **оочула-** *фолькл.* ‘оставлять живым, сохранять жизнь кому-л.’.

Ср. также тув. *овуучула-*, тув.-тодж. *овууча-* ‘оставлять живым’. Сочетания с глаг. *оочула-* — монголизмы: ср. монгол. *аγučila- / уучлах* ‘прощать, извинять; отпускать вину; гладить по головке; миловать, проявлять снисхождение; быть великодушным, снисходительным...’ < *аγučі / ууч* книжн. ‘великодушный, снисходительный’ (БАМРС III, *373*).

Тув. *оочула-* используется только в составе указ. в заглавной части выражений, которые, в свою очередь, представляют собой полные или с элементом перевода заимствования: ср. тув. *амы оочула-* с указ. семантикой и монг. *амь уучлах* ‘помиловать, по-

щадить', где *амы* соответствует монгол. *ami* / *амь* 'жизнь' (см. **амы**).

То же знач. имеют тув. *амы-тын* и *тын*, первое из которых представляет собой парное слово с монгол. (*амы*) и тюрк. по происхождению (*тын*) компонентами: см. **тын**. Судя по соответствию *оо* (тув.) *уу* (монг.), источником *оочула-*, как и, по-видимому, всего выражения в целом, был совр. монг. язык (ср. **боо**, **моо** и под.).

Для тув. *овуучула-* и тув.-тодж. *овууча-* монгол. источник не обнаружен, хотя и вероятен, особенно в случае с *овуучула-* (< **обуучу-ла- ~ *обуучы-ла*), сопоставимым с п.-монг. *аγучі-la-* и в структурно-фонетич. плане аналогичным последнему. Тув. форма восходит к прототипу, имевшему как бы промежуточный характер между п.-монг. и совр. монг. (*уучлах*) формами.

Сложнее обстоит дело со структурой и происхождением тодж. глаг. *овууча-*, который сопоставим, кажется, только с тув. *овуучула-* и предположительно может быть членим на корневую морфему **овууч* (вариант **овуучу ~ *овуучы*; ср. п.-монг. *аγучі*) и глаголообр. аф. *-а-*. К сожалению, недостаточность языковых данных не позволяет прийти к более определенным выводам относительно происхождения указ. тув. глаг. форм, особенно *овууча-* и характера их связи с монгол.

оочур *разг.* 'очередь'.

Ср. тоф. *оочур*, долганское *иочarat*, *иочyr* то же и под. Рус. заимствование (ср. *óчередь*), отмеченное в различных вариантах в ряде языков, в основном тюрк. (см.: ЭСРЗ, *427*). А.Е. Аникин отмечает в части из них апокопу (усечение) рус. *-ед(ь)*, в том числе в бур. разг. *оошор*. Подобный же вариант встречается в монг. языке: *оочир* разг. 'очередь' (БАМРС II, *486*). Неясно, все ли подобные варианты прямо связаны с рус. словом или какие-л. из них были заимствованы через языки-посредники (напр., тув. *оочур* через монг.?).

оош *межд.* 'ош' (*возглас, которым одобряют певца*).

Тув. *оош*, по всей вероятности, генетически связано с тюрк. *ош ~ уш...*, функционирующим в качестве указ. слова (частицы или мест.), а также экспрессивно-выделительной частицы (см.: Щербак 1977, *128*; Щербак 1987, *103* и др.). Дж. Клосон истолковал др.-тюрк. *oš* как восклицание, используемое для привлечения внимания к чему-л. или к кому-л. и означавшее 'послушай(те)!' или под. Исследователь отмечал также, что после XVI в. оно практически не функционировало как самостоятельное слово, а примерно с XIII в. стало встречаться в слиянии с указ. мест. *ол* 'то' и *бу* 'это', усиливая их выразительность (ED, *254*).

Как экспрессивная частица или межд. в совр. тюрк. языках *ош...* отмечается лишь эпизодически: см., напр., тур. *ош* — «крик, коим подгоняют собаку» (РСл. I, *1148*). К подобным случаям принадлежит и тув. *оош* — одобряющий, стимулирующий возглас, обращенный к певцу и первоначально, вероятно, близкий по знач. к др.-тюрк. (МК) выражению *oš munday qïl!* 'делай [вот] так!' (ср.: ДТС, *372*; ED, *254*).

Долгота гласного в тув. *оош* определенно носит эмфатический по происхождению характер.

оп см. **овуузун**.

опалыг см. **овуузун**.

оптук- 'поперхнуться, захлебываться'.

Согласно ЭСТЯ (I, *407–408*), тув. *оптук-* относится к формам, родственным тюрк. *овурт ~ авурт...* 'внутренняя сторона щеки, полость рта' и под., соответствия которых в тув. отсутствуют и для которых Э.В. Севортян реконструировал «два параллельных корня — **ап-* (<**аб-*) и **оп-* (<**об-*) (из коих **ап-*, видимо, первичный, **оп-* — вторичный: *о* под влиянием *-п / -б*) со значениями 'всасывать, втягивать в себя; жадно есть' и т.п. ...» (ЭСТЯ I, *408*).

Структура тув. *оптук-*, по-видимому, не имеющего других соответствий и связанного с огубленным корнем **оп-*, не вполне ясна: возможно, это форма пассива от этого корня с аф. *-тык-*, который употреблялся в др.-тюрк. текстах (см.: Щербак 1981, *108*).

Отметим, что в тув. языке имеется также глаг. форма, связанная в конечном счете с неогубленным корнем **ап-*, а непосредственно — по-видимому, с *авурт*. Данная форма — *аарта-* 'прихлёбывать' (отмечена в СИГТЯ Л, *225*) представляет собой образование с аф. *-а-* от указ. имени (< **авурт-а-*)[1], которому в других тюрк. языках соответствуют в основном варианты с огубленными гласными: ср. хак. *оорта-* 'набирать в рот жидкость', шор. *оорта-* 'глотать' (*оортак* 'глоток'), кирг. *уурта-* 'хлебать' и др.; ср. также бараб. *аурtла-* 'наполнять рот' (см.: ЭСТЯ I, *407–408*; СИГТЯ Л, *225*).

С тув. *аарта-* гомогенно название дудки (рожка) для приманивания марала: см. **авырга**, **амырга**.

опчок 'шальной, дурной; лукавый (напр., взгляд)'.

Вероятно, связано с *оп* 'хитрость', относящимся к монголизмам (см. **оп**, а также: EW, *363*), и принадлежит к числу форм с отрицанием *-чок*, которые можно считать своего рода полукалька-

[1] Судя по наличию в тув. *аарта-* назализации долгого гласного (см.: ТСТЯ I, *41*), в основе этого глаг. имел место переход *-в-* > *-м-* (**авурта-* > **амурта- ~ *амырта-*) с последующим выпадением *-м-* и образованием долготы с носовым оттенком.

ми монгол. образований с отрицанием *ügei / -гүй* (см.: Рассадин. МБЗ, *61*, а также **аргажок**, **магатчок** и др.). Тув. *опчок* сопоставимо с монгол. *ob ügei / овгүй* 'бесхитростный; неумелый, неловкий; нехитрый, прямодушный' (БАМРС II, *453*), которое в тув. языке могло подвергнуться переосмыслению.

Вместе с тем можно предположить, что тув. *опчок* имеет связь с какой-л. иной основой, также характеризующей поведение человека, какова, напр., кирг. *оп*, знач. которой в словаре не определено и которая употребляется в сочетании с отрицанием *жок* и в посессивной форме: ср. кирг. *обу жок* 'со странностями, несуразный, экстравагантный...' (КРС, *575*, **оп II**). По-видимому, та же основа употребляется и в сочетании с отрицанием *-суз*: ср. *опсуз* 1. 'очень, чересчур, сверх меры'; 2. 'неладно, нехорошо'; 3. 'безрассудный, бесшабашный' (КРС, *576*).

ор- 'рвать, разрывать (напр., бумагу)'.

Соответствий тув. *ор-* с той же семантикой не обнаружено, но, вероятно, с ним гомогенна тюрк. глаг. основа *ор-~ур-* (сравнительно мало распространенная) со знач. 'рыть, копать; размывать (о реке)'[1] (см.: ЭСТЯ I, *466–467*; СИГТЯ Л, *532*), в число соответствий которой в последнем из указ. источников правомерно включено тув. *ор-* (см. также: EW, *364*). Определенную аналогию родства *ор-* 'рвать' и *ор-* 'рыть' представляет генетическая связь между рус. *рвать* и *рыть*, причем в последнем случае именно второй глаг. связан с первым (Фасмер III, *452, 531–532*; Шанский и др., *386, 397*). В ситуации с глаг. основой *ор-* также допустима бóльшая древность знач. 'рвать' по сравнению с 'рыть'. См. также **орук I, II**.

Основа *ор-*, вероятно, членима (**о-р-*), где **о-* — корень, обозначающий отделение (см. **ой- I**, **ок- I**).

ораа- 'обертывать; завертывать, заворачивать; обвивать'; **ораалга** 'обертка; прокладка'.

Соответствия тув. *ораа-* имеют довольно широкое распространение, но существуют в вариантах без долготы гласного второго слога (*ора-* и под.). Отметим, что в статье ЭСТЯ, где рассматривается указ. глаг., тув. *ораа-* ошибочно приводится также в варианте *ора-*, т.е. без долготы (ЭСТЯ I, *469*).

У данного глаг. отмечены знач. 'наматывать, накручивать; обвивать, завертывать, пеленать, заворачивать', а также 'окружать, обступать, охватывать с обеих сторон; идти (ехать) кружным путем' и др.

Э.В. Севортян отмечал сравнительно позднее появление тюрк. *ора-*, на что указывает, в частности, отсутствие этой глаг. основы и производных от нее форм в памятниках ранее ст.-узб. (чаг.) языка. Вследствие этого и из-за того, что «корень глагола не выявляется из материала тюрк. языков»[1], Севортян склонялся к тому, чтобы считать *ора-...* заимствованием. Во всяком случае, у него не вызывает возражений версия Г. Рамстедта о монгол. происхождении указ. глагола (ЭСТЯ I, *469*).

Рамстедт отмечал у последнего монгол. соответствие типа *orija-~oruγa- / ороо-* 'обвязывать; свертывать кольцом, обертывать, обвивать; запутываться' и т.п., возводя тюрк. *ора-* к более старой монгол. форме (*orija-~oruγa-*) (Там же; EW, *364*), что, однако, вызывает сомнение: неясны, в частности, причины практически повсеместного превращения трехсложного монгол. слова в двухсложное тюрк. Кроме того, едва ли можно достаточно уверенно говорить о заметной древности монгол. формы по сравнению с тюрк. Таким образом, и возражения Э.В. Севортяна против исконности *ора-* сомнительны, а его монгол. соответствия могут, напротив, иметь тюрк. происхождение.

Думается, как монголизм может быть определен только тув. глаг. *ораа-* с его характерной долготой, которая либо отражает соответствующее качество гласного в совр. монг. *ороо-*, либо образовалась в результате изменения монгол. звукового комплекса типа *-иγа-* или под.

Монголизмом является и отглаг. имя *ораалга*, которому соответствует, в частности, п.-монг. *orijalγa* 'обертка; сети, путы' (Голст. I, *203*).

ораалаң *редк.* 'один из злых духов (в шаманизме)'.

Ораалаң упоминается в шаманском камлании наряду с такими «распространенными» злыми духами, каковыми являются *аза* и *бук* (КЛА, *233–234, 468*). Монголизм: ср. монгол *orolong / ороолон(г)* (< тиб.) 'упырь, вампир'; перен. 'очень шаловливый, проказливый' (БАМРС II, *494*).

ораалга см. **ораа-**.

орай I 'поздний'.

Ср. *орай~орой* 'поздний' в тюрк. языках Южной Сибири (РСл. I, *1049, 1053*), относимое к монголизмам (EW, *364*; Рассадин. МБЗ, *11, 37, 56*; ср. монгол. *orui/орой* 'вечер; поздний'). Определенным семант. своеобразием отличается тоф. *орай* 'поздно родившийся детеныш животного' или 'поздний, поздно родив-

[1] Гораздо большее распространение в тюрк. языках имеет именное соответствие данной основы, означающее 'ров, канава, яма' и др. (см.: ЭСТЯ I, *466, 467*).

[1] Такого рода суждение преждевременно, поскольку вопрос об указ. корне в достаточной мере не изучен. Думается, что вполне могла быть реальностью тюрк. именная основа **ор*, обозначающая изгиб, круг и т.д. Возможно, она прослеживается в *ор* 'холм; возвышенность', встречающимся в некоторых средневековых памятниках, а также в башк. *ур* 'круговая оборона', которые включены в число именных соответствий глагола *ор-* 'рыть' (см.: ЭСТЯ I, *466–467*, а также **ор-**), что вызывает сомнение.

шийся (о животном)' (Рассадин. МБЗ, *56*; ТРС-РТС, *53*), что могло быть результатом контаминации: см. **орай III**.

орай II *фолькл.* 'макушка, темя'; *перен.* 'лучшая часть чего-л. (напр., добычи)'; **орайлыг бөрт** [-өъ] *диал.* 'вид головного убора'.

Ср. *орай- ~ урай ~ орой* в части других тюрк. языков со знач. 'макушка, темя; завиток волос, вихры на голове...', которое, как предполагается, заимствовано из монгол. языков (ЭСТЯ I, *473*). Ср. монгол. *oroi / орой* 'вершина, верхушка, верх, макушка; темя; зенит; кружок, знак; шишка (на шлеме); крыша (дома)' (БАМРС II, *490–491*); ср. также знач. 'самая высшая точка' у калм. соответствия этого слова (ЭСТЯ I, *473*).

Думается, что тюрк. материалы не вполне однородны в плане лексической семантики и, возможно, происхождения. В частности, знач. 'макушка, верхушка, темя' представляют собой, скорее всего, результат монгол. влияния. Монгол. слово с этой и подобной семантикой, связанной с высотой, определенно исконное, незаимствованное. По мнению Б.Я. Владимирцова, п.-монг. *oroi* < **orai* 'вершина, макушка' < **or-* (семантика основы не приводится, но последняя сопоставляется, в частности, с п.-монг. *or-gil* 'вершина') + аф. *-ai* (Владимирцов. Ср. грамматика, *289*).

Вместе с тем знач. типа 'завиток, локон', специфичные для тюрк. (конкретно — кыпч.) языков едва ли могут быть результатом развития семантики 'макушка, темя' и под. Можно думать, что они исконно принадлежали тюрк. слову, по своей форме идентичному или близкому монгол. **orai*, с которым оно впоследствии частично контаминировалось. Очевидно, это тюрк. слово имело иную этимологию, чем монгол.[1]

Э.В. Севортян обратил внимание на версию происхождения алт. (тел.) *орой* 'вихор в волосах', которую предлагал В.В. Радлов и согласно которой оно является производным от *оро-* 'завернуть, обвязать' (+ аф. *-й*) (РСл. I, *1053*), но счел, что эта версия «нуждается в разъяснениях, которых у автора мы не находим» (ЭСТЯ I, *473*).

Между тем с учетом существования тюрк. глаг. основы *ора-* (~ *оро-*), означающей не только то, что указано выше, но также и 'накручивать, обвивать, наматывать' и т.п. (см. **ораа-**, а также: ЭСТЯ I, *469*), смысловая общность между указ. основой и названием локона, завитка и т.п. представляется достаточно ясной, а образование *орай...* с помощью аф. *-й* от того же глаг. — вполне вероятным. См. также **орай III**.

[1] Контаминация указ. тюрк. и монгол. именных форм отразилась и на семантике монгол. *oroi / орой*, у которого фиксируется знач. 'кружок', отразившее, по-видимому, тюрк. влияние. При этом имеется в виду, в частности, кружок, находящийся над объектом: ср., напр., связанное с монг. *орой* словосочетание *оройн дусал* 'диакритический кружок над буквой' (БАМРС II, *67, 491*).

С *орай...* 'завиток волос...' родственно и, возможно, одноструктурно алт. *орой* 'кругом, около чего-нибудь' (ГАЯ, *226*), имеющее также глаг. соответствие *орой-* 'обходить кругом' (ОРС, *117*).

Тув. *орай*, судя по его семантике ('макушка; темя'), — скорее всего, монголизм. С монгол. основой связано, по всей вероятности, и тув. *орайлыг бөрт* (название головного убора, при тув. *бөрт* 'головной убор, шапка'; см. **бөрт**), букв. означающее 'шапка, имеющая «орай»', где **орай* может быть сопоставлено с монгол. *oroi...* 'шишка (на шлеме)'.

орай III *тодж.* — ласкат. обращение к детям и подросткам; *диал. уменьш.-ласкат.* 'братишка, сестренка (о младших братьях и сестрах)'.

З.Б. Чадамба сопоставляет тодж. *орай* с хак. диал. *орай* 'колыбель, люлька; маленький, малолетний' (Чадамба 1974, *70*); ср. также хак. *орай ~ урай* 'младенец; колыбель' (ХРИЭС, *73*). Указ. сопоставление имеет под собой основание.

Можно полагать, что первичным знач. *орай...* было 'колыбель' (ср. аналогичный случай с тюрк. *бешик* 'колыбель; младенец, дитя') (см.: ЭСТЯ II, *122–123* и **балдыр-бээжек**). В свою очередь, *орай* 'колыбель...' — вероятное образование (аф. *-й*) от глаг. основы *ора-* 'завертывать' и под., означающей также, в частности в алт. и хак. языках, 'укутывать, пеленать (ребенка)' (ЭСТЯ I, *469*, а также **ораа-**); ср. **кавай**. С *орай* 'колыбель', по всей вероятности, родственно шор. *ораг* 'обертка, пеленка' (РСл. I, *1050*) (< *ора-г*) и наряду с ранее рассмотренным *орай* 'завиток...' (см. **орай II**) *орай* как название колыбели может считаться лексико-семант. вариантом одного многозначного слова и проявлением полисемии.

Орай 'младенец' могло использоваться и в знач. 'детеныш', о чем свидетельствует тоф. *орай* 'поздно родившийся детеныш животного', представляющее собой вероятный результат контаминации с *орай* 'поздний' (см. **орай I**).

орайлыг бөрт см. **орай II**.

орала- 'делать что-л. кое-как, с трудом'; **ора-сома** 'след, отпечаток, знак; общий вид; зародыш; задатки'.

В *орала-* и *ора-сома* прослеживается основа *ора*, которая как самостоятельное тув. слово не употребляется. Она, вероятно, является монгол. заимствованием и связана с монгол. *oru / ор* 'след; отпечаток; замена, замещение; заменитель, суррогат' (БАМРС II, *486*). Вместе с тем прямого соответствия глаг. формы типа тув. *орала-* 'делать что-л. кое-как...' на монгол. материале нам не встретилось: отмечен глаг. *orula- / орлох* лишь со знач. 'замещать, исполнять чьи-л. обязанности' (см. также **орала-лакчы**).

В тув. *орала-* отмечено усиление отрицат. оценочной семантики, что, возможно, объясняется сближением указ. глаг. по знач. с монгол. *oru / ор* ‘суррогат’, т.е. ‘работать не так, как следует, не по-настоящему, кое-как’ и т.п., или такая семантика могла раньше существовать и у монгол. *orula-*...

Семантика *ора*, более близкая к исходной, сохраняется в па́рном слове *ора-сома*, второй компонент которого восходит к тув. *сома* ‘общий вид чего-л., наметки, наброски’ и т.п., имеющему, по-видимому, тюрк. происхождение: см. **сома**.

оралакчы ‘заместитель’.

Один из поздних монголизмов: ср. монгол. *orulaγči / орлогч* ‘заместитель, исполняющий обязанности’ < *orula- / орлох* ‘замещать...’ (см. **орала-**).

оралдаш- ‘пытаться, стараться; добиваться, стремиться’.

Монголизм, который может быть сопоставлен с монгол. глаг. формой *oruldu- / оролдох* ‘стараться, усердно заниматься чем-л., усердствовать, добиваться чего-л., стремиться к чему-л.; хлопотать о чем-л.; возиться с чем-л.; пытаться, делать попытку, пробовать...’ (БАМРС II, *491–492*) < ? *oru- / орох* ‘входить; вступать; проникать, попадать’ и т.п. Монгол. форма, возможно, восходит к форме совместного залога с аф. *-ldo-*... от указ. глаг. основы. Во всяком случае, в приводимой выше словарной статье особо отмечены знач., истолковываемые как принадлежащие данной залоговой форме от *орох*, в том числе ‘вместе входить; вступаться; вступать в бой, бороться’ (Там же, *492*).

Причина появления аф. совместно-взаимного залога *-ш-* в тув. *оралдаш-* (*оралда-ш-*), где последний как бы дублирует близкий по характеру монгол. формант, неясна.

оран ‘страна, государство’; *поэт.* ‘земля, свет, мир; край; место’; **орун** ‘кровать, постель; место; сиденье’.

Ср. тоф. *орун* ‘место; след’, сойот. *оран* ‘страна’ (ТРС-РТС, *53*; СБРС, *87*), алт. *ороон* ‘страна, государство’ (ГАЯ, *226*); ‘страна, держава; царство’ (ОРС, *117*). В других тюрк. языках слово отмечено почти повсеместно в варианте типа *орун* со знач. ‘место, местность; площадь; местопребывание; постель, ложе, кровать; сиденье, трон’ и рядом других; тув. *оран* в статье ЭСТЯ пропущено.

Тюрк. *орун*... считается производным от глаг. основы *ор-* ‘класть, ставить, помещать’ (ЭСТЯ I, *477–478*). Его соответствия отмечены и в других языках, в частности в монгол.: ср. *orun / орон* ‘место, территория; страна, государство; местность...’, а также *oru*... ‘место, постель’, причем эти соответствия в ЭСТЯ не считаются тюркизмами (Там же, *478–479*; см. также: EW, *365*), хотя в других источниках монгол. формы истолковываются именно

как ранние заимствования (см.: ED, *233*; Щербак 1997, *130*; ЭСРДС, *428*), что, вероятно, ближе к истине.

Иногда отмечается, что отдельные тюрк. наименования, в свою очередь, являются монголизмами (очевидно, вторичными). Речь идет, как явствует из приводимого материала, о вариантах с широкими гласными второго слога и с семантикой типа ‘страна’ и под., которая для их тюрк. соответствий нехарактерна. Так, М. Рясянен к числу монгол. заимствований отнес тув. *оран* ‘страна, государство...’, а также як. (?) *ороон* то же (EW, *365*), языковая принадлежность которого указана, по-видимому, неточно: речь, скорее всего, идет об алт. слове (см. выше), хотя статус *ороон* как монголизма определен правильно (см. также: Рассадин. МБЗ, *11*). Монгол. (возможно, бур.?) происхождение имеет и сойот. *оран* (бур. *орон*) (СБРС, *87*). См. также последующие статьи.

В отличие от *оран* тув. и тоф. *орун* имеют тюрк. этимологию.

оран-бажың ‘жильё’.

Монголизм. Ср. монг. *орон байшин* ‘кров, жилище; квартира, жилой дом, помещение’ (БАМРС II, *493*). См. также **бажың**, **оран**.

оран-делегей *поэт.* ‘мир, свет’.

Вероятный монголизм. Полного монгол. соответствия указ. тув. па́рному слову не найдено, однако оба его компонента восходят к словам монгол. происхождения: см. **делегей**, **оран**.

оранныг ‘-значный’ (компонент названий чисел типа **ийи оранныг сан** ‘двухзначное число’, **хөй оранныг сан** ‘многозначное число’ и т.п.).

Ср. монг. *хоёр оронтой тоо* ‘двухзначное число’ и под. (БАМРС II, *493*: **орон** V), где *оронтой* (< *орон-той* < *орон* мат. ‘место, знак’) соответствует тув. *оранныг* и рус. *-значный*. Тув. названия указ. и подобных чисел, скорее всего, полукальки монгол. См. также **оран**.

оран-сава ‘жильё, помещение’.

Монголизм. Ср. монг. *орон сав* ‘помещение; жилище, здание’ (БАМРС II, *493*). См. также **оран**, **сава**.

оран-суур ‘стойбище, стоянка; кров’.

Оба компонента указ. тув. *оран-суур* связаны со словами, имеющими монгол. происхождение (см. **оран**, **суур**), но непосредственного монгол. соответствия тув. па́рного слова в источниках не обнаружено.

оранчок ‘гораздо, значительно’.

Тув. *оранчок* может употребляться и в знач. ‘очень’. Так, выражение *оранчок ыракта* имеет два варианта перевода: ‘гораздо дальше’ и ‘очень далеко, далеко-далеко’ (ТРС 1968, *325*); пред-

ставляет собой одно из образований с компонентом *-чок*, связанным с отрицат. частицей (ср. **опчок** и др.). Основа **оран* в тув. языке как самостоятельное слово не употребляется (по отношению к *оран* 'страна...' является омонимом; см. **оран, оранный**).

Возможно, искомая основа родственна с хак. диал. *орон* 'отдельный, -о; иной, другой' (ХРС, *130*), образованной от глаг. основы *ор-* 'рыть; копать; рвать' и под. (см. **ор-**) и, вероятно, гомогенной с хак. *орон* 'основное русло; фарватер' (ХРИЭС, *74*): см. алт. (тел.) *ор-* 'размывать (о реках)' (по РСл.; ЭСТЯ I, *467*). Судя по семантике хак. диал. формы *орон*, последняя могла и в более абстрактном виде выражать идею отделения, разделения и т.д., которая прослеживается в приводимых знач. *ор-* и *орон* 'основное русло'. В таком случае, тув. *оранчок* по своей первоначальной структурно-семант. характеристике могло быть близко рус. *безраздельно*, т.е. 'полностью, целиком' (принадлежать кому-л.), что, в свою очередь, входит в круг таких слов и их знач., как *сильно, значительно, немало* и т.п.

По-видимому, существует определенная общность между *оранчок* (< *оран чок*) и тув. *ара чок* 'не меньше, не менее', первый компонент которого связан с *ара* 'расстояние между кем-чем-л.; промежуток' <**ар-* 'разделять(ся), отделять(ся)' (ТСТЯ I, *143–144*; см. также **ара, арт**). Отметим, что в хак. языке, кроме *орон*, имеется его вариант *арон* 'отдельный, -о; раздельный, -о; другой, иной' (ХРС, *31*), означающий также 'отдел, подразделение; страна (чужая)' (ХРИЭС, *26*).

Нестандартный вокализм (огубление гласного второго слога при отсутствии этого качества у гласного первого) может свидетельствовать о вторичности варианта *арон*, возникшего в результате сближения формы *орон* с хак. образованиями, содержавшими основу **ар-*: ср. *ара* 'промежуток', *аргы* 'арык; канава', ? *арыг* 'остров на реке', а также диал. *ар-* 'выдалбливать в бревне выемку или паз', представляющее собой соответствие **ар-*.

оран-чурт [-уъ] 'страна'.

Ср. сойот. *оран-чуърт* 'местность' (СБРС, *87*). Парное слово, состоящее из компонентов, первый из которых восходит к монгол. слову (см. **оран**), а второй — к исконно тюрк. образованию, означавшему 'страна, край...' (см. **чурт**). В принципе *оран-чурт*... могло возникнуть самостоятельно как результат соединения синонимичных слов, но в этих случаях допустима полукалька монгол. парного слова типа монг. *орон нутаг* 'периферия; территория; страна' (при *нутаг* 'территория; область, регион' и под.) или его бур. соответствия *орон нютаг* (в случае с сойот. *оран-чуърт*).

ора-сома см. **орала-**.

орба [оъ] 'колотушка для шаманского бубна'.

Ср. тоф. *орпа ~ оърпа*, а также шор. *орба, орбу, орбак*, алт. *орбы* (Вербицкий 2, *223*), *орбо, орбуу, өрбу* (РСл. I, *1077, 1242*) то же, хак. *орба* 'орба — жезл шамана'; перен. 'посох с кольцами, исполняющий роль бубна у кызыльцев и качинцев' (ХРИЭС, *74*). Согласно версии В.М. Иллича-Свитыча, подобные тюрк. формы (приводимые не полностью) были заимствованы из «незасвидетельствованного уральского (южносамодийского) источника» (Иллич-Свитыч 1971, *262*; ср. также: ЭСРДС, *426*). Эти формы сопоставлены также с тюрк. глаг. *арба-* 'колдовать', с которым их напрямую связывал М. Рясянен, приводивший, кроме того, в качестве параллели финск. *arpa* 'жребий' (EW, *24*).

С тем же глаг. Рясянен сближал полов. *orbu* 'праща; катапульта' (EW, *364*), не приводя в пользу этого сближения никаких доказательств, хотя у данного слова, думается, допустима гомогенность с *орба*... В целом же сопоставление рассматриваемых форм с глаг. *арба-* (см. о нем: ЭСТЯ I, *168–170*) мало что дает в плане прояснения этимологии *орба* и его соответствий. Не доказано и их нетюрк. происхождение.

В свое время нами было высказано мнение, согласно которому *орба* < тюрк. *ор- ~ ур-* 'бить, ударять' (СТ. — 1973. — №1. — С. 124), в целом имеющее под собой основание, но нуждающееся в конкретизации и уточнениях. В частности, *орба* (<**орпа*) и его варианты образованы не от *ор-*..., а от его варианта **орп-*, где *-п-* — показатель интенсивности или частотности действия. Возможно, что этот формант имел иную функцию: указывал на имитативную природу **орп*[1]; ср. *сер-* и *серп-* в ЭСТЯ VI, *248*, а также **сербээ**.

Кроме того, глаг., означающий 'бить, ударять; бросать, стрелять...', фиксируется в основном с начальным гласным *у* (*ур-*). В ЭСТЯ, напр., у него не отмечено варианта *ор-* (ЭСТЯ I, *599–600*); ср., однако, *or- ~ ur-* в ДТС, *370* и *614*. Возможно, в древности вариант с начальным широким гласным у этой основы существовал и даже был исходным. На это может указывать существование тюрк. глаг. основы *ор-* 'жать, косить...' (см.: ЭСТЯ I, *468–469*), семантически определенно связанной с *ор-* 'бить'. Смысловая связь 'бить' → 'косить' прослеживается и у других тюрк. глаг.: ср. *как-, чал-* (ЭСТЯ V–1, *221*).

Впрочем, в плане вокализма соответствия тув. *орба* могут заметно варьировать, что, вероятно, отчасти отражает модифициров-

[1] Возможно, та же основа может быть прослежена в хак. диал. *орбаң* (< *?*орпаң*) 'колебательное движение, колебание' (ХРС, *129*).

ние гласных указ. основы (напр., по рядности): ср. алт. *өрбу* 'колотушка...' и кирг. *өрөөпкү-* 'учащенно биться от возбуждения (о сердце)' (КРС, *599*), др.-тюрк. (МК) *üri-* 'бить...' (ЭСТЯ I, *600*). Обращает на себя внимание также леб. (чалкан.) *ырбык* 'колотушка бубна шамана' (Баскаков 1985б, *227*) с узкими неогубленными гласными.

Другие различия *орба...* носят в основном морфол. характер и связаны с различными словообр. формантами и их вариантами: можно отметить такие аф., как *-а ~ -у ~ -ү* (*орба*, *орбу*, *орбы*, *өрбү*), *-ак ~ -ык* (*орбак*, *ырбык*), *-г* или *-гу* (*орбуу* < **орбуг*? **орбугу*?).

орбак 'рваный, дырявый'; **орук** *тодж.* то же.

Ср. як. *өрбөх* 'старьё, ветошь; тряпьё, тряпки'. Тув. *орук* — скорее всего, образование с аф. *-(у)к* от глаг. основы типа тув. *ор-* 'рвать...' (см. **ор-**), с которой может быть связано и тув. *орбак*, но по своей первоначальной структуре последнее, вероятно, не является образованием от указ. глаг. основы, хотя в принципе это допустимо: в частности, с помощью аф. *-мак*: **ормак* > *орбак*.

Однако *орбак* сопоставимо с *опрак* (*opraq*), характерным, главным образом, для тюрк. памятников, означавшим 'ветхий, изношенный' и 'одежда, тряпье' и производным от глаг. основы *опра-* 'изнашиваться, портиться' (см.: EW, *363*; ED, *13*, *14*; СИГТЯ Л, *474*). Ср. каз. диал. *опырак* 'щербина; дефект' (Аманжолов, *397*).

С др.-тюрк. *opraq* сопоставляется и як. *өрбөх* 'старье...' (Попов, *117*), хотя у *opraq* отмечаются варианты с переднерядным вокализмом, вроде чаг. *eprik* 'старый, изношенный'; ср. также чаг. *öpre- ~ öpren-* 'быть старым и изношенным' (ED, *13*, *14*). В свою очередь, *опра-* сопоставимо с тюрк. *опур-* 'рассекать; прорывать' и под. < *оп-* 'распадаться...' (ЭСТЯ I, *466*), у которого, возможно, имелось именное соответствие **оп*, реализованное в *опра-* < **оп-ра-*.

Тув. *орбак* — вероятный результат сближения формы *опрак* или подобной ей с глаг. основой *ор-* 'рвать' и осмысления *опрак* как образования от этой основы (с перестановками *-пр-* > *-рп-* > *рм-* (?) > *-рб-*). Нечто подобное имело место, кажется, уже в древности: ср. наличие у др.-тюрк. *opraq* вариантов *orpaq* и *urbaq* (ДТС, *371*, *614*), хотя в этом случае допустима обычная метатеза (как и в як. *өрбөх*?).

орбанды 'торос, ледяная глыба'.

Соответствий не найдено. Судя по форме, *орбанды* — одно из образований от глаг. основ с аф. *-нды* (< *-нты*) (см.: ИП, *171*). В данном случае производящая основа (**орба-*) не вполне ясна. Возможно, о ней дают представление др.-тюрк. *orpat- ~ ürpat-* 'поднимать дыбом, взъерошивать', *ürpak* 'взъерошенный; ершистый' и под. (ДТС, *371*, *627*; ср.: ED, *198–199*); см. также *урпей-*, *урпер-* 'становиться дыбом' и т.д., считающиеся производным от основы подражат. характера **урп* (ЭСТЯ I, *637*).

Др.-тюрк. *orpat-* — форма каузатива от **orpa-* 'подниматься дыбом...' (ср. **ürpe-* в указ. труде Дж. Клосона), которая в виде одного из своих вариантов могла послужить основой тув. *орбанды*.

оргаадай [оъ] 'женьшень'.

Монголизм. Ср. монгол. *orqudai* / *орхоодой* то же. Тув. *оргаадай*, очевидно, связано с совр. монг. вариантом слова. Сомнительна связь *оргаадай* с бур. *орхоодой* (см.: EW, *365*).

Монгол. слово, в свою очередь, является заимствованием, связанным с маньчж. *орхода* (< *орхо* 'трава...' + *да* 'глава') 'женьшень, царь-трава' (ССТМЯ II, *92*).

оргак I 'неаккуратный, небрежный (о человеке, который быстро изнашивает одежду)'.

Соответствия не выявлены. Тув. *оргак* — по всей вероятности, образование с аф. *-как ~ -гак* от глаг. основы *ор-* 'рвать' (см. **ор-**, **орбак**).

оргак II [оъ] 'хроническая болезнь'.

Соответствий не обнаружено. По аналогии с тув. *хоочу* 'хроническая болезнь', связанным с *хоочун* 'старый...' (см. **хоочу**, **хоочун**), подобная связь допустима и в случае с тув. *оргак*, где также предполагается существование основы, означающей 'старый, застарелый' или под. Возможно, о ее реальности свидетельствуют, напр., с.-югур. *ор* / *or* 'когда-то, в древности, прежде' (Малов. ЯЖУ, *82*; Тенишев. С.-югур., *194*), турк. *орал* 'пожилой, престарелый'.

Что касается тув. *оргак*, то его структура предположительно складывается из морфем **ор-ка-к*, где **ор* — именная основа, соотносительная с с.-югур. *ор*, *-ка-* (> *-га-*) — один из древних глаголообр. аф., а *-к* — имяобр. формант.

оргу [оъ] 'ровный'.

Ср. алт. *оргу* 'гладкий, ровный' (ТСГА, *273*), тоф. *оърho ~ оърhу* 'уступ, терраса на склоне горы; полка в шкафу'. Связь тув. и алт. слов с тоф. ощущается (в последнем случае речь идет об объектах с относительно ровной поверхностью). Можно полагать, что первичной является адъективная семантика, отмеченная в тув. и алт. языках и *оргу...* (< **ор-ку*) гомогенно с *орун* 'место; площадь; постель, кровать; скамья' и т.п., которое, в свою очередь, связывается с глаг. основой *ор-* 'класть, ставить, помещать' (ЭСТЯ I, *478*; см. также **оран**, **орун**).

Для указ. глаг. основы в большей степени характерен вариант с узким гласным (*ур-*), из-за чего, по-видимому, *ур-* ‘класть, располагать; накладывать’ и под. представлено среди знач. глаг. *ур-* ‘бить, ударять...’ (ЭСТЯ I, *599*), что едва ли обоснованно (ср.: Малов. ЯЖУ, *82*, *130*). В тув. языке соответствие *ор-* также отмечено в варианте *ур-*, о чем дает, в частности, представление словосочетание *эзер ур-* ‘положить седло на спину (лошади)’ (ТРС 1968, *440*).

оргумчу [оъ] ‘оргумчу’ (*широкая полоса красной материи, обертываемая ламами через плечо*).

Монголизм: ср. *orqimǰi / орхимж* то же < *orqi- / орхих* ‘бросать, кидать; набрасывать, накидывать’.

орду ‘дворец’.

Соответствия (основной вариант *орду*, более редкий — *орда*) широко распространены в памятниках и совр. тюрк. языках с рядом знач., старейшими из которых считаются ‘стан, лагерь (войсковой)’ ~ ‘лагерь хана’; часто фиксируется семантика типа ‘дворец’ и под. (ЭСТЯ I, *470–471*).

Э.В. Севортян возводил *орду* ~ *орда* к глаг. форме *орут-* ‘стоять или располагаться лагерем; останавливаться, располагаться на месте...’ и, таким образом, *орду* < **орут-у*, а *орда* < **орут-а* (ЭСТЯ I, *472*; СИГТЯ Л, *495*). Эпизодически встречается и именная форма *orut* ‘лагерь; лагерное расположение войска...’ *Орут-*, в свою очередь, считается родственным с *орун* ‘место...’ (СИГТЯ Л, *495*; см. также **орун**).

У тюрк. *орду...* имеются монгол. соответствия *ordu(n) / орд(он)* ‘резиденция правителя, дворец, лагерь...’, имеющие, скорее всего, тюрк. происхождение. Отмечаются и обратные заимствования из монгол. языков в тюрк. (ЭСРДС, *427*; СИГТЯ Пр, *459*). К числу таковых, по всей вероятности, принадлежит и тув. *орду*. См. **орду-дуган**, **орду-сүме**.

орду-дуган ‘монастырь’; **орду-сүме** *фолькл.* ‘дворец со всеми его постройками’.

Первый компонент указ. парных слов связан с *орду* ‘дворец’ (< монгол.; см. **орду**). Монгол. происхождение имеет и *-сүме* (в составе *орду-сүме*), соответствие которого в качестве самостоятельного тув. слова практически не встречается: ср. монгол. *süm-e / сүм* ‘храм, церковь (здание); дворец’. Возможно, что *орду-сүме* было заимствовано из монгол. источника целиком. Судя по наличию монг. *сүм орд* ‘дворец’ (БАМРС II, *143*), могло существовать и монгол. па́рное слово с обратным расположением его компонентов. Возможно также, что их расположение подверглось изменению в заимствующем (тув.) языке.

Что касается тув. *орду-дуган*, то его второй компонент может иметь связь со словом *дуган* ‘храм, собор, церковь (здание)’, монгол. или тиб. по происхождению: см. **дуган.** Монгол. соответствие тув. композиту в целом не найдено. Ср. монг. *сүм дуган* ‘небольшой храм, часовня’ (БАМРС II, *67*).

орду-сүме см. **орду-дуган.**

орлан ‘бойкий, живой; удалой, резвый’.

Полных структурно-семант. соответствий тув. *орлан* не обнаружено, но встречаются тюрк. словоформы, которые могут быть отнесены к числу гомогенных с рассматриваемой. Ср., напр., каз. *ор* в сочетании *ор теке* ‘козел-прыгун’ (при *теке* ‘козел’), *оргы-* ‘высоко прыгать’ (Кайдаров, *266*), *орт-* ‘делать прыжки’ (РСл. I, *1064*), кирг. *оргу-* ‘бить ключом (о воде), бурлить; подниматься, вздыматься; дыбиться, бугриться; резво прыгать, взбрыкивать’, *оргу-баргы* ‘(о человеке) неуравновешенный; невоздержанный, непостоянный’ (КРС, *577*), як. *оргуй-* ‘кипеть’ (ЯРС, *276*), башк. *ургы-* ‘бить (о фонтане), извергаться; бурлить, бушевать (о реке)’, тат. *ургыл-* ‘рваться, стремиться (вперед); бить ключом, клокотать (о воде)’, *ургыл* ‘быстрина’. Ср. также с.-югур. *уруста-* ‘вскакивать, подниматься’, *урук-* ~ *ornyq-* ‘подниматься’ (Малов. ЯЖУ, *131*; Тенишев. С.-югур., *194*). Возможно, к числу родственных с указ. форм относятся як. *орой* ‘шалун; шаловливый, резвый’ (Пек. II, *1870*), кирг. *орой* ‘раздражительный, вспыльчивый; грубый’.

В принципе все приводимые выше формы (как глаг., так и именные) могут быть связаны с именной основой типа каз. *ор*, обозначающей неудержимую энергию, направленную в основном вверх, или с вероятным глаг. соответствием указ. основы. Сказанное напоминает ситуацию с общетюрк. *өр...* ‘верх...’ и *өр-* ‘подниматься...’ в ряде источников (ЭСТЯ I, *542–543*; см. также **өрү**), но у данных основ не отмечается соответствий с заднерядными гласными, хотя и высказывается предположение об историческом сближении *өр...* с корнем-основой *ор*, означающей ‘холм, возвышенность’ (см. также **орай II**). Однако «является ли это сближение результатом конвергенции (либо контаминации) или более глубоких связей обеих основ, сказать трудно» (Там же, *542*).

В любом случае близость *өр* с *ор* едва ли случайна, тем более, что у последнего восстанавливается глаг. пара **ор-* ‘подниматься’ (см.: ЭСТЯ I, *473*), сопоставимая с *өр-* то же. Вероятно, появлению (и последующему распространению) *өр-* и *өр* предшествовало существование *ор-* и *ор*, имевших образно-экспрессивный характер и впоследствии практически вытесненных из активного употребления.

Дополнительную сложность, связанную с анализом тув. *орлан*, а также форм, которые могут быть родственны с ним, создает наличие у отдельных форм монгол. соответствий. Так, каз. *оргы-*

и под. соответствуют монгол. *orgi- / оргих* ‘взвиваться, подниматься; бить ключом, фонтаном, вскипать; извергаться; обдавать (напр., жаром), пыхать’ (БАМРС II, *487–488*). М. Рясянен в своем словаре из тюрк. соответствий *оргы-* приводил только як. *оргуй-*, которое им, вслед за Ст. Калужиньским, истолковывалось как монголизм (EW, *365*), что допустимо в данном случае, но едва ли может быть отнесено, в частности, к *оргы- ~ оргу-*... и другим тюрк. формам, которые, вероятно, исконные.

Монгол. заимствованием считал Рясянен и як. *орой* ‘шалун...’, хотя не связывал последнее с *оргуй-* и у него, кажется, вообще отсутствует монгол. прототип, и як. слово родственно с п.-монг. *oru-* ‘быть диким’ и *oroŋki* ‘дикий...’ (Там же), что не внушает доверия.

Среди рассматриваемых тюрк. и монгол. форм тув. *орлан* (< **ор-ла-н*) выглядит структурно изолированным, хотя в то же время его структура представляется достаточно ясной: оно выглядит как образование от глаг. основы **ор-ла-*, семантически близкой *оргы-* и его соответствиям, с помощью имяобр. аф. *-н*.

орна- ‘обменивать, выменивать’.

Ср. тоф. *орна-* ‘заменять, сменять, подменять; обменивать’ (ТРСРТС, *53, 193*); шор. *орна-* ‘менять, обмениваться’, *орнаш-* ‘обмениваться, меняться’, *орнаш* ‘обмен’ (ШРС, *36*); алт. *орнош-* ‘меняться’, *орнош* ‘мена’ (ГАЯ, *227*); хак. *орнас-* ‘обменивать что-л., производить обмен’ и *орнас* ‘обмен; меняла’ (ХРС, *130*; ХРИЭС, *74*). Указ. глаголы, в основном в форме совместно-взаимного залога (и их именные соответствия), обозначающие обмен, характерны для юж.-сиб. тюрк. языков (см. также: РСл. I, *1062–1063*).

Эти формы — производные от имени *орун* ‘место...’ (см. **орун**); они образованы с помощью аф. *-а-*. Их соответствия широко представлены в ряде тюрк. языков, а также в памятниках, но в основном с иной семантикой, нежели указ. выше: ‘помещаться, занимать место; занимать престол; поселяться, располагаться; обитать’ и др. (ЭСТЯ I, *479*).

Отметим, что тув. *орна-* формально включено в перечень соответствий, приводимых в данном источнике, однако знач. тув. глаг. не указано, а другие «сибирские» формы, приводимые выше, в этом перечне отсутствуют.

орну *разг.* ‘заместитель’.

По всей вероятности, монголизм, который родствен **оралакчы** (см.) и в то же время связан с *орун* ‘место’ (см. **орун**) или, точнее, с его монгол. соответствием. *Орну* < монгол. *orun-и / орны* ‘замещающий’ (ср. монг. *орны хун* ‘человек, замещающий кого-л.’), что представляет собой форму род. п. от *orun ор(он)* ‘место; вакансия’ (БАМРС, II, *490*). Тув. *орну* осмыслено как посессивная форма 3-го л. от *орун*. См. также **орала-**, **оралакчы**.

орнукшудулга ‘похороны’; **орнукшут-** ‘хоронить, погребать’; **орнукшу-турлагжы-** ‘поселиться, обосноваться’.

Соответствия в тюрк. языках, в частности, для глаг. основы *орнукшу-* и формы *орнукшут-* не найдены. Можно, однако, предположить, что *орнукшу-* в конечном счете связано с тюрк. *орун* ‘место’ и образованными от него глаг. основами, к числу которых принадлежит и тув. *орна-* ‘обменивать...’ (см. **орна-**).

Судя по семантике па́рного слова *орнукшу-турлагжы-* и знач. глаг. *турлагжы-* (‘обосновываться где-л., поселяться, располагаться на жительство’), первый компонент этого слова, который в наст. время в самостоятельном употреблении не отмечен (см.: Ондар. СПС, *90*), должен был первоначально означать нечто близкое семантике ‘обосновываться’ или под. Структурно оба компонента, по всей вероятности, также аналогичны друг другу, представляя собой отыменные глаг., образованные с помощью аф. *-чы- ~ -шы-*...

В случае с *турлагжы-* основа ясна: она восходит к *турлаг* ‘стоянка, становище, стан; приют, пристанище’ (см. **турлаг**). У первого глаг. компонента (*орнукшу-*), по-видимому, вычленима основа **орнук*, которая может быть сопоставлена с др.-уйг. *орнак ~ орнук* (по Дж. Клосону, *орнуг*) ‘постель’ (РСл. I, *1062, 1063*; ср.: ED, *235*), др.-тюрк. *ornay ~ ornaq* ‘сиденье; трон, престол; место, вместилище’ (ДТС, *371*), башк. диал. *урнык* ‘нары’ (Бhh, *194*). Эти формы образованы от глаг. основы *орна- ~ *орны-* ‘помещаться, занимать место; поселяться, располагаться; обитать в жилище, обосновываться’ и т.п. (ЭСТЯ I, *479*) (< *орун* ‘место’), семантически сходной с тув. **орнукшу-*, которую можно сопоставить с еще одной глаг. формой, также образованной (по В.В. Радлову) от основы типа *орун*: ср., напр., алт. диал. *орнык-* ‘занимать (свое) место; быть в порядке...’ (РСл. I, *1063*), хак. *орныхс-* ‘привыкать к одному месту, обосноваться на одном месте, обжиться’ (ХРС, *130*).

Отметим, что тув. **орнукшу-* по своей структуре и семантике близко к монгол. *orunji- / оронжих* ‘обзаводиться местом, домом, устраиваться в жилище...’ (БАМРС II, *494*), но прямая связь между этими формами, скорее всего, отсутствует.

Тув. *орнукшут-* может рассматриваться как форма каузатива от **орнукшу-*, означавшая ‘селить, определять на жительство, водворять кого-л. на (его) место’ или под., а впоследствии получившая свое совр. знач. в качестве эвфемистического. Не исключено, впрочем, что связь между **орнукшу-* и *орнукшут-* не является прямой, непосредственной, а общность этих форм друг

с другом может отражать многозначность производящей основы **орнук* и специфику семантики вариантов последней. В этом плане представляет интерес с.-югур. *орунук* 'неподвижно лежащий' (Малов. ЯЖУ, *83*), сохранивший узкий интервокальный гласный второго слога и трехсложную форму. Не связано ли *орнукшут-* с подобным вариантом?

Вместе с тем у тув. *орнукшут-* и образованного на его основе имени *орнукшудулга* также имеются сходные монгол. формы вроде *orušil / оршил* 'могила, кладбище; залежь', *orušiγul- / оршуулах* 'хоронить, погребать' и *orušiγulγa / оршуулга* 'похороны'. По всей вероятности, монгол. название могилы и кладбища *orušil / оршил* произведено от глаг. основы *oruši- / орших* 'находиться, существовать; располагаться; поселяться, водворяться, помещаться, иметь местопребывание...', а последняя довольно близка по семантике тюрк. *орна-* и, в свою очередь, была образована от монгол. варианта тюрк. *орун* (ср. также *orunǰi- / оронжих*, о которых речь шла выше).

Ср. также монгол. форму каузатива от *oruši- / орших*, каковой является *oršiγul- / оршуулах* 'поселять, водворять; помещать, класть', несомненным лексико-семант. вариантом которой является приводимая выше *orušiγul-*... 'хоронить', считающаяся омонимом к первой из указ. форм (БАМРС II, *502–503*).

Тув. глаг., образованные посредством аф. *-чы- ~ -шы-* (иногда с добавлением форманта каузатива *-т-*), в большинстве своем возникли относительно недавно (в их числе монгол. заимствования и кальки рус. глаголов: см. примеры в ИП, *266–267*), однако в случае с *орнукшут-* едва ли правомерно говорить об иноязычном происхождении данного глаг.: этому препятствует, в частности, наличие у него тюрк. основы **орнук*, о чем уже было сказано. Скорее, **орнукшу-* и *орнукшут-*[1] представляют собой арх. словоформы тув. языка, имеющие тюрк. происхождение, в отличие от сущ. *орнукшудулга*, вероятно воспроизводящего структуру монгол. *orušiγulγa / оршуулга*.

орнукшут- см. **орнукшудулга**.

орнукшу-турлагжы- см. **орнукшудулга**.

орта I [о́ртта] 'там, в том месте; тогда, в то время'.

Структурный аналог тув. *борта* [бо́ртта] 'здесь, сюда', тоф. *борта* 'вот здесь' (см. **борта**), который, очевидно, имеет общее происхождение с последним. Подобно тому, как *борта* родственно, в частности, тур. *bur(a)da* 'здесь, на этом месте', *орта* гомогенно с тур. *orada* (разг. *orda*) 'там, в том месте'. В свою очередь, тур. имена (нар.) представляют собой по своей структуре формы мест. п. (с аф. *-da*) от словосочетаний *bu ara* и *o(l) ara*, означающих соответственно 'это место' и 'то место'. Их первые компоненты восходят к мест. со знач. 'это' и 'то' (см. **бо**, **ол**) (см. также: ЭСТЯ I, *267–269*; Ашнин Ф.Д. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *bura* [бура] 'это место' // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С. 95 и след.).

В основном рассматриваемые тур. и другие огуз. формы имеют, естественно, пространственную семантику вроде 'там', но иногда у них отмечаются и параллельные им временные знач. типа 'тогда': см., напр., тур. *o arada* (где *o* соответствует тув. *ол*) 'в тот момент, тогда' (ТурРС 1945, *35*). Такую же пространственно-временную семантику имеет и тув. *орта*.

Как и *борта*, оно представляет собой один из арх. элементов тув. лексики, имеющих условно огуз. происхождение, но характеризуемых в то же время своей спецификой в звуковом облике: ср. наличие глухого геминированного *тт* вместо *д*, объяснение чему давалось в статье *борта*, а также «нестандартное» ударение на первом слоге, что́, как и в других немногочисленных подобных случаях (см. **бертен**, **бөгүн**), могло быть отражением логического ударения, падавшего в прошлом как раз на начальный, указ.-местоименный (дейктический) компонент подобных словоформ[1].

орта II [оъ] **1**. 'нормальный, психически здоровый'; **2**. 'нормально, как следует'.

Ср. тоф. *оърта* 'верно, точно, правильно, как следует, метко, прямо в цель', хак. *орта* 1. 'правильный'; 2. 'верно, правильно; прямо в цель', а также формы типа алт. диал. *орынду*, шор. *орыну-была*, *орду-ба*, выражающие знач. 'уместно, справедливо, законно; следует, до́лжно; точно, верно' (Вербицкий 2, *225*). Эти последние (нар.) формы произведены от имени *орын ~ орун* 'место' (см. **орун**), что подтверждается, в частности, семантикой подобных производных форм, приводимых другим источником: см. куманд., чалкан. *орындыг*, алт., тел. *орындуу* '[то], что находится на своем месте, имеет место; верный, справедливый; подходящий, должный, точный' (РСл. I, *1056*). Подобная связь знач. достаточно логична: место — это пространство, где (в идеале) происходит то, что оценивается как нечто должное, законное, у м е с т н о е.

По всей вероятности, и варианты типа *орта ~ оърта* родственны с *орун* и приводимыми выше образованиями от последнего, хотя сами эти варианты едва ли образованы от *орун* (кроме,

[1] Ср. явный монголизм *оршут-* 'хоронить' в речи тувинцев Западной Монголии, воспроизводящий морфол. структуру монг. каузатива *оршуулах* то же (ЦУ, *153*).

[1] Определенно ошибочным является сближение тув. *орта* 'там...' с тюрк. *орта*... 'середина' и под. (см.: ЭСТЯ I, *475*).

может быть, шор. *орду-ба*, структурно не вполне ясного), а, подобно ему, произведены (аф. *-та*) от *ор-* ‘класть, ставить, помещать’ (ЭСТЯ I, *478*), т.е. ‘находить для чего-л. свое место’.

Отметим, что подобным образом Э.В. Севортян этимологизировал другое слово: *орта* ‘середина; средний...’, констатируя вместе с тем, что к нему «относятся, по всей вероятности, и далеко отошедшие значения тув. [*орта*] ‘прямо в цель (при стрельбе)’, т.е. в середину, а также ‘правильный, верный; как следует, нормально’» (Там же, *474*, *475*). (Помимо пропуска тув. *орта*, у последнего указаны также в числе других знач., принадлежащие, скорее, его хак. соответствию и тоф. *оърта*.)

Можно согласиться с тем, что определенная смысловая общность между *орта* ‘середина’ и тув. *орта* (с его указ. соответствиями) имеет место, но семантика тув., тоф. и хак. форм едва ли имеет преемственную, логическую связь со знач. типа ‘середина’ (напр., ‘прямо в цель’ не означает ‘в середину’, как полагал Севортян). Предложенная же им версия происхождения обозначения середины больше подходит для тув. *орта* и его ближайших соответствий, тогда как *орта...* ‘середина’ и под. имеет другую этимологию (см. **ортаа**).

орта III [оъ] ‘как только..., в тот момент, когда...’.

Ср. тоф. *оъртак* то же. Варианты союза, обозначающего непосредственное следование одного действия за другим или их практическую одновременность. В связи с этим привлекает внимание каз. глаг. *орт-* ‘делать прыжки, скакать туда и сюда’ (РСл. I, *1064*; см. также **орлан**), в знач. которого отмечается компонент быстроты, прослеживаемый и в тув. *орта*, тоф. *оъртак*. *Орта* (< **орт-а*) могло восходить к слитному деепричастию на *-а* от глаг. основы, подобной каз. *орт-*; тоф. *оъртак* < **орта* + усилительная частица *ок*?

ортаа, **ортаагы**, **ортаакы** ‘средний, находящийся в середине’; **орту** [оъ] ‘середина; половина’.

Ср. тоф. *оърта* ‘середина’; *оъртаа ~ оъртаакии* ‘средний, находящийся в середине’; *оърту* ‘середина; половина’ (ТРС-РТС, *54*), а также общетюрк. соответствия в вариантах типа *орта* и *орту*, из которых первый является наиболее распространенным, а второй, возможно, — более древним. Их знач. — ‘середина, центр; половина; средний; неполный; посредственный; промежуток’ и др. (ЭСТЯ I, *473–474*).

Для тув. языка из отмеченных выше характерен только вариант *орту*, что отличает тув. от тоф., где употребляются как *оърту*, так и *оърта*. С *орта* могут быть связаны тув. *ортаа* и тоф. *оъртаа*, которые, вероятно, восходят к **ортагы* (Рассадин. Морфология, *100–101*), где *-гы* — аф., образующий прил. от сущ. и

впоследствии слившийся с основой в результате появления вторичного долгого гласного *аа* (*ортаа*). Как следствие этих изменений имели место частичная утрата внутренней формы слова и появление вторичных морфол. вариантов типа тув. *ортаагы ~ ортаакы*, тоф. *оъртаакии* (об аф. *-кии* см.: Рассадин. Морфология, *101*).

Кроме ранее указ. *орта ~ орту*, отмечены также варианты типа *отра ~ отру*, присущие как др.-тюрк. памятникам, так и отдельным совр. тюрк. языкам, в основном уйг. (ЭСТЯ I, *474–475*). Вопрос об отношениях между вариантами *орта ~ орту* и *отра ~ отру* нельзя признать решенным. Часть исследователей считают варианты второй группы вторичными (результатами метатезы *-рт- > тр-*) (см.: ED, *203–204*; Наджип. ХШ, *296*).

Э.В. Севортян первоначально предположил, что, напротив, форму *орта ~ орту* можно было бы рассматривать как результат фонетич. перестройки формы *отра ~ отру* и, таким образом, *орта < отра*, а *орту < отру*. Однако исследователь фактически отказался от этого предположения, выдвинув версию происхождения *орта...*, согласно которой последнее оказывается производным от глаг. основы *ор-* ‘класть, ставить, помещать’ и родственным *орун* ‘место’ (см.: ЭСТЯ I, *475*, а также **орун**).

Отметим, что данная версия не имеет убедительного обоснования. В частности, неясно, какова связь знач. ‘класть, ставить...’ и семантики *орта...* и существует ли она в реальности (ср. также **орта II**), тем более что нет ясности и по вопросу о том, какое знач. является для *орта...* исходным. Отсутствие убедительной этимологии *орта...*, а также *отра...* оставляет открытым и вопрос о характере связи между указ. формами.

Что касается исходной семантики *орта...*, то она, по всей вероятности, связана с идеей разделения, а также неполноты, части целого и т.п. Ср. такие знач. этого слова, как ‘промежуток’ (т.е. ‘пространство или время, разделяющие что-н.’: ОШ, *615*), ‘половина’, ‘неполный’. Середина в конечном итоге тоже одно из проявлений части чего-л. (‘средняя ч а с т ь’): ср. также определение середины как ‘промежутка между приблизительно равными частями чего-н.’ (Там же, *713*).

Г. Вамбери в свое время объединял как генетически связанные друг с другом тюрк. *ара* ‘между’ и *орта* ‘середина’ (см.: ЭСТЯ I, *476*). Едва ли можно согласиться с мнением об их родстве, но смысловая общность между этими формами бесспорна, а она может свидетельствовать об образовании *ара* и *орта* от основ с близкими или идентичными знач. Так, *ара* произведено от *ар-* ‘отделять(ся), разделять(ся)...’ (отметим, кстати, что у этого имени основной семантикой является ‘промежуток; расстояние меж-

ду двумя предметами' и под., а среди последующих знач. фиксируется 'середина' и под.: ЭСТЯ I, *162–163*; СИГТЯ М, *512*, а также **ара**).

Можно полагать, что и *орта ~ орту* образовалось (с помощью аф. *-та ~ -ты*) от глаг. основы **ор-* с семантикой разделения, которой в реальности соответствует тюрк. *ор-* 'рыть, копать; рвать, разрывать' (см.: ЭСТЯ I, *466–467*, а также **ор-**, **орук I, II**). С *орта ~ орту* одноструктурно и близко по семантике и звуковому облику тюрк. *йарты* (< *йар-ты*) 'половина', образованное от *йар-* 'рассекать; отделять; разрывать; рыть, копать' и т.д. (см.: ЭСТЯ IV, *135–136*, *145*, а также **чарты**, **чартык**).

Интересно, что и варианты типа *отра ~ отру*, о которых говорилось выше, также могли быть произведены от глаг. основы, семантически близкой к *ор-* (возможно, и родственной последней?), а не являться результатом метатезы. *Отра ~ отру* — вероятное образование с аф. *-а ~ -ы* от глаг. основы **отур-* (также с семантикой разделения: см. **одур-**, **ортулук**). См. также **ортан**, **ортун**.

ортаагы см. **ортаа**.

ортаакы см. **ортаа**.

ортан [оъ] **1**. 'средний'; **2**. 'середина' (*относится к названиям определенных отрезков времени, напр. месяца или времени года*); **ортун** [оъ] 'средний, находящийся посередине; средний по возрасту' (*среди детей*).

Ср. соответствия типа *ортан ~ ортон ~ ортун* 'средний' (ЭСТЯ I, *477*). Тув. *ортан* и *ортун* характеризуются особой временной специализацией семантики, чем заметно отличаются от других тюрк. языков, за исключением, возможно, тоф., где имеется *ортуң* 'средний (по возрасту)' (*ортуң оол* 'средний сын') (ТРС-РТС, *54*, *256*); ср. также алт. *ортон уул* 'средний сын' (ГАЯ, *226*).

По мнению Э.В. Севортяна, *ортан...* — производное на *-н* от глаг. **орта-*, в связи с чем следует отсылка к предыдущей статье ЭСТЯ I, где рассматривается происхождение слова *ортак*, имеющего ряд знач., в том числе 'компаньон (соучастник; издольщик; друг, товарищ, супруг)', и, подобно *ортан...*, считающегося производным от **орта-*. Семантика последнего, однако, не приводится и в этой статье: констатируется только, что «говорить или даже строить догадки о значении предполагаемого глагола **орта-...* трудно» (ЭСТЯ I, *476*, *477*).

Следует согласиться с тем, что и *ортан...*, и *ортак* являются отглаг. образованиями, но из этого еще не следует, что то и другое слово произведено от глаг. основы с одним и тем же

знач., тем более что для *ортак* оно столь трудноустановимо. В то же время для *ортан ~ ортун*, думается, реальна основа **орта- ~ *орту-*, означающая нечто вроде 'занять среднее положение, расположить в середине' (ср., напр., тоф. *орталан-* с подобной семантикой: ТРС-РТС, *54*).

ортолук [оъ] *тодж.*, **ортулук** [оъ] 'остров'.

Ср. тоф. *оъртулук*, алт. *ортолык*, хак. *олтурух ~ олтырых* то же; см. также: EW, *367*, где, кроме части указанных, отмечены такие варианты названий острова, как др.-уйг. *otruγ...* (~ совр. *otrau*, *utrau*, *ottyraγ*), а также характерное в основном для памятников *otrač* (ср., кроме того, сиб. тат. *утрач*).

Этимология в указ. источнике отсутствует. М. Рясянен практически ограничился замечанием об имевшей место контаминации юж.-сиб. тюрк. форм типа *ортолык* с тюрк. *орта*, *отра* 'середина' (Там же). Происхождение и структура *otruγ...* установлены, в частности, Дж. Клосоном, истолковывавшим его как производное от *utur-* (*otur*) с семантикой разделения, отделения (см.: ED, *65*, *67*, а также **одур-**, **орта**). От той же глаг. основы, очевидно, образовалась и форма *otrač* < **ot(u)r-ač*. Варианты типа *ортулук* в этой работе также не рассматриваются.

Э.В. Севортян включил часть из них (алт., алт. диал. *ортолык* и под.) в группу образований вроде *орталык ~ ортолук...* со знач. 'середина; окрестность; общество, люди...', которые отнесены к числу производных с аф. *-лык* от *орта* 'середина' (ЭСТЯ I, *476*), но, скорее всего, прямой связи между подобными формами с *ортолык* 'остров' и другими вариантами последнего (*ортолук ~ ортулук* и др.) не существует.

Применительно к *ортолык...* следует учитывать наличие у них близких соответствий в монгол. языках, в том числе монгол. *oltoriγ / олтриг*, бур. *олтирог*, *ольторог* 'остров, островок; архипелаг'. К подобным соответствиям, по всей вероятности, и восходят *олторык*, *ортулук* и под., в которых при освоении монгол. форм действительно могла иметь место контаминация с *орта* (но не с *отра*!) и *орту* 'середина...' (исключение составляют хак. варианты *олтурух* и *олтырых*, где сближение с тюрк. названием середины не произошло), и здесь М. Рясянен был близок к истине.

В свою очередь, монгол. формы — определенно тюркизмы, связанные с тюрк. *otruγ ~ *otrïγ*, которое при его освоении монгол. языками также могло претерпеть контаминацию (напр., с монгол. именем *olqan / олхон* уст. 'суша; холм' (см.: БАМРС II, *474*).

орту см. **ортаа**.

ортулук см. **ортолук**.

ортумак [оъ] ‘средний, посредственный, удовлетворительный; средний (о школе, образовании)’.

В ЭСТЯ (I, *476*) приведены тув. *ортумак*, хак. *ортымах*, с.-югур. *уртамак* ‘средний’ (последнее означает, кроме того, ‘средний палец’); упоминается также и о «других значениях сло́ва», которые в этом источнике не приведены, в том числе тув. ‘посредственный...’, хак. ‘середняк’. Отметим еще шор. *ортамык* ‘глуповатый’ (Вербицкий 2, *224*), бараб. *ортамык*, тел. *ортомык* ‘посредственный’ (РСл. I, *1070*, *1072*).

Э.В. Севортян считал, что наличие подобных форм свидетельствует о существовании у тюрк. именной основы *орта ~ орту* ‘середина’ глаг. соответствия, от которого аф. *-мак ~ -мык* как раз и образовано *ортумак ~ ортамык*, но знач. которого не указывается.

Думается, что наличие у *ортумак...* семантики типа ‘посредственный’ (+ ‘глуповатый’) позволяет по-иному взглянуть на структуру этих форм. В данном случае *-мак ~ -мык* могут быть вариантами аф. *-(а)мык...*, образующего отыменные прил. со знач. уподобления или неполноты признака: кирг. *каррымак* ‘старообразный’ (*карры* ‘старый’), др.-тюрк. *bozamuq* ‘сероватый’ (< *boz* ‘серый’) (ср. кирг. *бозомук* ‘сероватый’), узб. диал. *көкмек* ‘зеленоватый’ (< *көк* ‘зеленый’) (см.: АИ, *307*, *310*; Щербак 1977, *119*).

ортун см. **ортан**.

орук I см. **орбак**.

орук II ‘дорога, путь’; *шахм.* ‘линия, ход’; **орук-чирик** ‘путь, дорога’.

Ср. тоф. *орук* ‘дорога, путь, тропа; русло (реки, ручья); линия (в тетради)’, а также др.-тюрк. *oruq* ‘дорога, путь’, алт. *орык* ‘тропа’, хак. *орах ~ оргах* ‘тропа; тропинка, протоптанная дикими животными’, як. *орох* ‘тропа, протоптанная зверем; темная полоса (на спине лошади)’ и под., считающиеся с достаточным основанием производными от *ор-* ‘рыть, копать; рвать, разрывать’ (см.: ЭСТЯ IV, *218*; СИГТЯ Л, *531–532*, а также **ор-**).

Менее убедительно мнение о связи *орук...* с др.-тюрк. *or- ~ ur-* ‘бить, выбивать’ (Рассадин. Морфология, *74*).

Что касается *орук-чирик*, то, как отмечено в одном из указ. источников, «косвенно производность *oruq* < *or-* [‘рыть; рвать’] подтверждается тув. парное *oruq čirik* ‘путь, дорога’, ибо *čirik* ‘зазубрина, выемка, отверстие’ восходит к *čir-* ‘отколоть, сделать выемку’» (СИГТЯ Л, *532*, а также **чир-**).

Тув. *орук* I и *орук* II родственны друг с другом, но их совр. знач. далеко разошлись.

орук-суур ‘по дороге, в дороге, доро́гой; попутно’.

Первый компонент тув. *орук-суур* связан с *орук* ‘дорога, путь’ (см. **орук II**), но в целом указ. образование представляет собой, по всей вероятности, полукальку монг. *зам зуур* ‘по дороге, в дороге, доро́гой’, первая часть которого < монг. *зам* ‘путь, дорога’ (= тув. *орук*), а вторая < монг. *зуур* ‘доро́гой, по пути; в промежутке, в то время, когда...’ (БАМРС II, *241*), или, по другому источнику, ‘в промежутке, между, в мгновение, в пути’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *259*). Тув. *-суур* близок именно к совр. монг. варианту слова (ср. п.-монг. *jaγura*, но и в последнем отмечен конечный гласный, хотя и подвергшийся редукции (Там же) и на письме не обозначаемый (ср. бур. *зуура* ‘по дороге, в дороге, с дороги’).

В тув. *-суур* также ожидался бы гласный в ауслауте, но он отсутствует. Возможно, этот компонент сблизился со словом *суур* ‘село, поселок’ (также монголизмом: см. **суур**) и фонетически уподобился последнему.

орук-чирик см. **орук II**.

орулга ‘доход, приход, прибыль’.

Монголизм. Ср. монгол. *orulγ-a / орлого* ‘доход, приход; прибыль, выручка, поступление’ < *oru- / орох* ‘входить, въезжать; заходить, заезжать; вступать, поступать’ и др.

орун см. **оран**.

орус *сущ.*, *прил.* ‘русский’.

Соответствия в вариантах *рус*, *орус*, *орыс* то же имеют практически общетюрк. характер; ср. также монгол. *orus / орос* ‘русский’ и под. Рус. заимствование, связываемое с рус. *Русь* и/или *русский* (см.: ЭСЧЯ, *59*; EW, *365*; Хелимский 2000, *352*; ЭСРЗ, *514*). По-видимому, не все тюрк. варианты сло́ва восходят к указ. рус. словам. В частности, для части из них (напр., для тув. *орус*) вполне реальным является монгол. языковое посредничество. Ср. сопоставление тув. *орус* и п.-монг. *orus* Н.Ф. Катановым (Опыт, *34*, *125*).

ос см. **озаң**.

оскун- [оъ] ‘ронять; терять, утрачивать, лишаться; упускать’.

Ср. сойот. *оскын-* ‘утрачивать, терять, лишаться’ (СБРС, *87*). Реальна связь глаг. формы *оскун- ~ оскын-* с тюрк. основой *оз- ~ ос-*, означающей ‘обгонять, перегонять, опережать...’, а также ‘проходить мимо, удаляться, избегать’ и под. (ЭСТЯ I, *425*). Варианты этой формы, по-видимому, одноструктурны с тув. *ыышкын-* (<*ычкын-*), синонимичным с *оскун-*, связанным с основой *ыч- ~ ич-* ‘скрываться, избегать...’, но в отличие от *оскун-* имеющим широкий круг соответствий в тюрк. языках. Глаг.

ычкын- рассматривается как медиально-возвр. форма на *-н-* от **ыч-кы-*, которая, в свою очередь, интерпретируется как понудительно-переходная форма глаг. *ыч-* (ЭСТЯ I, *672–673*); см. **ышкын-**. Вероятно, такова же структура глаг. *оскун- ~ оскын-*. См. также **оспак**.

оспак ‘нелюдимый, замкнутый; уединенный’.

По всей вероятности, тув. *оспак* гомогенно с *озалааш* ‘находящийся в стороне, удаленный, отдаленный’, в конечном итоге генетически связанным с глаг. *оз- ~ ос-*, который означает, в частности, ‘проходить мимо, удаляться, избегать’ (см. **озалааш**, **оскун-**). Исходная форма *оспак* — вероятно, **оз-мак* (при аф. *-мак*). Своего рода соответствием тув. *оспак* может быть каз. *оспак* ‘намек’ (*оспакта-* ‘намекать, давать понять; добиваться от кого-л. признания в чем-л. окольными путями’); ср. каз. диал. *оспал* (< **оз-мал* ?) ‘намек’ (Аманжолов, *397*).

Более близким соответствием каз. *оспак* следует считать кирг. *осмок* или *осмок сөз* (при *сөз* ‘слово’), ‘предположение, неопределенное высказывание’ (ср. также *осмокто-* ‘действовать неуверенно’) (КРС, *582*).

от ‘огонь; очаг; свет, огонь (электричество); огонь, выстрел, стрельба’; *разг.* ‘спички’.

Ср. тоф. ‘огонь; костер’, а также соответствия общетюрк. характера *o:m ~ o:д ~ от* и под. со знач. ‘огонь, пламя; пожар; свет, дым…’, у которых отмечена единичная глаг. пара *от-* ‘опаливать шкуру в огне…’ и реконструирована основа **от-* ‘высекать огонь, разводить огонь’ (ЭСТЯ I, *483–484*). Эта реконструкция, однако, подверглась обоснованной критике (см.: СИГТЯ Л, *356*).

Этимология *от…* практически отсутствует, хотя исследователи неоднократно предпринимали попытки в плане его этимологизации (см.: СИГТЯ Пр, *833*), осуществляя, в частности, сопоставления алтаистического и ностратического характера (Старостин, *102*, *187*, *278*; Иллич-Свитыч 1976, *103–104*).

В последнем из указ. источников (с. 104) сделано предположение о том, что «исходная семантика связана с разжиганием огня»; в связи с этим обращено внимание на алт. ‘искра’, отмеченное на материале монгол. языков. Можно также предположить, что разжигание мыслилось как действие типа вздувания или раздувания огня, когда он поднимается кверху (как бы оживая). Слово *от…* могло первоначально означать нечто вроде ‘поднятый’ или ‘поднявшийся’. Эта основа может прослеживаться в составе таких образований, как чаг. *отаг* ‘мелкие перья, птичий пух’, с.-югур. *утаг* ‘чиновный человек (с шариком на шапке)’, сопоставляемое с уйг. (Хами) *отугат* ‘павлинье перо (и др. украшения на шляпе кит. чиновника)’ (Малов. ЯЖУ, *131*; см. также **одага**). Ср. также с.-югур. *уторма* — название красных перьев на чиновничьем головном уборе и вероятный вариант последнего *утурма* (Малов. ЯЖУ, *132*) < **от-ур-ма*. К числу сопоставляемых форм могут быть отнесены тув. *одуруг* (< **од- ~ *от-ур-уг*?) ‘выступ на склоне горы’ (см. **одуруг I, II**), як. (фолькл.) *одун*, употребляемое в составе сочетаний типа *одун халлаан* ‘вышнее (т.е. ‘верхнее, высшее’. — *Б. Т.*) небо’ (при *халлаан* ‘небо’) и др. (ЯРС, *267*). Ср. **өрт**.

оттул- см. **ода- I**.

оттур- см. **одуг**.

охаай, охалай [оъ] *межд.* ‘вот-вот, вот-так, так-так!’.

Ср. также тодж. варианты *оъгай, оъдай* то же (Чадамба 1974, *79*). Вариант *охалай* представляет собой, по-видимому, результат соединения двух межд.: *ох*, выражающего радость, восхищение, и *алай* или *олай*, первое из которых отмечается в ряде тюрк. языков со знач. ‘так, такой, да!’ (см.: ЭСТЯ I, *132*), а второе — в частности, в каз. (‘так’: *олай ет!* ‘делай, поступай так!’) (РСл. I, *1083*; Кайдаров, *267*).

Тув. *охаай*, возможно, < *охалай*, однако следует заметить, что в тюрк. языках встречается и межд. типа *охай* ‘ой, как хорошо (приятно, мило)!, так его!, давно бы так!’, связанное, по всей вероятности, с *ох*. К подобной форме могут восходит как *охаай* (в таком случае, долгота гласного у него носит эмфатический по происхождению характер; ср. также *оош*), так и его тодж. вариант *оъгай*, сохранивший краткий гласный *а* и претерпевший озвончение интервокального *х*, который в целом для тув. слов в этой позиции малохарактерен (как и переход *г > д* в варианте *оъдай*).

охалай см. **охаай**.

очалаң [оъ] ‘перевоплощение (в буддийской религии)’; *перен.* ‘мучение, мука; ярмо, иго’.

Монголизм: ср. монгол. *orčilang / орчлон(г)* ‘вселенная, мир, окружающий мир; свет, весь мир’; уст. ‘бренный мир’; рел. ‘круговорот перевоплощения души’; филос. ‘круговорот бытия, материальный мир’; ‘земная жизнь, юдоль’ (БАМРС II, *501*), т.е. ‘жизнь с ее заботами, печалями и страданиями’ < *orči- / орчих* ‘вертеться, вращаться’. Ср. также тув. диал. *орчалаң* ‘вселенная’ (ЦУ, *153*). См. **очулга**.

очулга [оъ] ‘перевод (с одного языка на другой)’; **очулдур-** [оъ] ‘переводить (с одного языка на другой)’; **очулдурукчу** [оъ] ‘переводчик’.

Поздние монгол. заимствования, претерпевшие фонетич. и структурные изменения: так, *очулга* может быть сопоставлено с монгол. *orčiγulγa / орчуулга* ‘перевод’ < *orčiγul- / орчуулах* ‘перево-

дить' или первоначально 'вращать, вертеть, кружить...'. Данный глаг. — форма каузатива от основы *orči- / орчих* 'вертеться...' (см. **очалаң**).

Тув. *очулга*, возможно, было вторично сближено с другим образованием от указ. глаг. основы, а именно с монгол. *orčil / орчил* 'круговорот, кругооборот, вращение...', что повлияло на характер гласного второго слога (долгого в монг. *орчуулга* и краткого в тув. *очулга*).

Обе формы построены как бы по одной модели: как образования с аф. *-лга*, хотя *очулга*, пожалуй, лишь внешне походит на такие образования. Судя по тув. *очулдур-* и *очулдурукчу*, компонент **очул* в них (и в *очулга*?) мог быть осмыслен как некая глаг. основа, примерно соответствующая монгол. *orči- / орчих* (см. выше), а монгол. аф. каузатива *-γul- / -γул-* (в *orčiγul- / орчуулах* был заменен в *очулдур-* и *очулдурукчу* одним из тув. (тюрк.) соответствий этого форманта: *-тыр-...* в варианте *-дур-*.

В целом же обе эти формы — своего рода полукальки указ. монгол. залоговой формы и созданного на его основе имени деятеля *orčiγuluγči / орчуулагч* 'переводчик' (ср. также эту форму в знач. 'вращающий, вертящий') (БАМРС II, *502*).

очулдур- см. **очулга**.

очулдурукчу см. **очулга**.

ош 'пророчество, предзнаменование (обычно плохое, дурное)'; **ошта-** 'пророчить, предвещать, предсказывать (обычно что-л. дурное), накликать, «каркать»'; **оштуг кижи** 'лжепророк'.

Ср. тоф. *ошта-* 'ворожить, предсказывать, прорицать' (ТРС-РТС, *54*); других близких соответствий не обнаружено. Однако, думается, что тув.-тоф. формы и в первую очередь тув. *ош* можно связать с распространенным в тюрк. языках сущ. *окуш...* 'чтение, учение; книга' (см.: ЭСТЯ I, *440*; РСл. I, *998*, *1017*). Последнее — образование на *-ш* от *оку-~окы-...* 'громко произносить, громко читать, читать; читать молитвы над больным, молиться (+ кирг. 'заговаривать — о знахарском способе лечения'); звать, громко звать, призывать, кликать, окликать, вызывать заклинаниями (богов, демонов и др.)'... (ЭСТЯ I, *440*; ED, *79*), которое Э.В. Севортян, в свою очередь, производил от именной основы *ок* 'крик; голос; слово'.

Относительно *окуш* и других образований от *оку-...* Севортян отмечал, что они базируются на вторичных знач. этой глаг. основы (ЭСТЯ I, *441*), но в принципе *окуш* могло возникнуть в древности и ранее употребляться в знач. типа 'пророчество, ворожба' и под., причем, как отмечается в семантике тув. *ош* и образованиях на его основе *ошта-* и *оштуг* [*кижи*], зачастую подобные речевые «действия» приносили нежелательный результат; ср. рус. *накликать* 'навлечь (что-л. дурное) разговорами, предсказаниями' (ОШ, *384*).

Преобразование *окуш > ош* для тув. языка вполне реально (см. также **ос**). В тоф. согласный, восходящий к интервокальному *к*, в основном сохраняется, хотя и в измененном виде, выпадая лишь в единичных случаях (ср. **төдү**), где можно предположить наличие тув. заимствований (что, возможно, имело место и в тоф. *ошта-* 'ворожить...').

ошка- см. **оглан-**.

ошкаш- [оъ] *диал.*, **ушкаш-** [оъ] 'садиться вдвоем или втроем на одно верховое животное'.

Ср. в других (в основном — юж.-сиб.) тюрк. языках глаг. *учкаш-~ушкаш-~ошкаш-...* (с преобладанием вариантов, имеющих начальный *у*) 'садиться вдвоем на одно верховое животное; садиться сзади всадника...', связываемый с алт. глаг. основой *оч-* 'сидеть'. Аф. *-ка-* в *ошкаш-...* — показатель учащательности (интенсивности), *-ш-* — формант со знач. совместности (ЭСТЯ I, *613*).

В ЭСТЯ приводится также версия А. Йоки, сближавшего глаг. *учкаш-* с сущ. *уча~уːжа* 'задняя часть, крестец; спина', но к ней не дается комментария. Между тем применительно к рассматриваемому случаю речь может идти, скорее всего, о контаминации форм **очкаш-* и *уча...*, что объясняло бы численное преобладание у анализируемой глаг. формы вариантов с *у-*. В тув. языке отмечены варианты *ошкаш-* (более древний) и *ушкаш-*.

В ЭСТЯ не представлены другие формы рассматриваемого глаг., в частности восходящие к каузативу, вроде тув. *ушкар-* 'сажать кого-л. верхом позади или впереди себя', у которого, кажется, не отмечено варианта типа *ошкар-*; см. **ушкар-**.

ошкаш [оъ?] *диал.*, **ышкаш** [ыъ] 'подобный; подобно, как, словно, вдруг'.

Тув. *ошкаш~ышкаш* связано с общетюрк. глаг. основой *ог-ша-~окша-* 'быть похожим, подобным, походить; годиться, быть подходящим' и под., отсутствующей в тув. языке. В свою очередь, последняя образована (аф. *-ша-*) от *ок* (< **ог*) 'подобный, похожий'.

Тув. *ошкаш~ышкаш < *ог-ша-ш* (с метатезой *кш > шк*) вместе с его соответствиями относится к наиболее распространенному образованию (аф. *-ш-*) от указ. глаг. основы; оно означает, в частности, 'похожий, схожий, подобный, одинаковый', выступая в некоторых тюрк. языках также в функции послелога ('подобно...') (см.: ЭСТЯ I, *419–420*). Тув. *ышкаш* — редкий, практически единичный случай перехода *о- > ы-*.

ошта- см. **ош**.

оштуг кижи см. **ош**.

от ‘трава’; **откар-** ‘пускать на подножный корм; кормить травой’; **оътта-** ‘щипать траву, пастись’.

Ср. тоф. *от* ‘трава (как подножный корм)’, а также общетюрк. соответствия в основном варианте *от* и со знач. ‘трава, растение; растения, служащие кормом для скота; корм (для скота); сено; сорная трава; целебная трава, лекарственное растение; ядовитое растение, отрава’ и т.д. (ЭСТЯ I, *481–482*).

Этимология неясна. В ЭСТЯ не предложено никакой версии. Та же ситуация наблюдается и в других этимологических словарях (см.: EW, *366*; ED, *34–35*). В конце 60-х гг. XX столетия А. Рона-Таш интерпретировал *от* ‘трава...’ как индоевропеизм (в частности, как тох. заимствование). Эта версия была воспроизведена и практически поддержана Л.В. Дмитриевой (ОСЛАЯ, *172*), затем от этой версии отказавшейся[1]. Тем не менее последняя приводится в одном из недавних трудов (СИГТЯ Л, *120*).

Вероятно, *от...* не является заимствованием в тюрк. языках. Не случайно оно (как исконное) фигурирует в алтаистических сопоставлениях с его предполагаемыми монгол. и тунг.-маньчж. соответствиями (Дыбо, *10, 45*), притом что само по себе такое сближение спорно. Так, монгол. **ota* ‘лекарство’ (? ‘растение, трава’) (см.: EW, *366*), скорее всего, тюркизм[2], а тунг.-маньчж. **okto* ‘лекарство’, возможно, не имеет прямого отношения ни к монгол. **ota*, ни к тюрк. **ot*. Во всяком случае, реконструкция праалт. **okta* ‘трава’ (Дыбо, *10*) нуждается в доказательствах.

Может быть, к числу наиболее древних знач. тюрк. *от* принадлежат ‘трава (растение) как подножный корм’ и ‘сорная трава, сорняк’ или под. (ср. алт. *от* ‘дикая трава, которая вырастает в хлебе’: ГАЯ, *227*). С указ. семантикой связано появление производных от *от* глаг. форм *отар-* ‘пасти, кормить скот’, *откар-* ‘кормить скот травой или сеном; пускать скот на пастбище’ (РСл. I, *1106, 1111*), хак. *отхар-* ‘кормить сеном (скот, лошадь); давать корм’, др.-тюрк. *otgar-* ‘пасти (скот)’ (АГ, *260*; ED, *48*) с аф. *-ар- ~ -гар-* (см. также тув. *откар-* с приведенными выше знач., тоф. *откар-* ‘пасти скот; пускать скот на подножный корм’) или тув. *отта-*, тоф. *оътта-* ‘щипать траву, пастись’ (< **от-ла-*; ср. *отла-* ‘пастись’; *‘потравить, пасти’: АГ, *210, 467*; ED, *57*) с аф. *-ла-*. Отметим, что семантика ‘потравить’ (= ‘истребить пастьбой’) как реальность существует наряду с ‘пасти’ у азерб. *отар-* (ЭСТЯ I, *483*).

Среди образованных от именной основы *от* глаг. отмечается, кроме того, форма с аф. *-а-* (*ота-*), получившая значительное распространение, но не имеющая тув. соответствия (ср. **ода- II**). Его более старым знач. Дж. Клоусон считал ‘срезáть траву’, а более новым и специализированным — ‘выдергивать сорняки’ (ED, *42*), что в рус. источниках истолковывается в основном как ‘полоть’; ср. алт. *ото-* ‘пастись’ (ЭСТЯ I, *482*). Э.В. Севортян восстанавливал для *ота-* «исходное двусоставное значение... ‘удалять’ + ‘трава’, на базе которого затем развивается современное значение ‘полоть’, т.е. удалять из посевов или посадок всякие посторонние растения вообще» (АГ, *225*).

Само наличие нескольких подобных близких друг другу по своей семантике глаг., образованных от основы *от* ‘трава’, может указывать на исходное знач., в значительной степени аналогичное тому, которое фиксируется у рус. *трава*: «Трава — буквально “то, что тратится, потребляется, съедается”» (Шанский и др., *448–449*). *Трава* связывается со славянским *traviti*, означавшим, в частности, ‘тратить’, а у некоторых его соответствий отмечается знач. ‘кормить травой’ (Фасмер IV, *92*); ср. также ‘делать потраву’ у рус. *травить*.

Тюрк. *от* первоначально обозначалось то, что отделялось, удалялось (знач. типа ‘пасти(сь), щипать траву, полоть’ и др.). Не случайно в связи с этим наличие у *от* знач. ‘сено’, т.е. ‘скошенная и высушенная трава’. С *от* ‘трава’ определенно родственна глаг. форма, представленная др.-тюрк. *отур-* ‘обрезать волосы’ и его немногими совр. соответствиями, в том числе тоф. *оътур-* ‘ровно подрезать, стричь...’ (см. **одур-**). Структура этой формы не вполне ясна, но последняя может быть образованием от основы **от*, связанной с отделением, удалением и родственной с *от* ‘трава’. Эта основа также может быть членима (< **о-т*; о глаг. основе **о-* см. **ой- I, ок**).

откар- см. **от**.

оътта- см. **от**.

оюк 1. ‘пробитый; дырявый’; **2.** ‘пробоина; дыра, отверстие’; **оюкделик** ‘неровный, неодинаковый по высоте (напр., о хлебах, стоящих на корню)’.

Ср. соответствия типа *ойук ~ ойык* ‘впадина, углубление; прорубь; долбленый...’ во многих тюрк. языках; *ойук...* считается старейшим именем, произведенным от глаг. основы *ой-* ‘выдалбливать’ и др. (см.: ЭСТЯ I, *426–427*, а также **ой- I, ойбак**).

[1] В своей более поздней публикации Л.В. Дмитриева отмечала, что древние контакты тюрков и тохаров «не исключают и проникновения тюркизмов (~ алтаизмов) в тохарские языки, а не только обратный процесс» и теперь она склоняется к тому, что слово *от* входит в алт. наследие. См.: Дмитриева Л.В. К вопросу о маргинальных ареалах тюркской растительной лексики // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. — Л., 1978. — С. 49.

[2] См. об этом, в частности, публикацию Ю. Дмитриевой в сб.: Исследования по [illegible] и фразеологии чувашского языка. — Чебоксары, 1982. — С. 20.

В случае *оюк-делик* первый компонент пáрного слова связан с *оюк* (*ойук*), а второй, не употребляемый в качестве самостоятельного слова, сопоставим с формой *делик ~ телик* в других тюрк. языках < *дел-*... ‘продырявливать...’ (ЭСТЯ III, *185–186*).

В тув. языке *делик* употребляется также в качестве второго компонента другого пáрного слова: см. **дежик-делик**.

оюк-делик см. **оюк**.

оюлган *мед.* ‘язва’.

Причастие прош. времени от *оюл-* (*ойул-*), формы страд. залога *ой-* ‘пробивать, делать отверстие...’ (см. **ой- I**), означающей ‘становиться дырявым...’. *Оюлган* ‘язва’, букв. ‘продырявленный’, в дальнейшем претерпела субстантивацию и стала названием болезни. Соответствий в других тюрк. языках не обнаружено.

оюн ‘игра; шутка’; ? **ояр** *диал.* (*Тере-Холь*) ‘самая крупная щука’.

Ср. тоф. *оин* (*~ оэн ~ өөн*) ‘игра, игрище; ток (тетеревиный или глухариный); нерест (рыбы)’ и соответствия общетюрк. характера в вариантах *ойун ~ ойын*... ‘игра, забава, шутка, потеха; пляска, танец; резвость, бодрое состояние; шаманское камлание и его части’ и под. *Ойун*... считается производным от глаг. *ой-*, означающего ‘играть; прыгать, скакать’ и др., и образовано аф. *-(у)н* (ЭСТЯ I, *435–436*, см. также **ойтулааш**). В указ. источнике приведен также ряд образований от той же глаг. основы, но с другими аф. Возможно, и диал. название самой крупной щуки связано с тем же глаг. в его причастной форме на *-ар* (*ойар*), первоначально означавшей ‘играющий, прыгающий’ или нечто подобное (ср. **байлаң, балык**): неслучайна связь тоф. *оин*... с определенным «поведением» рыб (знач. ‘нерест’).

оюн-баштак ‘шутка, игра’.

См. **баштак, оюн**.

оюн-сылдаг, оюн-сылдак [-ыъ] ‘шутка’; **оюн-тоглаа** ‘массовые игры, гулянья’.

Первый компонент указ. парных слов связан с *оюн* ‘игра...’ (см. **оюн**). *Оюн-тоглаа* имеет тув. глаг. соответствие *ойна-тогла-* ‘веселиться, забавляться...’, первый компонент которого восходит к глаг., образованному от именной основы *оюн*, названной выше, а второй, напротив, представляет собой по происхождению производящую основу для *-тоглаа*, в совр. тув. языке как самостоятельное слово не употребляющуюся. Мы констатировали также, что указ. глаг. является монголизмом (см. **ойна-тогла-**). К монгол. заимствованию восходит и *-тоглаа*, по форме наиболее близкий к бур. диал. *тоглоо(н)* ‘развлечение, игра’ (ср. монгол. *toylayata / тоглоом* то же).

Можно полагать, что в прошлом тот вариант слова, к которому восходит тув. *тоглаа*, был распространен более широко. С учетом истории тув.-монгол. языковых связей в данном случае трудно допустить бур. источник заимствования.

Глаг. соответствие может быть прослежено и в случае с *оюн-сылдаг ~ оюн-сылдак*: оно отразилось, в частности, в нар. форме *ойнай-сылдай* ‘как бы шутя, в шутку...’ < **ойна-сылда-* ‘шутить...’. Эта основа, как и предыдущая, включает в свой состав первый компонент *ойна-*. Вторым является глаг. **сылда-*, по-видимому близкий по своей семантике *ойна-* и самостоятельно не употребляемый. Его происхождение рассматривается выше: см. **ойнай-сылдай**. Компоненты *-сылдаг* и *-сылдак* по своей семантике, очевидно, близки *оюн* и восходят к образованиям от **сылда-* с аф. *-г* и *-к*; соответствий среди слов тув. языка они, видимо, не имеют.

оюн-сылдак см. **оюн-сылдаг**.

оюн-тоглаа см. **оюн-сылдаг**.

оюрза- см. **ноюрза**.

оюс- см. **ой- II**.

оюш- см. **ой- II**.

оюшкак см. **ой- II**.

ояар ‘очень похожий, вылитый’.

Неясная форма; соответствия неизвестны. Нет ли связи с тюрк. глаг. основой *уй-*... ‘следовать за кем-л., повиноваться; соответствовать, подходить, приходиться по размеру, согласовываться; походить, быть похожим, подобным...’ (см.: ЭСТЯ I, *573–574*)? Однако сближение *ояар* [ойаар] и *уй-* встречается с препятствиями фонетич. и отчасти, возможно, структурного характера. В частности, в тюрк. языках у данной глаг. основы повсеместно фиксируется начальный *у*. Кроме того, она варьирует по признаку *д ~ з ~ j*, причем в тув. следовало бы ожидать в первую очередь варианта с интервокальным *д* (**одаар*?), а не с *-j-* (хотя в порядке исключения встречается и последний: см. **айыыр**). Неясна также структура *ояар* и, вероятно, возникшая на стыке морфем долгота гласного *а*. Можно предположить, что тув. слово восходит к форме причастия на *-ар* от глаг. основы **ойа-*, которая в свою очередь образована от именного соответствия глаг. *уй-*, отмеченного в ЭСТЯ (I, *574*). В таких ситуациях для указ. тув. причастной формы характерно появление долгих гласных на стыке глаг. основы и аф. (см.: ИП, *303–304*). Отметим, что ни основа *уй- ~ уд-*, ни производные от нее слова не фиксируются ЭСТЯ в тюрк. языках Сибири, и, вероятно, тув. *ояар* в этом плане занимает обособленное положение. «Йотовый» вариант этой основы характерен в основном для огуз. и кыпч. языков, а форма *ояар* могла быть заимствована из какого-то из них, претерпев при этом указ. выше изменения.

ояк ‘уединенный; находящийся в стороне от кого-л.’; **ояктал-** ‘уединяться; сторониться’.

Как у имени *ояк*, так и у производной от него глаг. формы (с аф. страд. залога *-л-*) *ояктал-* < *ойак-та-л*, бесспорных соответствий в других языках не обнаружено.

Ояк — возможно, образование на *-(а)к* от основы *ой-* ‘обходить (объезжать) стороной’ (см. **ой- II**). Не исключено, что не случайно сходство (в формальном отношении практически тождество) тув. *ояк* (с указ. семантикой) и кирг. *оёк* ‘та сторона, то место’ ~ *ояк* ‘та сторона’ (KPC, *560*, *586*), восходящее к сочетанию *о як*, где *о* — вариант указ. мест. *ол* ‘тот’ (см. **ол, ола-**), и сущ. *як* ‘сторона; край...’ (см. о нем: ЭСТЯ IV, *82*). Зафиксирована также кирг. форма, па́рная к отмеченной: *быяк* ‘эта сторона’, где *бы* восходит к мест. *бу* ~ *бо* ‘этот’ (KPC, *174*). Форма типа кирг. *оёк* ~ *аяк* в принципе могла быть заимствована тув. языком и подвергнуться в нем переосмыслению.

ояктал- см. **ояк**.

оялык ‘поляна в лесу’.

Прямых соответствий в других языках не обнаружено. *Оялык* родственно *оймак* ‘прогалина, поляна’ и подобно ему связано с глаг. основой *ой-* ‘выдалбливать, делать выемку...’ (см. **ой- I, оймак**), однако в случае с *оялык* эта связь, скорее всего, не является прямой, непосредственной. Возможно, тув. слово — образование от именной основы **оя* [*ойа*] с аф. *-лык* (ныне мертвым формантом в тув. языке), структурно сходное, напр., с тоф. *оймалык* ‘маленькая полянка в лесу’ (<**ойма-лык*), где **ойма* восходит к производному от *ой-* ‘выдалбливать...’ и имеет соответствия в других тюрк. языках с семантикой ‘выдолбленный’ и др. (ЭСТЯ I, *427*).

Подобное соответствие могло существовать и у **ойа* в тув. *оялык* (< **ой-а*): во всяком случае, засвидетельствованы образования от *ой-* с показателем *-ы* (Там же).

ояр см. **оюн**.

— Ө —

өвүген ‘старик, дед’; **өгбе** ‘предок народа, племени, рода; прадед, дед; пожилой, уважаемый человек, дедушка’; *перен.* ‘родоначальник, зачинатель чего-л.’; **өгбен** ‘старый человек, старик, старец’; **сагаан-өгбен** ‘белый старец (добрый дух)’.

Ср. тоф. *өбуге* ‘предок (по отцу); отчество’, сойот. *өбигэ* ‘предок (по отцу), прадед’ (ТРС-РТС, *54*; СБРС, *88*) и другие соответствия. В частности, Э.В. Севортян приводил в ЭСТЯ (I, *494*) варианты без конечного *н* (в основном из сиб. тюрк. языков) типа *өбуге* (як.) ~ *өбге* ~ *өбеке* со знач. ‘дед, прадед, прапрадед; прабабушка’ и др. Из числа тув. вариантов указан только *өгбе*, относительно которого сказано, что это результат метатезы *бг* > *гб*. Метатеза наблюдается и в тув. *өгбен*.

Как отмечено в ЭСТЯ, приводимые в нем варианты являются монголизмами (Там же). Та же трактовка соответствующих тюрк. данных, в которые включены также материалы поздних памятников вроде чаг. *äbügän* ‘дедушка; предок, старик’ и совр. тюрк. варианты с *-н* (алт. *өбөгөн* ‘старик...’), дается М. Рясяненом (EW, *34*; см. также: Рассадин. МБЗ, *27*, *29*, *30*, Щербак 1997, *207*). Ср. монгол. *ebügen* ~ *öbügen* / *өвгөн* 1. ‘старый, престарелый’; 2. ‘старик, старец’, *ebüge* / *өвөг* ‘предок по отцовской линии’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *153*; БАМРС III, *1–3*).

Среди тув. вариантов наиболее старым является трехсложный *өвүген*, сохранивший гласный второго слога своего монгол. прототипа, который подвергся сильной редукции в совр. монг. языке, откуда, скорее всего, было заимствовано тув. *өгбе*. Указ. редукция и обусловила появление упоминавшейся выше метатезы, как и в варианте *өгбен*. Последний в отличие от *өгбе* связан с монгол. прототипом (диалектным?), испытавшим редукцию гласного, но сохранившим согласный *н* в конечной позиции, где он, в частности, в халха-монг. языке довольно неустойчив и часто утрачивается.

Өгбен выступает так же, как компонент наименования доброго духа *сагаан-өгбен*, восходящего к прототипу вроде монг. *цагаан өвгөн*, которое букв. означает ‘белый старец’ и имеет, кроме того, семантику ‘белый старец, дух-покровитель местности; белый горный старик (один из персонажей танца масок «цам»); дед-мороз’ (БАМРС III, *1*).

өвүр *фолькл. уст.* ‘юг, южный; земли в Туве, находившиеся южнее хребта Танну-Ола’.

Ср. шор. *өбүр* ‘передняя сторона, пола’, алт. *өмүр* ‘передняя часть шубы’ (РСл. I, *1313* и *1314*). Сопоставление тув. *өвүр* с вышеприведенными данными включено в словарь Рясянена, который обоснованно истолковывает указ. формы как монголизмы (EW, *368*; см. также: Рассадин. МБЗ, *29*, *45*; Дыбо, *224*). См. монгол. *öbür* / *өвөр I* 1. ‘южный’; 2. ‘южный склон, южная сторона (напр., горы)’, *ebür* / *өвөр II* ‘пазуха; грудь; колени’ (БАМРС III, *3*). Нельзя согласиться с тем, что в данном случае мы имеем дело с омонимией. Перед нами явная многозначность, представляющая результат семант. развития *ebür*... ‘пазуха, грудь’ → ‘передняя пола одежды’ → ‘перед, южный склон горы’ (Дыбо, *159*). Ср. также **ары II**.

өвээнчи [өъ], **өгемчи ~ өгээмчи** [өъ] ‘багульник (таежный)’; **өйгээмчи** [өъ] *тодж.* то же.

Ср. тоф. *өъйпеньчи ~ өъйфеньчи* ‘болотный (свиной) багульник’ (ТРС-РТС, *56*), сойот. *өъйһэмчи* то же (СБРС, *89*). Другие соответствия не выявлены; исходная форма и происхождение неясны.

өг ‘юрта; те, что в юрте, семья; место обитания, устраиваемое осами, муравьями, змеями и т.д.’.

Ср. тоф. *өг* ‘чум, юрта; изба, дом, помещение; круг, кольцо, венец вокруг луны’ (ТРС-РТС, *54–55*), сойот. *өг* ‘чум, юрта, дом; помещение’ (СБРС, *88*), а также общетюрк. соответствия в вариантах *өй ~ өв ~ ев* и ряде других с преобладающими знач. ‘дом’ (практически во всех источниках); ‘юрта, кибитка’ (ср. также ‘жилье; шатер; комната, квартира, помещение’ и др.) (ЭСТЯ I, *513–514*). Этимология неясна.

Исходными формами слова считаются **eb* ‘юрта’ или **ev* ‘дом, жилище’ (ср.: СИГТЯ Л, *500*, *728*), первую из которых счел таковой Е.Д. Поливанов, отнесший рассматриваемое слово к ср.-кит. заимствованиям и связывавший его с формой **ip* ‘город’. Эта версия в числе других приводится в совр. источниках, скорее, в порядке информации (см.: ЭСТЯ I, *514*; СИГТЯ Л, *501*), но у отдельных исследователей она находит поддержку (Шервашидзе 1989, *56*). В последнем из указ. источников тюрк. праформа выглядит как **äb* ‘жилище, становище’, причем в нем отмечена вероятность передачи кит. *-p* через *-b*. В принципе существование у форм типа *äb* или *eb* точек соприкосновения с кит. не исключено, но характер их связи друг с другом неясен и едва ли можно определенно говорить о кит. влиянии применительно к рассматриваемому случаю.

Отметим также, что и природа общности между вариантами типа тув. *өг* и **ев...* также не вполне ясна. Г. Рамстедт, напр., считал, что *eb* и *ög* — гетерогенные основы и что последняя из них — монголизм, восходящий к *öb* ‘доля в наследстве; дом’ (см.: ЭСТЯ I, *499*, *513*). Эта версия в ЭСТЯ приводится дважды, но Э.В. Севортян не выразил своего отношения к ней, хотя она явно сомнительна как по фонетич. (переход *-б > -г* для монголизмов едва ли возможен), так и по логико-семант. основаниям[1]. Вместе с тем исследователь определенно приблизился к разгадке этимологии рассматриваемого имени, хотя, по-видимому, не ставил перед собой такой задачи.

[1] Для монгол. *öb / өв* ‘наследство, наследие...’ нехарактерно знач. ‘дом’ (см.: БАМРС III, *1*). Кроме того, если следовать этой версии, возникает неясность с логикой семант. развития тув. *өг* и его ближайших (тоф., сойот.) соответствий.

Выясняя происхождение тюрк. глаг. *өвүр- ~ евир-* ‘поворачивать, вертеть...’, Севортян отметил, что подобные глаг. формы «повторяют соответствующие формы для ‘дом’, т.е. *еб ~ ев ~ өб ~ ув ~ өг* и т.д.», и высказал предположение о происхождении указ. глаг. от *еб ~ ев...* ‘юрта; дом’ (ЭСТЯ I, *499*); в другой статье одна из подобных именных форм прямо сопоставлена с тув. *өг* ‘дом’ (см.: ЭСТЯ I, *228*). С этим предположением трудно согласиться полностью, но рациональное зерно в версии Э.В. Севортяна, бесспорно, имеется: приводимые глаг. и имена вполне могут быть гомогенны. Вместе с тем последние едва ли имели в качестве исходного для глаг. форм знач. ‘дом’ или ‘юрта’. Скорее, они означали нечто вроде ‘изогнутый; (о)круглый’, что предшествовало знач. типа ‘дом’, и вероятно, отразилось в семантике тоф. *өг* ‘круг, кольцо, венец вокруг луны’. Ср. также хак. *иб* ‘дом, юрта’ и ‘гало, световое кольцо вокруг небесных светил’ (ХРИЭС, *30*) и *ибір-* ‘обходить вокруг; окружать...’, *ібіріг* ‘магический обход могилы во время поминок’ и под. (см.: ХРС, *54*; ХРИЭС, *31*).

Анализируемый Севортяном глаг. *өвүр-...* и родственный с ним *егир-* (означающий, в числе прочего, ‘поворачивать’) связаны также с тюрк. *ег-...* ‘гнуть, сгибать’. В числе соответствий *өг-* имеются основы со знач. ‘плести’ и ‘складывать’ (ЭСТЯ I, *331*), а среди производных, считающихся родственными *өвүр-*, — тур. диал. *evür* ‘пшеничная или конопляная скирда, сложенная шатром’ (Там же, *499*); среди знач. некоторых соответствий глаг. *егир-* и соотносительных с ним имен — знач. ‘собирать в кучу’ и ‘место, куда сгоняют скот для отдыха’ (Там же, *229*). Высказывалось и мнение, согласно которому «слово *үй, үй, өй, ог, өг*, обозначавшее позднее ‘дом’, первоначально имело значение глагола ‘собирать, складывать в кучу’» (ЭСЧЯ, *21*).

В семантико-типологическом плане вышеприведенные тюрк. глаг. и имена можно сопоставить со значительным материалом индоевропейских языков, где знач. ‘дом’ соотносится с семантикой ‘гнуть’ > ‘плести’ > ‘строить’ (ср. также наличие родственных слов, означающих ‘куча’ и ‘дом’)[1].

өгбе см. **өвүген**.

өгбен см. **өвүген**.

өгбе-төөгү ‘предки; время предков, древние времена, глубокая древность’.

Ср. хак. *ибеке ~ өбеке ~ убеке* ‘старина, давно минувшее время’, а также *өбеке* ‘предок, прародитель’ (ХРИЭС, *30*, *76*; ХРС, *193*), имеющие монгол. этимологию, как и тув. *өгбе* ‘предок...’ (см.

[1] См.: Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. — М., 1989. — С. 89.

өвүген, өгбе). Второй компонент тув. *өгбе-төөгү* связан происхождением со словом *төөгү* ‘история; прошлое’, также являющимся монголизмом (см. **төөгү**).

Непосредственного монгол. соответствия *өгбе-төөгү* не обнаружено. Возможно, оно было сформировано из заимствованных элементов уже в самом тув. языке. При этом произошло также и переосмысление слова, ставшего первым компонентом па́рного: *өгбе* ‘предок, предки’ → ‘время предков’ (своего рода метонимический перенос который, кажется, не характерен для соответствующего монгол. слова, но прослеживается в хак. *ибеке...* (см. выше).

өг-бүле ‘семья’; *перен.* ‘семья; объединение людей, связанных общими интересами’.

Связано с монгол. *ger büli / гэр бүл* ‘семья, семейство, домочадцы; супруг, супруга’ (БАМРС I, *302*, *482*), первый компонент которого *ger / гэр* ‘юрта, дом; семья’, а второй — с *büli / бүл* ‘члены семьи, семейство, семья, домочадцы’. В тув. *өг-бүле* первый компонент восходит к тув. *өг* ‘юрта; семья...’ (см. **өг**), а в данном случае оно представляет собой перевод монгол. *ger...* Компонент *-бүле* — прямое заимствование.

Последний употребляется в тув. языке и как самостоятельное слово в вариантах *бүле* и *биле* и со знач. ‘семья’ (см.: ТСТЯ I, *254*, *331*).

өгдешки ‘наколенник’ (*накладка, предохраняющая от глубокого снега*); **өөдешки** *диал.* то же.

Монголизм: ср. монгол. *ebüdügči / өвдөгч* ‘наколенник’ (< *ebüdüg / өвдөг* ‘колено’). Вариант *өгдешки* восходит, по-видимому, к совр. монг. форме с сильной (полной) редукцией гласного во втором слоге и вызванной этим первой метатезой в тув. (*вд* > *гд* — с редкой заменой *в* на *г* на конце слога перед согласным *д*). Вторая метатеза связана с освоением монг. *гч* (*кч*); наблюдается также и в тув. диал. варианте *өөдешки*, относящемся к монг. прототипу с более слабой редукцией гласного второго слога. В результате согласный *в*, оказавшийся в интервокале, был утрачен, что вызвало появление вторичного долгого гласного *өө*. В тодж. диалекте слово отмечено в варианте *өвүдекши* (Чадамба 1974, *28*), который наиболее близок к монг. оригиналу.

өге- [өъ] ‘натирать, втирать; тереть; мазать, пачкать (размазывая)’.

Ср. тоф. *өъһе-* ‘мазать, натирать мазью; пачкать; водить кистью (при побелке, покраске); чиркать (спичкой)’. По всей вероятности, тув. и тоф. слова сопоставимы с рядом глаг. и производных от них форм, рассматриваемых в ЭСТЯ (I, *618–620*), куда, однако, не включены тув. *өге-* и его тоф. соответствие. В статье ЭСТЯ отмечены глаг. основы *өг- ~ үг- ~ үк-...* и *үве- ~ өве- ~ үги-...* со знач. ‘молоть, крошить; тереть, растирать’ и под., причем структура их двухсложных вариантов имеет двоякое истолкование: 1) именное соответствие к *өг-...* + глаголообр. аф. *-а- / -ы-* или 2) *үк- / -өг-* + *-а- / -ы-* в учащательном знач. (ЭСТЯ I, *619*).

Исходя из сказанного, структура и фонетич. облик тув. *өге-* и тоф. *өъһе-* могут быть представлены в виде **өк-е-* (*-к-* реконструируется, исходя из наличия фарингализации), но без конкретизации основы. Возможно, последняя имела образную природу, на что может указывать наличие у *өг-...* параллели с заднерядным вокализмом (см.: ЭСТЯ I, *401–402*).

Тув.-тоф. глаг. с основами и формами, приводимыми в ЭСТЯ, объединяет семантика типа ‘тереть, производить трение’, за которой стоят различные конкретные знач.: ‘водить взад и вперед по чему-л., нажимая’ (у тув. *өге-*, тоф. *өъһе-*) и ‘трением превращать в порошок, в мелкие частицы’ (у форм других языков). При этом знач. первых представляется основным, производящим (см.: ОШ, *495*, статья **тереть**).

өгемчи см. **өвээнчи**.

өгер-селде [өъ-еъ], **өгүр-сүлде** [өъ-үъ] *фолькл.* ‘знакомый; друг’.

С. Сарыг-оолом отмечен также вариант *нөгөр-сөлде* ‘товарищ, друг’ (Ондар. СПС, *84*), являющийся, как и указ. выше, монголизмом. Его первый компонент (*өгер, өгүр, нөгөр*) связан с монгол. *nökür / нөхөр* ‘товарищ, друг’; второй (*селде, сүлде, сөлде*) восходит к монгол. *celte / сэлт* книжн. ‘вместе, совокупно; целое, совокупность; весь’ (*нөхөд сэлтийн хамт* ‘вместе с друзьями’) (БАМРС III, *155*) или, как считает Б. Баярсайхан, — к монг. *сэлт* со знач. неопределенности (‘какой-то, некий’: *нөхөр сэлт* ‘какой-то друг’, *бэлэг сэлт* ‘какой-то подарок’ (который говорящий еще не видел)).

В тув. *өгер-селде...* второй компонент, в качестве самостоятельного слова неупотребляемый, практически подвергся десемантизации, а в фонетич. плане частично уподобился первому.

өгүр-сүлде см. **өгер-селде**.

өгүс: **өгүс бер-** *фольк.* ‘низко кланяться’.

Тув. *өгүс бер-* (соответствия не обнаружены), по-видимому, восходит к сочетанию имени с глаг., глаг. компонент которой — тюрк. *бер-* ‘давать, отдавать...’ (см. **бер-**), а именной — к сущ. **өгүс*, означавшему ‘поклон’. Исходное знач. словосочетания — ‘отдавать поклон’. В свою очередь **огус* < **өк-уз* или **өг-уз*, где *-(у)з* — имяобр. аф., а **өк- ~ өг-* — глаг. основа с семантикой ‘сгибаться, наклоняться’ или под., вероятно, гомогенная с тюрк. *ег-...* и т.п. (см. **өг, эг-**). По форме и семантике к **өк- ~ *өг-* и

өгус* близки як. *өкө ~ өкү* ‘что-л. наклоненное’ и *өкөй- ~ өкуй-* ‘сгибаться, наклоняться вперед’ (Пек. II, *1920*); ср. *өкөй-* ‘слегка сгибаться, гнуться (о дереве); наклоняться вперед (о человеке)’ (ЯРС, *284*). См. также **өгээле-.

өгээле- ‘отталкивать от себя; надавливать, вступать в драку’.

Непосредственные соответствия не обнаружены. Структурно и семантически *өгээле-* сходно с тув. глаг. *дизээле-* ‘наступать, давить коленями...’ (ТСТЯ I, *445*), образованным от одного из вариантов названия коленей (см. **дизээле-, дис**).

Тув. *өгээле-*, возможно, произведено (аф. *-ла-...*) от анат. термина типа уйг. *өге* и его соответствий, означающих в основном ‘сустав’ (в том числе ‘коленный’). Эти наименования считаются гомогенными с глаг. основой *оңур-* [‘ломаться (в суставах)’ и под.] (ЭСТЯ I, *502*), но, скорее, они образованы от глаг. вроде **өг- ~ *өк-* ‘сгибаться’ (см. **өгүс**), тем более что у одного из соответствий *өге* отмечено знач. ‘сгиб’ (Там же).

Долгота гласного в тув. *өгээле-* по своему происхождению может быть эмфатической (что нами допускалось и в случае с *дизээле-*).

өгээмчи см. **өвээнчи**.

өде [өъ], **өде-чара** [өъ] ‘бесстрашный, смелый, бойкий’.

По всей вероятности, *өде* — образование с аф. *-е* от глаг. основы *өт-* ‘проходить, проникать’ и др. (среди ее знач. есть и такие, как ‘опережать, обгонять, оставлять позади себя’) (ЭСТЯ I, *555*, а также **өт-**; см.: Ондар. СПС, *94*). Среди образований от *өт-* отмечено «имя с показателем *-а*» вроде *өте ~ өтө...*, означающее в основном ‘очень, слишком, весьма’ и под. (ЭСТЯ I, *556*); ср. также азерб. *өтә* ‘превосходный’, с которым соотносимо тув. *өде*. От той же глаг. основы (с помощью аф. *-кин...*) произведено башк. диал. *уткен* ‘шустрый’ (Бhh, *199*). Ср. также кирг. *өткүр* (<*өт-күр*) ‘острый’; перен. ‘энергичный, боевой, смелый’.

Судя по тув. *өде* и *өде-чара*, среди соответствий первого из них могли существовать и такие, которые были семантически близки или идентичны с последним (о их возможности может свидетельствовать наличие у основы *өт-* знач. типа ‘обгонять’).

Что касается компонента *-чара*, то он определенно восходит к **йара*, соответствия которого, очевидно, очень редки. К ним, возможно, относится чув. *йӑрӑ* ‘бойкий, резвый, проворный’ (< кыпч. **йара*?). В.Г. Егоров сопоставлял это слово с уйг. *жүрәт* ‘смелость’, в одном ряду с которым фигурируют узб. *юракли*, турк. *йүрекли* и др., означающие ‘смелый, отважный’ и связанные с тюрк. названием сердца (ЭСЧЯ, *76*; см. также **чүрек**). Такие сопоставления, скорее всего, ошибочны.

Тув. *-чара* объединяется с глаг. основой *чар-* (< *йар-*) ‘колоть; разделять...’ (Ондар. СПС, *94*). В принципе этот компонент, скорее всего, одноструктурен с *өде* и также представляет собой имя с показателем *-а*, образованное от глаг., но, думается, последний едва ли может быть отождествлен с *чар-* ‘колоть...’.

Можно предположить, что как тув. *-чара*, так и чув. *йӑрӑ* родственны с тюрк. *йарыш-* ‘бегать, быстро бежать; состязаться, соперничать...’ и его именным соответствием (см.: ЭСТЯ IV, *148–149*, а также **чарыш-** и **чарыш**). Их этимология считается неясной, но и указ. глаг., и имя связываются с глаг. основой **йа:р-*, которая, согласно одной из версий, могла иметь знач. ‘опережать’ (ЭСТЯ IV, *149*), что сближает данную основу с *өт-* в составе *өде*, а это едва ли случайно.

өдек [өъ] ‘навоз; кал, помет скота, животных; место, где находится юрта; территория стойбища (аала) и его окрестности’[1].

Ср. алт. *өтөк* ‘навоз’, як. *өтөх* ‘место, где раньше стоял дом, пепелище; назем, перегной, навоз’ (ОСЛАЯ, *255*; ср.: ЯРС, *291*, где отмечено также *өтөгө* ‘кучка конского помета’), кирг. *өтөк* ‘место бывшей стоянки аула’. У *өдек* и др. имеются также монгол. соответствия, в том числе *ötüg / өтөг* ‘коровий, овечий навоз; назем’, бур. *утэг* ‘усадьба’ (жилище с огороженным покосом при нем), калм. *ötög* ‘брикеты из высушенного навоза; старый высохший навоз, крошки навоза; место загона для скота, старое стойбище...’ (см.: БАМРС III, *47*; ЭСРДС, *596*, **утуг**).

Алт. *өтөк*, як. *өтөх* относятся к монголизмам (Рассадин. МБЗ, *21, 69*; Антонов, *85*); то же можно сказать и о кирг. *өтөк*. Однако монгол. формы могут, в свою очередь, иметь тюрк. происхождение и являться, в частности, образованиями (с аф. *-(е)к*) от глаг. основы типа тув. *өт-* ‘оправляться, испражняться; страдать поносом’ (см. **өт-**); соответствующая семантика прослеживается у тув. *өдек* (‘помет скота...’); ср. также як. *өтөгө* с указ. знач. и *өтөгөлө-* ‘обильно испражняться (о лошади)’. Тув. *өдек* едва ли может быть непосредственно отнесено к монгол. заимствованиям: оно в отличие от слова монгол. языков в основном семантически однопланового и практически однозначного, характеризуется определенной многозначностью, что отличает его также от соответствий в других тюрк. языках и в целом не показательно для заимствований, не говоря уже о наличии в тув. языке производящей глаг. основы, о которой было сказано выше. См. **өдекши-**.

Отметим, что для знач. ранее приведенных слов характерны компоненты вроде ‘старый’, ‘бывший’, ‘раньше стоял’. Может

[1] Ср. *өдек* ‘навоз; окрестности жилья; место, где находятся домашние животные; родное стойбище’ (ТСТ, *22*).

быть, это следствие контаминации названия навоза и монгол. *ötüg / өтөг* ‘старый; старец’?

өдекши- [өъ] ‘унавоживаться, удобряться (о почве); обживаться, становиться обжитым (о стоянке, месте поселения)’.

Связано с *өдек* ‘навоз; место, где находятся юрта и домашние животные...’ (см. **өдек**), но в отличие от него глаг. *өдекши-*, скорее всего, является монголизмом, восходящим к монгол. *ötügǰi- / өтөгжих* ‘унавоживаться’ или к его варианту *ötüǧši- / өтөгших* ‘покрываться навозом, унавоживаться’ (БАМРС III, *47*). Вместе с тем в семантике тув. *өдекши-* отразились знач. тув. *өдек*, связанные с традиционной средой обитания (юрта, стойбище, скот), с чем можно связать появление у рассматриваемого глаг. знач. ‘обживаться’, не фиксируемого у монгол. глаг. форм.

өде-чара см. **өде**.

өдүген [өъ] *тодж.* ‘обширная территория в горах с относительно ровной поверхностью, каменистой почвой, безлесная, поросшая ягельником и служащая пастбищем для оленей; обширная безлесная равнина в горах’.

Ср. тоф. *өътүген* ‘ровное широкое место на белкáх, удобное для пастьбы оленей’ (Рассадин. Словарь); ‘место на белогорье, удобное для пастьбы оленей’ (ТРС-РТС, *58*), сойот. *өътігән* (~ *өътүгән*) *дайга* ‘низина в верховьях горной реки’ (СБРС, *89*), алт. (туба) *өдөгөн* ‘впадины на склонах гор’ (Баскаков 1966, *141*), а также кирг. *өтөк* ‘горная впадина; ровное место в горах, на склоне горы (защищенное от ветра и поэтому удобное для пастьбы скота)’ (КРС, *602*), уйг. (Хами) *өтәк* ‘впадина на склоне горы, где собирается скот’ (Малов. УЯ, *173*).

В як. языке фиксируется слово *үтүгэн*, семантика которого по сравнению с вышеприведенными является более абстрактной и неопределенной. Э.К. Пекарским она истолковывается как ‘неизвестная даль; страна; пропасть, бездна’ (Пек. II, *3195*), причем оговаривается, что это приблизительный перевод. В более позднем источнике (см.: ЯРС, *458*) у слова *үтүгэн* указывается только знач. ‘пропасть, бездна’ (с пометой миф.).

Приводимые выше слова имеют в своей семантике ряд общих моментов, хотя последние не охватывают, как правило, все данные наименования, за исключением того, что они связаны с землей. Почти все из них, кроме як. *үтүгэн*, имеют связь с горным ландшафтом и часть трехсложных вариантов отражает обширность соответствующей территории. Приведенные слова часто именуют местность, которая оценивается как благоприятная с точки зрения занятий животноводством (в частности, пастьбой скота). Эта местность характеризуется понижениями, углублениями; возможно, именно такая специфическая особенность рельефа гипертрофированно отразилась в знач. ‘пропасть, бездна’ як. *үтүгэн*.

Результатом перехода тодж. слова (географического термина) *өдүген* в топоним явилось появление на территории Тоджи названия горной местности *Өдүген*, или *Өдүген-Тайга*. Вероятно, подобный переход имел место и при образовании др.-тюрк. *Ötükän jer* и *Ötükän jïš*, переводимых соответственно как «Отюкенская земля (~ страна)» и «Отюкенская чернь».

Видимо, не случайно в орхонских памятниках вторыми компонентами др.-тюрк. топонимов служат слова *jer* ‘страна’ и *jïš* ‘чернь’, из которых первое указывает на обширность местности, а второе, скорее всего, характеризует ее рельеф. Однако в др.-тюрк. памятниках второе из этих слов могло иметь и другие знач. Так, *jïš* означало ‘нагорье с долинами, удобными для поселений’ (ДТС, *268*), а судя по примеру, приведенному в этом источнике, — ‘горная долина’. Слово и его соответствия имели также знач. ‘горное пастбище’, ‘горы’ (ЭСТЯ IV, *44*).

Семантика слова *jïš*, таким образом, обнаруживает сходство со знач. слов совр. тюрк. языков, соотносительных с др.-тюрк. топонимом *Ötükän*. Поэтому можно допустить, что в древности *jïš* и *ötükän* обозначали близкие понятия.

Соответствие др.-тюрк. и совр. тув. названий местности свидетельствует в пользу высказанного в свое время (В.В. Бартольдом) предположения о наличии в Центральной Азии нескольких хребтов или гор, называемых *Ötükän*.

Общепризнано, что др.-тюрк. *Ötükän jïš* находился на территории Монголии (на Хангайском нагорье, или Хангае). Топоним *Хангай* также восходит к географическому термину (монг. *хангай*, исходной семантикой которого считается ‘удовлетворяющий, насыщающий, исполняющий желания’) (Казакевич, *26*; Мурзаев. Словарь, *590*; см. также **каңгай**). О Хангае говорится как об оптимальном природном ландшафте Монголии для жизни человека и ведения сельского хозяйства[1].

Отметим, что совр. тюрк. соответствия (*өдүген* и др.) др.-тюрк. *ötükän...* были выявлены сравнительно недавно. Гораздо раньше в поисках этимологии последнего внимание исследователей было обращено на его соответствие в монгол. языках: имеется в виду, в частности, слово *ötügen ~ etügen* ‘божество земли; сама земля, рассматриваемая как божественная’[2], которое П. Пелльо не без оснований считал тюркизмом. Возможно, его сакрализованная

[1] Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. — М., 1974. — С. 249.

[2] Ср. также монгол. *etügen / этүгэн* уст. ‘земля’, монг. *этүгэн эх* ‘мать — сыра земля’ (древнее название земли и духа земли) (БАМРС IV, *440*).

семантика связана с обожествлением конкретной местности, именуемой *Ötükän* [*jer*], древними тюрками, своеобразно воспринятым древними монголами и отразившимся в семантике указ. монгол. слова (см. нашу публикацию: СТ. — 1990. — № 6. — С. 42–44).

Думается, что при этимологизации *Ötükän* и его совр. соответствий следует основываться исключительно на тюрк. языковых данных[1]. В частности, наиболее правдоподобной представляется версия, предложенная некогда В. Бангом и связывающая *Ötükän* с тюрк. глаг. основой *өт-* 'проходить, миновать...'. Согласно этой версии, др.-тюрк. слово первоначально означало 'гора, имеющая проход; проходная гора'[2]. Интересно, что эта этимология близка к наиболее распространенному объяснению происхождения тув. *өдүген*, даваемому нам тувинцами-тоджинцами (1972 г.), которые практически возводили указ. географический термин к отглаг. прил., образованному от *өт-* 'проходить...' при помощи имеющегося в тув. и других тюрк. языках аф. *-ыган ~ -иген* (АГ, *319 и след.*) и означавшего 'легко (или 'обычно, часто, быстро') проходимый'.

Некоторые наши тодж. информаторы считали, что тодж. *өдүген* означает 'быстро намокающий, промокающий (в ненастную погоду)', истолковывая его как ту же форму на *-ыган* от основы *өт-* 'мокнуть, промокать', представляющей собой, по нашему мнению, лексико-семант. вариант глагола *өт-* 'проходить...' (см. **өт-**).

Однако правомерность возведения рассматриваемых слов к данному глаголу в указ. знач. вызывает определенные сомнения, поскольку, судя по семантике этих наименований (там, где о ней можно более или менее определенно судить), в них не содержится и неизвестно, содержалось ли когда-л. указаний на проход или проходимость. Недостаточно убедительна и связь с глаг. в знач. 'мокнуть...'.

Точка зрения, согласно которой мы в данном случае имеем дело с образованиями на *-ыган*, также небесспорна: для указ. форманта характерен в основном озвонченный интервокальный *г*, а в др.-тюрк. памятниках он отмечен главным образом в варианте с начальным широким гласным (АГ, *319–320*), вследствие чего вместо *Ötükän* следовало бы ожидать нечто вроде **Ötägän*.

[1] Попытки дать этимологию *Ötükän* исходя из трактовки его монгол. соответствий как исконных для монгол. языков были рассмотрены нами в указ. выше публикации.

[2] См.: Потапов Л.П. Новые данные о древнетюркском *Ötükän* // Сов. востоковедение. — 1957. — № 1. — С. 109.

Кроме того, при этимологизации трехсложных форм типа *Ötükän* и ее совр. соответствий типа *өдүген* и др. следует учитывать наличие у них двухсложных вариантов (кирг. *өтөк*, уйг. *өтәк*), с учетом чего структура этих форм может выглядеть иначе, чем она представлена в ранее рассмотренных версиях: *Ötükän* и под. реально интерпретировать как образования от двухсложных имен вроде **өтүк*, которые могут выступать в качестве промежуточных производящих основ. Вместе с тем глаг. *өт-* представляется в конечном счете вполне реальной исходной основой и для *Ötükän...*, если учитывать многозначность этого глаг., который имел, в частности, знач. 'пробивать, просверливать' (ЭСТЯ I, *554*). Иными словами, его семантика была связана с нарушением цельности, монолитности, образованием углублений, впадин, появлением не заполненного горами пространства в горной местности и т.д.

Соотносительными с данным глаг. именами можно считать др.-тюрк. *öt* 'нора' (ДТС, *391*), но в основном подобные названия фиксируются в вариантах с узким гласным вроде др.-тюрк. *üd ~ üt* 'отверстие, углубление' (ДТС, *629*; см. также: ЭСТЯ I, *555*) и их многочисленных соответствий, обозначающих отверстия различного диаметра (ЭСТЯ I, *639*; см. **үт**)[1] и употреблявшихся в знач. 'пещера' (Вербицкий 2, *418*). Формы с основой *ут* используются в составе тув. и хак. топонимов, относящихся к горной местности и именующих объекты, у которых имеются впадины и пустоты (см.: ТСТ, *199–200*; СОХ, *43*; ХРИЭС, *168*, *Ытміг-тас*).

Морфол. структуру именной формы *Ötükän* и ее трехсложных соответствий можно представить в виде **өт-(α)к-(α)н*, где *өт-* — вышеупомянутая глаг. основа, *(α)к* — распространенный аф., образующий отглаг. имена (ср. кирг. *өтөк*, уйг. *өтәк*), а *-(α)н* — формант, с помощью которого образуются имена отыменные и который, судя по всему, принадлежит к числу арх. аф. Он считается уменьш., однако в отдельных словах, в структуру которых этот аф. входит, находят, напротив, «значение увеличительности» (АИ, *172*). Возможно, такое знач. имело и **өтүкен* по отношению к **өтүк*; во всяком случае, компонент масштабности отмечается в семантике соответствий только первого из них.

өдүрек, эдирек 'утка'.

Ср. тоф. *өдрек*, *өдірек*, *өдурек* 'утка' и общетюрк. соответствия с тем же знач. и преобладающей формой *өрдек* (ЭСТЯ I,

[1] Э.В. Севортян, по неясной причине, не связывал эти названия ни с глаг. основой *өт-*, ни с ее именными соответствиями, что представляется недостаточно логичным.

547–548), исходя из которой реконструируется праформа слова **(h)ördäk* (EW, *374*) **ördäk ~ örtäk* (Шервашидзе 1989, *82*), **ördäk* (СИГТЯ Л, *726*). Из подобной же формы исходил и Дж. Клосон, считавший др.-тюрк. *ördek* производным от *ö:r* (птица), 'которая поднимается' (с воды), и относивший др.-уйг. вариант *ödirek* к вторичным (истолковывая его как результат метатезы). Клосон отмечал, что этот вариант сохранился в тув. *өдүрек*[1] и высказывал мнение о том, что «странные формы» вроде *öwrek, ewrek* и под., отмеченные в ср.-кыпч. и памятниках хорезмского круга, восходят, в свою очередь, к указ. вторичному варианту (ED, *205*)[2].

Г. Дёрфер и И.Н. Шервашидзе с сомнением отнеслись к этимологической версии Клосона. При этом Шервашидзе считает основу тюрк. названия утки заимствованной, принимая гипотезу о его связи с индоевропейской **ārōd- / *ērōd-* 'водяная птица', оформленной обычным именным суф. (Шервашидзе 1989, *82*), но, что имеется в виду под «обычным суффиксом», остается неясным, не говоря уже о том, что в данном случае само иноязычное происхождение тюрк. слова никак не обосновывается.

Отметим также, что во всех рассмотренных случаях исходная форма слова, возможно, установлена неточно. В частности, Г. Дёрфер, а вслед за ним Э.В. Севортян более вероятным считают, напротив, возникновение *өрдек* из *өдерек / өдирек / өдрек*. Сходным образом представлена исходная форма слова и К. Менгесом (ЭСТЯ I, *548*).

Если исходить из подобной формы как из первичной, то появляется возможность включить тюрк. название утки в целый ряд наименований птиц, связанных со звукоподражаниями или с глаг. основами, обозначающими соответствующие звукоизвлечения. В нашем случае допустима связь с тюрк. глаг. основой *ет- ~ өт-*... 'петь (о птицах); куковать, стрекотать, квакать, трещать' и др. (Там же, *556*); среди этих знач. вполне реально представить и 'крякать'. В памятниках фиксируется именное соответствие указ. основы — *öt* 'голос' (Там же); ср. также *öt* 'музыка, пение' (Тугушева, *350*). Среди образований от *өт-* — тур. диал. *öt-eç* 'петух' (ЭСТЯ I, *556*). В тув. языке ее вариантом является *эт-* 'кричать, издавать звуки (о животных)' и под. (см. **эт- III**).

[1] Кроме тув. и тоф. языков подобный вариант ранее фиксировался в хак. (ЭСТЯ I, *547*).

[2] Необычный вариант праформы рассматриваемого слова представлен в таком источнике, как СИГТЯ Л, *172*: **ebürdek* 'утка'. Он определенно близок к *ewrek* и к другим вторичным «странным формам» (Клосон) и почти идентичен узб. диал. *əвірдək*, форма которой, как предполагается, народно-этимологическая (ЭСТЯ I, *548*). Считается, что тюрк. название утки имеет «внешние параллели», в числе которых тунг.-маньчж. **owu-ŋga* 'утка-морячка' (СИГТЯ Л, *172*), что не внушает доверия.

Он характеризуется отсутствием огубления и наличием фарингализации гласного ([эът-]), отсутствующего, в свою очередь, у тув. вариантов названия утки *өдүрек* и *эдирек*. Варьирование *ө- ~ э-* — редкое явление для тув. языка; подобное явление в основном характерно для слов, имеющих подражат. по своей природе характер, с чем можно связать и вероятное варьирование по признаку «наличие фарингализации — ее отсутствие».

Структуру *өдүрек* и его ближайших соответствий можно представить по-разному: их исходной основой могла быть как глаг. *өт-* (с аф. *-ур-*, имеющим усилит. семантику), так и именная *өт* (при глаголообр. аф. *-ур-* или *-ре-*), однако во всех случаях конечный компонент *-(е)к* является, скорее всего, аф., образующим отглаг. имена.

өек 'брюшко, брюшная часть животного, наружная часть его живота; ремни из кожи брюшной части животного; боковая сторона чего-л.; полозья у саней; цевьё у ружья'.

Ср. тоф. *өйек* 'шкура на брюшке и горле (у зверей и птиц)' (ТРС-РТС, *55*), а также соответствия типа *өйек ~ өөк ~ үүк* в нескольких тюрк. (главным образом юж.-сиб.) языках со знач. 'брюшная часть шкуры животных (та линия, по которой проходит нож, когда разрезают шкуру на брюхе); шкура под брюхом и горлом белки' и т.п. (ЭСТЯ I, *515*; EW, *369–370*; СИГТЯ Л, *146*). У тюрк. *өек*... имеются монгол. соответствия вроде *öjüke / өех ~ öjekei / өөхий* 'нижняя часть груди (у животных); белая линия живота' (БАМРС III, *14*), которые, вероятно, тюрк. происхождения.

Этимология тюрк. слова неясна. Существует ее алтаистическая версия, явившаяся результатом сближения тюрк. **öjek* с тунг.-маньчж. праформой и сводящаяся к реконструкции праалт. **ŋое* 'подшейный волос' (СИГТЯ Л, *146*; ср.: Дыбо, *10*), что, думается, не проливает свет на происхождение тюрк. слова.

По всей вероятности, его мотивирующим семант. признаком мог быть 'низкий', 'нижний', прослеживаемый и в названии рельефа местности, которое может быть родственным с *өек* и которым можно считать, напр., алт. *өйзөм* 'низменность' (ОРС, *118*). Согласно словарю В.В. Радлова, у *өйзөм* имелся вариант с заднерядным вокализмом типа *ойзом* (РСл. I, *1176*), но этот вариант нами не обнаружен. Предполагаем тем не менее, что в *өек* и *өйзөм* содержится основа **өй-* или **ой-*, или *өй-*, являющиеся своего рода переднерядными вариантами общетюрк. *ой-* 'выдалбливать, выкапывать; вырезать...' и *ой* 'низина, долина; низменный' и т.п. (см.: ЭСТЯ I, *425–426*, а также **ой- I**, **ой I**).

Отметим, что эти варианты в виде самостоятельных слов не встречаются, а содержащие их в качестве основ образования

редки и, возможно, более характерны для монгол. языков (монг. языка?). Особенно это касается названий форм рельефа, каковы, напр. *öjüge / өеө* ‘покатый, наклонный; впадина, яма, углубление (такое, в которое может свалиться скотина)’, *öjegedegüü / өеөдүү* ‘большая впадина’ (БАМРС III, *14*). См. **өеэдик-**.

өеэдик-, өеэт- ‘падать от истощения (о домашних животных); ложиться от сильной усталости; лежать на боку, ничего не делая’.

У тув. глаг. форм *өеэт-* и *өеэдик-* не обнаруживается соответствий в других тюрк. языках, но наблюдается близкое соответствие в монгол.: ср. *öjügede- / өеөдөх* ‘быть не в состоянии встать; быть слабым; залёживаться; падать, сваливаться (о скотине)’ (по-видимому, < *öjüge / өеө* ‘покатый, наклонный, склонившийся в сторону’ и под.; см.: БАМРС III, *14*). Монгол. глаг., несмотря на определенную общность прежде всего с тув. *өеэт-* в плане формы и знач., имеет в этом отношении и заметные отличия от последнего, который, напр., короче монгол. на один слог: в частности, на месте *өеэт-* в случае, если бы последний был монголизмом, следовало бы ожидать, скорее, появления его более «длинного» варианта ***өеэде-**.

По всей вероятности, тув. глаг. не является монгол. заимствованием, а представляет собой тюрк. образование с редко встречающимся аф. *-ат- ~ -ут-* (см. о нем: АГ, *338*; Щербак 1981, *150*) от основы типа тув. *өек* ‘брюшная часть животных; боковая часть чего-л.’ Таким образом, тув. *өеэт-* [өйээт] < ***өйэгат-** < ***өйэкат-**. Структурно и семантически *өеэт-* близко тув. *өекте-* ‘лежать на боку или ничком’, также образованному от *өек*, но с помощью другого форманта (*-та- ~ -да-*, который может быть и вариантом аф. *-ла-*).

Тув. *өеэдик-* — в свою очередь, производное от *өеэт-*; аф. *-ик-* — один из тюрк. словообр. формантов, образующих глаг. как от именных, так и от глаг. основ (см.: ИП, *270–271*).

өеэт- см. **өеэдик-**.

өже- ‘делать что-л. назло кому-л.’; **өжеш-** ‘упрямиться, упорствовать, настаивать на своем; отказываться делать что-л.; спорить’; **өжеш** ‘упрямый; надоедливый; непрекращающийся’; **өжүк-** см. **өжеш-**; **өш** ‘преднамеренное зло; злостное действие; злоба, злость; невезение’.

Приводимые выше двухсложные формы прямо или опосредованно связаны с основой *өш* ‘преднамеренное зло...’ и ее соответствиями, носящими общетюрк. характер и означающими ‘месть, мщение; вражда; ненависть, зло’ и под.; исходные или близкие к ним варианты основы — *өч ~ ө:ч* (ЭСТЯ I, *558–559*), откуда тув. *өш*.

Указ. формы также в значительной мере присущи другим тюрк. языкам. Так, тув. *өже-* соответствует древнему глаг. с аф. *-а-* типа др.-тюрк. *öčä-*, алт. *өчө-*, як. *өсөө-*... ‘враждовать; мстить; ненавидеть...’. Формами, производными от ***өче-**, считаются тув. *өжеш* и его соответствия *өчеш ~ өчөш*, характерные для памятников и сиб. тюрк. языков и означающие ‘вражда; ссора, спор; упрямый...’ (ЭСТЯ I, *559*).

Соответствия тув. формы *өжеш-* (пропущенной в ЭСТЯ) типа *өчеш-* свойственны памятникам, диалектам тур. языка и отдельным кыпч. (напр., ккалп.); их знач. (‘спорить; враждовать; держать пари’) лишь отчасти совпадают с семантикой тув. *өжеш-*. Возможно, эти формы имеют и структурные отличия друг от друга. Э.В. Севортян, в частности, допускал, что глаг. *өчеш-* мог быть образован как от *өч*, так и от *өче-* (Там же).

Соответствия тув. *өжүк-* (также отсутствующего в ЭСТЯ) типа *өчүк-* и под., образованные от *өч* аф. *-үк-*, отмечены в основном в кыпч. языках и означают, главным образом, ‘злиться, злобствовать’ (Там же), что отличает их и от *өжүк-*, и от синонимичного с ним *өжеш-*. См. также **өш**.

өжегерээн, өжегээр [өъ] ‘умышленно; сознательно, нарочно; назло’.

Вероятно, монголизмы, представляющие нар. формы от основы типа монг. *өшөө(н)* ‘месть, злоба, ненависть...’ (см. **өжээн**), частично сближенные с тув. *өже-* ‘делать что-л. назло’ (см. **өже-**), что объясняло бы, с одной стороны, отсутствие у указ. форм долгот во вторых слогах, а с другой — наличие у них фарингализации, не отмечаемой в *өже-* и родственных с последней тув. формах. Не вполне понятно появление долгот в конечных слогах тув. *өжегээр* и *өжегерээн*.

өжегээр см. **өжегерээн**.

өжеш- см. **өже-**.

өжеш см. **өже-**.

өжүк- см. **өже-**.

өжүн [өъ] ‘предплечье; плечо, плечевая кость’; **өштек** [өъ?] ‘предплечье (у верблюда)’.

Ср. тоф. *өъһүн* ‘предплечье, плечо; погончики, вшитые на плечи национальной шубы’ (Рассадин. Словарь), хак. *өзін* ‘предплечье, верхняя часть руки’ (ХРИЭС, *77*) и другие соответствия в некоторых памятниках и ряде тюрк. языков в варианте *өшүн* и близких ему со знач. ‘плечо, предплечье, плечевая кость; ключица; грудь’; по семантике интересно др.-тюрк. (МК) *öšün* ‘плечевой сгиб’ (Дыбо, *159–160*; СИГТЯ Л, *241*). Что касается тув. *өштек*, то у него в наст. время обнаруживается только одно соответствие — чалкан. (леб.) *өштөк* ‘нагрудник’ (часть упряжи) (Баскаков 1985б, *184*; Дыбо, *160*).

Этимология этих названий неясна. В одних источниках этимологические версии вообще отсутствуют (см.: EW, *376*; ED, *263*); в других они заменены алтаистическими сопоставлениями с привлечением, в частности, тунг.-маньчж. данных (см.: Дыбо, *309*; СИГТЯ Л, *241*), причем в первом из этих источников такое сопоставление сопровождается удвоенным знаком вопроса как весьма сомнительное.

Возможно, *өшүн...* названо по своей форме: ср. знач. 'плечевой сгиб' в МК. В таком случае, есть основание для сближения рассматриваемого слова с таким образованием, как *үшги ~ үшгү* 'сверло, бурав, круглая стамеска' и др. < *үш-* 'сверлить' (см.: ЭСТЯ I, *643–644*), что подразумевает использование действий типа вращения, а также сгибания, изгибания: ср. кирг. диал. *үшмөк* 'петелька на клубке шерсти, которую прядут...' (КРС, *827*), башк. диал. *өшә, өшәкә, өшәкәй* 'крендель; булка' (Бhh, *151*; СИГТЯ Л, *471*). См. также **ооруг**, **оорук**. По-видимому, у глаг. *үш-* существовало именное соответствие (ЭСТЯ I, *644*).

Можно предположить, что сгибание и подобные действия в основном обозначались вариантом указ. глаг. основы с широким гласным (**өш-*), и этот вариант как раз и отразился в форме **өш-үн*.

Тув. *өштек* и чалкан. *өштөк* структурно не вполне ясны. Последнее из них А.В. Дыбо возводит к *öš-läk* (Дыбо, *160*), что допустимо, но в то же время не вносит полной ясности в вопрос о его структуре. Аф. *-läk* семантически не определен, тем более что существуют не менее трех подобных формантов с исходной формой *-лак* и со знач. типа собир., уменьш.-ласкат. и аф. отыменного словообразования (Щербак 1977, *185*). Для нашего случая наиболее вероятен последний, в свою очередь представляющий собой результат соединения аф. глаголообразования *-ла-* и имяобразования *-к*. При этом в любом случае основа **öš* в **öš-läk* должна быть именной, соответствовать глаг. **өш-*, о котором говорилось выше, и, по-видимому, первоначально означать нечто вроде 'сгиб, изгиб'.

О реальности этой основы свидетельствует наличие алт. *өш* 'предплечье', которое Дыбо считает вторичным, выделившимся из формы принадлежности 3-го л. слова *өшүн* (**өшнү > өштү*) в результате ее переосмысления (см.: СИГТЯ Л, *241*). Эта версия не внушает доверия. Нет также достаточных оснований для высказанного там же мнения о заимствовании *өш* алт. языком из тув.

өжүн-кыры [өъ-] *собир.* 'область предплечья'.

Па́рное слово, компоненты которого восходят к словам *өжүн* 'предплечье' и *кыры* 'локтевая кость'. См. **өжүн**, **кыры**.

өжүн-чарын [өъ-] *собир.* 'верхняя часть плеча, плечевой пояс'.

Па́рное слово, компоненты которого связаны со словами *өжүн* 'предплечье' и *чарын* 'лопатка'. См. **өжүн**, **чарын**.

өжээн [өъ] 'месть'.

Монголизм (см.: Рассадин. МБЗ, *65*). Ср. монгол. *öšije(n) / өшөө(н)* 'месть; злоба; вражда, ненависть', калм. *өшән* 'месть; ненависть'. В свою очередь, монгол. слово — очевидный тюркизм, связанный в конечном счете с тюрк. *өш* (< *өч*) 'месть, вражда' и т.д., хотя алтаисты, кажется, считают эти формы родственными между собой (см.: ЭСТЯ I, *559*). См. также **өже-**, **өш**.

өжээнник- [өъ] 'упрямиться, настаивать на своем, отказываться делать что-л.; спорить'.

Указ. глаг. форма — синоним по отношению к таким, как *өжеш-* и *өжүк-* (см. **өжеш-**), но в отличие от последних, образованных от именной основы тюрк. происхождения *өш, өжээнник-*, явно связана с монголизмом (см. **өжээн**), хотя сама по своей структуре в целом кажется заимствованием не является.

Семантически этот глаг. ориентирован на основу *өш*, а структурно — на *өжүк-*, где вычленяется аф. *-үк-*, которому в *өжээнник-* соответствует, по-видимому, его вариант *-ик-*. Похоже, что эта глаг. форма была образована по образцу *өжүк-*, однако затем подверглась не вполне понятному переосмыслению: пока сложно объяснить появление в *өжээнник-* удвоенного *н*.

өжээрге- [өъ] 'хотеть мстить за что-л.'; **өжээргек** [өъ] 'мстительный'.

Монголизмы. Ср. монгол. *öšijerke- / өшөөрхөх* 'делать пакости из ненависти, мстить, вымещать', *öšijerkeg / өшөөрхөг* 'мстительный', связанные с монгол. прототипом тув. **өжээн** (см.).

өжээргек см. **өжээрге-**.

өжээтен [өъ] **1**. 'ненавистный; ненавидящий'; **2**. 'ненавистник, враг'; **өжээти** [өъ] 'враг, неприятель'.

Монголизмы. Ср. монгол. *öšijeten / өшөөтөн* 'враг, неприятель, ненавистник', *öšijetü / өшөөт* 'ненавистный, смертельный (о враге); враждебный; злобный', образованные от *öšije(n) / өшөө(н)* (см. **өжээн**).

өжээти см. **өжээтен**.

өзе- 'резать, закалывать (мелкий скот); лишать жизни, убивать'.

Ср. хак. *өзе- ~ өсте-* 'забивать животное жертвенным способом (вспарывать ему грудь и разрывать аорту)' (ХРИЭС, *76*)[1]. Производные с аф. *-а-* и *-та-* (< *-ла-*?) от именной основы типа тув. *өс* 'аорта', хак. *өс* 'нутро'. См. **өс**, **өзек**.

[1] В Туве этот способ закалывания (*өзе-*) овец и баранов используется и в наст. время. См. о нем: Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 101.

өзек ‘сердцевина; стержень; центр, место наибольшего проявления чего-л.; начало, основа, основная часть чего-л.; вал, вращающийся вал; фитиль’; **өс** ‘аорта; часть тела, где находится аорта’.

Ср. тоф. *өзек* ‘сердцевина; центр, середина’, сойот. *өзәк* ‘центр’ (ТРС-РТС, *55*; СБРС, *88*), *өс* ‘сердечная аорта’ (СБРС, *89*). Тув. *өзек* имеет общетюрк. соответствия в вариантах *өзек* (преобладающий) ~ *өзөк* и др. со знач. ‘сердцевина, ядро; кровеносный сосуд, шейная артерия; вена, выходящая из сердца; стержень; центр, середина...’. Э.В. Севортян констатировал: «более распространенным и отмеченным уже в старейших текстах является значение ‘сердцевина’...» и среди старейших — также знач. типа ‘артерия’ и ‘вена’, отмечая, что выделить центральные знач. слова *өзек* затруднительно (ЭСТЯ I, *509*).

Вместе с тем не вызывает сомнений гомогенность последнего с тюрк. *өз...* ‘сам, свой; тело, плоть; сердцевина, костный мозг; сердце; желудок, живот...’ (см.: ЭСТЯ I, *506–507, 510*; СИГТЯ Л, *117*), среди соответствий которого в указ. и других источниках отсутствует тув. *өс* ‘аорта...’ (а также тоф. *өс* ‘аорта (сердечная); середина, центр’, сойот. *өс* ‘сердечная аорта’, як. *үөс* ‘аорта’, хак. *өс* ‘нутро, желудок’), причем семантика типа ‘аорта’ для других соответствий *өз...* нехарактерна: она более присуща соответствиям *өзек*. Кстати, и применительно к *өз* ~ *өс* «пока не представляется возможным» определить их центральные знач. (ЭСТЯ I, *507*), т.е. в этом плане ситуация аналогична той, что прослеживалась с *өзек*. Не вполне приемлемо в качестве центрального (исходного) для *өз...* и *өзек* и знач. ‘сердцевина (дерева)’ (см.: СИГТЯ Л, *117*)[1].

Мы полагаем, что семант. развитие этих слов близко тому, что нами указывалось для *бот* ‘тело’ и под. и для которого первоначальное знач. формулировалось как ‘являющийся частью, в том числе основной, но не целым...’ (см. **бот**).

По всей вероятности, близка к первоначальному часть знач. тув. *өзек*: ср. ‘центр, место наибольшего проявления чего-л.’ и ‘основа, основная часть чего-л.’, а также ‘центр, середина’ в ряде языков (см.: ЭСТЯ I, *509*). Последнее знач. отмечается и у некоторых соответствий слова *өз* (см. выше), причем, напр., относительно як. *үөс* ‘сердцевина дерева; середина реки’ было высказано предположение о том, что здесь первичным знач. является именно ‘центр, середина’ (Бётлингк, *485*).

О характере словообр. связей между *өз...* и *өзек...* существуют две точки зрения. Согласно первой из них, *өзек* (< *өз-ек*) — уменьш. форма от *өз*. Этого мнения придерживался ряд исследователей, хотя оно не обосновано в логико-семант. плане (в частности, диминутивная семантика у *өзек* не улавливается), вследствие чего, по всей вероятности, указ. мнение не было принято Э.В. Севортяном в ЭСТЯ, хотя ранее он разделял эту точку зрения (см.: АИ, *167*).

Однако позднее Севортян счел, что более вероятным было бы интерпретировать *өзек* как отглаг. сущ. с аф. *-(а)к* и основой **өз-* (ЭСТЯ I, *510*), представляющей собой глаг. соответствие имени *өз*. В принципе исследователь, думается, был прав, когда относил *өзек* к числу отглаг. образований, но сама основа **өз-* остается при этом неясной. Говоря об *өз-*, Э.В. Севортян приводил в качестве реального соответствия к ней др.-уйг. глаг. *öz-* ‘быть собственным’ (по Г. Вамбери), который в отношении семантики недостаточно ясен, но к которому едва ли может быть возведено *өзек*. Приводятся также различные образования, в состав которых, как предполагалось, входит основа **өз-*, но ее семантика не указывается (ЭСТЯ I, *507*).

Не исключено также, что *өзек* образовано от двухсложной глаг. основы **өз-е-*, представление о которой дают тув. и хак. глаг. (см. **өзе-**). Возможно, эта основа имела семантику типа ‘разделять’ (речь идет, в частности, о разрыве аорты). Вполне вероятно также, что и односложный вариант этой основы означал примерно то же: см. **өзен**, **өске**.

өзен ‘ложбина; распадок, лог’.

Ср. тоф. *өзен* ‘распадок, ложбина на склоне горы; маленький ручеек на пологом склоне горы’, а также соответствия общетюрк. характера (в основном в варианте *өзен*) со знач. ‘река, речка, ручей; ложбина, лог; долина, ущелье...’ (ЭСТЯ I, *510–511*). Кроме *өзен...*, в части тюрк. языков и памятников зафиксирована форма *өзек*, семантически близкая и родственная *өзен* и считающаяся омонимичной *өзек* ‘сердцевина’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *510*, а также **өзек**).

Э.В. Севортян отмечал, что «*өзен...* гомогенно с глаг.-именными словоформами *өз* ~ **өз-*», из которых первая широко употребляется как самостоятельное слово в знач. ‘река, поток, протока; долина, овраг, проход между горами’ и ряде других, а вторая лишь прослеживается в составе образований, подобных тур. *öztmek* ‘ручей; топь; плавни; долина’, *özenti* ‘промоина, арык, образовавшиеся на месте высохшего озера’ и т.п. (Там же, *511*); знач. **өз-* считается ‘течь’ (Там же).

По Севортяну, *өзен* произведено от глаг. **өз-* аф. *-(а)н*, а его вариант *өзек* — от *өз* ‘источник’ и под. с помощью аф. *(а)к* «в уменьшительном и, вероятно, увеличительном значении»

[1] Вызывает также несогласие реконструкция праформы последнего в виде **özök* с опорой на явно вторичные кирг. и алт. варианты (Там же).

(ЭСТЯ I, *510*), что представляется небесспорным. Скорее всего, *өзек* ‘река...’ — отглаг. образование, подобное, с одной стороны, *өзен*, а с другой — *өзек* ‘сердцевина...’.

Вместе с тем последнее и *өзек* ‘река’, возможно, не являются омонимами. Во всяком случае, Г. Рамстедт сближал *özän* ‘внутренность; семя дерева’ и *özön* ‘река’ (Рамстедт, *196*), хотя Севортян сомневался в их родстве (ЭСТЯ I, *512*), а А.Т. Кайдаров трактовал как гомогенные друг с другом *өзек* ‘сердцевина, нутро’ (‘русло’) и *өзек* ‘река; русло реки’[1], выделяя в них общую основу *өз* ‘сердцевина, нутро, ядро’ (Кайдаров, *267*), с чем едва ли можно согласиться.

Тем не менее родство этих названий реально. Его условием может быть наличие у ранее указ. словоформ *өз ~ *өз-* первоначальной семантики, связанной с разделением, отделением и реализуемой в *өз* как наименование различных географических объектов, как водных, так и безводных и вместе с тем разделяющих другие объекты на части или отделяющих их друг от друга (см. материал, представленный выше, а также: АЭ, *135*). Подобная же семантика, но в ее глаг. разновидности характеризовала и основу **өз-*, которая едва ли, как это считается, означала ‘течь’: ср., напр., др.-тюрк. (МК) *öz-i* ‘горный проход, перевал; ущелье, дорога между двумя горами’ (ЭСТЯ I, *511*)[2], где четко прослеживается знач. разделения. Семант. характеристики, близкие *өзен* и его вариантам, в том числе в плане трактовки исходного знач., отмечались нами и для другого случая: см. **арык I**.

Поскольку семантика разделения фиксируется и для *өзек* ‘сердцевина...’, его можно считать родственно связанным (а не омонимичным!) с *өзек* ‘река...’ и *өзен*. Сто́ит, кстати, отметить, что у последнего существует такой же «омоним» в виде хак. *өзен* ‘сердцевина; стержень, грифель (карандаша); центр, середина’.

өзээник- ‘сильно голодать; падать от истощения (о домашних животных)’.

Ср. хак. *өзік-*, *өзөк-* ‘голодать’, кирг. *өзөөр- ~ өзөөру-* ‘чувствовать сильный голод, изголодаться; быть в состоянии полной расслабленности; задыхаться (напр., от удара в живот, в бок)’ (КРС, *588*); последние, по всей вероятности, связаны с кирг. *өзөк*, означающим, в частности, ‘нутро’ и ‘пищевод’; ср. также кирг. *өзөк* (~ *өсөк*) *ач* ‘прожорливый’ (при *ач* ‘голодный’; см. **аш I**) (КРС, *601*). Хак. *өзөк-* родствен с *өс* ‘нутро; желудок’ (ХРИЭС, *79*). Тув. *өс* означает в основном ‘аорта’, но, по-видимому, могло иметь и ту же семантику, что и его хак. соответствие (см. **өзек**, **өс**): она реализуется, как можно предположить, в составе устойчивых сочетаний типа *өзү карар-*, *өзү караңгыла-* ‘чувствовать сильный голод’ (букв. ‘аорта его темнеет’) (ТРФС, *131*), но в реальности это могло означать ‘нутро его темнеет’ или нечто подобное, как это могло иметь место также в кирг. *өзүм карарды-*, *өзүм карайды* ‘я очень голоден’.

Тув. *өзээник-*, как и кирг. *өзөөр(ү)-*, связано, скорее всего, с *өзек*, но структура тув. и кирг. глаг. не вполне ясна.

өй I ‘момент; время, сезон’.

Ср. алт. *өй* ‘время; эпоха, сезон’. Тув и алт. *өй* представляют собой «йотовый» вариант сло́ва, праформа которого восстанавливается в виде **öd* ‘время’. Этот вариант характерен для др.-тюрк. памятников, а в тув. языке ожидалась бы его модификация **өт*; *өй* считается заимствованием в тув. из алт. языка (СИГТЯ Л, *68*).

В более поздних памятниках и ряде совр. тюрк. языков распространена аф. форма названия времени, главным образом с основой **өй* типа *өйле*, означающая чаще всего ‘полдень’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *516–517*). См. также **өй II**.

өй II 1. ‘мера, предел’; **2.** ‘вмещающийся во что-л., подходящий по размеру; достаточный для чего-л.’; **3.** ‘только и...’; **өй-тап** ‘умеренный; умеренно, впору, в самый раз’.

Ср. тоф. *өй* ‘как раз, впору, по размеру; соответствующий размеру’ (ТРС-РТС, *55*), чалкан. *эй* ‘впору, как раз’ (Баскаков 1985б, *228*). Очевидно, тув. *өй II* и его соответствия гомогенны с *өй I*. Не случайно, в частности, В.В. Радлов истолковывал тел. *өй* как многозначное слово, означающее как ‘время, срок’, так и ‘мера’, а у алт. *өй* ‘время, пора, срок’ присутствуют также знач. ‘мера’ и ‘впору’ (РСл. I, *1172*; ОРС, *118*).

В указ. случаях прослеживаются смысловые связи типа ‘время’, или, точнее, ‘ограниченный и, возможно, благоприятный для чего-л. отрезок времени’ (момент, сезон, срок и т.п.) → ‘мера’; ‘умеренный, в меру...’, т.е. ‘нечто, характеризуемое ограничением’. Оно может проявляться по-разному: ср. тоф. *өй* ‘постепенно’ (т.е. ‘не сразу, умеренно’), *өйге* ‘экономно, расчетливо’ (ТРС-РТС, *55*), тув. *өй* ‘только и...’ (ограничительная частица), напр., *ол ойнаарынга өй* ‘он только и [делает что] играет’.

Второй компонент тув. *өй-тап* — связанная основа, в качестве самостоятельного слова в тув. языке не употребляемая и имеющая соответствие в др.-тюрк. памятниках в виде *tap* ‘достаточ-

[1] Ср. подобную комбинацию знач. у монгол. *гол* и его алтаистических соответствий (АЭ, *145*).

[2] Дж. Клосон указ. форму определял как окказиональное слово и как вторичную форму или результат ошибочного написания варианта *öz* (*өз*) (ED, *281*; СИГТЯ Л, *532*), что, вероятно, не соответствует действительности, поскольку у *özi* имеются соответствия в совр. и др.-тюрк. топонимике (см.: АЭ, *151–152*).

ный; достаточно' (ДТС, *533*) или, по Клосону, 'удовлетворительный, достаточный...'. Дж. Клосон (ED, *434*) отмечал также наличие соответствий *tap* в отдельных юж.-сиб. тюрк. языках (по РСл. III, *946*) типа хак. (кач.) *man* 'подходящее'. См. также **тап-биле**, **таптыг**.

өйгээмчи см. **өвээнчи.**

өй-тап см. **өй II**.

өк I 'гортань, глотка; кадык'.

М. Рясянен (EW, *368*) сопоставлял (под знаком вопроса) тув. *өк* с хак. диал. *өдеш* 'горло, глотка, зев', в свою очередь сравниваемым с формой *өңгеч* (см. **өөш**). Это сопоставление явно ошибочно. Возможно, соответствием *өк* является тур. диал. *ök* 'легкие, грудь', которое Э.В. Севортян предположительно (со знаком вопроса) возводил к *өң* 'грудь', допуская его родство с глаг. основой **өг-*, а с ней связывал тюрк. название легких (ЭСТЯ I, *541*; см. также **өкпе**), что, однако, проблематично.

В других статьях ЭСТЯ приводятся и другие, однотипные с *ök* тур. диал. материалы: *öm* < **öŋ* 'выступающий кадык', *ögür* < **ög-* + *-ür* 'грудь; туловище' и т.п., с основами которых связывается также реконструированная глаг. омоформа **өң- ~ *өм-* 'выдаваться, выступать'; ср., кроме того, тур. диал. *ötük* 'пищевод, горло; дыхательное горло' (ЭСТЯ I, *536*, *537*). Судя по их семантике, вышеприведенные именные и глаг. основы имеют образную природу и первоначально характеризовали нечто выступающее, округлое и т.д., что относится и к тув. *өк*, и к тур. *ök* (последнее едва ли < *өң*). Во всяком случае, судя по самому факту наличия подобной тув.-тур. параллели, *өк ~ ök* должно быть достаточно древней формой.

өк II 'друг, дружок, приятель'; **өк-тала** 'знакомые, приятели' (Ондар. СПС, *95*).

Соответствия тув. *өк* неясны. Возможно, это слово связано с основой широко распространенного тюрк. глаг. *өгсе- ~ өксе-* 'хотеть видеть, встретиться; сильно желать, стремиться; любить...', который считается образованным с помощью дезидеративного аф. *-са-* от основы *өг* 'мать' (ЭСТЯ I, *503–504*); у последней имеется вариант *өк*, считающийся первоначальным (см.: СИГТЯ Л, *300*). Это слово характерно в основном для др.-тюрк. памятников и лишь эпизодически встречается в совр. тюрк. языках, хотя в качестве связанной основы фиксируется нередко (ЭСТЯ I, *521*; см. также **өскүс**).

Удовлетворительной этимологии слово не имеет. Не исключена связь с указ. названием матери тув. *өк* 'друг...', семантика которого явилась, возможно, результатом контаминации *өг ~ өк* 'мать', и *өң*, которое как раз и обозначает друга, также близкого человека (см. **өң II**). Тув. *өк-тала*, в свою очередь, произведено по образцу тув. *өң-тала*, синонимичного с первым (Ондар. СПС, *95*) и образованного соединением *өң* 'друг...' и близким ему по семантике монголизмом *тала*: см. **өң-тала**, **тала**.

өкпе [өъ] 'легкие'; **өкпежи** [өъ] 'недовольный, чувствующий себя обделенным'; **өкпе-чар** [өъ] 'спор; жалоба'; ? **өө тын-** 'дышать с трудом; страдать астмой'.

Ср. тоф. *өъкпе* 'легкие' и общетюрк. соответствия, бытующие в нескольких разновидностях: 1) *өпке* — наиболее распространенная и древняя; 2) *өкпе...*; 3) *өгке... ~ өкгән ~ *өгкен...* Семантика — 'легкие; гнев, ярость; злоба, обида; мужество, храбрость...' (подобные знач., связанные с эмоциями, фиксируются на тув. материале у производных форм; см. ниже).

Все указ. виды наименования Э.В. Севортян считал отглаг. образованиями и возводил их к глаг. **өг-*, «представление о котором дает его омоформа *ök* в тур. диалектах со значением 'легкие, грудь' (< *өң* 'грудь') (см. **өк I**. — *Б. Т.*). Сюда же, вероятно, можно присоединить *öh* (< *ök*) в составе *öhcü* 'джин, дьявол'... Форму же *өбге ~ өпке* и т.д. можно было бы рассматривать как метатезу из **өгбе...*» (ЭСТЯ I, *541*). Основными знач. слова считаются 'легкие' и 'гнев', и под., между которыми предполагается комплексная семант. связь (Там же), что не вполне ясно. Эти наблюдения, несомненно, представляют интерес, но они небесспорны. Так, предполагать в рассмотренном случае метатезу не вполне основательно, о чем свидетельствует наличие в др.-тюрк. (МК) межд. *ör öp* — произносится человеком в состоянии возбужденности, когда он не знает, что сказать (ДТС, *387*). Можно полагать, что этим передаются ощущения человека, у которого перехватывает, теснит дыхание от возбуждения или гнева. По А.Н. Кононову (ГЯТРП, *143*), *öpkä ~ öfkä* 'гнев' < *öf ~ ör* — имитатив, выражающий недовольство и т.п.

Однако *öpkä* и под. не обязательно могло быть отымитативным образованием. Его основой могло явиться и имя или глаг. Возможно, глаг. основа **өп-* (*өф- ~ *өб-*) и означала 'быть в гневе, ярости, возбуждении; задыхаться (в том числе от гнева, ярости)', и не случайно Э.В. Севортян обратил внимание на тур. *өвкен* (*övken*) 'одышка, стесненное дыхание' (ЭСТЯ I, *541*). О глаг. основе **өп-*, вероятно, дают представление и др.-тюрк. *öpäl-* 'гореть, возгораться(?)' (судя по тексту, в перен. смысле), *öpün-* 'нападать(?)' (ДТС, *387*, *388*).

Вместе с тем реальны также глаг. **өг-* (**өк-*) и имя **өг* (**өк*). Последнее можно видеть в чаг. *өк-тä-к* 'гневный, сердитый' (РСл. I, *1182*) и, вероятно, в глаг. *өкте- ~ өктө-* 'ободрять, возбуждать' и производных от него прил. типа *өкдөм*, *өктем*, *ög-*

dem... ‘храбрый, дерзкий, напористый’ и т.п., где находят основу **өг ~ *өк* ‘рассудок, душа’ (ЭСТЯ I, *519*), но в данном случае основа должна обозначать, скорее, гнев, возмущение или нечто подобное.

Думается, такая основа или ее глаг. соответствие прослеживается в составе тур. *öğülde-* ‘впадать в ярость’ (РСл. I, *1199*); ‘метаться, брыкаться, приходить в ярость’ (ТурРС 1977, *699*). В свою очередь, глаг. **өг-...* мог означать ‘тяжело, стесненно дышать (как будто в гневе)’. Возможно, он отражен в нар. компоненте *өө* (? < **өг-у*) устойчивого тув. сочетания *өө тын-* ‘дышать с трудом, чувствовать удушье, страдать астмой’ (при *тын-* ‘дышать’).

Можно полагать, что существовали две основные конкурирующие формы тюрк. названия легких: 1) близкая к *өгбе* (со словообр. аф. *-бе-/ -ме: өкпе ~ өхмә...* в ЭСТЯ I, *541*) и 2) близкая к **öbke*, реконструируемой в СИГТЯ Л, *276–277* (по-видимому, с аф. *-ke*). Тув. *өкпе* могло быть связано как с первой, так и со второй (как результат метатезы?).

Отметим, что в статье ЭСТЯ отсутствуют производные от *өкпе* и его соответствий (обычно такие формы Э.В. Севортяном приводились), хотя они существуют. Для последних характерно, что они отражают не анат., а, главным образом, «чувственную» семантику. Ср., напр., тув. *өкпеле-* ‘обижаться за то, что не дали или мало дали чего-л.’, тоф. *өъкпеле-* ‘обижаться; чувствовать себя обделенным, быть недовольным’, др.-тюрк. *öpkälä-* ‘сердиться, гневаться’, *öpkälä-* ‘сердиться’ (чаг.); ‘дуться на кого-л., показывать себя обиженным’ (кр.-тат.), бараб. *өпкөлө-* ‘сердить’ (РСл. I, *1510–1511*), алт. *өкпөлө-* ‘обижаться, досадовать, сердиться’ и т.д.; тув. *өкпежи* ‘обидчивый; такой, которому часто кажется, что его обделили’, др.-тюрк. *öpkäči* ‘гневный, вспыльчивый’, *övkäči* ‘раздражительный, гневный’ (ДТС, *388*, *394*), кр.-тат. *өпкечи* ‘обидчивый; человек, который дуется на других за всякие пустяки’ (РСл. I, *1311*).

Подобная семантика прослеживается и в тув. образованиях типа па́рных слов, среди которых — *өкпе-дарыш* ‘обида за то, что обделили’ (при *дарыш* ‘вспыльчивость, раздражительность’: см. **дарыш**), *өкпе-чар* ‘спор; жалоба’, где компонент *-чар* недостаточно ясен; возможно, он родствен словам *чарыш* ‘состязание (в беге)’ (см. **чарыш**) или *чаргы* ‘споры, тяжба’ (см. **чаргы**).

Как правило, аф. образования и композиты, подобные вышеприведенным, при многозначности исходных основ и форм отражают их основные знач. Не могли ли в случае с *өкпе...* такими быть ‘гнев; обида’ и подобные «функциональные» значения, а легкие рассматривались как орган, порождающий, напр., гнев или служащий его вместилищем, и соответственно ‘легкие’ являются вторичной семантикой *өкпе* и его соответствий.

өкпежи см. **өкпе**.

өкпең [өъ] ‘малиновый’.

Вариант словосочетания *өкпе өң*, где *өкпе* связано с названием легких (см. **өкпе**), а *өң* означает ‘цвет’. Ср. также хак. *өкпе өң* ‘малиновый цвет’, *өкпең туйгахтыг* ‘с розовыми копытами’ (ХРИЭС, *77*) и *өкпен* ‘алый (цвет)’ (ХРС, *134*), последнее из которых неясно по своей структуре.

өкпе-чар см. **өкпе**.

өксүс см. **өскүс**.

өк-тала см. **өк II**.

өктергей [өъ] ‘много; очень большой’; **өктере-** [өъ] ‘умножаться, расти’; **өктерел** [өъ] ‘умножение имущества; счастье’; **өктереңгей** [өъ] ‘богатый; счастливый, блаженный’.

Соответствия вышеприведенных форм не обнаружены. Структурно, особенно в случаях *өктерел* и *өктереңгей*, эти формы напоминают монголизмы, но их прототипы также не найдены. Вместе с тем в подобных случаях могло иметь место лишь использование в тув. языке монгол. словообр. моделей.

Мы допускаем, что исходной основой для тув. *өктере-* была тюрк. глаг. *өк- ~ өг-* ‘складывать, собирать, накоплять...’ (ЭСТЯ I, *620*), от которой могло быть произведено чаг. *өкте*, означавшее ‘сильный, могущественный; выгодный, имеющий преимущество’ (< **өк-те*?); см. также чаг. *өктеле-* ‘иметь выгоду; быть победителем’ (РСл. I, *1181–1182*). Думается, что указ. основа и данные формы имеют общий смысловой признак типа ‘(иметь) что-л. нужное в большом количестве’ или под.

От основы *өкте* мог быть образован (с помощью аф. *-ра-*) глаг. типа тув. *өктере-*, а от последнего, по образцу монгол. отглаг. имен, — формы *өктерел* (с аф. *-л*), *өктереңгей* (с формантом *-ңгей*; ср. **делгереңгей**). Форма *өктергей*, возможно, произведена от *өктере-* по образцу образных прил. на *-гей*.

С приведенной выше глаг. основой *өк- ~ өг-* и чаг. *өкте*, вероятно, родственны алт. *өк* ‘прибыль, выгода’ и связанные с ним образования *өктөн-* ‘быть выгодным, быть спорым’, *өктөл* ‘спорый’, *өктөм* ‘выгодный, спорый’ (РСл. I, *1178*, *1183*, *1184*); ср. также як. диал. *өктөм* ‘изобильный, богатый’[1], которое может быть родственно с як. диал. *өкүй-* ‘подниматься, повышаться’ (ДСЯЯ, *189*). Як. формы семантически близки к рассматриваемым тув., что едва ли может быть случайностью.

[1] Отмечается также як. диал. *өктөм* ‘дешевый’, считающийся омонимом к *өктөм* ‘изобильный...’ (ДСЯЯ, *189*), но, скорее всего, в этом случае мы имеем дело с полисемией.

өктере- см. **өктергей**.
өктерел см. **өктергей**.
өктереңгей см. **өктергей**.
өл- ‘умирать, погибать; дохнуть (о скоте)’.

Глаг. основа, имеющая общетюрк. соответствия в преобладающем варианте *өл-* и со знач. ‘умирать, быть мертвым; дохнуть, околевать; гибнуть’ и др., среди которых выделяется ‘хворать, болеть’ (як.) (ЭСТЯ I, *525–526*). Отметим, что як. *өл-* в словаре Э.К. Пекарского сравнивается с употреблением рус. *умирать* вместо *хворать* (Пек. II, *1928*) и таким образом, семантика типа ‘болеть’ для *өл-* также вторична. Однако як. и некоторые другие данные, кажется, свидетельствуют о другом. Так, производное от *өл-* як. имя *өлү* означает не только ‘умирание, гибель’, но и ‘болезнь, хворь, зараза’, а также входит в качестве компонента в ряд лексикализованных сочетаний, обозначающих конкретные заболевания (Там же, *1938–1940*), а другое образование от той же глаг. основы (*өлүк*) имеет не только знач. ‘труп’, но и признаковую семантику ‘малосильный, изнуренный; сонливый, ленивый; старый; мягкий (напр., о грунте)’ (Там же; ДСЯЯ, *193*).

С ней перекликается знач. др.-тюрк. *ölüt* ‘пожилой, дряхлый’: *ölüt er* ‘пожилой мужчина (~ дряхлый, утративший силу)’, причем *ölüt* ‘пожилой...’ считается омонимом *ölüt* ‘убийство’ (ДТС, *384*), хотя эти формы, скорее, гомогенны.

В приводимых примерах отмечена признаковая (адъективная) семантика, которая в принципе старше субстантивной (вроде ‘гибель; труп; убийство’), причем семантика качественных прил. характеризует еще живых субъектов, хотя и имеющих проблемы со здоровьем. Возможно, и у основы *өл-* первоначальным было знач. ‘болеть (тяжело), быть в плохом физическом состоянии’.

Э.В. Севортян обратил внимание на то, что тюрк. *өл-* давно сопоставляется с монгол. формами, в частности с *ölüs-* ‘умирать с голода’ и под. (ЭСТЯ I, *256*). (Обычно указ. глаг и его соответствия приводятся со знач. ‘голодать’.) Исходя из подобных форм, С.А. Старостин и для монгол. языков реконструировал идентичную с тюрк. основу **öl-*, но со знач. ‘быть голодным, истощенным’ (Старостин, *241*, *281*).

Наличие в монгол. языках исконной глаг. основы, по форме одинаковой с **öl-* ‘умирать’, но отличной от последней по знач., вызывает сомнение. Если даже такая основа и существовала в реальности, она вполне могла быть тюрк. заимствованием, хотя семантика типа ‘быть голодным’, возможно, являлась более древней, нежели ‘умирать’, и она, подобно ‘болеть (тяжело)’, вполне может быть интерпретирована как своего рода разновидность знач. ‘быть в плохом физическом состоянии’.

Впрочем, прямых свидетельств реальности монгол. **öl-* ‘голодать’ или под. не отмечено, а формы, в которых реализуется семантика этой основы, вероятно, также заимствованы (или образованы от каких-л. заимствований). Так, может быть, не случайно сходство указ. монгол. *ölüs-* ‘голодать’ и др.-тюрк. *öläs* ‘томный, печальный’ (ДТС, *383*) или монгол. *ölüken / өлхөн* ‘полуголодный’ (БАМРС III, *18*) и тюрк., в частности тув., *өлген* (< **өл-кен*) ‘мертвый, умерший’ (форма причастия прош. времени от *өл-* ‘умирать’).

Отметим также, что в монг. языке присутствуют формы, определенно родственные с теми, что связаны с голоданием, но обозначающие (как и приводимые выше тюрк. данные) болезненные состояния: ср. монгол. *ölbür / өлбөр* 1. ‘хворый, слабый здоровьем’; 2. ‘изнурительная болезнь’, *ölüg / өлөг* ‘изнурительный, хронический’ (БАМРС III, *14*, *17*)[1]. Эти формы также могли возникнуть как результат тюрк. влияния, но отражают древнюю семантику своих тюрк. прототипов.

өл ‘мокрый, сырой, намокший, невысохший; незасохший, невысохший, не сухой (о растительности); мокрый, тающий (о снеге); сырой, заболоченный (о местности)’; **өлген**, **өлүген** ‘затяжное ненастье, непогода’; **өл чаъкпан** *тодж.* ‘мокрый снег’.

Өл имеет общетюрк. соответствия в преобладающей форме *өл* и со знач. ‘мокрый, сырой, влажный; свежий, сочный, не сухой’, а также ‘сырое, мокрое место, топь; мокрота, влага; вода’ и под. (ЭСТЯ I, *524–525*). Этимология неясна. Вместе с тем в ряде производных форм у *өл...* прослеживается глаг. соответствие **өл-* ‘быть влажным’ (Там же, *525*, *758*).

Тув. *өлген* (как и *өлүген*), очевидно, родственно *өл...* (что уже отмечалось, см.: СИГТЯ Л, *14*), но образовано, скорее всего, от глаг. основы *өл-* с помощью аф. *-ган...* Вариант *өлүген*, возможно, отличается от *өлген* структурно, будучи образован тем же формантом от глаг. **өл-үг-*, производного от *өл* (ср., в частности, др.-тюрк. *öli- ~ ölü-* ‘мокнуть; становиться влажным’, см.: ЭСТЯ I, *525*).

В тодж. *өл чаъкпан* ‘мокрый снег’ (тув. лит. *өл хар* то же; при *хар* ‘снег’) первый компонент связан с *өл* ‘мокрый...’, а второй сопоставлен с тоф. *шапкан* ‘мокрый снег’ (Чадамба 1974, *75*; см. также: ТРС-РТС, *95*). Ср. также *чапкын ~ чапгын...*, которые в

[1] Ср. также тюркизм типа п.-монг. *ölüg* ‘предмет, вещь’, непосредственно сближаемый с др.-тюрк. *ölüg* ‘мертвец’ и сравниваемый, кроме того, со ср.-тюрк. *ölüg barγu* ‘имущество; мертвая добыча’ (Щербак 1997, *165*). Другие соответствия указ. тюрк. и монгол. форм см.: СИГТЯ Л, *329*.

разных источниках означают ‘вьюга, метель, буран; ветер, дождик и снег...’ (СИГТЯ Л, *48*) (+ турк. *чабга* ‘ливень, проливной дождь’), являющиеся производными от глаг. основы *чап-*... ‘произвести набег, налет; нападать’ (Там же), которой в тув. соответствует *шап- > шап-кын* ‘быстрый, стремительный, бурный’. Последнее фактически оказывается вариантом *чаъкпан* в *өл чаъкпан* (с метатезой *пк > кп*). См. также **шап-**.

өлген см. **өл**.

өле ‘сивый, темно-серый (о масти); сивый, седой; осоевший; осословевший (о глазах); окосевший (о пьяном); усталый’; **өле-була** ‘сивый и других мастей (о табуне)’; **өлегер** ‘синий’; **өлер-** ‘сиветь; седеть; едва начинать светать; советь (о глазах)’.

Ср. тоф. *өле* ‘сизый; сивый (о масти)’, алт. диал. *өлө ат* ‘красно-пестрая лошадь’ (Вербицкий 2, *230*), алт. *өлө* ‘пестрый, пегий’ (РСл. I, *1247*; приравнено к *ала*), *өлө* ‘пегий’ (ОРС, *119*); ср. также як. *өлбөөдүй-* ‘тускнеть, тускнуть’, *өлбөөркөй* ‘тусклый, неяркий, слабый’ (ЯРС, *285*).

У *өле...* имеются также монгол. соответствия. Так, в тексте «Сокровенного сказания...» отмечено прил. *ole* ‘темный’, сопоставляемое с калм. *ölö* ‘сизый’ и монг. *ölö* ‘сиво-пегий’ (Козин. СС, *585*); ср. *ölö* ‘сизый, пегий, железистого цвета’ (Голст. I, *236*), бур. *үлэ* диал. ‘сивый (о масти); сизый (о голубе)’, *үлэн* ‘сивый; сизый’ (БурРС, *502*). В совр. источниках по монг. и калм. лексике указ. прил. представлено в основном в сочетании с другим: ср. монг. *өл буурал* ‘сизый, сивый; седой; пегий, серебристо-серый’ (БАМРС III, *14*), калм. *өл буурл* ‘сизый, сивый’ (см. **буурул**).

По мнению М. Рясянена (EW, *374*), рассматриваемые тюрк. цветовые прил. (приведены алт. и тув. данные) имеют монгол. происхождение, что вполне допустимо для алт. *өлө* (в качестве вторичного заимствования, поскольку монгол. название цвета, в свою очередь, могло быть тюркизмом), но едва ли приемлемо для тув. *өле*, которое более многозначно, чем его монгол. соответствия. Кроме того, оно служит производящей основой для ряда образований, глаг. и именных, которые для монгол. языков нехарактерны (см. о них ниже). Учитывая наличие у *өле* подобных признаков, его следует считать исконным (тюрк.) словом, а не заимствованием.

Выше уже упоминалось о сближении В.В. Радловым алт. *өлө* с тюрк. *ала* [‘разноцветный, пестрый, пегий...’]. Эти названия сходны, но едва ли родственны (см. **ала I**), хотя и одноструктурны: то и другое могут быть отглаг. именами. Алт. *өлө* претерпело контаминацию с *ала*, переняв семантику последнего (‘пестрый, пегий’); результатом подобного «скрещивания» могло явиться образование тув. *өле-була* ‘сивый и других мастей...’ под вероятным влиянием *ала-була* ‘разномастный...’ (см. **ала-була**).

Высказано мнение, согласно которому первоначальное знач. тув. названия *өле* связано с *өл* ‘мокрый, влажный, сырой’: «Сивый конь действительно выглядит как намоченный, мокрый» (Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. — Кызыл, 2003. — С. 55). Если исходить из родства между *өле* и *өл*, то первое, скорее всего, не может быть образовано от второго: неясна модель такого словообразования. *Өле* — явно отглаг. образование, которое в принципе могло быть произведено от глаг. соответствия *өл* ‘мокрый...’ — **өл-* ‘быть влажным’ (см. **өлген**) и, таким образом, являться морфол. вариантом такого образования, как тур. диал. *ölü* (< *öl-ü*) ‘влажность, сырость; влажные места на почве’ (см.: ЭСТЯ I, *525*), для которого допустима и адъективная семантика вроде ‘влажный’ и под., что может быть подтверждено, по-видимому, монгол. *ölü*, *öle* ‘свежий, сырой, влажный’ (Там же; по Г. Рамстедту), являющемуся вероятным тюркизмом.

От основ и форм с подобной семантикой логично было бы ожидать появления образований, обозначающих зеленый цвет, но реально знач. ‘зеленый’ ни у них, ни у *өле* и его соответствий не прослеживается, хотя попытка обнаружить такое знач. у *өл ~ *өл-* с указ. знач. и предпринималась (см.: АЭ, *181*). Однако в указ. источнике не привлекались для анализа *өле* и связанные с ним тюрк. и монгол. данные, что в целом труднообъяснимо. Кроме того, у тув. *өле* и прослеживается знач. ‘синий’, отмечаемое у форм *өлегер*, которая образована аф. *-гар...* от глаг. основы типа **өлей-* (варианта *өлер-* ‘сиветь...’), означавшей, вероятно, ‘синеть’; ср. *агай- ~ агар-* ‘побелеть’ < *ак* ‘белый’, *саргай- ~ саргар-* ‘желтеть’ < *сарыг // сары* ‘желтый’ (АГ, *279*, *280*), *өле-сарыг* ‘желтый с синеватым оттенком’. Семант. признак синевы, кроме того, у *өле* и его соответствий присутствует в знач. ‘сизый’ или ‘темно-серый с синеватым оттенком’.

По своей цветосемантической гамме (‘синий — серый — седой...’) *өле* и под. напоминают тюрк. *көк* (происхождение которого не выяснено: см. **көк I**). *Өле...* обозначает неяркие, холодные цветовые тона, каковыми, в частности, являются синий, серый, голубой, фиолетовый (ОШ, *866*), а также слабую освещенность: ср. тув. *өлер-* ‘едва начинать светать’, а также як. *өлбөдүй-* и *өлбөөркөй* с указ. выше знач. Здесь допустима связь с глаг. основой *өл-* ‘умирать...’ (см. **өл-**), среди знач. которого ‘терять свои качества; блекнуть’ и, по-видимому, ‘слабеть’ (см. ‘слабый’ среди знач. производных от *өл-* имен) (ЭСТЯ I, *526*, *527*).

С той же глаг. основой связана семантика *өле* и *өлер-*, характеризующая пьяное состояние; ср. также як. *өлө* ‘мертвецки’ (*өлө итир-* ‘быть мертвецки пьяным’) (ЯРС, *285*). Возможно также существование родства между *өле...* и як. парным словом *үөлдьүөл*, означающим ‘темный’, а также ‘сумерки, рассветный полумрак; смутно, неясно’ (помнить, видеть) (Пек. III, *3139*; ЯРС, *454*) и предположительно имеющим образный характер. Скорее всего, оно не имеет связи ни с *өл-* ‘слабеть...’, ни с *өл* ‘сырой, влажный...’ (як. *үөл*), генетическая общность которого (а также его глаг. соответствия **өл-*) с *өле...* в целом представляется маловероятной.

өле-була см. **өле**.

өлегер см. **өле**.

өлекчин *диал.* ‘девушка легкого поведения’ (ЦУ, *154*); **өлешкин** *фолькл.* ‘сука, самка (о собаке)’; *бранное* ‘сука (о женщине)’.

Ср. сиб. тат. *үләкцен* ‘сука’ (Тумашева, *228*). Монголизм; ср. монгол. *ölögčin / өлөгчин* ‘самка плотоядного животного; сука’, калм. *өлгчн* то же, бур. *үлэгшэн* ‘самка животных’; бранное ‘сука, стерва’. Монгол. форма, по всей вероятности, включает в свой состав аф. *-гчин*, служащий показателем особей жен. пола или самок.

Подобные наименования образуются, в частности, от названий мастей или расцветок. Таково, напр., монг. *борогч(ин)* ‘серая, сивая, сизая (о мастях самок животных)’ (*борогчин нугас* ‘серая утка’) < *бор* ‘серый, сивый, сизый (о масти)’ (см. **бора**). В свою очередь, с монгол. названием *борог(ин)* связано тув. *боракшын*, тодж. ‘серая утка’; Тере-Холь ‘черная кряква’.

В связи с этим отметим, что в бур. языке, кроме *үлэгшэн* ‘самка...’, зафиксировано также *үлэгшэ(н)* ‘сивая (о самке)’ (< *үлэ* ‘сивый (о масти)’; см. **өле**). Вероятно, эти два наименования родственны друг с другом и первое восходит ко второму из них. С первоначальным названием самки по ее масти связаны, по-видимому, *ölögčin* и другие монгол. варианты слова. Его тув. варианты по форме отличаются один от другого наличием (*өлешкин*) или отсутствием (*өлекчин*) метатезы срединных согласных.

өлең ‘осока’.

Ср. тоф. *өлең* ‘ложбина в вершине ручья или речки, где всегда влажно и обильно растет трава’ (ТРС-РТС, *55*) и общетюрк. соответствия (основной вариант — *өлең*), означающие ‘трава’ и разные виды трав, в том числе ‘осока’, отмеченное только в кирг., ‘(сочное) растение; сено; луг, лужайка, пастбище’ и др.

Считается, что *өлең* гомогенно с *өл* ‘влажный, сырой...’, но произведено не от него, а от соотносительной с *өл* глаг. основы

өл- ‘быть влажным, сырым’ (см. **өл**) с помощью аф. *-ң* (такова точка зрения Э.В. Севортяна: ЭСТЯ I, *528*), что вполне приемлемо. Небесспорна связь *өлең* с глаг. *өли-* ‘мокнуть’ (ED, *147*).

Вместе с тем в монгол. языках также отмечены соответствия тюрк. *өлең* типа п.-монг. *öleng* и др., означающих, в частности, ‘осока’ и являющихся тюркизмом (ЭСТЯ I, *528*; Щербак 1997, *165*, *197*). Подобная монгол. форма, по-видимому, была, в свою очередь, заимствована некоторыми тюрк. языками (напр., тув. и кирг.), о чем может свидетельствовать семантика ‘осока’ у тув. *өлең* и кирг. *өлөң*.

өлер см. **өле**.

өлешкин см. **өлекчин**.

өлзей-удазын [-уъ] ‘узел счастья’ (*символический узор*); **өлчей** *фольк.* ‘счастье’; **өлчей-кежик** [-еъ] *фолькл.*, *поэт.* то же; **өлчей-удазын** см. **өлзей-удазын**.

Ср. хак. *өлҷей ~ үлҷей* ‘счастье; милость, милостыня; пища, раздаваемая родственникам на счастье при похоронах’ (ХРИЭС, *77*). Монголизмы. Ср. монгол. *öljei / өлзий* ‘мир и счастье; благоденствие, блаженство; благо, благополучие’. Тув. *өлчей*, а также приводимые выше хак. варианты — более старые, отражающие монгол. форму с шипящей аффрикатой типа п.-монг. *öljei*, тогда как тув. *өлзей* (в составе наименования *өлзей-удазын*) — более позднее заимствование, в котором отразился переход указ. шипящего согласного в свистящий.

Тув. аналитические формы, приводимые выше, также имеют монгол. происхождение или оно весьма вероятно. Так, *өлзей-удазын ~ өлчей-удазын* связано с монгол. *öljei utasu(n) / өлзий утас* или под., означающими ‘символ мира и счастья’ (орнамент, состоящий из узора в виде нити, из которой сплетено нечто, похожее на крест) (БАМРС III, *16*). Второй компонент в тув. наименовании связан со словом *удазын* ‘нить’ (см. **удазын**).

Тув. *өлчей-кежик* — вероятно заимствование, восходящее к монгол. парному слову, которое в имеющихся источниках не обнаружено, но оба его компонента имеют монгол. происхождение: ср., в частности, **кежик I**.

өлүген см. **өл.**

өл чаъкпан см. **өл.**

өлчей см. **өлзей-удазын**.

өлчей-кежик см. **өлзей-удазын**.

өлчей-удазын см. **өлзей-удазын**.

өмек ‘поддержка, помощь’; **өмек-дөмек** *собир.* то же.

Э.В. Севортян в своем словаре рассматривал форму *уме ~ име ~ өме*, означающую ‘коллективная работа; коллективная помощь в ка-

ком-л. деле; сообща, общими силами, совместно' и под., которую он считал производным от глаг. основы **им-* ~ **ем-*... ['трудиться; мучиться, скорбеть...'], образованным аф. *-е* (ЭСТЯ I, *274*, *633*). Эта версия, однако, не вызывает доверия по фонетико-семант. основаниям. Тув. формы в ЭСТЯ не приведены.

В другом источнике (см.: Дыбо, *14*) приведена пратюрк. глаг. основа **öte-* 'помогать', но неясно, как она возникла. Стоит отметить, что встречаются (в частности, в уйг. языке) и другие (морфол.) варианты *өме...*: односложный (*өм* 'дружно') и двухсложный с конечным *-к* (*өмәк* 'общество, кружок, группа') (УРС, *111*), последний из которых, скорее всего, образован от глаг. основы **өм-е-* 'делать что-л. дружно, сообща'.

В монгол. языках отмечены соответствия тюрк. двухсложных форм: ср. монгол. *öte* / *өм* 'помощь, защита' и *ötüg* / *өмөг* 'помощь; защита, охрана, покровительство' (БАМРС, *18*, *20*), которые, по всей вероятности, имеют тюрк. происхождение (см.: Дыбо, *14*). Тув. *өмек* может быть монголизмом вторичного характера; *өмек-дөмек* не совсем ясно (см. **дөмек**). Ср. также **нөмек-дөмек**, **өмериш-**, **өмээриш-**.

өмек-дөмек см. **нөмек-дөмек**, **өмек**.

өмериш-, **өмээриш-** 'поддерживать, защищать, опекать'.

Переоформленные варианты монголизма, прототипы которых — глаг. формы типа п.-монг. *ötere-* 'помогать, пособлять, защищать' (< *öte* 'помощь, защита') и монгол. *ötüg(e)-re-* / *өмөөрөх* 'вступаться за кого-л., защищать кого-л., заступаться' (БАМРС III, *21*) (< *ötüg* / *өмөг* 'помощь...'; см. **өмек**), образованных от указ. основ с помощью аф. *-ра-* ~ *-ре-*, который в тув. вариантах, по-видимому, осмыслен как *-р-* (каузатив?). Кроме того, эти варианты оформлены аф. совместно-взаимного залога *-(и)ш-*.

өмүнээ I 'представляя кого-л., именем кого-л., от имени...' (реализуется как служебное слово в притяжат. форме исх. п. типа **өмүнээзинден** 'от (его) имени').

Монголизм: ср. монгол. *етüпе* / *өмнө* 'юг, южный; перед, впереди', а также *етüп-е-че* / *өмнөөс*, форму исх. п. от указ. именной основы, означающую 'от имени..., от лица..., за..., вместо...' (БАМРС III, *20*). Эта форма и воспроизводится в тув. *өмүнээ(зинден)*.

өмүнээ II *диал.* 'слишком, чрезмерно; сильно'.

Внешне тув. *өмүнээ* напоминает монгол. *ötпüge* / *өмнөө* 'другой, иной; еще, наоборот' (БАМРС III, *20*), но семантически тув. и монгол. слова не близки друг другу и, возможно, гетерогенны. Допустимы связь *өмүнээ* с кирг. *өм* редк. 'очень много, бесчисленное количество' (ср. также кирг. *өмдө-* 'быть многочисленным, подавлять численностью') (КРС, *593*) и существование у *өм* семантики, характеризующей силу, и наличие глаг. основы **өм-үн-е-* (?) 'быть сильным...'. От последней, в свою очередь, могла быть образована именная форма **өмүне-ги* 'сила, усилие; сильный' > 'сильно'.

өмүнээзинден см. **өмүнээ I**.

өмээриш- см. **өмериш-**.

өндүр 1. 'очень большой, великий'; **2.** 'очень, весьма'.

Монголизм. Ср. монгол. *öndür* / *өндөр* 'высокий; громкий; возвышенный, великий...', очевидно, родственное с образным глаг. *öndeji-* / *өндийх* 'приподниматься, подниматься', с которым связаны як. *өндөй-* 'подниматься на носках, вытягиваться вверх' (Харитонов, *296*) и, по-видимому, алт. *өңдөй-* 'подниматься, взлетать' (ОРС, *119*). См. также: Владимирцов. Ср. грамматика, *164*, *269*; ЭСТЯ I, *532*.

өнедиин, **өнезин** 'умышленно, преднамеренно, нарочно'; **өнемчи-** 'наглеть, распускаться'.

Соответствия в других языках обнаруживаются только у нар. форм: ср. шор. *өнеттин* 'специально, нарочно', хак. *өнетін* 'намеренно, с целью, нарочно, специально', алт. *өнөтийн* 'с намерением, нарочито, нарочно, специально' (ОРС, *119*), алт. диал. *өнөтиин* 'нарочно, нарочито, с определенной целью' (РСл. I, *1215*), хак. диал. *өниттең* 'нарочно, нарочито' (Вербицкий 2, *231*).

Этимология отсутствует. А.М. Щербак рассматривает подобные формы среди нар., грам. природа которых неясна, и в ряду слов, куда включаются алт., хак. варианты (см. выше) и их тув. соответствие в варианте *өнедиин* (*өнезин* отсутствует), а также кирг. *атайы(н)*, узб. *атајын* и ккалп. *ödeji* 'нарочно, умышленно' (Щербак 1987, *39*). Этот ряд, в свою очередь, вводится в группу нар. с определенными сходными конечными элементами, напоминающими тюрк. падежные аф., но фактически таковыми не являющимися, что отмечает и сам автор (Там же). Кроме того, явно отсутствует родство между юж.-сиб. тюрк. нар. формами, с одной стороны, и кирг., узб. и ккалп. — с другой.

С *өнедиин*, *өнезин* и их соответствиями в соседних тюрк. языках, возможно, гомогенны чаг. *өңү* (< **өн-гү?*) 'противный, дурной; упрямый' (РСл. I, *1205*), тур. *öngü* 'гнев; упрямство, упорство', *öngül* 'упрямый, упирающийся; упорный', *öngüs-* 'упрямиться; упорствовать' (АГ, *135*; АИ, *192*), тур. *өн(ä)ги* уст. 1. 'упрямый, настойчивый'; 2. 'соперник' (РСл. I, *1214*).

Указ. чаг. и тур. формы могут быть отыменными или отглаг. образованиями. Об именной основе (**өн*), вероятно, дает представление алт. *өөн* 'неправильность, дурной нрав; несправедливость, обида' (Там же) или 'гнев, зло' (ОРС, *119*) (с «первичной»

долготой?), а о глаг. — др.-тюрк. *öŋ-* ‘покушаться’ (?) (ДТС, *386*) или, возможно, ‘наносить вред (~ущерб) чему-л.’ (речь идет, в частности, о человеческой жизни и о богатствах) < **өн-*?

Структурно тув. *өнедиин ~ өнезин* и их соответствия в других тюрк. языках неясны. Похоже, что в них вычленимы корневые морфемы **өнет-* и *өнез-*, восходящие к вариантам формы каузатива от **өн-* или, скорее, < **өн-е-* ‘делать что-л. дурное, причинять зло’, тогда как оставшаяся (аф.) часть, заметно варьирующая по языкам и диалектам, трудноопределима.

С рассмотренными формами, по-видимому, родственно тув. *өнемчи-* ‘наглеть...’, которое по своей структуре выглядит более ясным, нежели нар. типа *өнедиин*: оно, скорее всего, представляет собой образование с глаголообр. аф. *-чи-* от основы **өнем*, которая, в свою очередь, произведена от указ. глаг. **өн-е-* и могла означать ‘зло, гнев, дурной нрав’ или под.

өнезин см. **өнедиин**.

өнемчи- см. **өнедиин**.

өнер *фолькл.* ‘многочисленный, многодетный’ (*обычно употребляется в благопожеланиях*); *диал.* ‘богатый’ (ЦУ, *154*).

Ср. як. *өнөр* ‘зажиточный’ (Пек. II, *1946*); ‘зажиточный; лучший, отборный (о сорте)’ (ЯРС, *286*), которое относится к числу монголизмов и связывается (в частности Н. Поппе) с монгол. *önör* ‘имеющий большую семью, многодетный’ (см.: ЭСТЯ I, *532*). Монгол. заимствованием определенно является и тув. *өнер*.

Н. Поппе сопоставлял *önör* с тюрк. глаг. основой *өн-* ‘подниматься’, что не вызвало принципиального возражения со стороны Э.В. Севортяна, уточнившего, что у данной основы имеются знач., более соответствующие монгол. *önör* (Там же). При этом имелись в виду, по всей вероятности, такие знач. общетюрк. глаг. основы *өн-* (см. также **үн-**), как ‘увеличиваться, возрастать; иметь успех, выгоду, удачу’ и т.п. (Там же, *530–531*).

Но наличие тюрк. глаг. (производящей) основы и монгол. именной (производной) формы может свидетельствовать о заимствованном характере последней, тем более что по своей структуре *önör* также реально истолковывается как тюрк., первоначально глаг. (причастная) форма на *-(a)p*.

Среди тюрк. языковых материалов можно встретить своего рода соответствия указ. монгол. формы, которые не относятся к монголизмам, а являются, вероятно, тюрк. образованиями от глаг. основы *өн-*. Примером последних может служить башк. *үнер* уст. ‘подарок, данный на память’[1]. См. также **өнере-**, **өөр-өнер**.

[1] С этим словом, видимо, родственно кирг. *өнтө* (<**өн-тө*?) ‘подарок (парню от девушки); дорогой (приятный) подарок’ (КРС, *595*).

өнере- ‘проясняться (о небе); благополучно заканчиваться (о чем-л. трудном)’.

Соответствия в других языках не обнаружены. Возможно, тув. *өнере-* — образование от имени **өнер* с помощью аф. *-a- ~ -e-*. В свою очередь, указ. именная основа имеет определенную смысловую общность с тув. *өнер* ‘многочисленный, многодетный’ (в том и другом случае речь идет о реалиях, характеризуемых нормальностью, благополучием и под.), которое является монгол. заимствованием (см. **өнер**). Вместе с тем последнее обнаруживает связь с тюрк. глаг. основой *өн-*, среди знач. которого ‘появляться, показываться; восходить; удаваться, иметь успех...’ (см.: ЭСТЯ I, *531–532*).

Подобная семантика находит отражение в тув. *өнере-* (в первую очередь в ее основе **өнер*, которая в отличие от *өнер*, возможно, не является монголизмом, хотя в этом едва ли можно быть твердо уверенным. См. также **өөр-өнер**.

өнчү [өъ] ‘собственность; наследство, наследие; имущество и скот, выделенные молодоженам в качестве приданого или свадебного подарка’.

Ср. общетюрк. *инҗи ~ инчү ~ енчи ~ енчил...* ‘приданое; частная собственность; лен, феодальное владение, поместье; невольник, раб; служитель; подарок, даваемый отцом своим детям (обычно в виде скота)’ и др. (ЭСТЯ I, *361–362*), где отсутствует тув. *өнчү*.

По мнению Э.В. Севортяна, тюрк. формы членимы, и он выделял в них аф. *-чи ~ -чил* со знач. деятеля, а оставшуюся (корневую) часть сопоставлял с основой *ен ~ ем ~ им...* ‘труд, мучение’. Таким образом, первоначальная семантика *енчи...* — ‘тот, кто занят трудом’ (во владениях бека, князя, властителя и т.д.) → ‘невольник, раб’ и ‘кто переходил вместе со скотом и имуществом в наследство, приданое’. Севортян допускал также контаминацию или частичное сращение корня *ен...* ‘труд’ с его омонимом *ен* в знач. ‘часть, получаемая при делении; пай’ (по РСл.; ЭСТЯ I, *362*).

Приведенная выше схема семант. развития *енчи...*, его структура и производящая основа выглядят недостаточно убедительно. Так, указ. корень имеет в тюрк. языках только конечный *м*, хотя и считается, что его более старая форма **ен* или **ең* (см.: ЭСТЯ I, *272–273*), тогда как в *енчи...* в тюрк. языках повсеместно отмечено *н*.

Э.В. Севортян сближал аф. *-чи* (*-чы*) и (*-чыл*) как форманты, образующие имя деятеля, но они близки и в другом: эти аф. могут использоваться и при образовании наименований постоянных или устойчивых свойств (качеств), присущих предметам

(АИ, *84*). Нам представляется также более логичным возводить наименования, связанные с собственностью, приданым, подарком и т.п. к иной основе, нежели та, что обозначает труд и мучения, а именно *ен ~ ин* (реже *им ~ ы:м*) в знач. ‘метка как знак собственности на ухе животного; тамга; метка, которую ставят на животных и предметах’ (ЭСТЯ I, *277–278*; см. также **им I, II**).

Тюрк. *енчи...* имеет соответствия в монгол. языках типа п.-монг. *inǰi* ‘приданое’ и *ötči* ‘наследство; доля собственности, собственность’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *362*; СИГТЯ Л, *348*), которые Э. Севортян считал параллелями тюрк. форм и не связывал их появление с последними. Близкая позиция выражена М. Рясяненом (EW, *44*), а также в СИГТЯ Л.

Скорее всего, монгол. наименования относятся к тюркизмам (см. также: Девяносто лет, *80–81*). Тем не менее Дж. Клосон считал, что название приданого в ряде совр. тюрк. языков — (вторичный) монголизм (ED, *173*), но обоснований этой точки зрения не приводил.

Существует также версия о кит. происхождении тюрк. **incü* ‘наследство; приданое’ и хотя при этом признается, что тюрк. слово проникло и в монгол. языки, но тем не менее автор допускает, что «для монгольского (монгольских? — *Б. Т.*) нельзя исключить и самостоятельное заимствование этого слова из китайского языка» (Шервашидзе 1989, *64*). Однако это допущение сомнительно, как и в целом кит. происхождение рассматриваемого слова.

Что касается вторичных монголизмов в тюрк. языках, то в данном случае бесспорным их примером может служить, пожалуй, только тув. *өнчү*, выделяющееся на фоне других вариантов начальным огубленным *ө*, сближающим его с монгол. формами, что уже было отмечено. См.: СИГТЯ Л, *348*, где сказано, что тув. *өнчү* относится к заимствованиям из монг. языка (ср. монг. *өмч* ‘собственность, личное имущество’). Последний, возможно, не является источником тув. слова; во всяком случае, есть более близкий к *өнчү* монгол. вариант. Так, Б.Я. Владимирцов отмечал ст.-монг. варьирование *ötči ~ önči* ‘достояние; имущество, скот и т.д., наследственное, которым обладал арат’ (Владимирцов. Общественный строй; *169*, *171*; см. также: Гребнев, *113*), а тув. *өнчү*, вероятно, < *önči*[1]. См. также следующую статью.

өнчү-буян [өъ-] ‘имущество; наследство’; **өнчү-дамыр** [өъ-] ‘имущество и скот, выделяемые молодоженам в качестве подарков и приданого’; **өнчүжү-** [өъ] ‘быть собственником’; **өнчү-селик** [өъ-] ‘имущество, выпрошенное у родственников невесты перед ее свадьбой’, **өнчүтен** [өъ] ‘собственник’; **өнчү-хөреӈги** [өъ-] ‘имущество’.

Указ. формы связаны с монголизмом *өнчү* ‘собственность...’ (см. **өнчү**) и реально или предположительно также являются монгол. заимствованиями. К их числу определенно относятся *өнчүтен* (монгол. *ötčiten / өмчтөн* ‘собственник’) и *өнчү-хөреӈги* (монг. *өмч хөрөнгө* ‘имущество, наследство’; см. также **хөреӈги**). У остальных тув. форм прямых монгол. соответствий в имеющихся источниках не найдено, хотя формы также могли быть заимствованиями: оба вторых компонента парных слов *өнчү-буян* и *өнчү-дамыр* восходят к словам, имеющим монгол. происхождение. Так, *-буян* связано с монгол. словом, означающим, в частности, ‘благо’ (см. **буян**)[1], а *-дамыр* может восходить к монг. *тамир* ‘сила’, в тув. языке самостоятельно практически не употребляемому (ср. **дамыр**).

В этом плане представляет интерес *өнчү-селик*, где *-селик* сходно с *сэлэг* в монг., бур. *бэлэг* /*сэлэг* ‘подарки, гостинцы’ (см. также **белек**, **белек-селек**), но совр. *сэлэг* в качестве самостоятельного слова не употребляется, тогда как тув. *селик* таковым является, означая ‘свадебный подарок’ (зап. диал.) и ‘дарение девушке, выходящей замуж, различного имущества’ (ТСТЯ). Возможно, тув. слово сохранило первоначальную или близкую к ней семантику монг.? См. также **селик**.

Часть подобных образований могла появиться и в самом тув. языке, хотя и с использованием монгол. заимствований в качестве компонентов тув. слов. Так, глаг. *өнчүжү-* ‘быть собственником’ мог быть произведен от *өнчү* с помощью аф. *-жи-*, соответствия которого находят применение как в тюрк., так и в монгол. языках, хотя в данном случае допустимо и прямое заимствование глаг. из последних.

өнчү-дамыр см. **өнчү-буян**.

өнчүжү- см. **өнчү-буян**.

өнчүк I [өъ] *фолькл.* ‘угол, край, конец’.

өнчүк II [өъ] ‘повод для придирки’.

Ср. як. *өнчөх* ‘обух; узкая обшивка у покрышки переметных сум’, квалифицируемое как монголизм (Рассадин. МБЗ, *69*). Тув. *өнчүк I* и *өнчүк II* также имеют монгол. происхождение, восходя к слову, считающемуся многозначным, а именно к *önčüg / өнцөг* ‘угол, конец, край, оконечность, сторона; обух, спинка ножа’; перен. ‘изъян’, причем многозначность в дан-

[1] В тув. языке отмечена также (в составе определенного образования) основа, связанная с *инчи* ‘приданое’ (см. **инчеек**), имеющая монгол. соответствие (*inǰi / инж*), но, вероятно, не являющаяся монголизмом.

[1] Тув. *буян* имеет также знач. ‘скот, имущество’ (ТСТЯ I, *323*), которое и реализуется в данном случае.

ном случае носит достаточно условный характер. В частности ‘изъян’, скорее, омонимично по отношению к другим знач. монгол. слова, с которыми связаны як. *өнчөх* и тув. *өнчүк I*.

Что касается *өнчүк II*, то оно семантически ближе к монгол. *öпčüg*... ‘изъян’, хотя тув. ‘повод для придирки’, вероятно, прямо с ‘изъяном’ не связано. Отметим, что существует также монг. парное слово *өө өнцөг* ‘изъян’, употребляемое в составе таких выражений, как *үгний өө өнцөг андахгүй* ‘замечать каждую погрешность в речи’ и *үг бүрээс өө өнцөг эрэх* ‘придираться к каждому слову’ (БАМРС III, *29–30*). Возможно, смысл подобных выражений нашел отражение в тув. *өнчүк* ‘повод для придирки’.

өнчү-селик см. **өнчү-буян**.

өнчүтен см. **өнчү-буян**.

өнчү-хөреңги см. **өнчү-буян**.

өң I ‘цвет, окраска; внутренняя сторона снятой с животного шкуры; наружная сторона (одежды, материи)’; **өңгү** *диал.* ‘цвет’ (ЦУ, *154*).

Ср. тоф. *өң* ‘мездровая часть выделанной шкуры; лицевая часть материи’, а также общетюрк. соответствия (наиболее распространенный вариант — *өң*) со знач. ‘лицо, облик, лицевая сторона; мездра, изнанка шкуры; цвет лица, красота; красивый’; очень распространена семантика ‘цвет, окраска’, иногда ‘масть; краска’ (ЭСТЯ I, *534*).

По мнению Э.В. Севортяна, *өң* — омоним, развившийся из *өң* ‘перед, лицевая сторона’ и под. «путем обособления одного из его значений, входивших... в семантический ареал ‘лицевая сторона’ — ‘лицо’ — ‘цвет лица’ и др.» (Там же, *535*). Связь семантики ‘цвет’ с ‘перед...’ не вызывает сомнения, однако едва ли целесообразно говорить в этом случае об омонимии: здесь налицо явное проявление многозначности сло́ва. Отметим, кстати, что сам Севортян у *өң* ‘перед...’ фиксировал параллельную форму *ең* ‘лицо, цвет лица; цвет...’ (Там же, *533*), что не вполне логично: скорее, здесь — вариант *өң* ‘лицо...’.

Семант. развитие, аналогичное тому, которое имело место в *өң* (и, очевидно, в *ең*), прослеживалось нами ранее в названии родинки (см. **мең**). Возможно, и фонетич. сходство между *өң ~ ең* и *мең* носит неслучайный характер и обусловлено, в частности, их общей имитативной (образной) природой, отражающей форму соответствующих реалий (выпирающих вперед?).

Тюрк. *өң* ‘цвет...’ соответствует в монгол. языках форма типа п.-монг. *öngge*, монг. *өнгө* ‘цвет; наружность...’ и под. (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *163*). Указ. тюрк. и монгол. формы друг с другом сопоставлялись неоднократно и в основном считались родственными (см.: ЭСТЯ I, *535*), хотя последние определенно являются заимствованиями из тюрк. языков (Щербак 1997, *131*), а тув. диал. *өңгү* — вторичным монголизмом (ср. в этом плане **меңги I**). См. также **өңгү-бүрү**.

өң II ‘друг, дружок, приятель’; **өңнүк** ‘друг, приятель’; **өң-тала** см. **өк-тала**.

Ср. алт. (тел.) *өң* ‘дружок, с которым ведется торг или обмен вещами’ (Вербицкий 1, *229*; РСл. I, *1203*), башк. *үңер* ‘товарищ жениха, сопровождающий его к невесте в первую брачную ночь’, а также башк. диал. *үңгэр ~ үңэр* [*егете*] ‘шафер’ (Бhh, *187, 198*). Соответствие *өң* встречается в монгол. языках: ср. калм. *өңг* [өңге] ‘друг, товарищ’ (тюркизм?).

Этимология *өң*... неясна. М. Рясянен, в частности, ограничился тем, что привел тел. *өң* и производную от него глаг. форму *өңдөш-* ‘быть в товариществе (по делам)’ (EW, *373*).

Можно предположить наличие связи между *өң* и тюрк. названием цвета (см. **өң I**). Возможно, неслучайным является тождество форм у слов *өң I* и *өң II* в тув. и наличие в калм. языке омонимов *өңг* [өңге] *I, II*, первый из которых также обозначает цвет (см.: КалмРС, *418*). Однако это не означает, что существовала прямая связь именно между семантикой ‘друг’ и ‘цвет’. У ряда соответствий *өң I* отмечено также знач. ‘лицо’, у которого имеется связь с другими, характеризующими знач. слова типа ‘красота; прекрасный, красивый...’ (ЭСТЯ I, *534*) и подобными им, о чем свидетельствует, напр., хак. *өң-чул* ‘сердечность, приветливость’; ср. также *өңніг-чулліг* ‘симпатичный’, *кізінің өңі-чулі* ‘лицо человека’ (ХРИЭС, *78*)[1].

По-видимому, у *өң* ‘цвет; лицо...’ имелась адъективная семантика ‘сердечный, приветливый; симпатичный, привлекательный’ и под., характеризующая дружеские, близкие отношения, что объясняет появление у данного слова (в результате субстантивации) знач. ‘друг’.

Относительно тув. *өңнүк* ‘друг...’ высказано мнение, что это образование восходит к *өг-нүк* (Сат, Салзыңмаа, *96*), что не вполне понятно. Можно лишь предположить, что первый компонент слова возводится к *өг* ‘юрта’ (см. **өг**). Однако *өңнүк* определенно родственно *өң* ‘друг...’ и, скорее всего, его первоначальной формой является **өң-лүк*, образование с ныне мертвым в тув. языке аф. *-лык* и с последующей ассимиляцией *нл > нн* на стыке основы и аф. Эта форма отмечена в памятниках и некоторых совр. тюрк. языках (варианты *өнлүк ~ еңлик*) с семантикой

[1] Второй компонент хак. *өң-чул* восходит к хак. *чул* ‘характер человека; физический тип; психика, моральное состояние’ и судя по выражению *арыг чулліг* ‘белолицый’, вероятно, ‘лицо’ (ХРИЭС, *225*).

типа ‘румяна, краска на лице’ и др. (ЭСТЯ I, *535*; ED, *185*), обозначая, таким образом, средства, придающие привлекательность и связанные с лицом; ср. также др.-тюрк. *öŋlük cïraγ* ‘лицо’ (ДТС, *387*). Возможно, *өңлүк* имела также семантику, близкую к той, что отмечалась для *өң*, и претерпевшую те же изменения, что и последняя.

Башк. *үңер* ‘товарищ жениха...’ и его диал. варианты, возможно, также родственны *өң* ‘друг’, но структура башк. слова неясна.

өң-баазын ‘разноцветный; разнообразный, разного рода’; **өң-баас** *диал.* то же; **өң-бүрү(н)** то же; **өңгү-бүрү** *диал.* ‘разноцветный’ (ЦУ, *154*); **өң-чүзүн** *собир.* ‘цвет, масть’.

Ср. хак. *өң-пазы* ‘разноцветный; разнообразный, различный’. Указ. парные слова возникли, по-видимому, как результат монгол. языкового влияния, проявляющегося в разных формах. В случае *өңгү-бүрү* мы имеем дело с прямым заимствованием: ср. монг. *өнгө бүрийн* ‘разноцветный; пестрый’, бур. *үнгэ бүриин* ‘разноцветный; пестрый (по составу)’. Первый компонент тув. *өңгү-бүрү* восходит к монгол. (вторичному) варианту слова, означающего ‘цвет’ (см. также **өңгү**), который в *өң-бүрү(н)* заменен на обычный тув. (тюрк.) его вариант (см. **өң I**).

Компонент *-бүрү(н)* связан с местоименными формами *бүрү* ‘всякий...’ и *бүрүн* ‘всё’, которые являются монголизмами (см. **бүрү II**, **бүрүн**), прототипы которых, по-видимому, родственны, в частности, второму компоненту монг. *өнгө бүрийн*. См. также **янзы-бүрү**.

Монгол. происхождение имеет и тув. *өң-чүзүн* ‘цвет...’: ср. п.-монг. *öngge jisün* ‘внешность, облик, наружность; масть (о верблюдах, овцах)’; см. также **чүзүн**. В *өң-чүзүн* также имела место замена монгол. варианта названия цвета тув. *өң*, что, вероятно, произошло и при образовании тув. *өң-баазын ~ өң-баас*, хак. *өң-пазы* ‘разноцветный’, второй компонент которых (не имеющий самостоятельного употребления) по своей первоначальной (собирательно-обобщающей?) семантике мог быть сходен с *бүрү(н)* в составе *өң-бүрү(н)*. Думается, этот компонент обнаруживает связь с монгол. *bayaja / бааз* ‘комплект, блок, пачка, пакет, связка’; ср. также монгол. *bayaja / бааз* уст. ‘приятель, партнер, компаньон...’, считающееся омонимом первого (БАМРС I, *203*), но обнаруживающее с ним смысловую общность. Возможно, эта или подобная монгол. форма ранее употреблялась в соединении с названием цвета.

Тув. *-баазын ~ -баас*, хак. *-пазы* связаны с поздними вариантами монгол. слова, близкими к монг. **бааз(а)*, и, судя по тув. *баазын*, имевшими разновидность с конечным *н*. Монгол. долгота сохранена в тув. и утрачена в хак. языке. Тув *-баас* — возможно, результат структурного переосмысления *-баазын*, который мог быть представлен как форма посессивного склонения (3-е л., вин. п.) некоей основы **баас*.

өң-баас см. **өң-баазын**.

өң-бүрү(н) см. **өң-баазын**.

өңге *диал.* ‘другой’.

Өңге отмечено в речи тувинцев Западной Монголии (ЦУ, *154*). Его соответствия представлены в др.-тюрк. памятниках (*öŋi, öŋin, öŋün* ‘другой; иной, чем...’: ДТС, *386, 387*) и в ряде совр. тюрк. языков (*өңге* и под. ‘иной, другой; различный; прочий, остальной; чужой...’ (ЭСТЯ I, *537–538*). Э.В. Севортян считал, что *өңге ~ өңи* и т.д. — производное, образовавшееся с помощью аф. *-ка, -кы, -(ы)н* от глаг. **өң-*, который «вычленяется из всех приведенных форм». Он полагал также, что реально и именное соответствие этого глаг. (**өң*), но при этом не указывал семантики ни **өң-*, ни **өң* (Там же, *538*).

По мнению А. фон Габэн и согласившегося с ней А.Н. Кононова, др.-тюрк. *öŋi* восходит к глаг. основе **öŋ-* ‘быть другим’ (Кононов. ГЯТРП, *205*). Эта версия приведена и М. Рясяненом, хотя он допускал также возможность образования слова в варианте *öŋä* от *ön* (без указания знач.) + показатель дат. п. *-gä*, как это имело место, по мнению Рясянена, в частности, в *baš-ka* и *öz-kä* ‘другой’ (EW, *538*). По-видимому, версия фон Габэн, где производящая основа представляет собой практически конструкт, которому в реальности ничто не соответствует, Рясянена не вполне устраивала. Однако и предложенный им вариант этимологии, думается, не обладает достаточной объяснительной силой, хотя сопоставление структуры *өңге* с другими формами в принципе оправдано (см. **башка**, **өске**).

Версия фон Габэн приводится также в СИГТЯ, где высказано мнение, согласно которому *öŋge* ‘кроме...’ «можно интерпретировать как отглаг. имя на *-ge* от глаг. основы **öŋ-* ‘изменяться’, сохранившейся в МК в более узком (специализированном) значении ‘терять цвет, бледнеть’ (возможно, здесь имела место контаминация двух основ: *öŋ* ‘краска’ и *öŋ-* ‘линять’[1] < ‘терять окраску’ < ‘изменять [цвет]’» (СИГТЯ М, *498*).

Вместе с тем еще В.В. Радлов сопоставлял чаг. *өңү* ‘противный, дурной, упрямый’ с *өңе* ‘другой’ (РСл. I, *1205*), что, возможно, намечает иной путь этимологизации последнего (родство с формами типа *өнедиин*) и др. (см. **өнедиин**).

өңгү см. **өң I**.

[1] Может быть, имеется в виду заднерядный вариант глаг. основы типа *оң-* ‘линять’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *460–461*, а также **оң-**)?

өңгү-бүрү см. **өң-баазын**.

өңнүк см. **өң II**.

өң-тала см. **өң II**.

өң-чүзүн см. **өң-баазын**.

өөдежок ‘вялый, инертный, неэнергичный; никудышный, никчемный, плохой’; **өөдези чок**, **өөде чок** то же; **өөделиг** ‘сносный; приемлемый, подходящий, хороший’.

Тув. *өөдежок* относится к числу своеобразно освоенных монгол. сочетаний слов с отрицат. частицей *-гүй* (< *үгэй*), которая заменяется тув. *чок*, и таким образом из монг. *өөдгүй* возникло *өөдежок* (ср. также **аргажок** и др.; см.: Рассадин. МБЗ, *61*). Ср. также монгол. *ögede ügei / өөдгүй* ‘бестолковый, неспособный; никчемный, негодный, никудышный; скверный, низменный; дрянной, подлый...’ (< *ögede / өөд* ‘верх, наверх, выше...; кверху, вверх; подъем’) (БАМРС III, *31*). Тув. раздельнооформленные варианты (*өөде чок*, *өөдези чок*, последний из которых включает в свой состав аф. принадлежности *-зи-*), вероятно, воспроизводят п.-монг. *ögede ügei*.

Тув. *өөделиг*, антоним к *өөдежок*, явилось следствием переоформления монгол. слова. Им, по-видимому, было *ögedetei / өөдтэй* ‘толковый, умелый; годный, пригодный; ладный, подходящий...; хороший, приличный, порядочный’ (БАМРС III, *32*). См. также **өөделе-**.

өөдези чок см. **өөдежок**.

өөделе- ‘улучшаться; исправляться, поправляться’; **өөнделе-** то же.

Ср. хак. *өделе-* ‘подниматься вверх, двигаться вверх, набирать высоту; расти; разгораться’ (ХРС, *133*) при *өде* ‘движение вверх; приобретение материальных средств, достаток’ (ХРИЭС, *77*), хак. диал., чаг. *өде* ‘высоко’ (ср. хак. диал. *өөделе-* ‘подняться, встать’), кирг. *өдө* ‘вверх(у)’ (РСл. I, *1277–1278*) или, по другому источнику, *өдө ~ өйдө* ‘вверх; выше, лучше’; ср. также **өйдөлө-* в форме выражения *өйдөлөп отур* ‘садись повыше (ближе к почетному месту)’ (КРС *587*, *588–589*)[1].

Тув. *өөделе-* — определенно монголизм, связанный с монгол. *ögedele- / өөдлөх* ‘подниматься, восходить, становиться на ноги...’ (БАМРС III, *31–32*) < *ögede / өөд* ‘верх; подъем...’, которому, в свою очередь, родственны другие тув. монголизмы: см. **өөдежок.** Отметим, кстати, что семантика глаг. *өөделе-* воспроизводит только перен., вторичные знач. монгол. слова, чем отличается от других форм, приводимых выше и обозначающих высоту и поднятие вверх. Среди этих форм также могут встретиться монголизмы (с частично утраченными долготами гласного в первом слоге), но бесспорно определить таковые достаточно сложно, тем более что некоторые соответствия носят нерегулярный характер (каковы, напр., кирг. *өйдө* и **өйдөлө-*). Кроме того, возможно, монгол. материал, в частности именная основа *ögede*, носит не исконный характер, а заимствовано из тюрк. языков или имеет тюрк. корни: см. **өөн**.

С последней в тув. языке могло контаминироваться заимствование *өөделе-*, в результате чего образовался его вариант *өөнделе-*.

[1] У кирг. *өйдө*, **өйдөлө-* отмечены также варианты с долготой *өөдө*, *өөдөлө-* (КРС, *596–597*).

өөделиг см. **өөдежок**.

өөде чок см. **өөдежок**.

өөдешки см. **өгдешки**.

өөк [өө] ‘пуговица; застежка’; **өөк-маак** [өө] ‘пуговицы и застежки всякого рода’.

Ср. тоф. *өөк* ‘пуговица’, *баг өөк* ‘ремешки, которыми спереди завязывается шаманский костюм’ (Рассадин. Словарь), сойот. *өөк* ‘пуговица (плоская)’ (СБРС, *88*). В.И. Рассадин сопоставлял тоф. слово с др.-тюрк. (по МК И) *өңүк* ‘завязки на подушке’ (Рассадин. Фонетика, *215*), что обоснованно. Отметим, что в других источниках у последнего указываются другие знач.: ср. *өңүк* ‘кисти; бахрома’ (ДТС, *387*); ср. также *өңik* ‘шелковые хвосты (т.е. бахрома) подушки и ее уши (т.е. кисточки)’ (ED, *184*).

Дж. Клосон не указывал совр. тюрк. соответствия к указ. форме[1], но расширил круг сопоставляемых с ней др.-тюрк. слов (обращаясь опять-таки к МК): ср. *өңik jörgäjäk* то же (Там же)[2]. Еще Махмуд Кашгарский делал попытку установить этимологию формы *өңik*, связывая ее с *өңi* ‘другой’ (см. **өңге**), что Клосон оценивал весьма критически. В свою очередь, он истолковывал *өңik* в указ. значениях как уменьш. форму от *өң* ‘перед’ (ED, *183–184*); см. также **өң I**.

В принципе связь с подобной основой допустима, в том числе и для тув. *өөк* и его ближайших соответствий, круг которых, думается, также может быть несколько расширен, в частности за счет шор. *өңегеш* (форма диминутива от **өңек?* и чул.-тюрк. *өгөк* ‘зрачок’ (РСл. I, *1194*, *1203*)). Вместе с тем знач. рассматриваемых слов содержат указания не только на ориентацию (перед), но и на форму (округлую) обозначаемых реалий.

[1] См. также: EW, *370*, *373*, где тув. *өөк* (*öök*) и др.-тюрк. данные даются в разных статьях без сопоставления друг с другом и без анализа.

[2] В ДТС, *387* отмечено только парное слово *өңik jörgäjäk* ‘накладные искусственные локоны’.

Нахождение чего-л. впереди в данной ситуации еще не означает того, что их сближение с *өң...* ‘перед’ вполне реально. Первоначально же они могли быть произведены (аф. *-к*) от глаг. основы *эң- ~ эг-* ‘сгибать(ся), делать(ся) дугообразным’ и т.д. (см. о ней: ЭСТЯ I, *330–331*, а также **эг-**), в том числе, вероятно, ‘завязывать (узел)’ или под.; ср. производные от форм, связанных с ней, типа *ägri* ‘кривой, изогнутый’ и *ägrik* ‘узел’ (Тугушева, *315*).

С той же глаг. основой может быть связано др.-тюрк. (МК) *еŋäk* ‘шнур для завязывания платка на голове у женщин’ (ДТС, *175*; ср.: ED, *183*). Дж. Клосон предполагал, что в этом случае имеет место метафорич. (метонимическое?) употребление наименования анат. характера типа *еŋek* ‘подбородок...’, что не исключено. Допустимо также, что и само это наименование, имеющее общетюрк. распространение, но в тув. языке не зафиксированное, представляет собой образование от *еŋ-* ‘сгибать(ся)’... (ср. другие версии: ED, *183*; ЭСТЯ I, *284–285*; СИГТЯ Л, *218–219*), родственное, напр., с тоф. *ээк* ‘согнутый, изогнутый’ (ТРС-РТС, *107*) (< **эң-ек* или **эг-ек*?), которое, вероятно, сохранило семантику, близкую к первоначальной.

Что касается тув. *өөк-маак* (с собир. знач.), то его первый компонент восходит к *өөк*, рассмотренному выше, а второй (*-маак*) родствен тув. *маак*, обозначавшему ленту на головном уборе (см. **маак**), хотя по своему исходному знач. этот компонент, по-видимому, ближе тоф. *маак* ‘ремешок, которым подвязывают ичиги или унты на щиколотке’.

Тув. *өөк* и его соответствия по семантике производящей основы и, вероятно, образования в целом в определенной мере аналогичны общетюрк. *дуңме ~ дугме...* ‘пуговица (в том числе из шнура, материи); завязка (?); узел’ и под. < *дуң- ~ дуг-...* ‘завязывать узлом; гнуть, вить...’ (ЭСТЯ III, *307–308*; см. также **дуг-**).

Скорее всего, в случаях с *өөк* и *дуңме...* знач. ‘пуговица’ вторично, и его появлению предшествовала семантика типа ‘завязка; узел’.

өөк-маак см. **өөк**.

өөлет I [өө̄] ‘край верхней (передней) полы тувинского национального халата, представляющий собой ступенчатый вырез от шеи до груди’; ? **эңгир** *диал.* ‘передняя часть национального халата’ (ВТЯ, *89*).

Непосредственных соответствий *өөлет I* не обнаружено. Возможно, оно гомогенно с распространенным в тюрк. языках словом типа *өңүр ~ өмүр* ‘передняя часть шеи; нагрудная часть одежды; борта одежды; передняя (верхняя) пола одежды’ и т.п. (ЭСТЯ I, *538–539*). Предполагается, что это производное на *-р* от основы **өң-* (**ең-*?), которая в форме **өн-* представлена в тур. диал. *önтük* (< **ön- + -tük*) ‘женская одежда с короткими полами’ (ЭСТЯ I, *539*). Это предположение не лишено оснований, если допустить, что **өң-* имело семантику типа ‘укорачивать, обрезать’, хотя возможна также связь *өңүр* с *өң* ‘перед’ или в тув. с *өң* ‘цвет’ (полы тув. халата обшивались полосками цветной ткани). Менее убедительно мнение о монгол. происхождении *өңүр...* (Дыбо, *137–138*), притом что отдельные его варианты, скорее всего, действительно являются монголизмами. Это определенно можно сказать об як. *эңер ~ эгер* ‘пола, верхняя сторона одежды; сторона, край’ (см.: Рассадин. МБЗ, *70* и др.), несмотря на возражения Э.В. Севортяна (ЭСТЯ I, *539*). Монгол. происхождение имеет и тув. диал. *эңгир* (ср. монгол. *engger / энгэр* ‘лацканы, борта (у одежды)’).

Что касается тув. *өөлет*, то о его этимологии пока трудно сказать что-л. определенное. Оно может быть родственно *өңүр...* или другим тюрк. формам (ср., напр., чаг. *өңүлүк* ‘украшение, которое женщины носят на груди’: РСл. I, *1206*), но их происхождение также не установлено. Однако в случае с *өөлет* вероятно и монгол. влияние. В частности, здесь привлекает внимание монгол. глаг. *ögele- / өөлөх* ‘подравнивать, ровно обрезать...’ (> *ögelenči / өөлөнч* уст. ‘швея, портниха’), который можно рассматривать как производящую основу для предполагаемого прототипа тув. *өөлет* (**өгеле-д* > *өңелет* > *өөлет*), однако монгол. формы, соответствующей тув. слову, не найдено.

өөлет II ‘элёты’ (*одно из монгольских племен*); *уст.* ‘монгол, монголка’.

Монголизм: ср. монгол. *ögeled / өөлд* ‘элёты’ (одно из зап.-монгол. племен); ‘ойраты’ (обобщенное название указ. племен) (см.: БАМРС III, *32*).

өөн 1. ‘очень, сильно’; **2.** *фолькл.* ‘самый’; **өөне, өөнээ** см. **өөн 1**.

Возможно, тув. *өөн* родственно хак. *өөн* ‘главный, генеральный; настоящий, истинный’ (ХРИЭС, *78*), шор. *өөн* ‘главный, основной; начальник, глава’ (ШРС, *37*), алт. диал. *өөн* ‘главная часть предмета; большой, обширный; главный’ (РСл. I, *1214*). В словарных материалах В.Н. Вербицкого *өөн* дается, главным образом, в варианте без долготы (*өн*). Даже при ссылке на эти материалы наблюдается расхождение по признаку «наличие — отсутствие долготы»: ср. *сүген өөңү* и *сүген өңү* ‘верхний (больший) колпак рыболовной морды’ (РСл. I, *231*; Вербицкий 2, *231*; см. также: ТСГА, *159*). Судя по имеющимся данным, в этом случае наблюдается переход долгого гласного (определенно вторичного, восходящего к комплексу с интервокальным согласным) в краткий.

В.В. Радлов сопоставлял с алт. *өөн* каз. *ын* в составе изафетного сочетания *ын бойу* ‘целое тело, совсем’ (РСл. I, *1212*, *1214*; EW, *372*) (при *бой* ‘рост; стан, корпус, тело’: см. **бот**); ср. также каз. *ын бойы ~ ыне бойы* ‘всегда, постоянно’ (КазРС, *266*), *ын бойы* ‘все тело, целиком’, *ыне бойы* ‘всегда’ (Кайдаров, *267*) ~ *ыне пойы* ‘все, все время, в течение всего’ (Аманжолов, *437*), первый компонент которого А.Т. Кайдаров сопоставлял с *ың* ‘лицевая сторона...’ (см. **ың I**), для чего едва ли имеются основания, по крайней мере в отношении формы; ср. куманд. *өөн бойы* ‘он самый’ (Баскаков 1972, *238*).

В связи с этим можно отметить наличие семантики, характерной для *ың*, и у слова, скорее всего являющегося соответствием *өөн*: ср. хак. *өөні* ‘передняя часть, фасад’ (ХРИЭС, *78*), т.е. ‘часть, наиболее заметная, привлекающая внимание, лучшая’ (ср. знач. *өөн* ‘главная часть предмета’ у алт. *өөн*). В целом семантика *өөн...* связана с доминированием, преобладанием и отсюда с проявлением какого-л. качества или действия в высокой степени. Первоначально словом *өөн* обозначалась высота материальных объектов и их ширина, обширность: ср. алт. диал. *өөн таг* ‘большая гора’ и *өөн талай* ‘большое море’ (РСл. I, *1214*).

О первоначальной форме *өөн ~ ын*, думается, дает представление др.-тюрк. *ögün*, переводимое как ‘хорошо’ (‘хорошо понял’) или, возможно, ‘внимательно’ (‘послушай внимательно’?)[1].

В свою очередь, **өгүн* (*ögün*) могло быть образованием с аф. *-(ү)н* от глаг. основы **өг-*, которая сопоставима с тюрк. *өг-...* ‘хвалить, превозносить’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *494–495*), где можно предполагать существование исходной семантики типа ‘поднимать...’ (ср. в этом плане тюрк. *көтүр-* ‘поднимать’, ‘хвалить; возносить, почитать...’: ЭСТЯ III, *86–87*, а также **көдүр-**). Отметим, что Г. Рамстедт сближал друг с другом, в частности, монгол. *ögede* ‘вверх, наверх’ и тюрк. *ök-* ‘хвалить’ (см.: ЭСТЯ I, *495*), для чего есть основания. См. **өөделе-**.

Структурно недостаточно ясны двухсложные варианты *өөн...* типа тув. *өөне ~ өөнээ*, хак. *өөні* и каз. *ыне*. Может быть, они произведены от **өгүн-*, формы возвр. залога глаг. основы **өг-* и глаг. соответствия основы типа *ögün*?

өөнделе- см. **өөделе-**.

өөне см. **өөн**.

өөнээ см. **өөн**.

[1] В цитируемом словаре (см.: ДТС, *381*) соответствующее выражение переведено как ‘послушай с толком’, что выглядит странно, хотя и согласуется с тем толкованием знач. *ögün*, которое дается ему в качестве заглавного слова (‘толково, с умом’), но которое само, вероятно, неточно, поскольку не подтверждается языковыми данными.

өөр **1.** ‘находящиеся вместе, составляющие группу (стадо, табун и т.д.)’; **2.** ‘находящиеся вместе животные; товарищи, спутники’; **өөр-өнер** см. **өөр 1**.

Ср. тоф. *өөр* ‘группа, стая, стадо, табун; товарищи, друзья, напарники; члены одной артели, артель’, а также др.-тюрк. *ögür ~ ügür* ‘стадо, табун, стадо’ и соответствия типа *үүр ~ үйүр...*, имеющие такую же и подобную семантику (см., в частности: Рассадин. Фонетика, *215*). С тюрк. *өгүр* ‘стадо, табун; живущие вместе животные’ (по РСл.) сопоставлены п.-монг. *egür* и его совр. монгол. соответствия со знач. ‘гнездо, логово; ячейка; товарищ’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *152*, *196*).

Др.-тюрк. *ögür* и его совр. тюрк. соответствия сравнивал с монгол. *egür* ‘гнездо...’ и М. Рясянен, считавший тюрк. слово монголизмом и возводивший его к монгол. (ст.-монгол.?) *ügür* ‘товарищеские отношения; толпа, множество; куча...’ (EW, *369*), что в целом не выдерживает критики. Скорее всего как раз монгол. формы являются тюркизмами, хотя и наблюдаются единичные случаи вторичного заимствования подобных форм конкретными тюрк. языками, примером чего может служить тув. *үүр* уст. ‘ячейка, первичная организация’: ср. монг. *үүр* то же (БАМРС III, *431*).

Тюрк. *ögür ~ ügür...* считаются образованиями с аф. *-r* от глаг. основы *уг-* ‘собирать / складывать в кучу...’ (см.: ЭСТЯ I, *620–621*; Ахметьянов. ОЛМК, *85*), что в целом обоснованно. Отметим, что указ. основа приводится в основном в варианте с узким гласным, тогда как более древним, по всей вероятности, был вариант с широким *ө*, о чем свидетельствует качество долгого гласного в тув. (где *өөр < *өг-ур*) и некоторых других тюрк. языках (см.: РСл. I, *1217*), являющегося результатом стяжения комплекса *өгү* или подобного ему. См. также **өг**.

Кстати сказать, Дж. Клосон повсеместно отмечал у рассматриваемого слова в памятниках (др.-тюрк. и более поздних) начальный *ö* (ED, *112*), что представляется достаточно обоснованным.

Второй компонент тув. парного слова *өөр-өнер* обнаруживает определенную смысловую общность с монголизмом *өнер* ‘многочисленный...’ (см. **өнер**), хотя *өнер*, первоначальным знач. которого было ‘находящиеся вместе’ или под., учитывая заметную семант. дистанцию между ним и словом *өнер*, едва ли имел прямую связь с последним.

Тув. *-өнер* в отличие от *өнер*, по всей вероятности, не являлся монгол. заимствованием; это было образование, одноструктурное с *өөр* и, возможно, произведенное от глаг. основы *өн-*, означавшей, в частности, ‘собираться’ (см.: ЭСТЯ I, *530–531*).

Этот компонент мог быть родственным, напр., с кирг. *өнөк* ‘партнер в игре (принадлежащий к одной партии...); кампания; имеющий с кем-л. одинаковые стремления, интересы; сторонник’ (KPC, *594*).

өөрен- ‘учиться; усваивать; привыкать к чему-л.; разучивать; заниматься’; **өөрет-** ‘учить, преподавать; дрессировать; объезжать (коня); брать на воспитание (ребенка)’.

Общетюрк. глаг. формы: ср. *өгрен*, *өгрет-* и их варианты, чьи знач. сходны с семантикой тув. *өөрен-* и *өөрет-* (ЭСТЯ I, *496–497*). По Э.В. Севортяну, основу этих залоговых (возвр. и каузатива) форм составляет глаг. **өгре-* (без указания знач.; см. также: ED, *114*), выясняемый из образований вроде тур. диал. *öğre-k* ‘животное, приученное к работе’. **Өгре-*, в свою очередь, возводится к имени *ögür* ‘приученный, привычный к чему-л.’. Последнее связано с *өг* ‘мысль’ (*өөрен-* и *өөрет-* в тув. и некоторых других тюрк. языках объясняется как результат упрощения комплекса с интервокальным согласным, где второй гласный, по-видимому, протетический). Таким образом, *өөрен-* **өг(ү)рен-*, а *өөрет-* < **өг(ү)рет-*.

өөрет- см. **өөрен-**.

өөр-өнер см. **өөр**.

өөрү- ‘радоваться, ликовать’; **өөрүшкү** ‘радость; веселье’.

Ср. тоф. *өөр-* ‘радоваться, ликовать, быть счастливым’, др.-тюрк. *ögir-* ‘быть довольным; радоваться’. Дж. Клосон считал (правда, под вопросом), что последнее сохранилось только в виде тув. *өөрү-*... (ED, *113*), но это не совсем верно. Соответствия (чаще с формальными различиями) отмечены, кроме тоф., и в других сиб. тюрк. языках: ср. як. *үөр-*, хак. *өрін-* ‘радоваться, быть довольным’ (Рассадин. Фонетика, *215*) (при хак. *өөрчіліг* ‘веселый’), а также чул.-тюрк. *өрүн-*, хак. диал. *үрүн-*, шор. *үргүн-* (< **үгрүн-*) то же (РСл. I, *1225*, *1834*, *1840*; см. также: EW, *379*). В чул.-тюрк., кроме указ., отмечены варианты *үрүн-* и *үрнү-* ‘радоваться’ (Бирюкович, *69*), а также зафиксирована специфическая глаг. форма, каковой являлась *өгдүк-* ‘радоваться, быть веселым’ (РСл. I, *1201*).

Большинство отмеченных вариантов (*өрін-* и под.) имеют форму возвр. залога и утратили вторичную долготу, которая в отдельных случаях не сформировалась (в шор. *үргүн-* как результат метатеза *гр* > *рг*).

В.В. Радлов сопоставлял *өрүн-* с *өрүң...* ‘светлый’ (Там же, *1224*, *1225*), что представляется неубедительным, в частности, по фонетич. основаниям. В целом этимология *өөрү-* и его соответствий отсутствует. Возможно, *ögür-* ~ *өөр(ү)-*... родственны глаг. *өкте-* ‘ободрять, придавать смелость...’, который считается производным от именной основы **өг*, связывавшейся с др.-уйг. *өк(~өг)* ‘рассудок; душа’ (ЭСТЯ I, *519*). В ряду знач. указ. глаг. логичным было бы и ‘поднимать настроение’ (‘веселить, радовать’). По-видимому, не случайно, среди знач. соответствий образованного от *өкте-* прил. *өктем* ~ *өгдем* (‘храбрый, напористый; гордый...’) фиксируется и такое, как ‘общительный, компанейский’ (Там же), т.е. ‘подходящий для компании, группы лиц, проводящих вместе время (как правило, весело)’.

Вместе с тем отметим, что указ. выше именная основа **өг*, возможно, не имеет связи со словом, означающим ‘рассудок’ и под. Во всяком случае, едва ли реально допустить родство глаг. типа тув. *өөрү-* ‘радоваться’ и *өөрен-* ‘учиться...’, последний из которых определенно связан с *өг* ‘мысль...’ (см. **өөрен-**).

Өөрү- и его соответствия могут иметь генетическую общность с основой, обозначающей подъем или поднятие[1]. В этом плане анализируемые глаг. формы обнаруживают заметную смысловую общность с тюрк. глаг. основой *өг-*... ‘хвалить, восхвалять’ и ее именным соответствием **өг...* ‘хвала, слава’ (ср. с.-югур. *йуг* то же). Тюрк. глаг. *өгү-* ‘хвалить’ (образованный от **өг*) Э.В. Севортян сопоставлял с монгол. *ogi- / огих* ‘хвастаться, гордиться; быть оптимистом’ (ЭСТЯ I, *495*), вероятным тюркизмом, у которого отмечается семантика, связанная с проявлением радости и, вероятно, имевшаяся у тюрк. прототипа данного глаг.

Первоначальная семантика *өг-* — ‘поднимать’ (см. также **өөн**), а **өг* — ‘подъём’ или под. Исходной основой для рассматриваемых глаг. форм является именная (**өг*), от которой с помощью аф. *-(и)р-* ~ *(ү)р* образована др.-тюрк. *ögir-* (~ *ögür-*); с подобной формой связаны тоф. *өөр-* и як. *үөр-*. К ней же могут восходить варианты типа *өрүн-* ~ *үрүн-* и, по-видимому, *үргүн-*. Образованием от той же основы, вероятно, с использованием редкого аф. *-тык* могло быть и чул.-тюрк. *өгдүк-* (**өг-дүк-*) ‘радоваться’.

Тув. *өөрү-* отличается от *ögir-*, тоф. *өөр-* и подобных форм наличием дополнительного (конечного) гласного *ү* и соответственно слога. Этот гласный восходит, по всей вероятности, к соответствующему глаголообр. аф. и, следовательно, *өөрү-* < **өгир-и-*, где **өгир* — вероятно, именная основа, соотносимая с глаг. **өгир-* и по своему знач. близкая к **өг*, о которой говорилось выше. Соответствия **өгир* неизвестны и его структура не вполне ясна. Вероятно, это результат конверсии глаг. основы **өгир-* (> *өөр-*) в именную.

Тув. *өөрүшкү* выглядит изолированной в структурно-фонетич. отношении формой, как и глаг. *өөрү-*, от которого она, скорее всего, образована. По аналогии с тув. *карашкы* ‘потемнение...’

[1] Ср. як. па́рное слово *үөр-көт-* ‘сильно радоваться, ликовать’, первый компонент которого связан с *үөр-* ‘радоваться’, а второй — с *көт-* ‘летать; подпрыгивать...’ (см.: ЯРС, *182*, *454*).

(см. **карашкы**) здесь можно допустить образование с редким аф. *-кчы* (> *-шкы...*). Следовательно, *өөрушкү* < **өөрүк-чү*.

өөрү ‘находящийся выше, вверху; сидящий на почетном месте, напротив входа в юрту’; **өөрүтен** ‘сверху; с северной стороны’; **өрү** **1**. ‘верхний; более высокий’; **2**. ‘вверх, кверху; выше, больше’; **өрүтен** см. **өөрүтен**.

Указ. формы и их варианты связаны с тюрк. глаг. основой *ө:р- ~ өр-* ‘подниматься, возвышаться’ и под.; *өөрү ~ өрү* — образование от нее с помощью аф. *-ы...* (ЭСТЯ I, *542–543*), *өөрүтен ~ өрүтен* — форма исх. п. (аф. *-тен*) от данного образования. По мнению Э.В. Севортяна, тув. *өөрү* (по данным З.Б. Чадамба) — проявление этимологической или «первичной» долготы. Однако это явление для тув. языка нехарактерно, а единичные случаи типа *өөрү* и *өөрүтен* могут иметь иную природу.

В частности, в *өөрү...* долгота может быть результатом сближения *өрү* с тув. *өөрү-* ‘радоваться...’ и образованиями на его основе (см. **өөрү-**), где долгота явно вторична. Отметим, что данные сближаемые формы могли быть также и родственны между собой, восходя к основе **ө-* ‘подниматься’, гомогенными с которой могли быть и другие основы, напр. *өн-* ‘расти; подниматься’ (см., в частности: ЭСТЯ I, *530–531*).

өөрүтен см. **өөрү**.

өөрүшкү см. **өөрү-**.

өөрүшкү-маңнай[лыг] см. **маңнайлыг**, **өөрүшкү**.

өөс *тодж.* ‘небольшая река, текущая в теснине или по распадку’.

Тув. *өөс* употребляется также в качестве второго компонента ряда гидронимов Северо-Восточной Тувы (см.: Татаринцев 1977, *21*). Сходная ситуация прослеживается с одним из его соответствий — хак. диал. *үүс* ‘река’ (ХРИЭС, *168*). Из совр. тюрк. языков слово сохранилось также в с.-югур.: ср. *үгүс ~ ugus* ‘река (большая)’ (Малов. ЯЖУ, *132*; Тенишев. С.-югур., *217*). Оно с полным на то основанием считается древним и характерно для др.-тюрк. и более поздних памятников, где отмечено главным образом в варианте *ögüz* и в знач. ‘река’; встречаются также варианты *öküz*, *ügüz*, *üküz* и семантика ‘поток’ (см.: EW, *369*; ED, *119–120*; СИГТЯ Л, *89*).

Этимология слова практически отсутствует. Др.-уйг. *ügüz* (‘поток’) связывалось с *өзен* ‘река’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *512*, а также **өзен**), а *ögüz* (под вопросом) — с чаг. *öjrät* ‘водоворот, пучина; вихрь’ (EW, *369*), но очевидно, что сопоставляемые формы гетерогенны с *ügüz ~ ögüz*. Последнее фактически не сопоставлялось с др.-тюрк. *ögen*, которое, по предположению Дж. Клосона, обозначало нечто меньшее, чем река, и, в частности, имело

знач. ‘ручей’ (ED, *109*). В другом источнике у *ögen* (*ögän*) приведена семантика ‘ручей’ и ‘канал’ (ДТС, *379*); даются и другие знач.[1] Это слово в др.-тюрк. текстах могло употребляться совместно с *ögüz*: ср. *ögüz ögän suvï* ‘воды рек и ручьев’ (Там же).

Мы в указ. выше публикации сопоставляли *ögüz...* с *ögän*, а также с др.-уйг. *үгү* ‘вода’ или ‘das Wasser (als Element)’ (РСл. I, *1180*), т.е. ‘вода как стихия’, одна из четырех стихий (основных элементов природы), к которым, кроме воды, относились огонь, воздух и земля (Там же). Мы допускали также, что *өгуз* и другие предположительно родственные с ним слова (приведенные выше) произведены от глаг. основы *үг- ~ үк-* ‘накоплять, собирать’ (см. также **өөр**).

Глаг. *үг-...*, судя по имеющимся данным, не связан напрямую с названиями водных объектов, а профилирующими для него являются знач. типа ‘собирать / складывать в кучу; валить в кучу’ и др. (ЭСТЯ I, *620*), но в принципе такая связь могла существовать (ср. **мөөн II**). Во всяком случае, едва ли случайно появление именно у др.-тюрк. *ögüz* ‘река’ знач. ‘обилие, множество’ (ДТС, *382*). Близкая семантика (типа ‘обилие воды’) реализуется у *ögüz*, выступающего в качестве компонента па́рного слова *taluj ögüz* ‘море, океан’, или, по Дж. Клосону, только ‘океан’ (ср.: ДТС, *529*; ED, *119*; см. также **далай**), а *үгү* обозначало один из основных элементов природы (воду), который состоит из скопления малых частиц (капель).

өөскү- ‘осложняться (о болезни); разгораться, сильно гореть; появляться, усиливаться, распространяться’.

Заимствование, связанное, вероятно, с монг. глаг. *үүсгэх* (п.-монг. *egüsge-*) ‘делать почин, начинать, затевать; порождать, основывать, возбуждать’, который, в свою очередь, является формой каузатива от *үүсэх / egüs-* ‘начинаться, возникать, появляться; исходить, вытекать, зарождаться; корениться, происходить; создаваться, образовываться’ (БАМРС III, *432*).

При этом тув. *өөскү-* семантически явно ближе к основной, исходной форме монг. глаг., нежели к его производной, залоговой форме, что могло быть результатом неточного понимания смысла монгол. оригинала глаг. *өөскү-*.

өө тын- см. **өкпе**.

өөчүле- *уст.* ‘обхаживать; усиленно ухаживать за кем-л.’.

Вероятно, монголизм. Тув. *өөчүле-* сопоставимо, на наш взгляд, с монгол. *ögečile- / өөчлөх* ‘придираться по всякому поводу’

[1] Так, Э.В. Севортян, сопоставляя *ögen* (*өген*) с *өзен* (ср. выше мнение о связи *өзен* и *өгуз*), задавался вопросом, «можно ли сблизить *өзен* с *өген* в том же значении ‘река; источник’». Он считал, что ответ на этот вопрос неясен (ЭСТЯ I, *512*), но, скорее, здесь напрашивается отрицат. ответ.

< *öǧeči / өөч* ‘обидчивый; придирчивый’ (БАМРС III, *36*). По-видимому, в тув. *өөчүле-* имело место переосмысление монг. слова при сохранении смыслового компонента типа ‘быть объектом чьего-л. [особого] внимания’.

өөш ‘пищевод; пролив; ответвление; труба’.

Ср. тоф. *өөш* ‘пищевод’, а также общетюрк. соответствия в вариантах *өңгеч ~ өңүч ~ өңүс ~ өөч...* ‘пищевод, дыхательное горло; шея; затылочная мышца (як.)[1]; кран, труба’. Э.В. Севортян считал это слово гомогенным с *өңмек* ‘грудь лошади’ и другими формами и образованием на *-кач* или *-ач* от глаг. основы **өң-* ‘выдаваться, выступать’ (ЭСТЯ I, *536*, *537*).

Вместе с тем в ЭСТЯ (I, *536*) приводится и другая этимология (принадлежавшая А.Т. Кайдарову), согласно которой, напр., каз. *өңеш* < **өңге* ‘полость, углубление; втулка; полый’ + показатель уменьшительности *-ш* (< *-ч*), что Севортян признавал «достаточно обоснованным», хотя эта версия не согласуется с изложенной ранее и принадлежащей самому автору ЭСТЯ.

Существует также мнение, согласно которому **öŋäč < ötgek-eč*, где основа **omgek* сопоставима с кирг. *өмгөк* ‘грудь коня...’, а *-еč* — аф. диминутива. Вместе с тем у рассматриваемого слова усматриваются алтаистические (тунг.-маньчж.) параллели (см.: Дыбо, *138*; СИГТЯ Л, *283*).

Думается, ближе других к истине версия Кайдарова, который связывал каз. *өңеш* с представлением о чем-л. полом, углубленном и, добавим, трубчатом. Однако структура *өңеш* кажется искусственной: едва ли была необходимость в реконструкции некой именной (и далее нечленимой?) основы **өңге*, при наличии которой выглядит, к тому же, нелогичным присоединение к ней аф. уменьшительности[2].

Скорее всего, рассматриваемое слово — отглаг. образование (на что указывал и Э.В. Севортян), исходной основой которого является др.-тюрк. *йŋ-* ‘делать отверстие, сверлить...’ (см. **үңгү-**, **үңгү**, **үңгүр**, а также: ЭСТЯ I, *634*). У нее реален вариант с широким гласным (**өң-*), о чем свидетельствуют, напр., тоф. *өңгу* ‘инструмент для вырезания круглых отверстий (напр., при изготовлении чашек и ложек из дерева)’ (Рассадин. Словарь), тув. *өңгеште-* ‘делать в земле яму, углубление; копать, ковырять, разрывать’, где **өңгеш* означало, по-видимому, ‘яма, углубление’ и под.

[1] Як. *өңүс*, кроме ‘затылочная мышца’, означает также ‘сонные артерии’ (ДСЯЯ, *195*).

[2] В другой, более поздней работе (Кайдаров, *267*) указ. версия отсутствует, а в *өңеш* вычленена неясная основа **өң*, которая, как считал А.Т. Кайдаров, отмечается также в составе каз. *өңез* ‘слизистый налет на внутренней части (посуды)’. Неясно, какова связь между этими словами.

В свою очередь, **өңгеш*, вероятно, < **өң-геч*, где аф. *-гач ~ -геч* — показатель, параллельный форманту *-(а)ч* и генетически единый с ним (см.: АИ, *276*). Думается, что сходство между **өңгеч* и *өөш* (< **өңеч* или **өңүч*) не случайно: это, скорее, гомогенные формы, претерпевшие в тув. языке различные по своему характеру фонетич. изменения. В первом случае сочетание *ңг* в интервокальном положении, как и в большинстве подобных ситуаций, сохранилось, тогда как в **өңеч...* единичный *ң* в том же положении закономерно подвергся выпадению с образованием долгого гласного.

өпей — *слово, которое, многократно повторяясь, используется при укачивании ребенка, и мелодия, под которую оно поется*; ‘убаюкивание; услаждение, хвала’; **өпейлең** ‘малыш, ребенок’; **өпея** то же.

Тув. *өпей* и *өпея* употребляются также в знач. ‘сестренка, братишка (о младших по возрасту)’ (Кара-оол, *72*, *73*). Тюрк. соответствий указ. форм не обнаружено, за определенными условными исключениями, к которым можно отнести название колыбели (зыбки) в юж.-сиб. тюрк. языках типа алт. *пуубай ~ пүбей ~ пүүбий ~ пүбеш*, шор. *пөбей*, хак. *пубай ~ пуба ~ пибей ~ пүбей ~ пөбий* (Вербицкий 2, *275*, *278*; ГАЯ, *243*; РСл. IV, *1393*, *1413*; ШРС, *42*; ХРИЭС, *95*). Вероятно, подобные варианты представляют собой результат контаминации слов *өпей* (> **өбей*) и *пежик ~ пизік* и под., также обозначающего колыбель (см. также **балдыр-бээжек**).

Вместе с тем довольно близкие тув. *өпей* соответствия фиксируются в зап.-бур. говорах: ср. *үүбэй ~ үүвэй ~ өөбэй* ‘детская колыбель’, *өөбэй* ‘колыбель; дитя’, *өөбээ ~ үүбээ* ‘зыбка, люлька’ < *өөбээ* ‘баю-бай’ (возглас укачивания ребенка)[1]. Указ. бур. данные еще не сопоставлялись с тув. *өпей*, хотя их связь с ним определенно существует.

Өпей, в свою очередь, может быть связано с тюрк. языковым материалом, в частности с глаг. основой *эп-* ‘целовать, целовать и ласкать; обнимать...’ или с ее именным соответствием *өп* ‘поцелуй’ (см. о них: ЭСТЯ I, *539*). Однако наличие у *өпей* знач. ‘хвала’ указывает также на общность (вторичную?) с другим тюрк. глаг. — *өг-...* ‘хвалить’ и под. (Там же, *494–495*).

Тув. *өпей* могло быть отглаг. образованием с аф. *-(а)й* от *өп-* (**өп-ей*) или от **өп-е-* (**өп-е-й*), если исходной была основа *өп* (‘поцелуй’). Первоначальной семантикой *өпей* могла быть адъек-

[1] См.: Рассадин. Присаянская группа, *189*, *199*; Патаева В.Д. Обрядовая лексика тункинских бурят. — Улан-Удэ, 2003. — С. 29; Балагунова С.С. Краткая характеристика лексического состава языка окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. — Улан-Удэ, 1987. — С. 45.

тивная (типа ‘ласкаемый; баюкаемый...’), а затем субстантивная (‘ребенок, дитя’ и др.). Ср. также тув. *өпейлең* ‘малыш, ребенок’ < **өпей-ле-ң* < *өпейле-* ‘баюкать, убаюкивать; укачивать; усыплять, качая’. Не вполне ясна структура формы *өпея*.

Можно предположить, что *өпей* в прошлом употреблялось и в качестве названия колыбели, и подобная семантика сохранилась в материалах бур. говоров, приводимых выше. Эти материалы, по всей вероятности, были заимствованы из местных тюрк. языков (возможно, из тув.).

өпейлең см. **өпей**.

өпея см. **өпей**.

өрге ‘суслик’.

Соответствия в вариантах *өрке ~ өрге*, *өркө*, *өргө ~ өргүо* и в основном с тем же знач. зафиксированы в тюрк. языках Сибири, из чего делается вывод о возможности заимствования слова из монгол. языков, где также обнаруживаются его соответствия (ИРЛТЯ, *148*). Однако в реальности оно присутствует только в бур. (*үрхэ* ‘суслик’) и не находит соответствий в других монгол. языках (ЯФНС, *114*). В.И. Рассадин не без основания склоняется к мнению о тюрк. происхождении слова (Там же).

Согласно Г. Рамстедту и А. Йоки, *өрге...* образовано от тюрк. *үрк-* ‘быть боязливым, пугаться’; ср. также п.-монг. *ürgü-* то же (ИРЛГЯ, *148*; см. также **үргү-**), что выглядит недостаточно убедительно, в частности с фонетич. точки зрения.

Мы полагаем, что рассматриваемое наименование произведено при помощи аф. *-ка ~ -га* от глаг. основы *өр-* ‘возвышаться, подниматься, вставать на ноги’ и др. (ЭСТЯ I, *542–543*, а также *өөрү*, *өрү*) с учетом того, что «стоячая поза» очень характерна для сусликов.

өрген ‘кол, колышек; свая; палка, палочка’.

Ср. тоф. *өрген* ‘кол, колышек’, сойот. *өргән* ‘колышек’, хак. *өрген* ‘кол; прикол для зимней привязи рабочих лошадей’, шор. *өрген* ‘кол’, чул.-тюрк. *өргән* ‘частокол’. См., кроме того: Рассадин. Фонетика, *214*, где в перечень соответствий включено также др.-тюрк. *örgän* ‘канат, толстая веревка’. Соответствия последнего со знач. типа ‘канат, веревка’ широко распространены в памятниках, а также в некоторых совр. тюрк. языках (но не в тюрк. языках Сибири, где фиксируется *өрген* ‘кол’ и под.!) и считаются образованиями с аф. *-кан* от глаг. основы *өр-* ‘плести, вязать, вить...’ (ED, *225*; ЭСТЯ I, *546*). Последние, очевидно, гетерогенны (омонимичны) с названиями кольев и т.п.

Отметим, что у соответствий этих названий в хак. диалектах В.В. Радлов фиксировал, с одной стороны, знач. ‘гвоздь’, а с другой — ‘маленький столбик..., столб для привязывания лошадей’ (РСл. I, *1229*, *1230*), существование которого делает возможной связь с глаг. основой *өр-* ‘подниматься, вставать, возвышаться’ (см. **өрү**, **өрге**) и гомогенность с образованиями от этой основы, в частности *өре...* ‘столб, колонна’ (см.: ЭСТЯ I, *542–543*); ср. также чаг. *өрк* ‘возвышенность; восход; подъем’ (РСл. I, *1227*). Сказанное выше применимо и к тув. *өрген* в знач. ‘свая’, но не вполне ясно происхождение такой семантики, как ‘кол; гвоздь; палка’.

Этимология *өрген* ‘кол...’ в целом неясна. М. Рясянен, не приводя этимологической версии, сопоставлял *өрген* с як. *örgür* ‘кол, к которому привязывают жеребенка’ (следуя в этом за словарем Э.К. Пекарского) (ср.: Пек. II, *1958*; EW, *374*). При этом структура сопоставляемых слов, в том числе як. *örgür* или *өргүүр* (‘кол, колышек, к которому привязывали жеребенка вскоре после его рождения’: ЯРС, *288*), не проясняется, хотя родство *өрген* с *өргүүр* сомнений не вызывает.

Возможно, *өрген* ‘кол(ышек)...’ и *өргүүр*, в свою очередь, родственны с як. *өргөс* ‘острие коровьего рога; острие (обычно колющего и режущего оружия); колющее оружие’ (ЯРС, *288*)[1]. В таком случае, в указ. именных формах можно вычленить глаг. основу **өрге- ~ *өргү-*, означавшую нечто вроде ‘заострять(ся); колоть, быть колющим оружием’. Таким образом, *өрген... < *өрге-н*. Связи этого слова с *өр-* ‘подниматься...’ носят, возможно, вторичный характер.

өргү- I ‘дарить, преподносить; жертвовать кому-чему-л.’; *уст.* ‘платить подать, дань’; **өргүл** ‘дар, подарок; жертва’.

Монголизмы. Ср. монгол. *ergü- / өргөх* ‘поднимать вверх; держать кверху; возводить, возносить, возвышать, повышать; подавать (прошение); приносить в дар, преподносить; приносить (в) жертву, совершать жертвоприношение; зажигать; возлагать (напр., венок); чтить, почитать, выражать уважение, почтение...’ и *ergül / өргөл* рел. ‘жертва; дар, преподношение; поклонение, моление; почитание, уважение’ (БАМРС III, *37*, *39*).

У глаг. *ergü- / өргөх*, в свою очередь, обнаруживается связь с тюрк. языковым материалом, в частности с основами *өр* ‘верх’ и *өр-* ‘подниматься’ (см. также: Щербак 1997, *131*), а также, что особенно интересно, с глаг. формой вроде др.-тюрк. *örgi-* ‘воздвигать’ (см.: ЭСТЯ I, *544*, *547*, **өөрү**, **өргү- II** и **өргээ**).

өргү- II ‘находиться где-л. день и ночь, т.е. сутками’; **өргүлээр**: **өргүлээр ай** ‘ноябрь’ (букв. ‘месяц идущего сутками снега’) (Чадамба 1974, *69*, *70*, *80*).

К сожалению, в указ. источнике знач. глаг. *өргү-* определяется недостаточно четко: в частности, неясно, кто или что может

[1] В словаре Э.К. Пекарского (II, *1956*) у слова *өргөс* первыми указаны знач. ‘луч (солнца); пучок (прядь) солнечных лучей’.

находиться где-л. в течение суток. Кроме того, подтверждающий материал дает информацию не о нахождении где-л., а о конкретном действии или состоянии, в частности о выпадении осадков в течение определенного длительного времени: ср., напр., *өргүдү чаг-* ‘падать сутками (о снеге, дожде)’ (Чадамба 1974, *69*, примеч. 1) и *өргүлээр ай*, приводимое выше.

Тодж. *өргү-* может быть сопоставлено с тоф. *өргү-* ‘дневать, отдыхать днем (во время пути)’, *өргүг* ‘днёвка, дневной отдых’, др.-тюрк. *örüg* ‘остановка’ (ДТС, *390*) или ‘отдых (во время поездки)’ (ED, *222*), производным от которого Дж. Клосон считал глаг. *örge-* ‘останавливаться; оставаться, временно жить’ (Там же, *226*). Ср. также чаг. *өрүтмиш* ‘останавливающийся на отдых’, алт. *өргүт-* ‘дать кому-л. покой; велеть отдохнуть, сделать привал’, тел. *үргү-* ‘отдыхать (на дороге), давая отдых себе и коням’ (РСл. I, *1225*, *1231*, *1840*), кирг. *өргү ~ өргүү* ‘отдых, остановка, днёвка’, *өргү-* ‘останавливаться на отдых, делать привал, дневать; входить в силу, приобретать бодрость’ (КРС, *598*, *600*), каз. *өрү* ‘временная остановка на пути следования (при перекочевке)’ (КазРС, *125*), як. *өрөө-* ‘пробыть (промешкать) один день; дневать..., оставаться на сутки; проводить время’ (Пек. II, *1960*); ‘отдыхать (один день); быть свободным от дел (на день); проводить время без дела’ (ЯРС, *288*).

Тув.-тодж. *өргү-*, вероятно, также имело семантику, связанную с остановкой в пути, перерывом в движении, задержкой, носящей более или менее длительный характер, что отражено и в знач. указ. глаг., обозначающего продолжительное ненастье, также являющееся помехой в деле.

Происхождение приводимых выше форм практически еще не рассматривалось[1]. По-видимому, из числа глаг. ближе всего к исходной форме каз. **өр-* в составе *өр-гү* (см. выше); *өргү-* — форма интенсива от **өр-* или образование, сходное с др.-тюрк. *örge-* (по Дж. Клосону). У *өргү-*, судя по кирг. *өргү* и тодж. **өргү* (последнее в составе *өргүлээр* [*ай*] < *өргү-ле-*), существует именное соответствие, являющееся, вероятно, результатом конверсии типа «глагол → имя»[2].

В случае с рассматриваемыми формами можно предположить генетическую связь с тюрк. основой *өр(ү)-* ‘подниматься, вставать на ноги’ и под. (см.: ЭСТЯ I, *542–543*), у которой реально появление семантики вроде ‘останавливаться’, что наблюдается, в частности, у общетюрк. глаг. *тур- ~ дур-* ‘стоять; вставать на ноги; останавливаться, задерживаться...’ (см.: ЭСТЯ III, *296–298*, а также **тур-**).

Наблюдается определенная смысловая общность между рассматриваемыми формами и *өр(ү)-* в специализированных знач. вроде ‘пастись ночью’ и ‘приводить стадо на место после ночной пастьбы’ (ЭСТЯ I, *543*).

өргүл см. **өргү- I**.

өргүлээр см. **өргү- II**.

өргүн ‘широкий; многолюдный, охватывающий широкие массы’.

Ср. сойот. *өргән* ‘широкий’ (СБРС, *89*), як. *өргөн* ‘широкий, массивный’ (Пек. II, *1956*). Монголизм: ср. монгол. *örgen / өргөн* ‘широкий’; перен. ‘широкий, массовый, обширный; обильный’ (БАМРС III, *38*).

өргүүдел *уст.* ‘заявление’.

Монголизм. Ср. монгол. *ergüdel / өргөдөл* ‘письменное заявление; прошение, ходатайство’ < *ergüde- / өргөдөх* ‘быть поданным (о прошении)...’ (БАМРС III, *37*; см. также **өргү- I**). Причина появления долготы в тув. *өргүүдел* неясна.

өргээ *уст.* ‘резиденция, ставка, жилище высокопоставленного лица; богатая красивая юрта (или обычная юрта); дворец; родной край; берлога; венец (вокруг солнца и луны)’.

Ср. сойот. *өргээ* ‘берлога, логово медведя’ (СБРС, *89*), хак. *өргее* ‘дворец, ставка; главная юрта в *аале*, где жил глава селения’ (ХРИЭС, *79*) и другие соответствия в ряде тюрк. языков (типа *өрге ~ өргөө ~ өргө ~ өргүө...* ‘свадебная юрта, юрта героя; дворец’ и др.), считающиеся монгол. заимствованием (см.: ЭСТЯ I, *546–547*; СИГТЯ Л, *501–502*): ср. монгол. *ergüge ~ örgüge / өргөө* ‘палата, чертог; ставка; юрта высокопоставленного лица; дворец, терем’.

Монгол. слово считается производным от *ergü- ~ örgü-* ‘подниматься’, генетически связанного с тюрк. *өр-* ‘подниматься’, тур. *ör-* ‘возводить или поправлять стену’ и др.-тюрк. *örgi-* ‘возводить’ (СИГТЯ Л, *502*). В целом указ. связь реальна, но она, скорее, результат заимствования из тюрк. языков в монгол.; см. также **өргү- I**.

Кроме того, не все из приводимых в СИГТЯ Л соответствий *өргээ...* могут иметь монгол. происхождение. Так, турк. диал. *örüg* (*ö:rüg*?) в составе *ö:rügöj* ‘одинокая юрта, устанавливаемая на высоком месте...’, судя по его звуковому облику и вероятной структуре, определенно не имеет прямого отношения к монгол. формам, хотя оно в указ. источнике также относится к монго-

[1] Исключение составляет як. *өрөө-*, интерпретируемое как образование от як. *өр* ‘долго; давно’ и под. (Пек. II, *1953–1954*, *1960*). Последнему в других тюрк. языках Сибири и в др.-тюрк. памятниках соответствует вариант *үр* (см.: Рассадин. Фонетика, *239*, *193*, а также **үр**). Як. *өр*, скорее, вторично и едва ли может быть основой для указ. глаг.

[2] У тодж. *өргүлээр ай* отмечен вариант *өргүглээр ай* ‘месяц постоянно идущего снега’ (Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. — М., 1961. — С. 68), в котором первый компонент произведен от **өргүг* (ср. тоф. *өргүг* ‘днёвка...’), а не **өргү*.

лизмам, чем явно преувеличивается степень соответствующего языкового влияния на тюрк. лексику.

Э.В. Севортян, напротив, проявлял при решении вопроса о происхождении указ. соответствий, даже близких к монгол. формам (типа *өрге* и под.), заметную осмотрительность, допуская, в частности, что только часть модификаций *өрге*, в том числе тув. *өргээ*, является монголизмами. Однако в принципе прототип монгол. *örgüge*... вполне мог иметь тюрк. происхождение и близкую к монгол. форму типа *örgi-ge* (ср. др.-тюрк. *örgi-* 'возводить' при аф. *-ge*), а в тув. языке произошла своего рода «встреча» тюрк. слова и вторичного монголизма.

Обращает на себя внимание, в частности, развитая многозначность тув. слова и в том числе наличие у него знач., отсутствующих у монгол. ('родной край; берлога; венец вокруг солнца и луны'; ср. также сойот. *өргәә* 'берлога...') и, по-видимому, характерных для исконно тюрк. лексической единицы.

өре 'долг (денежный)'; **өре-шире** *собир.* 'долги'.

Монголизмы: ср. монгол. *öre* / *өр(өн)* 'задолженность', *öre širi* / *өр шир* 'долги; возмездие, расплата' (БАМРС III, *36*; БАМРС IV, *361*). Тув. *-шире* самостоятельно не употребляется, как, возможно, и его монгол. соответствие.

өреге 'двор (хозяйство); войлочное покрывало дымового отверстия юрты'.

Близкие соответствия (*өрөкө* и под.) отмечены в части юж.-сиб. тюрк. языков. Все они, включая тув. *өреге*, являются монголизмами: ср., в частности, п.-монг. *erüke* 'дымоход в крыше юрты; заслонка, покрывающая дымовое отверстие; двор, семья' (СИГТЯ Л, *517*); ср. также монг. *өрх* 'четырехугольная кошма, прикрывающая дымник юрты; двор, семейство, очаг'.

Возникает вопрос о существовании связи монгол. слова с исконно тюрк. языковыми данными, в частности с глаг. *өрт-* 'покрывать; закрывать; прикрывать' и др., считающимся, в свою очередь, «переходно-понудительной формой» от глаг. основы **өр-*. Производной именной формой от последней является, напр., тур. диал. *örek* (< *ör-ek*) 'покрывало (укрепляемое на колыбели)' (ЭСТЯ I, *551*). Сходство последнего с монгол. названием войлочного покрывала дымового отверстия юрты, скорее всего, неслучайно[1]. См. также **өреме**.

өрек 'поддержка, помощь'; **өрек-дөмек** 'помощь, подмога'.

Близкие соответствия тув. *өрек* не найдены. Возможно, это слово связано с тур. диал. *örek* 'стена', тат. диал. *үргә* 'фундамент, основание', чаг. *örgä* 'возвышение, крутое место, возвышенность, на которой ставится деревянный остов юрты', турк. диал. *ө:ргей* 'специальная комната (шалаш, палаты) для жениха и невесты после свадьбы' (ЭСТЯ I, *546*; СИГТЯ Л, *501*); ср. также хак. *өргей* 'раскидистый кедр или пихта, под которыми человек может заночевать, укрыться от дождя' (ХРИЭС, *79*). Эти образования, вероятно, родственны или прямо связаны с тюрк. глаг. *өр-* 'подниматься' (см. также **өргээ**). Эти и подобные им слова обозначают реалии, служащие опорами или основами (которые связаны с жильем), либо именуют временное, вспомогательное жилье. Ср. рус. *опора*, которое имеет перен. знач. 'сила, поддерживающая кого-что-н., помощь и поддержка (разрядка наша. — *Б. Т.*) в чем-н.' (ОШ, *455*). Семантика типа 'помощь' могла возникнуть как перен. и с развитием знач., связанных со вспомогательным жильем.

Тув. *өрек* 'поддержка, помощь' по образованию своей семантики определенно аналогично рус. *опора*, однако в отличие от последнего сохранило лишь знач. типа перен. Тув. *өрек-дөмек*, вероятно, образовано по образцу *өмек-дөмек*. См. **дөмек**, **өмек-дөмек**.

өрек-дөмек см. **өрек**.

өреме 'сливки; пенки (с кипяченого молока)'.

Ср. тоф. *өреме* то же (ТРС-РТС, *56*), хак. *өреме ~ өріңме* 'сметана; пенки (молоко)' (ХРИЭС, *79*), *өругме* 'сметана' (Вербицкий 2, *233*), алт. *өрөмө* 'сметана, сливки' (ОРС, *120*), шор. *өруңме* 'сливки' (РСл. I, *1225*) ~ *өруңмек* то же (ШРС, *38*), як. *өрумэ* 'пенка, пленка на поверхности какой-л. жидкости; золотые полоски на посуде; [тонкая ледяная кора (на воде)]' (Пек. II, *1967*).

По мнению В.И. Рассадина, сиб. тюрк. формы (напр., алт., тув. и тоф.) — монголизмы, восходящие к монгол. *örüme* 'пенка с кипяченого молока' (Рассадин. МБЗ, *27*). Подобная точка зрения высказывалась и ранее (см.: Рамстедт, *193*; EW, *375*), где монгол. *örüme* ('сливки') также рассматривается как источник для подобных тюрк. форм. Вместе с тем Г. Рамстедт и М. Рясянен в монгол. слове вычленяли основу **örü* 'верхнее'.

Однако **örü* (см. **өрү**, **өөрү**) — это тюрк., а не монгол. по своему происхождению основа. Хотя и было высказано предположение о том, что тюрк. корни *өр* 'верх' и *өр-* 'подниматься' являются общими для тюрк. и монгол. языков, но оно едва ли обосновано и его трудно подтвердить наличием таких монгол. форм, как *örbei-* 'стоять торчком (как волосы)' и под., приводимых Э.В. Севортяном (ЭСТЯ I, *544*).

Структура *өреме*... также не выглядит монгол. Г. Рамстедт, по-видимому, считал, что *-me* в монгол. *örüme* является разновидностью аф. *-mai*, но это нуждается в обосновании. Рамстедт

[1] В ЭСТЯ (I, *544*) тув. *өреге* (без его соответствий) рассматривается в статье *ө:р-* 'плести, вязать, вить' (см. также **өрү- I**) среди реальных и предполагаемых двухсложных вариантов этого глаг., один из которых (*өре-*) вычленяется, в частности, в составе *өреге*, что, бесспорно, ошибка.

и Рясянен в принципе верно связывали указ. слово с представлением о чем-л. находящемся сверху, наверху, но его структура более рационально объяснима исходя из тюрк. языковых данных, поскольку *өреме...* может интерпретироваться как образование с аф. *-ма* от двухсложного варианта глаг. основы *өр- ~ өре- ~ өрү-* ‘подниматься...’ (ср., напр., кирг. *өрү-* ‘ползать, двигаться вверх (массой)’: ЭСТЯ I, *542–543*)[1].

Отметим также морфол. варьирование, характерное для части тюрк. форм и затрагивающее как корневые, так и отчасти аф. их компоненты. Примерами варьирования первых из них являются шор. *өруңме*, хак. *өріңме* и *өругме*, где наиболее древней разновидностью, возможно, следует считать *өругме* ‘сметана’, образованную от глаг. формы **үруг- < *өруг-*, включающей в свой состав формо- или словообр. аф. *-(ү)г- ~ -(ү)к-* (см. о нем: АГ, *282 и след.*).

Варьирование аф. компонента представлено в шор. *өруңме ~ өруңмек*, где во второй модификации вместо обычного *-ме* налицо аф. *-мек* (*-мак*) (*өруңмек < *өруг-мек*).

Указ. проявления морфол. варьирования присущи именно тюрк. формам и нехарактерны для их монгол. соответствий, что свидетельствует в пользу тюрк. (заимствованного) происхождения последних.

Обращает на себя внимание наличие у отдельных тюрк. соответствий *өреме* многозначности, причем часть знач. не имеет прямого отношения к продуктам питания, хотя подобные знач. отражают реалии, расположенные поверх чего-л.: в этом плане представляет интерес як. *өрумэ* (семантика приведена выше). Отметим также отсутствие подобной семантики у монгол. слов.

С рассматриваемыми тюрк. формами, возможно, гомогенно также тур. диал. *öreme* ‘стена (сухой кладки)’, хотя в этом случае родство довольно отдаленное[2].

Таким образом, *өреме* и его соответствия имеют, скорее, тюрк., нежели монгол. происхождение. Среди них, вероятно, есть и вторичные монгол. заимствования, однако их определение может быть лишь предположительным.

өре-шире см. **өре**.

өрт [өъ] ‘пожар’.

Тув. слово имеет общетюрк. соответствия в преобладающей форме *өрт* и со знач. ‘пожар; пал; огонь, пламя’ и под. (ЭСТЯ I, *550–551*; СИГТЯ Л, *357–358*). Во втором из этих источников приведена, думается, обоснованная этимология, согласно которой *өрт* образовано аф. *-т* со знач. результата действия от глаг. основы **өр-*, представленной, возможно, в як. *өр-* ‘ставить что-л. на огонь, кипятить’, а также тат. диал. *өр-* ‘зажигать’ и т.п.

Ранее исследователи выдвигали этимологическую версию, согласно которой *өрт* произведено от *өр-* ‘подниматься’ (ЭСТЯ I, *552*), что близко к реальности (см. **кывар**), тем более что две приведенные выше этимологии как будто не противоречат друг другу: ‘ставить на огонь’ и ‘зажигать’ могут быть интерпретированы как ‘поднимать (что-л. над огнем или сам огонь)’.

өрте- [өъ] ‘привязывать арканом (напр., лошадь, пасущуюся на подножном корму)’.

Ср. як. *өртөө-* ‘пускать пастись на приколе (обычно лошадь)’ (ЯРС, *289*); ‘привязывать на длинной веревке, пускать пастись на аркане, оприколить (лошадь)...’ (Пек. II, *1964*); як. диал. *өртүк* ‘прикол для привязи лошади на длинной веревке, чтобы она могла пастись’ (ДСЯЯ, *195*). В словаре Э.К. Пекарского глаг. *өртөө-* сопоставлен с именной формой *өргөн* ‘плетеный ремень; веревка, аркан...’, образованной от *өр-* ‘плести, вить...’ (Пек. II, *1956*, *1964*; см. также: ЭСТЯ I, *546*), для чего определенно есть основания.

Тем не менее структура як. *өртөө-* и тув. *өрте-* не совсем ясна. Можно допустить существование в прошлом именной производящей основы **өр(ү)т* (*< өр-* ‘плести’ + аф. *-(ү)т*), близкой по форме тур. диал. *өрк* (*< өр- + (ү)к*) ‘витая шерстяная или пеньковая веревка; веревка или цепь, которой привязывают скот’ (ЭСТЯ I, *546*). От подобной основы с помощью аф. *-е-* и мог образоваться анализируемый глаг.

өртек [өъ] ‘цена’; **өртек-үне** [өъ] *собир.* ‘цена, стоимость’.

Өртек — монголизм (СИГТЯ Л, *338*); ср. монгол. *örteg / өртөг* ‘стоимость, цена’ (БАМРС III, *49*). См. **үне** (также имеющее монгол. происхождение). Отмечено и монг. пáрное слово *үнэ өртөг* ‘стоимость, цена’ (Там же). Не исключено наличие у него варианта с обратным расположением компонентов, которые, впрочем, могли поменяться местами и в заимствующем (тув.) языке.

өртек-үне см. **өртек**.

өртем-бардам [өъ] ‘весьма самонадеянный; кичливый’ (ТСТЯ); **өртем-бартам** [өъ] ‘дерзкий, грубый’ (Ондар. СПС, *99*).

Монголизм? Во всяком случае оба компонента тув. *өртем-бардам* и *өртем-бартам* имеют монгол. соответствия и, вероятно, соответствующее происхождение. Ср., в частности, тув. *өртем* (как самостоятельное слово неупотребим) и монгол. *örtüt-e / өртөм* ‘тучный, жирный; матерый’, а также монг. *санаа өртөм*

[1] Не исключена также связь с тюрк. глаг. **өре-* ‘покрывать(ся)’ (см.: ЭСТЯ I, *550–551*), для которого допустимо родство с *өр* ‘верх’ (ср. также **өреге**).

[2] Э.В. Севортян отмечал в этом слове глаг. основу *öre-* ‘возводить стену’, которую он рассматривал в числе глаг. с семантикой ‘плести, вязать’ и т.д. (ЭСТЯ I, *544–545*), основания для чего неясны, тогда как связь с глаг. основой, обозначающей подъем, представляется вполне реальной. См. также **өргээ**.

‘напыщенность, надменность’ (БАМРС III, *43*). Ср., кроме того, тув. *бардам* (~ *бартам*) ‘дерзкий, грубый; чванливый, кичливый; самонадеянный’ и его монгол. соответствия (см. **бардам**).

өртем-бартам см. **өртем-бардам**.

өртемчей [өъ] ‘вселенная; свет, мир’.

Ср. др.-уйг. *jertinčü* ~ *jirtinčü* (< тиб.) ‘мир, вселенная’ (ДТС, *283*), п.-монг. *jirtinčü* (< тиб.) ‘мир, свет, вселенная’ (ЧР, *493*), монг. *ертөнц* ‘мир, вселенная, космос, мироздание; свет, природа, жизнь’, бур. *юртэмсэ* ‘мир, вселенная’, калм. *йиртмж̨* [йиртемж̨е] ‘природа, окружающий мир’.

Монгол. *jirtinčü*... определенно является тюрк. заимствованием, а не тиб. (высказывалась и такая точка зрения). В свою очередь, версия о тиб. происхождении др.-уйг. слова подвергнута аргументированной критике Дж. Клосоном, который склонялся к мысли, что *jirtinčü* — чисто тюрк. образование, состоящее из компонентов, которые восходят к словам *jer* ‘земля’ и *tanču* ‘груда земли’ (ED, *961*), но это предположение также не внушает доверия.

Тув. *өртемчей* — монгол. заимствование; по своему облику оно ближе всего к ойр. варианту слова (типа калм. [йиртемж̨е]; см. также: ЯМВМ, *148*). Отличия его по форме от монгол. оригинала связаны с теми изменениями, которые слово претерпело при его освоении в процессе заимствования. В частности, появление конечного *й* могло быть результатом сближения с другими монголизмами, синонимичными *өртемчей* и оканчивающимися на этот согласный (см. **делегей**, **каптагай**, **октаргай**), который мог быть осмыслен как своего рода аф. и по этой причине присоединен к рассматриваемому слову.

В начале *өртемчей*, напротив, наблюдается исчезновение монгол. анлаутного *й*(*j*) и наличие широкого огубленного *ө*, что может быть объяснено контаминацией монгол. слова с тув. *өрү* ‘верхний, более высокий...’ (см. **өөрү**, **өрү**) и/или родственными с ним словами.

өртээл [өъ] *уст.* ‘ямская станция; расстояние (перегон) между ямскими станциями’.

Монголизм (Опыт, *150*), что отмечал и М. Рясянен как относительно тув. слова, а также его соответствия типа чаг. и др. *өртең* ‘почтовая станция’ (по РСл.), которые возводились к п.-монг. *örtege* ‘почтовая станция’ (EW, *375*). Ср. уйг. *ö*(*r*)*täŋ* ‘постоялый двор, станция’, уйг. диал. *örtäŋ*, *örtön* то же (Тенишев. УДС, *120*). Ср. также монгол. *örtegen* / *өртөө*(*н*) ‘уртон, ям, ямская связь; эстафета; станция; перегонная почтовая связь; расстояние, равное перегону между уртонами (станциями)’ (БАМРС III, *43–44*), калм. *өртң* [өртең] уст. ‘перегонная почтовая связь, ямская связь; расстояние, равное перегону между уртонами’ и др.

В указ. работе М. Рясянен пытался установить родственную связь п.-монг. *örtege* с тюрк. материалом, в частности с глаг. основой *өрт-* ‘покрывать’ и под., что вызвало обоснованное возражение Э.В. Севортяна (ЭСТЯ I, *552*).

Как тюрк. варианты типа *өртең*, *örtäŋ* и *örtön*, так и тув. *өртээл* — скорее, поздние заимствования и едва ли связаны со старой монгол. формой *örtege*(*n*). Они ближе к совр. варианту с долготой гласного (утраченной в *өртең* и др.) и неустойчивым конечным согласным. В тув. *өртээл* причина появления *-л* неясна. Во всяком случае монгол. вариант с таким согласным неизвестен. Здесь вероятна контаминация с другим словом, в частности с названием помещения: см. **өрээл**.

өрү- I ‘плести; заплетать (косу и под.); расставлять (напр., шахматы); набирать (текст)’.

өрү- II ‘разрезать шкуру на туше в направлении от конечностей к брюшной части (для ее снятия)’.

Ср. тоф. *өрү-* ‘плести, заплетать (волосы); вить (веревку); плести (корзину)’. В основном тюрк. соответствия *өрү- I* распространены в односложной форме *ө:р-* ~ *өр-* (‘плести; вить; вязать, прясть; ткать...’), тогда как двухсложная (*өрү-* ~ *өре-*) встречается редко и отмечается, главным образом, как связанная основа (см.: ЭСТЯ I, *544–545*). Эта форма, вероятно, вторична, и ее наличие может предполагать существование в прошлом у глаг. *өр-* ‘плести...’ именного соответствия **өр*, от которого и образовалась *өрү-*...

Этимология указ. глаг. неясна. У тув. *өрү-* в знач. ‘расставлять...’ и ‘набирать (текст)’ тюрк. соответствия не засвидетельствованы. Эта глаг. основа, в сущности, не родственна (омонимична) *өрү-* ‘плести...’ и представляет собой, скорее всего, монголизм: ср. монгол. *öru-* / *өрөх* ‘ставить, расставлять в ряд, размещать что-л. в определенном порядке (напр., *шатар өрөх* ‘расставлять шахматы’); набирать (типографические знаки)’[1] (БАМРС III, *43*).

В знач. тув. *өрү- I* ‘плести’, с одной стороны, и ‘расставлять (шахматы)’, а также ‘набирать (текст)’ — с другой, наблюдается общий смысловой компонент ‘производить целенаправленное действие, состоящее из повторяющихся в определенном порядке операций’. Этот компонент мы находили и в знач. тув. *өрү- II* ‘разрезать шкуру на туше (в определенном направлении и с определенной целью)’, считая его лексико-семант. вариантом

[1] Монголизмами являются и определенные тув. отглаг. образования типа *өрүкчү* ‘наборщик’ (ср. монгол. *örügči* / *өрөгч* то же).

өрү- ‘плести’ и под. (Татаринцев 1987, *21*), хотя их общность в достаточной мере условна.

Өрү- в «разделочном» знач. мы сопоставляли с монг. *өрлөх* ‘разрезать брюшную полость в подложечной области (чтобы умертвить животное)’ (Там же; ср.: БАМРС III, *40*), однако в наст. время это сопоставление выглядит далеко не очевидным. Тув. *өрү- II*, скорее, родственно тоф. *өрү-* ‘резать спиралью; вырезать ремень из шкуры; отрезать ломоть (напр., хлеба)’ (ТРС-РТС, *56*) и хак. *өрчі-* ‘разрезать шкуру животного вдоль подбрюшия (от ног до груди)’ (ХРИЭС, *79*).

Возможно, эти глаг. родственны предполагаемой глаг. основе **өрге-…* ‘заострять(ся)’ (см. **өргөн**), и все они образованы (аф. *-ү-*, *-чи-* и *-ге-*) от именной основы **өр*, обозначавшей нечто заостренное, а также колющее и/или режущее. Кроме того, глаг. *өрү-* и *өрчі-* могут быть гомогенны с широко распространенным тюрк. словом *өрнек* ‘модель, образец; изображение, образ; узор…’, не имеющим удовлетворительной этимологии (см.: ЭСТЯ I, *549–550*) и первоначально именовавшим что-л. вырезаемое по определенной форме.

өрү см. **өөрү**.

өрүм ‘сверло, бурав’.

Ср. алт., тел., шор. *өрүм* ‘бурав’ (РСл. I, *1226*), алт. *өрүм* ‘сверло, буравчик’ (ОРС, *120*). Последнее отнесено к числу монголизмов (Рассадин. МБЗ, *19*): ср. монгол. *örüm / өрөм* ‘сверло, коловорот; зонд; дрель; бур, бурав’. Монгол. происхождение имеют и другие соответствия алт. слова, в том числе и тув. *өрүм*.

өрүтен см. **өөрү**.

өршээ- ‘миловать, щадить, прощать’; **өршээ** *межд.* ‘господи, помилуй!; помилуй, пощади!’; **өршээл** ‘милость, помилование; пощада, прощение’.

Ср. сойот. *өршээ-* ‘помиловать, пощадить; извинять, прощать’ (СБРС, *89*), як. *өрүһүй-* ‘спасать, избавлять кого-что-л. (в самый критический момент); спасать кого-л. от гибели’ (ЯРС, *289*); ‘избавлять от гибели, спасать вовремя’ (Рассадин. МБЗ, *74*).

Монголизмы. Ср. монгол. *örüšije- / өршөөх* ‘помиловать, пощадить; извинять, прощать; амнистировать’, монг. *өршөө*, *өршөө*! ‘смилуйся!, прости!’, *örüšijel / өршөөл* ‘снисхождение, милость; амнистия, пощада; помилование, прощение’ (БАМРС III, *45*).

Як. *өрүһүй-* возводится к ср.-монг. форме *örüšije-* (Рассадин. МБЗ, *84*), тув. *өршээ-* Н.Ф. Катанов связывал с п.-монг. формой, практически идентичной ср.-монг. (Опыт, *425*), однако это не совсем точно. Тув. *өршээ* и производные от него формы (*өршээ*, *өршээл* с указ. знач.), а также, по-видимому, сойот. *өршээ-* (ср. бур. *үршөөхэ*) более поздние по времени появления и их источником был, скорее всего, монг. язык.

өршээ см. **өршээ-**.

өршээл см. **өршээ-**.

өрээл ‘комната, отдельное помещение; кабинет; палата’.

Монголизм: отмечены два однокоренных монгол. слова: *örüge / өрөө(н)* ‘комната; номер; помещение, кабинет; отделение; камера’ (калм. *өрә* ‘комната’) и *örügel* ‘половина’ (БАМРС III, *42*); ср. калм. *өрәл* ‘половина, половинка’, бур. *үрөөл(э)* ‘один из пары, половина чего-л.’. Тув. *өрээл* как бы соединяет в себе семантику первого из них с формой второго.

Однако в прошлом указ. монгол. слова были, по-видимому, ближе друг к другу: ср. *örüge* ‘отделение, отгородка, перегородка в здании; комната’ и *örügel* ‘половина; отделение; отгородка; загородка’, а также п.-монг. *erügen ~ örügen* ‘половина…’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *152*). Вероятно, эта близость способствовала тому, что в качестве названия комнаты и под. был заимствован вариант с конечным *л* (*өрээл*); см. также **өртээл**.

өс- [өъ] ‘расти, вырастать’; *перен.* ‘расти, развиваться’.

Общетюрк.; основной вариант — *өс-* ‘расти…’; этимология неясна. См.: ЭСТЯ I, *552–553*.

өс см. **өзек**.

өске- [өъ] ‘идти (ехать) вверх по реке или по возвышенности; возвышаться, подниматься вверх’.

Ср. як. *өксөй-* ‘двигаться против течения, двигаться вверх по реке’, алт. (тел.) *өксө-* ‘подниматься вверх; возноситься’, куманд. *өскү-* то же (РСл. I, *1188*, *1295*), ? тоф. *өъксе-* ‘неводить, вести невод, бредень’. Монголизм. Ср. монгол. *ögsü- / өгсөх* ‘идти вверх, ехать вверх по реке, подниматься вверх по течению реки, идти вверх по реке; подниматься на гору’; уст. ‘воспарить, возноситься ввысь (о жертвенных животных, по шаманским представлениям)…’ (БАМРС III, *10*).

В тув. *өске-* и куманд. *өскү-* наблюдается метатеза, которая в данном случае, возможно, была обусловлена сближением с глаг. основой *өс-* ‘расти’ (см. **өс-**). См. также **өскергей**.

өске 1. ‘другой, иной; чужой, посторонний’; **2.** ‘иначе, по-другому’.

Ср. тоф. *өъске* 1. ‘другой, иной; чужой, посторонний’; 2. ‘кроме’ и общетюрк. соответствия (самый частотный и, по всей вероятности, наиболее близкий к исходному вариант — *өзге > өске* и под.) со знач. ‘другой, иной; особый, прочий; чужой…’; имеется также (тур. диал.) глаг. *өзге-* ‘изменяться’ (см.: ЭСТЯ I, *508*; СИГТЯ М, *498*).

Э.В. Севортян привел имевшиеся на то время этимологии, не выдвигая своей собственной и не выражая отношения к другим версиям. В основном *өзге...* возводится к форме дат. п. мест. *өз* ‘сам, свой’, что недостаточно ясно в структурном и семант. аспектах.

Позже было высказано предположение о том, что *өзге* произведено от основы **öz* ‘другой, чужой’, которая, как считается, сохранилась в монгол. *ö:r* < *öβür* ‘другой, иной...’ (СИГТЯ М, *498*), что также малоубедительно: в частности, едва ли реально, чтобы тюрк. основа была связана с явно вторичной монгол. формой.

Тюрк. языки предоставляют более близкий к *өзге* и, думается, более достоверный материал для суждения о происхождении рассматриваемого слова, которое может быть, в частности, гомогенно с др.-тюрк. *özgän* ~ *özkän* ‘переменчивый’, *öznä-* ‘перечить, возражать’ (ДТС, *395*) ~ *özne-* ‘сопротивляться, быть непокорным’ (ED, *289*), полов. (коман.) *өзäң* ‘упрямый’ (РСл. I, *1301*). Думается, в этих формах прослеживается глаг. основа **өз-* (особенно четко в составе *öz-gän* с предположительной семантикой ‘изменяться, становиться другим; становиться непохожим на окружающих, отделять себя от них, противопоставлять им себя’. Др.-тюрк. *öznä-...*, по-видимому, < **öz-ün-ä-*, где **öz-ün* — именная основа со знач. типа ‘непокорный, упрямый’[1].

Указ. глаг. основа определенно родственна и фактически тождественна с *өз-* ~ *өз*, первоначальная семантика которых связана с разделением, отделением и реализуется в наименованиях различных географических объектов (см. **өзен**). От подобной глаг. основы было, скорее всего, образовано (с помощью аф. *-га* ~ *-ге*) и *өзге* (> *өске*); см. также **башка**, **өңге**.

У **өз-* ‘изменяться...’ существовало свое именное соответствие **өз*, о реальности которого позволяют говорить, в частности, башк. диал. *үзле* ‘отдельный’ (Bhh, *187*) и, возможно, тат. диал. *үзбүле* ‘отдельно, раздельно’ (ТатРС, *745*).

өскергей [өъ] ‘подъем, возвышенность’; **өскүргей** [өъ] то же.

Тув. *өскергей* и *өскүргей* связаны с глаг. *өске-* ‘идти (ехать) вверх...’, имеющим монгол. происхождение (см. **өске-**), и, по-видимому, также являются монголизмами. Однако в источниках монгол. соответствия, с которыми можно было бы связать тув. формы, не зафиксированы, хотя и отмечены довольно близкие варианты типа монгол. *ögsügur* / *өгсгөр* ~ *ögsügür* / *өгсүүр* 1. ‘постепенно возвышающийся, поднимающийся’; 2. ‘подъем’ (БАМРС III, *10*), калм. *өгсүр* уст. ‘подъем’, бур. *үгсүүр* то же. Возможно, тув. формы восходят к монгол. диал. или арх. лексике.

[1] Иначе представлено происхождение этого глаг. в труде Дж. Клосона, хотя структурно *özne-* выглядит сходно с *öznä-* в нашей версии.

өскүс [өъ] ‘сирота’; **өксүс** *диал.* то же.

Тув. *өскүс* имеет общетюрк. соответствия типа *өксүз*, *өксүс* и др. со знач. ‘сирота’, реже ‘одинокий’. Старейшим из вариантов является *өгсүз* (ЭСТЯ I, *521*). Слово восходит к привативной (отрицат.) форме с показателем *-сыз...* от основы *өг* ‘мать’ (Там же); ср. др.-тюрк. *ögsüz* ‘сирота, без матери’ (ДТС, *381*, а также: СИГТЯ Л, *300*, *312*).

Данный показатель в ряде тюрк. языков неупотребим, в том числе и в тув., где в его функции выступает отрицание *чок* ‘нет’. В тув. *өскүс* наблюдается метатеза *кс* > *ск*, хотя отмечен и (диал.) вариант *өксүс*.

өскүүргей см. **өскергей**.

өс-төрээн *фолькл.* ‘имеющий кровное родство с кем-л.; кровнородственный’.

Второй компонент пáрного слова *өс-төрээн* связан с тув. *төрээн* ‘родной; родственник’ (см. **төрээн**), а первый, по всей вероятности, — с широко распространенным тюрк. словом *өз* (> *өс*) ‘сам; свой, собственный’ и т.п., у которого отмечена также и семантика ‘свой (родной по крови или по духу)’ (КРС, *587*); ‘родной; родственник; близкий’ (ЭСТЯ I, *507*).

Тув. язык относится к тем тюрк., в частности юж.-сиб., языкам, где *өз* ~ *өс* в функции определительного мест. не употребляется или используется ограниченно, уступив место *бот* и его соответствиям (см. **бот**)[1], но в знач. адъективного или субстантивного характера это слово встречается (см. **өзек**, **өс**). Это относится и к семантике, связанной с родством: см., напр., *өс* ‘родственник’ (языковая принадлежность не указана: Вербицкий 2, *234*), тел. *өс кижи* ‘родственник’ (РСл. I, *1291*), як. *өсүк* ‘свой; родня’ (Пек. II, *1979*).

У тув. *өс-төрээн*, судя по его знач. (‘имеющий кровное родство...; кровнородственный’), оба компонента восходят к словам с адъективной (признаковой) семантикой типа ‘родной, близкий’.

өсүген [өъ] ‘недостаточный; слабосильный; невзрачный’.

Ср. як. диал. *өһүнэх* (< *өсүнэк*?) ‘слабоватый, бессильный’, сопоставляемое с *өлүнэх* ‘ленивый; слабоватый, бессильный’ (последнее, по-видимому, связано с *өл-* ‘умирать’; см. **өл-**), *өһөкү* (< *өсөкү*?) ‘ленивец’ (ДСЯЯ, *194*, *196*). С тув. *өсүген* и указ. як. формами, возможно, родственны тоф. *өъсе* ‘мелкий, неглубокий;

[1] См. тел. *өс* ‘сам’, которое «употребляется очень редко вместо *пой*» (варианта *бот*) (РСл. I, *1291*).

отлогий, пологий (о склонах распадка)' и *өъселеди* 'неглубоко, мелко' (ТРС-РТС, *57*).

Як. диал. *өһүнэх*, по всей вероятности, произведено от глаг. формы типа як. *өсүн-* 'погибать', связываемой с основой *өс-* 'гаснуть; гибнуть, погибать', которая считается як. вариантом тюрк. глаг. *өч-* ~ *өш-*... 'гаснуть...' (см.: Пек. II, *1973*, *1981*, а также: ЭСТЯ I, *559–560*) и которой соответствуют тув. *өш-* [өъ] и тоф. *өъш-* то же (см. **өш-**).

Если допустить родство между собой указ. тув., тоф. и як. форм, то можно предположить, что более старая семантика сохранилась у тоф. *өъсе*, тогда как знач., представленные в тув. *өсүген* и як. *өһүнэх*, *өһөкү* и др., могут рассматриваться как перен. по отношению к тем, которые в тоф. слове характеризуют малую (и недостаточную) глубину чего-л. или слабую крутизну склонов.

Производящей основой *өъсе*, скорее всего, является **өс-* [өъс], означавшая нечто вроде 'быть или становиться малым, слабым, недостаточным'. Тув. *өсүген*, как и *өъсе* (< **өс-е*), также является отглаг. образованием (**өс-үген*, где *-үген* — вариант аф. *-ыган*, производящего отглаг. прил., см.: Сат, Салзыңмаа, *124*; Рассадин. Морфология, *103*). Структура отдельных як. форм (в частности, *өһөкү*) недостаточно ясна.

өт- [өът] 'проникать, проходить, пролезать (через отверстие); проходить, проскакивать сквозь что-л. (о чем-л. остром — напр., о ноже); мокнуть, промокать; страдать поносом; оправляться, испражняться'.

В ТРС 1968, *332* и ТСТЯ знач. *өт-* представлены в виде трех омонимов, хотя есть основания считать, что в данном случае мы имеем дело с многозначностью (см.: ЭСТЯ I, *554–555*, где в основном все эти и подобные им знач. представлены как проявления полисемии (в 13 группах знач.), а также: Татаринцев 1987, *75*).

Соответствия тув. глагола (в основном варианте *өт-*) носят общетюрк. характер; этимология неясна.

өт 'желчь'.

Общетюрк.; существует в вариантах *ө:д*, *өд* и т.п.; наиболее распространен *өт*. Семантика — 'желчь, желчный пузырь; горечь', а также перен. 'мужество; злоба, мщение' («желчь представляется как место гнева, мужества, поэтому и просто употребляется в значении 'мужество'»: РСл. I, *1275*); 'ловкий, боевой' (ЭСТЯ I, *504*; ED, *35*). Этимология неясна.

Г. Вамбери объединял *öt*, *öd* 'желчь; гнев, ярость' и *öfke* '[легкие;] гнев', что, по мнению Э.В. Севортяна, «морфологически и фонетически едва ли возможно» (ЭСТЯ I, *505*). Это замечание

верно в том отношении, что напрямую связывать указ. названия определенно рискованно, но в чем-то мог быть прав и Вамбери: их гомогенность не исключена.

При анализе названия легких (см. *өкпе*) мы установили вероятность производящих основ **өг-* (*өк-*) ~ **өг* (**өк*) и **өп* (~ или > **өб*) как выражения гнева, высказав также мнение об их структурности: они могут восходить к первичной глаг. основе **ө-* 'быть грубым, упрямым, яростным и т.п.; проявлять соответствующие чувства'. От нее же, возможно, образовано (аф. *-д* ~ *-т*) и **ө-д* ~ **ө-т* 'желчь...', где прослеживается связь знач. 'чувство' → 'место его проявления' (согласно вероятным представлениям древних тюрков).

К той же глаг. основе может быть возведено также общетюрк. *өч* (< **ө-ч*) 'вражда, месть, злоба, ненависть' (см. **өш**).

өткүн [өъ] **I** 'пронзительный'; **өткүр** [өъ] 'острый; пронзительный, звонкий (о голосе, песне)'; **өткүт** [өъ] 'острый, проницательный, пытливый (об уме); пронзительный, звонкий'.

Отглаг. прил., образованные от основы *өт-* 'проникать...' (см. **өт-**) с помощью аф. *-күн*, *-күр* и *-күт*, из которых наиболее распространены образования на *-күр* (ЭСТЯ I, *555*). Гораздо более редки производные с аф. *-күн* (в ЭСТЯ отсутствуют примеры; ср. кроме тув. *өткүн*, алт. *өткүн* 'пронзительный', хак. *өткін* 'бойкий, отчаянный; пронырливый') и с *-күт* (этот аф. даже не упомянут в числе указ.; ср. тоф. *өъткүт* 'острый, проницательный (об уме); доходчивый, понятный, разборчивый, внятный; звонкий, ясный (о голосе)').

Об этом форманте вообще известно мало: аф. *-кыт* ~ *-гыт* был лишь включен Э.В. Севортяном в список глаг.-именных показателей, характерных для огуз. языков (АИ, *240*).

өткүн [өъ?] **II** *фолькл.* 'густой; многочисленный'.

Монголизм: ср. монгол. *ödken* / *өтгөн* 'густой; крепкий (напр., о чае)...' Судя по производному глаг. (монгол. *ödkere-* / *өтгөрөх*), означающему, в частности, 'собираться в большом количестве (о людях)' (БАМРС III, *47*), семантика многочисленности, имеющаяся у тув. *өткүн*, существовала и у его прототипа.

Тув. *өткүн*, судя по внешнему виду, — позднее заимствование, связанное с совр. монг. языком.

өткүр см. **өткүн I**.

өткүт см. **өткүн I**.

өттүн- 'передразнивать, подражать'.

Ср. тоф. *өъткүн-* 'подражать, передразнивать; делать кое-как, для вида' и ряд других соответствий типа *өтгүн-* ~ *өйкүн-* ~ *өйгүн-* и под. со знач. 'подражать, имитировать; дразнить, передразнивать; следовать (примеру)' (ЭСТЯ I, *515–516*).

Э.В. Севортян считал, что указ. формы — вторичные глаг., образовавшиеся с помощью аф. *-кы- / -ка* в учащательно-интенсифицирующем знач., наращенного показателем медиальности, от глаг. основы **өй-, өт-*. При этом **өй-* сопоставлялось с тур. диал. формами вроде *öyür* ‘похожий, подобный...’; вместе с тем указывалось, что для корня **өт-* прямых данных в привлеченных материалах нет, кроме медиальной формы этого глаг. (?) *өтүн-* в тув.

Однако тув. *өттүн-* (не *өтүн-*!) не представляет исключения из числа указ. Севортяном вторичных глаг. форм, являясь, скорее, даже формой «третичной», восходящей к *өткүн-* (ср. тоф. *өъткүн-*, более старую, нежели тув.).

Э.В. Севортян отмечал также, что вероятное чередование *-д- ~ -з- ~ -й-* в данном случае отсутствует: нет промежуточных форм типа **өз-*, которая объединяла бы **өй-* и **өт-* (ЭСТЯ I, *516*).

Сближение **өй-* с тур. формами типа *öyür* выглядит небесспорным и, во всяком случае, не позволяет решить вопрос об отношении между **өй-* и **өт-*. Здесь сто́ит обратить внимание на сопоставление В.В. Радловым глаг. *өйкүн-* ‘следовать; подражать’ с *уй-* ‘следовать; подражать; подходить, быть похожим...’ (РСл. I, *1173*, *1594*), чего не делал Севортян. Между тем глаг. *уй-* имеет соответствия в виде *ut(d)-*, *uδ-*, *uz-* (см.: ДТС, *617*) и, учитывая их семант. общность с **өйкүн-* и под., можно говорить об известном параллелизме (или, скорее, о варьировании?) форм с заднерядными узкими и переднерядными широкими гласными (среди подобных форм предполагается и **өз-*). Можно также думать, что их первоначальное знач. ‘следовать’ (сохраняется в некоторых, в том числе в древних, источниках: ЭСТЯ I, *516*).

Что касается имеющегося в *өйкүн-* компонента *-күн* (> тув. *-түн-*), то природа его тоже, возможно, иная, нежели полагал Э.В. Севортян: см., напр., АГ, *321–322*, где, в частности, рассматривается формант *-ган- // -гын- ~ -кан // -кын-*, в том числе со знач. желания.

өчү- [өъ] *юр.* ‘показывать, давать показания’; *перен.* ‘высказывать, говорить’; **өчүк** [өъ] *юр.* показание.

Монголизмы: ср. монгол. *өčі- / өчих* книжн. ‘говорить, почтительно отвечать; давать показания’; *өčig / өчиг* ‘показание на суде; обещание’ (БАМРС III, *48*).

өчүк см. **өчү-**.

өш- ‘потухать, гаснуть, угасать’.

Общетюрк.; наиболее частый и одновременно древний вариант — *өч-*; знач. — ‘гаснуть, потухать; гасить; кончаться, иссякать’ и под. (ЭСТЯ I, *559–560*). Этимология неясна.

өш ‘злоба; месть’.

Общетюрк.: *өч* (турк. *ө:ч*); в кыпч. языках — *өш* (< *өч*); знач. — ‘месть, мщение; вражда, ненависть...’. Убедительная этимология в имеющихся источниках отсутствует (см.: ЭСТЯ I, *558–559*). Возможно, *өч* структурно (< **ө-* ‘быть грубым, злым, гневным...’ + аф. *-ч*) и гомогенно с *өт* ‘желчь’ (см. **өт**). У этого тюрк. слова имеется близкое монгол. соответствие *ös / өс* ‘месть, мщение; ненависть, злоба’, вероятно, восходящее к тюрк. варианту *өш* (с переходом *-š / -ш* > *-с*).

Тув. *өш* тюрк. происхождения, но в тув. языке имеется и ряд как бы родственных *өш*, но явно монгол. по происхождению форм: см. **өже-**, **өжегээр**, **өжээн**.

өшкү [өъ] ‘коза (домашняя)’; **эшки** [эъ] *тодж.* ‘кабарга-самка’ (Чадамба 1974, *65*).

Ср. тоф. *эъшки* ‘взрослая самка кабарги’, *өъшкү* ‘домашняя коза’ (ТРС-РТС, *58*, *106*), которые, в свою очередь, сопоставляются с др.-тюрк. *ečkü* ‘коза’, алт. *эчки*, тув. *өшкү* ‘домашняя коза’, хак. *өскі* ‘коза, козел’, кирг. *эшки* ‘коза’, уйг. *өшкә*, каз. *өшкі* то же (Рассадин. Фонетика, *183*; списки соответствий см. также в: ИРЛТЯ, *117*; ЭСТЯ III, *35*; Базарова, Шарипова, *133–134*; СИГТЯ Л, *426*).

В основном *эчки...* и его огубленный вариант типа *өшкү* и под. — название козы, реже — козы и козла и эпизодически — только козла (напр., лоб. *өчкү*). Комментируя указ. фонетич. различия вариантов, ученые объясняют появление *ө-* как результат ассимиляции *е-* под влиянием замыкающего гласного в его древней форме *ү* (*ечкү* и под.) (ЭСТЯ III, *35*). На тув. и тоф. материале заметно проявилась первичность неогубленного и вторичность огубленного вариантов слова, первый из которых обозначает дикое, а второй — домашнее животное.

Э.В. Севортян не без оснований полагал, что *ечки* и под. структурны и в них вычленяется формообр. элемент (аф.) типа *-ки*. «В пользу членимости *ечки...* свидетельствуют, кажется, и образования вроде тур. диал. *ecil* (< *ec-il*) ‘коза’..., *işk* то же...» (Там еж, *35–36*); ср. также чаг. *өч(ä)к* ‘теленок, который сосет’ (РСл. I, *1285*).

Что касается производящей основы, то ее, думается, можно связать с алт. глаг. *ӓч-* (*еч-*) ‘следовать за кем-л., сопровождать’ (РСл. I, *802*) (напр., козы следуют за козлом или козлята за козой?). Ср. также алт., тел., чул.-тюрк. *еш-* (< *еч*) ‘идти за кем-л., следовать, сопровождать’ (РСл. I, *904*); алт. *эч-* ‘следовать, гнаться, сопровождать, идти за кем-л.’ (ОРС, *195*).

У тюрк. *ечки* и под. имеются монгол. соответствия типа п.-монг. *ešigen ~ išigen*, монг. *ишиг* ‘козленок...’, считающиеся гомогенными с *ечки...* (СИГТЯ Л, *427*), а в реальности, скорее всего,

заимствованные из тюрк. языков и связанные с явно вторичным вариантом слова, близким, напр., чалкан. *эшке* ‘коза’ (Баскаков 1985б, *231*). На это обстоятельство обращал внимание Б.Я. Владимирцов, возводивший монгол. название козленка к исходным формам **išge* < **ičge* и сопоставлявший последнюю из них с тюрк. соответствиями: алт. *ечке*, кр.-тат. *ешкі*, др.-уйг. *ečkü* ‘коза’ (Владимирцов. Ср. грамматика, *377*). Не вызывает доверия и реконструкция пратюрк. (тюрко-монгол.) формы слова в СИГТЯ Л, *427* в виде **äžikä* (> **äž(i)ki* > *äčki*.

өштек см. **өжүн**.

— П —

паалыыр ~ палыыр ~ парыыл *диал.* ‘тряпка, кусок войлока, при помощи которых вынимают чашу из горячей печи или костра’.

Монголизм. Ср. монгол. *bariγūl / бариул* ‘ручка, рукоятка; черенок; поручень’, а также *тогооны бариул* ‘куски войлока, которым прихватывают котел’ (< *bari- / барих* ‘держать в руках, брать в руки’). См. также: Рассадин. МБЗ, *58*, *59*.

паараң *уст.* ‘штаб; казарма’.

Ср. с.-югур. *паран*, *параң* — название какого-то управления, канцелярии (Малов. ЯЖУ, *87*), *p‘aran ~ p‘araŋ* ‘управление, резиденция, ставка’ (Тенишев. С.-югур., *198*). В указ. работе С.Е. Малова к *паран...* дается примеч. «маньчж. через монг. — от Б.Я. Владимирцова», что можно понять как консультацию со стороны крупного монголиста. Ср. монгол. *quvaran / хуаран(г)* ‘казарма, лагерь; бивак’ (БАМРС IV, *153*); это слово Владимирцов связывал с маньчж. *quvaran* ‘ограда; двор, обнесенный стеной; казармы, постоянный лагерь’, отмечая у монг. формы наличие вариантов, один из которых выглядит как *паарн*, а другой близок к *паараң*; они оба отражают «народное произношение» слова (Владимирцов. Ср. грамматика, *299*, *300*).

В тув. *паараң*, в свою очередь, нашел отражение последний из указ. вариантов, тогда как в с.-югур. языке отмечены оба.

пага ‘лягушка’.

Ср. тоф. *бага*, сойот. *пага* то же и другие соответствия, носящие общетюрк. характер и существующие в ряде вариантов (*бака ~ бага ~ пака ~ пага...*). Кроме знач. ‘лягушка’ (наиболее употребительного), у *бака...* отмечены ‘жаба; черепаха; улитка’, а также (эпизодически) ‘крот; водяная крыса’ и некоторые другие (ЭСТЯ I, *40–41*). Э.В. Севортян на первом месте указывал семантику, определяемую как «общее название земноводных из

породы лягушек и черепах» и характерную, в частности, для тур. и азерб. языков. По мнению Севортяна, старейшей для *бака...* как раз, вероятно, и является эта семантика, куда включаются, естественно, знач., связанные с отдельными видами земноводных и отмеченные в старейших текстах: ‘лягушка...’, ‘жаба...’ (Там же).

Как считал исследователь, двухсложная форма *бака ~ бага...* не самая старая: первичной, как он полагал, является односложная (**бак*), от которой сохранились тур. диал. *bağ* и удвоенное *bābā* < *bağ bağ* ‘черепаха; лягушонок в возрасте нескольких дней’ и которая структурно аналогична другим обозначениям представителей животного мира, напр. птиц, в основе которых лежат односложные звукоподражания типа *čivčiv* ‘птенчик, цыплёнок’ и др. Далее следует ссылка на работу А.М. Щербака, ранее указавшего на звукоподражат. происхождение *бака...*, и исходившего при этом из уйг. *пак-пак* ‘квакать’ (ИРЛТЯ, *153*). Ср. также тоф. *бак-бак* — подражание кваканью лягушки, *баккыр-* ‘квакать’, тув. *пакқыла-*, тат. *бакылда-* то же.

Согласно Севортяну, *бака* ‘лягушка’ образовалось с помощью аф. *-а* от глаг. основы **бак-*, сформировавшейся на базе подражат. основы (ЭСТЯ II, *41*), тогда как, по мнению Щербака, *-а* является в данном случае именным аф., присоединяемым к изобразительной основе (Щербак 1987, *132*).

Но если предполагать, как это делал Э.В. Севортян, старейшей родовую семантику типа ‘земноводные’, куда входили такие видовые знач., как ‘жаба; черепаха; улитка’, то неясно, как и почему они все могут быть связаны с кваканьем, если такие представители фауны (не говоря уже о кроте и водяной крысе) подобных звуков не издают или вообще оказываются «молчаливыми» (как, напр., улитка). Подобные вопросы остаются и в случае, если считать исходной для *бака...* семантику ‘лягушка’.

Ее едва ли следует отмечать в составных наименованиях, в частности черепахи (как это делается), примерами чего являются др.-тюрк. *tüŋüz baqa*, ср.-кыпч. *qaburčaqly baqa*, ст.-османская *taš baqa*, которые исследователи дословно переводят соответственно как ‘роговая лягушка’, ‘лягушка с коробкой’ (~ ‘с панцирем’), ‘каменная лягушка’ (ЭСТЯ I, *40–41*; СИГТЯ Л, *180*), но такие переводы выглядят искусственно. Неясно также, как соотносятся с лягушкой и кваканьем тур. диал. *bağak* ‘водяная черепаха’ и *bağarcık* ‘черепаха’, приводимые Э.В. Севортяном в качестве родственных *бага* < **бак-* (ЭСТЯ I, *41*).

Отметим также, что *бак* в качестве подражат. основы далеко не всегда бывает связано с кваканьем: ср. кбалк. *бак бак* ‘кря-кря!’,

тат. *бак бак димäк* ‘гоготать, крякать (о гусях, утках)’ (РСл. IV, *1435*), кирг. *бака-шака* ‘стукотня, грохот, суматоха’. А.Т. Кайдаров фиксировал каз. основу *бак* — подражание кваканью лягушки, отрывистому крику, блеянию, которую он усматривал в таких образованиях, как *бакылда-* ‘квакать; блеять (о козле)’, *бакыр-* ‘кричать, орать’, но в их число не включено каз. *бака* ‘лягушка’ (Кайдаров, *191*).

Кстати, *бакыр-* имеет общетюрк. соответствия, обозначающие широкий аспект издаваемых звуков, где кваканье является лишь одним из единичных, эпизодических (ЭСТЯ II, *20*). При этом «форма *бакыр-*, вероятно, наиболее поздняя среди нестяженных форм глагола, которая могла образоваться от *баң* > *баг* > *бак* + словообраз. глаг. аф. при подражат. основах» (ЭСТЯ II, *21–22*). Возможно, и интересующая нас семантика возникла в этом случае как вторичная в результате сближения с *бака...* ‘лягушка’, которое могло иметь другое происхождение.

В частности, *бака...*, вероятно, < **баг-* ~ **бак-* ‘выдаваться, выступать (имея округлую форму)’ (см. **баар I**, **пак**). С *бака...* могут быть гомогенны образные глаголы типа башк. диал. *бакай-* ‘таращиться’ (Bhh, *30*), кирг. *бакырайган* ‘навыкате (о глазах)’; интересно башк. диал. *бакабаш* (< *бака баш*) ‘галоши с округленными головками’ (Там же) букв. ‘округлая голова’[1]. Не случайно, что земноводные, обозначаемые словом *бака...*, имеют соответствующую форму (как иногда и их части; таково знач. ‘панцирь черепахи’: ЭСТЯ II, *40*).

Э.В. Севортян в указ. труде (Там же, *41*) относил к знач. *бака...* также ‘крестовина на верхнем конце мельничной оси, на которой вращается верхний жернов’; ‘нарост’ и под., что с учетом сказанного ранее имеет под собой основания.

Тув. *пага* ‘лягушка’ восходит к форме **пака* со слабым *-к-* (*-г-*); исконный *-г-* должен был бы, скорее всего, исчезнуть с образованием долгого гласного: ср. тур., алт. диал. *ба:* (< *бага*) (ЭСТЯ I, *40*).

падар см. **бадар**.

падарчы см. **бадарчы**.

падыр см. **бадар**.

пай ‘тарелочка (мишень) для стрельбы влет’.

Монголизм (EW, *378*; Рассадин. МБЗ, *62*). Ср. монгол. *bai / бай* ‘мишень, цель; мета, знак; дощечка с надписью’ (БАМРС I, *214*) < кит.? (см. *пай* ‘дощечка; табличка; дощечка с табличкой’: Рахимов, *56*). В тув. *пай* отмечена специализация знач.

[1] Ср. алт. *бакамаш* (< *бака баш*) ‘широколобка’ (название рыбы) (при *бака* ‘лягушка’) (см.: ОРС, *26*).

пак ‘полость щек; защечные мешки; глоток’.

Ср. тоф. *пак* ‘полость щек; защечные мешки (о грызунах); глоток (воды)’; перен. ‘рот’ (ТРС-РТС, *58*), сойот. *пак* ‘глоток’ (СБРС, *90*), а также уйг. (лоб.) *паканак* ‘рот, уста’, турк. *пак* ‘пустой, полый; без ядра’ и *пакгы*, означающее то же + ‘отечный, опухший’.

За пределами тюрк. языков вызывает интерес эвенк. *пау* ‘щека’, представляющее собой изолированное слово в тунг.-маньчж. языках и даже в самом эвенк. (см.: ОСЛАЯ, *286*; ССТМЯ II, *21*), где оно, вероятно, является заимствованием.

Создается впечатление, что *пак* — арх. форма и основа, сохранившаяся в некоторых тюрк. языках, причем его первоначальной семантикой была адъективная, оставшаяся в турк. *пак* и *пакгы*, а затем распространившаяся на названия анат. реалий, которые характеризуются наличием выпуклостей и/или полостей: щеки, рот и под. В этом плане привлекает внимание с.-югур. *пак каска* ‘лошадь со звездой на лбу’, где *каска* — ‘звезда на лбу у животных’ (см. **кашка**), а *пак*, возможно, обозначает лоб. Этот компонент С.Е. Малов сопоставлял с монг. *баг* ‘маска’ (Малов, ЯЖУ, *86*), для чего едва ли есть основания.

Вместе с тем вполне вероятно, что основа, соотносительная с *пак*, прослеживается и в составе монгол. слов: ср. монгол. *baqalayur / бахлуур* ‘горло; зоб (болезнь)’, монг. *бахуу* ‘зоб (болезнь)’, ? калм. *бахур* ‘яйцо дрофы’. У *baqalayur...* имеются и тюрк. соответствия типа алт. (тел.) *пакылуур* ‘зоб, адамово яблоко’ (РСл. IV, *1128*), хак. *пахлор* ‘гортань; раздвоенная косточка в начале гортани и в основании языка’, *пахлор пазы* ‘кадык’ (ХРИЭС, *86*) и др., которые, скорее всего, представляют собой монголизмы (см. также: Рассадин. МБЗ, *21*; ЭСТЯ VI, *140*). Возможно, что прототипы последних имели, в свою очередь, тюрк. корни.

Так, в *baqalayur* явно присутствует глаг. основа **baqala-*, которую можно соотнести с тув. *пакта-* ‘набирать в рот; глотать; пить вино, выпивать’ < **пак-ла-* > **baqa-la-*.

У *пак* имеется глаг. соответствие **пак-*, которое, по-видимому, представляет собой вариант **бак-* ‘выдаваться, выступать (имея округлую форму)’ (см., в частности, **пага**) и, вероятно, прослеживается в лоб. *паканак* (< **пак-анак*) и турк. *пакгы* (< **пак-гы*), а также в тоф. *пакшы* ‘верхняя часть нижней челюсти’, структура которого, впрочем, не вполне ясна.

пака ‘понос (у детей)’.

Ср. с.-югур. *пака-* ‘испражняться (о людях, о свиньях, о мышах, о сороке)’, которое, в свою очередь, сопоставлялось с тел. *пагай* ‘скверный, нечистый’, як. *пакай* ‘гадко’ и под. (Малов. ЯЖУ,

86), что обоснованно. См. также **багай, бак I**. Основа *пака-* (*пак*) соотносительна с тув. *бак* ‘плохой, дурной...’ и, по-видимому, представляет собой его фонетич. вариант (со слабым согласным *к-*).

палчыргана см. **малдырган**.

палыыр см. **паалыыр**.

панчык ‘игра в косточки’.

По-видимому, монголизм. Ср. монгол. *panǰiγ-a / панжига* диал. ‘игральные кубики’ (БАМРС III, *52*). Возможно, тув. *панчык* связано с вариантом монгол. слова, претерпевшего сильную редукцию конечного гласного (вплоть до его утраты).

пар I ‘тигр’.

Ср. алт. *пар*, *парс* (ГАЯ, *234*), *бар* ‘тигр’ (ОРС, *27*), а также общетюрк. соответствия в основном варианте *барс* (а также *барыс*, *парс*, *парыс* и т.п.) и со знач. ‘тигр; барс; пантера; леопард; рысь...’). Модификации без конечного *с* (*бар ~ пар*) встречаются очень редко: ЭСТЯ (II, *68–69*) фиксирует ее в карагас. (по М. Кастрену, *bar* ‘лев’; в тоф. языке не отмечено) и алт. (тув. *пар* пропущено), причем последние «скорее, заимствованы из монгол.».

«Барс входит в состав древнейшей лексики тюрк. языков», но, как правило, не считается исконно тюрк., а относится к иран., в основном перс. заимствованиям (ср. перс. *pārs ~ fārs* ‘пантера’). Есть также мнение, согласно которому *барс...* относится к числу бродячих слов, а в тюрк. языках появилось через иран. посредство, причем «тув. и хак. (?) *пар* (*par*)... скорее всего китаизм (но соответствующее китайское слово — рефлекс того же бродячего корня)» (СИГТЯ Л, *157*).

Версия кит. происхождения тув. *пар* определенно не может быть принята. Вероятнее всего, что «алт. *бар* и тув. *пар* ‘тигр’ связаны с монг. *бар < барс*» (ИРЛТЯ, *139*). О монгол. *барс ~ бар* ‘тигр’ см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *341*; БАМРС I, *227, 233*. Монгол. слово также считается иран. (перс.) заимствованием, но, скорее, это тюркизм (см.: ЭСРДС, *119*).

пар II ‘печатный (напр., о буквах)’; **парла-** ‘писать печатными буквами; печатать (книги и т.п.); публиковать’, **парлакчы** ‘печатник’; **парлалга** ‘печать; пресса’; **парламал** ‘печатный’.

Тув. *пар* и *парла-* — монголизмы: ср. монгол. *bar / бар* ‘ксилография; печать; клише; типографские ксилографические доски’ (< тиб.), *barla- / барлах* ‘печатать, издавать (ксилографическим способом)’. По неясной причине, только глаг. *парла-* (но не имя *пар*!) указан в некоторых источниках как монгол. заимствование (см.: EW, *380*; Рассадин. МБЗ, *62*).

Отглаг. образования *парлакчы* и *парламал* также представляют собой монголизмы: ср. монгол. *barlaγči / барлагчи* ‘печатник’ и *barlamal / барламал* ‘печатный, ксилографический’. Исключение составляет, возможно, тув. *парлалга*, монгол. соответствия которого не обнаруживаются и которое могло быть образовано, как отмечено, в тув. языке из заимствованных из монг. языка глаг. основы *парла-* и аф. *-лга* (см.: ИП, *166*).

пар III ‘плотный, крепкий (напр., о древесине)’.

Соответствия неясны. Может быть, указ. слово монгол. (ойр.?) — заимствование. Ср. калм. *бар* ‘сильный, мощный’ (КалмРС, *81*).

пар IV ‘ход несколькими картами’.

Происхождение неясно, но, вероятно, это монголизм. Нет ли связи *пар* с предполагаемым прототипом *пар* ‘плотный, крепкий...’ — калм. *бар* ‘сильный...’ (см. **пар III**) (ход несколькими картами — сильный ход)?

парла- см. **пар II**.

парлакчы см. **пар II**.

парлалга см. **пар II**.

парламал см. **пар II**.

парыыл см. **паалыыр**.

пат 1. ‘неважный, незавидный; никудышный, никчемный; в тяжелом (плохом) состоянии (о больном)’; **2**. ‘крайне, очень, совсем’.

Попытки отыскать соответствия указ. слову в тюрк. языках предпринимались. Так, М. Рясянен сопоставлял тув. *пат* с тур. *pat* ‘тупой и плоский’ (EW, *381*) и только с ним, но это сопоставление выглядит неубедительным в смысловом отношении. Вместе с тем произведено сравнение *пат 1.* с др.-тюрк. словом *bat*, очень близким или даже тождественным по знач. с первым (ED, *296*); ср. также др.-тюрк. *bat* ‘плохой, негодный’, *бат* ‘негодный’ (ДТС, *88*; РСл. IV, *1508*).

Что касается тув. *пат 2.* (‘крайне’ и под.), то Дж. Клосон представил его как лексический омоним к *пат 1.* и сопоставил первое из них с другим др.-тюрк. словом: *bat* ‘быстрый, торопливый’. Оно, в свою очередь, омонимично по отношению к *bat* ‘плохой...’. Клосон допускал смысловую общность между указ. др.-тюрк. формами (ED, *296*), но с этим едва ли можно согласиться, как и с указ. «разделением» тув. *пат* (ср. **бужар, чүдек**), хотя в то же время следует признать, что различие в семантике между *пат 1.* и *пат 2.* значительно.

Согласно одной из точек зрения, др.-тюрк. *bat* ‘плохой, негодный’ связано с иран. **bata-* (знач. не приводится); оно также

сопоставлено с др.-тюрк. *bäd* ‘плохой, скверный’, являющимся персизмом (ДТС, *88*, *89*), прототип которого, вероятно, родствен с **bata-*.

Связь тув. *пат* и его др.-тюрк. соответствия *bat* ‘плохой...’ с основой др.-иран. происхождения не исключена, хотя вполне возможно, что в данном случае имело место совпадение друг с другом гетерогенных слов, которые для тюрк. (тув. и др.-тюрк.) могли быть исконными, а не заимствованными. В частности, для *пат — bat* реально родство с общетюрк. глаг. основой *бат-* ‘погружаться; опускаться, понижаться; идти ко дну; гибнуть’ и под. (см.: ЭСТЯ II, *78–79*, а также **бат-**), которая членима: в ней выделяется корневой элемент **ба-* ‘снижаться; быть низким, малым, слабым’. Производным от него мы, в частности, считаем тув. *бак* [баък] ‘плохой, дурной’ (см. **бак I**, **пака**).

В случае с *пат...* можно предполагать образование от корня **ба-* (~ **па-*) с аф. *-т* (**ба-т*) и со знач. ‘низкий; нижний’, по отношению к которой семантика ‘неважный; плохой, негодный...’ является переносной[1]. К возможным субстантивным соответствиям *пат* ‘нижний...’ может быть отнесено хак. *пат ~ оттыг пат* (где *оттыг* — ‘огненный’) ‘мифический казан со смолой, где варят грешников в подземном мире’ (ХРИЭС, *85*). Судя по приводимому в указ. источнике (Там же, *85–86*) материалу, хак. *пат* обозначает также сам подземный мир, где черти мучают грешников, а *оттыг пат* — геену огненную, ад. Вероятно, в знач. этих названий соединились традиционные шаманистские представления о Нижнем мире, источнике всего зла и на земле, и христианские — об аде, геене)[2].

В отличие от глаг. *бат-*, тув. соответствие которого (см. **бат-**) имело конечный сильный согласный (что отразилось в фарингализации гласного [баът-]), в *пат* согласный *т* был, скорее всего, слабым.

патпаадыр см. **матпаадыр**.

патпадак см. **матпадак**.

паш I ‘чугунная чаша (различного размера для приготовления пищи)’.

Ср. тоф. *паш* ‘охотничий котелок, котел для варки пищи; суп, варево...’ (ТРС-РТС, *58*); сойот. *паш* ‘котел, котелок, ведерко, кастрюля (любая посуда для варки пищи)’ (СБРС, *90*), хак. (саг.) *пааш* ‘котел’ (считался одним из знач. слова *паш ~ пааш* ‘голова’: РСл. IV, *1200*). Тув. *паш* включено в словарь Рясянена (EW, *381*), но даже без сопоставительных данных, как изолированная форма.

Мы полагаем, что *паш ~ пааш* сопоставимо с такими названиями сосудов, как тур. диал. *bokı* ‘медный ковш, котелок; ведро, кастрюля’ и с.-югур. *пагача* ‘ведро; сосуд (для молока или воды)’, которые, по Севортяну, возможно, генетически едины с тюрк. *бакыр* ‘медь’; с последним связываются также наименования сосудов типа *бакрач ~ бакраш*, в основном изделий из меди, а отчасти из других металлов.

Э.В. Севортян считал возможной производящую основу в виде *бак ~ баг*, но подчеркивал, что «пока всё это — всего лишь предположение» (ЭСТЯ II, *46*); этимология названия меди и изделий из нее неизвестна. Вызывает сомнение и гомогенность приводимых Севортяном названий сосудов со словом, обозначающим медь. Вполне допустимо, что хотя бы в части из этих названий отражена форма (округлая) соответствующих изделий, с чем связана, в частности, именная (**бак*) или глаг. (**бак-*) основа, прослеживаемая в составе других образований: см. **мак-палчык**, **пага**, **пак**.

Отметим также наличие основ **бук* и **бук-*, семантика которых сходна с той, что присуща **бак ~ *бак-* (см. **буга II**, **бук**, связанные с изгибанием или изгибом). То же можно сказать и о др.-тюрк. *buqač* ‘небольшой глиняный сосуд для пищи’ (ДТС, *125*); ‘кувшин или горшок из глины для приготовления пищи’ (ED, *312*). В той же статье ED Дж. Клосон рассматривал слово *baqač* ‘кузнечный очаг, горн’ (Ибн Муханна; XIV в.), причем указ. артефакт также изготовлялся из глины (см.: EW, *58*) и мог иметь округлую форму.

Не исключено, что *baqač* мог использоваться, подобно *buqač*, и как название сосуда, будучи своего рода вариантом с.-югур. *пагача* (см. выше). Первые два образования, вероятно, одноструктурны, однако структуры их не вполне ясны, тем более что в тюрк. языках существуют два различных аф. *-(а)ч*, первый из которых образует отглаг. имена, а второй — имена с уменьш. знач.

Тув. *паш* восходит, скорее, к **бакач* (~ **пакач*), нежели к **букач* (~ *пукач*) и принадлежит к случаям типа **секиз > сес* ‘8’, **тоқуз > тос* ‘9’ (см. также **ос, ош**), где происходило выпадение срединного сильного *к* и стяжение соседних гласных в один краткий. Судя по имеющимся данным, подобное явление характерно также для сойот. языка. Что касается тоф., то в нем вы-

[1] Семантика типа ‘неважный, незавидный’ и под., по-видимому, отразилась также и в як. диал. *пат*, употреблявшемся только в сочетании с *саха* ‘якут’, которое означает ‘простой якут’: см. ‘я простой якут (*пат сахабын*) без образования, без ничего’ (ДСЯЯ, *197*). Ср. тув. *Бижикке пат мен* ‘У меня неважно с грамотностью, я не силен в грамоте’.

[2] См. также: Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. — Абакан, 1996. — С. 169.

падение указ. согласного почти не отмечено: ср. *сеҕhес* ‘8’, *тоҕhос* ‘9’. В случае с тоф. *паш* налицо, по-видимому, тув. заимствование. Хак. диал. *пааш* ‘котел’, по всей вероятности, < **пакач*, в котором интервокальный *к* сонантизировался и выпал, результатом чего стало появление долгого гласного.

паш II ‘сифилис’; **паш-балар** *собир.* то же.

Ср. тоф. *baš* (*баш*) ‘рана (незаживающая); язва, болячка’, которое В.И. Рассадин сопоставлял с др.-тюрк. *baš*, як. *баас*, турк. *баш* [ба:ш] ‘рана, язва’ и тув. *паш* с указ. знач. (Рассадин. Фонетика, *159*), что вполне оправдано. Как показывают материалы ЭСТЯ (II, *88*), соответствия *паш* довольно слабо представлены в совр. тюрк. языках[1] и в основном характерны для памятников. Отметим также, что семантика, фиксируемая у тув. *паш* (явно вторичная и эвфемистическая), для других его соответствий нехарактерна: их основное знач. — ‘рана’, а к числу достаточно распространенных относится ‘язва’, с которым могло быть связано появление знач. ‘сифилис’. Следует отметить, что в древности тюрк. *баш*, по-видимому, означало нечто вроде ‘разрез’ или ‘надрез’, о чем свидетельствует др.-тюрк. (МК) *baša-* (< **baš-a*) ‘делать надрезы (на дереве)’ (ДТС, *87*), обозначавшее также срезание дерева (см.: ED, *377*).

В ЭСТЯ и других источниках рассматриваются в качестве гомогенных формы *баш* ‘рана...’ и *балыг* то же, что представляется бесспорным. Э.В. Севортян вычленял в них глаг. основы **ба-* и **бал-* (ЭСТЯ II, *89*). Это в принципе не вызывает возражений, как и, в частности, сопоставление *баш* с чаг. *баг* ‘рана, язва’, однако знач. этих основ остаются неясными.

Изучая происхождение тув. *балыг* ‘рана; болячка’, мы интерпретировали **бал-* как залоговую форму от **ба-* ‘бить’ (см. **балыг**). Думается, что семантика этой основы может быть уточнена с учетом наличия у *баш* в прошлом знач. типа ‘разрез; надрез’, в результате чего у основы **ба-* реально реконструировать семантику ‘резать, разрезать’ и, в общем смысле, ‘нарушать цельность чего-л.’. Образование от подобной основы (при помощи аф. *-ш*) слова *баш* (< **ба-ш*) ‘рана’ аналогично другим случаям на материале тюрк. языков, уже рассматривавшимся нами: см. **балыг-бышкын** ‘раны, болячки’, второй компонент которого произведен от глаг. основы *быш-* < *быч-* ‘резать, рубить’; ср. также тув. *бышкын* в качестве самостоятельного слова со знач. ‘оспа (у животных)’ (ТСТЯ I, *346*).

С *баш* ‘рана...’, вероятно, родственно др.-тюрк. *baštar* ‘серп’, которое может быть в конечном итоге связано с **баш-* ‘отделять’

[1] Тув. *паш* в ЭСТЯ пропущено.

(‘отрезать’?), формы совместного залога или интенсива от указ. выше **ба-*. От **баш-* образовано общетюрк. *башка*, означающее ‘отдельный, раздельный’ и т.п. (см. **башка**). Глаг. основа **баш-* структурно отличается от *баш* ‘рана...’, где аф. *-ш* омонимичен с *-ш-* в **баш-*, а соответствующие согласные по своему качеству отличались друг от друга. Судя, в частности, по тоф. данным, конечный *š*(*ш*) в *baš* ‘рана...’ слабый, а подобный согласный в *bašqa* ‘другой, отдельный...’, по наличию фарингализации гласного предшествующего слога, сильный (см.: Рассадин. Фонетика, *160*); ср. также его тув. соответствие *башка* [баъшка], где также налицо фарингализованный гласный и начальный слабый *б*, тогда как у тув. *паш* как названия болезни начальный согласный сильный, а гласный — краткий.

Тув. *-балар*, компонент парного слова *паш-балар*, по своей первоначальной семантике был, вероятно, идентичен или близок *баш* и родствен с последним (в первую очередь с *балыг*, представляя собой также отглаг. образование: **бал-ар*). Вместе с тем имеющиеся данные свидетельствуют как будто в пользу иных генетических связей *-балар*.

Последнее в самостоятельном употреблении в тув. языке не встречается, но является вероятной основой глаг. *балара-* (**балар-а-*?) ‘быть в болезненном состоянии, слабеть’; ср. также *баларгай* ‘болезненный, слабый’ (ТСТЯ I, *212*)[1], тоф. *балар* ‘дряхлый (о коне)’ (Рассадин. Словарь). Возможно, **балар* в результате субстантивации приобрело семантику типа ‘заболевание’, а затем стало как и *баш*, эвфемистическим названием соответствующего заболевания.

паш-балар см. **паш II**.

пиш *межд.* ‘фу!, фу-ты!, брось!’ (*выражает чувства пренебрежения, недовольства, брезгливости и т.п.*); **пиш-даадым** — *межд., выражающее неприязнь, неприятие, возражение*; **пиш-далдырт** [-аъ] см. **пиш**; **пиш далдырт** ‘катись!, проваливай!’.

Вероятно, тув. *пиш* родственно межд. типа уйг. *пиш-пиш* — окрик на кошку (Малов. УЯ, *175*, *176*), *piša piša* «так отгоняют кошку» (Тенишев. УДС, *125*), турк. *пиш* — возглас, которым отгоняют кошек; ‘брысь!’, каз. *мыш ~ пыш ~ піш* то же. Интересно, что практически такое же межд. используется и для того, чтобы, напротив, позвать кошку (ср. рус. *кис-кис*!): ср. азерб. *пиш-пиш*, уйг. диал. *piš-piš* («так призывают кошку»), каз. *пыш-пыш* и под. (см. также: ЭСТЯ VI, *111*). С этим вокативным словом

[1] В таком случае *балара-* структурно отличается от тув. *булара-* ‘становиться бессильным, ослабевать, утомляться’ или, по другому источнику, ‘болеть, ныть (о мышцах после физической работы)’ (ср.: ТСТЯ I, *312*; ТРС 1968, *121*), являющегося монголизмом (см. **булара-**).

исследователи связывают и происхождение таких тюрк. названий кошки, как *мыш ~ миш...*, *пишик ~ мишик ~ мышык...* и проч., хотя по вопросам, связанным с этимологией подобных слов, среди ученых единства нет (см.: СИГТЯ Л, *191*; ЭСТЯ VI, *109–111*).

В первом из указ. источников высказано предположение о том, что имитатив, передающий подзывание кошки, первоначально мог иметь другое знач.: «К его исконной семантике ср. ккалп. *myš-myš ~ mys-mys* ‘сплетни, пересуды’, показывающее, что первоначально это образное слово не было закреплено за животным, а передавало также “тихий разговор, шепот”: как показывает кирг. *myš* ‘брысь’, оно выражало не только подзывание».

С тем, что первоначально образное слово типа *мыш* не относилось к кошке, следует согласиться. Это подтверждается и семантикой тув. *пиш*, а также парных слов с первым компонентом, восходящим к этому межд. Их знач. отражают резко отрицат. отношение к кому-л., желание избавиться от него, но при этом едва ли вначале имелась в виду кошка. Вместе с тем трудно согласиться с тем, что *мыш* и под. первоначально обозначало сплетни и пересуды или «тихий разговор, шепот». Скорее всего, с указ. ккалп. словом не имел связи ни имитатив, передающий подзывание кошки, ни *мыш...* со знач. ‘брысь’.

Отметим, что в кирг. языке отмечен также омоним к данному слову (*мыш*), означающий нечто вроде ‘срам, скандал, позор’ или близкое к этому. Подобная семантика *мыш* реализуется в основном в его сочетаниях с глаг. *бол-* и *кыл-*, означающими буквально ‘быть’ и ‘делать’: *мыш бол-* ‘осрамиться, оскандалиться; оказаться в дураках’, *мыш кыл-* ‘осрамить’ (КРС, *547–548*). Может быть, именно такая семантика и была исходной для того тюрк. слова, которым теперь отгоняют кошек, а также для тув. *пиш*; первоначально же оно могло и не быть межд., хотя имело отрицат. оценочное знач.

Что касается тув. па́рных межд. *пиш-даадым* и *пиш-даълдырт ~ пиш далдырт*, то соответствий их вторых компонентов среди слов тюрк. языков не обнаружено. Возможно, происхождение *даадым* и *далдырт* связано с глаг. формами, что относительно определенно можно сказать о первом из них (см. **даадым**). *Далдырт*, который в отличие от *даадым* в качестве самостоятельного слова тув. языка не зафиксирован, вероятно, имеет связь с повелительной формой 2-го л. ед. ч. глаг. *далдырт-* ‘тихо ехать на лошади’ (см.: ТСТЯ I, *388*), совпадающей с его основой, однако этимология этого глаг., в свою очередь, нуждается в изучении.

пиш-даадым см. **пиш**.

пиш-далдырт [аъ] см. **пиш**.

пиш далдырт см. **пиш**.

пор ‘глина’.

Ср. тоф. *бор* ‘естественные солонцы; источник с сернистой минеральной водой; глина’, а также соответствия практически общетюрк. типа *бор ~ бо:р ~ пор ~ бур ~ пур...*, означающие ‘мел, известь; целинная или некоторое время непаханная земля; земля, негодная для обработки; осадок в посуде от мутной воды; прах, пыль; гнилой камень; мох, плесень’ и т.п. (ЭСТЯ II, *192–193*).

Этимология слова неясна. Э.В. Севортян констатировал, что «среди приведенных значений трудно выделить какие-либо в качестве основных» (Там же, *193*). Он предполагал, что можно условно говорить о «смешении» двух основ: *бор* ‘мел’ и *бор* ‘серый цвет’, *боз* ‘серый; беловатый, отливающий белым’ (т.е. цветом мела).

Вместе с тем Севортян сближал основы *бор* и *боз ~ бо:з / бор*, «исторически рассматривая их в качестве фонетических параллелей единой лексической основы, в дальнейшем использованных для формального разграничения обособившихся значений ‘серый’ и т.д. и ‘мел’ и т.д.» (Там же). К сожалению, форма единой основы и ее знач. при этом остались неясными, а сама ее реальность выглядит сомнительной, поскольку автор не без основания полагал, что в этом случае произошло смешение двух основ, которое действительно могло иметь место, т.е. могла произойти контаминация формы *боз...*, обозначавшей указ. и близкие им цвета, а также имевшей знач. типа ‘нетронутая земля’ и ‘цвет земли’ (см.: ЭСТЯ II, *172*; СИГТЯ Л, *605*)[1], и *бор...* с иной семантикой.

К определению последней, думается, был довольно близок В.М. Иллич-Свитыч, считавший, что в тюрк. языках наблюдалось смысловое развитие ‘рыхлая земля’ → ‘крошащийся камень, мел’; ср. также приводимое им тур. диал. *por* ‘бросовая земля; крошащийся камень, известняк’ (Иллич-Свитыч 1971, *188*). Исходя из этого, к собственным знач. *бор ~ пор...* могут быть отнесены ‘мягкий камень; глина; земля, негодная для обработки; прах, пыль...’. Знач. же, содержащие цветовой компонент, могли быть результатом контаминации с *боз* (‘мел, известь; камень с содержанием гипса и извести; белая почва, белая глина...’).

Думается, что ‘рыхлая земля’ в рассматриваемом случае не является исходной семантикой. Таковой, скорее, следует считать признаковую, отмеченную, напр., у уйг. *пор* ‘пористый; дряблый; гнилой, испорченный, трухлявый’ ~ *пур* ‘испорченный, гнилой’;

[1] Отметим, что в статью ЭСТЯ, где рассматривается происхождение *бор...*, включены и отдельные соответствия *боз* (*boz*), означающие, напр., ‘непаханная (о земле)’ (ЭСТЯ II, *192, 193*), хотя им следовало бы находиться в статье **боз**.

ср. также тат. *мур-* ‘дрябнуть’ (см.: ЭСТЯ VI, *115–116*, *118–119*). В указ. источнике первичной считается в конечном итоге изобразительная основа **бор / *пор*, фонетич. вариантом которой числится *порт ~ морт* ‘хрупкий, непрочный, дряблый...’.

Напрямую сущ. *бор ~ пор*, рассматриваемое в ЭСТЯ II, и прил., анализируемые в ЭСТЯ VI, в указ. источниках друг с другом не сопоставляются, хотя генетическая связь между ними вполне реальна и нами уже ранее отмечалась (см., в частности, **бора-, бора бүдүн**). Обращает на себя внимание наличие у именной основы **бор / *пор* глаг. соответствия. Помимо тат. *мур-*, фиксируемого в ЭСТЯ VI, можно назвать также каз. диал. *мор-* ‘сгнить, почернеть’, *бор-* ‘стать затхлым’ (Аманжолов, *364*, *392–393*).

пөгеже см. **мөгеже**.

пөдүлээ *диал.* ‘резина’.

Соответствия неясны. Вероятно, слово связано с образной глаг. основой типа турк. *пөтле-* ‘попадать в кого-что-л.’ (в частности, мячом), *пөтле-* ‘сильно ударять’ (*пөкги билен пөтлет-* ‘сильно ударять мячом’) (ТуркРС, *533*).

Речь явно идет об ударе чем-л. упругим, как бы резиновым. *Пөдулээ < *пөтле-ге*, где *-ге* — имяобр. аф.

пөк- ‘наедаться досыта’; **пөк** ‘сытый, насытившийся’.

Ср. тоф. *пөк-* ‘наедаться салом и вообще жирной пищей’, а также соответствия указ. глаг. основы в ряде тюрк. языков и др.-тюрк. памятниках (варианты *бөк- ~ бүк-* и др.) со знач. ‘наедаться; объедаться; переедать, переедать до отвращения; быть довольным, наслаждаться’ и под. Вместе с тем соответствий тув. *пөк* в других тюрк. языках, по всей вероятности, не зафиксировано, что отражено, напр., в ЭСТЯ, где сказано: «Глагол *бөк-* встречается уже в ранних памятниках тюрк. языков. Возможно, что к той же поре относится именная омоформа **бөк*, представленная в тув. *пөк*» (ЭСТЯ II, *211*; ср. также: Щербак 1970, *196*), однако в древности *пөк* нельзя быть уверенным.

Этимология *бөк-...* и *пөк* неясна. Исследователи ограничиваются в основном сопоставлением этих основ с другими. Так, сближаются праформы типа тунг.-маньчж. **muku-* ‘набрать в рот жидкость’ и тюрк. **bök-* ‘наедаться’, а в результате реконструируется праалт. форма *mökü-* ‘набрать в рот’ (Дыбо, *14*, *336*), что определенно нуждается в аргументации.

М. Рясянен сравнивал тув. *пөк-* (*pök-*) и *пөк* (*pök-*) с тюрк. глаг. основами типа *bök-* ‘укреплять’, *bük-* ‘загораживать; запирать’ и под., а также с названиями запруд, плотин и подобных реалий, но, как отмечал Э.В. Севортян, оставил свое сравнение без аргументации (ЭСТЯ II, *211*). Еще менее обоснованным выглядит мнение Рясянена, согласно которому указ. тюрк. формы являются монголизмами, возводимыми к монгол. *bögür* ‘прожорливый’ и *bögle-* ‘затыкать’ (EW, *83*), первое из которых, скорее, тюркизм; см. также **бөгле-**.

Определенно прослеживается связь, если не перекрывания (в частности, воды), то, по-видимому, сопутствующего им собирания, скапливания, наполнения, запруживания с семантикой *пөк-* и его бесспорных соответствий. Отметим в связи с этим наличие таких глаг. основ, как *бөг- ~ бөк-* ‘запруживать(ся); собирать(ся)’ и др. (см.: ЭСТЯ I, *208*), а в качестве смысловой параллели — употребление рус. *сытый* в знач. типа ‘полный, наполненный’ и в сочетании *сытая вода* ‘полная, в корыте; самая высокая в берегах, без разлива и поёма’ (Даль IV, *686*)[1]. Ср. также рус. *набраться* ‘скопиться’ и ‘напиться пьяным’.

Отметим, что *бөк-* ‘собирать(ся)’ вычленяется и в составе других образований, характерных, в частности, для тув. языка (см. **бөкпек**, **бөкперлеш-**, **бөктүр-**), и что в нем, по-видимому, имеются гомогенные с *бөк-* глаг. основы с другой структурой, какова, напр., *бөл-* ‘собирать в одно место...’ (см. **бөл-**), исходя из чего можно предположить членимость *бөк-* и выделимость основы **бө-*, о реальности которой можно судить и по пратюрк. **пө:-* ‘загораживать, запруживать; затыкать’ (Щербак 1970, *196*) и у которой допустима семантика ‘собирать’ и, далее, ‘полнеть, становиться полным; есть жирную пищу’ и под. (ср. тоф. *бөк-* с указ. ранее знач.).

В таком случае, *бөк- ~ пөк-* ‘наедаться...’ могло быть формой медиопассива с аф. *-к-*, который мог вносить в знач. глаг. элемент интенсивности, как раз и прослеживаемый в семантике данной глаг. формы.

Ситуация с *пөк-* обнаруживает общность с той, что наблюдается у тюрк. *ток-* ‘наедаться, насыщаться’ и *док ~ ток* ‘сытый; полный, наполненный’, родственных с *дол- ~ тол-* ‘наполнять-ся’ < **то-* (см.: ЭСТЯ III, *252–253*, а также **дой I**, **дол-**).

Что касается тув. *пөк*, то оно могло быть образовано в результате конверсии глаг. основы *бөк- ~ пөк-* или с помощью аф. *-к* от основы **бө-*; ср. як. *бөгөх* ‘сытый, довольный; сытный’, кирг. *бөкөк* ‘то, чего имеется вдоволь’, представляющие, по-видимому, подобное аф. образование от *бөк-*.

пөк см. **пөк-**.

пөрүк ‘робкий, боязливый, застенчивый, дикий; необщительный, замкнутый’.

Отмечен также вариант с начальным *б* типа тодж. *бөрүк* ‘необщительный’, который рассматривался Э.В. Севортяном как сло-

[1] См. также: Мурзаев. Словарь, *535*. На подобное типологическое сходство (рус. *сытый* и тюрк. *семиз*) уже обращалось внимание (см.: ЭСТЯ VI, *230*).

во, родственное тюрк. *бөри...* ‘волк’, хотя включение *бөрүк* в соответствующую статью не обосновывалось (см.: ЭСТЯ II, *220–221*; воздействие рус. *бирюк*?). А между тем генетическая связь последнего, как и основного варианта *пөрүк*, отсутствующего в ЭСТЯ, с *бөри...* (см. также **бөрү**) выглядит сомнительной.

С тув. *пөрүк ~ бөрүк*, очевидно, родствен хак. глаг. *пөрөк- ~ пүреек-* ‘отвыкать от родителей (о детях, живущих вдали от них); одичать, отвыкать от людей (об охотниках)’ (ХРИЭС, *95*). Возможно, этот глаг. произведен (аф. *-(е)к-*) от именной основы типа тув. *пөрүк*. Вместе с тем *пөрүк...* могло быть образовано от глаг. основы *бур- ~ *бөр-* (или от ее двухсложного варианта типа *бурү-*) ‘покрывать; закрывать; омрачать, затемнять; окутывать’ и под. (см.: ЭСТЯ II, *296–297*, а также **бүрге-**).

Допустима также общность указ. тув. и хак. форм и их вариантов с подражат. глаг. вроде башк. *бүртәй-* и под. в знач. ‘иметь вид вздувшегося, надувшегося; иметь вид надувшего губы; дуться, обижаться’, в которых Э.В. Севортян видел в конечном счете производящую основу **бөр- ~ *бөрү-*, означавшую, в частности, ‘задыхаться; становиться совершенно красным...’. У этой основы отмечены формы *börük-*, *börk-*, являющиеся ее «медиальной модификацией» и имеющие семантику ‘разрумяниваться; вспотеть, запариться, задыхаться, становиться пунцовым...’ (Там же).

Знач. типа ‘краснеть, покрываться румянцем’ могут быть связаны с проявлениями таких чувств и душевных состояний человека, как робость, застенчивость и «дикость» (когда кто-л. стесняется, чуждается людей). Поэтому сходство тув. *пөрүк...* с вышеприведенными глаг., возможно, не случайно и не исключено, что оно является аф. образованием от **бөр(ү)-* аф. *-к* или результатом конверсии глаг. формы *börük-* в именную *бөрүк ~ пөрүк*.

пөс ‘текстиль; материя, ткань’; **пөс-таавы** ‘текстильные изделия’.

Тув. *пөс* имеет общетюрк. соответствия *без ~ бөз...* ‘холст; бязь; ткань’ и др., которые, в частности, определяются как «весьма старый культурный термин с широким ареалом распространения» (ЭСТЯ II, *102–103*), представляющий собой заимствование, но с неясным источником. *Без ~ бөз* считался арабизмом и китаизмом, хотя преобладает точка зрения, согласно которой в конечном итоге это слово — греч. заимствование, проникшее в тюрк. языки через неизвестный язык-посредник (Шервашидзе 1989, *78–79*).

Слово имеет также монгол. соответствие *bös / бөс* ‘текстильный товар; материя, материал; хлопчатобумажная ткань; полотно, бязь, холст’, считающееся тюрк. (др.-уйг.) заимствованием (см.: Владимирцов. Турецкие элементы, *16*). В свою очередь тув. *пөс* отнесено к монголизмам (Опыт, *134*), что вполне вероятно. Монгол. происхождение имеет и пáрное слово *пөс-таавы* (ср. монг. *бөс даавуу* ‘бумажная ткань; текстиль’; см. также **таавы**).

пөс-таавы см. **пөс**.

пөш ‘кедр’.

Отмечен также тув. диал. вариант *мөш*. Соответствия зафиксированы в части сиб. тюрк. языков: ср. тоф. *бөш*, алт. *мөш* ‘кедр’, як. *бэс* ‘сосна’ (Рассадин. Фонетика, *165*; Рассадин. МБЗ, *82*), а также сойот. *пөш*, тел. *мөөш* (СБРС, *91*; ТОС, *55*). Возможно, они нашли определенное отражение и за пределами данного региона[1].

Этимология неясна, хотя имеется целый ряд сближений. Так, М. Рясянен сопоставил тюрк. слово с финноугорскими формами вроде *petäjä* ‘сосна’, чем практически и ограничился (см.: EW, *71*). В.М. Иллич-Свитыч (под вопросом) сравнивал наностратическом уровне урал. и картвельские (в частности, грузинские) праформы, означающие ‘сосна’ с тюрк. **bä:š / *bö:š* (см.: Этимология–1977. — М., 1979. — С. 160).

Имеются также алтаистические сопоставления, существующие первоначально в узком (включающем только тюрк. и тунг.-маньчж. праформы: Дыбо, *11*, *46*), а затем в расширенном варианте, куда, кроме названных, включены их предполагаемые монгол. и яп. соответствия (см.: СИГТЯ Пр, *420*, *432*), причем в этих вариантах тюрк. праформа выглядит различно: **bö:š* и **böl*. Подобные сопоставления и реконструкции гипотетичны и, кроме того, их трудно отнести к этимологическим версиям, но они косвенно ориентируют на исконно тюрк. этимологию, в связи с чем закономерным выглядит тот факт, что **bö:š* ‘кедр’ представлено в составе пратюрк. лексикона (см.: СИГТЯ Л, *726*).

Вместе с тем наименования кедра в тюрк. языках различны. Часть из них отражает наличие плодов (орехов) — *кузук агачы* [< *кузук* ‘орех’ + *агачы* ‘дерево его’] (см. **кузук**) или передает вкусовые ощущения от них: ср. каз. *бал карагай* [< *бал* ‘мед’ + *ка-*

[1] В этом плане представляют интерес тат. и башк. диалектизмы типа *miš̆ä*, *biš̆ä* ‘хвойный лес’ (ср. также башк. *бешә* ‘заросли молодняка сосны, ели или лиственницы’). Последние сопоставлены с тур. наименованием дуба *meşe* (СТ. — 1980. — № 5. — С. 89), у которого, в свою очередь, имеются соответствия в некоторых совр. тюрк. языках и памятниках, существующие в вариантах *biš̆ä ~ meš̆ä...* и означающие, кроме ‘дуб’, также ‘лес, роща’. Эти соответствия относятся к иран. заимствованиям: ср. перс. *biše* ‘лес, роща’ (СИГТЯ Л, *125*; ср. также: ОСЛАЯ, *185–186*). Судя по форме и семантике, тат. и башк. *miš̆ä*, *biš̆ä* и под. также имеют иран. происхождение, но вместе с тем обозначение ими древесной растительности хвойных пород является вероятным следствием контаминации этих вариантов с тюрк., к которым относятся сиб. *бөш ~ мөш* и, судя по як. *бэс*, — **беш*. Нет ли также связи между последними и башк. диал. *мечек ~ мөчөк ~ мешек* ‘сера хвойных деревьев’ (Bhh, *196*)?

рагай ‘сосна’]. В этом плане особенно выделяются як. *сыалаах, сыалаах мас, сыа мас* [< *сыа* ‘масло’, *сыалаах* ‘масляный’ + *мас* ‘дерево’] (ОСЛАЯ, *190*; Пек. II, *2423*).

Точнее, як. *сыа* означает ‘сало, жир’ и соответствует, в частности, тув. *чаг* (см.); в сочетании *мас сыата* оно передает также знач. ‘луб, мягкий сочный слой под корой дерева’ (Пек. II, *2421*; ЯРС, *354*). Соответствующая реалия входит в состав традиционной пищи якутов. Отметим, что як. *бэс* означает не только ‘сосна’, но и ‘сосновая заболонь...; лиственничный луб, употреблявшийся раньше в пищу’; ср. также *бэс үөрэ* ‘похлебка из сосновой заболони’ (см.: Пек. I, *444*; ДСЯЯ, *81*; ЯРС, *455*) и *бэс ыйа* ‘июнь’ (‘месяц сосны’; «в этом месяце собирается сосновая заболонь, которую позднее толкут или растирают в муку») (Бётлингк, *594*; ЯРС, *100*).

Возможно, в основе *пөш* и его соответствий лежат сходные с указ. выше представления о пищевых качествах плодов (кедровых орехов в частности) (ср. як. *сыа мас* и его варианты). Можно предположить, что *пөш...* гомогенно с *бөк-* ‘наедаться’ и под. (ср. тоф. *пөк-* ‘наедаться салом и вообще жирной пищей’), где, в свою очередь, вычленима основа **бө-* (**бө:-*) ‘есть (жирную пищу)’ (см. **пөк-**). От последней с помощью аф. *-ш* и образовалось, вероятно, **бө-ш...*, первоначально обозначавшее ‘сытный; сытная еда’ или под. Як. *бэс* — вторичный, в том числе и по вокализму, вариант слова.

пыр ‘копоть; **пырзыг** ‘пахнущий потом’.

Ср. тоф. *быр ~ пыр* ‘копоть, сажа’ и соответствия в некоторых других тюрк. языках, означающие ‘мелкая пыль (в зерне, на одежде и т.д.); сажа; дым, чад’, которые, как предполагается, имеют подражат. происхождение (см.: ЭСТЯ II, *306–307*, а также **бургу-**). Тув. *пырзыг* (**пыр-зы-г*) связано, вероятно, с семантикой типа ‘дым, чад’ и включает в свой состав аф. *-зыг* (< *зы-г*) со знач. уподобления; ср. турк. *бургса-* ‘куриться; клубиться (о дыме)’; перен. ‘плохо пахнуть, вонять’ (Там же, *307*).

пырзыг см. **пыр**.

СОДЕРЖАНИЕ

Используемые сокращения 3
М 20
Н 227
О 245
Ө 352
П 424

Научное издание

Татаринцев Борис Исакович

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Том IV
М, Н, О, Ө, П

Редактор *Н.И. Коновалова*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Горбунова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Компьютерный набор *Д.И. Чульдум*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Изд. лиц. № 020297 от 23.06.97. Сдано в набор 12.11.08. Подписано в печать 28.01.09.
Бумага ВХИ. Формат $60 \times 90\,^1/_{16}$. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 27,75. Уч.-изд. л. 26,5. Тираж 1200 экз. Заказ № 122.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.
СП «Наука» РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ!

Сибирская издательская фирма «Наука»
Российской академии наук

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ

индивидуальным и коллективным заказчикам
следующие услуги:

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, биологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку; помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий

выполняет компьютерный набор и верстку; сканирование и цветоделение; техническую и художественную ретушь; изготовляет оригинал-макеты любой сложности.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

Об условиях размещения заказов и их оплате можно узнать по адресу:

630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.
Звоните по телефонам: (383) 266-73-18 (приемная), e-mail: info@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-18 (первый зам. директора), e-mail: info@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-52 (редакция естественно-научной и технической литературы), e-mail: tech@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-52 (редакция литературы по гуманитарным наукам), e-mail: gum@spc.nsc.ru;
(383) 266-73-52 (художественно-графический отдел), e-mail: Natalya@spc.nsc.ru

Адреса книготорговых предприятий Российской торговой фирмы «Академкнига»

Магазины «Книга — почтой»

121009, Москва, Шубинский пер., 6
197345, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088, Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»)
620151, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)
660049, Красноярск, ул. Сурикова, 45
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192, Москва, Мичуринский проспект, 12
103642, Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091, Новосибирск, Красный проспект, 51 («Книга — почтой»)
630090, Новосибирск, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
142292, Пущино Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»)
443022, Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»)
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104, Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164, Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050, Томск, наб. реки Ушайки, 18 («Книга — почтой»)
450059, Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025, Уфа, ул. Коммунистическая, 49